Russ. 269[a]

Russ. 269 a

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАНІЕ

РЕДАКЦІИ „ВОСТОЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ“.

Собраніе научныхъ и литературныхъ статей
о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ.

РЕДАКТОРЪ Н. М. ЯДРИНЦЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1885.

A 169/123
93 A

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

От редакціи . VII

I. Въ тайгѣ. (Очерки пріисковой жизни въ Сибири).
I. Благодатный пріискъ и его хозяинъ.—II. Непредвидѣнное обстоятельство.—III. Нити и узлы.—IV. Дѣло на ладъ пошло.—V. Таёжное слѣдствіе.—VI. Таёжныя похороны.—VII. Бѣглецы и медвѣдь.—VIII. На плоту. **Завиткова** 1

II. Очерки порядковъ поземельной общины въ Тобольской губерніи. (По свѣдѣніямъ, собраннымъ западно-сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго русскаго географическаго Общества). **С. Я. Капустина** 59

III. Первобытный буддизмъ. (По сочиненію Германа Ольденберга „Будда, его жизнь, ученіе и община". Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1884). **В. Л.** 114

IV. Начало осѣдлости. (Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ).
I. Лѣса и зарожденіе въ нихъ осѣдлости.—II. Первобытное земледѣліе и распространеніе его на сѣверѣ Азіи. **Н. Ядринцева** 139

V. На чужой сторонѣ. (Нѣсколько главъ изъ жизни ссыльныхъ).
I. Профессіи ссыльныхъ.—II. Кампанія ссыльныхъ противъ крестьянъ.—III. Побѣгъ и бродяжеская поэзія.—IV. Эпилогъ бродяжества. **Семилужинскаго** . 178

VI. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина. (Изъ бумагъ протоіерея Знаменскаго). **М. С. Знаменскаго** 207

VII. Сороковые года въ Иркутскѣ. (Изъ воспоминаній). **В. И. Вагина** . 249

Стр.

VIII Олёкминская Калифорнія. (Изъ путешествія на Олёкминскіе пріиски).

I. Отъѣздъ изъ Иркутска.—Лена.—Верхоленскъ.—Лѣсные пожары (палы).—Киренскъ.—Компанейскій пароходъ «Работникъ».—Ленскія щеки.—Витимъ.—Побережныя села.—Парижъ и Лондонъ.—Исправникъ и почтовый ямщикъ-гребецъ. — Мачинскія резиденціи. — Встрѣча. — Предстоящій путь. — Выѣздъ въ тайгу.—На вершинѣ Яблоноваго хребта. — Лошадь-утошникъ.—Способъ охоты на пей.—Зимовье.—Зимовщикъ-тунгусъ.—Тайга. — Бѣглые поселенцы-рабочіе. — Причины побѣговъ. — Рѣдкіе случаи грабежа.—Пріисковая почта.—Мой чичероне-конюхъ.—Заброшенные промысла. — Горный исправникъ на волокушѣ.—У цѣли путешествія.—Уполномоченный по дѣламъ компаніи братьевъ Т—хъ.—Пріискъ Вознесенскій.—Краткая исторія его.—Фирма Т-хъ и популярность ея въ тайгѣ.

II. Картина пріиска. — Съёмка золота.—Вольная каторга.—Пріисковыя помѣщенія: дома служащихъ, казармы рабочихъ.—Незатѣйливая пища. —Случай голоданія.—Владѣльцы и рабочіе.—Мысли, навѣянныя тяжелымъ положеніемъ рабочаго люда. — 10-ое сентября, день разсчета. — Что причиной наплыва рабочихъ на промысла. — Безотрадность, унылость пріисковой жизни.—Лѣто, осень и зима въ тайгѣ.—Карты, пьянство, оргіи. — Торговля спиртомъ.—Случаи сбыванія запрещеннаго товара. — Дѣло съ рубашками.—Просто открываемый ларчикъ.—Отсутствіе всякихъ экономическихъ началъ среди рабочихъ.—Сцены въ золотопріемной конторѣ.—Во время промывки на пріискѣ. — Явленія отрицательныя и положительныя. — Артели рабочихъ. — Цѣль оправдываетъ средства.—Выходъ съ промысловъ.—Витимъ, съ его притонами грязи, разврата и преступленія.—Дикій разгулъ.—Обнищалая жертва.—Лена весной.—Молчаливые трупы.—Непроглядная ночь сибирскихъ захолустій. — Нѣсколько заключительныхъ словъ. **Н. Г—ва** 281

IX. Хозяйственный бытъ сибирскаго крестьянина. **С. Я. Капустина** 304

X. Театральныя представленія и религіозныя празднества въ Китаѣ. (Изъ путешествія въ Монголію и Китай). **А. В. Потаниной** 323

XI. Міросозерцаніе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ. (Этнографическіе матеріалы).

Стр.

Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ: 1) Абаканъ; 2) Шанчилыкъ; 3) Кізей; 4) Туралыгъ; 5) Садагай-гая; 6) Кыланъ; 7) Мазаракъ; 8) Кызылгая; 9) Улуг таг; 10) Курт'як таш; 11) Катун; 12) Ак-гая; 13) Патно-гаязы; 14) Манакъ; 15) Ог-аттыг таш; 16) Казырган и Кедере-даг; 17) Унзас-каябажы. **В. Вербицкаго** 337

XII. Начало печати въ Сибири.

I. Печать въ Тобольскомъ намѣстничествѣ въ концѣ XVIII столѣтія. — II. Губернскія вѣдомости. — III. Зарожденіе частныхъ литературныхъ органовъ.— IV. Послѣднее десятилѣтіе частной печати. —**ъ** . . 352

XIII. Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири. **Сибиряка**. 407

XIV. Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей. (Историко-географическій очеркъ по древнѣйшей исторіи Сибири).

I. Мнѣнія старыхъ и новыхъ ученыхъ о географическомъ положеніи Югорской земли. — Показанія источниковъ по этому вопросу.—Югра, или остяки,— населеніе Югорской земли: предѣлы его разселенія, количество его и общественно-политическій бытъ его въ древнее время.—Самоѣды: область ихъ, извѣстная новгородцамъ въ древнее время; предположеніе о характерѣ общественнаго быта древнихъ самоѣдовъ; извѣстія объ исторической жизни самоѣдовъ.

II. Военныя попытки новгородцевъ проникнуть въ Югорскую землю и завоевать ее (1032—1193).— Югорская земля—волость Великаго Новгорода. — Дальнѣйшіе походы новгородцевъ въ Югорскую землю (1323—1446).—Югра платитъ дань новгородцамъ.— Стремленіе новгородцевъ водворить свою гражданственность въ Югорской землѣ. — Значеніе Югорской земли, какъ волости Великаго Новгорода; непрочность власти новгородцевъ въ Югорской землѣ и причины этого явленія. **А. Оксенова** 425

XV. Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ. (Съ библіографическимъ указателемъ напечатанныхъ сибирскихъ лѣтописей и нѣкоторыхъ иныхъ историческихъ источниковъ). **А. Оксенова**. 446

XVI. Древніе памятники и письмена въ Сибири. **Н. Ядринцева** . 456

XVII. Библіографія: Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1032—1882). Составилъ **И. В. Щегловъ**. Изданіе восточно-сибирскаго Отдѣла

Стр.

Императорскаго русскаго географическаго Общества, подъ редакціей члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ. 1883.—Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ **Л. Майковъ**. Спб. 1884.—Записки западно-сибирскаго и извѣстія восточно-сибирскаго Отдѣловъ Императорскаго русскаго географическаго Общества. 477

Приложенія: I. Рисунки земледѣльческихъ орудій тюрко-алтайскихъ племенъ. Приложеніе къ статьѣ „Начало осѣдлости", **Н. Ядринцева.**

II. Снимки древнихъ надписей на скалахъ Сибири. Приложеніе къ статьѣ „Древніе памятники и письмена въ Сибири", **Н. Ядринцева.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Изданіе отдѣльныхъ областныхъ сборниковъ, посвященныхъ тому или другому раіону, становится потребностью русской жизни, по мѣрѣ бо̀льшаго изученія Россіи и въ силу поднятія умственной жизни въ областяхъ. Извѣстно многимъ, что съ нѣкотораго времени въ провинціи накопляется также научно-литературный матеріалъ, и сама область уже живетъ иною жизнью, чѣмъ лѣтъ 30 тому назадъ. Изданія областныхъ сборниковъ приносили свою пользу и не разъ отмѣчены въ русской этнографіи; таковы были: Пермскій литературный сборникъ, Казанскій сборникъ, изданія ученыхъ и писателей въ Юго-Западной Россіи, посвященныя наукѣ и литературѣ, и т. д. Даже въ столицѣ издавались отдѣльныя сочиненія и періодическія изданія, спеціально посвященныя областямъ. Не смотря на это, много научныхъ и литературныхъ работъ изъ провинціи, всетаки, оставалось въ архивахъ и не появлялось на свѣтъ.

Когда-то издававшійся «Сибирскій Вѣстникъ» Спасскаго, посвященный этнографіи и археологіи Сибири, до сихъ поръ имѣетъ цѣнное научное значеніе. Появленіе періодической печати на Востокѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, тотъ интересъ, который привлекаетъ день отъ дня жизнь русскаго населенія на Азіатскомъ Востокѣ и въ Сибири, одной изъ обширнѣйшихъ областей Россіи, дѣлаетъ необходимымъ и неизбѣжнымъ изданіе указанныхъ областныхъ сборниковъ. Многія спеціальныя областныя статьи часто не могутъ войдти

въ отдѣлы столичной печати. Съ другой стороны, періодическая печать въ областяхъ и провинціи живетъ наканунѣ появленія мѣстной журналистики. Такимъ образомъ изданіемъ своего матеріала мы имѣемъ въ виду удовлетворить насущной потребности мѣстной жизни, хотя, конечно, можемъ дать мѣсто далеко не всѣмъ претендующимъ писать и печатать свои произведенія о нашемъ краѣ.

Появленіе областной журналистики ставитъ непремѣннымъ условіемъ опредѣленныя требованія, и прежде всего строгую критику мѣстныхъ произведеній. Только при извѣстномъ достоинствѣ трудовъ областныя силы будутъ признаны, и областная литература займетъ видное мѣсто. Руководствуясь этимъ, мы избрали только такой матеріалъ, который наиболѣе подходилъ къ литературнымъ требованіямъ, имѣлъ научную цѣнность, представлялъ добросовѣстное отношеніе къ предмету и могъ разсчитывать на болѣе продолжительное существованіе. Во всякомъ случаѣ, мы старались дать то, что намъ казалось болѣе цѣннымъ, полезнымъ для изученія края и знакомства съ нимъ.

Пусть наши намѣренія и выборъ оцѣнятъ тѣ, кто лучше знакомъ съ литературными силами края, его жизнью и условіями существованія печати. Наше же искреннее желаніе — въ этой попыткѣ журнальнаго сборника познакомить русскую публику съ краемъ, мало извѣстнымъ, а нашимъ землякамъ дать наиболѣе избранный и серьёзный матеріалъ для чтенія, который научилъ бы ихъ интересоваться родиной. Преданность наша краю, желаніе ему преуспѣянія, вѣра въ его лучшее будущее, какъ всегда, воодушевляла насъ и въ настоящей работѣ.

Редакторъ **Н. Ядринцевъ.**

15 іюня, 1885 года.
С.-Петербургъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ВЪ ТАЙГѢ.

ОЧЕРКИ ПРІИСКОВОЙ ЖИЗНИ ВЪ СИБИРИ.

I.

Благодатный пріискъ и его хозяинъ.

Если вы, читатель, попадете лѣтомъ въ тайгу и будете подъѣзжать—разумѣется, верхомъ на лошади, потому что въ тайгѣ иначе не ѣздятъ лѣтомъ—къ стану Благодатнаго пріиска въ ясную погоду, то непремѣнно остановитесь на послѣдней горѣ и полюбуйтесь на окрестности: въ ясную погоду и въ тайгѣ хорошо. Вы увидите подъ горой широкую долину, средина которой издали кажется зеленѣющимъ бархатнымъ лугомъ. По лугу, извиваясь голубою лентою, течетъ, журча, по каменистому дну, быстрая рѣчка и теряется вдали за высокими кедрами, елями и пихтами. Эти зеленые великаны окаймляютъ долину съ обѣихъ сторонъ, лѣпятся у подошвы тѣснящихъ ее горъ и по крутымъ скатамъ ихъ уходятъ вверхъ до самыхъ горныхъ вершинъ. Только средина противоположной горы оголена: владѣльцу Благодатнаго пріиска понадобились когда-то дрова, и вотъ онъ поджегъ лѣсъ. Огонь съ шумомъ и трескомъ, перелетая съ дерева на дерево, охватилъ весь склонъ горы пылающимъ моремъ, и далеко разошлось бы по тайгѣ это огненное море, если бы не помѣшалъ дождь. Давно это, впрочемъ, было—лѣтъ сорокъ назадъ. Теперь обгорѣлые древесные стволы подгнили, и буря свалила ихъ въ такомъ видѣ, какъ будто бы кто-то исполинскою рукою разсыпалъ ихъ въ безпорядкѣ по горѣ тысячами, да такъ и оставилъ ихъ гнить... Впереди за оголенной горой высится горный хребетъ, покрытый темно-зеленою

массою лѣса; за нимъ, сливаясь въ общую сизую массу, поднимаются одинъ надъ другимъ, такіе же хребты, пересѣченные въ разныхъ направленіяхъ развалинами и пропастями, и, постепенно стушевываясь въ очертаніяхъ своихъ, уходятъ въ синюю даль на край горизонта. А тамъ, на краю горизонта, бѣлѣютъ, какъ тучи на голубомъ небѣ, снѣжныя вершины высочайшихъ горъ... На всемъ пространствѣ, какое можно окинуть глазомъ, раскинулись горы и горы, точно громадныя окаменѣлыя волны страшно бушевавшаго когда-то моря. Величественна картина дикихъ горъ съ ихъ черными пропастями, мрачными пещерами и таинственнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ!

Если, читатель, вы будете проѣзжать въ полдень, то не полѣнитесь, взойдите повыше, на вершину той безконечной горы, у подошвы которой вы будете пересѣкать горный хребетъ по развалу его. Взойдите, хотя и тяжело подниматься, хотя и не скоро доберетесь до вершины этой горы,—за то вечеромъ, когда вы будете стоять тамъ, новые виды, новыя впечатлѣнія вознаградятъ васъ за всѣ трудности утомительнаго пути. Представьте: вы стоите на обнаженной вершинѣ, на скалѣ... Пурпурное солнце, охвативъ багровымъ заревомъ весь край горизонта, уходитъ за дальнія горы, позолотивъ бѣлыя ихъ шапки и вершины вѣковыхъ деревъ, покрывающихъ ближайшіе хребты. Въ воздухѣ становится прохладно; горныя долины начинаютъ темнѣть; сизый туманъ, расходясь волнами по долинамъ, окуталъ кругомъ подошву и той горы, на которой вы стоите. Вы стоите гдѣ-то высоко, высоко, между небомъ и землею, вдали отъ всѣхъ житейскихъ треволненій. Стоите и восхищаетесь красотою природы, благоговѣйно склоняясь духомъ предъ тою незримою силою, которая создала эту красоту, эти несокрушимыя твердыни—дикія горы... Мысль уносится въ далекое, загадочное прошлое, за милліоны лѣтъ назадъ, къ началу творенія, воображеніе рисуетъ картину страшнаго переворота: когда раскаленный шаръ земной начиналъ медленно остывать, когда тонкая скорлупа его мѣстами опускалась, мѣстами поднималась, трескалась на тысячи верстъ, переворачивалась и распадалась, когда огненная лава выливалась изъ этихъ трещинъ и остывала на поверхности, когда кончился переворотъ, но солнце жгло безпощадно однѣ только голыя скалы, когда воздухъ, вода и время стали сглаживать понемногу эти скалы, когда появилась въ водѣ и въ долинахъ органическая жизнь и, мало-по-малу развиваясь и расширяясь, покрыла голыя скалы и достигла, наконецъ, тѣхъ громад-

ныхъ размѣровъ, которыми вы — послѣднее звено органическаго развитія—любуетесь и восхищаетесь теперь.

Но... спуститесь, читатель, изъ-за облачныхъ высей пониже, поближе къ прозаической дѣйствительности,—къ дѣйствительности, подчасъ очень и очень непривлекательной, и вы увидите подъ горой, въ долинѣ, крыши амбаровъ, дворовъ, казармъ и хозяйскаго дома; послѣдній узнаете даже по крышѣ: она новая, большая. Это и есть станъ Благодатнаго пріиска. Когда вы спуститесь съ горы по узкой, размытой весенними водами тропинкѣ и будете подъѣзжать къ стану, то у амбаровъ будьте осторожнѣе: тамъ тропа размѣсилась и превратилась въ настоящее болото, а въ этомъ болотѣ и пни, и корни такъ перемѣшались, что—того и гляди — сломаешь коню ногу или, по крайней мѣрѣ, свалишься вмѣстѣ съ нимъ въ грязь.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, на мѣстѣ нынѣшняго стана была небольшая, чистая поляна, покрытая тонкимъ слоемъ мягкаго мха и мелкой травки и окруженная громадными елями и пихтами. Самъ Парамонъ Ивановичъ Болотовъ, первый владѣлецъ Благодатнаго пріиска, явясь сюда съ поисковой своей партіей, разбилъ первоначально парусинную палатку на этой же полянѣ, и рабочіе его на ней же устроили для себя шалаши изъ древесныхъ вѣтвей.

Осмотрѣвъ мѣстность, Болотовъ нашелъ почти всю долину сплошнымъ топкимъ болотомъ, которое съ боковъ было усѣяно кочками, а посрединѣ покрыто мхомъ и тощею травкой. Однако же, въ руслѣ рѣчки, протекающей по долинѣ, онъ встрѣтилъ такіе камни, которые призналъ сопроводниками золота, а потому и распорядился выбить неподалеку отъ рѣчки шурфъ *). Долго мучилась надъ этимъ шурфомъ вся рабочая команда, откачивая помпами воду и день, и ночь, но, всетаки, шурфъ былъ добитъ, пески промыты, и Болотовъ получилъ пятнадцать золотниковъ золота. Сообразивъ, что пріискъ долженъ быть богатый, онъ тогда же придумалъ ему названіе „Благодатный“.

Заявивъ гдѣ слѣдуетъ объ открытіи золотосодержащей площади, Болотовъ сталъ ждать отводчика площадей, и на другое лѣто дождался нѣкоего горнаго шихтмейстера Дерунова, который оказался славнымъ малымъ, настоящимъ пріисковымъ человѣкомъ. Каждый день Болотовъ и Деруновъ выпивали: утромъ, передъ работой —

*) Шурфъ—родъ колодца, трехъ аршинъ въ квадратѣ.

очищеннаго, которымъ закладывался, какъ говорили они, фундаментъ, передъ обѣдомъ—коньячку для пищеваренія, передъ чаемъ и за чаемъ—ромцу лекарственнаго, а вечеромъ, послѣ работъ, и очищенное, и коньякъ, и ромъ пили, все вмѣстѣ.

Разъ, заложивъ хорошій фундаментъ, Деруновъ отправился проводить прямыя линіи въ такомъ состояніи, когда онъ способенъ былъ выдѣлывать только линіи гнутыя и ломанныя, и, какъ человѣкъ, которому море кажется по колѣно, залѣзъ въ болото по уши и едва не утонулъ въ жидкой грязи. Когда рабочіе вытащили Дерунова изъ болота и утвердили на кочкѣ—жалкимъ выглядѣлъ онъ съ поникшей головой и опущенными руками, весь покрытый липкой грязью съ красной ржавчиной. Рабочіе посмотрѣли на него, переглянулись между собой — одинъ фыркнулъ и всѣ расхохотались.

— Что вы смѣетесь, подлецы!—крикнулъ Деруновъ:—я васъ всѣхъ"... покачнулся и опять упалъ въ грязь...

— И вправду, ребята, чего смѣяться,—разсудили рабочіе:—потащимте лучше его въ рѣчку обмывать.

— Взяли Дерунова подъ руки, завели въ рѣчку, выполоскали въ ней и привели въ палатку Болотова сушить. Послѣ купанья Деруновъ немного протрезвился и, будучи по природѣ человѣкомъ незлобивымъ, простилъ рабочимъ неумѣстный смѣхъ и даже попросилъ Болотова дать имъ по стакану водки. На радостяхъ, по случаю счастливаго избавленія отъ неминуемой смерти въ болотѣ, Деруновъ и Болотовъ кутили три дня.

— И зачѣмъ ты, Парамонъ Ивановичъ, придумалъ такое неподходящее прозваніе пріиску „Благодатный",—говорилъ Деруновъ, паливая рюмку коньяку.—Давай перекрестимъ его какъ нибудь иначе.

— А какъ, напримѣръ?

— Да назовемъ его „Чортова трясина". Ей Богу! Это будетъ самое подходящее названіе.

Но Парамонъ Ивановичъ былъ человѣкъ упрямый, ни за что не согласился перемѣнить названіе пріиска.

Двадцать лѣтъ послѣ этого случая, стоялъ Благодатный пріискъ въ запустѣніи, точно проклятый. Не повезло открывателю пріиска, онъ закопалъ капиталъ. Замело и занесло выработанный Болотовымъ разрѣзъ пескомъ и галькой, даже станъ сталъ обростать лѣсомъ, а застроенная поляна, на которой такъ весело проводилъ когда-то Болотовъ время съ шихтмейстеромъ Деруновымъ, опять покрылась тра-

вой и мхомъ. Наконецъ, на двадцать первомъ году нашелся охотникъ копать землю и взялъ отъ наслѣдниковъ Болотова Благодатный пріискъ въ арендное содержаніе. Но арендаторъ этотъ недолго работалъ: въ два года онъ закопалъ почти все, что имѣлъ, и отказался отъ аренды пріиска. Прошло еще десять лѣтъ, нашелся другой арендаторъ, нѣкій Трофимъ Кузьминъ; онъ обстановилъ работы и въ первый же годъ на двадцать человѣкъ намылъ пудъ золота. И странное дѣло, какое вліяніе имѣетъ на человѣка золото! Какъ получитъ маленькій арендаторъ пудъ золота, и ума у него прибавится будто бы на пудъ, и говорить начнетъ не такъ, какъ говорилъ раньше, и глядитъ иначе, даже фигуру свою старается передѣлать: все выпячиваетъ впередъ брюшко, чтобъ показаться крупнымъ золотопромышленникомъ. Трофимъ Кузьминъ цѣлый годъ шапки не хотѣлъ ломать ни передъ кѣмъ.—„Нешто, если такъ пойдетъ золото,—воображалъ онъ,—то на будущій годъ поставлю пятьдесятъ человѣкъ рабочихъ — и мы будемъ золотопромышленники... Станъ высыплю галькой, а то ужъ ребятишки больно въ грязи мараются.“ На будущій годъ Кузьминъ дѣйствительно поставилъ пятьдесятъ человѣкъ, но стана высыпать галькой ему не удалось, потому что все, что было получено въ прошломъ году, онъ закопалъ и прибавилъ еще своихъ денегъ.—„Нѣтъ, на этомъ пріискѣ надо работать съ умомъ да не пьяному,“—заключилъ Кузьминъ и не сталъ больше работать. Прошло еще шесть лѣтъ—никто не хотѣлъ работать на Благодатномъ пріискѣ. Наконецъ, взялъ его въ арендное содержаніе Протасъ Протасовичъ Шниперъ, человѣкъ трезвый и неглупый.

Какъ дѣлаются сибирскими пріискателями и откуда они вылѣзаютъ—трудно сказать. Нѣтъ опредѣленнаго цвѣтника въ Сибири, гдѣ произростаютъ эти цвѣты мѣстнаго финансоваго міра. Они являются случайно, часто изъ сферъ и изъ кучъ, съ которыхъ не подозрѣваемъ. Жалкій приказчикъ, развѣдчикъ, матеріальный на пріискахъ, даже мальчикъ, подававшій чай, дѣлается золотопромышленникомъ. Когда-то знаменитый Мошаровъ вышелъ изъ мальчиковъ, ходившихъ при обозахъ, и впослѣдствіи сталъ служащимъ на пріискахъ, сдѣлался развѣдчикомъ, а потомъ первымъ капиталистомъ. Нѣкоторые счастливцы-золотопромышленники, на верху блаженства и счастія, заставляли обливать себя шампанскимъ, приговаривая: „лей, лей, былъ ты Васька, а теперь Василій Иванычъ!“ Счастливыми золотопромышленниками являлись прасолы, конторщики и даже писцы губернскихъ канцелярій, а ужъ чего далѣе

канцелярія отъ тайги и сибирскихъ лѣсовъ. На поприще золотопромышленности выступали и милліонеры, и нищіе, аристократы, отставные кавалеристы, пріѣзжавшіе въ Сибирь, искать счастья, техники и прямо безграмотные люди низкаго происхожденія. Бѣлая перчатка съ грязной лапой одинаково тянулась къ завидному металлу.

Новый владѣлецъ Благодатнаго также не былъ человѣкомъ высокаго происхожденія. Въ то утро, въ которое мы застаемъ владѣльца пріиска, онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и предавался какимъ-то думамъ. Богъ знаетъ, что онъ думалъ. Можетъ быть, онъ вспоминалъ свое далекое прошлое. Вспомнилъ, какъ ребенкомъ стоялъ съ отцомъ въ шинкѣ за стойкой и вытягивалъ чрезъ высокій прилавокъ шею, всматриваясь въ покупателей; вспомнилъ, какъ бѣгалъ съ матерью на рынокъ въ какомъ-то грязномъ городишкѣ южной Россіи торговать разнымъ тряпьемъ; вспомнилъ, какъ потомъ взяли его, посадили въ телегу и увезли въ какой-то большой, мрачный домъ; тамъ окунули три раза въ кадку съ водой и назвали Протасомъ въ честь фельдфебеля, бывшаго въ тотъ день именинникомъ и крестнымъ отцомъ его. Онъ росъ кантонистомъ; его плохо учили и кормили, но хорошо пороли. Онъ выросъ и поступилъ въ рядовые, обокралъ какую-то мѣщанку и попался. Его перечислили въ разрядъ штрафованныхъ и, „не вмѣняя въ вину содѣяннаго“, переименовали вмѣстѣ съ другими штрафованными въ казаки и послали въ Сибирь. Здѣсь онъ въ походѣ женился, сдѣлался казачьимъ закройщикомъ; отслуживъ, вышелъ въ отставку и поселился въ губернскомъ городѣ, занялся портняжествомъ, игрою въ карты и еще кое-какими промыслами, поправился и пустился въ золотопромышленность.

Пустившись въ золотопромышленность, Шниперъ сначала арендовалъ старый выработанный пріискъ и поставилъ небольшую рабочую команду, но золото у него было хорошее, потому что его несли рабочіе со всѣхъ сосѣднихъ пріисковъ промѣнивать на спиртъ. Впрочемъ Шниперъ бралъ золото и на деньги, и сразу привлекъ къ себѣ рабочихъ, назначивъ имъ вмѣсто двухъ рублей, какъ покупали другіе золотопромышленники, по три рубля за золотникъ. Этимъ повышеніемъ цѣны и спаиваніемъ чужихъ рабочихъ онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ сосѣдей, которымъ трудно было состязаться съ нимъ на поприщѣ закупа золота, тѣмъ болѣе, что въ сущности ловкій и изворотливый Шниперъ не давалъ за золотникъ и двухъ рублей, потому что четверть фунта у него никогда не вѣсила больше семнадцати золотниковъ.

II.

Непредвидѣнное обстоятельство.

Тринадцатаго мая 187... года, даже по святцамъ отца Ивана, пріисковаго священника, не было никакого праздника, а тѣмъ болѣе не могло быть по контракту Шниперъ; въ контрактѣ его было ясно сказано: „рабочіе празднуютъ: въ январѣ 6 число, въ февралѣ — два дня масляницы, въ мартѣ 25 число, за симъ три дня Пасхи, день Троицы“—и только. Между тѣмъ, на Благодатномъ пріискѣ тринадцатаго мая ни одной души не было видно на работѣ. Хотя рабочихъ, по обыкновенію, будили въ три часа, черезъ полчаса возчики шли запрягать лошадей, а еще черезъ четверть часа забойщики брали кайлы и лопаты и шли въ разрѣзъ копать землю, но въ этотъ день никто изъ нихъ не пошелъ на работу. Даже конюху Роману Перфильеву, который вздумалъ было дать лошадямъ сѣна, „чтобы не скучали безъ дѣла“, Ѳома Недорѣзъ закричалъ: „что ты дѣлаешь!“ и прибавилъ при этомъ такое нехорошее слово, услышавъ которое, Перфильевъ сплюнулъ да такъ и не далъ сѣна. Только одинъ хлѣбопекъ Василій Богомазъ работалъ, сажалъ хлѣбы въ печь, — въ такую громадную печь, въ которую онъ, какъ говорилъ шутя товарищамъ, садилъ сначала помощницу свою, мукосѣйку Ѳедору, а ужъ она разсаживала тамъ хлѣбы по порядку... Нарядчикъ Ѳедоръ Крученый разбудилъ рабочихъ своевременно, но его такъ турнули изъ казармы, что онъ больше не рѣшался зайдти туда, а отправился развалистой походкой прямо къ хозяину.

Ѳедоръ Григорьевъ Крученый, онъ же по кличкѣ, данной рабочими, „Качало-Земледавъ“, былъ малый изъ числа тѣхъ горныхъ служащихъ, которые дорого цѣнятся на пріискахъ. Хотя онъ плохо умѣлъ читать и писать, зато обладалъ геркулесовскимъ сложеніемъ, имѣлъ увѣсистый кулакъ и широкое горло, ходилъ замѣчательно скоро, дѣлая полусаженные шаги, и не былъ лишенъ нѣкоторой смѣкалки, т. е. понималъ, гдѣ надо употребить въ обращеніи съ рабочими „волчьи зубы“ и гдѣ „лисій хвостъ“.

Когда постучалъ Крученый въ дверь хозяйскаго дома, ему отворилъ самъ Шниперъ, одѣтый по-утреннему въ сѣрый драповый халатъ съ краснымъ воротникомъ и въ росписныя туфли.

— Ну что, Өедоръ Григорьевичъ, много сегодня больныхъ?

— Нѣту ни одного, то-ись...

— А что? не говорилъ я—у мене не будетъ больныхъ. Я знаю..

— Я пришелъ...

— Я знаю, какъ изъ ними дѣлаться...

— Я пришелъ сказать...

— Всѣхъ ихъ, подлецовъ, обязательно надо лупить,—не будутъ тогда хворать...

— Я пришелъ сказать вамъ...

— Что сказать?—спросилъ, наконецъ, Шниперъ, окончивъ изліяніе правилъ, какъ управлять рабочими.

— Рабочіе не идутъ на работу.

Шниперъ такъ и отскочилъ на два аршина назадъ, какъ будто его кто нибудь ужалилъ; даже туфля одна спала съ ноги.

— Какъ не идутъ? Почему не идутъ? Кто посмѣлъ не идти?—забросалъ онъ вопросами.

— Всѣ не идутъ. Не пойдемъ, говорятъ, да и баста!

— Знать ничего не хочу! Обязательно сейчасъ же гони всѣхъ въ шею!—горячился Шниперъ.

— Не пойдемъ, говорятъ, насъ бьютъ, насъ...

— А что, цѣловаться изъ ними я буду? Что. я нанялъ ихъ въ бирюльки играть? Скажи имъ подлецамъ, я ихъ...

— Насъ, говорятъ...

— Бить ихъ обязательно и слѣдуетъ какъ собакъ! Ахъ, мерзавцы... убиваютъ! А кого я убилъ? Скажи менѣ на милость, кого я убилъ?

— Да, говорятъ, Митька Горемычный умеръ.

Шниперъ остолбенѣлъ, раскрылъ широко глаза и разинулъ ротъ. Видно, хотѣлъ что-то сказать, да не могъ собрать мыслей. Но вскорѣ, овладѣвъ собою, тихо спросилъ:

— Развѣ умеръ?

— Да, сегодня ночью.

— Какъ же это... А впрочемъ... обязательно скажи казаку... пуст выгонитъ... Наконецъ, овладѣвъ собою вполнѣ, продолжалъ:—У мене бунтовъ не можетъ быть. Скажи рабочимъ, что я бунтовъ не люблю. Пусть они хоть всѣ передохнутъ, а на работу обязательно должны идти... по контракту.

— Нечего и говорить, Протасъ Протасовичъ, не пойдутъ; надо урядника.

— Какъ не пойдутъ? Обязательно должны идти. Знать ничего

не хочу! Гони въ шею... А, впрочемъ, пошли казака за урядникомъ; я имъ покажу какъ бунтоваться... Да ты гналъ ихъ?

— Какъ же... пробовалъ, да самого выгнали...

— Ахъ, каторжные! Ахъ, варначье!

Крученый вышелъ. Шниперъ въ одной туфлѣ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, сѣлъ возлѣ стола и, опершись головой на руку, впалъ въ раздумье: — А все фельдшеръ виноватъ, пьяная рожа: возьметъ, негодяй, спирту больнымъ, да самъ и вылопаетъ... Говоритъ: здоровъ, представляется... Вотъ тебѣ и представляется! Неужели бы я сталъ бить больнаго?! Умеръ... что я теперь буду дѣлать?

И дѣйствительно, что дѣлать? Шниперъ положительно не зналъ, за что приняться, растерялся. Этотъ Митька Горемычный такъ часто хворалъ, такъ надоѣлъ; а тутъ еще пьяный фельдшеръ сказалъ, что вретъ, притворяется. Ну, какъ не поколотить лѣнтяя! Вечеромъ поколотилъ, вечеромъ же онъ и умеръ — точно на зло... Рабочіе узнали, не идутъ на работу... Убытки... И что-то еще будетъ впереди: какъ взглянетъ на это дѣло горный исправникъ? Хорошо, если онъ выгородитъ, а если не захочетъ, если явится другой слѣдователь, въ родѣ того, который погубилъ Болотова, тогда... И Шниперу начала рисоваться страшная картина острога, ссылки, каторги...

— Вотъ она золотопромышленность,—воскликнулъ онъ! Поколотилъ рабочаго, а онъ и умеръ! Что теперь дѣлать? Голова Шнипера кружилась, мысли путались: участь Болотова, острогъ, каторга — все перемѣшалось... Глаза его помутились, голова соскользнула съ руки и упала на столъ... Шниперъ заскрежеталъ зубами, и всего его начало конвульсивно подергивать — съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ.

Да, слабая натура была у Протаса Протасьевича—больная, раздражительная: всякій пустякъ раздражалъ его и повергалъ въ припадокъ, который Ѳеофила Герасимовна, благовѣрная его, называла порчей и говорила, что у него въ животѣ сидитъ какой-то „болетокъ", и какъ начнетъ этотъ „болетокъ" подкатываться къ сердцу Протаса Протасьевича, то онъ дѣлается безъ ума. На видъ Шниперъ былъ очень худой, тонкій и долгій („избѣгался молодой", какъ объясняла Ѳеофила Герасимовна) и, хотя не былъ еще старъ, но казался дряхлымъ старикомъ. На головѣ его оставалось растительности немного больше, чѣмъ на колѣнѣ, зато борода была большая, черная, окладистая.

Одинъ сидѣлъ у стола, или, вѣрнѣе сказать, лежалъ на столѣ въ кабинетѣ Протасъ Протасьевичъ. Конвульсіи кончились, припадокъ ослабѣлъ, а вмѣстѣ съ этимъ ослабѣлъ и организмъ его, распустился, сдѣлался точно разваренный; лѣвая рука соскользнула со стола, повисла, потянула плечо, шею, голову, и Шниперъ упалъ на полъ. На стукъ костляваго тѣла его вбѣжала въ кабинетъ Ѳеофила Герасимовна — полураздѣтая, заспанная, съ какимъ-то водянистымъ оттѣнкомъ на лоснящемся лицѣ и, протирая глаза обширнымъ воротникомъ своей сорочки, тупо смотрѣла на полъ.

— Ахъ, ты, Господи, опять... проговорила она и, схвативъ руками неподвижно лежавшаго мужа, кряхтя, подняла его съ пола, уложила на кровать.

Ѳеофила Герасимовна знала, что подобные припадки съ Протасомъ Протасьевичемъ даромъ не бываютъ. Будучи au courant всѣхъ дѣлъ, она рѣшилась немедленно справиться. Не смотря на болѣзнь мужа, она рѣшилась оставить его одного, облачилась въ свой длинный, широкій ситцевый холодай, снизу на четверть запачканный грязью, и отправилась на кухню развѣдать кое-что отъ стряпки Лукерьи.

Не сочтите, пожалуйста, супругу Протаса Протасьевича неряхой за то, что она носитъ запачканный холодай; на стану Благодатнаго пріиска и нельзя иначе ходить такой хорошей хозяйкѣ, какъ Ѳеофила Герасимовна,—грязь ужасная! Къ тому же Ѳеофилѣ Герасимовнѣ и некогда было заниматься туалетомъ: до обѣда возилась она на кухнѣ, помогая стряпать Лукерьѣ, а послѣ обѣда перебирала въ кладовой пучки разныхъ травъ, узелки съ крупками, коробочки съ сластями, или составляла секретно отъ мужа лекарство отъ ломоты, отъ лихорадки, отъ головной и другихъ болей. Да и больныхъ приходило лечиться къ ней много, потому что всѣ ея лекарства были составлены для внутренняго употребленія во вкусѣ больныхъ—на спирту или на винѣ. Вообще Ѳеофила Герасимовна постоянно была занята дѣломъ; только дѣло, какъ бы наперекоръ, плохо клеилось въ ея рукахъ, не выходило такъ хорошо, какъ она говорила, принимаясь за него; начнетъ она, напримѣръ, сало топить—сало перегоритъ, станетъ мясо солить—мясо сгніетъ, возьмется съ усердіемъ лечить дѣйствительно больнаго — больной умретъ (фельдшеру пища для заочныхъ насмѣшекъ: „залечила“, говоритъ). Впрочемъ неудачи не обезкураживали Ѳеофилу Герасимовну; она съ новымъ рвеніемъ принималась за работу.—„Я хоть купчиха,—говорила она:—а не гордая, не бѣлоручка. Я помощница

мужу, и хоть не люблю его, но почитаю; клялась передъ алтаремъ"... При этомъ Өеофила Герасимовна посылала себѣ въ носъ хорошую понюшку табаку и громко сморкалась въ подолъ холодая. По совѣсти надо сказать, Протасъ Протасьевичъ не принуждалъ ее работать и не нуждался въ ея работѣ. Өеофила Герасимовна нужна ему была только въ качествѣ чиновника особыхъ порученій по весьма важнымъ дѣламъ, когда нужно было развѣдать, гдѣ и что говорится и что дѣлается, или когда надо было привести въ исполненіе какіе либо секретные планы.

Какъ сошлась Өеофила Герасимовна съ Протасомъ Протасьевичемъ, объ этомъ она не любила разсказывать. Только разъ подробно передала все своей кумушкѣ, а то обыкновенно говорила, что „выходила замужъ по любви". Но если вы, читатель, жили въ Сибири въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, то навѣрно помните, какъ носилась въ народѣ молва о томъ, что всѣхъ дѣвушекъ сомнительнаго поведенія будутъ свидѣтельствовать въ рекрутскомъ присутствіи, брать въ солдаты и посылать на Амуръ. Много дѣвушекъ вышло тогда замужъ, и шли онѣ за кого попало: богатыя—за бѣдняковъ, молоденькія за стариковъ, за калѣкъ, даже за нищихъ, а нѣкоторыя такъ просто вѣшались въ хлѣвахъ, только бы избавиться отъ службы на Амурѣ. Өеофила Герасимовна, тогда еще молоденькая, недурная собой дѣвушка, тоже побаивалась Амура (не того, разумѣется, котораго создала греческая миөологія, а другаго, что на окраинѣ Восточной Сибири) и готова была выйдти поскорѣе замужъ; только въ селѣ, гдѣ она родилась и выросла, не оставалось болѣе жениховъ—всѣхъ разобрали менѣе разборчивыя и болѣе проворныя дѣвушки. Случилось проходить чрезъ это село казачьему полку, въ которомъ былъ и Протасъ Протасьевичъ Шниперъ. Его поставили на квартиру въ домѣ отца Өеофилы Герасимовны. Была дневка. Вечеромъ Өеофила Герасимовна влюбилась въ Протаса Протасьевича, ночью онъ объяснился съ ней въ любви, утромъ сдѣлалъ предложеніе, а послѣ обѣдни повѣнчались, и на другой день молодая чета отправилась въ походъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже двадцать пять лѣтъ жизни Өеофилы Герасимовны съ болѣзненнымъ и раздражительнымъ мужемъ. „И такъ я вотъ мучаюсь съ нимъ четверть вѣка; несу крестъ"... говорила она, наслушавшись, Богъ вѣсть отъ кого, книжныхъ выраженій. Не смотря на то, что въ жизни съ мужемъ Өеофила Герасимовна „несла крестъ", она выглядѣла не сильно изнуренною тяжестью этого креста, что могутъ подтвердить и вѣсы Бла-

годатнаго прiиска, показывающiе въ тѣлесахъ Θеофилы Герасимовны шесть пудовъ и пять фунтовъ.

Побывавъ на кухнѣ и собравъ изрядный запасъ всевозможныхъ свѣдѣнiй, Θеофила Герасимовна возвратилась къ мужу и нашла его „въ чувствiи" сидящимъ на кровати. Ей очень хотѣлось чѣмъ нибудь и какъ нибудь развлечь задумавшагося мужа, хотя и сама она была сильно взволнована полученными на кухнѣ недобрыми вѣстями.

— И стоитъ-ли, Протасъ Протасовичъ задумываться?—проговорила Θеофила Герасимовна.

Шниперъ сидѣлъ и молчалъ. Очевидно, мысли его были чѣмъ-то заняты; онъ не слушалъ жены.

— Богъ дастъ, все поправится...

— Что?—очнувшись вдругъ, спросилъ Протасъ Протасьевичъ.

— Я говорю, не стоитъ убиваться; Богъ дастъ, поправится.

Шниперъ молчалъ и смотрѣлъ на стѣну, на которой была прибита гравюра „рожденiе Венеры".

— Тебѣ что состряпать къ чаю—пирожки или оладьи?—спросила Θеофила Герасимовна, неожиданно перемѣнивъ разговоръ.

— Что?

— Я спрашиваю, что тебѣ состряпать?

— Не знаю; отвяжись...

Θеофила Герасимовна помолчала немного и опять заговорила.

— Когда ты лежалъ, Протасъ Протасовичъ, Крученый былъ.

— Ну!

— Говоритъ... да ты не бойся. Я была на кухнѣ.

— Ну!

— Лукерья говоритъ, мужъ ея, говоритъ, былъ въ казармѣ.

Θеофила Герасимовна остановилась. Она видимо затруднялась, какъ передать больному мужу недобрыя вѣсти.

— Ну, былъ въ казармѣ?

— Да ты не бойся, Протасъ Протасовичъ... насъ хотятъ... Митьку Горемычнаго положили рабочiе въ гробъ и повѣсили въ амбарѣ; караулъ поставили... Да ты не бойся..

— Тьфу ты! чортъ съ тобой! Затвердила: не бойся, не бойся, да что?!

— Тебя хотятъ повѣсить рядомъ съ гробомъ за шею, а меня за ноги... Ей-Богу! Лукерья говорила... Меня-то за что же! и Θеофила Герасимовна залилась слезами.

— За то, что ты дура!—сердито отвѣтилъ Протасъ Протасьевичъ и добавилъ:—пошла вонъ, къ чорту!

— Хоть бы въ такомъ-то разѣ не ругался,—обиженно проговорила Ѳеофила Герасимовна, выходя изъ кабинета.

Шниперъ опять неподвижно вперилъ глаза въ стѣну и сидѣлъ, не шевелясь. Въ головѣ его зрѣлъ какой-то планъ.

Онъ тихо всталъ, заперъ дверь и началъ совѣтъ съ женой; затѣмъ позвали Крученаго и также заперлись. Въ чемъ состоялъ военный совѣтъ золотопріискателя—увидимъ далѣе.

III.

Нити и узлы.

Казарма—большое, неуклюжее, четырехугольное зданіе, построенное еще Парамономъ Ивановичемъ Болотовымъ изъ круглаго, неотесаннаго лѣса, стояла саженяхъ въ тридцати отъ хозяйскаго дома. Войдя въ казарму, Крученый произнесъ: „эка вонища!“ и остановился у двери. Хотя было 11 часовъ дня, но въ казармѣ царилъ полумракъ. Крученый сталъ вглядываться: одни рабочіе лежали на нарахъ и сладко всхрапывали, другіе сидѣли возлѣ желѣзной печи посреди казармы и грѣли воду въ котелкахъ для чая; а въ дальнемъ углу на нарахъ и возлѣ наръ сидѣло и стояло въ кучѣ нѣсколько человѣкъ, которые вели о чемъ-то оживленный разговоръ. Рабочіе не замѣтили прихода Крученаго.

— Ребята,—закричалъ онъ:—идите, васъ Протасъ Протасовичъ зоветъ.

— Самъ не великъ баринъ, можетъ и къ намъ пройдтись,—отвѣтилъ кто-то изъ угла.

Крученый постоялъ немного, подумалъ и сказалъ:

— Порція будетъ сегодня. Идите!

— Пусть самъ лопаетъ, жидовская харя!

— Какого чорта сердиться-то, ребята,—сталъ уговаривать Крученый.—Отчего не идти, когда зовутъ.

— Убирайся ты самъ къ чорту, пока бока цѣлы!—закричали рабочіе.

Крученый поспѣшилъ выйдти, не дожидаясь исполненія угрозы.

Рабочіе галдѣли, особенно среди нихъ отличался отчаянный рабочій, звавшійся Недорѣзъ *).

Причины пріисковыхъ недоразумѣній вообще кроются въ неправильномъ взглядѣ золотопромышленниковъ на рабочихъ и, наоборотъ, въ неестественныхъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ непониманіи тѣми и другими обязанностей своихъ. Вотъ вамъ, напримѣръ, идеальный рабочій золотопромышленника: онъ долженъ быть силенъ и здоровъ, какъ медвѣдь, и, подобно медвѣдю, обязанъ ворочать землю. По характеру онъ—голубь, по вѣрности и привязанности—собака. Ѣсть можетъ то, что ѣстъ собака (разумѣется, простая дворняшка), жить и спать достаточно, какъ медвѣдю въ берлогѣ. При всѣхъ этихъ животныхъ достоинствахъ рабочій долженъ обладать и человѣческими: честностью, трезвостію и терпѣніемъ,—такимъ терпѣніемъ, что, если бы вздумалось хозяину хватить его по боку дубиной, то онъ обязанъ смолчать. Въ свою очередь, и рабочіе немалаго требуютъ отъ хозяина или замѣняющаго его мѣсто на пріискѣ—управляющаго. Какъ бы ни были грубы и нравственно испорчены рабочіе, но въ нихъ сохранилось еще понятіе о честномъ, правдивомъ человѣкѣ, и то, чего въ нихъ самихъ, приниженныхъ, не достаетъ, они желаютъ видѣть въ другихъ, выше ихъ стоящихъ, даже требуютъ этого отъ нихъ. Ихъ идеальный хозяинъ или управляющій долженъ быть абсолютно честный, правдивый, нравственный, умный человѣкъ: „далъ слово—сдержи, пообѣщалъ что—исполни, чего не можешь дать—не сули, не обманывай; съ виноватаго взыщи почеловѣчески, по мѣрѣ вины—сердиться не будутъ; но безвиннаго не тронь!“ Ни одного изъ этихъ достоинствъ рабочіе не видѣли въ Шниперѣ и не любили его, даже больше чѣмъ не любили—ненавидѣли и говорили:—„какой это чортъ хозяинъ! хуже нашего брата, хуже послѣдняго жигана!“ Однако же терпѣли этого „жигана“ и работали на него. Терпѣли потому, что въ составѣ разношерстной пріисковой рабочей артели преобладалъ русскій элементъ, жилъ многотерпѣливый русскій духъ; работали потому, что „некуда дѣваться, ничего не подѣлаешь, надо работать“. И терпѣли бы, и работали бы такъ до конца года, если бы не лопнуло терпѣніе по случаю убійства больнаго Горемычнаго. Впрочемъ это еще не важная причина, а иногда лопается терпѣніе рабочаго просто изъ-за пустяковъ: терпятъ

*) На пріискахъ, гдѣ сборный народъ, рабочіе носятъ клички самыя разнообразныя.

тяжелую работу, терпятъ скудную пищу, терпятъ грязныя помѣщенія, терпятъ грубость въ обращеніи, терпятъ несправедливость и обиду, терпятъ, терпятъ, да вдругъ и взбунтуются изъ-за того, что имъ отказали въ стаканѣ вина.

А тутъ былъ предлогъ поважнѣе. Когда Крученый передалъ Шниперу, что рабочіе не поддаются на водку, а ругаются и продолжаютъ угрожать, Шниперъ уже сдержанно замѣтилъ.

— Мошенники! Ну, погодите!...

Кухня Ѳеофилы Герасимовны на первый взглядъ ничѣмъ особеннымъ не отличалась: въ ней были тѣ же горшки, ухваты, кастрюли, кадочки и прочая посуда, какъ и во всякой другой кухнѣ; но стоило только взглянуть на кухарку Лукерью, какъ вся кухня принимала другой оборотъ, все въ ней будто бы стушевывалось, сливалось въ одинъ тонъ, изъ котораго выступала одна только Лукерья. Да, Лукерья представляла изъ себя замѣчательное произведеніе природы: короткій станъ ея походилъ на чурбанъ; обширный воротъ ситцевой сорочки совершенно открывалъ плоскую, смуглую грудь, раскаленную огнемъ кухонной печи; изъ засученныхъ рукавовъ вытягивались тонкія руки; дабовая, высоко подобранная юбка плотно обхватывала большой животъ и открывала тонкія ноги, обутыя въ старыя ботинки Ѳеофилы Герасимовны; большая голова, покрытая копною бѣлокурыхъ волосъ, разросшихся чуть не до бровей, походила на кочку; все лице ея было покрыто веснушками и, въ довершеніе красоты, испещрено оспой. Но что всего замѣчательнѣе было въ Лукерьѣ, такъ это сердце. Сердце ея любвеобильное походило на постоялый дворъ: кто только хотѣлъ, тотъ и заѣзжалъ въ него свободно.... Ѳеофила Герасимовна любила Лукерью, это была ея „правая рука“.

Послѣ обѣда Ѳеофила Герасимовна пришла въ кухню и принесла большой, новый бумажный платокъ, въ которомъ оказалась завернутою бутылка вина. Лукерья въ недоумѣніи смотрѣла на хозяйку, вѣроятно, задаваясь вопросомъ: для чего она принесла платокъ? Вино Лукерью не удивляло.

— Ну, што, Лукерьюшка, чего слыхать хорошаго?

— Ничего, матушка Ѳифила Гарасимовна, не слыхать хорошаго,—отвѣтила Лукерья, склонивъ голову на правую руку, поддерживаемую лѣвой.—Ребята шибко грозятся. Васъ-то ужъ мнѣ больно жалко. Ребята говорятъ.... вотъ Ѳома былъ у меня.... и ее, говорятъ, затянемъ въ казарму, да тамъ.... и сказать ужъ не могу.... Ахъ ты, Господи! Вотъ напасть-то!

— Вотъ што, матушка Лукерьюшка, меня вѣдь Протасъ Протасовичъ къ тебѣ прислалъ, велѣлъ отдать тебѣ эту шаль и бутылку. Помоги ты нашему горю, голубушка.

— Да чего же я сдѣлаю, матушка Ѳифила Гарасимовна. Вѣдь наше дѣло бабье.

— А ты вотъ што, Лукерьюшка, сдѣлай: напередъ всего угости виномъ мужа, да поговори ему ласками.... знаешь, мужа почитать надо. Я и не люблю мужа, да почитаю. Поговори....

— Што вы, Ѳифила Гарасимовна, сравняли: вашъ мужъ, али мой мужъ! Одно человѣкъ, а другое растелей. Какое ему вино: не въ коня овесъ травить!

— Нѣтъ, ты слушай, Лукерьюшка, угости мужа и поговори ему...

— Ну, ладно.

— Поговори, пусть онъ потолкуетъ съ ребятами, штобъ они не бунтовались.

— Што вы, матушка, Ѳифила Гарасимовна! Да они и его, и меня убьютъ!

— Не убьютъ, я тебѣ говорю. Пусть такъ потолкуетъ: што-де намъ, ребята, бунтоваться; никакого толку изъ этого не будетъ: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тяжись.

— Знамо дѣло, не тяжись.

— Начальство-де пріѣдетъ, насъ же завинятъ.

— Знамо дѣло, завинятъ.

— Постой, что же еще онъ говорилъ... Ты меня, Лукерьюшка, не перебивай. Да... все равно, Митрій Горемычный хворый былъ, можетъ и самъ умеръ, можетъ ему умереть надо было, а тутъ грѣхъ случился — ударилъ Протасъ Протасовичъ разъ-другой, а ему какъ разъ въ это время умереть надо было...

— Знамо дѣло, грѣхъ.

— Постой, не перебивай меня... Чего же еще онъ говорилъ... Да... што съ хозяиномъ жить въ ладу лучше всего: и жалованьемъ не обидитъ, и въ выпискѣ — чего хочешь бери — не откажетъ, и пьянъ будешь, и носъ въ табакѣ.

Лукерья изобразила на лицѣ своемъ широкую улыбку.

— Чего же еще онъ говорилъ? Ей-Богу, забыла... Ну, да ладно. Ты сама, Лукерьюшка, не маленькая, знаешь, что надо говорить, да и мужъ твой... А главное, вина не жалѣй, Лукерьюшка; я тебѣ дамъ сколько понадобится. Да, вотъ што еще, Лукерьюшка, поговори ты сама Недорѣзу. Онъ тебя больше по-

слушаетъ; я знаю, онъ тебя любитъ; онъ къ тебѣ часто ходитъ, да и ты къ нему бѣгаешь.

— Што-о вы, Өифила Гарасимовна! Неужели вы думаете, штобъ я могла законъ переступить!.. У меня мужъ есть; я вѣдь не Өедора мукосѣйка!

— Да ты и не переступай законъ, а такъ поговори. Какъ онъ зайдетъ къ тебѣ, ты его угости винцомъ, да поласковѣй и поговори съ нимъ. Ну, да сама знаешь, какъ надо съ мужиками разговаривать... Потомъ поговори и другимъ ребятамъ... Да постарайся хорошенько, матушка Лукерьюшка; вина не жалѣй. Скажи всѣмъ, што мы добрые, ничего не жалѣемъ. А какъ уговоришь кого, посылай ко мнѣ или къ Протасу Протасовичу; мы еще поговоримъ... Да, пожалуйста, Лукерьюшка, постарайся! Богъ тебя наградитъ, и я не забуду. Я тебѣ дамъ къ Троицѣ свое платье — вотъ что съ красными полосками — ситцевое, знаешь? только постарайся... Жалованья и тебѣ, и мужу прибавимъ и вина вамъ не пожалѣемъ.

— Ладно, матушка, Өифила Гарасимовна, все сдѣлаю, какъ говорили, ужъ постараюсь, ничего не пожалѣю; только не забудьте послѣ и насъ.

— Не забудемъ, не забудемъ,—говорила Өеофила Герасимовна, выходя изъ кухни.

Оставшись одна, Лукерья прежде всего налила изъ бутылки чайную чашку вина, выпила залпомъ и крякнула помужски, потомъ примѣрила новый платокъ и спрятала его на кровати подъ шубой. Перспектива новаго платья, прибавки жалованья и ежедневной выпивки вскружила голову Лукерьи. Она рѣшилась дѣйствовать всѣми силами чрезъ своихъ поклонниковъ, въ которыхъ не имѣла недостатка, и стала съ нетерпѣніемъ ждать вечера.

Өеофила Герасимовна сходила съ докладомъ къ мужу, получила новую инструкцію и отправилась въ хлѣбопекню. Хлѣбопекня, загроможденная двумя большими русскими печами, ларями съ мукой и печенымъ хлѣбомъ и чанами съ тѣстомъ, стояла неподалеку отъ кухни. Войдя въ хлѣбопекню, Өеофила Герасимовна увидѣла у ларя Өедору, окруженную бѣлымъ облакомъ мучной пыли. Это вѣчно напудренная красавица, кокетливо повязавшая бѣлымъ платкомъ голову, стояла съ рѣшетомъ и сѣяла муку. Өедора была молодая, стройная баба. На бѣломъ лицѣ ея рѣзко оттѣнялись черные, хитрые глаза. Өеофила Герасимовна не долюбливала Өедору за то, что Протасъ Протасьевичъ каждый день заходилъ къ

ней въ хлѣбопекню и проводилъ тамъ время больше, чѣмъ требовалось употребить на осмотръ хлѣбовъ.

— Здравствуй, Өедорушка! Што подѣлываешь?

— Одно дѣло, Өифила Гарасимовна, муку сѣю.

— А Василій твой гдѣ?

— Не знаю, вышелъ куда-то.

— Меня, Өедорушка, Протасъ Протасовичъ къ тебѣ послалъ.

— Чего ему надо отъ меня?—спросила Өедора, останавливаясь сѣять муку.

— Онъ тебѣ на платье вотъ послалъ,—сказала Өеофила Герасимовна, вынимая изъ-подъ шали кусокъ ситца.

— За что такая милость?

— Ты бери, знай, не спрашивай, къ Троицѣ еще будетъ.

— И за это спасибо,—проговорила Өедора, принимая ситецъ.

Өеофила Герасимовна помолчала немного, понюхала табаку и посмотрѣла въ потолокъ, соображая, съ чего начать ей разговоръ.

— Вотъ што, Өедорушка, тебя Протасъ Протасовичъ просилъ шибко помочь...

— Въ чемъ?

— Поговори ты ребятамъ, штобы они не бунтовались.

— А сами-то вы што не поговорите имъ?

Өеофилѣ Герасимовнѣ и такъ нелегко было разговаривать съ Өедорой, а когда та еще посовѣтовала ей самой поговорить съ ребятами и она вспомнила недавнюю сцену, происшедшую вслѣдствіе разговора съ ними мужа ея, то и совсѣмъ растерялась, забыла, о чемъ надо было говорить съ Өедорой, хотя сущность разговора съ ней должна быть та же, что и съ Лукерьей.

— Ты вотъ што, Өедорушка, сходи лучше сама къ Протасу Протасовичу; онъ тебя звалъ,—проговорила Өеофила Герасимовна и вышла изъ хлѣбопекни. Постояла немного на крыльцѣ, подумала о чемъ-то, поковыряла въ носу пальцемъ и отправилась въ конюховскую. Здѣсь она также посекретничала со старымъ конюхомъ и оставила ему бутылку водки.

На пріискахъ жилъ трехаршинный старикъ Лука. Хата Луки стояла поодаль отъ другихъ построекъ стана, на небольшомъ возвышеніи. Хата эта была небольшая, всего пять аршинъ въ длину и четыре въ ширину; построена изъ тонкаго лѣса въ четырехъ столбахъ; снаружи и внутри обмазана глиной. Освѣщалась она тремя окошечками, согрѣвалась небольшою каменною печью, ко-

торая въ то же время служила и плитой. Самъ Лука на своихъ плечахъ носилъ на эту хату лѣсъ и построилъ ее въ свободное послѣ работъ время.—„Вонъ хохолъ, какъ медвѣдь таскаетъ лѣсъ на берлогу“,—смѣялись рабочіе, когда Лука строилъ хату. И дѣйствительно, Лука и по силѣ, и по характеру смахивалъ на медвѣдя: необщителенъ былъ и не любилъ болтать. Въ работѣ — подкайловалъ ли онъ забой, или отваливалъ его ломомъ—только пыхтѣлъ да сопѣлъ; изрѣдка развѣ скажетъ возчику, когда тотъ долго устанавливаетъ къ забою таратайку: „стойтъ!“ Товарищи уважали въ Лукѣ силу, никто не смѣлъ поглумиться надъ его нелюдимостью. Разъ только Недорѣзъ позволилъ себѣ сказать Лукѣ, что на свѣтѣ есть три хохла, но онъ получилъ отъ суроваго старика такой сильный ударъ кулакомъ по головѣ, послѣ котораго цѣлый день ходилъ какъ шальной.

Лука жилъ въ своей хатѣ не одинъ; у него была собака Арапка и, кромѣ того, товарищъ, такой же какъ и самъ молчальникъ—Матвѣй Палатовъ. Это былъ молодой рабочій, чрезвычайно мягкосердый. Богъ знаетъ, откуда взялся такой среди растлѣнной толпы посельщиковъ, среди озлобленныхъ, надорванныхъ людей, среди грубой, закаленной, суровой семьи золотопромышленныхъ рабочихъ. Какъ занесло его, какое злое дѣло—онъ не говорилъ, въ то время, когда другіе разсказывали цѣлыя эпопеи и исторіи своей ссылки и приключеній. Коварная ли красавица загубила жизнь этого человѣка, поднялъ ли недобрый товарищъ бѣшеное чувство этого сдержаннаго, но пылкаго человѣка, не стерпѣлъ ли онъ несправедливой обиды, Богъ знаетъ! Иногда онъ совершенно молчалъ, какъ и старый Лука—цѣлыми днями, но иногда сквозила въ немъ какая то дѣтская нѣжность. Можетъ быть, эта старческая доброта и потребность привязанности ребенка къ кому нибудь свели ихъ незамѣтно. Сошлись они жить безъ подготовленій. Когда Лука таскалъ бревна для своей избы, въ свободную минуту, окончивъ работу, сначала шутя, помогалъ и Палатовъ, а потомъ самъ увлекся постройкой. При концѣ постройки они начали называть оба избу „нашъ балаганъ“, а разъ вышло, что балаганъ нашъ, то странно было Матвѣю не обновить его. Выспавшись въ немъ, Матвѣй попробовалъ удалиться, думая, что Лука предпочтетъ жить одинъ, но, уйдя въ казарму ночевать, на другую ночь пришелъ къ Лукѣ. Лука же на другой день сказалъ:—что, развѣ казарменныя-то нары мягче? и этимъ положилъ конецъ отлучкамъ Матвѣя.

Судьба соединила такимъ образомъ старика и молодаго. Оба

они были молчаливы. Только молчаніе ихъ было неодинаково. Лука молчалъ сурово, угрюмо; Матвѣй Палатовъ серіозно. Лука молчалъ, когда вся артель галдѣла, потому что не хотѣлъ повторяться или онъ находилъ свѣтъ вообще слишкомъ легкомысленнымъ и глупымъ и, такъ сказать, предпочиталъ старческо-философское созерцаніе. Молодой Матвѣй не говорилъ потому, что часто не видѣлъ проку въ однихъ словахъ, но глубоко чувствовалъ. Лука представлялъ изъ себя силу старую, отживающую; не любилъ вмѣшиваться въ дѣла артели и пріисковаго управленія и говорилъ: „моя хата съ краю...“ Палатовъ представлялъ силу новую, развивающуюся, отзывчивую: онъ принималъ близко къ сердцу каждую несправедливость, какъ будто бы эта обида была нанесена ему самому. Но сила Палатова была сила скрытая, онъ не любилъ рисоваться, не любилъ выскакивать впередъ, не любилъ тратить словъ на разговоры ни съ Шниперомъ, ни съ артелью. Палатовъ былъ молодъ, статенъ и красивъ. Смуглый цвѣтъ лица и черные, выразительные глаза дѣлали его похожимъ на жителя южныхъ странъ. Человѣкъ онъ былъ горячій, только, къ сожалѣнію, малоопытный, въ особенности въ пріисковой жизни, какъ новичекъ. Впрочемъ, артель любила его за справедливость; онъ не позволялъ сильному обидѣть слабаго и всегда принималъ сторону послѣдняго. Разъ, когда Дмитрій Горемычный работалъ вмѣстѣ съ Недорѣзомъ и послѣдній ругалъ его за безсиліе, называя бабой,—Палатовъ, работавшій въ одномъ забоѣ съ Недорѣзомъ, обругалъ его самою обиднѣйшею для пріисковаго рабочаго бранью, выражающею понятіе о распутной женщинѣ, пригрозилъ кайлой и сказалъ Дмитрію: „иди, горемыка, работать лучше со мной“. Съ тѣхъ поръ упрочилось за Дмитріемъ прозваніе „Горемычный“. Палатовъ терпѣливо работалъ съ нимъ до того времени, когда онъ слегъ въ больницу.

12-го мая, поздно вечеромъ, когда Палатовъ съ товарищемъ своимъ Хохломъ улегся уже спать, къ нему пришелъ изъ больницы возчикъ Гущинъ и объявилъ новость. Лука посмотрѣлъ молча и перекрестился. Палатовъ поблѣднѣлъ. Затѣмъ онъ сталъ одѣваться и сказалъ Гущину:

— Пойдемъ!

— Куда?—спросилъ тотъ.

— Въ больницу,—отвѣчалъ Палатовъ.

Все время онъ былъ странный. Прійдя туда, Палатовъ увидалъ Горемычнаго лежащимъ на койкѣ. Волоса его были всклочены, на губахъ запеклась кровь, лицо покрылось блѣдно-желтымъ

цвѣтомъ смерти. Палатовъ долго смотрѣлъ на него молча. Что онъ думалъ въ это время, Богъ его знаетъ.

Глаза его сдѣлались влажны, онъ хотѣлъ отвернуться, но вдругъ ноги его подкосились, и онъ зарыдалъ громко навзрыдъ, какъ ребенокъ, такъ что Гущинъ былъ изумленъ. Никогда онъ не слыхалъ слезъ, кромѣ бабьихъ.

IV.

Дѣло на ладъ пошло.

Въ первый же день бунта, вечеромъ, при огняхъ явился къ Шниперу Ѳома Недорѣзъ, немного навеселѣ. Вошелъ и сталъ въ прихожей у двери кабинета, гдѣ стоялъ боченокъ съ виномъ. Шниперъ аттаковалъ Недорѣза сразу, придерживаясь своей тактики забрасывать словами и, хватаясь за послѣднее слово противника, сбивать его съ основной мысли, придавать его рѣчи другой смыслъ и понемногу, осторожно подводить къ желаемой цѣли.

— А! здравствуй, Ѳома!.. Ну, скажи мнѣ на милость, какъ тебѣ не грѣхъ лѣзть изъ кожи изъ-за какой нибудь дряни? Что тебѣ Митька—братъ или сватъ? Да не ты ли нѣскольки разъ обязательно просилъ меня перемѣнить его, когда онъ работалъ у тебе внакатѣ? Вѣдь ты обязательно долженъ знать, что онъ былъ больной, пропащій.

— Да оно правда, Протасъ Протасовичъ, што онъ былъ нездоровый,—отвѣтилъ Недорѣзъ, почесывая затылокъ.—А всетаки...

— А всетаки не стоило кричать изъ-за такой дряни. Вѣдь онъ не сегодня-завтра и такъ бы подохъ. Ну, стоитъ ли намъ ссориться изъ-за такихъ пустяковъ? Ты работникъ у меня хорошій, первый, а кричишь больше всѣхъ. Ну, да я не сержусь на тебе, я знаю, что ты самъ бы не сталъ кричать, тебе кто нибудь подучилъ, обязательно подучилъ.

— Кому подучать, Протасъ Протасычъ,—своя дурь.

— Ну вотъ, давно бы такъ! На-ко, выпей лучше стаканъ.

Недорѣзъ принялъ отъ Шнипера большой стаканъ, процѣдилъ вино черезъ зубы, причмокнулъ языкомъ и сказалъ:

— Эко хорошее вино сегодня у тебя, Протасъ Протасычъ; а раньше...

— И всегда будетъ такая хорошая, обязательно, тольки самъ

будь хорошъ. Служи, какъ служилъ менѣ раньше—ничего не пожалѣю: и жалованья дамъ больше всѣхъ, и выписку бери, чего хочешь, и вино пей, скольки хочешь.

— Ладно, кабы все эфто сбылось, Протасъ Протасычъ.

— Что же ты, Ѳома, мнѣ не вѣришь? Ты мене обижаешь. Неужели ты думаешь, что я погонюсь за какимъ нибудь пустякомъ? Ну, что значитъ для мене прибавить два-три рубля въ мѣсяцъ? Плюнуть! А тебѣ это разсчетъ.

— Знамо дѣло, Протасъ Протасычъ, нашему брату и два рубли разсчетъ. Вонъ какъ чертомелишь за нихъ,—замѣтилъ Недорѣзъ, показывая мозолистыя руки.

— Ну вотъ, то-то и есть!.. договорился же самъ. А работай какъ слѣдуетъ, не ссорься съ хозяиномъ, и не два рубля получишь, а побольше. Въ лѣто-то гляди и набѣжитъ рублей двадцать-тридцать, обязательно... На-ко выпей еще.

Недорѣзъ выпилъ еще стаканъ, и удовольствіе разлилось по всему его лицу: вино, прибавка жалованья, выписка, брали свое.

— Вѣдь хорошему работнику, какъ ты, — продолжалъ Шниперъ:— вездѣ житье.

— Знамо дѣло, я нигдѣ не пропаду,—началъ бахвалиться Недорѣзъ.—Я могу—хошь въ забой меня поставь, хошь на шурфъ, хошь машину строить,—я вездѣ могу...

— Такихъ-то работниковъ я и люблю. Что бы я сдѣлалъ безъ такихъ работниковъ? Ну, скажи менѣ на милость, что бы я сдѣлалъ съ какимъ нибудь Митькой?

— Да чего и говорить, Протасъ Протасычъ, про Митьку! вовсемъ пропащій былъ. И зачѣмъ только лѣшій носитъ ихъ такихъ на пріиски! Сидѣли бы себѣ дома на печи.

— Наконецъ-то, я услышалъ отъ тебе, Ѳома, умная слово! Митька такая дрянь, о которой не стоитъ и говорить, а тѣмъ паче заводить ссору.

— Да, правду сказать, Протасъ Протасычъ, не мы и ссору завели.

— А кто же?

— Кто... да Матюшка Палатовъ. Онъ все кричалъ, не дадимся, говоритъ, отомстимъ... А чего тутъ...

— А тебѣ что Палатовъ: тятя, что ли?—началъ Шниперъ затрогивать самолюбіе Недорѣза.—Что ты развѣ учился у него работать? Да ты самъ такихъ Палатовыхъ пятерыхъ за поясъ заткнешь.

Шниперъ замолчалъ, выжидая и наблюдая дѣйствіе вина на Недорѣза и соображая, съ которой стороны лучше приступить къ цѣли.

— Вотъ ты, Ѳома, самъ же говоришь,—началъ опять Шниперъ:—что Митька былъ пропащій.

— Ни къ чорту не годился!

— Ну и я написалъ такъ въ бумагѣ, что онъ былъ больной. Много ребятъ ужъ подписалось. Подпиши-ко и ты на мировой.

— Нѣтъ, бумагу я не буду подписывать.

— Да ты и не подписывай, а дай руку Ѳедору Григорьевичу, онъ подпишетъ за тебя.

— Нѣтъ, и руки не дамъ.

— Что же, ты Палатова испугался? Эхъ Ѳома, Ѳома, да тебѣ ли, такому молодцу, бояться Палатова!

— Што мнѣ Палатовъ! Я и не думаю объ немъ, а бумагу... Да о чемъ она?

— Фу ты, братецъ! Да ты бы такъ и спросилъ раньше... Да о томъ, что Митька былъ больной. Вѣдь ты самъ же говоришь, что онъ былъ пропащій.

— Ну, къ этому я могу подписаться. А кто еще подписался?

— Да всѣ: Хохловъ, Богомазъ, Перфильевъ и другіе.

— Ну, такъ на и мою руку.

— Ѳедоръ Григорьевичъ, подпишись за него,—обратился Шниперъ къ Крученому.

— Постой! Ты прочитай бумагу-то,—замѣтилъ Недорѣзъ.

— На-ко вотъ лучше выпей. Что обманывать что-ли будутъ тебя?

Шниперъ подалъ Недорѣзу третій стаканъ. Недорѣзъ выпилъ и вскорѣ охмѣлѣлъ совсѣмъ.

— Дай-ко мнѣ, Протасъ Протосычъ, покурить! У тебя табакъ-то, поди хорошій?

Шниперъ поморщился, но далъ Недорѣзу сигару и подставилъ свѣчу. Недорѣзъ сталъ закуривать, но сигара не курилась.

— Не съ того конца закуриваешь,—замѣтилъ Крученый.

— Тьфу ты, чортъ съ тобой! Цыгара и куриться не хочетъ! плюнулъ Недорѣзъ и пошелъ изъ дома.

— Постой, Ѳома!—крикнулъ ему вслѣдъ Шниперъ.—Ты смотри, что я тебѣ говорилъ—молчокъ!

— Не учи... Недорѣзъ сказалъ при этомъ такую поговорку,

услышавъ которую, покраснѣла бы сама Лукерья, и вышелъ за двери.

— Ну, слава Богу, одинъ попался,—разсуждалъ Шниперъ, отирая лысину носовымъ платкомъ.—Ажъ лобъ вспотѣлъ говорить изъ нимъ! Ну, и разбойникъ!

Вскорѣ послѣ ухода Недорѣза, Ѳеофила Герасимовна привела изъ кухни пьянаго мужа Лукерьи, Ивана Панкратова, маленькаго, плюгавенькаго мужиченку.

— Вотъ и Иванъ дуракъ пришелъ,—отрекомендовался онъ, входя въ кабинетъ.—Лукерья все говоритъ, што я Иванъ дуракъ, а сама вретъ, стерва, любитъ меня.

— Какъ не любить такого красавца!

— А што, рази хуже кого?

— Кто говоритъ, что хуже... На-ко вотъ выпей лучше.

— Давай, это наше дѣло дураковское. Ну, а еще нальешь?— спросилъ, покачиваясь, Иванъ.

— Да ты значала подпишись.

— Пиши, къ чему знаешь!—произнесъ Иванъ, проводя по воздуху пальцемъ... мнѣ все равно; давай только вина.

Шниперъ подалъ ему еще стаканъ и сказалъ Ѳеофилѣ Герасимовнѣ, чтобъ она поскорѣе увела его на кухню.

Послѣ Ивана Панкратова явились Василій Богомазъ и Ѳедора.

— Вотъ у мене неизмѣнные-то работники!—отрекомендовалъ Шниперъ вошедшихъ Крученому:—тольки двое и работаютъ за весь пріискъ.

— Дай-ко выпить за это,—сказала Ѳедора:—я сегодня страсть какъ пристала.—Ничего не дѣлаютъ, а хлѣба не напасешься; отдохнуть некогда.

— Изволь, голубушка, выпей.

И Шниперъ подалъ ей стаканъ, а другой Богомазу, уже порядочно охмѣлѣвшему, вѣроятно, отъ угощеній Ѳедоры.

— Чего тутъ подписать надо?—спросилъ Богомазъ, сильно ударяя на *о*.—Ѳедора говорила, да не пойму хорошенько.

— Да вотъ удостовѣреніе о смерти Митьки.

— А ну-ко, дай я прочитаю,—проговорилъ Богомазъ и, взявъ со стола удостовѣреніе, началъ читать: „Тысяча восемьсотъ"... ну, это хорошо, чего дальше: „мы ниже и-и-и...

— Нижеподписавшіеся,—подсказалъ Крученый.

— Тьфу, пропасть! Безъ очковъ какъ рябитъ; ничего не разберу... сходи-ко, Ѳедора, за очками.

— Ладно, и такъ подпишешь.

Богомазъ продолжалъ читать, растягивая каждое слово:—„Нижеподписавшіеся ра-бо-чіе“... Ну, это хорошо.

— Да какого ты чорта читаешь! Подписывай знай,—замѣтила Ѳедора.

— Молчи! ты баба дура, не понимаешь... не мѣшай... „симъ у-до-сто-вѣ-ряемъ, что рабочій Ди-ми-т-рій Си-ни-цынъ умеръ во-ле-ю Бо-жі-ю отъ бо-лѣ-зни, одер-жи-мой“... Гм... Какъ же это отъ болѣзни?

— А также, рыло твое свиное, подписывайся, когда говорятъ, а то ты только меня и видалъ!—сердито крикнула Ѳедора.

— Ну, хорошо, чего сердиться-то! Сказано, такъ подпишу.

И Богомазъ написалъ свое имя и настоящую фамилію: „Василій Кротовъ“.

— Да што тутъ мало подписалось, только двое, да я третій?—спросилъ онъ.

— Какъ мало? Хохолъ далъ руку, Перфильевъ, и еще найдутся,—отвѣтилъ Шниперъ.

Вошелъ конюхъ Романъ Перфильевъ съ бутылкой въ рукѣ.

— А гдѣ мать моя Ѳифила Гарасимовна?—спросилъ онъ, заглядывая въ двери.

— Я здѣсь!—отозвалась Ѳеофила Герасимовна изъ зала.

— Бутылку вотъ принесъ, матушка!

— Кто это тамъ? А, это ты, Романъ?—сказалъ Шниперъ. — Мнѣ тебя надо. Что лошади всѣ здоровы?

— Слава Богу, здоровы, Протасъ Протасычъ; я лошадей соблюдаю.

— Ну, и спасибо за это. Подпиши-ко вотъ удостовѣреніе о смерти Митьки.

— Ладно, пишите, Протасъ Протасычъ. Развѣ я когда спорилъ о чемъ?

Ѳеофила Герасимовна увела Перфильева изъ дома, вѣроятно, для того, чтобъ исполнить обѣщаніе насчетъ пополненія бутылки.

— Ну, слава Богу, четверо есть!—разсуждалъ Шниперъ:—а двоихъ еще какъ нибудь наберу. Главное, этотъ подлецъ Недорѣзъ попался, да еще въ первую голову. Ну, молодецъ баба эта Лукерья! Фельдшера еще подцѣпить...

— Поди собери на столъ закуску, достань вина, ромъ, коньякъ, мадеру!—сказалъ женѣ Шниперъ и послалъ за фельдшеромъ.

Ѳеофила Герасимовна, надувъ губы, молча отправилась въ кла-

довую. Но не успѣла она исполнить и половины порученія, какъ въ домъ явился фельдшеръ Волосковъ. Это былъ франтъ, ходилъ всегда въ сюртукѣ, вспрыснутомъ какими-то духами изъ аптеки; носилъ постоянно чистую. бѣлую сорочку и зачесывалъ волосы съ проборомъ посрединѣ. Волосковъ служилъ на пріискахъ первый годъ. Шниперъ принялъ его ласково, просилъ садиться и предложилъ табаку. Вслѣдъ за Волосковымъ принесла Лукерья самоваръ и поставила въ залѣ на столѣ, на другомъ столѣ Ѳеофила Герасимовна разставила вина и закуску и усѣлась разливать чай. Шниперъ принесъ къ чаю бутылку рому.

— Не полный стаканъ наливай, Ѳитя! Я ему архіерейскихъ! сливокъ подолью,—предупреждалъ Шниперъ жену.

За чаемъ разговорился онъ съ фельдшеромъ о его родинѣ, спросилъ и о городѣ, въ которомъ онъ получилъ образованіе.

— Я, Протасъ Протасовичъ, получилъ домашнее-съ воспитаніе,— объяснялъ Волосковъ:—а фельдшерскому искусству научился въ военномъ госпиталѣ.

— Стало быть, вы въ военной службѣ были, Семенъ Ивановичъ?

Подливая рому во второй стаканъ Волоскова, Шниперъ спросилъ:

— Ну, а какъ у насъ больные?

— Слава Богу, ни одного нѣтъ-съ.

— Положимъ, не совсѣмъ славу Богу... Ну, а какъ рабочіе... съ Митькой?

— Не даютъ хоронить.

— Ну, и пусть ихъ гноятъ.

— Разумѣется, если бы сгноили—лучше, знаковъ не будетъ.

— И такъ не будетъ знаковъ... обязательно. Неужели вы думаете, Семенъ Ивановичъ, что я допущу до того, чтобъ его стали потрошить? Вотъ посмотрите...

Шниперъ всталъ изъ-за стола, пошелъ въ кабинетъ, вынесъ оттуда удостовѣреніе и подалъ Волоскову.

— Вотъ прочитайте-ко.

Волосковъ прочиталъ удостовѣреніе и, возвращая его Шниперу, спросилъ:

— Развѣ похоронятъ по этому?

— А то какъ бы вы думали! Да у насъ, на пріискахъ,—сказалъ, улыбаясь, Шниперъ:—голову отруби, да напиши удостовѣреніе, что умеръ волею Божіею—и то похоронятъ. Тольки знаешь

что, Семенъ Ивановичъ,—продолжалъ Шниперъ:—менѣ нужно бы еще... Не желаете ли еще чаю?

— Нѣтъ-съ, благодарю!

— Ну, такъ пожалуйте водочки,—угощалъ Шниперъ.—Знаешь ли, Семенъ Ивановичъ,—продолжалъ Шниперъ прерванный за чаемъ разговоръ: — менѣ нужно еще удостовѣреніе отъ тебе, не для начальства, а такъ, на всякій случай.

— Какое удостовѣреніе?

— О болѣзни этого Горемычнаго—настоящая фамилія его Синицынъ. Скажи по совѣсти, вѣдь онъ дѣйствительно былъ боленъ? Я самъ замѣчалъ это...

— Да, у него малокровіе или сердцебіеніе. Только вы сами не велѣли имъ говорить о болѣзняхъ, а приказали говорить, что всѣ здоровы.

— Ну, вотъ! менѣ тольки и нужно... Напишите такъ: было малокровіе или сердцебіеніе—и больше ничего.

— Это можно,—согласился Волосковъ и пошелъ вмѣстѣ съ Шниперомъ въ кабинетъ. Скоро было выведено на бумагѣ нетвердымъ почеркомъ: „анимея и анервизмъ"...

— „Ого! какія болѣзни знаетъ",—подумалъ Шниперъ.

— Ну, теперь выпить пожалуйте, Семенъ Ивановичъ. Мене ужъ извините, я не пью.

Но Семенъ Ивановичъ не нуждался въ поощреніи.

— Теперь знаешь, Семенъ Ивановичъ, какъ мы будемъ лечить больныхъ?—говорилъ Шниперъ охмѣлѣвшему Волоскову.

Семенъ Ивановичъ сидѣлъ на табуретѣ у стола съ винами и, задравъ кверху голову, вопросительно смотрѣлъ на Шнипера посоловѣвшими глазами.

— Ты видѣлъ въ аптекѣ горчичное масло?

— Видѣлъ. Да на чорта ты его много купилъ?

— А вотъ догадайся-ко. Да гдѣ тебѣ! Ты еще не знаешь нашихъ порядковъ... А вотъ я тебе научу.

— Ну, научи.

— Какъ прійдетъ къ тебѣ больной, ты возьми да и состряпай хорошій горчичникъ и полей его этимъ масломъ, да пришлепай больному на такое мѣсто, чтобъ его хватило за живое... Такъ онъ такъ стриганетъ отъ тебе, что ты его въ другой разъ и не увидишь въ больницѣ!

— Ха-ха-ха!—разразился Волосковъ громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ, такъ что закачался весь, откинулся назадъ, ударился

головой въ раму, вышибъ стекло, согнулся, схватился за животъ и продолжалъ хохотать, приговаривая: — Ну, и проказникъ же ты, Протасъ Протасовичъ... Горчичное масло... стриганетъ... Охъ, уморилъ ты меня!

— Вамъ, Семенъ Ивановичъ, поди, спать хочется?—неожиданно спросила Θеофила Герасимовна. — Ужъ поздно на дворѣ...

— Нѣтъ, я еще выпью... А впрочемъ... это на дорогу... пора...

Выпивъ на дорогу, Волосковъ попрощался съ Шниперомъ и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, отправился спать въ свою квартиру, въ больницу. Ночь была темная. Волосковъ шелъ прямо по грязи и, смѣясь, повторялъ про себя: „горчичное масло... пришлепай... стриганетъ!“

IV.

Таежное слѣдствіе.

Пятнадцатаго мая, въ полдень, конюхъ Романъ Перфильевъ залѣзъ на дворъ подбросить лошадямъ сѣнца и увидѣлъ вдали двухъ всадниковъ, спускавшихся съ горы къ пріиску. — „Должно быть, урядникъ ѣдетъ“,—проговорилъ про себя Перфильевъ и сталъ сбрасывать сѣно черезъ отверстіе, устроенное въ крышѣ. Вскорѣ всадники подъѣхали къ стану. Стая собакъ бросилась съ лаемъ къ нимъ навстрѣчу. Изъ-за амбаровъ показалась сначала здоровая фигура военнаго съ громадными усищами, сидѣвшаго на сивомъ конѣ, а потомъ вынырнулъ маленькій, проворный казакъ Благодатнаго пріиска. Всадники подъѣхали къ крыльцу хозяйскаго дома. Первая встрѣтила ихъ на крыльцѣ Θеофила Герасимовна.

— А! Лазарь Ивановичъ! здравствуйте, батюшка! Мы давно васъ ждемъ,—привѣтствовала хозяйка гостя.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали,—проговорилъ Лазарь Ивановичъ, соскакивая съ коня и передавая его казаку.—Что, развѣ соскучились безъ меня?

— Какъ-же, батюшка... Да ты все полнѣешь да хорошѣешь, Лазарь Ивановичъ! Смотри-ко, лицо-то какое у тебя: ей-Богу, если приткнуть лучинку—загорится! Штобы моему мужу быть такому,— наговаривала Θеофила Герасимовна, отворяя гостю двери.

— А Протасъ Протасовичъ дома?—спросилъ Лазарь Ивановичъ, подавая руку Ѳеофилѣ Герасимовнѣ.

— Дома, батюшка. Нездоровъ. Пожалуйте!

Изъ кухни выглядывала на пріѣхавшихъ фигура Лукерьи, стоявшей въ дверяхъ, точно картина въ рамѣ; изъ-за спины ея виднѣлась голова „Ивана-дурака“; изъ хлѣбопекни высунула въ двери напудренную голову мукосѣйка Ѳедора; изъ дверей казармы вышло нѣсколько рабочихъ...—„Урядникъ пріѣхалъ“,—говорили одни. —„Урядникъ пріѣхалъ“,—повторяли другіе, и въ одну минуту весь станъ зналъ, что пріѣхалъ урядникъ.

Въ домѣ встрѣтилъ урядника Шниперъ, съ ясной улыбкой на лицѣ и смиреннымъ видомъ непорочнаго человѣка. Послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій урядникъ прошелъ въ кабинетъ и опросилъ Шнипера:

— Что такое у васъ случилось здѣсь?

— Буянятъ!—коротко и многозначительно отвѣтилъ Шниперъ.

— Изъ-за чего?

— И самъ не знаю...

— Говорятъ убійство...

— Врутъ, ей-Богу, врутъ, Лазарь Ивановичъ! — Вотъ, вѣришь Богу (Шниперъ набожно перекрестился и сѣлъ на кровать) — пальцемъ не тронулъ! Даже не поругалъ... Пришелъ въ больницу, смотрю—больной.—Ты что? спрашиваю.—Нездоровъ, говоритъ. Я повернулся и ушелъ, а онъ вскорѣ послѣ меня умеръ... Ну, и говорятъ, что я убилъ; а я, ей-Богу, пальцемъ не тронулъ.

— Послушай, Протасъ Протасовичъ,—дружески продолжалъ урядникъ:—а если знаки окажутся да свидѣтели найдутся? Говори мнѣ, пожалуйста, правду, не финти, а то, вѣдь, можно всю обѣдню испортить.

— Что же знаки? Знаки могутъ быть: больной человѣкъ упалъ изъ койки — вотъ и знаки. А свидѣтели? Какіе свидѣтели — поселенцы, да и тѣ мои рабочіе. Кто имъ повѣритъ! Развѣ можно вѣрить рабочему? — Онъ со злости можетъ сказать, что я и его убилъ. Ей-Богу! клянусь тебѣ какъ честный человѣкъ — пальцемъ не тронулъ! Клянусь!

— Встань, не божись, пожалуйста! Если ты правъ, нечего божиться. Я такъ поведу и дѣло... Вели позвать казака, мнѣ нужно собрать понятыхъ.

Въ словахъ урядника звучало раздраженіе и слышалась угроза. Шниперъ струсилъ и повелъ такую нескладную рѣчь:

— Лазарь Ивановичъ, ради Бога, не сердись! Ей-Богу... куда же ты торопишься?.. Не успѣлъ пріѣхать и скорѣе свидѣтельствовать больнаго... то есть убитаго... то есть чортъ его знаетъ, какъ его... покойника. Да ты посиди хоть немного, пообѣдай у мене.

— Мы изъ тобой, Лазарь Ивановичъ, жили дружно,—началъ Шниперъ, когда урядникъ усѣлся:—никогда не ссорились... Я на тебе тольки надѣялся и надѣюсь. Помоги ты, ради Бога, моему горю, чтобъ рабочіе не бунтовались, чтобъ пошли они на работу.

— А покойникъ?

— А покойника ты освидѣтельствуй и вели похоронить.

— А знаки?

— Знаки ты запиши себѣ на память.

— А кто послѣ будетъ отвѣчать, когда пріѣдетъ исправникъ?

— Къ тому времени и покойникъ сгніетъ, и знаки сгніютъ... Ты тольки издѣлай, Лазарь Ивановичъ, какъ слѣдуетъ, — никто не будетъ отвѣчать. Ты знаешь, я въ долгу не останусь: тебѣ другіе золотопромышленники платятъ по пятидесяти копѣекъ съ человѣка, а я разсчитаюсь изъ тобой какъ зъ исправникомъ: я тебѣ дамъ по два рубля, даже по три.

Получить по три или хотя по два рубля съ человѣка, когда команда состояла изъ семидесяти рабочихъ, для урядника было пріятно; но онъ, всетаки, колебался дать слово помочь Шниперу, не составилъ опредѣленнаго плана этой помощи.

— Послушай, Протасъ Протасовичъ!—продолжалъ болѣе снисходительно возражать урядникъ:—я вѣдь не могу скрыть отъ исправника этого случая; я обязанъ донести о смерти рабочаго.

— Да я и не прошу тебе скрывать, ты и доноси. Вотъ тебѣ и документы,—проговорилъ Шниперъ, вынимая изъ кармана удостовѣренія рабочихъ и фельдшера, и, подавая ихъ уряднику, добавилъ смыслъ донесенія исправнику: — рабочій умеръ своею смертью.

Урядникъ прочиталъ удостовѣренія о естественной смерти Горемычнаго, посмотрѣлъ и выпучилъ глаза.

— Какъ ты это ухитрился достать удостовѣреніе отъ бунтовщиковъ?

— Не спрашивай, пожалуйста, — не легко было. Ты тольки помоги менѣ, Лазарь Ивановичъ, ради Бога, а ужъ я своему слову хозяинъ. Отсохни у мене руки и ноги, если я обману тебе, Лазарь Иванювичъ! Отнимись языкъ! Я бы изъ тобой сейчасъ же разсчитался, да ты знаешь, теперь ни у кого нѣтъ денегъ. Вотъ осенью

получу деньги за золото—съ благодарностью за все разсчитаюсь. Повѣрь Богу!

Урядникъ понялъ Шнипера или, по крайней мѣрѣ, понялъ желаніе его.

— Помочь, отчего не помочь, если это нечаянно стряслось съ тобой!—сказалъ задумчиво урядникъ.

— Вотъ тебе... забожился опять успокоенный уже Шниперъ.

Закусивъ изрядно, урядникъ приказалъ собрать народъ.

Пестрая гурьба черныхъ лицъ и тѣлъ въ разнообразныхъ лохмотьяхъ волновалась у крыльца, когда онъ вышелъ.

— Ну, что, ребята, подѣлываете?

— Ждемъ начальство,—отвѣтили рабочіе, снимая шапки.

— Какое вамъ нужно начальство: меня или исправника?

— Надо бы исправника...

— А для чего вамъ исправникъ?

— Заявить объ убійствѣ...

— А отчего вы на работы нейдете?—сказалъ, прищурившись, урядникъ.

— Оттого что прежде надо слѣдствіе узнать, если Шниперъ супротивъ закона...

Но здѣсь урядникъ рѣшился остановить разглагольствіе выдвигавшихся и начинавшихъ галдѣть рабочихъ. Онъ рѣшился воспользоваться минутой и измѣнить постановку вопроса.

— А вы подписывали контрактъ?—спросилъ онъ быстро.

— Кто его знаетъ, ваше поштеніе, къ чему мы подписываемся,—отозвался Иванъ Понимаешьли.—Кажется, пьяный и што хошь на себя подпишетъ.

— А кто вамъ велитъ наниматься пьянымъ?

— Такой ужъ у насъ обычай, понимаешь-ли, ваше почтеніе: даютъ—такъ бери, а бьютъ—такъ бѣги. Сами знаете, какъ насъ нанимаютъ: задобрятъ сначала винцомъ, а потомъ, понимаешь-ли...

— Понимаешь-ли, понимаешь-ли!—передразнилъ урядникъ. Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Ну, значитъ, и пенять не на кого и толковать нечего: нанялся—продался; денежки дадутъ... такъ работай,—заключилъ урядникъ и затѣмъ, обратясь къ казаку, сказалъ:

— Принеси мнѣ уставъ о частной золотопромышленности.

Казакъ принесъ изъ хозяйскаго дома книгу и подалъ ее урядннку. Тотъ развернулъ, перебросилъ нѣсколько листовъ и, обратясь къ рабочимъ, спросилъ:

— Кто грамотный? Подойди!

Подошелъ Палатовъ. Урядникъ передалъ ему книгу и сказалъ:

— Читай вотъ громче 618 статью уложенія о наказаніяхъ.

Палатовъ началъ читать: „Статья 618 (по продолженію 1871 г.) „Рабочіе при частныхъ золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ промыслахъ, на земляхъ казенныхъ и кабинета, за явное неповиновеніе хозяину, повѣренному его или приказчику, оказанное на пріискѣ цѣлою артелью, подвергаются наказаніямъ по статьямъ: 263—266, 268, 269 и 272 сего уложенія, о возстаніи противъ властей, правительствомъ установленныхъ".

— Поняли? — спросилъ урядникъ, когда Палатовъ кончилъ чтеніе.

— Какъ не понять!—раздались голоса:—только Шниперъ самъ... Вы его судите.

— Это не мое и не ваше дѣло,—возразилъ урядникъ.—Шниперъ будетъ отвѣчать предъ закономъ; я его также не оставлю. Чтобъ были готовы понятые!—сказалъ онъ строго.

Рабочіе переглянулись, они не ожидали такого приступа, думали,—урядникъ, закусивъ у Шнипера, ни за что не будетъ производить слѣдствія.

— Вотъ что, ребята,—обратился урядникъ къ рабочимъ:—я не имѣю права скрывать убійства, если оно было. Я поступлю по закону. Вы не имѣете права отказываться отъ работы, а я буду дѣлать, что долженъ. Я освидѣтельствую трупъ и, такъ какъ на пріискахъ нѣтъ ледниковъ, то положу его во временную могилу, составлю актъ и донесу обо всемъ исправнику... Ну, выходите же, понятые!

Вышли Недорѣзъ, Семка и еще двое рабочихъ. Урядникъ съ этими понятыми отправился къ амбару, гдѣ хранился трупъ Горемычнаго. Остальные рабочіе послѣдовали за ними. У амбара расхаживалъ съ палкою въ рукахъ очередной караульный Убродный.

— Отворяй амбаръ!—скомандовалъ урядникъ.

Убродный посмотрѣлъ вопросительно на товарищей и отворилъ амбаръ. Урядникъ вошелъ туда съ понятыми. Рабочіе стали у дверей. Горемычнаго вынули изъ гроба и раздѣли. Урядникъ, описавъ мѣсто храненія трупа и положеніе его, приступилъ къ описанію знаковъ:—„волосы всклокочены, на груди, съ лѣвой сторонѣ, пятно",—записывалъ онъ вслухъ:—„на правомъ боку два пятна, спина краснобагровая". Рабочіе слушали, молча.

— Записываетъ?

— Записываетъ все!—перешептывались рабочіе.—Значитъ съ Шниперомъ не поладили. Не далъ!—рѣшили догадливые.

Осмотрѣвъ и описавъ трупъ, урядникъ съ понятыми, въ сопровожденіи рабочихъ, пошелъ въ больницу посмотрѣть, не осталось ли и тамъ какихъ либо слѣдовъ преступленія.

Больница, небольшое ветхое зданіе, раздѣлялась на двѣ половины. Въ одной, чистой, помѣщался фельдшеръ и аптека, а въ другой—больные. И чего только не было въ аптекѣ Благодатнаго пріиска: перецъ стручковый, горчица, перецъ душистый, ртуть, лукъ, крѣпкая водка, чеснокъ, карболовая кислота, троелистка и всякія другія цѣлебныя травы, коренья и настойки... Все это было разставлено по полкамъ въ мѣшечкахъ, коробкахъ, жестянкахъ, бутылкахъ и пузырькахъ. Въ отдѣленіи больныхъ въ день осмотра не было ни одного больнаго. Войдя въ больницу, пропитанную сырымъ, тяжелымъ запахомъ, урядникъ осмотрѣлъ сначала кровати; на нихъ ничего, кромѣ грязи, не оказалось. Затѣмъ онъ сталъ внимательно присматриваться къ полу.

— Чего вы смотрите, ваше почтеніе?—спросилъ одинъ рабочій, стоявшій въ дверяхъ больницы.

— Нѣтъ ли крови?

— Да тутъ быка зарѣзать, такъ не будетъ крови: видите ли, полъ-то какой, какъ въ конюшнѣ.

— По осмотру въ больницѣ ничего не оказалось,—проговорилъ урядникъ, и вышелъ изъ больницы; затѣмъ обратился къ понятымъ и добавилъ:—вы зайдите ко мнѣ вечеромъ, я вамъ прочитаю актъ и вы подпишитесь.

Рабочіе смотрѣли и, казалось, увѣрялись, что дѣло идетъ какъ слѣдуетъ; они были успокоены. Быстро разносилась по пріиску новость и догадки рабочихъ: Шниперъ не далъ. Ну, доѣдутъ Шнипера!—радостно говорили рабочіе.

Окончивъ осмотръ, урядникъ позвалъ къ себѣ нарядчика Крученаго и сказалъ ему при рабочихъ:

— Распорядитесь выкопать могилу; поставьте въ нее при себѣ гробъ съ покойникомъ, да не засыпайте гробъ, а сдѣлайте такъ: устройте по срединѣ могилы поперечины, положите на нихъ доски и засыпьте сверху досокъ землей, а потомъ положите на могилу чащи потолще, чтобъ не пропекало солнцемъ.

Выслушавъ урядника, Крученый обратился къ рабочимъ со словами:

— Идите, ребята, кто нибудь копать могилу.

Отдавая приказаніе, Крученый и самъ сомнѣвался въ успѣхѣ его. Рабочіе постояли, поговорили немного: — „не гноить же его,“ сказалъ кто-то, и пошли въ казарму. Вскорѣ вышли оттуда четыре человѣка съ ломами, кайлами и лопатами и отправились копать могилу.

Урядникъ ушелъ въ хозяйскій домъ.

V.

Таёжныя похороны.

Просты похороны пріисковаго рабочаго. Умеръ ли онъ отъ болѣзни послѣ недѣльнаго ненастья, простудившись въ разрѣзѣ, схватило ли его послѣ какого-то подозрительнаго куска солонины, скорбутъ ли его съѣстъ, злая ли горячка, задѣнетъ ли его машиной, или тяжелая, гнѣвная рука управляющаго совершитъ надъ нимъ расправу, какъ надъ Горемычнымъ, все равно, другая холодная, безучастная рука въ конторѣ вычеркнетъ его изъ списковъ, и чуждые, закинутые со всѣхъ концовъ земли русской невольные товарищи сдѣлаютъ ему холодное ложе въ таёжной почвѣ.

Въ холодное, сырое утро, когда будетъ моросить дождь, вынесутъ его изъ мертвецкой. Безъ того непригляденъ онъ былъ живой, а теперь этотъ синій, сухой мертвецъ въ рубищѣ будетъ еще неприглянѣе.

Суровые забойщики ждутъ у могилы съ кайлами и лопатами, чтобы поскорѣе закопать покойника. Нищій и убогій, онъ ляжетъ, какъ бы для ироніи, въ ту почву, гдѣ лежитъ богатство и золото, которое ему никогда не доставалось. Молчаливая, суровая толпа окружила наскоро сколоченный гробъ Горемычнаго.

Только одинъ старикъ сѣдой, какъ лунь, Агѣичъ, сорокъ лѣтъ проведшій на пріискахъ караульнымъ, старовѣръ, долго спасавшійся въ тайгѣ, какъ единственный набожный человѣкъ, произнесетъ надъ нимъ молитву изъ своей старой кожаной книги. Въ рукахъ этого старика маленькій желтый огарокъ восковой свѣчки. Вотъ и все христіанское напутствіе.

Золотопріискатели, создавая храмы въ большихъ городахъ, никогда не заботились на пріискѣ ни о церкви, ни о священникѣ.

Они старались, чтобы среди рабочихъ не было религіознаго чувства. На пріискахъ не нужно было другаго Бога, кромѣ золота, кромѣ металла. Здѣсь все стремилось развратить человѣка, лишить его утѣшенія, вѣры; но Богъ жилъ въ душѣ даже закпнутаго, обезличеннаго и униженнаго человѣка.

Когда принесли скромный гробъ Горемычнаго, толпа сняла шапки. Хриплымъ голосомъ читалъ старикъ Агѣичъ молитву: „Упокой, Господи, душу раба твоего!“

Толпа заволновалась, закрестилась, по чернымъ загорѣлымъ лицамъ рабочихъ бѣжали не слезы, но ручьи шедшаго дождя и отражались на немъ полосами. Они не давали распознать ни грустнаго выраженія, ни слезъ. Да и жизнь не давала возможности распознать ихъ. Въ душу этихъ людей никто не заглядывалъ. Холодное утро заставляло многихъ дрожать въ худенькихъ сермягахъ. Но когда они не дрожали?

У могилы стоялъ старый Лука и молодой Палатовъ; онъ стоялъ потупившись, и лицо его было строго и молчаливо; онъ смотрѣлъ какъ-то тупо, апатично то въ могилу, то на гробъ Горемычнаго.

Только когда раздался крикъ забойщиковъ:—„держи крѣпче! не опрокинь!“ и гробъ спустился въ темную яму, причемъ онъ глухо стукнулъ о землю, Палатовъ какъ бы очнулся, пришелъ въ себя, лицо его что-то подернуло—только онъ жалѣлъ Горемычнаго.

Неизвѣстно, дождется ли Горемычный исправника и что отъ него останется.

Пошелъ крупный дождь, холодный вѣтеръ ударилъ еще порывистѣе, рабочіе расходились. Заявлять сожалѣнія, вздыхать не было въ обычаѣ пріиска. Чаще всего послѣ похоронъ товарища раздавались слова: —„помянуть надо! пойдемъ получать порцію!“

Но для Горемычнаго и этого не было.

Кто помянетъ его? А вѣдь и у Горемычнаго, вѣрно, была мать, которая грѣла его у своего сердца и рыдала надъ нимъ.

Услышишь ли ты когда нибудь о немъ, бѣдная, и заплачешь ли надъ потерею сына, или, давно выплакавъ слезы по немъ, давно пропавшемъ, ты его и ждать перестала?

Прошло впечатлѣніе печальныхъ похоронъ.

Рабочіе отдохнули уже три дня, они привыкли работать, а привычка—вторая натура; безъ дѣла многіе начинали скучать. Они сознавали, что ихъ накажутъ скорѣе, чѣмъ Шнипера. Съ другой стороны, въ работѣ была для нихъ и выгода: въ работѣ они на-

ходили подъемное золото и получали за него вино, а выпить каждый изъ нихъ былъ не прочь. Наконецъ, проведенныя Шниперомъ въ среду рабочихъ нити тоже имѣли значеніе. А вотъ и урядникъ позвалъ ихъ и спросилъ: — Ребята, скажите мнѣ напередъ, будете ли вы работать? Мнѣ нужно знать это, потому что завтра я пошлю къ исправнику нарочнаго съ бумагами, въ томъ числѣ будетъ донесеніе и о здѣшнемъ происшествіи.

Рабочіе потолковали между собою немного, посовѣтовались и изъ толпы вышелъ Недорѣзъ.

— Мы согласны работать, ваше почтеніе,—сказалъ Недорѣзъ:— пошто не работать, только бы насъ не обижали.

— Всѣ согласны?—спросилъ урядникъ.

— Всѣ,—отвѣчали рабочіе.

— Ну, смотрите же, ребята, никакихъ притѣсненій не будетъ, только бы съ вашей стороны было все тихо, смирно. Хозяина вы должны слушать, по закону, до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ исправникъ, а тамъ ужъ можете говорить исправнику, что знаете.

Окончивъ рѣчь, урядникъ распорядился подать порцію. Крученый принесъ и поставилъ на крыльцѣ большую кадку, влилъ въ нее полведра спирту и ведро воды, разболталъ палкой, почерпнулъ большой стаканъ и сказалъ: „подходи"!

Рабочіе одинъ за другимъ подходили и выпивали. Одни говоли: „царство небесное Дмитрію", другіе опрокидывали стаканъ молча, съ жадностью.

Послѣ порціи понятые вошли въ хозяйскій домъ; урядникъ пригласилъ ихъ въ кабинетъ и прочиталъ имъ актъ осмотра трупа Горемычнаго. Шниперъ въ это время вышелъ въ другую комнату.

— Такъ ли написано?—спросилъ урядникъ.

— Такъ, ваше почтеніе,—отвѣтили понятые.

— Попросите Ѳедора Григорьевича подписаться за васъ.

Понятые дали Крученому руки и вышли, за исключеніемъ Недорѣза, который торопливо пробрался въ комнату Шнипера и спросилъ его:

— Какъ бы, Протасъ Протасычъ, не вышло чего? Я подписалъ удостовѣреніе и урядникову бумагу.

— Не бойся, Ѳома, эта бумага у меня останется,—отвѣтилъ Шниперъ,—причемъ подалъ Недорѣзу еще стаканъ вина и сунулъ бутылку за пазуху.

Шниперъ торжествовалъ. Онъ какъ будто бы помолодѣлъ лѣтъ на десять: шутилъ съ урядникомъ, разсказывалъ ему разные анек-

доты и въ то же время заигрывалъ съ Өеофилой Герасимовной, которая собирала ужинать. За ужиномъ Шниперъ усердно угощалъ урядника всѣми винами, расхваливалъ какъ вина, такъ и самого урядника. Лицо Шнипера сіяло въ это время неподдѣльной радостью, начиная со впалыхъ щекъ и кончая блестящей лысиной.

— Ну, Лазарь Ивановичъ, не забуду я тебе никогда, по гробъ жизни твоей.

Всё кончилось благополучно. Была ночь. На пріискѣ было все погружено во мракъ, только мелькали огарки кое-гдѣ въ казармѣ, гдѣ бесѣдовали немного навеселѣ рабочіе, наконецъ, и эти огарки потухли.

Изрѣдка отъ дома Шнипера проходилъ кто нибудь изъ конюховъ, получивъ распоряженіе приготовить завтра уряднику чуть свѣтъ лошадей.

Было поздно. Вдругъ дверь пекарни отворилась съ шумомъ и изъ нея вышелъ, едва передвигая ноги, „Недорѣзъ" въ сопровожденіи Өедоры Мукосѣйки.

— Да ты держись хоть на ногахъ-то, дьяволъ, вѣдь хреснешься!—говорила таежная дама въ пудреной прическѣ, нахлобучивая шапку своему кавалеру послѣ rendez-vous.

— Ничаво, не бойсь!—сказалъ хрипло Недорѣзъ. Но едва захлопнулась дверь и Недорѣзъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ во мракѣ, какъ вдругъ онъ споткнулся и полетѣлъ въ какой-то оврагъ и затѣмъ очутился въ лужѣ. Сначала онъ былъ озадаченъ, затѣмъ, ощупавъ мокрую почву, онъ сѣлъ и съ чего-то заоралъ пѣсню.... Языкъ его былъ пьяный, горло несло какіе-то дикіе звуки.... Пѣть ему надоѣло, и вдругъ, сдѣлавъ усиліе вытащить изъ тины завязшій бродень и почувствовавъ безсиліе, онъ заоралъ благимъ матомъ на весь пріискъ: „караулъ!" Долго тянулъ Недорѣзъ этотъ вопль о помощи, такъ что усталъ.

Наконецъ гдѣ-то послышались шаги, кто-то подошолъ къ нему и приподнялъ его.

— Это кто? Крученый, это ты?—пробурчалъ Недорѣзъ и налегъ всѣмъ туловищемъ на избавителя.

— Да ну, крѣпись, дьяволъ, на ногахъ, иначе брошу!—сказалъ вышедшій на крикъ Палатовъ, котораго Недорѣзъ принялъ за друга своего Крученаго.

— Ловко мы шаркнули,—бормоталъ Недорѣзъ:—спасибо Протасу Протасычу, ловко онъ ихъ надулъ, чалдоновъ. Свидѣтельство-то... ха-ха-ха .. Ну, чалдоны подписали! ха-ха-ха!—разливался Недорѣзъ.

— Чего подписали? Держись на ногахъ-то,—говорилъ Палатовъ, употребляя усиліе вывести изъ оврага пьянаго.

— Всѣхъ, всѣхъ надули, только я да ты знаемъ. Ха-ха-ха! Урядникъ-то на нашей сторонѣ. Они не знаютъ, что ахтъ-то подмѣнили. А исправникъ — тю! дожидайся! Пріѣдетъ! ха-ха ха!— продолжалъ пьяный Недорѣзъ открывать свои тайны. Но вдругъ послѣ исповѣди своей онъ почувствовалъ, что поддерживавшая его рука бросила его, и онъ смаху полетѣлъ кубаремъ и очутился опять въ той же лужѣ.

Сначала озадаченный, онъ снова почувствовалъ около себя сырость и, не зная, сонъ ли съ нимъ былъ, или дѣйствительно Крученый его оставилъ, разразился проклятіями, а потомъ опять завылъ свой монотонный „караулъ!"

Но Палатовъ былъ уже въ хатѣ Хохла, бросивъ пьянаго Недорѣза. Онъ былъ озадаченъ, пораженъ, кровь его кипѣла. Онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ, размахивая руками. Лука спокойно лежалъ на койкѣ.

— Я тебѣ говорю,—горячился Палатовъ:—что они обманули пріискъ. Надо дать знать исправнику.

— Може и такъ,—говорилъ апатично Хохолъ:—а все же не наше дѣло. Наша хата съ краю.

— Лука!—Палатовъ остановился, сжалъ кулаки и покачалъ головой.—Лука! Я не ожидалъ отъ тебя этого.

Лука молчалъ.

— Ложись спать! хладнокровно отвѣтилъ Лука и повернулся на бокъ.

Палатовъ вышелъ изъ хаты, хлопнувъ дверью, и отправился въ казарму. Тамъ почти всѣ спали. Войдя въ казарму, Палатовъ остановился и прислушался. Было тихо.

Палатовъ увидѣлъ, что рабочіе уже притащили пьянаго Недорѣза. Весь въ грязи, въ полушубкѣ и сапогахъ, онъ спалъ, растянувшись на нарахъ, непробуднымъ сномъ пьяницы. Палатовъ тихо подошелъ къ нему.

— Подлый предатель!—шевельнулось у него, глядя на Недорѣза. Палатовъ поблѣднѣлъ, онъ чувствовалъ, что, будь у него ножъ, онъ бы не остановился всадить его сонному Недорѣзу въ горло; но сразу же опомнился и, какъ бы чувствуя соблазнъ, кинулся вонъ изъ казармы.

Палатовъ возвратился въ хату и, при слабомъ мерцаніи саль-

наго огарка, сталъ молча укладывать свое имущество въ мѣшокъ. Лука лежалъ и смотрѣлъ на сборы Палатова.

— Ты куда?

— Къ исправнику.

— Не ходи,—вздуютъ!

— Нѣтъ, пойду!

Палатовъ вышелъ куда-то на короткое время и возвратился съ двумя караваями хлѣба, которые затолкалъ въ мѣшокъ и сталъ завязывать. Лука поднялся съ койки и сѣлъ.

— Такъ ты идешь?

— Иду.

— Ну, коли такъ—и я пойду съ тобой.... Гдѣ тебѣ одному идти,—сказалъ старикъ.

Они вышли. Ночь была темная. Темныя ели шумѣли кругомъ. Тайга бушевала. Тихо направились въ лѣсъ странники. Такъ осиротѣла избушка стараго Луки.

Рано поутру нарядчикъ Крученый, разбудивъ рабочихъ въ казармѣ, пошелъ въ хату Хохла. Хата оказалась пустой и незапертой. „Бѣжали",—сообразилъ Крученый и отправился съ докладомъ къ Шниперу. Выслушавъ Крученаго, Шниперъ сказалъ:

— Хорошо издѣлали; жалко тольки Хохла, а этотъ негодяй Палатовъ—хоть бы вѣкъ его не было.

Рабочіе вышли на работу. Въ разрѣзѣ, какъ въ раскопанномъ муравейникѣ, закипѣла жизнь. Забойщики подкайливали стѣну золотоноснаго пласта, отваливали ее, разбивали въ куски, размельчали и складывали въ таратайки; возчики понукали лошадей и везли пески на машину; свальщики сваливали въ большія рѣшетчатыя, плоскодонныя, желѣзныя чаши, въ которыхъ вращались желѣзныя лапы; пущенная на чаши вода промывала пески; самородное золото, вмѣстѣ съ водой, иломъ, пескомъ и мелкимъ камнемъ — эфелемъ, проваливалось сквозь рѣшетки на наклонный полъ, поперекъ котораго устроены преграды для задержанія золота; обмытый водою крупный камень выталкивался изъ чашъ желѣзными лапами чрезъ люки въ таратайки; галечники отвозили его на отвалы; эфель и песокъ катились съ водою по наклонному полу машины и чрезъ люки сваливались въ кузовья; эфельщики отвозили ихъ на тѣ же отвалы. Ссыпавъ пески на машинѣ, возчики возвращались къ забойщикамъ, гремя колесами таратаекъ по бревенчатому мосту. Забойщики, въ отсутствіе возчиковъ, промывали золотоносные пески на желѣзныхъ лопатахъ въ небольшихъ ключикахъ, выте-

кавшихъ изъ стѣнъ глубокаго разрѣза; собирали золото на каменныя плитки и сушили на солнцѣ. Машинистъ съ топоромъ въ рукѣ шелъ на водокачку, выбирающую изъ разрѣза воду четырьмя помпами, — шелъ пустить изъ сплотокъ на колесо побольше воды, чтобъ заставить водокачку работать сильнѣе. Въ кузницѣ, устроенной на краю разрѣза, кузнецъ и молотобоецъ въ два молота отвастривали инструментъ—ломы и кайлы, и выгибали желѣзныя лопаты, чтобъ ловчѣе было поддѣвать ими землю. На высокихъ отвалахъ отвальные ровняли гальку и эфель, тамъ же таратаечникъ починялъ разбитые кузовья или ходилъ съ большимъ брызгаломъ и взбрызгивалъ изъ него дегтемъ желѣзныя оси таратаекъ и кузовьевъ.... Шумъ воды, падающей на большія колеса машины и водокачки, грохотъ желѣзныхъ лапъ въ рѣшетчатыхъ чашахъ, раскаты грома колесъ по бревенчатому мосту—заглушали тупой звукъ разбиваемой ломомъ и кайлой земли; но стукъ молота и топора, крикъ возчиковъ на лошадей, шумъ и брань рабочихъ спорили съ шумомъ воды и громомъ колесъ и разносились далеко по горамъ и лѣсамъ тайги.

Въ первый день послѣ отдыха Крученый задалъ рабочимъ урокъ поменьше, чѣмъ задавалъ раньше, до бунта. Рабочіе до обѣда выработали большую половину урока, а послѣ обѣда окончили работы въ пять часовъ. Въ обѣдъ и вечеромъ Шниперъ, сдѣлавшійся посмѣлѣе, ходилъ вмѣстѣ съ урядникомъ „на съемку золота“ съ машины. Вечеромъ, послѣ работъ, рабочіе принесли сдавать Шниперу подъемное золото. Забойщикъ Убродный нашелъ самородокъ въ шесть золотниковъ съ долями, другіе намыли золота на лопатахъ — кто золотникъ, кто четверть, а кто и меньше. Ѳеофила Герасимовна принимала золото, вѣсила на маленькихъ вѣскахъ и говорила:—„Тебѣ, Иванъ, за золотникъ слѣдуетъ восемь стакановъ, а тебѣ, Степанъ, одинъ стаканъ,—у тебя всего двѣнадцать доль“. Забойщики пили вино и угощали возчиковъ. Убродный, выпивъ два стакана, просилъ на радостяхъ, по случаю находки самородка, подать третій.

— Нельзя, Убродный, больше двухъ стакановъ сразу, пьянъ будешь,—уговаривала Ѳеофила Герасимова.

— Ничего, Ѳеофила Герасимовна, я вѣдь смирный, сами знаете,—убѣждалъ Убродный.

Выпивъ третій стаканъ, Убродный выпросилъ четвертый. Другіе рабочіе также выпили по два и по три стакана, охмѣлѣли и стали назойливо лѣзть, прося и требуя вина.—„Мы вѣдь не даромъ

просимъ, а за золото. Наше золото—мы нашли и сдали",—кричали рабочіе. Больше всѣхъ надоѣдалъ смирный Убродный, преобразившійся, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, въ перваго буяна и забіяку. Өеофила Герасимовна не рада была и золоту, заперла двери на крючекъ и никого не впускала. Рабочіе стучали въ двери, просили, молили, ругали и расходились до того, что едва не вышелъ опять бунтъ. Урядникъ едва уговорилъ ихъ идти спать. Шниперъ порядкомъ побранилъ Өеофилу Герасимовну за то, что она давала рабочимъ помногу вина. Долго еще шумѣли рабочіе въ казармѣ и пѣли пѣсни, какъ бы празднуя первый день работъ послѣ трехдневнаго отдыха.

Прошло три дня. Рабочіе присмирѣли. Крученый началъ попрежнему поругивать ихъ и, по приказанію Шнипера, сталъ прибавлять понемногу уроковъ, подводя послѣдніе къ той нормѣ, какая была до бунта. Урядникъ сказалъ Шниперу: „теперь дѣло направилось", и уѣхалъ съ пріиска съ золотыми надеждами на полученіе осенью хорошаго вознагражденія за труды. Всѣ три дня погода стояла прекрасная. Съ яснаго голубаго неба ярко сіяло весеннее солнце, разливало живительную теплоту, пригрѣвало рабочихъ и распускало снѣгъ на горахъ. Въ долинахъ показались проталины, съ горъ потекли ручьи. Небольшая благодатная рѣчка быстро наполнялась водою, сердито шумѣла и пѣнилась. Но вотъ на четвертый день подулъ западный вѣтеръ и пригналъ черныя тучи; пошелъ дождь и согналъ послѣдній снѣгъ въ долинахъ. Послѣ дождя посыпался снѣгъ и снова покрылъ долины бѣлымъ саваномъ, неправильно разрывавшимся темными полосами мутноводныхъ рѣчекъ. Рабочіе промокли и продрогли. Шниперъ приказалъ подать имъ вечеромъ порцію. Ненастная погода зарядила надолго. Дулъ вѣтеръ, шелъ дождь, сыпался снѣгъ попеременно и вмѣстѣ съ дождемъ. Холодъ и слякоть давали себя чувствовать. Рабочіе говорили, что небо провалилось, и ругали непогоду. Благодатная рѣчка раздувалась не по днямъ, а по часамъ; вода начала выходить изъ береговъ и разливаться по площади. Промывка песковъ остановилась на время; стали устраивать плотины и отгородили рѣчку отъ разрѣза высокою насыпью. На плотинахъ день и ночь расхаживалъ сторожъ и слѣдилъ за прибылью воды.

Въ одну прекрасную ночь сторожъ прибѣжалъ къ Шниперу съ роковымъ извѣстіемъ: „прорвало плотину!" Съ Шниперомъ сдѣлался припадокъ. Өеофила Герасимовна послала сторожа къ Крученому. Послѣдній поднялъ на ноги всѣхъ рабочихъ. Но и вода въ это

время не дремала: размывъ плотину, она съ шумомъ и ревомъ ворвалась въ разрѣзъ, смыла борты его, нанесла илу и песку, потопила орудія земляныхъ работъ, размыла и обрушила разрѣзную канаву и въ одинъ часъ наполнила разрѣзъ въ уровень съ бортами, — поплыли мосты по разрѣзу.... И вотъ посмотрите теперь, какъ работаетъ на Шнипера та „каторга", которая за нѣсколько дней назадъ готова была „свернуть ему голову и разорвать его на клочки".

Ночь. Вѣтеръ. Снѣгъ валитъ мокрыми хлопьями. На уцѣлѣвшемъ краю плотины разложенъ большой костеръ. Въ лѣсу раздается стукъ топора. Одни рубятъ колья, чащу и хвою, другіе таскаютъ къ плотинѣ, третьи сдираютъ дернъ и срубаютъ кочки, четвертые носятъ на плотину, пятые тащатъ плахи, катятъ тачки и устраиваютъ „покаты" *).... Подготовительныя работы кончены. Забрезжилось сѣрое утро. Одни полѣзли въ холодную воду, бродятъ по поясъ, забиваютъ колья и перегораживаютъ прорву, другіе тащатъ и складываютъ у кольевъ чащу и хвою, третьи дернъ и кочки, четвертые придавливаютъ каменьями, пятые катятъ землю въ тачкахъ и сваливаютъ, шестые тромбуютъ—прорва сжимается съ обѣихъ сторонъ. Вода злится, ломаетъ, коверкаетъ и тащитъ колья, чащу, хвою и дернъ. Но борцы съ природой упорно забиваютъ новые колья, прибавляютъ чащи, бросаютъ камни, сыплютъ землю, бродятъ въ водѣ, торопятся, падаютъ, бранятся, клянутъ всѣхъ и вся, и побѣждаютъ: къ обѣду прорва захвачена, вода сочится черезъ нее понемногу. Но остановить работу, всетаки, нельзя, нельзя дать усилиться водѣ......

— Жрать хочется! полсутокъ не ѣли!—кричатъ рабочіе.

— Потерпите, ребятушки, немного,—упрашиваетъ Крученый.— Прибавьте еще вотъ тутъ земли, вотъ здѣсь хвои.

— Заколѣли, какъ собаки!

— Выпейте, ребятушки.

Боченокъ съ виномъ не сходилъ съ мѣста работъ. Рабочіе подходятъ, пьютъ и, не щадя живота своего, лѣзутъ опять въ воду..... Кто-то принесъ два мѣшка хлѣба; разобрали, разломали на куски; закусываютъ и работаютъ.... Безъ отдыха и безъ обѣда рабочіе кончили къ вечеру новую, прочную плотину!

Да, читатель, только въ тайгѣ, на пріискахъ вы встрѣтите истинныхъ героевъ труда.

*) Мостки, по которымъ катаютъ тачки.

VI.

Бѣглецы и медвѣдь.

Гремучее зимовье стоитъ на берегу неширокой, но быстрой таёжной рѣки, сжатой съ обѣихъ сторонъ высокими горами. Впереди, насупротивъ зимовья, поднимается изъ воды высокая отвѣсная скала, вершина которой оканчивается зубцами башенъ причудливой формы. У подножія скалы вѣчно шумитъ и пѣнится рѣка, разбиваясь о каменья. Позади зимовья, какъ бы сторонясь подальше отъ скалы, растянулись полукругомъ высокія горы, покрытыя густымъ хвойнымъ лѣсомъ, и образовали широкую поляну, на которой и построено зимовье, получившее свое названіе отъ шума и грома воды. Зимовье это состоитъ изъ дома, въ одной половинѣ котораго живетъ зимовщикъ, а другая содержится чистою для пріѣзда золотопромышленниковъ и ихъ служащихъ; съ одной стороны дома построена казарма, въ которой останавливаются рабочіе, когда идутъ на пріиски и выходятъ съ нихъ. Рядомъ съ казармой устроенъ на столбахъ небольшой навѣсъ—кашеварня, гдѣ рабочіе приготовляютъ себѣ пищу. Съ другой стороны дома стоитъ амбаръ, въ которомъ хранятся съѣстные припасы зимовщика и небольшой запасъ хлѣба золотопромышленниковъ для выдачи рабочимъ. За амбаромъ устроены дворы, а за ними станокъ, въ которомъ подковываютъ лошадей. Если къ этому прибавить еще новую баню, которую устроилъ для себя зимовщикъ на берегу рѣки, то тѣмъ и закончится вся постройка на Гремучемъ зимовьѣ.

Шестнадцатаго мая на полянѣ Гремучаго зимовья видна была зелень; тальникъ, росшій по берегу рѣки, начиналъ развертывать почку; черемуха и рябина, разбросанныя по полянѣ кустами, тоже начинали набирать почку. По всѣмъ признакамъ здѣсь начиналась весна. Позади зимовья паслись двѣ лошади и двѣ коровы и чинно расхаживала съ семействомъ вислоухая свинья, выбирая мѣсто, гдѣ бы удобнѣй распахать своимъ пятакомъ влажную землю. Во дворѣ рылись въ навозѣ куры. Передъ домомъ, растянувшись на пескѣ, лежало полдюжины большихъ собакъ; столько же босыхъ, всклоченныхъ ребятъ бѣгало и ползало по песку, играя съ щенятами. Былъ полдень; солнце пригрѣвало повесеннему... Вдругъ собаки залились громкимъ лаемъ,

бросились къ берегу и поскакали вдоль его вверхъ по рѣкѣ; щенята пустились за ними же, нѣжно тявкая молодыми голосками; ребята закричали: „медвѣдь идетъ!“ и стреканули въ домъ; испугали на крыльцѣ сладко дремавшаго кота, который мигомъ вскочилъ по углу на домъ и, поднявъ полѣномъ хвостъ, спокойно расхаживалъ по крышѣ. На пескѣ остался одинъ годовой карапузъ, который не умѣлъ еще бѣгать, зато мастеръ былъ кричать и кричалъ изо всей силы; лошади, навостривъ уши, смотрѣли по направленію лая собакъ, коровы флегматически жевали траву, куры кудахтали; только свинья, не обращая ни на кого вниманія, копала землю.

Изъ дома вышелъ въ одномъ бѣльѣ высокій, здоровый мужикъ съ заспанными глазами и, не обращая вниманія на крикъ ребенка, пошелъ на берегъ, приложилъ руку ко лбу козырькомъ и сталъ всматриваться вдаль, за рѣку. „Ло-о-дку!“—едва доносилось съ верху рѣки.—„Кого еще тамъ принесло!“—проговорилъ мужикъ и пошелъ въ домъ одѣваться, захвативъ по пути сынишку. Мужикъ этотъ былъ зимовщикъ Трифонъ Ивановичъ, по прозванію Пехтерь. Онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ служилъ конюхомъ у одного золотопромышленника и такъ угодилъ ему, что тотъ упросилъ другихъ золотопромышленниковъ сдѣлать Пехтеря зимовщикомъ. Пехтерь женился и счастливо зажилъ на Гремучемъ зимовьѣ, плодя— отъ нечего дѣлать—ребятишекъ. Онъ жилъ здѣсь и зиму, и лѣто со своимъ семействомъ, вдали отъ всего живаго. Лѣтомъ еще было развлеченіе: часто проѣзжали золотопромышленники и служащіе, Пехтерь подавалъ имъ самоваръ и, проводивъ гостей, шелъ ловить рыбу или стрѣлять глухарей. Случалось ему и съ медвѣдемъ встрѣчаться; онъ не разъ сражался съ этимъ хозяиномъ тайги и одолѣвалъ его съ помощью собакъ. Зимой же скука была невыносимая: до января мѣсяца, кромѣ домашнихъ, ни одной живой души не увидишь. Въ январѣ по глубокому снѣгу проминали дорогу на пріиски и являлись сначала конюха, а потомъ проходили партіи рабочихъ и транспорты съ хлѣбомъ и товаромъ. Зато осенью, когда выходили рабочіе съ пріисковъ, Пехтерю некогда было скучать и дремать; онъ по цѣлымъ ночамъ не спалъ: одному продай бѣлаго хлѣба, другому молока, третьему яицъ, четвертому рыбы, пятому спирта.. а больше всего спрашивали спирта... Пехтерь бралъ рукавицы, бродни, голяшки, сапоги и золото, сбывалъ все это золотопромышленникамъ-арендаторамъ и наживалъ хорошія деньги.

Одѣвшись на скорую руку, Пехтерь захватилъ отъ крыльца весло и шестъ и пошелъ на берегъ; спустилъ на воду лодку, сталъ въ нее и, упираясь въ дно рѣки шестомъ, началъ подниматься, придерживаясь берега, вверхъ по рѣкѣ. Подавшись саженъ на сто впередъ Пехтерь увидѣлъ на другомъ берегу двухъ человѣкъ и собаку и, крикнувъ имъ: „идите ниже къ камню!“—бросилъ шестъ на дно лодки, взялъ весло и началъ проворно грести то съ той, то съ другой стороны. Переправившись и увидѣвъ путниковъ, онъ воскликнулъ:

— На-те лѣшій! Да это ты, Лука! Куды ты это пошелъ?

— Въ деревню.

— Да што ты вздумалъ! никогда тебя не видалъ въ таку пору?

— Такъ... вздумали съ товарищемъ да съ Арапкой и пошли; кто мнѣ можетъ запретить!... хе!—сказалъ Хохолъ.

Арапка, услышавъ свое имя, поглядѣлъ на Луку и помахалъ хвостомъ, какъ бы желая сказать: да, и я вздумалъ уйдти съ пріиска.

— А кто это съ тобой другой? Не видывалъ што-то; кажись, изъ новыхъ?—спросилъ Луку Пехтерь.

— Палатовъ,—отвѣтилъ за себя другой.

— Ну, садитесь въ лодку.

Лука и Палатовъ сѣли, Арапка вскочилъ за ними и всѣ четверо поплыли къ зимовью.

Когда пріѣхали къ берегу и подошли къ зимовью, опытный Хохолъ осмотрѣлъ мѣстность и спросилъ быстро Пехтеря:

— А это чьи у тебя кони привязаны?

— А это пріѣхалъ служащій и казакъ Дранковскаго ловить бродягъ. Вотъ ужъ четвертый день живутъ.

— Гдѣ же они?

— Кто? бродяги? А кто ихъ...

— Нѣтъ, служащій и казакъ.

— Пошли на гору караулить. Рази вы не видали ихъ?

— Гдѣ увидишь,—тайга.

Хохолъ смекнулъ, что надо убираться отсюда, и намекнулъ Палатову.

— Что же, закусите и отдохнете?—спрашивалъ гостепріимно Пехтерь.

— Нѣтъ, спасибо, мы торопимся. А вотъ что мнѣ удружи!—Лука досталъ изъ котомки двѣ пары новыхъ рукавицъ и, положивъ ихъ предъ Пехтеремъ, сказалъ:—дай намъ спиртику подкрѣпиться.

Пехтерь мелькомъ взглянулъ на новыя рукавицы и сказалъ:— отчего не дать! Пошелъ къ женѣ, принесъ бутылку и краюху хлѣба. Жадно выпили усталые путники по стакану вина и начали скоро ѣсть. Они были измучены отъ перваго перехода.

— Когда вышли?—спросилъ мелькомъ Пехтерь.

— Сегодня въ полночь.

— Ладно отмахали,—сказалъ Пехтерь.—Что же, развѣ не отдохнете?

— Нѣтъ, спасибо, надо торопиться: по дѣлу идемъ,—сказалъ Лука. Бросивъ нѣсколько кусковъ ласкавшемуся Арапкѣ, безпокойно оглянувшись въ сторону, гдѣ была гора, на которой караулили бродягъ казакъ и приказчикъ, путники быстро простились съ Пехтеремъ.

— Счастливаго пути!—сказалъ онъ.

Пехтерь былъ человѣкъ опытный, много онъ видалъ народу и ему не было дѣла, кто и куда идетъ. Онъ также дружелюбно принималъ и бѣглеца, и казака, ѣдущаго ловить его. Для того и другаго у него одинаково былъ спиртъ, и въ его кладовой хранились и вычищенная казенная лядунка, кобуръ отъ пистолета рядомъ съ бродяжескимъ броднемъ. Они уживались въ хранилищѣ Пехтеря, какъ уживаются въ сибирской жизни щеголеватый заѣзжій чиновникъ и неотесанный подрядчикъ изъ мужлановъ, измѣряясь одною единицею сибирской цѣнности: „за что ихъ можно продать и по чемъ купить“.

Тропа, разбитая мѣрными шагами лошадей въ ступнякъ, шла по берегу, внизъ по теченію рѣки, извиваясь между деревъ, и, обходя пни и колоды, мѣстами она спускалась къ самой водѣ и терялась въ камняхъ, мѣстами поднималась на крутой берегъ и шла густымъ лѣсомъ и болотистыми топями, чрезъ которыя были устроены когда-то длинные, узкіе мосты, теперь сгнившіе и развалившіеся. Путники шли одинъ за другимъ молча. Арапка бѣгалъ по сторонамъ, отыскивая дичь и, увидѣвъ гдѣ нибудь на деревѣ бѣлку, долго лаялъ на нее, отставалъ и опять догонялъ. Къ закату солнца путники подошли къ небольшому ручью, протекавшему шумя у подошвы высокой горы; разулись, перебрели и остановились на небольшой полянѣ вблизи рѣки. Здѣсь тропа круто поворачивала въ гору.

— Ночуемъ тутъ,—сказалъ Лука товарищу.—На горѣ теперь снѣгъ, холодно.

— Пожалуй!—сказалъ Палатовъ и бросился на землю.

Замѣтивъ на лицѣ Палатова полное изнеможеніе, Хохолъ, улыбнувшись, сказалъ:

— Что, легко по тайгѣ ходить? Ахъ ты, молодой воробей! Туда же—пойду да пойду. Погоди, это цвѣточки, а вотъ хватимъ еще горячаго.

Эти сутки дались имъ дѣйствительно не легко. Была половина мая, а на горахъ снѣгъ лежалъ. Идти среди непроходимой тайги, пролагая дорогу среди корягъ, попадая безпрестанно въ канавы, проваливаясь и снова преодолѣвая пни и коряги,—было не легко. Только что, напрягши всѣ усилія, приходилось имъ выкарабкаться изъ трясины или подняться на крутую гору, какъ требовалось вновь еще большее напряженіе, такъ какъ передъ ними выростало новое препятствіе. Тѣ, кто сразу горячо берется проломать тайгу, истрачиваютъ всѣ силы въ первый моментъ и на слѣдующій ихъ уже не достаетъ. Это жребій неопытныхъ бѣглецовъ, обыкновенно обезсиливающихъ и часто погибающихъ. Лука, какъ человѣкъ опытный, зналъ эти трудности, онъ исходилъ тайгу. Палатовъ пропалъ бы безъ его указаній и примѣра. Но насмѣшка опытности, какъ всегда, подѣйствовала больно на молодое самолюбіе.

— Я не усталъ,—сказалъ, поднявшись, Палатовъ, но сразу почувствовалъ, что ноги его подкосились, съ непривычки утомленіе дало себя почувствовать страшной болью во всѣхъ мускулахъ. Молодость не можетъ допустить, чтобы она была чѣмъ либо пристыжена и осталась позади. Она привыкла насмѣхаться надъ старостью, какъ старость въ свою очередь видитъ такъ часто ползающихъ около себя безсильныхъ дѣтей, что иногда не замѣчаетъ среди нихъ молодаго Геркулеса и Атласа.

— Не усталъ, такъ пойдемъ дрова рубить; мы, братъ, вѣдь здѣсь не на фатерѣ: сами должны и о теплѣ позаботиться.

Палатовъ сдѣлалъ усиліе подняться; онъ былъ какъ бы сконфуженъ Лукой, какъ вдругъ тотъ съ добродушной улыбкой сказалъ ему:

— Ну, ну, лежи! Не велика важность охабку нарубить! На слѣдующій разъ твой будетъ чередъ.

Эта хитрость старика примирила самолюбивую молодость, которая никогда не подозрѣваетъ, что у хитрой старости есть много золотаго опыта, чтобы подкупить даже юное рыцарство.

Лука нарубилъ дровъ, и скоро путники разложили большой костеръ, повѣсили надъ нимъ котелокъ съ водой на воткнутой въ землю длинной палкѣ, раздѣлись и обсушились возлѣ огня, напились чаю и дали Арапкѣ кусокъ хлѣба. Солнце скрылось за горой;

наступили сумерки; отъ рѣки повѣяло холодомъ. Товарищи заготовили побольше дровъ на ночь, подбросили на костеръ и улеглись по обѣимъ сторонамъ его, подложивъ подъ головы котомки. Арапка свернулся въ ногахъ у Луки.

— Знаешь, Лука, что я думаю,—сказалъ Палатовъ:—давай, устроимъ завтра плотъ и поплывемъ по рѣкѣ.

— А что, утонуть хочешь?

— Ничего, я плавать умѣю,—я по Волгѣ плавалъ.

— Немного наплаваешь тутъ, а если и выплывешь, то все потопишь. Давай лучше спать!—сказалъ Хохолъ.

Оба товарища вскорѣ уснули у костра, пригрѣваемые огонькомъ. Какъ мертвые спали бѣглецы, костеръ потухалъ. Лука раза два въ старческой чуткой дремотѣ поднимался и подкидывалъ дровъ. Лука, какъ старецъ, не любилъ сна—онъ напоминаетъ подъ конецъ жизни о смерти. Онъ взглядывалъ улыбаясь на Палатова. Увы! старости иногда суждено подбавлять огня молодости! Передъ зарею, однако, и желѣзнаго Луку сморилъ сонъ. Въ послѣднiй разъ онъ открылъ глазъ и, видя, что все спокойно, забылся. Онъ даже пригрѣлъ и завернулъ полою дрожавшаго Арапку. Спутники крѣпко спали, но всякая тайга таитъ въ себѣ недремлющаго врага. Этотъ врагъ давно сторожилъ и чуялъ, что въ сосѣдяхъ есть люди. Онъ два раза осторожно обходилъ кругомъ лѣсъ. Это былъ неуклюжiй, но весьма ловкiй въ лѣсу медвѣдь. При малѣйшемъ движенiи Луки этотъ медвѣдь останавливался. Но вотъ онъ, заслышавъ тишину, сталъ тихо пробираться; не задѣвъ сучка, онъ подходилъ къ странникамъ, чтобы подняться на дыбы и кого нибудь слопать. Это былъ голодный медвѣдь, недавно оставившiй спячку. Нѣсколько дней бродилъ онъ и хваталъ что попадетъ: и вертлявую бѣлку, и зазѣвавшуюся тетерю, но мелкая дичь мало удовлетворяла его аппетитъ, онъ хотѣлъ сожрать что нибудь солидное. Какъ представитель всякой неуклюжей силы, онъ былъ упрямъ, жестокъ и хитеръ по-своему. Но, какъ у всякой звѣрской натуры, у него не достаетъ выдержки, когда жертва близко. Вмѣсто осторожной стратегiи, онъ вдругъ прорывается и прямо попадаетъ на рогатину или дубину. Пасть этого врага и теперь была отворена, слюни бѣжали. Послѣ нѣсколькихъ шаговъ онъ поднялся на дыбы и вдругъ попалъ на сукъ, который громко хряснулъ.

Этотъ звукъ въ сухомъ лѣсу не могъ не донестись до чуткаго Арапки, хотя Лука сдѣлалъ неосторожность, прикрывъ его зипуномъ.

Какъ часто мягкость сердца стóитъ иногда жизни великодушнымъ натурамъ.

Вдругъ раздался тревожный лай почуявшаго опасность Арапки. Лука вскочилъ, посмотрѣлъ по сторонамъ, но кругомъ была тишина. Хищникъ улепетывалъ тѣми же тихими шагами, боясь за свою шкуру.

— Дуракъ!—сказалъ Лука Арапкѣ:—чего ты будишь и лаешь на вѣтеръ?

Такъ часто сонный обыватель говоритъ печати:—Чего ты лаешь? Видишь, все тихо...

На темномъ небѣ среди деревьевъ легла легкая полоса свѣта. Чувствовалась близость зари. Лука поднялся.

— Вставай чай пить, да пойдемъ!—сказалъ онъ.

Палатовъ сталъ разминать усталыя ноги.

— Что, болятъ?

— Поютъ съ непривычки.

Напившись чаю, путники отправились въ походъ. Каменистая тропа поднималась въ гору по крутому скату. Съ обѣихъ сторонъ сжимали ее громадные кедры и пихты, мѣстами перегораживали свалившіеся древесные стволы, мѣстами выступали на поверхность большіе камни, изборожденные подковами лошадиныхъ копытъ. Съ половины горы сталъ показываться снѣгъ на тропѣ.

— Смотри-ко, Матвѣй, кто-то прошелъ,—замѣтилъ Лука.

— Должно быть, нашъ братъ... Отъ Дранковскаго.

— И не одинъ слѣдъ... Да что за бѣсъ—одинъ будто не человѣчій!..

Палатовъ посмотрѣлъ на слѣдъ и сказалъ:

— Нѣтъ, человѣчій; въ бродняхъ шли.

Опять молча стали подниматься путники въ гору, склонивъ головы... Чѣмъ выше они поднимались, тѣмъ больше становилось снѣгу на тропѣ. Вдругъ Арапка, бѣжавшій впереди, повернулъ назадъ и, поджавъ хвостъ, сталъ тереться у ногъ Луки, жалобно взвизгивая.

— Ты что визжишь?—Лука взглянулъ впередъ и остановился, Палатовъ выглянулъ изъ-за спины его и тоже всталъ, какъ вкопанный... Предъ ними саженяхъ въ тридцати стоялъ на самой тропѣ на заднихъ лапахъ большой медвѣдь.

— Пойдемъ назадъ,—проговорилъ дрожащимъ голосомъ Палатовъ.

Лука выдернулъ изъ-за кушака топоръ.

— Ни съ мѣста! кричи!.. и заоралъ самъ:—пошелъ съ дороги, чортова скотина!

— Го, го, го!—вторилъ Палатовъ.

Медвѣдь посмотрѣлъ на нихъ, покосился, повернулся въ сторону, опустился на всѣ ноги и пошелъ впередъ по тропѣ.

— Воротимся, Лука,—настаивалъ Палатовъ.

— Пойдемъ; не тронетъ, только не дразни... кричи...

Товарищи, безпрестанно крича, стали подаваться понемногу впередъ, Арапка вертѣлся около ихъ ногъ. Медвѣдь тоже шелъ впередъ; но ему скоро надоѣло подниматься въ гору по снѣгу и слушать крикъ, онъ повернулъ въ сторону и по косогору пошелъ внизъ подъ гору. Товарищи смотрѣли на него и кричали до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся между деревьевъ.

— А вѣдь на зорькѣ, должно быть, онъ, бѣсовъ сынъ, подходилъ къ намъ; Арапка шибко лаялъ на кого-то,—проговорилъ Лука.

— Чортъ его знаетъ! Не видишь—ничего, а увидишь—страшно,—сказалъ Палатовъ.

— Да, страшенъ онъ спервоначалу, кто его не встрѣчалъ въ лѣсу, а ты не бойся медвѣдей. Развѣ не страшнѣе злые люди, а вѣдь мы ходимъ среди нихъ,—сказалъ философически Лука и зашагалъ дальше.

VII.

На плоту.

Высоко поднимаются таёжные хребты одни за другими, темные лѣса щетиною покрыли ихъ. Эти мохнатыя горы смотрятъ гигантскими животными, улегшимися другъ подлѣ друга. Когда вы взберетесь на одинъ изъ этихъ хребтовъ, предъ вами синѣетъ амфитеатръ горъ, и вы теряетесь передъ этимъ величіемъ пустыни, передъ ея безконечностью, передъ этимъ моремъ лѣсовъ, среди пропастей, долинъ, впадинъ и возвышенностей. Человѣкъ здѣсь кажется ничтожнымъ и чувствуетъ свое безсиліе. Одинокій и неопытный странникъ чувствуетъ страхъ. Инстинктивно это чувство робости и невольнаго благоговѣнія охватывало понемногу и Палатова, по мѣрѣ того, какъ онъ погружался въ тайгу.

Палатовъ двигался медленно и постоянно пробуя почву. Поднявшись съ Лукой на хребетъ, они попали въ полосу снѣга, не тающаго долго въ лѣсу. Отъ источниковъ этотъ снѣгъ былъ рыхлый.

Путники шли молча, преодолѣвая препятствія.

— Вотъ попасть бы только теперь на Задорную, а тамъ ужъ сутокъ 4 до Забоевки, а тамъ... и деревни пойдутъ,—сказалъ Лука.

Доселѣ ни разу спутники не говорили о цѣли путешествія.

Палатовъ встрепенулся.

— А гдѣ исправницкій станъ?—сказалъ онъ, выразительно взглянувъ на Хохла.

Хохолъ угрюмо молчалъ.

— Гдѣ исправникъ—то?—повторилъ онъ:—говорятъ, въ селѣ Крутолговѣ, богатѣйшее село, говорятъ, и исправникъ богатѣй...

Лука взглянулъ на него изподлобья.

— Ты не бросилъ же дури идти къ нему?—сказалъ Лука.

— А куда же мы идемъ?!—вдругъ остановился озадаченный Палатовъ и покраснѣлъ.

— Не знаю кажу... сказалъ Хохолъ.—Сказалъ-же пойдемъ, ну, и пошли!

— Да ты—то куда идешь?—съ горячностью вскрикнулъ Палатовъ. Ему хотѣлось назвать своего пріятеля Луку старымъ хрѣномъ и бабой за его безучастіе и нерѣшительность.

— Не знаю жь—повторилъ Лука:—я никуда нейду. Вотъ сяду и люльку закурю, мнѣ же-жь вездѣ хорошо.

Онъ сѣлъ на вѣковой развѣсистый пень отъ громаднаго кедра. Палатовъ стоялъ въ недоумѣніи и сдерживалъ чувство, расходившееся въ немъ. Лука какъ будто смѣялся надъ нимъ.

— Упрямый хохолъ!—думалъ Палатовъ.

Лука сидѣлъ и курилъ такъ спокойно, будто онъ вышелъ за ворота своего дома и курилъ, не думая ни о какой дальнѣйшей цѣли. Это было олимпійское спокойствіе таёжника. Нужно было дѣйствительно свыкнуться много лѣтъ съ этой пустыней, понять ея поэзію, знать каждый уголокъ ея, чтобы чувствовать себя въ ней, какъ чувствовалъ Лука.

— Я 40 лѣтъ хожу бродягой по тайгѣ, а къ исправнику не заходилъ и не пойду,—сказалъ Хохолъ и, вынувъ трубку изо рта, флегматически сплюнулъ.

— Ну, такъ я одинъ пойду,—сказалъ Палатовъ и сталъ спускаться. Хохолъ послѣдовалъ за нимъ.

Лука брелъ по рыхлому снѣгу, какъ по водѣ, медленно, вѣрно. Палатовъ ступалъ нервно, порывисто, такъ что брызги летѣли по сторонамъ. Чѣмъ ниже спускались путники, тѣмъ меньше было снѣгу, наконецъ, въ полугорѣ и совсѣмъ его не было. Переваливъ

горный хребетъ, путники спустились въ широкую долину и подошли къ рѣчкѣ, имѣющей не болѣе семи саженъ въ ширину. Черезъ рѣчку эту въ лѣтнее время могли куры бродить, а теперь она, по выраженiю Луки, „дурѣла“: съ шумомъ и ревомъ быстро неслась по каменному дну, подхватывала съ низменныхъ береговъ свалившiяся деревья, несла ихъ, сбирала въ узкихъ мѣстахъ въ кучи-наносы, разбивала опять эти наносы и несла дальше... Перебраться черезъ рѣчку въ бродъ было немыслимо.

— Надо строить переходъ,—сказалъ Лука.—Пойдемъ по берегу искать большое дерево.

Пошли по берегу, нашли у самой воды толстый кедръ, посмотрѣли на него—хватитъ черезъ рѣчку, и принялись рубить въ два топора. Черезъ полчаса кедръ былъ подрубленъ, наклонился на рѣчку, заскрипѣлъ, зашумѣлъ и рухнулся срединой на воду, а вершиной на землю, на противоположный берегъ, такъ сильно, что вершина надломилась.

— Сдержитъ меня, сдержитъ и тебя,—проговорилъ Лука и сталъ осторожно перебираться по дереву впередъ бокомъ, держась за сучья. Вода напирала на нижнiя вѣтви кедра и сильно трясла его. Лука перебрался благополучно; скинулъ съ себя котомку и крикнулъ Палатову: „иди, не бойсь“! Палатовъ сталъ пробираться по дереву такъ же осторожно, какъ и Лука; перешелъ уже больше половины рѣчки; оставалось двѣ сажени, но это были самыя трудныя двѣ сажени: надломленная вершина подъ тяжестью Палатова и подъ напоромъ воды такъ много осѣла, вода такъ сердито трясла ее, что, казалось, будто бы и Палатова трясла самая злая лихорадка. Палатовъ подавался медленно, шагъ—не болѣе вершка. Напоромъ воды начало вершину выгибать...—Скорѣй, Матвѣй!.. Но вдругъ—крахъ! и вершина переломилась... Палатовъ полетѣлъ навзничъ въ воду... „Держись“!.. Вода понесла обѣ половины кедра и Палатова... Лука былъ уже въ 10 саженяхъ ниже перехода и, ухватясь лѣвою рукой за росшую надъ водой талину, спрыгнулъ въ воду, схватилъ правой несшагося стрѣлой по водѣ Палатова за воротъ и выбросилъ его на берегъ. Вершина кедра ударила Луку въ спину, повернулась и понеслась дальше...

— Ну, вотъ и покупались,—говорилъ Лука, вылѣзая на берегъ. Поплавалъ... А хотѣлъ еще плыть по большой рѣкѣ. Эхъ ты!..

Палатовъ стоялъ на берегу. Вода скатывалась съ него ручьями, онъ дрожалъ отъ холода.

Тропа шла по болотистой долинѣ внизъ по теченiю рѣчки. Къ

закату солнца они подошли къ устью рѣчки, впадающей въ знакомую уже намъ рѣку, и отправились внизъ по теченію. Пройдя немного берегомъ, они услышали въ полугорѣ стукъ топора. Чѣмъ дальше они подавались впередъ, тѣмъ яснѣе становился стукъ. Наконецъ, между стволами обгорѣвшихъ сухихъ деревьевъ они увидали на скатѣ горы двухъ человѣкъ, которые срубали деревья, третій тащилъ очищенное бревно подъ гору къ рѣкѣ, а четвертый сидѣлъ на пнѣ, склонивъ голову.

— Плотъ хотятъ строить,—замѣтилъ Лука. Подошли ближе Арапка съ громкимъ лаемъ бросился впередъ. Два лѣсоруба побѣжали въ гору, въ лѣсъ, третій, что тащилъ бревна, остановился, сталъ присматриваться и закричалъ своимъ товарищамъ:—„Чего вы испугались? Воротитесь,—это наши!“ Только четвертый сидѣлъ на пнѣ, не шевелясь. Окликнувшій товарищей рабочій внимательно разсматривалъ подходившихъ къ нему путниковъ и, вдругъ ударивъ себя руками по бедрамъ, съ какимъ-то восторгомъ закричалъ.

— Лука! На силу узналъ... Здорово, братъ Лука! Куды тебя Богъ несетъ?

Лука съ Палатовымъ подошелъ къ этому рабочему и посмотрѣлъ ему въ запачканное сажей лицо.

— Да это ты, Спиридонъ?

— Я, братъ, Лука, какъ есть—я!

— Ну, здравствуй! Ты у кого нынче?

— У Ковалева, братъ... чтобъ ему подохнуть!

Съ горы подошли еще двое рабочихъ и поздоровались. Одинъ тоже назвалъ Луку по имени.

— Вы отъ кого?—спросилъ Лука.

— Отъ Дранковскаго.

— Васъ ждутъ на Гремучемъ,—замѣтилъ Палатовъ.

— Пусть ихъ ждутъ тамъ, а мы здѣсь.

Солнце закатилось за гору. Наступилъ тихій, прохладный вечеръ. Наши путники остались ночевать съ новыми товарищами; составилась партія бѣглецовъ въ шесть человѣкъ. У Спиридона нашлось нѣсколько фунтовъ вяленаго мяса и немного крупы. Лука взялся сварить „добрый супъ“, разрубилъ мясо на мелкіе куски, разложилъ съ крупой въ три котелка, пошелъ въ гору, нарвалъ молодой черемши *), накрошилъ и ссыпалъ въ тѣ же котелки. И

*) Черемша—иначе колба, трава, употребляемая на пріискахъ отъ цынги.

дѣйствительно, супъ съ черемшей вышелъ хорошій, по крайней мѣрѣ, на вкусъ усталыхъ и голодныхъ бѣглецовъ. Только Палатову что-то не ѣлось.

Около костра шли разговоры: кто и когда бѣжалъ съ пріиска, какъ шли, какія были приключенія. Оказалось, что у другихъ бѣглецовъ также были побудительныя причины.

— Хозяинъ нашъ, — разсказывалъ Спиридонъ, — какъ намылъ нонись на сорокъ человѣкъ три пуда золота, такъ и не подступайся, такой баринъ сталъ: ходитъ — руки въ карманы, носъ этакъ кверху задираетъ, разговаривать ни съ кѣмъ не хочетъ. А давно-ли фельдшеришкомъ былъ. Станешь выписку просить; ты одно просишь, а онъ тебѣ выпишетъ чего знаетъ да и броситъ листикъ въ глаза: получай, говоритъ, чего даютъ. Нанялъ по себѣ какого-то служащаго, цѣлый день, какъ собака, на всѣхъ лается, а то и въ шею закатитъ. Заспоришь—урокъ большой, а онъ идетъ жаловаться хозяину, а тотъ кричитъ: заморю на работѣ, хошь всю ночь работай, а урокъ, говоритъ, кончай... Вотъ въ эту выписку попросилъ бродни—не далъ! говоритъ, долженъ много... Поработалъ, поработалъ... броденки развалились... Чортъ съ тобой, думаю, и съ твоимъ пріискомъ! Взялъ да и пошелъ.

О товарищѣ своемъ Спиридонъ разсказалъ почти то же, что случилось и съ Горемычнымъ; разница только та, что товарищъ Спиридона послѣ побоевъ въ больницѣ не умеръ, а убѣжалъ.

— А у насъ хозяинъ,—говорилъ одинъ изъ рабочихъ Дранковскаго, Семенъ,—такъ покраситъ еще Ковалева. Самъ панъ и пановъ набралъ себѣ на службу. Бѣда съ этими панами, ничего отъ нихъ путняго не услышишь, только кацапъ да кацапъ, пся-кревъ!.. Нашъ Дранковскій вздумалъ забить окна въ казармахъ рѣшотками, какъ въ острогѣ... Чортъ его знаетъ, пондравилось што ли ему самому сидѣть за рѣшетками! Мы было тово... за што, молъ, садишь насъ за рѣшетки, а онъ говоритъ—не бѣгайте... У казармы по ночамъ караулъ ставитъ, то казачишко ходитъ.... я думаю, наплюю я вамъ въ козлиныя бороды, и ушелъ прямо съ работъ: въ обѣдъ унесъ въ лѣсъ котомку съ хлѣбомъ и топоръ, а вечеромъ махни-драло!

Лежа у костра, Палатовъ прислушивался къ этимъ разсказамъ, но скоро потерялъ нить ихъ, въ забытьѣ у него все смѣшалось. Представилась ему судьба Горемычнаго: онъ видѣлъ его худымъ, измозженнымъ въ работѣ. Горемычный смотрѣлъ на него умоляющими глазами.

А потомъ все вдругъ смѣнилось. Знакомый берегъ Волги, вонъ знакомое село съ куполомъ церкви, на берегу женщины полощутъ бѣлье. Вонъ его старая мать; мать подошла и смотритъ за рѣку, точно узнала его чуткимъ материнскимъ сердцемъ.

— Матушка! родная!—крикнулъ съ рыданіемъ въ голосѣ Палатовъ. Но вдругъ онъ увидѣлъ, какъ Лука его держитъ сильными руками и не пускаетъ. Онъ дико рванулся. Завязалась страшная, отчаянная борьба.

Эта борьба была наяву уже. Палатовъ былъ въ безпамятствѣ, горячечный бредъ охватилъ его, и Лука увидалъ его уже бѣгущимъ къ рѣкѣ. Страшно бился Палатовъ въ рукахъ силача Хохла, безуміе придало неестественныя силы его молодому тѣлу. Хохолъ изнемогалъ и хрипѣлъ, когда его душилъ Палатовъ, пока не выручили остальные рабочіе, подоспѣвшіе на помощь. Больнаго положили и голову отлили водой.

Холодные души понизили жаръ. Больной Палатовъ впалъ въ изнеможеніе и застоналъ.

— Ахъ бѣдный, бѣдный, какъ теперь его оставить здѣсь?—говорили товарищи.

— Я съ нимъ останусь,—сказалъ мрачно Хохолъ.

— Нѣтъ, братъ, это не потоварищески; мы тебя не оставимъ одного.

— Знаешь что,—сказалъ Спиридонъ:—давайте плотъ доканчивать, я вамъ вчера говорилъ, лихо сплавимся и больнаго возьмемъ.

— А вода?... Нехай его, не поѣду,—сказалъ Хохолъ, имѣвшій предубѣжденіе противъ водяныхъ экскурсій.

— Что вода! я лоцманомъ былъ, барки сплавлялъ; неужели не сплавить плотишко?

Хохла начали уламывать. Онъ раздумалъ и рѣшилъ, что оставаться въ лѣсу хуже: запаса не было. Начались приготовленія.

Срубили восемь деревъ, вырубили и отесали двѣ греби, срубили и вытесали иглу, опроушили бревна и стали спускать ихъ на воду, надѣвая одно за другимъ на иглу. Спустивъ всѣ бревна и закрѣпивъ комли ихъ на иглѣ, положили къ вершинамъ поперекъ бревенъ двѣ ронжи и каждыя два бревна, обвивъ кольцами изъ распаренныхъ таловыхъ прутьевъ, прикрѣпили къ ронжамъ клиньями. Плотъ готовъ. Спиридонъ устроилъ на обоихъ концахъ скамьи подъ греби; Павелъ сдѣлалъ посрединѣ небольшое возвышеніе—помостъ изъ тонкаго лѣса и хвои для больнаго и котомокъ; Лука срубилъ двѣ тонкія, длинныя талины (одну съ кор-

нями), связалъ ихъ вершинами вмѣстѣ, сдѣлалъ веревку и прикрѣпилъ эту деревянную веревку къ иглѣ плота корнями. Работа плота заняла не больше двухъ часовъ, бѣглецы сложили на плотъ свой багажъ, завели подъ руки и положили больнаго Палатова, встали сами и взяли Арапку; сняли шапки и помолились на востокъ.

— Ну, трогай съ Богомъ!—скомандовалъ Спиридонъ. Оттолкнулись шестами отъ берега и поплыли. Спиридонъ сталъ въ носу плота, у поносной греби съ двумя товарищами—Семеномъ и Павломъ, и командовалъ: „бей направо! бей налѣво“! Лука и Павелъ стали у кормовой греби. Плотъ быстро несся по гладкой водной поверхности. По сторонамъ мелькали кусты тальника и черемухи, скользили группы елей и пихтъ, бѣжали высокія скалы и ползли дальніе горные хребты. День былъ тихій, теплый. На ясномъ голубомъ небѣ ярко сіяло солнце и ласково обогрѣвало бѣглецовъ. Они отдохнули и забыли всѣ неудобства утомительнаго пути, забыли тяжелую пріисковую жизнь, — хоть на минуту да забыли.

— Эхъ, кабы все такъ... съ какой-то грустью проговорилъ Семенъ.

— Не худо бы,—подтвердилъ Павелъ.

— Любите!—самодовольно усмѣхался Спиридонъ, какъ бы желая сказать: „это я, лоцманъ, сдѣлалъ такое удовольствіе“.

Больной Палатовъ то забывался, то прохлада рѣки освѣжала его и приводила въ сознаніе. Онъ въ первый разъ плылъ по таёжной рѣкѣ, любовался быстротою теченія этой рѣки, любовался ея берегами то низкими болотистыми, то высокими каменистыми, покрытыми дремучимъ лѣсомъ; любовался видомъ горъ, и ему казалось, что онъ видитъ сонъ, чудный сонъ, и возвращался къ воспоминаніямъ родной Волги. Даже Лука и тотъ повеселѣлъ немного, не такъ сурово смотрѣлъ, какъ прежде, и спокойнѣе тянулъ дымъ изъ своей коротенькой люльки.

Такъ плыли бѣглецы до обѣда; благополучно миновали шевыры и большіе камни, выдававшіеся изъ воды; во-время отбивались отъ наносовъ, и не пристали нигдѣ къ берегу даже пообѣдать: закусили на плоту хлѣба съ водой.

— Теперича до Зеленаго Зимовья недалеко; вонъ за той горой будетъ,—проговорилъ Спиридонъ, указывая внизъ по теченію рѣки.—Надо пристать будетъ.

Плотъ несся вблизи берега небольшаго острова, въ концѣ котораго рѣка круто поворачивала налѣво.

— Бей направо!—закричалъ вдругъ Спиридонъ: — наносъ!.. Сильнѣй, братцы, сильнѣй!.. прямо на наносъ... Корма наддай! сильнѣй!..

Крахъ!—кормовое весло переломилось пополамъ... Лука наддалъ! Плотъ повернулся бокомъ и полетѣлъ прямо на наносъ... „Спасайся!"—крикнулъ Спиридонъ. Плотъ ударился объ наносъ такъ сильно, что бѣглецы попадали. Вода зашумѣла, сдавила плотъ и поставила его ребромъ, прижавъ къ наносу.

Спиридонъ, разсчитавъ ударъ плота, выскочилъ первый, за нимъ двое, Семенъ и Павелъ, схвативъ свои котомки, и только трое рухнули въ воду. Больной Палатовъ скатился первый. Лука хотѣлъ кинуться къ нему, но его ударило бревномъ и отнесло. Онъ видѣлъ, какъ около него крутилась вода и плыли котомки и азямы внизъ по рѣкѣ... Онъ не думалъ ихъ спасать. Хохлу протянули жердь, но онъ не думалъ хватать ея. Лука искалъ глазами Палатова. Другаго рабочаго вода держала и несла далеко впереди.

— Не поймаешь, его не видно... сказали Хохлу.

Дѣйствительно, Палатовъ, слабый, сразу погрузился весь въ воду... Черезъ минуту онъ вынырнулъ, крикнулъ „Лука!" и опять скрылся; еще разъ вынырнулъ, еще разъ показались руки его, какъ бы звали Луку, — и больше не показывался на поверхности воды. Только три котомки одна за другой плыли внизъ по рѣкѣ, да и тѣ скоро скрылись изъ вида.

Лука бился долго въ бурунѣ, наконецъ, чувствуя, что выбился изъ силъ, выползъ на берегъ. Арапка выплылъ также, отряхнулся, забѣжалъ по берегу вверхъ по рѣкѣ, остановился противу наноса, началъ лаять и визжать.

Пловцы стояли уныло. Всѣ они готовы были покупаться, и нѣкоторые не разъ уже купались въ холодной водѣ, но утонуть... Объ этомъ, кажется, никто и не думалъ раньше, развѣ только Лука Хохолъ. Имъ жаль было преждевременно погибшихъ товарищей, да и собственное ихъ положеніе было незавидно.

Бѣглецы молча стояли на наносѣ, каждый былъ занятъ своими мыслями. Спиридонъ, снявъ шапку, сказалъ: „Царство небесное!" „Царство небесное!"—крестясь, повторили товарищи... Что теперь дѣлать?—былъ общій вопросъ. Предполагалось и обсуждалось много мѣръ, много способовъ, но всѣ они были неудобопримѣнимы. Спиридонъ говорилъ: „надо плотъ выручать".

Мокрые, жалкіе стояли бѣглецы на наносѣ, азямы ихъ уплыли, какъ и котомки; мокрыя рубахи обтягивали ихъ тѣло, они дро-

жали отъ холода. Никому не приходило въ голову отыскать огня, разложить костеръ, да и найдется ли еще онъ.

Эта группа несчастныхъ потерпѣвшихъ крушеніе была контрастомъ безпомощности и слабости предъ картиною окружавшей ихъ горной природы и бушевавшей около стихіи. Кругомъ былъ безконечный лѣсъ, сверху нависли зловѣщія свинцовыя тучи. Спускалась ночь.

Лука оставилъ товарищей и шелъ по берегу. Согбенная, высокая фигура его съ всклоченной бородой и мокрыми волосами казалась какимъ-то полусумашедшимъ. Онъ безпрестанно нагибался, разбиралъ рукой тальникъ и тревожно смотрѣлъ на клокочущую рѣку, какъ бы ожидалъ отъ нея чего-то. Вотъ въ сумеркахъ и во мракѣ видна только одна бѣлая пѣна, едва освѣщенная маленькимъ просвѣтомъ на небѣ. А онъ все идетъ и раздвигаетъ тростникъ.

Скоро послѣднее облако сдвинулось и спустилась ночь. Казалось, все слилось въ одинъ непроницаемый мракъ, въ одну непроглядную тьму, на фонѣ которой обрисовывались одни только голыя сучья тальника.

Въ этомъ мракѣ только бѣшено шумѣлъ потокъ по камнямъ и шумъ этотъ былъ грозный, металлическій, онъ навѣвалъ ощущеніе смерти, холода, безнадежности...

Вдругъ старый Лука почувствовалъ, что ему уже нечего искать. Какъ подкошенный, онъ сразу опустился на камень. Онъ закрылъ голову руками. Желѣзная натура его дрогнула.

— Дитя мое, дитя мое... зарыдалъ онъ старческимъ голосомъ, въ которомъ вылилась вся его нѣжная отеческая привязанность къ погибшему. Онъ былъ старъ, онъ не хотѣлъ жить, но судьба не взяла его, а взяла молодаго.

Эти безсильныя рыданія старика прерывалъ только глухой шумъ воды.

Лука опустилъ руку и задѣлъ что-то холодное.

Теперь только онъ замѣтилъ Арапку, который прижался къ нему, а потомъ отбѣжалъ и уныло завылъ по направленію къ рѣкѣ.

Этотъ унылый вой былъ дополненіемъ унылой картины и отчаянія, царствовавшаго въ этой пустынѣ.

Завитковъ.

ОЧЕРКИ ПОРЯДКОВЪ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ

ВЪ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(По свѣдѣніямъ, собраннымъ западно-сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго русскаго географическаго общества).

Передъ нами крайне важныя данныя, собранныя западно-сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго русскаго географическаго общества относительно самаго неразработаннаго вопроса сибирской жизни. Эти данныя способны бросить весьма яркій свѣтъ на бытъ, характеръ, свойства и наклонности русскаго земледѣльческаго населенія Сибири, на тѣ измѣненія, которымъ подверглась нравственная природа части русскаго народа, поселившагося въ Сибири. Вопросъ этотъ не только оставался доселѣ неизслѣдованнымъ, но съ нимъ случилось нѣчто гораздо худшее. Именно, возникло давно и держится доселѣ предположеніе, что въ бытѣ сибирскаго крестьянина намъ все извѣстно; что сложившееся у насъ представленіе о жизни сибиряка-земледѣльца будто бы вѣрно дѣйствительности. Вслѣдствіе такого убѣжденія, у насъ не возникаетъ и мысли о необходимости здѣсь какихъ либо изслѣдованій и въ наши сужденія о сибирскомъ крестьянинѣ критическаго элемента не входитъ; образовалась, напротивъ, общая привычка относиться къ этому предмету какъ къ совершенно извѣстному, какъ мы обыкновенно относимся къ обыденнымъ явленіямъ природы, на которыя смотримъ, но относительно которыхъ ничего не думаемъ. Всходитъ и заходитъ ежедневно солнце, растетъ въ полѣ трава, въ водѣ плаваетъ рыба и проч., однимъ словомъ, совершается нѣчто обычное, о чемъ нѣтъ поводовъ заводить и рѣчи. Вотъ такое же обычное и безразличное явленіе представлялось доселѣ въ фактѣ су-

ществованія въ Сибири земледѣльческаго крестьянскаго населенія. Приходили въ Сибирь эти люди, селились въ ней, воздѣлывали поля, исправляли дороги, возили по нимъ начальство, путешественниковъ и купцовъ, платили подати—все это совершалось въ порядкѣ вещей, какъ восходъ и закатъ солнца, ростъ травы и проч.

Поэтому все, что пріѣзжало въ Сибирь и осѣдало тамъ, за тѣмъ чтобы править, изучать, промышлять, устремляло мысль и дѣятельность на своеобразныхъ туземцевъ страны, на ея грандіозную природу, на лѣса, обильные пушнымъ звѣремъ, на горы, изобилующія минералами, на золотыя розсыпи. Жизнь же земледѣльческаго населенія если и ставила порою какіе либо вопросы, то до ученыхъ эти вопросы не доходили, а чиновничеству задумываться надъ ихъ рѣшеніемъ не приходилось, потому что рѣшенія были уже готовы въ тѣхъ традиціяхъ, на основаніи которыхъ писались указы, граматы, наказы, сначала для *заволжскихъ* поселенцевъ, потомъ для *закамской земли*, а въ близкое къ намъ время статьи свода законовъ содержали въ себѣ, по мнѣнію засѣдателя, исправника, губернатора, отвѣты на всѣ настоящіе и даже будущіе вопросы крестьянской жизни. Такимъ образомъ, хотя къ настоящему времени и выросла огромная научная литература Сибири, но она знакомитъ только съ населяющими Сибирь инородцами, отъ чукча до бурята, отъ самоѣда до киргиза и кокандца, съ естественными богатствами страны, съ положеніемъ золотопромышленности и не заключаетъ въ себѣ ничего касающагося жизни сибирскаго земледѣльца.

Но такое отношеніе къ сибирскому крестьянину должно было рано или поздно кончиться. Оно и кончилось дѣйствительно къ тому времени, когда русская наука, направившись на изученіе народнаго быта въ Россіи и окрѣпнувъ на этой почвѣ, предъявила запросъ относительно быта народа и на окраинахъ Россіи. И вотъ только четыре года тому назадъ западно-сибирскій отдѣлъ Императорскаго географическаго общества составилъ особую программу для изслѣдованія экономическаго быта сибирскихъ крестьянъ. Собранныя по этой программѣ свѣдѣнія представляютъ собою драгоцѣнный матеріалъ для ознакомленія съ невѣдомымъ доселѣ бытомъ главнаго населенія Сибири, главнаго какъ по массѣ, такъ и по его качествамъ. Эта масса (3.500,000 человѣкъ), не разъединяясь, заняла всю срединную Сибирь отъ Урала до границъ нынѣшней Иркутской губерніи, пустивъ отъ себя отпрыски вдоль рѣкъ на

сѣверъ и выкинувши небольшія отдѣльныя поселенія на югъ и востокъ. Исключительное дѣло—землепашество и скотоводство стало его занятіемъ на такой территоріи Сибири, на которой почти нѣтъ ни драгоцѣнныхъ металловъ и минераловъ, ни пушныхъ звѣрей. Эти братья по крови и духу русскихъ крестьянъ, селясь и и размножаясь въ новой странѣ и постоянно принимая къ себѣ новыхъ выходцевъ изъ-за Урала, не обособили себя въ какое либо отдѣльное племя отъ русскаго народа; совсѣмъ напротивъ, одинъ общій внимательный взглядъ на нихъ убѣждаетъ, что по типу, языку, вѣрованіямъ—это тотъ же русскій народъ. Только *одно характерное различіе* здѣсь рѣзко бросается въ глаза; охарактеризовать его однимъ словомъ трудно, и потому мы дадимъ о немъ понятіе указаніемъ на условія, которыя неминуемо должны были вліять на выработку этого различія. Эти условія: а) жизнь внѣ крѣпостной зависимости, б) земельный просторъ, при отсутствіи сбыта на сторону произведеній сельскаго хозяйства, парализующаго всякую спекуляцію землею, всякое капиталистическое производство, в) много условій, уничтожающихъ возможность частаго вмѣшательства чиновника во внутреннюю жизнь деревень, такъ сказать, во святая святыхъ самоуправленія—по вѣковымъ крестьянскимъ обычаямъ. Главнѣйшія изъ этой послѣдней группы условій: одинъ засѣдатель (становой) на пространство, равное цѣлой Россійской губерніи, и отсутствіе капиталиста, стоящаго посреди чиновника и народа.

Всѣ сейчасъ указанныя условія таковы, что ими хотя и не можетъ создаваться ничего новаго въ человѣкѣ, но значеніе ихъ громадно въ томъ отношеніи, что они развязываютъ руки, снимаютъ путы съ ногъ, разрушаютъ клѣтку, въ которую былъ заключенъ живой человѣкъ, полный силъ, энергіи, въ свойствахъ котораго всегда была предпріимчивость, отвага, давшая блестящія страницы русской исторіи. Такимъ образомъ сибирякъ-крестьянинъ представляется тѣмъ русскимъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ Россіи—древле, до появленія кабалы, холопства, крѣпостнаго права. Природныя свойства русскаго земледѣльца, съ которыхъ Сибирь сняла тяготящія ихъ узы, получили здѣсь только свободное развитіе; ничего въ корнѣ различнаго не вышло и не могло выйдти, но нѣчто отличительное не могло не проявиться. Это *нѣчто* должно было пріобрѣсти еще болѣе яркую окраску въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, когда въ Россіи крупная фабрика въ союзѣ съ распространившимся земельнымъ кулачествомъ начала

вносить въ бытъ россійскаго крестьянства разлагающія начала, прививать къ деревнѣ городскіе взгляды и нравы. Въ Сибири, напротивъ, въ эти двадцать лѣтъ все оставалось по-старому, и русскій земледѣлецъ срединной Сибири, обитатель, такъ сказать, огромнаго острова, отдѣленнаго пустынями и горами отъ искателей дорогихъ мѣховъ и золота, продолжалъ тамъ развиваться, не трогаемый промышленнымъ развратомъ.

Такимъ образомъ разработка имѣющихся у насъ матеріаловъ о бытѣ сибирскихъ крестьянъ получаетъ интересъ не только въ смыслѣ полнаго уразумѣнія быта, нуждъ и потребностей *трехъ съ половиною милліоновъ* самаго производительнаго класса въ Сибири, обѣщающаго быстро вырости еще въ нѣсколько милліоновъ, но и въ смыслѣ большаго выясненія знаній вообще *о русскомъ народѣ*. Многія коренныя свойства этого народа въ настоящее время скрыты, пребываютъ въ бездѣйствіи въ силу тяготѣющихъ надъ ними условій; но они *отражаются въ сибирскомъ крестьянствѣ какъ въ зеркалѣ*.

Главнѣйшій нашъ матеріалъ заключается въ отвѣтахъ на вопросы программы западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества относительно существующей тамъ у крестьянъ поземельной общины. Затѣмъ, какъ дополненіе къ этому матеріалу, мы имѣемъ разныя корреспонденціи, статьи и очерки крестьянской жизни въ Сибири, свѣдѣнія объ отбываемыхъ тамъ повинностяхъ и проч. Перваго рода матеріалъ столь значителенъ по массѣ, что появленіе въ разработанномъ видѣ всѣхъ его подробностей еще не можетъ явиться въ весьма скоромъ времени, *но ознакомленіе съ нимъ по частямъ*, пользованіе имъ для выясненія интересующихъ сибирское и вообще русское общество вопросовъ всегда можетъ стать предметомъ статей такихъ сборниковъ, какъ настоящій, издаваемый редакціей „Восточнаго Обозрѣнія“. Итакъ, скажемъ относительно сибирской поземельной общины все то, что можемъ сказать, основываясь, главнымъ образомъ, на той части собранныхъ о ней свѣдѣній по программѣ Зап. Сиб. Отд. географическаго общества, которую намъ удалось просмотрѣть.

Порядки общиннаго землевладѣнія у сибирскихъ крестьянъ Тобольской губерніи весьма различны. Это различіе обусловливается, впрочемъ, не внутренними свойствами обитателей срединной Сибири, а чисто внѣшними причинами, въ числѣ которыхъ самыя главныя—пространство и качество земельныхъ угодій. Такъ мѣст-

ности *степныя* обусловливаютъ одни порядки, мѣстности *лѣсныя* вызываютъ преобладаніе другихъ; при обиліи земельныхъ угодій община заявляетъ о своемъ существованіи одними обычаями, при сравнительно большей скученности населенія на данной мѣстности проявляетъ себя въ иныхъ правилахъ и порядкахъ.

Въ виду этого мы представимъ вниманію читателей очерки нѣсколькихъ общинъ изъ разряда многоземельныхъ и малоземельныхъ, степныхъ и расположенныхъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ.

Изъ числа *степныхъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ *многоземельныхъ* общинъ опишемъ порядки общинъ волостей Кулачинской, Камышинской и Бажановской, лежащихъ въ мѣстности отъ города Омска на сѣверо-западъ къ городу Тюкалинску.

Обращаясь къ Кулачинской общинѣ, мы прежде, чѣмъ перейдти къ очерку общиннаго быта въ этой волости, очертимъ ея сельско-хозяйственныя и экономическія условія; вслѣдствіе этого будетъ яснѣе видна ихъ связь съ существующими общинными порядками.

Въ Кулачинской волости, ближайшей къ городу Омску, числится 12-ть отдѣльныхъ сельскихъ обществъ. Общія сельско-хозяйственныя условія у всѣхъ этихъ общинъ таковы: земля не особенно плодородна, такъ какъ очень часто здѣсь встрѣчаются солонцы, а между ними песчаныя почвы. Глубина почвеннаго слоя отъ 3 до 5 вершковъ. *Пашется* земля обыкновенно два и три раза подъ одинъ посѣвъ. Подъ отдыхъ разные участки земли запускаются на разное время, какъ-то: на одинъ годъ, на три, но, большею частью, на пять и на семь. На приготовленную съ лѣта землю (пашутъ сохою, глубиною, большею частью, вершка на три) сѣютъ весною слѣдующаго года сначала пшеницу и рожь. Высѣваются вообще слѣдующіе хлѣба и растенія: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, просо, горохъ, ленъ и конопля. Посѣвъ начинается съ 15—20 апрѣля; жатва около 1 августа. Молотится хлѣбъ, большею частью, по просушкѣ его въ овинахъ. *Сѣнокосныя* мѣста здѣсь нельзя назвать хорошими. *Лѣсу* очень мало, такъ что жители нѣкоторыхъ селеній ѣздятъ покупать его въ другія волости верстъ за 50. *Рыболовствомъ* занимаются только селенія, расположенныя близь р. Иртыша, и рыба идетъ, большею частью, на собственное потребленіе, очень мало на продажу въ Омскъ. *Торговыхъ заведеній* во всей волости — двѣ лавки съ оборотомъ на 3,000 р. *Питейныхъ* домовъ 9.

Наличнаго населенія въ волости 5,804; въ числѣ ихъ 2,949 мужчинъ и 2,855 женщинъ. Размѣщено населеніе въ 12-ти селеніяхъ.

Восемь общинъ въ Кулачинской волости состоятъ изъ старожиловъ, четыре изъ переселенцевъ Воронежской губерніи, прибывшихъ сюда въ 1852 году. Въ этихъ четырехъ обществахъ наличнаго населенія 2,524 душъ об. пола. Къ особой характеристикѣ деревень новоселовъ нужно отнести то, что онѣ самыя населенныя изъ всей Кулачинской волости. Такъ одна изъ нихъ имѣетъ населенія 933 души, другая 628, третья 584; тогда какъ изъ восьми деревень старожиловъ только двѣ имѣютъ по 620 и 685 душъ, а остальныя отъ 260 до 400 душъ, а одна 106 душъ.

Число дворовъ въ волости простирается до 925, семей—1,225; способныхъ работниковъ—1,271; въ отлучкѣ числится 118 человѣкъ. Ссыльныхъ въ крестьянскомъ окладѣ 809 (569 мужч. и 240 жен.); отставныхъ солдатъ 59, ихъ женъ, сестеръ, дочерей—84; солдатскихъ женъ (безъ мужей)—10. Живутъ въ волости—1 дворянинъ, 1 купецъ, 6 церковнослужителей. Экономическое состояніе дворовъ таково: семейныхъ работниковъ 1,382; наемныхъ 464; дворовъ безъ работниковъ—107.

Большая часть дворовъ, именно 386 запахиваютъ отъ 1 до 5 дес., 206—отъ 5 до 10 дес., 281—отъ 10 до 20 дес.; 89—отъ 20 до 50 дес. и одинъ дворъ до 100 дес. Всего въ волости запахивается 1,014 дес. Средній урожай: при посѣвѣ 11 пудовъ на десятину пшеницы, получается этого хлѣба—50 пудовъ; 8 пудовъ овса даютъ 60 пуд.; 10 пуд. ярицы—30 пуд.; 7 пуд. ржи—25 пуд.; 30 фун. проса—35 пуд.; 9 пуд. ячменя—60 пуд.

Цѣна хлѣба на мѣстѣ, смотря по урожаю: рожь и ярица отъ 25 к. до 1 руб.; пшеница отъ 35 к. до 1 р. 20 к.; ячмень и овесъ отъ 10 до 60 к.; помолъ стоитъ 5—7 к. съ пуда; провозъ до Омска на продажу 2—4 к. съ пуда.

Чтобъ въ одинъ день вспахать десятину, здѣсь нужно 2 работника съ 8 лошадьми; а для уборки десятины (жатвы)—10 работниковъ обоего пола.

Число участниковъ при дѣлежѣ покосовъ простирается до 1,979. Дѣлятся луга такъ, что на душу приходится по 15 копенъ. Стоимость копны отъ 20 до 35 к.; въ копнѣ 7 пуд.

Лошадей въ волости 5,125. Лошади распредѣлены между дворами неравномѣрно: самое большое число дворовъ, именно 300 имѣютъ отъ 2 до 5 лошадей; затѣмъ 168 дворовъ—отъ 5—10; 107—по 2; 97—по 1. Такимъ образомъ изъ общаго числа дво-

ровъ въ волости (925) имѣютъ отъ 2 до 10 лошадей 575 дворовъ. Свыше 10 лошадей имѣютъ 130 дворовъ, изъ нихъ 6 дворовъ владѣютъ 50—100 лошадьми. Слѣдовательно 804 двора съ лошадьми, остальные 123 безлошадные.

Всего рогатаго скота—2,907; мелкаго—6934. Тотъ и другой скотъ распредѣлены такъ:

По 1 голов.	рогатаго	187	дворовъ.
	мелкаго (овецъ и свиней)	112	—
— 2 —	рогат.	177	—
	мелк.	94	—
отъ 2 до 5	рогат.	227	—
	мелк.	150	—
— 5 — 10	рогат.	113	—
	мелк.	173	—
— 10 — 50	рогат.	58	—
до 100 гол.	мелкаго	188	—

(Въ мелкомъ скотѣ преобладаютъ конечно овцы).

Не имѣютъ вовсе скота—236 дворовъ.

Дополнимъ этотъ сжатый очеркъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ условій кулачинскихъ общинъ указаніемъ на то, что въ свѣдѣніяхъ хотя и показано, какъ выше мы говорили, количество запахиваемыхъ десятинъ, но цифры всѣхъ земельныхъ владѣній 12-ти общинъ не приведено. Какъ разграничены между селеніями земли—объ этомъ опять ничего не сказано; упомянуто только, что когда-то было межеваніе и производился надѣлъ по 20 десятинъ на душу, но гдѣ, какъ и что отмежевано—этого никто не знаетъ и не помнитъ. Такое упоминаніе весьма странно въ виду водворенія здѣсь въ 1852 году воронежскихъ переселенцевъ и слѣдовательно формальнаго отвода имъ земель на четыре деревни. Скорѣе здѣсь, по нашему мнѣнію, не забвеніе играетъ роль, а просто на просто отсутствіе поводовъ считаться границами, обращать на этотъ предметъ вниманіе. Земель здѣсь много сравнительно съ населеніемъ волости, и ихъ беретъ и захватываетъ кто хочетъ и сколько можетъ, какъ объ этомъ не разъ говорится въ отвѣтахъ волостныхъ правленій.

Покончивъ съ указаніемъ, такъ сказать, внѣшнихъ условій жизни Кулачинской волости, переходимъ къ ея внутренней жизни, къ тѣмъ проявленіямъ, въ которыхъ здѣсь выразились характерныя свойства русскаго человѣка.

Въ Россіи эти свойства повсюду выражаются въ общинныхъ

порядкахъ, которые пробиваются весьма замѣтно даже тамъ, гдѣ мы видимъ всѣ признаки подворнаго владѣнія. Позднѣйшія изслѣдованія въ Черниговской губерніи, а также въ новороссійскихъ поселеніяхъ малороссіянъ и, наконецъ, у однодворцевъ Курской губерніи обнаружили существованіе здѣсь общинныхъ принциповъ, выражающихся болѣе или менѣе въ порядкахъ землевладѣнія и проч. Общинные же принципы мы видимъ проявляющимися въ различныхъ формахъ и въ Кулачинской волости.

Хотя на категорически поставленный въ программѣ вопросъ: *существуетъ ли общинное землевладѣніе?*—волостное правленіе и отвѣчаетъ, что *„общинное начало мало замѣтно“*, но затѣмъ въ дальнѣйшихъ отвѣтахъ на вопросы программы волостное правленіе очерчиваетъ не что иное, какъ чисто общинные порядки. Правда, что здѣсь посторонній наблюдатель и неподготовленный изслѣдователь не замѣтятъ рѣзко выраженныхъ общинныхъ началъ; но если оглядѣть здѣсь всѣ порядки жизни, не упуская ни одной мелочи, поставить ихъ во взаимную связь, произвести, однимъ словомъ, всестороннее изученіе быта, то понятіе объ основахъ жизни и причинахъ, управляющихъ отдѣльными явленіями, совершенно измѣняется: общинныя начала оказываются основаніями и причинами такихъ порядковъ и дѣйствій, въ которыхъ нельзя было и подозрѣвать присутствія этихъ началъ.

Представимъ, на сколько возможно, полный очеркъ существующихъ въ Кулачинской волости порядковъ по землепользованію, хозяйству, платежу податей, отбыванію повинностей и проч.

Земля вообще считается принадлежностью всей общины. Но порядки пользованія различными ея частями различны.

Усадьбы и принадлежащіе къ нимъ огуменники, огороды, выпуски, коноплянники, хмѣльники, телятники состоятъ въ неотъемлемомъ владѣніи двора *). Въ понятіи объ усадьбѣ нужно различать: участки земли подъ строеніями и самыя строенія. Земля считается собственностью міра, поэтому владѣлецъ усадьбы не можетъ продать ее въ цѣломъ видѣ не только постороннему лицу, но даже односельцу. Дозволяется только продавать на сломъ строенія, а также отдавать въ полномъ видѣ усадьбу въ аренду. Отдача въ аренду постороннимъ лицамъ допускается не иначе,

*) Послѣдніе три вида угодьевъ замѣчаются собственно у новоселовъ; крестьяне же старожилы обыкновенно коноплю сѣютъ въ полѣ, хмѣля же не разводятъ.

какъ съ согласія общества, которое дается, однако, подъ условіемъ, чтобъ поселившійся въ усадьбѣ не ломалъ строеній и проживалъ въ ней только до тѣхъ поръ, пока она не понадобится для чего либо обществу.

Земли, лежащія подлѣ деревни, огороженныя изгородью на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, назначаются собственно для пастьбы скота и называются *поскотиною*. Эти земли находятся въ общемъ владѣніи, и никто отдѣльно пользоваться ими не можетъ.

Полевыми угодьями пользуется каждый членъ общины совершенно свободно, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ. Распашка какого либо даннаго участка, гдѣ бы то ни было, даетъ право временнаго владѣнія этимъ участкомъ. Распашку въ этомъ отношеніи можетъ замѣнить и проведеніе вокругъ участка только одной борозды. Но постановка только одного знака на полѣ—не устанавливаетъ права владѣнія, и такимъ образомъ всякій другой членъ общины, облюбовавшій участокъ съ поставленнымъ знакомъ, можетъ его запахать и собрать съ него урожай. По снятіи урожая съ участка, онъ переходитъ вновь въ разрядъ земель, никѣмъ не занятыхъ, и такимъ образомъ, если прежній хозяинъ не предупредитъ, то этотъ участокъ можетъ запахать и всякій другой домохозяинъ.

Всѣ эти опредѣленія, или, лучше сказать, обычаи, существуютъ въ отношеніи земель, болѣе сподручныхъ для хлѣбопашества, какъ по ихъ близости къ селенію, такъ и по плодородности почвы, по легкости обработки.

Но есть еще земли, владѣніе которыми имѣетъ свои отличительныя особенности. Это, во-первыхъ, земли, расположенныя весьма далеко отъ селенія, и во-первыхъ, характеризующіяся тѣмъ, что подъемъ и обработка ихъ требуютъ особаго труда, какъ, напримѣръ, осушенія болота, расчистки поля изъ-подъ лѣса. Обработка земель перваго рода связана съ выѣздомъ за десятки верстъ отъ селенія, съ перевозкою туда земледѣльческихъ орудій, съѣстныхъ припасовъ, съ постройкою избушки для жизни на все время полевыхъ работъ. Предпринять подобное, конечно, можетъ не каждая крестьянская семья, и во всякомъ случаѣ такое предпріятіе уже не идетъ въ сравненіе съ полевыми работами на участкахъ, неудаленныхъ отъ жилыхъ мѣстъ. Вообще пользованіе такими землями соединено съ немалыми хлопотами и рискомъ. Поэтому хозяинъ, воздѣлавшій такой участокъ, огражденъ обычаемъ отъ за-

*

хвата кѣмъ бы то ни было этого участка; онъ именно числится *постояннымъ* владѣльцемъ участка, который и носитъ названіе „*заимки*“. Устроивъ заимку, владѣлецъ отгораживаетъ иногда близь нея часть молодаго лѣса и кладетъ такимъ образомъ на него „*заказъ*“, вслѣдствіе котораго уже никто не имѣетъ права рубить этотъ лѣсъ. Вѣчно ли продолжается это владѣніе и не можетъ ли оно разсматриваться какъ личная собственность? Съ одной стороны въ нашихъ свѣдѣніяхъ есть упоминаніе о томъ, что „заимки“ переходятъ по наслѣдству, *остаются въ роду;* съ другой мы находимъ въ свѣдѣніяхъ такое показаніе: „если заказной, около заимки, лѣсъ подростаетъ на столько, что становится годнымъ на дрова, а владѣлецъ его между тѣмъ не дозволяетъ обществу пользоваться этимъ лѣсомъ, или „*не уважитъ*“ общества инымъ какимъ либо образомъ, то общество рѣшаетъ распорядиться этимъ лѣсомъ, какъ своею собственностью, и рубитъ его, не спрашивая согласія заимщика“. Заимщики же—надобно замѣтить—принадлежатъ къ числу людей богатыхъ. Вотъ это-то показаніе, если сопоставить его съ тѣми отвѣтами, которые даны въ отношеніи пользованія лѣсами въ Кулачинской волости, весьма ярко обрисовываетъ юридическія воззрѣнія крестьянъ относительно заимочныхъ участковъ. Безлѣсныя, степныя кулачинскія общины крайне дорожатъ каждымъ клочкомъ лѣса и полагаютъ очень строгія ограниченія относительно пользованія лѣсными участками *). Между тѣмъ изобиліе земель не вызываетъ эти общины на установленіе какихъ либо стѣсненій во владѣніи пашенными участками. Въ виду этого, можно заключить: что община смотритъ и на заимочную землю какъ на свою собственность, но въ виду обилія земель, допускаетъ пользоваться ею совершенно свободно, принимая при томъ въ соображеніе трудъ, заботы и хлопоты, сопровождающія устройство заимки и хозяйство на ней.

То же уваженіе къ особому, напряженному и сравнительно къ болѣе продолжительному труду, употребленному на расчистку пашенъ изъ-подъ лѣса или на осушку ихъ отъ болотъ, обращаетъ эти пашни въ *исключительное* владѣніе двора, положившаго на нихъ свой трудъ. А такъ какъ и здѣсь, подобно тому, какъ и въ Россіи, понятіе двора не воплощается всецѣло въ одномъ хозяинѣ двора, и послѣдній *скорѣе разсматривается, какъ представитель цѣлой семьи, то смерть домохозяина двора не прекращаетъ тѣхъ правъ*

*) Что и будетъ изложено ниже.

на землю, которыя пріобрѣтены дворомъ при жизни даннаго домохозяина. Отсюда понятно оставленіе по смерти домохозяина за членами его семьи права на расчищенный или осушенный при его жизни участокъ.

Такимъ образомъ въ дѣлѣ владѣнія различными пашенными участками не возникаетъ никакихъ вопросовъ о ихъ передѣлахъ; этимъ вопросамъ и нѣтъ здѣсь мѣста до тѣхъ поръ, пока всѣ ближайшія къ селеніямъ земли не окажутся въ рукахъ людей состоятельныхъ. Тогда для незажиточныхъ крестьянъ настанетъ пора бросить работу на себя, потому что хозяйство на дальнихъ поляхъ несподручно для бѣднаго, малосемейнаго, владѣющаго всего одною или даже парою лошадей. Оставшись безъ возможности пахать на себя, малозажиточные предъявятъ, конечно, запросъ на отводъ подходящихъ надѣловъ. Слѣдуетъ въ этомъ будущемъ имѣть въ виду, что ближайшія къ селенію земли, по отсутствію здѣсь унавоженія, будутъ болѣе или менѣе истощены, вслѣдствіе этого зажиточные дворы не подорожатъ ими: для нихъ дальняя непаханная новь представитъ болѣе интереса. Такимъ образомъ ничто не помѣшаетъ надѣлу малозажиточныхъ ближайшими къ селенію участками. Но не слѣдуетъ еще забывать, что при такой земельной перетасовкѣ будетъ многое значить и принципъ о принадлежности земли обществу, который, какъ мы выше видѣли, сознательно проявляется въ отношеніи всякаго рода земель—захватныхъ, заимочныхъ, подсѣчныхъ, лѣсныхъ и, какъ увидимъ ниже, сѣнокосныхъ. Такимъ образомъ этотъ принципъ проявится и при рѣчи о надѣлахъ и выразится, по всей вѣроятности, *въ передѣлахъ близьлежащихъ участковъ*, которые къ той порѣ начнутъ, конечно, унаваживаться. Теперь унаваживаніе было бы странно и неразсчетливо для богатаго и бѣднаго, потому что первый всегда и вездѣ можетъ поднять новь, а послѣдній, идя къ богатому въ работники, выговоритъ себѣ въ счетъ рабочей платы *) десятину изъ распаханной вмѣстѣ съ хозяиномъ, при помощи даже рабочаго скота послѣдняго, земли и урожай съ этой десятины увезетъ къ себѣ въ деревню. Поступить нынѣ такимъ образомъ будетъ гораздо выгоднѣе, нежели хлопотать объ унавоженіи выпаханнаго участка.

Но когда между земледѣльцемъ-хозяиномъ и земледѣльцемъ-рабочимъ наступятъ болѣе жесткія отношенія, вмѣсто нынѣ су-

*) О такомъ обычаѣ платить за работу будетъ сказано ниже.

ществующихъ мягкихъ, патріархальныхъ, когда измѣнятся самыя условія найма къ невыгодѣ работника,—вотъ тогда-то владѣлецъ одной или двухъ лошадей найдетъ болѣе выгоднымъ не наемъ въ работники, а вывозъ навоза на ближайшій къ селенію участокъ и полученіе съ него хорошаго урожая. Въ работники тогда пойдутъ исключительно бѣдняки безлошадные, контингентъ которыхъ будетъ пополняться причисляемыми къ деревнѣ поселенцами и обѣднѣвшими до-нельзя, при слѣдованіи въ Сибирь, переселенцами.

Ниже, при изложеніи общиннаго быта у болѣе старѣйшихъ обитателей Сибири, заселившихъ, напримѣръ, округа тюменскій, курганскій, тобольскій, мы увидимъ данныя, представляющія въ разныхъ стадіяхъ развитія переходъ отъ залежнаго хозяйства къ трехпольному съ унавоженіемъ и отъ захватнаго способа владѣнія къ надѣльному по душамъ, съ сопровождающими его обмѣнами полосъ, скидками и накидками, и проч.

Сибирь—это живая книга для исторіи общиннаго землевладѣнія у того русскаго земледѣльца, котораго мы называемъ крестьяниномъ.

Сѣнокосныя земли въ кулачинской волости встрѣчаются различныхъ родовъ. Собственно луговъ во всей волости немного, такъ что на каждую душу ихъ приходится не болѣе 1½ десятинъ. Поэтому пользованіе лугами здѣсь *несвободное*, и при отводѣ луговыхъ участковъ соблюдаются извѣстные порядки. Трава на сѣнокосахъ здѣсь первоначально осматривается цѣлымъ обществомъ. Затѣмъ особо избранные мѣрщики размежевываютъ сѣнокосную землю на участки, полосы или десятины. Послѣ сего участки разбираются желающими. Этотъ разборъ происходитъ такимъ образомъ: лицо или совокупность лицъ (товарищество), имѣющіе намѣреніе взять данный участокъ, объявляютъ, „за сколько душъ они готовы его взять“, и участокъ остается за группой, предложившей большее количество душъ или составившейся изъ большаго количества человѣкъ. Этотъ порядокъ практикуется въ тѣхъ общинахъ волости, гдѣ количество сѣнокосовъ можно назвать болѣе или менѣе умѣреннымъ.

Но есть такія общины, гдѣ, благодаря изобилію сѣнокосовъ, занятіе ихъ носитъ характеръ захвата, который, впрочемъ, производится при строгомъ соблюденіи извѣстныхъ условій. Форма этого захвата очень схожа съ занятіемъ рыболовныхъ участковъ казаками на Уралѣ и сѣнокосныхъ мѣстъ въ Донской области, а также и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа. По предваритель-

номъ осмотрѣ покосовъ, всѣ крестьяне даннаго селенія собираются съ косами въ назначенный день къ воротамъ поскотины. Каждый изъ нихъ пріѣзжаетъ верхомъ на лошади или въ телегѣ, запряженной самымъ надежнымъ конемъ. Тутъ же обязанъ быть для наблюденія за порядкомъ, выборный или сельскій староста. По знаку его отворяются ворота поскотины, и тогда всѣ сюда собравшіеся пускаются вскачь, обгоняя другъ друга, стремясь занять лучшія сѣнокосныя мѣста и тутъ же ихъ закосить.

Пастбищныя мѣста состоятъ въ общемъ пользованіи и ни захвату, ни дѣлежу не подлежатъ. Одинъ родъ этихъ пастбищныхъ мѣстъ носитъ названіе поскотинъ, о которыхъ мы уже говорили. Гдѣ нѣтъ поскотинъ, тамъ скотъ пасется за пастухомъ на всѣхъ тѣхъ земляхъ, на которыхъ ростетъ хорошій кормъ. Такъ какъ пастухъ нанимается цѣлымъ обществомъ, то каждый домохозяинъ имѣетъ право пасти за пастухомъ весь свой скотъ. Назначеніе поскотины, мѣста, огороженнаго около деревни верстъ на 5 въ длину и на 3—4 версты въ ширину, заключается въ томъ, чтобы скотъ, оставляемый безъ пастуха, не портилъ луговъ и обработанныхъ полей. По снятіи травы и уборкѣ хлѣба, скотъ обыкновенно выпускается, свободно бродить по скошеннымъ лугамъ, жнивамъ и залежамъ.

Есть еще такъ называемыя пустопорожнія земли, которыхъ, за избыткомъ вообще земель, никому не нужно. Это земли, лежащія, большею частью, весьма далеко отъ селенія. Общество обыкновенно сдаетъ ихъ въ аренду, въ постороннія руки, подъ выгонъ и сѣнокосъ.

Лѣса и лѣсные участки. Той полнѣйшей свободы, которую мы видѣли въ пользованіи пашенными землями, уже совершенно нѣтъ при пользованіи лѣсомъ. Выше замѣчено, что въ отношеніи сѣнокосовъ, *которыхъ меньше, нежели пашенъ*, существуютъ нѣкоторыя регламентаціи, сдерживающія произволъ каждаго члена общества. При пользованіи пашнями нѣтъ и намека на надѣлы и передѣлы; при пользованіи же сѣнокосами мы уже примѣтили надѣлъ, но въ формѣ, пригнанной къ осуществленію *идеи о наименьшей принудительности;* „кому нужно больше сѣна, тотъ постарается больше взять на себя душъ“, въ этой формѣ раздачи участковъ мы хотя и примѣчаемъ волю распорядителя, землевладѣльца, т. е. міра, желающаго раздѣлить сѣнокосы такъ, чтобы каждому досталось, что ему нужно, но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ мы наблюдаемъ и желаніе *обойдтись безъ прямаго и болѣе*

стѣснительнаго указанія каждому на то, что ему нужно. „Выбирай изъ этого“, или „бери это“ — эти двѣ формы надѣла далеко непохожи одна на другую, далеко нетождественны. И вотъ одну изъ этихъ формъ, *первую*, мы видимъ при раздѣлѣ покосовъ, а *вторая* всецѣло господствуетъ при надѣлѣ *лѣсомъ*. Здѣсь уже нѣтъ и помина о свободѣ выбора, а прямо узаконяется, что каждый пользуется не лѣсомъ, *а лишь такими-то деревьями*, которыя и получаетъ въ количествѣ отъ 20 до 30.

Существуютъ здѣсь и другія ограниченія, введенныя, какъ говорится въ отвѣтахъ на программу, правительствомъ, а именно: лѣсъ запрещается рубить съ весны вплоть до перваго снѣга (снѣгъ выпадаетъ около половины или конца октября). За нарушеніе этого запрещенія положено взысканіе. Общество выбираетъ на каждое трехлѣтіе сторожей, обязанныхъ беречь лѣсъ, а порубщиковъ представлять съ поличнымъ въ общество.

Писавшій эти отвѣты волостной писарь, говоря о выборѣ сторожей, высказываетъ сожалѣніе, что это правило не соблюдается, что лѣсъ самовольно вырубаютъ и не хотятъ понять пользы сохраненія лѣсныхъ угодій, а съ порубщиковъ берутъ штрафъ не деньгами, а виномъ. Но относительно какъ этого замѣчанія, такъ и вообще вопроса—понимаютъ ли крестъяне необходимость ограниченія свободнаго пользованія лѣсомъ, мы должны указать на слѣдующее: лѣсъ въ кулачинской волости преимущественно дровяной; въ большей части общинъ его хотя и весьма мало, такъ что приходится его покупать у постороннихъ, но есть общины, гдѣ его на столько достаточно, что многодушные хозяева, получивъ слѣдующій имъ надѣлъ на каждую душу, находятъ возможнымъ продавать излишекъ дровъ въ городѣ, а въ чернолучинской, напримѣръ, общинѣ ростетъ довольно много и строеваго лѣса.

Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и общихъ правилъ и что въ общинѣ, которая покупаетъ лѣсъ, можно натолкнуться на случаи огораживанія зарослей молодаго лѣса съ тѣмъ, чтобы вырастить его, а въ общинѣ, которая можетъ продавать излишки дровъ, всегда найдутся и самовольные порубщики; строго глядѣть на нихъ мѣстное общество не въ состояніи, а потому если и накажетъ за порубку, то накажетъ по возможности мягко, видя въ наказаніи больше исполненіе воли начальства, нежели проявленіе собственныхъ стремленій. Вообще здѣсь самое главное значеніе мы должны придать факту пользованія въ большинствѣ общинъ лѣсомъ посредствомъ *раздѣла самыхъ деревьевъ*. Эта скру-

тулезность, мелочность, крайняя бережливость въ отношеніи одного рода имуществъ, при размашистомъ пользованіи другими родами имуществъ, прямо указываетъ на существованіе двухъ глубоко обитающихъ въ душѣ людей началъ: а) свобода въ томъ, въ чемъ она не вредитъ другимъ, и б) нѣтъ полной свободы тамъ, гдѣ она можетъ оказаться для кого либо невыгодною.

Переходимъ теперь къ очерку другаго рода общинныхъ отношеній, именно—по отбыванію *повинностей* и платежу *податей*.

Впрочемъ, ставя эти отношенія въ особый отдѣлъ, мы поступаемъ не совсѣмъ логично, потому что въ поземельной общинѣ нельзя провести грани между отношеніями по владѣнію землями и какими либо иными отношеніями. Оттѣнить первыя отношенія понятіемъ *права на владѣніе*, а вторыя понятіемъ *обязанности*—будетъ не совсѣмъ удобно, потому что владѣніе и пользованіе здѣсь не всегда произвольны, зачастую они бываютъ и обязательны, какъ это не разъ замѣчалось при изслѣдованіи общиннаго землевладѣнія въ россійскихъ губерніяхъ. Такъ, напримѣръ, владѣніе землею иногда разсматривается какъ повинность, наложенная для тѣхъ же цѣлей, для которыхъ устанавливаются вообще повинности: для сохраненія цѣлости общества; цѣлость же общества нужна въ свою очередь для обезпеченія быта каждаго отдѣльнаго члена общества. Хотя въ данныхъ о сибирской общинѣ мы и не встрѣтили отдѣльныхъ фактовъ, наводящихъ на подобный выводъ, и вслѣдствіе этого мы должны были бы сказать, что въ Сибири существуетъ коренное различіе между правомъ и обязанностью, но дѣло въ томъ, что въ сибирской общинѣ точно также, какъ и въ россійской, главное начало, зиждущее общину, лежитъ не въ землѣ, а въ трудѣ; земли можетъ и не быть, а существованіе общиннаго строя жизни, всетаки, будетъ продолжаться.

Въ россійской общинѣ земля, какъ мы указывали разъ въ „Восточномъ Обозрѣніи“ и „Русской Мысли“, играетъ роль главнаго *мѣрила* труда, а потому она и кажется всегда на первомъ планѣ. Къ ней всего выгоднѣе прилагать трудъ; всѣ другія отрасли приложенія труда отступаютъ на задній планъ. Поэтому измѣреніе количества труда здѣсь всего удобнѣе производить посредствомъ земельныхъ участковъ, полосъ *).

*) № 3 и 4 «Восточн. Обозр.» 1882 года и «Русская Мысль» № 11, 1881 г.

Выгодность труда надъ землею является и въ сибирской общинѣ; здѣсь земля тоже представляется единственною кормилицею человѣка, но здѣсь становится неудобнымъ высчитывать по ней количество труда. Вслѣдствіе обилія ея, вслѣдствіе выбора излюбленнаго участка для посѣва на немъ хлѣба, здѣсь нельзя допустить мысли, чтобъ кто либо не сталъ ею пользоваться. Такимъ образомъ съ понятіемъ о владѣніи землею здѣсь мало вяжется понятіе о принудительности; по крайней мѣрѣ, въ дѣйствительности не можетъ возникать фактовъ такого рода. Понятіе *принудительности* скорѣе всего здѣсь *вяжется съ платежемъ податей*, *съ отправленіемъ повинностей*.

Обходя такимъ образомъ въ дѣлѣ выбора мѣрки труда землю, мысль крестьянина останавливается на другой, и знакомой (въ Россіи) мѣркѣ, именно на *способности* даннаго *человѣка къ труду*. Поэтому подушная подать разлагается здѣсь сообразно *личной способности* человѣка *къ труду*.

Въ общинахъ русскихъ губерній податныя доли опредѣляются соотвѣтственно земельнымъ долямъ: кто больше имѣетъ послѣднихъ, тотъ больше платитъ податныхъ долей. Но земельныя доли тамъ раздаются сообразно уже платежной силѣ двора, его зажиточности, семейному составу, возросту и силамъ наличныхъ работниковъ двора. Въ сибирскихъ же общинахъ общество установило два разряда плательщиковъ: одни—способные къ *болѣе производительному* труду, другіе—къ *менѣе производительному*, и сообразно этому, установило два разряда податныхъ долей, назвавъ ихъ *большія* и *малыя души*. Эти доли распредѣляются между *наличными* работниками, изъ которыхъ одни облагаются большими душами, а другіе — малыми, сообразно ихъ способности къ труду. Большія души—это платящіе не только за себя, но, во-первыхъ, за умершихъ, поступившихъ въ военную службу, удаленныхъ изъ общества, и вообще за *убылыя души*, во-вторыхъ, за несостоятельныхъ къ платежу податей стариковъ, калѣкъ, сиротъ. Малыя души—это платящіе казенныя подати и оброки только за себя. Въ этотъ разрядъ входятъ всѣ малоспособные къ производительному труду. Всѣ остальные, совершенно неспособные къ труду—старики, калѣки—уже ничего не платятъ.

Владѣніе землею, правда, влечетъ за собою обязанность платежа податей и отправленія повинностей; такъ именно за вдовою умершаго домохозяина, обязавшеюся платить подати и повинности, оставляется земля, бывшая въ пользованіи ея мужа; безсрочно-

отпускные и отставные солдаты, владѣющіе землею, привлекаются къ отправленію повинностей (подушной они не платятъ), равно какъ и ссыльнопоселенцы, обзаведшіеся хозяйствомъ и получившіе землю,—но вездѣ здѣсь земля играетъ роль только *указателя* на способность человѣка къ труду, а не *опредѣлителя* степени труда.

Въ отвѣтахъ, данныхъ волостными правленіями, есть много цифровыхъ данныхъ, относящихся къ экономическому и хозяйственному положенію общинъ, и въ томъ числѣ различныя данныя о податяхъ и повинностяхъ. Часть экономическихъ данныхъ относительно кулачинской волости мы привели выше, желая передъ изложеніемъ общинныхъ порядковъ ознакомить читателей съ условіями, при которыхъ проявляются эти порядки. Теперь будетъ весьма кстати воспользоваться и остальными цифровыми данными, именно относящимися къ податямъ. Они освѣтятъ намъ отчасти два пока мало тронутые вопроса: а) *на сколько общинные порядки помогаютъ исправному платежу податей и отбыванію повинностей, или, говоря иначе, на сколько, благодаря этимъ порядкамъ, ослабляется тяжесть повинности*, и б) *на сколько существующіе роды повинностей вызываютъ къ жизни данныя формы общинной жизни.*

Подушной подати приходится на ревизскую душу въ кулачинскомъ сельскомъ обществѣ 1 р. 42 к.
оброчной . 3 „ 25 „
губ. земск. сбора. — „ 32 „
волостныхъ . — „ $29^{3}/_{4}$ „
иныхъ сборовъ. — „ $61^{1}/_{4}$ „

Разложенные по взрослымъ работникамъ, сборы эти представляются въ слѣдующемъ видѣ по кулачинскому сельскому обществу:

подушная	2 р.	75 к.	на	работника.			
оброчная.	6 „	40 „	„	„			
губ. земск. сбора	— „	50 „	„	„			
иныхъ сборовъ	1 „	19 „	„	„			

Кромѣ того, въ томъ же обществѣ собираются страховыя въ количествѣ 45 р. на все общество; недоимокъ за прежніе годы— 4,514 р. $71^{1}/_{4}$ к.

Приблизительно также распредѣляются эти сборы и въ другихъ обществахъ. Разницу представляютъ только суммы недоимокъ, которыя колеблются между 128 р. и 4,514 р.

Общая сумма всѣхъ означенныхъ сборовъ по собственно кулачинскому сельскому обществу съ недоимками—6,346 р. 60 к.

Общая сумма сборовъ:

По чернолуцкому сельскому обществу вмѣстѣ съ луговымъ.	2,215 р	49¼ к.
„ недежинскому	1,488 „	20½ „
„ харинскому.	4,718 „	76½ „
„ александровскому.	1,292 „	97½ „
„ николаевскому	1,497 „	64¾ „
„ мало-кулачинскому	4,064 „	99¼ „
„ новотроицкому	3,280 „	90¾ „
„ красноярскому	3,673 „	46½ „
„ лежанскому.	3,382 „	32½ „
„ верхъ-бетеинскому	2,750 „	61½ „
„ кулачинскому.	6,346 „	60 „
Общая сумма сборовъ по волости . .	34,711 „	99 „
На ревизскую душу	5 „	60 „

На работника въ разныхъ обществахъ: въ 8-ми обществахъ отъ 11 р. 20 к. до 11 р. 54 к. и въ 4-хъ обществахъ отъ 12 р. 25 к. до 12 р. 67 к. Всѣхъ сборовъ, по разсчету крестьянъ, на каждую *ревизскую душу* со всѣми накладными приходится по 15 р., а на каждаго взрослаго *работника* по 20 р.

Въ разрядѣ работниковъ, платящихъ *большія* души, числится 1,300 чел., а платящихъ *малыя* души 360 чел.

Міровыхъ душъ, т. е. за которыя подати платятся міромъ, 319 ч. Такимъ образомъ 1,300 работниковъ платятъ за 1,619 ревизскихъ душъ; за остальныхъ ревизскихъ душъ 360 платятъ состоящіе въ разрядѣ малыхъ душъ 360 работниковъ. На долю *первыхъ* приходится по 20 р. съ каждаго, или 32,380 р.; на долю вторыхъ по 15 р. съ души, или 7,200 р. Такимъ образомъ, всѣхъ денежныхъ сборовъ сходитъ съ волости 39,580 р.

Въ вѣдомости о сборахъ цифра денежныхъ сборовъ показана въ 34,711 р. 99 к. Такимъ образомъ, въ полученную нами цифру сборовъ въ 39,580 р. слѣдуетъ включить различные сборы, такъ называемыя, накладки.

Въ заключеніе этихъ свѣдѣній о податяхъ и повинностяхъ, выписываемъ свѣдѣнія о расходахъ средней семьи.

Хлѣба можетъ быть потребляемо: въ семьѣ изъ 5 чел. (по 23 п. на человѣка) 115 пуд. на 57 р. — к.

Мяса 60 „ „ 120 „ — „

Рыбы	30 „ „	40 „	— „	
Овощей.	160 „ „	80 „	— „	
Соли	25 „ „	12 „	50 „	
Чая и сахара		25 „	— „	
На одежду		450 „	— „	
„ обувь		100 „	— „	
„ разные непредвидѣнные расходы		300 „	— „	
„ подати и сборы		85 „	— „	
Итого на		1,269 р.	50 к.	

Переходимъ къ такъ называемымъ частнымъ сельскимъ повинностямъ, представляющимъ сравнительно большія тягости. *Дорожная* повинность. Волость расходуетъ ежегодно на эту повинность до 1,500 р. На каждаго наличнаго работника она обходится до 1 р. На исправленіе дорогъ было занято 8 дней 600 челов., а для поправки вѣхъ и посадки деревьевъ 10 дней 1,271 челов. *). Къ этой же повинности причислимъ *мостовую*, которой на работника приходится по 1 р., и стоитъ, слѣдовательно, вообще 1,271 р.

Земская гоньба	3,700 р.	— к.
Междудеревенская	1,500 „	— „
На земскія квартиры въ каждомъ обществѣ. .	15 „	— „
а при волости	150 „	— „
Арестантская повинность.	150 „	— „
Военная—по перевозкѣ нижнихъ чиновъ (поставлено 750 паръ) на	750 „	— „
На содержаніе волостнаго правленія	210 „	— „
„ жалованье волостному писарю	375 „	— „
Сельскому писарю. отъ 15 р. до	80 „	— „
На наемъ всѣхъ сторожей въ селеніи	15 „	— „
При волости, полиц. управл. и земск. засѣдателѣ	1,200 „	— „
На фельдшера сбора.	10 „	— „
Страховые сборы	677 „	64 „

На межеваніе занято было 10 дней 100 чел.

Сбора въ запасн. магаз. по 1 четверику съ ревизской души

*) Въ свѣдѣніяхъ сказано: 10 дней на каждаго жителя. Но, такъ какъ повинности отправляются, какъ выше сказано, всѣми лицами, имѣющими земли, распредѣляются же по работникамъ, то не будетъ ошибкою принять здѣсь цифру, поставленную въ одной изъ вѣдомостей о количествѣ способныхъ работниковъ, именно 1,271 человѣкъ.

(ревизскихъ душъ въ волости 1,979 муж. и 1,722 жен., а наличныхъ 2,949 муж. и 2,855 жен.).

На опалку полей 1 день 1,000 чел.

„ общественной службѣ состоитъ. 18 „

Приведеніе данныхъ о податяхъ и повинностяхъ и вообще всякая рѣчь по этому предмету ведетъ мысль къ вопросу о степени тяжести для населенія данныхъ налоговъ и натуральныхъ повинностей. Но за этимъ вопросомъ слѣдуетъ тотчасъ другой: какъ судить, какія основанія взять для опредѣленія вліянія на экономическій бытъ податей и повинностей?

Что касается до чисто денежныхъ сборовъ, то степень ихъ тяжести ясно можетъ быть опредѣлена изъ самой цифры платежей, причитающейся на взрослаго работника. Сопоставленіе этой цифры съ доходами и расходами крестьянской семьи и мѣстными цѣнами на продукты сельскаго хозяйства довольно вѣрно опредѣлитъ значеніе данной цифры расхода на денежные платежи. Что же касается до натуральныхъ повинностей, то здѣсь опредѣленіе тяжести повинности представляется весьма затруднительнымъ и, конечно можетъ быть сдѣлано только приблизительно и то относительно лишь *нѣкоторыхъ* натуральныхъ повинностей.

Здѣсь недостаточно знать цифры бюджета крестьянскаго двора и стоимость продуктовъ сельскаго хозяйства, но придется обратиться къ соображеніямъ, выходящимъ далеко изъ круга обыкновенныхъ статистическихъ рубрикъ. Такъ, напримѣръ, для опредѣленія степени тяжести подводной повинности нужно принять во вниманіе и качество дороги въ разное время года, и вліяніе лѣтняго зноя, зимней стужи и мятелей, мѣстныхъ эпизоотій и много другихъ условій, какъ, напримѣръ, хорошо кормленную и крѣпкой породы лошадь у одного крестьянина, плохую у другаго; затѣмъ можно указать какъ на условіе, опредѣляющее тяжесть или легкость повинности—на степень совершенства общинныхъ отношеній, слѣдствіемъ котораго являются болѣе или менѣе точныя и равномѣрныя распредѣленія повинности, замѣна для данныхъ личностей однѣхъ повинностей другими, благодаря чему владѣлецъ плохой лошади не будетъ принужденъ сгубить ее на трудной и дальней дорогѣ; извѣстно, что во вниманіе къ этому общество можетъ освободить его отъ данной повинности, обязавъ его сдѣлать больше по другой мірской работѣ, болѣе ему сподручной.

Ясное дѣло, что разработка *сообразно этому методу* вопроса

о *тяжести натуральныхъ повинностей*—у насъ, можно сказать, еще не начиналась, а потому и данныхъ съ этою цѣлью не было собираемо.

Въ Россіи, въ виду общаго впечатлѣнія, производимаго тяжестью и неравномѣрностью натуральныхъ повинностей, было прямо приступлено къ *замѣнѣ* ихъ денежными. Такимъ образомъ и былъ обойденъ вопросъ о *точномъ опредѣленіи* тяжести натуральныхъ повинностей не вообще, а *именно для данныхъ мѣстностей, для данныхъ селеній*, а также и *для различныхъ категорій крестьянскихъ семей*, какъ, напримѣръ, для зажиточныхъ и бѣдныхъ семей, для семей, занимающихся исключительно земледѣліемъ, и для тѣхъ, которыя, кромѣ земледѣлія, промышляютъ разными промыслами, и проч. Что же касается до Сибири, то здѣсь только лишь начинается раскопка подобныхъ практическихъ, насущныхъ вопросовъ; триста лѣтъ здѣсь занимались только раскопками кургановъ и могилъ, или, говоря иными словами, баре-науки гнались только за роскошью науки. Такимъ образомъ, данныхъ для оцѣнки тяжести натуральныхъ повинностей въ Сибири взять много неоткуда. Въ этомъ отношеніи мы можемъ только указать на печатающуюся въ настоящемъ „Сборникѣ“ статью *крестьянина Ѳ. Ѳ. Девятова*, и затѣмъ на данныя по ревизіи тесинскаго волостнаго правленія, помѣщенныя въ „Восточномъ Обозрѣніи“ 1883 г. № 48 и 1884 г. № 7, подъ рубрикою „Пути къ разрѣшенію податнаго вопроса“; на свѣдѣнія о крестьянскихъ платежахъ и повинностяхъ въ статьѣ „Вост. Обозр.» 1884 г. № 15 подъ, заглавіемъ „Къ вопросу о податной реформѣ“, и, наконецъ, на указанный уже разъ источникъ, именно на тѣ, такъ сказать, вразумлѣнія, которыя выносятся нами изъ изученія порядковъ общиннаго землевладѣнія. Повторяемъ снова это указаніе, такъ какъ извѣстная форма проявленія общинной жизни иногда представляетъ собою не что иное, какъ проявленіе извѣстной потребности уравнять тягость повинности, или же распредѣлить ее такъ, чтобъ спасти *порой* большинство членовъ общины, *порой* меньшинство отъ полнаго разоренія. Въ виду этого, чѣмъ больше мы будемъ узнавать порядки общинной жизни, чѣмъ болѣе будемъ въ состояніи раскрывать ихъ внутренній смыслъ, тѣмъ яснѣе для насъ будетъ становиться и вопросъ о степени тяжести натуральныхъ повинностей.

Еще одно важное обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду при этомъ дѣлѣ, именно *злоупотребленія* при отбываніи податей и

повинностей. Указанная нами выше статья „Восточ. Обозр." о ревизіи тесинскаго волостнаго правленія можетъ здѣсь служить хорошимъ указателемъ разнообразныхъ злоупотребленій. Мы не знаемъ другой подобной статьи, въ которой бы такъ подробно и опредѣленно были очерчены злоупотребленія и гдѣ бы такъ много ихъ было собрано въ одно мѣсто. Вообще, въ виду этихъ злоупотребленій, отъ которыхъ деревня еще нескоро избавится, слѣдовало бы: каждую данную *явную* цифру налога не принимать *за дѣйствительную*, а имѣть въ виду, что, въ силу злоупотребленій, она всегда должна быть увеличена, а иногда—*удвоена*, *утроена*.

При различныхъ *денежныхъ* сборахъ злоупотребленія менѣе сложны и болѣе просты; напримѣръ, налогъ, можетъ быть взысканъ два раза, вслѣдствіе запутанности счетовъ. Но другое дѣло при отправленіи *натуральныхъ* повинностей. Тутъ, что ни повинность, то и свое характерное злоупотребленіе. Вывезенный лѣсъ на постройку моста можетъ пойдти часто на иное, негласное употребленіе; при осмотрѣ поставленнаго матеріала могутъ быть обракованы предметы, вполнѣ удовлетворительные, а поставщики принуждены къ новой поставкѣ; проложеніе или починка дороги, исполняемыя натурою, даютъ рядъ иныхъ злоупотребленій, крайне отяготительныхъ для обязанныхъ повинностію, и проч. *).

*) Вотъ нѣсколько иллюстрацій къ сказанному въ текстѣ:

Въ тесинской волости десятскихъ ставилось, съ 1876 по 1881 г., ежегодно отъ 15 до 17 человѣкъ. Изъ нихъ для волости назначались 9, для службы у засѣдателя, писаря и головы по 2 у каждаго; у фельдшера 1. Въ теченіе 6-ти лѣтъ десятскихъ значилось по отчетамъ волостнаго правленія 93 человѣка, на самомъ же дѣлѣ ихъ служило только 56 человѣкъ. Эта повинность, по существу выборная, обращается, вслѣдствіе злоупотребленій мѣстныхъ полицейскихъ и волостныхъ властей, въ какую-то смѣшанную, отбываемую частью натурою, частью деньгами. Мало этого, нѣкоторые десятскіе сами платятъ полиціи за назначеніе ихъ на какой либо прибыльный постъ. Такъ одинъ крестьянинъ, нанятый на полгода въ десятскіе, заплатилъ за это засѣдателю 50 руб. деньгами и поставилъ двухъ барановъ. Всего противузаконно было назначаемо отъ 6 до 7 десятскихъ въ годъ; за 6-ть лѣтъ одинъ волостной голова получилъ съ десятниковъ 880 р., не считая того, что имъ брались деньги за дозволеніе наняться въ десятники, и наконецъ, что лишнее количество десятниковъ (6—7 чел.) стоило обществу 540 р. ежегодно, или 3,240 р. за шесть лѣтъ. У засѣдателя служилъ одинъ десятскій, а за другаго онъ бралъ деньгами. Ни для писаря, ни для старосты десятниковъ не полагается, а между тѣмъ они назначались, хотя, конечно, десятники были только на бумагѣ; суммы же, необходимыя для ихъ найма, разбирались тѣми лицами, которыя заявляли о необходимости имѣть у себя де-

Всѣ эти замѣчанія относительно метода обсужденія вопроса о степени тяжести данныхъ податей и повинностей мы дѣлаемъ съ цѣлью: во-первыхъ, показать, что на основаніи приведенныхъ выше цифръ податей и повинностей по кулачинской волости нельзя дѣлать точнаго заключенія о степени ихъ вліянія на экономическій бытъ населенія, и, во-вторыхъ, что путемъ опроса однихъ волостныхъ правленій нельзя надѣяться получить всѣхъ данныхъ, нужныхъ для рѣшенія того существеннаго вопроса, въ цѣляхъ котораго и собираются эти цифры, и что вообще не разработанный у насъ критически вопросъ о степени тяжести натуральныхъ повинно-

сятника; только для фельдшера общество добровольно отъ себя назначало десятника. Всѣ эти объясненія приводятъ къ заключенію, что сходъ только назначалъ количество десятниковъ и, можетъ быть, опредѣлялъ сумму сбора, нужнаго для ихъ найма; выбора же извѣстныхъ лицъ въ десятники не производилось; засѣдатель и волостное правленіе нанимали на эту должность желающихъ, тѣмъ болѣе, что послѣднихъ было немало, о чемъ можно заключить изъ того, что нѣкоторыя лица отъ себя вносили деньги за опредѣленіе ихъ на выгодную должность—«агента» мѣстной полицейской власти. Значительное количество десятниковъ—для службы при волостномъ правленіи (9 чел.) объясняется необходимостью стеречь арестантовъ, которыхъ въ волостной тюрьмѣ скопляется до 40 человѣкъ. Эти же десятники, кромѣ того, посылаются собирать хлѣбъ для арестантовъ.

Къ числу натуральныхъ повинностей также относится постройка домовъ для волостнаго правленія. Эти дома строились въ Тесинѣ въ 1878 году, причемъ было доставлено 1,835 деревъ разнаго лѣса, большая часть которыхъ были гигантскихъ размѣровъ и стоили отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за дерево; 32 куб. саж. камня и 23 куб. саж. моху. На самомъ же дѣлѣ употреблено на постройку зданій волостнаго правленія не болѣе 1,300 деревъ средняго размѣра; что же касается камня и моху, то если бы сложить все это вмѣстѣ, вышла бы масса, равная зданію волостнаго правленія съ крышею, а между тѣмъ выстроено волостное правленіе изъ рукъ вонъ плохо.—Въ 1869 году были составлены приговоры на постройку тюрьмы при волости, и на этотъ предметъ было собрано 1,800 штукъ разнаго лѣса и по 28 к. съ ревизской души. Изъ числа лѣсинъ, 75 было вытребовано старостою на почтовый трактъ, а остальныя бралъ сначала подъ росписки, а потомъ и безъ росписокъ писарь.

Самый главный расходъ по внутренней повинности — это жалованье сельскимъ писарямъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ утвержденія смѣты на 38 писарей, ихъ было всего 17; волостное правленіе жалованье 21 писаря брало себѣ. Такимъ образомъ, на 2 — 4 деревни содержался 1 писарь, который имѣлъ право держать у себя помощника; жалованье послѣднему платило сельское общество, не смотря на взносъ своей доли на 38 писарей. Отсутствіе помощника имѣло бы своимъ послѣдствіемъ разъѣзды писаря, на что пошло бы отъ 150—120 подводъ. Нѣкоторые сельскіе писаря получали жа-

стей вопіетъ объ этой разработкѣ и объ установленіи для нея строгаго метода *).

Впрочемъ, обозрѣвая общинные порядки кулачинской волости, мы должны замѣтить, что здѣсь повинности не могутъ такъ тяжело

лованья отъ 300 до 420 руб., а иные ровно ничего не получали, вслѣдствіе чего сельскія общества отъ себя дѣлали вторичные сборы. Эти сборы за 6 лѣтъ выразились въ суммѣ 4,413 р. 50 к., или по 735 р. 58½ к. ежегодно («Вост. Обозр.» 1884 г. № 7).

Дорожная повинность въ Сибири самая тяжелая. Рѣдкость населенія и огромныя пространства дѣлаютъ эту повинность иногда совершенно разорительною для крестьянства. За 40, за 100 и болѣе верстъ приходится выѣзжать изъ деревень для исправленія дорогъ, выѣзжать и весной, и лѣтомъ, и осенью, забирая съ собою и пищу. Дождливая погода иногда останавливаетъ работы. Такимъ образомъ, случается быть вдали отъ своихъ полей около мѣсяца времени. «Душа содрогалась, пишетъ въ «Вост. Обозр.» (№ 10—1884 г.) очевидецъ, при видѣ возвращающихся съ трактовыхъ работъ крестьянъ, исхудалыхъ, больныхъ, съ едва двигающимися отъ безкормицы лошадьми, такъ какъ не только купить сѣна, но и самому прокормиться было нечѣмъ. Что значатъ протяженія россійскихъ трактовъ, въ сравненіи съ сибирскими; что значитъ отбываніе этой повинности въ Россіи, по сравненію ея съ Сибирью, гдѣ каждая верста на иномъ трактѣ стоитъ ежегодно крестьянству до 1,000 р.»

*) Приводимъ здѣсь для сравненія съ цифрами кулачинскаго волостнаго правленія цифры, подвергшіяся обработкѣ. Онѣ относятся къ одной изъ сибирскихъ волостей, заимствованы изъ письма въ редакцію «Вост. Обозр.» (№ 15 «Вост. Обозр.» 1884 г.) и снабжены слѣдующимъ, между прочимъ, предисловіемъ: «Земледѣльческое населеніе Сибири, не смотря на достатокъ въ землѣ, находится въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ. Подушная подать сама по себѣ еще не столь тяжела для крестьянъ, какъ другіе денежные сборы и натуральныя повинности. Если преобразовать лишь одну подать, то эта реформа будетъ незамѣтна для крестьянъ, и экономическія условія ихъ останутся почти тѣ же. Крестьяне даже не имѣютъ понятія собственно о подушной подати, а считаютъ податью всѣ денежные сборы, взыскиваемые съ нихъ волостными правленіями. Чтобы дать наглядное понятіе о томъ, какія тягости лежатъ на здѣшнемъ крестьянскомъ населеніи, я приведу слѣдующія данныя. Возьмемъ для примѣра одну волость. Въ ней наличныхъ крестьянъ-работниковъ, т. е. такихъ лицъ, которыя юридически признаются способными къ труду, 2½ тыс. человѣкъ. На такой волости лежатъ слѣдующіе платежи и повинности:

		Причитается на каждаго работн.	
А) Денежные сборы.	Рубли.	Руб.	Коп.
1) Вносится въ казначество податей и разныхъ повинностей до	37,000		
2) Содержаніе волостн. правленія до	4,000		
и 3) Содержаніе сельскихъ писарей.	3,000		
	44,000	17	60

отзываться на жителяхъ, какъ въ тесинской волости, данныя о которой мы изложили въ примѣчаніи. Вліяніе волостныхъ головъ и писарей въ той и другой волости не можетъ быть одинаково, потому что въ кулачинской самоуправленіе крестьянское гораздо крѣпче, чѣмъ въ тесинской, и именно благодаря тому, что въ первой для мѣстной администраціи нѣтъ поводовъ часто вмѣшиваться въ крестьянскія дѣла, здѣсь нѣтъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, нѣтъ поэтому кулачества, втягивающаго обыкновенно всѣ мѣстныя власти въ деревенскія дѣла. Такимъ образомъ здѣсь голова и писарь не могутъ имѣть такой си-

		Причитается на каждаго работн.	
	Рубли.	Руб.	Коп.
Б) Службы по выборамъ.			
Волостными членами, сельскими старшинами, разсыльнымя при волостномъ правленіи, десятниками, вахтерами, караульщиками при хлѣбныхъ магазинахъ, церковными старостами, трапезниками, караульщиками при церквахъ и перевозчиками, — всего до 150 человѣкъ, на своемъ содержаніи, можно считать минимумъ по 100 р.	15,000	6	
Повинности, отбываемыя натурою, считая примѣрную стоимость по существующимъ цѣнамъ.			
В) Подводы.			
1) Содержится по всей волости обывательскихъ лошадей до 60 паръ по 200 р.	12,000		
и 2) Содержаніе междудворныхъ.	6,000		
Итого. .	18,000	7	20
Г) Почтовый трактъ.			
1) На исправленіе почтоваго тракта единовременно весною, на своихъ лошадяхъ и на полномъ своемъ иждивеніи, высылается 1,000 человѣкъ, по 30 дней каждый, итого 30.000 поденщиковъ по 80 к. .	24,000		
и 2) Въ разное время года, въ экстренныхъ случаяхъ, тоже для исправленія тракта, для заготовленія лѣса и гальки, полагая половину противъ главныхъ работъ .	12,000		
Итого. .	36,000	14	40
Д) Проселочныя дороги.			
Исправленіе проселочныхъ дорогъ и мостовъ до	3,000	1	20
А всего сборовъ и повинностей .	116,000	46	40

Собственно подушной подати платится сравнительно немного, именно подушной 1 р. 49 к., оброчной 2 руб. $26^1/_2$ коп. и дополнительной оброчной 45 к., итого 4 р. $20^1/_2$ к.

*

лы и вліянія на приговоры сходовъ, какое получили они въ тесинской волости, расположенной недалеко отъ золотопромышленныхъ гнѣздъ, бойкаго торговаго тракта и проч. Сказать короче, крестьянами кулачинской волости никто не заинтересованъ; никому они не нужны; наоборотъ, на крестьянъ тесинской волости устремлены взоры изъ различныхъ сферъ. Ихъ рабочими руками разсчитываютъ пользоваться для своихъ интересовъ сферы золотопромышленныя, торговыя и проч. Положеніе дѣлъ въ кулачинской волости таково, что когда въ ней раздали земли чиновникамъ и пораспродали разнымъ купцамъ и разночинцамъ земельные участки, то оказалось, что и этимъ созданнымъ здѣсь изъ ничего помѣщикамъ не оказалось никакого дѣла до мѣстныхъ крестьянъ; *они бросили свои земли*—фактъ многозначительный, указывающій на то, что какъ хлѣбомъ, такъ и скотомъ *торговать здѣсь невыгодно*; хлѣба здѣсь никому не нужно, а бараны и лошади въ огромномъ количествѣ головъ прогоняются невдалекѣ изъ киргизской степи по дорогѣ на Петропавловскъ, откуда они и сбываются далѣе на западъ, въ Россію.

Вотъ въ силу-то такихъ обстоятельствъ въ кулачинской волости крѣпокъ общинный духъ и твердо держится *дѣйствительное* крестьянское самоуправленіе, гдѣ голова и писарь болѣе слуги крестьянскаго міра, нежели орудія земской полиціи. Вслѣдствіе этого, власть міра здѣсь велика и разнообразна. Здѣсь міръ простираетъ свою власть, какъ мы выше видѣли, даже на богатыхъ „заимщиковъ", вмѣшивается въ отдачу своими членами земель въ аренду постороннимъ лицамъ; нерадивыхъ и дурнаго поведенія, въ случаѣ неплатежа ими податей, обязываетъ мірскими работами, удаляетъ вредныхъ людей изъ общества и проч., и проч., Право голоса на мірскомъ сходѣ принадлежитъ всѣмъ домохозяевамъ. Вдова, обязавшаяся по смерти мужа обработывать земли и платить подати, допускается къ участію на сходѣ съ правомъ голоса, наравнѣ съ другими домохозяевами. Ссыльно-поселенцы, по зачисленіи ихъ въ крестьяне, допускаются къ участію на сходѣ чрезъ два, три года по причисленіи и въ томъ только случаѣ, если они, выказавъ хорошее поведеніе, обзаведутся хозяйствомъ и будутъ исправно платить налоги и отбывать повинности.

При разсмотрѣніи другихъ общинъ подобнаго типа, т. е. богатыхъ землею, бѣдныхъ лѣсомъ, приходится отмѣчать почти тѣ

же характеристики, которыя мы изложили выше, очерчивая общинные порядки въ кулачинской волости. Встрѣчаются, правда нѣкоторыя особенности, обращающія на себя вниманіе. Такъ въ *Баженовской* общинѣ, тюкалинскаго округа, мы находимъ болѣе подробныя и строгія регламентаціи относительно пользованія лѣсомъ. Здѣсь запрещается распахивать мѣста, поросшія березовымъ кустарникомъ, въ цѣляхъ выростить лѣсъ.

Земли между селеніями, составляющими всѣ вмѣстѣ одну поземельную общину, не раздѣлены, но въ отношеніи лѣса каждое селеніе имѣетъ свою рощу, которую и охраняетъ отъ порубокъ. Затѣмъ существуютъ лѣсные участки, не пріуроченные къ какому либо селенію, состоящіе въ общемъ всѣхъ селеній пользованіи. Въ перваго рода участкахъ, которые называются *подворными*, а также *мірскими*, дозволяется пользоваться лѣсомъ въ *исключительныхъ* случаяхъ, какъ, напримѣръ, на общественныя потребности, на постройки для лицъ, пострадавшихъ отъ пожаровъ, и проч. Пользованіе участками втораго рода свободно для всѣхъ членовъ общины, смотря по надобности и безъ контроля со стороны общества.

Сады при заимкахъ (т. е. огороженные участки лѣса, запрещенные хозяиномъ заимки для рубки) находятся въ исключительномъ пользованіи хозяевъ заимокъ. Для сбереженія мірскихъ или подворныхъ лѣсовъ избирается сельскимъ обществомъ сторожъ, который за исполненіе своихъ обязанностей освобождается отъ другихъ общественныхъ службъ.

Платежъ податей и повинностей разверстывается здѣсь тоже на большія и малыя души. Подати за калѣкъ, дряхлыхъ, находящихся въ неизвѣстной отлучкѣ, поступившихъ въ военную службу, а также за умершихъ разверстываются на платящихъ большія души.

Волостной голова и старосты, кандидаты и сельскіе выборные, состоящіе на должности, платятъ только окладъ *казенныхъ* податей и повинностей; отъ прочихъ платежей освобождены.

Въ случаѣ явнаго мотовства домохозяина, общество вмѣшивается въ порядки его частной жизни.

Посторонніе общинѣ лица, занимающіяся хлѣбопашествомъ на общинныхъ земляхъ, участвуютъ въ отбываніи дорожной и подводной повинности, но мірскими налогами не облагаются.

Разнообразіе въ зажиточности дворовъ здѣсь рѣзко бросается въ глаза. $^1/_{10}$ долю населенія здѣсь можно отнести къ числу богатыхъ дворовъ; $^4/_{10}$ къ числу среднихъ, а $^5/_{10}$ къ числу бѣдныхъ.

Всѣхъ дворовъ въ волости 1,229. Наличнаго населенія 6,222, чел., изъ нихъ 2,975 м. и 3,247 ж.

Способныхъ работниковъ	648
Семейныхъ работниковъ	1,020
Наемныхъ работниковъ	186
Семей безъ работниковъ	209
Пашутъ отъ 1 до 5 дес.	541 хоз.
„ „ 5 „ 10 „	267 „
„ „ 10 „ 50 „	131 „

До 100 человѣкъ существуютъ единственно въ качествѣ работниковъ у зажиточныхъ крестьянъ, равно какъ и поселенцы, необзаведшіеся хозяйствомъ.

Вотъ довольно подробные, хотя только приблизительные бюджеты крестьянскихъ дворовъ.

Доходы и расходы:

Зажиточной семьи, состоящей изъ 3 взрослыхъ работниковъ, 1 старика, 4 женщинъ, 4 дѣтей.

Доходъ.		Расходъ.	
Отъ хлѣбопаш. на	650 р.	Хлѣба для семьи 200 п. по 50 к.	100 р. — к.
„ скотоводства на	140 „		
„ птицеводства на	5 „	Хлѣба для мелкаго скота 80 п. по 50 к.	40 „ — „
Въ продажу идетъ продуктовъ хозяйства на	500 „	Овощей на	30 „ — „
		Мяса 70 п. по 80 к.	56 „ — „
Итого	1,295 р.	Рыбы 50 п. по 30 к.	15 „ — „
		Соли 7 п. по 40 к.	2 „ 80 „
		Масла	30 „ — „
		Чаю и сахару на	30 „ — „
		На одежду	150 „ — „
		Обувь	36 „ — „
		Податей и мірскихъ сборовъ по 11 р. 30 к на работника	33 „ 90 „
		На покупку посуды и исправленіе земледѣльческихъ орудій,	

	Расходъ.
	конской сбруи,
	телегъ и пр.... 70 „ — „
	На непредвидѣнные
	расходы....... 10 „ — „
	Итого.. 603 р. 70 к.

Средней семьи, состоящей изъ 2 взрослыхъ работниковъ, 1 старика, 3 женщинъ и 3 дѣтей об. пола.

Доходъ.		Расходъ.	
Отъ хлѣбопашества...	290 р.	Хлѣба 160 п. по 50 к.	80 р. — к.
„ скотоводства и птицеводства..	75 „	Хлѣба для домашняго мелкаго скота 50 п. по 50 к.	25 „ — „
„ постороннихъ заработковъ.......	20 „	Овощей на.......	24 „ — „
Въ продажу идетъ на.	200 „	Мяса 36 п. по 80 к.	28 „ 80 „
		Рыбы 30 п. по 30 к.	9 „ — „
Итого...	585 р.	Соли 5 п. по 40 к.	2 „ — „
		Масла 3 п. по 6 р.	18 „ — „
		Чаю и сахару на.	20 „ — „
		Предполагается:	
		На одежду......	72 „ — „
		„ обувь.......	24 „ — „
		Податей и повин.	22 „ 60 „
		На покупку сбруи, земледѣльческихъ орудій, телегъ и проч. ..	40 „ — „
		На непредвидѣнные расходы...	8 „ — „
		Итого...	373 р. 40 к.

Бѣдной семьи, состоящей изъ 1 работника, 1 старика, 3 женщинъ и 2 дѣтей.

Доходъ.		Расходъ.	
Отъ хлѣбопашества...	90 р.	Хлѣба до 130 п. по 50 к.........	65 р. — к.
„ скотовод. и птицеводства.......	22 „	На мелк. скотъ 30 п. по 50 к......	15 „ — „
Постороннихъ работъ..	5 „		
Въ продажу на.......	25 „	Овощей на......	12 „ — „
		Мяса 15 п. по 80 к.	12 „ — „
Итого...	142 р.	Рыбы 10 п. по 30 к.	3 „ — „

Расходъ.

Масла 1 п.	6 „ — „
Соли 4 п. по 40 к.	1 „ 60 „
Чаю и сахару на.	3 „ — „
На одежду	20 „ — „
„ обувь	7 „ — „
Податей и повин.	11 „ 30 „
На посуду, сбрую, земледѣльческія орудія, телеги и прочія домашнія подѣлки.......	15 „ — „
Итого...	170 р. 90 к.

Заканчивая рѣчь объ этого типа общинахъ, остановимъ вниманіе на экономическихъ данныхъ, существованіе которыхъ, вызывая нѣкоторое броженіе въ этихъ общинахъ, разрѣшится, по всей вѣроятности, возникновеніемъ какого либо новаго порядка въ ихъ общинномъ бытѣ.

Дѣло заключается въ томъ, что здѣсь земель хотя и очень много, но большая часть самыхъ удобныхъ находится къ настоящему времени въ пользованіи зажиточныхъ дворовъ. Происходилъ этотъ захватъ, конечно, безъ всякаго со стороны ихъ насилія. Сильные дворы запахивали всегда большее количество хорошей земли; съ теченіемъ времени другіе, менѣе зажиточные, приходили въ упадокъ, вслѣдствіе болѣзней и смерти работниковъ, падежа скота, неурожаевъ и проч., оставляемыя же ими запахивались другими, болѣе зажиточными. Такимъ образомъ, время отъ времени, увеличивался контингентъ такихъ людей, которымъ оставалось одно: идти въ работники къ зажиточнымъ. Незначительность дохода, получаемаго здѣсь отъ сельскаго хозяйства, именно вслѣдствіе дешевизны продуктовъ земледѣлія и скотоводства, имѣла слѣдствіемъ то, что изъ зажиточнаго хозяина, держащаго работниковъ, не могъ образоваться капиталистъ, или, говоря иначе, содержаніе работника не могло приносить ему большихъ выгодъ. Къ большей части мѣстностей земледѣльческой полосы Сибири можно отнести замѣчаніе крестьянина Девятова *) о томъ, что, по разсчетѣ хозяина съ работникомъ,

*) Смотри его статью въ настоящемъ «Сборникѣ».

оказывается зачастую неизвѣстнымъ: кто на кого работалъ—*работникъ ли на хозяина, или хозяинъ на работника?* Вся выгода хозяина заключается только въ томъ, что общая экономія двора не пострадала, бюджетъ не понизился, количество скота не сократилось, расходовъ на домашнія потребности уменьшать не нужно. Такимъ образомъ, здѣсь съ одной стороны не вырабатывается типъ міроѣда *), и зажиточный хозяинъ, держащій работниковъ, продолжаетъ быть всѣми уважаемымъ человѣкомъ; но съ другой стороны не разживается и работникъ, и такимъ образомъ безъ какой либо льготы, безъ пособія отъ общины, ему нѣтъ возможности стать вновь домохозяиномъ. И вотъ обѣднѣвшіе крестьяне начинаютъ домогаться нѣкотораго рода пособія отъ общества. Пособіе это заключается въ надѣлѣ ихъ изъ ближайшихъ къ селеніямъ удобныхъ земель, занятыхъ теперь исключительно зажиточными. Обѣднѣвшимъ крестьянамъ весьма трудно воздѣлывать земли, которыя лежатъ слишкомъ далеко отъ селеній, хотя между этими землями могутъ найдтись никѣмъ не занятыя и весьма удобныя для хлѣбопашества. Другое дѣло—хозяйство на землѣ, находящейся невдалекѣ отъ жилья. Небольшой надѣлъ такимъ участкомъ представляетъ всѣ удобства для двора съ одною лошадью, съ однимъ работникомъ.

Кромѣ того, имѣется здѣсь и другой разсчетъ: пока нужда заставляетъ быть работникомъ у богатаго, участокъ хорошей земли близь деревни всегда можетъ быть сданъ въ аренду, и такимъ образомъ доходами съ него могутъ быть покрыты платежи подушной и оброчной подати, взносимые нынѣ изъ того небольшаго количества рублей, которые зарабатываются въ продолженіе года у зажиточнаго крестьянина. Крестьянинъ бѣдный, но способный къ работамъ, не освобождается, согласно порядкамъ сибирской общины, отъ подушной и другихъ казенныхъ окладовъ; переложеніе этихъ

*) Въ Сибири типы міроѣдовъ и кулаковъ развились только въ мѣстностяхъ Алтайскаго горнаго вѣдомства, затѣмъ около золотыхъ пріисковъ и въ нѣкоторыхъ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ. Въ настоящей же мѣстности, о которой мы говоримъ въ этой статьѣ, даже денежные займы не указываютъ на признаки міроѣдства. Такъ именно, при ссудѣ неимущихъ деньгами, существуетъ здѣсь такой обычай: при неплатежѣ въ срокъ занятыхъ денегъ, должникъ предоставляетъ заимодавцу получить долгъ изъ представленныхъ въ его распоряженіе кожъ, сала, масла, *по существующей базарной цѣнѣ* (п. 159 свѣдѣній по Баженовской вол.). Самые бѣднѣйшіе ссужаются деньгами подъ работу, которая здѣсь, какъ замѣчено въ текстѣ, при существованіи патріархальныхъ отношеній между хозяиномъ и работникомъ, не обращаетъ послѣдняго въ кабальника.

податей на землю здѣсь не сдѣлано, какъ неумѣстное при системѣ свободнаго занятія (захвата) земель. Въ русскихъ губерніяхъ безземельные податей не платятъ, и вообще тамъ платежи разверстаны сообразно количеству владѣемой земли; но въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ обиліе земли допускаетъ свободное ею пользованіе, не можетъ быть поднято и вопроса о разверсткѣ налоговъ сообразно количеству запашки. Въ Сибири это количество можетъ ежегодно подвергаться измѣненіямъ; участокъ, запахиваемый однимъ хозяиномъ въ *этотъ* годъ, можетъ быть оставленъ имъ безъ запашки на слѣдующій, и тогда онъ является землею пустопорожнею, которую (по обычаямъ кулачинской, баженовской и друг. общинъ этого типа) можетъ и взять и не взять другой хозяинъ. Укрѣпить занятыя земли за извѣстными хозяевами, на извѣстное число лѣтъ, значитъ уже *ввести совсѣмъ иную систему землепользованія*, подобную той, какая господствуетъ теперь въ русскихъ губерніяхъ. Но не извѣстно, удобна ли будетъ такая система въ настоящее время въ степныхъ общинахъ Сибири; вѣроятно, въ будущемъ она получитъ господство и здѣсь, но какъ слѣдствіе—увеличенія населенія, перехода отъ залежнаго способа хозяйства къ трехполью, съ сокращеніемъ пастбищныхъ пространствъ и проч. И вотъ тогда разверстка платежей на землю явится вполнѣ удобною и законною, а пока, при существующей системѣ, необходимо держаться иной мѣрки для опредѣленія платежной способности различныхъ членовъ общины. Мѣркою этою, какъ выше объяснено при разсмотрѣніи кулачинской общины, — служитъ физическая способность лица къ труду, соображенная съ его семейными и другими условіями.

Изъ соображенія всего вышеизложеннаго видно, что обѣднѣвшіе хозяева, исходя изъ присущаго общинному складу жизни начала *равненія*, или, говоря иначе, *обезпеченія* каждому *возможности трудиться*, потребуютъ осуществленія для себя этого начала. Этотъ принципъ, безпрепятственно осуществлявшійся прежде, благодаря обилію никѣмъ не занятыхъ хорошихъ земель, нарушенъ нынѣ вслѣдствіе измѣнившихся, какъ выше указано, условій. Законность требованія бѣдныхъ понимается всѣми членами общины, и богатыми, и средне-зажиточными, которые въ душѣ исповѣдываютъ указанный принципъ и на дѣлѣ постоянно проявляютъ его, какъ, напримѣръ, при дѣлежѣ покосовъ и при разверсткѣ душъ на большія и малыя, при городьбѣ поскотинъ и проч.

Какъ и чѣмъ разрѣшится это домогательство бѣдныхъ крестьянъ, въ какую форму выльется осуществленіе этого домогатель-

ства, вѣроятно, увидимъ это впослѣдствіи. Теперь же мы только знаемъ, что контингентъ безземельныхъ здѣсь всегда будетъ пополняться изъ году въ годъ домохозяевами, бѣднѣющими вслѣдствіе климатическихъ условій степнаго хозяйства. Засухи, сильные вѣтры, заморозки, гололедицы, безъ которыхъ не проходитъ и года, всегда будутъ убійственно дѣйствовать на часть хозяйствъ; грады, проходящіе здѣсь полосами, всегда будутъ опустошать часть полей, лежащую на ихъ путяхъ, оставляя нетронутыми сосѣднія поля внѣ ихъ путей.

Такимъ образомъ, является и другая *важная въ настоящемъ вопросѣ черта*: контигентъ работниковъ будетъ пополняться такими людьми, которые *еще вчера были хозяевами*, а *не родились и не выросли работниками*, не забыли къ себѣ уваженія со стороны другихъ счастливыхъ хозяевъ, да и эти послѣдніе *не разучились смотрѣть* на обѣднѣвшихъ, какъ на *равныхъ себѣ*.

Эта черта въ настоящемъ вопросѣ, конечно, способна вести его къ разрѣшенію въ направленіи, желательномъ обѣднѣвшимъ хозяевамъ.

Кромѣ того, страхъ со стороны зажиточныхъ лишиться рабочихъ рукъ возникнуть здѣсь не можетъ, во-первыхъ, потому, что обѣднѣвшему домохозяину, до обзаведенія полнымъ хозяйствомъ, нечѣмъ будетъ жить, если онъ не поступитъ хотя на лѣто къ зажиточному и, во-вторыхъ, изъ причисляемыхъ къ обществу ссыльнопоселенцевъ рѣдкій обладаетъ качествами, способными изъ человѣка бездомнаго сдѣлать хозяина, знающаго свое дѣло.

Такимъ образомъ мы видимъ, что есть на лицо много условій для того, чтобы требованіе бѣдныхъ было удовлетворено; но по вопросу: въ какую общинную форму выльется это удовлетвореніе? ничего сказать не можемъ, кромѣ только указанія на то, что степныя условія мѣстности помѣшаютъ надѣленію участками *въ одной отрубной дачѣ*. Изъ изслѣдованій степныхъ общинъ въ Саратовской и Тамбовской губерніяхъ мы знаемъ, что проходящія тамъ полосами градовыя тучи обусловливаютъ тамъ стремленіе разбрасывать пашенные участки въ разныхъ мѣстахъ общинныхъ владѣній, дробить полосы, и все это для того, чтобъ не все посѣянное кѣмъ либо количество хлѣба подверглось истребленію *). Всѣ подобныя условія степнаго хозяйства, вмѣстѣ съ стремленіемъ равняться землею по ея качеству, поведутъ къ образованію такъ

*) См. «Община и Подать» Трирогова.

называемыхъ *коновъ*, съ надѣломъ въ каждомъ изъ нихъ по полосѣ. Такимъ образомъ подготовится почва къ проявленію той формы разверстанія земли, какую мы видимъ теперь въ Россіи. Наступленіе фазы *передѣловъ* должно быть естественнымъ послѣдствіемъ такой формы разверстки земель.

Отъ общинъ, гдѣ количество земли весьма значительно, гдѣ она воздѣлывается по переложной системѣ хозяйства, гдѣ еще не возникли промышленныя производства и гдѣ, наконецъ почти нѣтъ людей торговыхъ, перейдемъ къ общинамъ совершенно противоположнаго характера, въ которыхъ земли и скота мало, промышленныя производства получили замѣтное развитіе, и многіе изъ мѣстныхъ жителей начали торговать, разъѣзжая по торгамъ и ярмаркамъ. Къ такому типу принадлежитъ напримѣръ Червинская община Тюменскаго округа. Она лежитъ близь города Тюмени, перваго сибирскаго города на большомъ трактѣ изъ Россіи въ Сибирь. Климатическія условія здѣсь не совсѣмъ благопріятны для сельскаго хозяйства. Посѣвы страдаютъ здѣсь отъ весеннихъ утренниковъ, отъ тумановъ и отъ холодовъ, нагоняемыхъ сѣвернымъ вѣтромъ иногда даже во время лѣта.

Почва мѣстами черноземная, мѣстами сѣровато-глинистая, требующая унаваживанія. Удобной земли въ общинѣ 7,000 дес.; неудобной 2,000 дес.

Изъ числа удобной:

подъ пашнями	850 дес.
подъ сѣнокосами	500 »
выгону (поскотины)	160 »
подъ огородами и гуменниками	38 »
подъ усадьбами	52 »
подъ лѣсомъ (дровянымъ, строевой покупается) .	5,400 »

Ревизскихъ душъ въ общинѣ 519 м. и 535 ж., а наличнаго населенія 531 м. и 554 ж. Дворовъ 209. Взрослыхъ работниковъ 280, наемныхъ только 30.

Скота въ общинѣ: лошадей 573.
рогатаго 464.
мелкаго 705.

Кромѣ крестьянъ, живетъ въ общинѣ:
а) отставныхъ солдатъ 15.
ихъ женъ 13.

Запахивается ими земли 9 дес.; лошадей у нихъ 21, рогатаго скота 24, мелкаго 27.

б) Солдатскихъ вдовъ—8.

в) Ссыльныхъ въ крестьянскомъ окладѣ 1, запахивающій 2 дес. и имѣющій 2 лош., 3 гол. рог. скота и 5 мелкаго.

г) Ссыльныхъ, не вошедшихъ въ окладъ 3 м. и 4 ж; всѣ они владѣютъ только двумя коровами.

Изъ 209 хозяевъ пашутъ 99. Изъ нихъ **76** запахиваютъ отъ 1 до 10 дес. (43 хозяина отъ 1 до 5 дес. и 33 отъ 5 до 10 дес.); только 2 двора пашутъ отъ 20 до 30 дес.; остальные зажиточные хозяева **21** пашутъ отъ 10 до 20 дес.

Самое большое число дворовъ имѣютъ отъ 2 до 5 лошадей, именно **87** дворовъ; по 1 лошади 43 двора; отъ 5 до 10 лош. 23 двора; отъ 10 до 20 лошадей 5 дворовъ, и только одинъ отъ 20 до 30. Такимъ образомъ, 130 дворовъ (изъ 209) имѣютъ отъ 1 до 5 лошадей. Что касается до рогатаго скота, то 150 дворовъ владѣютъ отъ 1 до 5 головъ, а отъ 5 до 10 головъ имѣютъ только 17 дворовъ.

Дворовъ безлошадныхъ	60.
„ безъ рогатаго скота . . .	57.
„ безъ мелкаго скота. . . .	128.

При такихъ условіяхъ мѣстности, климата, почвы, количествѣ земель, установилось здѣсь уже не переложное хозяйство, какъ въ общинахъ степнаго типа, а уже *трехпольное, съ унавоженіемъ на ближайшихъ земляхъ* и особый, своеобразный сѣвооборотъ на земляхъ, какъ можно полагать либо дальнихъ, либо имѣющихъ весьма хорошую почву. Вотъ что написано относительно вообще сѣвооборотовъ въ отвѣтахъ на вопросы программы:

Первый годъ поле два раза пашется; $^1/_4$ часть этого поля въ концѣ лѣта засѣвается озимою рожью; остальныя $^3/_4$ поля въ слѣдующій, *второй* годъ засѣваются яровыми хлѣбами; въ *третій* годъ овсомъ и гречью; затѣмъ земля обращается подъ паръ. Такой сѣвооборотъ описанъ въ отвѣтѣ на вопросъ не о трехпольномъ, а о *переложномъ* хозяйствѣ; въ отвѣтѣ же на отдѣльный вопросъ: „на сколько времени оставляются поля на отдыхъ?“— говорится: „поля подъ отдыхъ оставляются только одно лѣто, во время приготовленія паровъ, а затѣмъ *два* года засѣваются хлѣбомъ; послѣ этого, за неимѣніемъ залежной, приготовляется точно такимъ же образомъ“.

Изъ всего этого можно заключить, что ближнія къ селенію поля воздѣлываются по *чисто трехпольной системѣ съ унавоженіемъ*. Болѣе точнаго описанія системъ хозяйства надобно ждать отъ специалистовъ по сельскому хозяйству.

Скотоводство, какъ отдѣльная отрасль, не получило никакого развитія, что и видимъ изъ приведеннаго выше распредѣленія между дворами лошадей, рогатаго и мелкаго скота. Хлѣбопашествомъ изъ 209 хозяевъ занялись только 99, но за то возникли здѣсь промыслы: мукосѣйныхъ волосяныхъ ситъ, набивки мѣднаго полотна для ситъ, тканья ковровъ, извозъ и перевозка тяжестей (купеческихъ товаровъ), рыболовство и торговля — мѣстная и по ярмаркамъ и торжкамъ.

Всѣхъ промышленныхъ издѣлій производится здѣсь на 13,200 р. Отъ торговли выручается до 7,000 р.

Порядки пользованія землями подъ пашни, сѣнокосы и пастбища уже почти совсѣмъ *общероссійскіе*; только здѣсь мы не встрѣчаемъ такихъ постановленій міра, которыя существуютъ въ общинахъ россійскихъ губерній для поправленія нарушаемаго время отъ времени равновѣсія въ землепользованіи. Такъ мы не нашли въ отвѣтахъ упоминанія о переверсткахъ. Однимъ словомъ, всѣ порядки здѣсь проще и очерчиваются крупными чертами, мелкихъ штриховъ не замѣтно. Вотъ сущность этихъ порядковъ:

Земли передѣляются отъ ревизіи до ревизіи.

Пашенныя поля и покосы распредѣляются на участки такъ, чтобъ каждый изъ нихъ приходился на 30 — 50 человѣкъ, которые и дѣлятъ потомъ между собою участокъ. *Прибылыя* души надѣляются въ такихъ участкахъ на счетъ душъ *выбылыхъ*. Земли унавоженныя оставляются за ихъ владѣльцами и при слѣдующемъ передѣлѣ, назначаемомъ послѣ новой ревизіи, оставляются, какъ сказано въ отвѣтахъ, „въ *уваженіе къ труду*“.

Относительно подсѣкъ въ „отвѣтахъ“ есть, между прочимъ, слѣдующее упоминаніе, выписываемое здѣсь слово въ слово: „подсѣчное хозяйство, съ *разрѣшенія сельскаго схода*, производится только тѣми крестьянами, у которыхъ вблизи надѣловъ ихъ имѣются подобныя пустопорожнія мѣста, которымъ, какъ бы за трудъ, и предоставляется пользованіе, по заведенному обычаю, въ теченіе одной переписи, *безъ зачета въ надѣлъ;* при новой же переписи эти распаханныя мѣста отдаются въ *надѣлъ тому же лицу или другимъ*, какъ это придется по разверсткѣ“. Такимъ образомъ, сверхъ отведеннаго количества земли подъ пашню, т. е. сверхъ

надѣла, допускается владѣніе *разчистками* изъ-подъ лѣса. Относительно покосовъ на *„разчисткахъ“* — существуетъ такое же правило.

Захватнаго способа владѣнія не существуетъ какъ относительно пашенныхъ земель, такъ и покосовъ.

Усадьбы состоятъ въ постоянномъ владѣніи безъ передѣловъ.

Пастбища, *рѣки*, *озера* считаются въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи.

Лѣса находятся тоже въ общемъ, нераздѣльномъ пользованіи. Отведенные общинѣ лѣса не принадлежатъ къ разряду строевыхъ. Деревья для постройки или покупаются въ городѣ Тюмени, куда они приплавляются изъ Туринскаго округа, или за попенныя деньги рубятся изъ казенной дачи, находящейся въ 10 верстахъ отъ селенія. Подробностей относительно пользованія собственнымъ лѣсомъ нѣтъ въ отвѣтахъ, но изъ выраженія—пользуются изъ общественныхъ дачъ, *„сколько кому по требованію назначено міромъ“*, — можно заключить, что извѣстный порядокъ пользованія, опредѣляемый сходомъ, всетаки, существуетъ.

Всѣхъ *податей и повинностей*, вносимыхъ въ казначейство (подушная и госуд. земск. и губ. сборъ), община несетъ 2,845 р. 41¼ к. (за 519 ревиз. душъ). Частныхъ мірскихъ денежныхъ сборовъ 515 р. 75 к.

Повинности натуральныя обходятся въ 800 р.

Общая сумма всѣхъ сборовъ 4,161 р. 16¼ к.

Кромѣ того, страховыхъ премій 201 р. 21 к. и на сторожей къ волостному правленію, хлѣбнымъ магазинамъ, училищу и церкви 120 р.

Изъ *натуральныхъ* повинностей *переложены* на деньги:

Земская обывательская подворная гоньба, съ квартирою для земскихъ и другихъ чиновниковъ (320 р.).

Постройка и ремонтъ домовъ священно-церковнослужителей (39 р. 50 к.).

Починка мостовъ (60 р.).

Дорожная повинность по проселочному и почтовому трактамъ (800 р.). На каждаго годнаго работника почтовой дороги приходится по 4 сажени, а проселочной 22 сажени.

Квартира и паекъ фельдшеру (6 р. 50 к.).

Въ числѣ натуральныхъ записанъ въ отвѣтахъ денежный сборъ на добавочное жалованье волостному писарю (41 р. 85 к.).

Къ натуральнымъ же повинностямъ причисляется сборъ на пополненіе *неокладныхъ* недоимокъ (47 р. 90 к.).

Всѣхъ вообще сборовъ приходится по раскладкѣ общества: на годнаго работника 14 р. 82 к. и по 5 р. 48¼ к. на другую категорію работниковъ, которыхъ считается 218 челов., платящихъ только одни казенные оклады.

За неспособныхъ къ труду и поступившихъ въ военную службу, а также за умершихъ платитъ общество. Раскладывается этотъ платежъ только на *годныхъ* работниковъ.

Бюджетовъ крестьянскихъ дворовъ въ свѣдѣніяхъ о червишской волости не приведено. Изъ общихъ же данныхъ о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ, о цѣнахъ на нихъ, о доходахъ отъ продажи продуктовъ скотоводства и проч. весьма трудно сдѣлать хотя бы приблизительные выводы о доходахъ и расходахъ различныхъ по достатку семей, тѣмъ болѣе, что въ этой общинѣ развиты и промышленныя производства.

Очертивъ типическія стороны общинъ степныхъ и указавъ на особенности общинъ, расположенныхъ при совершенно противоположныхъ условіяхъ, гдѣ земли сравнительно мало, гдѣ земледѣліе или скотоводство не составляютъ исключительнаго занятія жителей, и часть населенія обратилась уже къ промышленнымъ производствамъ и торговлѣ, мы переходимъ теперь къ тѣмъ общинамъ Тобольской губерніи, которыя занимаютъ среднее мѣсто между двумя указанными типами. Эти общины нельзя назвать ни многоземельными, ни малоземельными, ни промышленными. Изъ числа ихъ мы возьмемъ тѣ, которыя расположены на давнозанятыхъ мѣстностяхъ Сибири, именно въ предѣлахъ западныхъ округовъ Тобольской губерніи — Курганскаго, частію Ишимскаго и Ялуторовскаго. Эти общины, въ особенности курганскія, признавались многоземельными, вслѣдствіе чего на нихъ время отъ времени водворялись новые переселенцы изъ Россіи, а въ пятидесятыхъ годахъ здѣсь была отрѣзана часть земель, подъ названіемъ *дворянскихъ участковъ*, для продажи ихъ въ личную собственность, съ цѣлью внѣдрить здѣсь помѣстный элементъ.

Но прежде чѣмъ начать рѣчь объ этихъ общинахъ, мы должны оговориться на счетъ употребленія словъ: *многоземелье* и *малоземелье.*

Понимать эти термины въ отношеніи къ Сибири такъ, какъ

понимаются они въ отношеніи странъ съ давнею, древнею культурою, будетъ большою ошибкою.

Дѣло въ томъ, что въ послѣдняго рода странахъ всякій клочекъ земли уже извѣдалъ на себѣ власть человѣка. Если къ нему человѣческая рука и не была прямо приложена, то воздѣйствіе на него культурной жизни непремѣнно чѣмъ либо выразилось; вообще онъ сыгралъ или продолжаетъ играть какую либо роль въ развитіи мѣстной жизни. И дѣйствительно, въ странѣ съ развитою культурою безплодныя каменныя породы дали, напримѣръ, матеріалъ на шоссированіе дорогъ; болота пошли на питаніе каналовъ и проч. Наоборотъ, въ странахъ, начавшихъ жить земледѣльческою жизнью весьма недавно, ничего подобнаго быть не можетъ. Здѣсь еще долго, долго не будетъ возможности употребить на что либо полезное какіе нибудь, напримѣръ, солончаки, залежи разныхъ минеральныхъ породъ и проч. Мало этого, даже *самое обиліе* какихъ либо естественныхъ богатствъ на первыхъ порахъ мѣшаетъ всѣмъ предварительнымъ шагамъ культуры. Такъ, напр., громаднѣйшія пространства дѣвственныхъ вѣковыхъ лѣсовъ будутъ на первыхъ порахъ давить всякіе начатки культуры. Случалось въ Сибири, что новые пришельцы изъ Россіи, поселившись въ лѣсахъ, бросали потомъ свое гнѣздо и отселялись куда нибудь дальше отъ лѣса и уже только тамъ начинали закладывать прочный фундаментъ культуры, только тамъ получали возможность обезпечить себя хлѣбомъ, доставить рабочему скоту кормъ и застраховать его отъ эпизоотій и дикихъ звѣрей. Но хотя и здѣсь на первый разъ приходится терпѣть много невзгодъ, приноравливаться къ новымъ условіямъ климата, изучать капризы природы, но тутъ можно достигнуть одного весьма важнаго, чуть ли не самаго главнаго условія для жизни, именно *сношенія съ сосѣдями*. Упускать изъ виду это обстоятельство при выселеніи въ некультурную страну ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ. Недороды хлѣба, падежи скота, какъ прямыя слѣдствія малаго знакомства съ мѣстными особенностями, могутъ совсѣмъ убить и погубить новое поселеніе; если оно будетъ поставлено въ невозможность имѣть сношенія со старожилами, получать отъ нихъ и совѣтъ, и помощь. При дальнѣйшемъ же развитіи земледѣльческой жизни, она, дойдя до извѣстной ступени, должна стать на одной точкѣ и застынуть, если пути сообщенія будутъ столь тяжки и затруднительны, какими являются они *въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ*. Кто ѣздилъ и двигался въ лѣсахъ, тотъ знаетъ, что здѣсь нельзя совершать путь

Bayerische Staatsbibliothek München

и скоро, и удобно, не подвергаясь безпрестанно самымъ страшнымъ, непредвидѣннымъ опасностямъ для жизни и здоровья. Поэтому первые шаги человѣка для заложенія культуры въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ—война съ этимъ богатствомъ природы: оно на первыхъ порахъ является не пособникомъ человѣка, но давитъ всѣ его начинанія. Приходится здѣсь тотчасъ же ослабить врага — прорѣдить лѣсъ, употребляя на это громадныя усилія. Проложить дорогу въ лѣсу стоитъ огромнаго труда и великой траты времени; а сколько времени и труда нужно на расчистку пашни изъ-подъ лѣса? Судить объ этомъ можно по описаніямъ подсѣчной системы хозяйства въ Архангельской губерніи, посѣщавшіе которую изслѣдователи исчислили этотъ трудъ по днямъ и часамъ и оцѣнили его рублями и копейками. Въ № 32 и 34 „Восточнаго Обозрѣнія" 1883 года мы привели уже подробное указаніе на этотъ трудъ и на его оцѣнку. Здѣсь приходится только напомнить читателямъ „Восточ. Обозр.", что архангельскіе старожилы еще до сихъ поръ не въ состояніи расчищать подъ пашни строевой лѣсъ, корчевка пней котораго имъ не подъ силу; а потому они пользуются для подсѣкъ только *низкорослымъ лѣсомъ*.

Только не взвѣшивая указанныхъ выше условій труда въ мѣстностяхъ, еще только впервые подвергающихся культурѣ, не принимая во вниманіе всѣхъ препятствій, помѣхъ работамъ, не взявши, наконецъ, въ разсчетъ работъ, заботъ, хлопотъ по устройству всякаго рода домашности, по примѣненію всякой вещи, всякаго орудія къ новой обстановкѣ, новымъ условіямъ и проч., можно говорить, что жизнь и трудъ въ дѣвственной странѣ легки.

Такое опрометчивое заключеніе расходится съ наблюдаемою въ Сибири крестьянскою жизнью. Здѣсь руки не покладаются ни зимою, ни тѣмъ болѣе лѣтомъ. Правда, что переселенецъ изъ Россіи, приходя сюда, остается доволенъ, хвалитъ новое мѣсто и пишетъ своимъ, чтобъ ѣхали въ эту благодатную страну. Но это не значитъ, что онъ, придя сюда, добылъ средства къ жизни безъ напряженнаго труда. Это значитъ только то, что здѣсь есть возможность прилагать привычный трудъ, притомъ трудъ дѣйствительно на самого себя, трудъ, дающій хорошій результатъ.

Итакъ, при обсужденіи хозяйства въ Сибири, надобно всегда обращать вниманіе на тѣ сельско-хозяйственныя условія въ не культивированной еще или мало культивированной странѣ, которыя поглощаютъ громадное количество времени и труда. Тѣ мѣрки, которыми мы привыкли мѣрить въ Западной Европѣ или въ Рос-

сіи, здѣсь неприложимы. Изъ многаго, что разумно и пригодно тамъ, будетъ нераціонально и вредно здѣсь. Въ Европѣ будетъ весьма разумно оберегать, какъ зеницу ока, какое либо минеральное или лѣсное богатство, но такая бережливость, приложенная къ Сибири, только воспрепятствуетъ первымъ шагамъ культуры, безъ которыхъ нельзя строить и дальнѣйшаго зданія. Возьмемъ для примѣра пастбищныя богатства въ *степныхъ* мѣстностяхъ и спросимъ, какая же здѣсь будетъ возможна культура, если поселившіеся въ степяхъ люди займутся только однимъ скотоводствомъ? Поступивъ такъ, они должны будутъ обратить себя въ кочевниковъ, и вотъ именно почему: нѣсколько благопріятныхъ для скотоводства годовъ доведутъ число головъ скота до желаемой цифры. Но затѣмъ довольно будетъ одного года, избыточествующаго гололедицами, для того, чтобъ изъ богатыхъ скотовладѣльцевъ обратиться въ бѣдняковъ, которымъ ѣсть нечего. Такой же приблизительно результатъ можетъ оставить за собою явившаяся не вѣсть откуда, недумано, негадано—эпизоотія. Отъ послѣдствій гололедицы, говорятъ, могутъ спасти запасы сѣна. Замѣчаніе это, однако, вѣрно относительно весьма незначительной, ничтожной части скота, потому что для заготовки сѣна на многочисленное стадо нужно огромное число рукъ, столь огромное, *прокормить которое одно скотоводство не можетъ.* Неустойчивость этого хозяйства дѣлаетъ неустойчивымъ и существованіе живущихъ имъ людей; за гибелью скота слѣдуетъ гибель и громаднаго числа людей. Это заколдованный кругъ, точка для развитія культуры. Изъ послѣдняго (IV-го) выпуска „Изслѣдованій“ современнаго состоянія овцеводства въ Россіи, произведенныхъ по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, можно видѣть, что въ южной Россіи на одну овцу нужно не менѣе $^1/_2$ десятины земли;—что въ большинствѣ случаевъ численность овецъ въ Харьковской, Екатеринославской и Полтавской губерніяхъ колеблется около $1^1/_2$ головъ на десятину, но во многихъ случаяхъ не достигаетъ и *одной* головы. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что такое количество головъ на десятину содержатъ крупные хозяева, имѣющіе возможность кормить овецъ извѣстное время года запасеннымъ кормомъ. Согласно отзывамъ этихъ хозяевъ, большое количество головъ на десятину можно содержать только при введеніи усовершенствованныхъ условій содержанія овецъ, при воздѣлываніи *высокоурожайныхъ кормовыхъ растеній и силосованіи* кормовъ, чего они, крупные хозяева, въ настоящее время еще дѣлать не могутъ;—что въ южной Россіи зарождается только стрем-

*

леніе къ этому, которое и борется съ затрудненіями, зависящими отъ издавна укоренившихся формъ и условій хозяйства и даже предразсудковъ у этихъ хозяевъ (стр. 8 и 9). Поэтому тамъ, гдѣ вмѣсто переложнаго вводится трехпольное хозяйство, тамъ овцеводство значительно сокращается, напр., у колонистовъ на р. Молочной и проч. (стр. 11 и 25). Обратимъ еще вниманіе на то, что овца подвергается 14-ти различнымъ болѣзнямъ, значительная часть котрыхъ происходитъ то отъ того, что она хватитъ соленой воды на солончакѣ, изъ лужи послѣ дождя, то наѣстся сочной травы, и проч., т. е. отъ такихъ условій, которыхъ при пастьбѣ въ степяхъ избѣжать очень трудно, иногда невозможно. О повальныхъ и заразительныхъ болѣзняхъ нечего и говорить. Онѣ налетаютъ оттуда, откуда ихъ никто не ждетъ; мретъ также множество овецъ отъ безкормицы, рѣзкихъ перемѣнъ температуры, продолжительной пастьбы на подножномъ корму до глубокой зимы, отъ сильныхъ и холодныхъ ливней и проч. (стр. 58, 87—100) [1]).

Мы беремъ эти свѣдѣнія изъ серьезнаго ученаго изслѣдованія, произведеннаго совмѣстными силами нѣсколькихъ спеціалистовъ, знатоковъ по части овцеводства, беремъ затѣмъ, чтобъ облегчить читателю возможность, такъ сказать, оріентироваться при разсужденіи о дѣлѣ скотоводственнаго хозяйства въ не культивированной мѣстности. Читатель теперь можетъ видѣть, что въ такихъ мѣстностяхъ не такъ просто, не такъ легко, не столь, какъ полагаютъ, прибыльно, стойко и надежно даже одно овцеводство, уже не говоря о содержаніи табуновъ лошадей и рогатаго скота, которымъ одной земли нужно несравненно болѣе, нежели овцамъ.

Надѣемся, что послѣ всего здѣсь сказаннаго не покажется никому страннымъ указаніе наше на то, что *скотоводственное хозяйство въ некультурной странѣ можетъ содержать весьма незначительное число людей*, а потому для того, чтобъ прибывшіе въ такую страну переселенцы могли рости и множиться, нужно занятіе земледѣліемъ. Но для того, чтобъ прочно водворить соху и борону, придется здѣсь посчитаться съ немалыми затрудненіями и препятствіями. Наберется ихъ здѣсь не менѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ. Посмотримъ, каковы они.

Прибывшій сюда переселенецъ долженъ, во-первыхъ, отказаться отъ привычнаго образа дѣйствія, отъ тѣхъ системъ и способовъ

[1]) «Изслѣдованіе современнаго состоянія овцеводства въ Россіи». Выпускъ IV. Южно-русское тонкорунное овцеводство. Изд. деп. земель и сел. хоз. пром. мин. гос. имущ., подъ редакціей чл. учен. ком. А. Ермолова.

хозяйства, съ которыми онъ сроднился съ дѣтства. Выросшій на трехпольѣ, русскій крестьянинъ, а также нѣмецъ—менонитъ, знакомый съ многопольемъ, принуждены будутъ бросить здѣсь эти системы и начать съ забытой, прадѣдовской—переложной. Причины этому слѣдующія: не каждый клочекъ степи удобенъ для воздѣлыванья хлѣба; степь, ровная съ виду, въ сущности самая волнистая мѣстность; каждая квадратная верста здѣсь, гдѣ либо взятая, уже лежитъ выше или ниже ея сосѣдки: сибирскія степи въ этомъ отношеніи превосходятъ даже наши южно-русскія. Характеръ этой волнистости легко представить себѣ въ видѣ шахматной доски, гдѣ однѣ клѣтки будутъ повышены, другія оставлены на данномъ уровнѣ, третьи понижены. Слѣдствіемъ такого расположенія степи является то сухой солончакъ, то солончакъ мокрый, то озеро съ солено-горькою водою, которой не пьетъ и скотъ, то озеро съ водою, годною къ употребленію, рѣчекъ крайне мало; на однихъ участкахъ ростетъ трава, годная для подножнаго корма, на другомъ—для сѣнокошенія, на третьемъ оказывается почва, распашка которой подъ хлѣба можетъ дать хорошій урожай, на четвертомъ земля ни для чего негодна. Все это крайне перемѣшано между собою, разбросано на огромнѣйшей площади. Участокъ съ плодороднѣйшею землею можетъ лежать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ воды, годной для питья. Такимъ образомъ его воздѣлываніе обусловливается, во-первыхъ, выселеніемъ на него на извѣстный періодъ времени для производства работъ и, во-вторыхъ, вырытіемъ колодцевъ или устройствомъ запрудъ для обезпеченія и людей, и скота водою. Понятное дѣло, что при всѣхъ этихъ условіяхъ, при вынуждаемыхъ ими переѣздахъ на большія разстоянія, приходится содержать больше рабочаго скота, чѣмъ бы требовалось при иныхъ условіяхъ; но большое количество скота нельзя кормить исключительно скошенною травою; при содержаніи же его значительную часть года на пастбищахъ, не окажется въ наличности навоза, который бы могъ идти на удобреніе близкихъ къ жилью участковъ. Такимъ образомъ, выросшій на трехпольѣ переселенецъ долженъ измѣнить этой системѣ и перейдти на болѣе для него хлопотливую, соединенную съ непривычными работами и заботами *переложную* систему хозяйства. Подъемъ цѣлины по суммѣ работы уже нельзя приравнять вспашкѣ испоконъ вѣка воздѣлываемаго поля; земляныя работы для устройства множества колодцевъ и различнаго рода запрудъ берутъ тоже крайне много времени и силъ. Такъ, напримѣръ, 300.000 рублей для устройства

запрудъ въ одномъ только Новоузеньскомъ уѣздѣ Самарской губерніи было ассигновано министерствомъ государственныхъ имуществъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ (ассигновано по просьбѣ земства, главными воротилами въ которомъ владѣльцы нѣсколькихъ *десятковъ тысячъ* десятинъ, слѣдовательно, люди съ капиталомъ). 300.000 р. хорошо и понятно изображаютъ собою: сколько рабочихъ дней, сколько рабочихъ рукъ нужно для обезпеченія степи водою въ лѣтнее рабочее время.

Много ли же рукъ можетъ выставить партія переселенцевъ, прибывшая въ сибирскую степную мѣстность, и какими капиталами она располагаетъ? Подумайте надъ этимъ, читатель, и посмѣйтесь затѣмъ надъ какимъ либо ораторомъ въ сельско-хозяйственномъ или торгово-промышленномъ и проч. обществѣ, или надъ газетнымъ публицистомъ, крѣпко осуждающимъ невѣждъ-крестьянъ за переложную систему, за незнаніе будто бы ими трехполья и проч.

Но продолжаемъ дальше исчисленіе условій, съ которыми надо бороться въ степной сибирской мѣстности сельскому хозяину, тратя на это силы и время. Масса времени поглощается на огромные переѣзды, на выселенія, на зимовки, на перевозку оттуда хлѣба и сѣна въ деревню, на обереженіе стадъ отъ волковъ; тратя на все это время, приходится мало заниматься другими отраслями хозяйства, запускать, напримѣръ, огороды и проч. Но все это еще не конецъ заботамъ и хлопотамъ. Надобно еще ладить съ сосѣдями, или, собственно говоря, съ туземцами-инородцами, обитающими въ степи. Имѣйте здѣсь въ виду, что у большинства этихъ кочевниковъ угонъ скота считается молодечествомъ и что взглядъ ихъ на пришельцевъ чужаго племени далеко не можетъ быть розовымъ. Поэтому поселившійся въ ихъ степяхъ земледѣлецъ волею-неволею ставится въ необходимость показать кочевникамъ, что онъ и *постоять за себя гораздъ*, и *что полезнымъ имъ другомъ быть можетъ;* иначе покойная жизнь и хозяйство будутъ далеко не совсѣмъ обезпечены.

Наконецъ, нужно сводить счеты и съ обыкновенными спутниками нашихъ степей—засухою, сильнѣйшими вѣтрами во время лѣта, гололедицами и буранами во время зимы.

Взвѣсивъ все вышеизложенное, мы скажемъ: нѣтъ ничего удивительнаго, что не только въ сибирскихъ степяхъ, но и въ южнорусскихъ—съ сравнительно болѣе старою культурою и болѣе многочисленнымъ земледѣльческимъ населеніемъ—держится до сихъ поръ переложная система хозяйства, держится не только у нѣм-

цевъ-колонистовъ, щедро одѣленныхъ землею и прибывшихъ въ Россію съ капиталами, но даже у крупнѣйшихъ помѣщиковъ, отпускающихъ за границу милліоны пудовъ хлѣба. Неудивительно также, что весь сельско-хозяйственный прогрессъ въ крупныхъ южно-русскихъ имѣніяхъ пока выразился не чѣмъ инымъ, какъ только заведеніемъ машинъ для уборки хлѣба.

Вообще степное хозяйство только издали представляется какимъ-то чрезвычайно *беззаботнымъ* дѣломъ *).

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, что часто употребляемыя слова: сибирское многоземелье и малоземелье, нельзя всецѣло понимать такъ, какъ привыкли ихъ понимать, говоря о много — или малоземельѣ въ Россіи.

Читателямъ теперь ясно становится, что удобныхъ земель въ лѣсной или степной мѣстности можетъ быть и весьма много, *но возможности пользоваться ими всегда будетъ мало на первыхъ ступеняхъ культуры*. Если бы эта формула была невѣрна для Сибири, то, конечно, здѣсь давно бы развилось или дворянское, или

*) Плохое знакомство нашей интеллигенціи съ сельско-хозяйственными науками, неумѣніе вслѣдствіе этого строить экономическія системы какъ для цѣлой страны, такъ и для отдѣльныхъ ея мѣстностей, несоотвѣтственное вслѣдствіе этого приложеніе выводовъ западно-европейской науки къ русской практикѣ породило у насъ множество ошибочныхъ мнѣній и проектовъ относительно поднятія экономическаго положенія вообще въ русскомъ государствѣ и въ частности въ различныхъ его мѣстностяхъ. На вывозъ сырья изъ страны или изъ края смотрится доселѣ, какъ на нѣчто нормальное, между тѣмъ какъ это есть вывозъ почвенныхъ богатствъ, грозящій оскудѣніемъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это *тормазъ къ развитію всякой культуры*, такъ какъ всякое улучшенное хозяйство не можетъ имѣть мѣста безъ возвращенія въ почву всего, что изъ нея берется растеніями и скотомъ; возвратить же въ нее все изъ нея взятое можно только путемъ обдѣлки у себя дома, въ деревнѣ, сырыхъ произведеній земли и скотоводства. Отбросы этого производства и заключаютъ въ себѣ все, что растенія и животныя берутъ изъ почвы, а продукты этого производства, содержа главнымъ образомъ *углеродъ, получаемый растеніями изъ воздуха* (масло, спиртъ, крахмалъ и проч.), уже безнаказанно могутъ быть сбываемы на сторону. Цѣна же имъ притомъ болѣе высшая, нежели цѣна сырью, а перевозка ихъ, какъ негромоздкаго матеріала, стоитъ дешевле во много кратъ, нежели перевозка сырья. Если бы знали и понимали все это люди, хлопочущіе теперь о сибирской желѣзной дорогѣ, о вывозкѣ изъ Сибири сырья, они бросили бы такія хлопоты, грозящія въ будущемъ обѣднѣніемъ страны. Сибирь уже и безъ того *зажила ложною экономическою жизнью*; она начала именно тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало заканчивать; здѣсь золотопромышленность и горное дѣло развились прежде, нежели установилась должнымъ образомъ земледѣльческая культура и создалась на ея почвѣ промышленность, обработывающая сырыя произведенія земли.

купеческое хозяйство, а между тѣмъ подобнаго хозяйства не могли внѣдрить даже съ помощью даровой раздачи земли чиновникамъ и продажи по низкой цѣнѣ такъ называемыхъ дворянскихъ участковъ. Даже крѣпостное право съ его даровымъ трудомъ не могло здѣсь обосноваться какъ слѣдуетъ. Съ тѣми немногими помѣщичьими имѣніями, которыя здѣсь были до 1861 г., хозяева ихъ не знали что дѣлать, распускали крестьянъ на оброки, которые, впрочемъ, рѣдко когда получали. Между тѣмъ, тутъ же рука объ руку владѣльцы нѣсколькихъ промышленныхъ заводовъ, съ приписанными къ нимъ поссессіонными крестьянами, вели удачно свои дѣла, не закрывали фабрикъ, не смотря на незначительность запроса на ихъ издѣлія.

По указаніи на вышеизложенныя особенности сельскаго хозяйства въ Сибири, мы приступаемъ къ рѣчи объ общинахъ западныхъ округовъ Тобольской губерніи, прилегающихъ къ Уралу. Эта мѣстность заселилась чуть не съ покоренія Сибири Ермакомъ, и еще лѣтъ тридцать тому назадъ ее называли сибирской Италіей.

Часть общинъ Курганскаго, Ишимскаго и частію Ялуторовскаго округовъ, свѣдѣнія о которыхъ намъ удалось просмотрѣть, расположена какъ разъ на переходѣ степныхъ пространствъ юго-западной Сибири въ лѣсистыя мѣстности; другая часть общинъ, о которыхъ мы будемъ говорить, находится уже въ такой мѣстности, которая была прежде покрыта лѣсами, сохранившимися мѣстами и доселѣ.

Первые шаги культуры здѣсь, конечно, были тяжки. Но трудъ и стойкость русскаго земледѣльца справились со всѣми препятствіями, и названные округа прослыли самыми зажиточными.

Нынѣ эти общины представляются обѣднѣвшими. Причиною этому обѣднѣнію послужили отрѣзки земель то для новыхъ переселенцевъ, которыхъ садили сюда, какъ въ край благодатный, то для раздачи чиновникамъ въ видахъ образованія помѣстнаго класса. Въ то время, когда все это производилось, еще не нарождалось и мысли о томъ, какъ надобно относиться къ вопросу о хозяйствѣ въ мало культированной странѣ, какія особенности тутъ нужно принимать во вниманіе и какъ вообще понимать въ странѣ *многоземелье*. Тогда, если видѣли, что земли много, что нѣкоторые участки ея весьма плодородны, что мужиковъ живетъ на этихъ пространствахъ мало, сравнительно съ Западною Европою и густо населенными губерніями Россіи, то и рѣшали, ни съ чѣмъ не справляясь, что тутъ значитъ многоземелье.

Такимъ образомъ, нормальная жизнь этихъ общинъ была нару-

шена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ прежніе распорядки хозяйства. Все это въ свою очередь, должно было повести за собою и потрясеніе тѣхъ формъ общинной жизни, которыя установились здѣсь сообразно условіямъ мѣстности и хозяйства, ранѣе никѣмъ не стѣсняемаго. Ломка землевладѣнія, а слѣдовательно и нарушеніе хозяйственныхъ распорядковъ происходили здѣсь безъ всякаго порядка въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія; такимъ образомъ, къ настоящему времени еще ничто не успѣло прійдти въ норму и устроиться, примѣняясь къ тѣмъ условіямъ, которыя создались отобраніемъ отъ крестьянъ-старожиловъ участковъ хорошей земли.

Потрясеніе, произведенное ломкою, только издали можетъ казаться незначительнымъ; на самомъ дѣлѣ оно было тяжко. Ходили слухи, что здѣсь *понизились* даже чиновничьи оброки *).

Вѣроятно, вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, такого переходнаго времени мы и не нашли въ отвѣтахъ на вопросы программы такихъ данныхъ, изъ которыхъ могли бы вывести какія либо опредѣленныя понятія о формахъ общинной жизни въ означенныхъ округахъ. Эти отвѣты только свидѣтельствуютъ, что тутъ многое неладно; много бѣдныхъ, нищихъ, безлошадныхъ; мало и зажиточныхъ; что существуетъ вообще такое положеніе, при которомъ жить вообще трудно; что есть какая-то ненормальность, вызывающая броженіе, но чѣмъ оно разрѣшится, когда уходится, какія формы приметъ жизнь—все это остается загадкой.

Поэтому наша рѣчь объ этихъ общинахъ уже не будетъ столь опредѣленна, какъ о болѣе молодыхъ степныхъ общинахъ Тюкалинскаго округа и о червишской общинѣ Тюменскаго округа, владѣющей менѣе плодородною землею и лежащей въ несравненно худшемъ климатѣ. Мы можемъ сказать о курганскихъ и ялуторов-

*) Въ «Восточн. Обозр.» не разъ были сообщаемы грустныя подробности отнятія земель у крестьянъ. Обращаемъ вниманіе, какъ на болѣе общую статью по этому предмету, на статью въ № 34 «Восточн. Обозр.» 1883 г., изъ которой, между прочимъ, видно, что въ одномъ Курганскомъ округѣ, въ одномъ только 1860 г., было отрѣзано 500 участковъ, въ 80 дес. каждый. (Во всей Западной Сибири было продано до 300.000 десятинъ въ десятилѣтіе). Но надобно еще прибавить, что въ этотъ округъ постоянно, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, насильно селили переселенцевъ изъ Россіи, отнимая земли у старожиловъ. Эта система еще болѣе, чѣмъ попытки внѣдренія частной собственности, внесла безпорядковъ въ земельныя отношенія и повлекла за собою обѣдненіе. Смѣшно сказать, что здѣсь, въ благословенномъ уголкѣ Сибири, дѣла доходили до бунтовъ изъ-за земель и до выселенія старожиловъ въ другія части Сибири.

скихъ общинахъ только кое-что въ видѣ общихъ указаній относительно существующаго здѣсь общиннаго быта, сопоставляя эти указанія съ различными сельско-хозяйственными и экономическими условіями, вліяющими на этотъ бытъ.

Изъ системъ хозяйства въ этихъ общинахъ имѣютъ мѣсто различныя видоизмѣненія системъ переложной и трехпольной. Иногда въ одной и той же общинѣ практикуется на дальнихъ поляхъ, въ особенности на тѣхъ, для которыхъ осталась кличка „заимочныхъ". система переложная, а на остальныхъ поляхъ—чисто трехпольная, или же слѣдующій сѣвооборотъ: 1-й годъ озимовая рожь, 2-й — яровая пшеница, 3-й — горохъ, овесъ, ячмень, гречиха; затѣмъ земля остается подъ отдыхъ. При переложной системѣ земли оставляются на отдыхъ, смотря по ихъ качеству, на различные сроки, отъ 3-хъ до 5-ти и болѣе лѣтъ.

Въ отвѣтахъ волостныхъ правленій мы встрѣтили указанія относительно участи изъятыхъ изъ пользованія крестьянъ дворянскихъ участковъ. Нѣсколько ихъ находится нынѣ въ рукахъ трехъ купцовъ; два участка куплены богатымъ крестьяниномъ и обрабатываются имъ съ помощью наемныхъ работниковъ. Въ каждомъ изъ послѣднихъ участковъ по 80-ти десятинъ. Цѣнность ихъ обозначена волостнымъ писаремъ, писавшимъ отвѣты въ такихъ, впрочемъ, выраженіяхъ, истолковать которыя весьма трудно, именно: „участки цѣнятся, по достоинству земли, отъ 1,000 до 2,000 р. за каждый".

Изъ этой фразы только и можно вывести заключеніе, что цѣнность земли поднялась. Такая догадка подтверждается показаніемъ того же писаря о томъ, что крестьянское общество „сожалѣетъ, что не купило участковъ въ свою собственность, потому что подъ участки отрѣзаны *самыя лучшія земли*". (См. свѣдѣнія о Черемуховской и Иковской общинахъ).

Вездѣ въ зажиточныхъ селеніяхъ Сибири, на почвѣ земледѣльческаго промысла, мы находимъ возникновеніе промышленности, обрабатывающей сырье. Отдаленность селеній отъ городовъ и другія условія страны, обширной и малонаселенной, вынуждаютъ обитателей деревень дѣлать своими руками все необходимое для домашняго обихода и вообще для жизни. Купить многаго не на что и негдѣ. Промышленность эта обыкновенно на первыхъ порахъ не обособливается спеціально въ чьихъ либо рукахъ, но каждый дворъ собственными руками приготовляетъ себѣ одежду и проч. Позднѣе, въ тѣхъ селеніяхъ, которыя расположены ближе къ мѣстностямъ, предъявляю-

щимъ большой запросъ на какой либо родъ издѣлій, изготовляется ихъ больше; сбываются они обыкновенно въ обмѣнъ на другіе продукты. При нормальномъ положеніи дѣлъ, т. е. при общей зажиточности, обмѣнъ такого рода производится безъ помощи посредниковъ. Въ силу такого положенія дѣлъ, еще съиздавна въ западныхъ частяхъ Курганскаго округа, прилегающихъ къ уральскимъ горнымъ заводамъ, развилась выдѣлка деревянныхъ сундуковъ, обитыхъ желѣзомъ и жестью. Изъ изслѣдованій *Н. М. Ядринцева* о кустарной промышленности въ Сибири видно, что курганскіе крестьяне дѣлали изъ имѣющагося у нихъ подъ руками лѣснаго матеріала ящики и сундуки, вымѣнивали на нихъ, а также и на хлѣбъ желѣзо у уральскихъ мастеровыхъ. Обмѣнъ происходилъ такимъ образомъ: нагрузивъ сани своими продуктами, крестьянинъ отправлялся на парѣ сытыхъ лошадей на Уралъ и, обмѣнявъ тамъ хлѣбъ или ящики на желѣзо, возвращался домой. Это производство, не захваченное кулаками, быстро разрослось, и кованные сундуки скоро стали сбываться въ Киргизскую степь и Среднюю Азію и вывозиться частію въ Россію. Подобнымъ же образомъ развивались и другія мѣстныя промышленныя производства. Въ Тюменскомъ округѣ эти производства продолжаютъ рости, но въ Курганскомъ, подвергшемся вышеупомянутымъ невзгодамъ, нынѣ незамѣтно промышленнаго прогресса, и въ отвѣтахъ волостныхъ правленій постоянно попадаются краткія показанія о томъ, что, кромѣ земледѣлія, нѣкоторые жители занимаются выдѣлкою деревянной посуды, кожъ, плотничествомъ, чеботарнымъ мастерствомъ и проч. въ *самомъ маломъ количествѣ.*

На вопросъ: въ какихъ формахъ проявляется здѣсь общинная жизнь?—отвѣтить *повторяемъ* трудно.

Вслѣдствіе ненормальнаго, выведеннаго изъ устойчивости экономическаго положенія здѣсь однимъ проявленіямъ общинныхъ началъ нѣтъ мѣста, а другія являются подъ измѣненною, трудно уловимою формою. Этимъ мы объясняемъ неопредѣленность и запутанность многихъ отвѣтовъ волостныхъ правленій на вопросы программы.

Въ этихъ отвѣтахъ можно найдти только весьма отрывочныя показанія, упоминанія, выраженія и фразы, изъ которыхъ можно сдѣлать лишь единственный выводъ, а именно: общинные принципы просвѣчиваютъ въ большинствѣ явленій сельской жизни, проявляясь въ однихъ явленіяхъ весьма ярко, въ другихъ сказываясь какимъ либо штрихомъ, невозможнымъ при складѣ жизни на иныхъ, не общинныхъ началахъ.

Подтвердимъ этотъ выводъ данными.

Въ одной изъ общинъ—Лопатинской (Курганскаго округа)—раздѣлъ покосовъ производится слѣдующимъ порядкомъ, существованіе котораго немыслимо представить безъ присутствія въ нравахъ людей твердыхъ общинныхъ началъ. При наступленіи времени сѣнокоса, все общество отправляется осматривать траву. По осмотрѣ и оцѣнкѣ качества травы, всѣ сѣнокосы дѣлятся, по урожаю, на участки разной величины, большіе и малые. Это распредѣленіе совершается, какъ надо полагать, на самыхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ. Потомъ въ свѣдѣніяхъ мы читаемъ: „Затѣмъ *дома* дѣлятъ такъ: каждый участокъ оцѣниваютъ по числу копенъ. Затѣмъ предлагаютъ желающимъ и въ каждый участокъ заявляютъ члены общины свое желаніе быть пайщиками и въ какой сколько желающихъ найдется, на столько душъ и дѣлятъ участокъ на паи болѣе мелкіе на которые на мѣстѣ предлагаютъ свое намѣреніе взять на нѣсколько душъ. Затѣмъ другіе возвышаютъ число душъ и кто болѣе душъ выдастъ, тотъ и остается владѣтелемъ участка. Такимъ же порядкомъ разбираютъ и другіе участки". Дѣлая отъ слова до слова эту выписку, мы оставили и знаки препинанія подлинника.

Указаніе въ общихъ чертахъ, но, къ сожалѣнію, безъ подробностей, на такой же порядокъ дѣлежа сѣнокосовъ мы встрѣтили въ одной изъ тюкалинскихъ (степныхъ) общинъ, гдѣ, какъ читатели видѣли, уже нельзя допустить никакихъ сомнѣній относительно общиннаго склада жизни.

Смутить въ этомъ описаніи можетъ выраженіе: „кто болѣе душъ *выдастъ, тотъ* и остается *владѣтелемъ* участка". Это выраженіе можетъ говорить за то, что здѣсь и одинъ хозяинъ имѣетъ возможность объявить, что онъ беретъ участокъ за большее число душъ. Подъ словомъ „душа" здѣсь можно понимать извѣстную долю налога, сбора, повинностей. Но, впрочемъ, мы нигдѣ въ свѣдѣніяхъ не встрѣчали указанія на обложеніе покосной земли какимъ либо окладомъ. Вездѣ разверстка налоговъ и повинностей производится по работникамъ *сильнымъ* (или, какъ ихъ называютъ, „годнымъ") и *несильнымъ*, т. е. платящимъ большія души и малыя души. Склоняемся поэтому къ предположенію, что участки остаются въ группахъ, заключающихъ въ себѣ большее число членовъ, которые и дѣлятъ потомъ между собою участки на паи. Тѣмъ болѣе склоняемся къ такому толкованію, что въ показаніяхъ о той же Лопатинской общинѣ, между прочимъ, упоми-

наается, что „самые узкіе пайки бываютъ до 5 саженъ ширины“. Пайками же здѣсь называются *сѣнокосныя полосы*. Если такъ толковать описаніе настоящаго порядка раздѣла сѣнокосовъ, то тогда можно сопоставить этотъ порядокъ съ упоминаніемъ въ свѣдѣніяхъ (какъ о Лопатинской общинѣ, такъ и о другихъ общинахъ этого округа, напримѣръ, Кривинской) о томъ, что здѣсь крестьянинъ, не пользующійся землею по отказу отъ платежа податей, имѣетъ, однако, участіе въ пользованіи лѣсомъ, пастбищами и поскотиной, если послѣднюю городитъ. Хотя здѣсь и не упоминается о пользованіи покосами, но въ виду того, что тутъ говорится о лицахъ, имѣющихъ скотъ, т. е. надобность въ поскотинѣ и пастбищѣ, слѣдуетъ допустить, что лишеніе права на сѣнокосъ при продолжительной сибирской зимѣ было бы равносильно запрещенію держать корову или овцу, такъ какъ въ продолженіе болѣе чѣмъ полугода кормить ихъ было бы нечѣмъ. Такимъ образомъ, отсутствіе доли въ сѣнокосѣ не могло бы вязаться никоимъ образомъ съ упоминаніемъ о правѣ безземельнаго на пастбище и поскотину. Предположеніе же о продажѣ такими безземельными коровы осенью и о покупкѣ ея вновь весною не имѣетъ никакого смысла. Въ виду этого, скорѣе надобно полагать, что, при описанномъ выше способѣ раздѣла сѣнокосовъ, незажиточные крестьяне, соединяясь въ весьма численную группу, могутъ, благодаря этому способу, оставлять за собою болѣе подходящій имъ участокъ съ травою хорошаго качества.

Впрочемъ, это предположеніе наше не выдаемъ за окончательный выводъ и заносимъ его въ настоящую статью скорѣе, какъ вопросъ, подлежащій разъясненію будущихъ изслѣдователей порядковъ землевладѣнія въ общинахъ Курганскаго округа. Для насъ здѣсь, главнымъ образомъ, нужно было только показать, что приведенное описаніе порядка раздѣла сѣнокосовъ, хотя и не совсѣмъ ясное, всетаки, указываетъ на какую-то общинную подкладку, лежащую въ сути этого порядка; что безъ общиннаго строя онъ не возникъ бы, даже если понять описаніе въ томъ смыслѣ, что каждый участокъ поступаетъ во владѣніе одного домохозяина, а не многихъ, именно того, который предложилъ за него больше „душъ“ въ смыслѣ большаго количества отбыванія съ его стороны повинностей.

Въ Чернавской общинѣ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ, мы встрѣчаемся со всѣми признаками устанавливающихся *частныхъ передѣловъ*. Такъ именно земля убылыхъ душъ переходитъ въ

общество и предназначается имъ собственно для надѣла прибылыхъ душъ; происходятъ постоянные обмѣны полосъ между хозяевами; понятіе о „заимкѣ“ здѣсь уже потеряло то значеніе, которое обыкновенно ему придается на всемъ сѣверѣ Россіи и въ Сибири. Здѣсь словомъ „заимка“ обозначается не произвольно занятая земля, а участокъ, доставшійся при коренномъ передѣлѣ въ отдаленной отъ жилья мѣстности. Такую землю обыкновенно берутъ здѣсь зажиточные крестьяне. Эти земли тоже не исключены отъ надѣла ими прибылыхъ душъ, конечно, въ случаѣ полнаго разстройства двора и смерти домохозяина, при отсутствіи сыновей и другихъ наслѣдниковъ. Иногда, впрочемъ, заимки образуются на „покупной“ у общества (т. е. арендуемой) землѣ, какъ, напримѣръ, въ Падеринской общинѣ.

По раздѣлѣ лѣса на души, часть его оставляется въ Чернавской волости въ запасъ для надѣла прибылыхъ душъ. Относительно Калашинской общины мы встрѣтили упоминаніе о существованіи здѣсь „*заказной рощи*“. Въ этой рощѣ 67 дес. удобн. и 11 дес. 500 саж. неудобной. Срокъ, на который она заказана, неизвѣстенъ.

Лѣсомъ вообще въ нѣкоторыхъ общинахъ дорожатъ на столько, что запрещаютъ продавать его на сторону и позволяютъ рубить только для собственнаго употребленія.

Общественная помощь почти вездѣ выражается въ освобожденіи отъ нѣкоторыхъ налоговъ и повинностей, въ оставленіи въ иныхъ общинахъ вдовамъ половины надѣловъ, въ допущеніи безземельныхъ пользоваться лѣсами, пастбищами, въ пособіяхъ при пожарахъ и проч.

Въ описаніи подробностей такъ называемой „помочи“ при хозяйственныхъ работахъ мы встрѣтили данныя, указывающія на то, что хотя эта форма общиннаго быта и является плодомъ чисто экономическихъ разсчетовъ, но та точка зрѣнія, которая здѣсь имѣетъ мѣсто при этихъ разсчетахъ, останавливаетъ на себѣ особое вниманіе. Такъ именно здѣсь на приглашеніе хозяина прійдти на помочь—идутъ только желающіе. Нѣкоторые изъ нихъ выѣзжаютъ съ 2 сохами и боронами. Пригласившій же помогать уже становится, по мѣстнымъ обычаямъ, *обязаннымъ* являться въ свою очередь на *помочь* къ каждому у него работавшему и, какъ говорится въ отвѣтахъ волостнаго правленія — „*отработывать имъ по очереди на подобныхъ же помочахъ*“.

Эта весьма опредѣленная регламентація „помочи“ указываетъ на то, что ее здѣсь никоимъ образомъ нельзя понимать, какъ *ра-*

боту „за угощеніе“, хотя это угощеніе и здѣсь неразлучный спутникъ „помочи“. Толкованіе помочи, *какъ работы за угощеніе*, очень распространено при обсужденіи общинныхъ порядковъ въ россійскихъ губерніяхъ; въ особенности такъ стараются представить дѣло противники общиннаго землевладѣнія. Но и у сторонниковъ общины не проведено рѣзкаго различія между дѣйствительною *помочью* и носящей такое же названіе *мірскою повинностью*, отбываемою всѣмъ обществомъ у священниковъ, землевладѣльцевъ и у другихъ лицъ, которыя de facto уже выдѣлились изъ общины, хотя de jure числятся ея членами, напримѣръ, у разнаго рода торговыхъ крестьянъ, у кулаковъ и проч.

Занося этотъ фактъ изъ жизни общинъ Курганскаго округа, какъ свидѣтельство сохранившихся здѣсь общинныхъ началъ, указываемъ, какъ на такое же свидѣтельство, еще на слѣдующія данныя.

Власть міра, какъ видно изъ нѣкоторыхъ упоминаній отвѣтовъ на программу, велика и разнообразна; но вездѣ она дѣйствуетъ крайне *мягко*. Такъ есть указаніе на то, что, прежде чѣмъ отобрать надѣлъ отъ неплательщика податей, сходъ опрашиваетъ его публично, надѣется ли онъ поправить свои дѣла, и оставляетъ въ его владѣніи землю еще на годъ, въ случаѣ выраженія имъ надежды на хорошій исходъ его дѣла.

Вообще земля отбирается отъ недоимщика въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и, большею частью, *только незасѣянная*. Дурное поведеніе домохозяина, растрата имъ имѣнія, семейные раздѣлы влекутъ за собою вмѣшательство міра; но это вмѣшательство въ смыслѣ принятія какихъ либо принудительныхъ мѣръ случается, большею частью, въ рѣдкихъ случаяхъ, преимущественно по жалобамъ семейныхъ; еще въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ міръ смѣняетъ распорядителя домохозяйствомъ. Только платежъ податей, какъ дѣло, прямо касающееся интересовъ общества, имѣетъ послѣдствіемъ болѣе частое вмѣшательство.

Судъ стариковъ здѣсь сохранился, и лица, вызываемыя имъ въ качествѣ даже свидѣтелей, считаютъ непремѣнною обязанностію являться на этотъ вызовъ.

Въ свѣдѣніяхъ о нѣкоторыхъ общинахъ есть упоминанія о томъ, что «*для участія на сходѣ, въ судѣ волостномъ и сельскомъ и въ судѣ стариковъ* и для того, чтобы быть выбраннымъ въ какія нибудь *общественныя должности*—нѣтъ никакой необходимости въ пользованіи долей общественной земли; отъ таковой въ правѣ каждый

отказаться, не слагая съ себя податей и повинностей». Чтобъ объяснить такое показаніе, надобно поставить его въ связь съ тѣмъ, что въ каждой общинѣ есть нѣсколько человѣкъ, занимающихся какимъ либо ремесломъ, промыслами; этимъ людямъ занятіе земледѣліемъ несподручно.

Этимъ мы кончаемъ пока ознакомленіе читателей „Восточнаго Обозрѣнія" съ частью матеріаловъ о сибирской общинѣ, собранныхъ по программѣ западно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго Общества. Все, что можно было извлечь относительно общинной жизни въ просмотрѣнныхъ нами отвѣтахъ волостныхъ правленій по *нѣкоторымъ* волостямъ (преимущественно Тюкалинскаго, Курганскаго и Тюменскаго округовъ), мы постарались изложить въ настоящей статьѣ, избѣгая вдаваться въ подробности, приведеніе которыхъ могло бы расширить статью въ цѣлый томъ и тѣмъ сдѣлать ее удобочитаемою только для нѣкоторыхъ спеціалистовъ.

Изъ содержащихся въ отвѣтахъ цифръ мы старались брать только тѣ, которыя оказывались крайне необходимыми для лучшаго представленія о многихъ общинныхъ порядкахъ. Но по этимъ немногимъ нами приведеннымъ цифрамъ читатели могутъ составить понятіе о богатствѣ и разнообразіи статистическаго матеріала, заключающагося въ „отвѣтахъ". И дѣйствительно такихъ подробныхъ статистическихъ данныхъ, какія приложены къ „отвѣтамъ", еще никогда не собиралось относительно Западной Сибири. По нимъ можетъ быть составлено весьма содержательное представленіе о положеніи селеній Тобольской губерніи въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи. Разработка и изученіе ихъ прольетъ ясный свѣтъ на тѣ смутныя понятія, которыя царствуютъ теперь во всѣхъ сферахъ сибирскаго и не-сибирскаго образованнаго общества относительно сибирскаго многоземелья, производительныхъ силъ почвы, условій, сопровождающихъ пользованіе этими силами, и проч. Можетъ быть, только тогда, по лучшемъ ознакомленіи съ дѣйствительностью, большинство русскаго образованнаго общества иначе взглянетъ на вопросы о ссылкѣ въ Сибирь, о переселеніяхъ, въ нее; только тогда выяснится, на сколько полезнѣе и производительнѣе свободная колонизація передъ штрафной, можетъ быть, тогда явится и иной взглядъ на многоземелье, на регулированіе надѣловъ; упразднятся и вопросы о вывозѣ сырыхъ произведеній этой страны и явятся согласныя съ нашими пожеланія

о томъ, чтобъ желѣзная дорога изъ Россіи въ Сибирь не послужила только для эксплоатаціи страны и одного вывоза, и не проводилась бы въ Сибирь до тѣхъ поръ, пока метрополія не поставитъ своего сельскаго хозяйства на прочныя ноги, когда она сама перестанетъ отчуждать за границу драгоцѣнныя части своей почвы; когда ея землевладѣльцы перестанутъ торговать землею; когда въ ней изведутся аферисты, жаждущіе легкой наживы, экономическіе и торговые хищники, знающіе и умѣющіе только одно: обращать свободнаго человѣка въ экономическаго раба и съ помощью его рукъ опустошать плодороднѣйшія земли Россіи. Если бы они теперь хлынули въ Сибирь по желѣзной дорогѣ, то водворили бы тамъ тѣ же сельско-хозяйственные порядки, которые они завели въ южной и юго-восточной Россіи, и тогда земледѣльческая часть Сибири была бы сбита съ пути нормальнаго экономическаго развитія, основной характеръ котораго—постепенность и естественность, безъ скачковъ, безъ погони за роскошью культуры, безъ хватанія напередъ за то, что должно слѣдовать потомъ! Этотъ нормальный ходъ экономическаго развитія требуетъ, чтобы было сперва обезпечено чистое земледѣліе; потомъ вмѣстѣ съ нимъ скромная, тутъ же, въ деревнѣ, обработывающая продукты земли промышленность; затѣмъ заводы, вызываемые потребностями *мѣстной* развивающейся жизни, а отнюдь *не вывоза*, и, наконецъ, только уже на почвѣ всего этого ставились бы вопросы о томъ, что есть въ Сибири лишняго, ей не нужнаго, разработкой и обработкой чего, напримѣръ, *золота*, можно занять лишнія руки, собственно уже для *вывоза*, для обращенія въ обмѣнъ на пригодные для края продукты другихъ странъ.

Вотъ для выясненія чего послужитъ, по нашему мнѣнію, тотъ *статистическій* матеріалъ о Сибири, который заключается въ отвѣтахъ на програму западно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго Общества.

Что же касается до *этнографическаго* матеріала, то онъ дастъ близкое знакомство съ бытомъ сибирскихъ крестьянъ; результатомъ же этого знакомства будетъ общее убѣжденіе, что эта земледѣльческая масса, сама собою здѣсь устроившаяся, положившая безъ чьего либо пособія зачатки культуры въ дѣвственной странѣ, имѣетъ не только зачатки, но дѣйствительное, стройное, вѣками выработанное самоуправленіе; остается только признать его таковымъ, каково оно есть на дѣлѣ, и затѣмъ дать ему огражденіе отъ произвола введеніемъ въ Сибири земскихъ учрежденій.

С. Капустинъ.

ПЕРВОБЫТНЫЙ БУДДИЗМЪ.

ГЕРМАНЪ ОЛЬДЕНБЕРГЪ.

БУДДА, ЕГО ЖИЗНЬ, УЧЕНІЕ И ОБЩИНА.

Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1884.

Литература буддизма очень богата въ Западной Европѣ: каждый годъ здѣсь появляются новыя сочиненія, такъ или иначе способствующія развитію познанія этого многосложнаго и трудно-доступнаго предмета. Одни изъ этихъ сочиненій стараются усовершенствовать разработку существующаго матеріала, другія обогащаютъ науку привнесеніемъ новыхъ данныхъ, третьи пытаются установить на ту или другую часть предмета новую точку зрѣнія *), и, однако же, изученіе буддизма не только не исчерпано, но

*) Не останавливаясь надъ переводами буддистскихъ священныхъ книгъ (Ризъ-Девидса, Керна, Ольденберга), могущихъ имѣть интересъ лишь для спеціалистовъ, мы перечислимъ одни только новѣйшія выдающіяся общія сочиненія, могущія ознакомить съ буддизмомъ лицъ, знающихъ иностранные языки. Предупреждаемъ читателя, что мы даемъ не болѣе какъ отрывочныя указанія, такъ какъ сколько нибудь полный списокъ занялъ бы цѣлыя страницы, да для него у насъ нѣтъ и матеріаловъ. 1) *Сенаръ*. Опытъ о легендѣ Будды (Senart. Essai sur la légende de Buddha. 1875). 2) (The Angel-Messia of buddhists, essenes and christians. 1880). 3) Чтенія по исторіи индійскаго буддизма. *Ризъ-Девидса* (Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by some points in the history of indian buddhism, by T. W. Rhys-Davids. 1881). 4) Буддизмъ и его исторія. *Керна* (H. Kern. Der Buddhismus und seine Geschichte in Indien. Antoris. Uebersetzung von H. Jacobi. 1882). 5) (Das Evangelium von Jesu in seinen Verhältnissen zu Buddha-Sage und Buddha-Lehre, von Rudolf Seydel. 1882). 6) Популярная жизнь Будды А. Лилли (The popular life of Buddha, by Arthur Lillie. 1883).

многіе изъ первоклассныхъ вопросовъ все еще раздѣляютъ ученыхъ. Такъ, напр., Кернъ и Сенаръ отвергаютъ самое историческое бытіе Будды и утверждаютъ, что легенда о Буддѣ есть легенда бога солнца, тогда какъ Ольденбергъ рѣшительно отвергаетъ такое толкованіе и старается воспроизвести обликъ подлиннаго историческаго Будды; такъ еще Ольденбергъ и Ризъ-Девидсъ утверждаютъ, что, по первоначальному ученію самого Будды, подъ Нирваною разумѣется полное небытіе, а Лилли видитъ въ такомъ мнѣніи смѣшеніе древнѣйшей формы ученія съ новѣйшею мѣстною, и именно цейлонскою формою; и еще: Бунзенъ твердо стоитъ на весьма далекомъ распространеніи буддизма къ западу отъ Индіи еще до Р. Х. и на рѣшительномъ вліяніи его въ Палестинѣ и Египтѣ, тогда какъ Ольденбергъ и Ризъ-Девидсъ сильно ограничиваютъ его съ этой стороны и отнимаютъ у него всякое генетическое значеніе по отношенію къ позднѣйшимъ ученіямъ не-буддистскаго толка.

Если принять во вниманіе, что буддизмъ стали изучать сравнительно недавно, что число ученыхъ, посвятившихъ себя его изученію, далеко не пропорціонально обширности представляющихся имъ матеріаловъ и что современное широкое распространеніе буддизма отъ Цейлона до Сибири и отъ Японіи до калмыцкихъ кочевьевъ представляетъ самыя разнообразныя и неисчислимыя трудности для изслѣдователей, то представятся естественными и неизбѣжными неполнота и несовершенство современнаго состоянія знаній о немъ. Теперь-то именно и идетъ самый процессъ изученія этого многосложнаго историческаго явленія, теперь одна за другою раскрываются его части, приводятся въ ясность то та, то другая его сторона, и полной цѣльной картины, охватывающей какъ исторію, такъ и современное состояніе ученія, понятное дѣло, нѣтъ, да и быть еще не можетъ.

Буддизмъ—какъ и можно было предвидѣть — претендуетъ на неизмѣняемость; онъ де и теперь таковъ, какимъ установилъ его Великій, Совершенный Готама Будда болѣе чѣмъ за пять столѣтій до Р. Х. На самомъ же дѣлѣ онъ, конечно, постоянно измѣнялся, и въ настоящее время нелегкою задачею представляется историческое возстановленіе „буддизма самого Будды". Рѣшеніе этой многотрудной задачи можетъ, само собою разумѣется, быть дѣломъ европейской науки, европейской критики, европейской философіи, и совершенно недоступно и немыслимо для самихъ почитателей Будды. Иллюзія вѣры и разодранность на секты представляетъ со-

вершенно неодолимыя препятствія даже къ правильной постановкѣ самаго вопроса. „Буддизмъ Непала и Тибета различаются между собою на столько же, на сколько различно христіанство Рима или Москвы отъ христіанства шотландскаго или уэльскаго,—говоритъ Ризъ-Девидсъ. Монгольскій же буддизмъ очень далекъ какъ отъ непальскаго, такъ и тибетскаго; японскій буддизмъ, въ свою очередь, имѣетъ собственно ему принадлежащія особенности. Такимъ образомъ, исторія буддизма въ каждой странѣ, гдѣ онъ былъ принятъ, требуетъ отдѣльнаго изслѣдованія". (См. Rhys Davids, Lectures etc., p. 189). Литература частныхъ изслѣдованій буддизма довольно богата; желающему ознакомиться съ ней придется обратиться къ сочиненіямъ Биля, Спенсъ-Гарди, Эдкинска, Бигандѐ, Элебестера, Раджендра-Лалъ-Митры, Кёрёси, Кеппена, Фукò, Гюка, Габѐ, Шифнера, братьевъ Шлагинтвейтъ, Эйтеля, Васильева и арх. Нила *). Очевидно, однако же, что всѣ эти частныя изслѣдованія получаютъ свое настоящее освѣщеніе только отъ правильной и полной обработки первоначальнаго ученія Будды, а потому въ послѣднее время и было обращено на эту сторону дѣла особенное вниманіе ученыхъ. Изданіе священныхъ текстовъ буддизма сдѣлалось предметомъ особенной заботливости ученаго міра спеціалистовъ, и. наконецъ, мало-по-малу сталъ вырисовываться очеркъ историческаго Будды и его подлинной проповѣди. Замѣчательнѣйшею работою въ этомъ отношеніи была вышедшая въ 1881 году книга Германа Ольденберга: „Buddha, sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde", являющаяся нынѣ въ прекрасномъ русскомъ переводѣ. Всякое основательное знакомство съ буддизмомъ должно будетъ включить эту книгу въ число первыхъ своихъ источниковъ и принять многіе изъ ея взглядовъ какъ руководящіе. Немедленный по ея выходѣ переводъ ея на англійскій языкъ показываетъ, между прочимъ, какъ ее оцѣнили въ той странѣ, гдѣ болѣе чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ въ Европѣ интересуются буддизмомъ и работаютъ надъ нимъ **).

*) Рефератъ сочиненій двухъ послѣднихъ авторовъ сдѣланъ Добролюбовымъ—Соч. т. II.

**) Такія изданія, какъ «The sacred Books of the East», многіе томы котораго посвящены священному писанію буддистовъ, затѣмъ многочисленные переводы палійскихъ и санскритскихъ источниковъ и, наконецъ, существованіе «Pali Text Society» ясно показываютъ, какъ много работаютъ въ Англіи надъ буддизмомъ. Выходъ же седьмой тысячи сочиненія Ризъ-Девидса «Buddhism: being a Sketch of the Life and Teaching of Gotama the Buddha» (1878), обнаруживаетъ степень интереса къ буддизму у англійской публики.

Книга Ольденберга состоитъ изъ „введенія“, выясняющаго обстоятельства, подготовившія появленіе буддизма, и трехъ „отдѣловъ“,—перваго, посвященнаго описанію жизни Будды, втораго—толкующаго объ ученіи буддизма, и третьяго—изображающаго общину учениковъ Будды. Кромѣ того, имѣются три приложенія, дополняющія уясненіе нѣкоторыхъ географическихъ, этнографическихъ, историческихъ и догматическихъ вопросовъ.

Общій планъ сочиненія, какъ видно изъ этого, отличается большою простотою, ясностью и цѣлесообразностью. Введеніе даетъ намъ указаніе на историческіе корни буддизма, на ту долгую подготовительную работу, по отношенію къ которой ученіе Готама является лишь завершеніемъ, послѣднимъ словомъ. Затѣмъ, изложеніе исторіи первобытнаго буддизма, т. е. перваго фазиса развитія того типа, который въ лицѣ Готама-Будды достигъ полнаго самоопредѣленія, распадается на три части, сообразно формулѣ буддистской троицы, т. е. троичности тѣхъ святыхъ силъ, въ которыхъ вѣрующій буддистъ полагаетъ свое прибѣжище: Будда, ученіе и община. Приложенія состоятъ изъ различныхъ извлеченій изъ текстовъ, служившихъ источниками, и разъясненій подробностей, которыя имѣютъ значеніе для спеціалистовъ и могли бы загромоздить изложеніе и помѣшать его доступности для обыкновеннаго читателя.

Мы приняли книгу Ольденберга за основную для настоящаго нашего очерка. Изъ нея мы черпаемъ, впрочемъ, преимущественно фактическое содержаніе, не отказывая себѣ ни въ пользованіи другими спеціальными сочиненіями, ни въ свободѣ оцѣнки тѣхъ фактовъ, на которые у насъ установился взглядъ, несогласный со взглядомъ Ольденберга и другихъ цитируемыхъ нами спеціалистовъ.

Буддизмъ представляетъ собою ученіе, въ которомъ элементы религіи и философіи до такой степени переплетены между собою, такъ сильно взаимно проникаютъ одно другое, что—какъ давно было уже замѣчено—трудно рѣшить, считать ли буддизмъ философіею, или религіей (См. A. Bastian. Die Weltauffassung der Buddhisten, 1870, S. 3). Показать, какимъ образомъ оригинальное ученіе это подготовлялось въ средѣ браминовъ, открыть нити, соединяющія его съ отдаленными тезисами индійской пытливой мысли—вотъ первая задача для всякаго, приступающаго къ повѣствованію о возникновеніи буддійскаго ученія. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ

отмѣтить выработку идеи всеединаго бытія. Идея эта образовалась подъ напоромъ стремленія познать коренную сущность вещей, или, какъ выражались брамины, коренной сокъ вещей. Въ основѣ такого стремленія лежитъ уже жажда къ сведенію всего окружающаго человѣка разнообразія къ единству. Это единство, эта сущность, или сокъ вещей, найдено было браминами въ субъектѣ, въ „я", или—по индійской терминологіи—въ „Атманѣ", понятіе котораго переносится затѣмъ на внѣшній міръ. Такимъ образомъ, великій внѣшній міръ объектовъ и малый міръ субъекта, или Атмана, сливаются, смѣшиваются въ сознаніи брамина и даютъ начало тому всеобъемлющему бытію, которое составляетъ коренную сущность вещей. Это бытіе единое, вѣчное, абсолютное — Атманъ-Брама. „Подъ вліяніемъ этой идеи, — говоритъ Ольденбергъ, — индійское мышленіе сначала незамѣтно, потомъ все яснѣе и опредѣленнѣе подготовило тѣ настроенія, какими характеризуется буддійское міровоззрѣніе".

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что индійское ученіе объ Атманѣ никогда не было облечено въ стройную, выдержанную систему, а потому оно и не избѣжало массы недосказанностей и противорѣчій. Нельзя не видѣть, однако же, что разъ идея всеединаго, міродержавнаго, всеобъемлющаго Атмана-Брамы установилась, какъ вѣчно-измѣнчивый міръ явленій, сопоставленный съ незыблемостью этого абсолюта, палъ такъ низко, какъ только могло представить себѣ пылкое южное воображеніе. Надѣливъ Атмана аттрибутами всѣхъ совершенствъ, абсолютною и безпредѣльною полнотой, она оставила міру только бренность, разладъ, конечность... Дѣйствительная жизнь потеряла всякую привлекательность и прелесть, стала юдолью скорбей, страдою. Поклоненіе Атману незамѣтно преобразилось въ рѣзкое и горькое порицаніе земнаго бытія: на свѣтъ народился и понынѣ не терпящій власти надъ умами—пессимизмъ.

Но и идея пессимизма, какъ и всякая другая, не осталась неизмѣнною. И если между современнымъ пессимизмомъ и примитивнымъ пессимизмомъ браминовъ общею соединительною чертою и остается взглядъ на жизнь, какъ на страданіе, то черты различія между ними и многочисленнѣе, и рѣзче. Характерно въ индійскомъ пессимизмѣ то, что онъ идею страданія связывалъ не съ одною только индивидуальною жизнью, но распространялъ эту связь на всю цѣпь существованій, которую, согласно вѣрѣ въ переселеніе душъ, приходится пережить всякому существу. Эта идея

возрожденія, или—что то же—повторяемости страданій и смерти, и была особенно страшною для индуса. Онъ, пожалуй, могъ бы еще примириться съ мыслью о разъ навсегда опредѣленномъ жребіи, но мысль о безконечномъ блужданіи отъ одного міра къ другому, отъ одного существованія къ другому, мысль о непрерывной борьбѣ съ страшнымъ призракомъ вѣчно возобновляющагося уничтоженія,—эта мысль вносила въ душу его такую безнадежность, вселяла такой ужасъ, что онъ готовъ былъ въ настоящей жизни претерпѣть всевозможныя страданія, лишь бы получить надежду на прекращеніе вмѣстѣ съ нею и всякаго индивидуальнаго бытія и погруженія въ лоно Брамы, въ покой и безмятежную тишину абсолютнаго бытія. Понятно теперь, какое значеніе имѣетъ съ этой точки зрѣнія идея искупленія и какую важность получаетъ ведущая къ нему аскетическая, отшельническая, монашеская жизнь. Жаждущій искупленія подвергаетъ себя всевозможнымъ мукамъ, бичеваніямъ, голоду, безсонницѣ, истязаніямъ. Надорванные организмы впадаютъ въ болѣзненное состояніе, въ юродство, въ сумасшествіе и своими дикими выходками дополняютъ картину жизни, созданной прямолинейною послѣдовательностью метафизическаго сумасбродства, подгоняемаго мистическимъ бредомъ.

Представленіе наше объ оригинальномъ пессимистически-аскетическомъ мировоззрѣніи браминовъ было бы далеко неполно, если бы мы упустили изъ виду ту характерную черту его, которая кладетъ на его обликъ рѣзкое отличіе отъ всѣхъ когда либо существовавшихъ религіозныхъ вѣрованій. Въ ходѣ развитія идеи браминскаго пессимизма идея божества постепенно оттѣсняется, образы древнихъ боговъ замѣтно блѣднѣютъ и, на ряду съ Брамой, въ безконечномъ спокойствіи, высоко парящимъ надъ всѣми превратностями тлѣннаго міра, единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ великомъ дѣлѣ искупленія остается человѣкъ, который въ самомъ себѣ, безъ малѣйшаго намека на идею какой бы то ни было благодати, безъ всякаго основанія для возможности самой идеи такой благодати, обрѣтаетъ достаточный запасъ силъ, чтобы отрѣшиться отъ міра юдоли и страданій. Онъ самъ, собственными только своими силами, совершаетъ свое искупленіе.

Такимъ образомъ выработаны были браминами всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась религія Будды. Основныя черты религіи искупленія были созданы, и она, въ большей или меньшей полнотѣ, въ большей или меньшей опредѣленности, существуетъ въ различныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ и до нашихъ дней.

Такъ какъ русскихъ книгъ о буддизмѣ очень ужъ мало, то весьма многіе русскіе читатели поневолѣ восполняютъ этотъ недостатокъ иностранными сочиненіями, и преимущественно французскими. Между послѣдними выдается ясностью и легкостью изложенія сочиненіе Бартелеми Сентъ-Илера „Le Bouddha et sa doctrine“, пытающееся изобразить намъ личность основателя ученія и первобытную форму его ученія. Некритическое отношеніе Б. Сентъ-Илера къ своему предмету дало въ результатѣ чисто фантастическое представленіе о томъ и другомъ. Французскій авторъ не изучалъ источниковъ, не сличалъ ихъ, а упростилъ свою задачу до-нельзя, взявъ въ основаніе своей работы французскіе переводы „Лалита-Впетары“—поэмы, написанной въ Непалѣ черезъ нѣсколько столѣтій послѣ рожденія Будды. (См. Rhys-Davids, Lectures etc. p. 197). Новѣйшіе изслѣдователи, Спенсъ-Гарди, Ризъ-Девидсъ, Ольденбергъ, пришли къ убѣжденію, что древнѣйшія преданія буддистовъ удержались лишь на Цейлонѣ, гдѣ они тщательно изучаются буддистскими монахами, и что помимо этихъ южно-буддистскихъ источниковъ нѣтъ никакой возможности возстановить исторію первобытнаго буддизма и личность его основателя.

Но помимо возстановленія историческаго факта во всей его чистотѣ, для изслѣдователя религіи имѣютъ, конечно, очень важное значеніе и тѣ легенды, которыми вѣрующіе изукрасили этотъ фактъ. Эти легенды, хотя не представляютъ намъ объективнаго хода вещей, однако же рисуютъ крайне интересный міръ субъективнаго состоянія цѣлыхъ поколѣній поклонниковъ, изображаютъ намъ факты въ томъ видѣ, въ какомъ они отразились въ сознаніи вѣрующихъ и раскрываютъ на чистоту умственное и нравственное состояніе этихъ послѣднихъ. Изъ этого видно, что для исторіи культуры данной эпохи, такъ же какъ и для исторіи культуры эпохъ аналогическихъ, легенды, при правильной оцѣнкѣ ихъ, имѣютъ очень важное и незамѣнимое значеніе.

Такъ какъ Будда есть—для вѣрующихъ въ него—искупитель, то появленіе его, очевидно, имѣетъ въ глазахъ поклонниковъ его чрезвычайную важность. Имъ представляется, что весь міровой строй такъ или иначе принимаетъ участіе въ великомъ фактѣ ихъ искупленія, и ихъ легенды поэтому стремятся главнымъ образомъ, какъ полагалъ Бунзенъ (The Angel-Messiah etc., p. IX), сдѣлать космическія явленія выразителями и символами фактовъ нравственнаго порядка, фактовъ этическихъ. И вотъ, по поводу рожденія Будды развертывается передъ нами картина всеміpнаго ликованія.

Ослѣпительнаго блеска свѣтъ разливается надъ всей вселенной; міры приходятъ въ содроганіе; четыре божества, охраняющія четыре страны свѣта, нисходятъ на землю, чтобы оберегать родильницу, и т. д. Читатель, интересующійся этими легендами и вызываемыми ими сближеніями, можетъ обратиться всего лучше къ упомянутому нами выше сочиненію Зейделя, если свѣдѣнія, даваемыя Ольденбергомъ, покажутся ему слишкомъ краткими и сухими.

Что же касается исторической дѣйствительности, то она представляется по отношенію къ жизни Будды самою неяркою и обыденною. Никакихъ особенныхъ приключеній, кромѣ перехода къ страннической, аскетической жизни отшельника, въ жизни Будды не было, такъ что можно разсказать всю жизнь эту въ нѣсколькихъ словахъ: родился въ довольствѣ, но рано промѣнялъ его на бѣдность и скитальчество изъ страны въ страну, гдѣ проповѣдывалъ свое благовѣствованіе искупленія отъ страды бытія и училъ тѣмъ, имъ самимъ открытымъ, путямъ, которыми достигается вѣчный покой нирваны — небытія, имѣлъ громадный успѣхъ, массу учениковъ и учелицъ, такихъ же странствующихъ, нищенствующихъ монаховъ, какимъ сталъ самъ, и умеръ въ глубокой старости, тихо и мирно, среди почести и славы.

Въ высшей степени интересно было бы психологическое объясненіе перелома, пережитаго будущимъ Буддою еще въ юности, но, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ, которыя представляли бы возможность догадываться даже о мотивахъ, побудившихъ молодаго сына богатаго индійскаго владѣльца изъ рода Сакіевъ такъ радикально преобразить жизнь, вѣрованія, понятія, убѣжденія, какъ преобразилъ онъ, Сиддата, ставшій аскетомъ Готамою и впослѣдствіи Буддою, т. е. познавшимъ, просвѣтленнымъ. Всѣ толкованія, которыя даютъ священные тексты этому великому факту, не могутъ быть отнесены къ самому Буддѣ, а представляютъ собою или взглядъ древнѣйшей общины на нарожденіе основныхъ идей ея вѣрованія, или чисто поэтическое и уже весьма позднее изображеніе бѣгства молодаго Сакія изъ дома родителей.

Но, каковы бы ни были толкованія факта, самый фактъ перехода отъ праздной жизни среди наслажденій и роскоши къ скитальческой жизни аскета, неизбѣжно предполагаетъ владычество надъ человѣкомъ какой-то идеи, преодолѣвающей всю силу низшихъ наклонностей и льстящихъ чувственности привычекъ. Въ этомъ господствѣ высшей руководящей идеи у молодаго индійскаго барича VI-го вѣка до Р. Х. заключается столько возвышенности,

столько обаянія и прелести, что не только толпы его современниковъ, не только милліоны и милліоны его поклонниковъ въ теченіе болѣе чѣмъ двухтысячелѣтняго существованія буддизма, но даже и современные европейцы, какъ бы они ни относились къ идеѣ пессимизма и искупленія черезъ аскетизмъ, не могутъ, однако же, отказать въ глубокомъ уваженіи возвышенному и благородному образу великаго Будды—этого прототипа беззавѣтной преданности идеѣ и безраздѣльному глубоко-сознательному служенію ей.

Другая характеристическая черта Будды, на которую мы желаемъ указать теперь, заключалась въ особенно видномъ значеніи умозрительнаго, метафизическаго элемента въ ряду его склонностей и способностей. Благодаря этому философскому умонастроенію основателя новаго ученія, и самое ученіе получило столь ясно обозначенный философскій пошибъ, что едва ли не съ одинаковымъ правомъ можетъ считаться и метафизическою системою, и религіозною доктриною. Ученіе Будды не знаетъ ни Бога, ни боговъ, по крайней мѣрѣ, оно не знаетъ такого Бога или такихъ боговъ, которые являлись бы его сознанію какъ мірозиждительныя и міроправящія силы, преподающія человѣку откровеніе и получающія отъ него поклоненіе. Боги первобытнаго буддизма, если и существуютъ, то всеже міръ произошелъ помимо ихъ власти и воли и держится не ихъ силами, а превѣчнымъ и неизмѣннымъ закономъ „причинной связи возникновенія". Имъ не воздается поклоненіе, но сами они поклоняются тому человѣку, который путемъ чистой жизни и созерцанія достигаетъ просвѣтленія, познанія, мудрости, словомъ, тому человѣку, который становится Буддою. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что человѣкъ, съ буддійской точки зрѣнія, не нуждается въ откровеніи и не получаетъ его; онъ достигаетъ познанія; онъ становится способнымъ постигнуть „причинную связь возникновенія" и уразумѣть истинные пути искупленія совершенно самобытно. Созерцаніемъ достигаетъ онъ мало-по-малу чувства всевѣдущаго просвѣтленія, однимъ внутреннимъ прозрѣніемъ считаетъ онъ возможнымъ познать истину, и притомъ всю истину, во всей ея полнотѣ и совершенствѣ. Не представляется ли въ этой характеристикѣ чистый типъ апріорнаго, метафизическаго мышленія, исходящаго отъ одного только разума и чистымъ созерцаніемъ достигающаго до той высоты познанія, о которой и помыслить не смѣетъ умъ, прикованный къ опыту и наблюденію, къ мелочному изученію измѣнчиваго и преходящаго и неспособный подняться въ безпредѣльную высь абсолютнаго всевѣдѣнія.

Будда, какъ глубокій метафизикъ, хорошо понимаетъ, что не всякому по плечу это высокое, отвлеченное, тонкое, превыспреннее назначеніе. „Человѣчеству, вращающемуся въ земныхъ дрязгахъ,—говорилъ онъ,—трудно будетъ усвоить себѣ понятіе о законѣ причинности", т. е. самую суть его философскаго умозрѣнія. И зато самъ онъ, съ самодовольствіемъ истиннаго метафизика, говоритъ о себѣ, какъ о мудрецѣ, постигшемъ всю тайну бытія, исчерпавшемъ мудрость до дна. Никого изъ учениковъ своихъ не считаетъ онъ способнымъ охватить тайну эту во всей ея полнотѣ и великости, а потому и преподаетъ онъ ее лишь въ той мѣрѣ, которая разсчитана на практическую потребность „искупленія".

„Однажды,—разсказывается въ одномъ священномъ текстѣ,—Великій находился въ Козамби, въ лѣсу Синсапа. И Великій взялъ въ руку немного листьевъ дерева Синсапа и сказалъ своимъ ученикамъ: „Какъ полагаете вы, ученики, что больше, эти немногіе листья, что я держу въ своей рукѣ, или тѣ остальные листья въ лѣсу Синсапа?"—„Немногіе листья, владыко, которые Великій держитъ въ рукѣ, ничтожны, и гораздо значительнѣе листья въ лѣсу Синсапа"—„Точно также, ученики, гораздо значительнѣе то, что я позналъ и чего я вамъ не возвѣстилъ, нежели то, что я возвѣстилъ вамъ. И почему, ученики, я не возвѣстилъ вамъ того? Потому, ученики, что это не принесло бы вамъ никакой пользы, потому что не способствуетъ святости жизни, потому что не ведетъ къ отвращенію отъ земнаго, къ уничтоженію всякой похоти, къ упраздненію всего тлѣннаго, къ миру, къ познанію, къ просвѣтленію, къ нирванѣ: вотъ почему я не возвѣстилъ вамъ того. И что, ученики, возвѣстилъ я вамъ? Это именно страду; вотъ что, ученики, возвѣстилъ я вамъ. Это — происхожденіе страды; вотъ что, ученики, возвѣстилъ я вамъ. Это—прекращеніе страды; вотъ что, ученики, возвѣстилъ я вамъ. Таковъ-то путь къ прекращенію страды: вотъ что, ученики, возвѣстилъ я вамъ."

Характеризуя личность Будды, мы незамѣтно стали вступать въ область его ученія, безъ котораго—какъ то само собою разумѣется—полная характеристика учителя невозможна. Теперь, поэтому, своевременно будетъ ознакомить читателя съ основоначалами этого ученія въ томъ первобытномъ видѣ, который удалось возстановить современной наукѣ.

Хотя основные элементы буддійскаго ученія и были уже выработаны въ нѣдрахъ браманизма, но это не значитъ еще, что

послѣдователи Будды присвоиваютъ его имя не имъ созданной доктринѣ, или что ему послѣ браминовъ нечего было созидать, такъ какъ онъ засталъ ученіе, извѣстное нынѣ подъ названіемъ буддизма, готовымъ и только распространилъ его. Подготовленіе элементовъ и построеніе изъ нихъ характернаго, типичнаго, стройнаго цѣлаго совсѣмъ не одно и то же. Вводя готовые элементы въ гармоническую связь, учитель цѣлесообразно видоизмѣняетъ ихъ, соподчиняетъ и извѣстнымъ образомъ комбинируетъ, и въ силу этой объединяющей творческой работы даетъ составнымъ частямъ цѣлаго имъ самимъ опредѣляемое значеніе и цѣнность, имъ самимъ установляемое освѣщеніе и окраску. Такимъ образомъ выходящая изъ рукъ его цѣльная доктрина, какъ бы далеко ни шли корни и нити ея въ даль прошедшаго, носитъ на себѣ свой особый отпечатокъ, представляетъ опредѣленный, характерный типъ, своеобразное нѣчто, которое хотя и не отрицаетъ собою предшественниковъ своихъ, но можетъ въ то же время твердо, не колеблясь, указать и своего основателя, своего творца, вложившаго въ него нынѣ присущую ему особность и самость.

Не забудемъ при этомъ, что Сакія-Муни выработывалъ ученіе свое совершенно сознательно, что онъ много и долго работалъ надъ нимъ своею несомнѣнно мощною и пылкою мыслью, и что въ работѣ своей онъ обнаружилъ чрезвычайную выдержку, строгую, прямолинейную послѣдовательность, не боящуюся никакихъ заключеній, никакихъ рѣшеній, никакихъ отрицаній. Все это придаетъ первобытному буддизму тотъ высоко-типичный обликъ, который не встрѣчается впослѣдствіи ни у сознательныхъ, ни у безсознательныхъ его послѣдователей. Едва ли послѣ первобытнаго буддизма, послѣ подлиннаго буддизма самого Будды, встрѣчается ученіе этого типа до такой степени чуждое компромисса, до такой степени далекое отъ болѣе или менѣе разнокалибернаго эклектизма и пестрой компилятивности, какъ доктрина Татгагаты, т. е. Совершеннаго. И онъ дѣйствительно совершененъ въ смыслѣ законченности метафизическаго, апріорнаго, трансцендентнаго творчества.

Система Будды дѣйствительно была системою метафизическою въ полномъ значеніи этого слова, но такою она была для него; для учениковъ же его,—по скольку она раскрывалась какъ ученіе, какъ то и видно изъ словъ Будды, произнесенныхъ въ лѣсу Синсапа,—она была религіей, т. е. ученіемъ объ искупленіи. И въ этомъ послѣднемъ значеніи она опять-таки была выдержана до

такой степени, что, оставляя всевѣдѣніе на долю учителя, она преподавала воздержаніе отъ проникновенія въ ту область, которая не отвѣчала опредѣленнымъ и разъ навсегда намѣченнымъ границамъ,—границамъ, за которыми для буддиста начиналось уже—выражаясь современнымъ языкомъ—„непознаваемое". Поучая этому правилу, Будда и утверждаетъ, что „мудрый человѣкъ, ученикъ, придерживающійся доброй стези, понимаетъ, какія вещи подлежатъ его обсужденію и какія не подлежатъ, и, понимая это, онъ обсуждаетъ лишь тѣ, которыя подлежатъ его обсужденію, и не касается тѣхъ, которыя его обсужденію не подлежатъ" (Rhys Davids, Lectures etc., p. 89). И если Будда, всетаки, утверждалъ, что онъ не скрылъ ничего отъ учениковъ своихъ, что онъ не дѣлалъ различія между эзотерическимъ и экзотерическимъ ученіемъ (см. рѣчь Будды у Ризъ Девидса, тамъ же, стр. 181), то это утвержденіе слѣдуетъ, конечно, понимать лишь по отношенію „ученія", т. е. той особой части всепознанія самого Будды, которая необходима для осуществленія искупленія. Изъ *этого* „благовѣствованія искупленія" Буддою не скрыто отъ учениковъ ничего, и если самъ онъ зналъ еще многое, то для учениковъ и послѣдователей онъ преподалъ единственно только эту доктрину. „Какъ пространное море, ученики, — говоритъ онъ, — проникнуто лишь однимъ вкусомъ, вкусомъ соли, такъ и это ученіе, и эти порядки, ученики, проникнуты лишь однимъ вкусомъ, вкусомъ искупленія".

Но въ какія бы тамъ границы ни было введено ученіе объ искупленіи, всеже оно было частью предполагаемой метафизической системы и дѣйствительно является насквозь пропитаннымъ метафизическими тонкостями и во всѣхъ частяхъ обнаруживаетъ связь свою съ чисто-метафизическими положеніями. Въ силу этого философскаго своего характера, оно не отличается простотою и не могло быть общедоступнымъ, какъ тѣ ученія, которыя говорятъ только чувству, оставляя разуму роль, столь ничтожную, что даже умъ убогій или младенческій не препятствуютъ, а способствуютъ ихъ усвоенію. Буддійское ученіе, напротивъ того, требовало значительной умственной подготовки и, благодаря этому, заранѣе осудило себя на замкнутость въ тѣсной общинѣ монаховъ или на вырожденіе, на извращеніе, на переработку. И дѣйствительно, послѣдующая исторія буддизма показала, что, если сотни милліоновъ людей и назвались поклонниками Будды, то хранителей первобытнаго преданія всегда было и есть очень мало и что отдаленныя и косвенныя вліянія буддійской доктрины пріобрѣтались лишь цѣ-

нию утраты того существеннаго метафизическаго ядра, благодаря которому первобытный буддизмъ и обладаетъ такою высокою степенью цѣльности, выдержанности, своеобразности, типичности.

Такъ какъ мы должны быть кратки и не можемъ поэтому передать содержаніе ученія Будды во всей его полнотѣ и послѣдовательности, то намъ и приходится ограничиться однимъ только резюме́ его, которымъ и пополнится то понятіе о немъ, которое успѣло составиться у читателя, благодаря предшествовавшимъ указаніямъ. Къ счастью, резюме́, которое намъ нужно, дается самыми буддійскими текстами и именно рѣчью Будды въ Бенаресѣ, этою первою рѣчью, съ которой началась его проповѣдь. Хотя рѣчь эта и лишена историческаго значенія, зато догматическое значеніе ея выше всякаго сомнѣнія. А такъ какъ теперь дѣло идетъ не о томъ, въ Бенаресѣ или иномъ мѣстѣ, въ такихъ или иныхъ выраженіяхъ сказана была эта рѣчь, а о томъ, вѣрно ли она передаетъ руководящія идеи первобытнаго буддизма, то мы, основываясь на авторитетѣ Ольденберга, и избираемъ именно бенаресскую рѣчь, какъ истолковательницу самой сути ученія Сакія-Муни.

Рѣчь эта была сказана пяти монахамъ, которые долго передъ тѣмъ соревновали съ нимъ въ истязаніи плоти и покинули его послѣ того, какъ онъ, по „просвѣтленіи", отказался искать спасенія этимъ путемъ.

„Отверзьте ваши уши, монахи, искупленіе отъ смерти найдено: я буду васъ поучать, я буду проповѣдывать вамъ это ученіе, и, если станете вы исполнять его, вы познаете то, изъ-за чего знатные юноши покидаютъ родину и скитаются по чужимъ краямъ, вы познаете цѣль высшихъ стремленій, еще въ этой жизни познаете всю истину, станете съ ней лицомъ къ лицу.

„Есть двѣ крайности, избѣгать которыхъ обязанъ тотъ, кто ведетъ духовный образъ жизни. Какія же это крайности? Одна — жизнь среди сладострастія, похотей, наслажденій: это низко, неблагородно, недуховно, ничтожно. Другая—жизнь среди самоистязаній: это грустно, недостойно, ничтожно. Совершенный, монахи, избѣгъ двухъ крайностей и вступилъ на тотъ средній путь, гдѣ умъ и взоръ его просвѣтляются, на тотъ путь, который ведетъ къ покою, познанію, просвѣщенію, къ Нирванѣ. Что же это за средній путь, монахи, познанный Совершеннымъ, гдѣ просвѣтляются умъ и взоръ, путь, который ведетъ къ покою, познанію, просвѣщенію, къ Нирванѣ? Это и есть святая, осьмеричная стезя, именуемая: истинная вѣра, истинная рѣшимость, истинное слово, истинная жизнь,

истинное дѣло, истинное стремленіе, истинные помыслы, истинное самопознаніе (погруженіе въ самого себя). Таковъ, монахи, средній путь, познанный Совершеннымъ, гдѣ просвѣтляются умъ и взоръ, который ведетъ къ покою, познанію, къ просвѣщенію, къ Нирванѣ.

„Вотъ, монахи, святая истина о страдѣ: рожденіе—страда, старость—страда, болѣзнь—страда, смерть — страда, недостигнутое желаніе—страда, однимъ словомъ, все пятеричное стремленіе (къ земному)—страда *).

„А вотъ, монахи, святая истина объ упраздненіи всякой страды: это жажда (бытія), ведущая отъ возрожденія къ возрожденію, совмѣстно съ похотью и вожделѣніемъ, находящимъ свое удовлетвореніе то въ томъ, то въ другомъ, жажда все растущаго и растущаго бытія, жажда могущества.

„Такова, монахи, святая истина о пути къ упраздненію всякой страды: упразднить эту жажду полнымъ упраздненіемъ вожделѣній, положить имъ предѣлъ, отрѣшиться отъ нихъ, воздержаться, не давать имъ мѣста“.

„Таковы, монахи, святая истина о пути къ прекращенію страды: и это есть та святая осьмеричная стезя, именуемая: истинная вѣра, истинная рѣшимость, истинное слово, истинное дѣло, истинная жизнь, истинное стремленіе, истинные помыслы, истинное самопознаніе (погруженіе въ самого себя).

„Такова святая истина о страдѣ; и вотъ, монахи, эти еще никому невѣдомыя понятія предстали предо мной въ полной ясности, взоръ мой проникъ въ это познаніе, въ эту новую вѣсть, въ эту истину. „Должно понять святую истину о страдѣ“ — я понялъ святую эту истину; итакъ, монахи, эти еще никому невѣдомыя понятія предстали предо мною въ полной ясности, и взоръ мой проникъ въ это познаніе, въ эту новую вѣсть, въ эту истину“. (Тѣ же самыя выраженія употребляются для выясненія трехъ остальныхъ истинъ). „И пока я не постигъ, монахи, этихъ четырехъ святыхъ истинъ, не овладѣлъ съ полной ясностью этими трижды расчлененными двѣнадцатью частями истиннаго познанія и разумѣнія **), я зналъ, монахи, что ни въ этомъ мірѣ, ни

*) Стремленіе къ пяти элементамъ, изъ коихъ слагается плотско-духовное существованіе человѣка: тѣлесность, ощущенія, представленія, образы (или мечты) и сознаніе.

**) Будда обладаетъ трижды расчлененнымъ познаніемъ каждой изъ четырехъ истинъ; такъ, напримѣръ, въ первой: „такова святая истина о страдѣ»; «эту святую истину о страдѣ должно понять»; «эту святую истину я понялъ».

въ мірѣ божескомъ, ни въ мірѣ Мары и Брамы, ни среди какихъ либо существъ, ни среди аскетовъ и браминовъ, ни среди боговъ и людей, я не достигъ еще высшей благодати, не сталъ Буддой. Но съ тѣхъ поръ, монахи, какъ я постигъ эти четыре святыя истины и овладѣлъ съ полною ясностью этими трижды расчлененными частями истиннаго познанія и разумѣнія, я позналъ, монахи, что и въ этомъ мірѣ, равно какъ и въ мірѣ боговъ, въ мірѣ Мары и Брамы, среди всѣхъ существъ, среди аскетовъ и браминовъ, среди боговъ и людей я достигъ великой благодати, сталъ Буддой. И я позналъ и увидѣлъ ясно: что никогда не погибнетъ искупленіе моего духа; это мое послѣднее порожденіе; отнынѣ новыхъ порожденій для меня нѣтъ."

Въ четырехъ „святыхъ" истинахъ, возвѣщенныхъ въ этой проповѣди Будды, заключается вся сущность буддійскаго ученія; эти четыре „святыя" истины представляются вѣрующимъ ядромъ, центромъ Дгаммы (ученія); ими какъ бы замыкается сводъ буддійскаго познанія. Первая изъ этихъ истинъ есть истина о страдѣ; вторая—о происхожденіи страды, третья—объ упраздненіи страды, четвертая — о пути къ упраздненію страды. Всѣ четыре истины вращаются вокругъ центральнаго понятія страды. Страда, т. е. совокупность всѣхъ страданій какъ жизни настоящей, данной, конкретно-индивидуальной, такъ и жизни, охватывающей всѣ прошедшія и будущія душескитанія, проникаетъ насквозь все міросозерцаніе буддиста. „Передъ духовными очами буддиста, — говоритъ Ольденбергъ, — стоитъ непрерывно и притомъ съ самымъ убѣдительнымъ и захватывающимъ душу выраженіемъ образъ міра и человѣчества, въ конецъ заполоненныхъ страдой. Это не тѣни, не облака, которыя страданія и смерть набрасываютъ на человѣческую жизнь, — страданія и смерть безотвязно сопровождаютъ все сущее. Сквозь ореолъ счастья и юности буддистъ провидитъ страданіе, въ которое скоро обратится и счастье, и юность. За преисполненнымъ горемъ настоящимъ лежитъ неизмѣримое, полное горя прошедшее, а впереди ожидаетъ каждаго, кому не удастся достигнуть искупленія, „положить конецъ страдѣ", безконечное, преисполненное страданій будущее, которое вѣра въ переселеніе душъ открываетъ передъ буддистомъ."

„Скитаніе (samsâra) существа, монахи,—говоритъ Будда,—идетъ отъ вѣчности. Нельзя усмотрѣть начала, съ котораго существа, повергнутыя въ невѣдѣніе, порабощенныя жаждой существованія, скитаются и странствуютъ. Какъ полагаете вы, монахи, что про-

страннѣе, та вода, которая находится въ четырехъ большихъ моряхъ, или же тѣ слезы, которыя лились и пролиты вами, пока вы скитались и странствовали по этому дальнему пути, сокрушаясь и плача, что на вашу долю выпадало то, что вы ненавидѣли, а не то, что вы любили? Смерть матери, смерть отца, смерть брата, сестры, сына, дочери, утрата родныхъ, утрата благъ земныхъ, все это вы испытывали долго, долго. И долго испытывая это, пока скитались и странствовали по этому дальнему пути, сокрушаясь и плача, что на вашу долю выпадало то, что вы ненавидѣли, а не выпадало того, что вы любили, вы лили и пролили больше слезъ, чѣмъ воды въ четырехъ моряхъ великихъ."

Понятіе страды, какъ центральное понятіе всего буддійскаго ученія, и есть именно то понятіе, которымъ ученіе это примыкаетъ къ метафизической системѣ Будды, не открытой ученикамъ. Обоснованіе этого понятія, само по себѣ неизбѣжно метафизическое, представляетъ какъ бы экскурсію изъ области догматики въ область метафизики и упирается затѣмъ въ тотъ рядъ вопросовъ, рѣшенія „коихъ Великій не преподалъ", обрывается у порога тѣхъ тайнъ, „кои Великій не открылъ". Это метафизическое обоснованіе понятія страды и есть тотъ „законъ причинной связи", о которомъ мы уже говорили выше и который, по словамъ самого учителя, труденъ для пониманія людей, „вращающихся въ земныхъ дрязгахъ".

Законъ причинной связи въ своей древнѣйшей формулировкѣ изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Изъ невѣдѣнія возникаютъ призрачные образы (санкгара); изъ образовъ возникаетъ сознаніе; изъ сознанія возникаетъ имя и тѣлесность; изъ имени и тѣлесности возникаютъ шесть областей *); изъ шести областей возникаетъ соприкосновеніе (между чувствами и ихъ объектами); изъ соприкосновенія возникаетъ ощущеніе; изъ ощущенія возникаетъ жажда (или хоть); изъ жажды возникаетъ падкость (къ существованію); изъ падкости къ существованію возникаетъ производительность; изъ производительности возникаетъ рожденіе; изъ рожденія возникаетъ старость и смерть, боли и жалобы, страданіе, печаль и отчаяніе. Вотъ происхожденіе цѣлаго царства страдъ" **).

*) Области шести чувствъ и ихъ объектовъ; къ пяти обычнымъ чувствамъ индусы причисляли шестое—смыслъ.

**) Переводя эту формулу изъ положительной на отрицательную, получается формула упраздненія страды: «Если невѣдѣніе будетъ упразднено, то»... и т. д.

Чтобы представить болѣе полную картину буддійской метафизики, намъ слѣдовало бы разсмотрѣть порознь развитіе каждаго члена этой формулы и ознакомиться съ особенно интересными психологическими тезисами, сюда соотносящимися; но, по неимѣнію возможности расширять до такой степени рамки этой статьи, мы ограничимся одною общею характеристикою формулы, принимаемой какъ общее положеніе, долженствующее служить обоснованіемъ понятія страды.

Формула закона причинности, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, представляетъ обычную въ метафизикѣ *замѣну познанія пониманіемъ*, т. е. сведеніемъ одного явленія, извѣстнаго только наглядно и необслѣдованнаго научно, на другое явленіе, извѣстное въ такой же мѣрѣ. Пріемъ этотъ есть обычный пріемъ обыденнаго мышленія и младенческаго состоянія познанія, долго потомъ переживаемый метафизикой. И если буддійская формула при прикосновеніи къ ней критики оказывается шаткою и хрупкою, то этимъ свойствомъ страдаютъ вѣдь всѣ метафизическія построенія, и вся разница между элементарною метафизикою Будды и позднѣйшими хитросплетеніями заключается лишь въ томъ, что надъ послѣдними критика имѣетъ сравнительно болѣе трудную и тонкую работу. Чѣмъ, напримѣръ, формула міровой воли Шопенгауэра,— этого буддиста Запада, по выраженію Рибо, — состоятельнѣе формулы буддистовъ Востока? До тѣхъ поръ, пока изученіе явленій не расчленено и члены эти не соподчинены, пока ни одно изъ нихъ не изучается путемъ наблюденія и опыта и результаты этого изученія не комбинируются на основаніи твердо установленныхъ законовъ теоріи познанія, до тѣхъ поръ всѣ попытки міроразумѣнія неизмѣнно остаются на долю воображенія, творящаго одни лишь призраки знанія, но не двигающаго самаго знанія ни на іоту.

Отъ метафизики буддизма обратимся къ его этикѣ. Основаніе этой послѣдней дано въ изложеніи четвертой истины, какъ оно формулировано въ бенаресской рѣчи Будды. „Вотъ, монахи, — сказано здѣсь, — святая истина о пути къ упраздненію страды: это есть та восьмеричная стезя, именуемая: истинная вѣра, истинная рѣшимость, истинное слово, истинное дѣло, истинная жизнь, истинное стремленіе, истинные помыслы, истинное самопознаніе (погруженіе въ себя).“ Затѣмъ, многочисленныя рѣчи Будды развиваютъ темы, данныя въ этомъ основаніи, и при ихъ посредствѣ можетъ быть построена, если и не вполнѣ систематическая и не всегда прочно-связная, то, всетаки, весьма

полная и, главное, вполнѣ опредѣленная этическая доктрина. Прежде всего слѣдуетъ указать на три категоріи дѣятельности, какъ бы служащія надписью къ тремъ главамъ этики: честность, самосозерцаніе и мудрость. Содержаніе этихъ трехъ словъ излагается обычнымъ у буддистовъ схоластическимъ путемъ. Всему есть свое постоянное, вѣчно повторяемое выраженіе, всему есть свое опредѣленное число. „Пять преградъ и семь элементовъ просвѣтленія,— говорится въ одномъ изъ священныхъ текстовъ,—извѣстны пожалуй еретикамъ, но только ученикамъ Будды вѣдомо, какимъ образомъ это пятеричное число превращается въ десятеричное, а семикратное дѣлается четырнадцатикратнымъ.“

Такъ и понятіе честности, составляющее содержаніе первой части этики, является какъ понятіе „пятикратной честности“, что означаетъ раздѣленіе обусловливаемыхъ честностью запрещеній на пять порядковъ: 1) не убивать ни одного живаго существа, 2) не захватывать чужаго имущества, 3) не трогать жены ближняго, 4) не говорить неправды и 5) не пить хмѣльныхъ напитковъ. Изъ этихъ отрицательныхъ положеній развиваются уже положенія такого рода, какъ, напримѣръ, слѣдующія: „монахъ отказывается отъ убійства живыхъ существъ, онъ воздерживается отъ убійства живыхъ существъ. Онъ отлагаетъ посохъ, онъ слагаетъ съ себя оружіе. Онъ милостивъ и сострадателенъ; онъ относится заботливо къ благосостоянію всѣхъ живыхъ существъ. Это одно изъ свойствъ его честности“, или: „монахъ отрекается отъ клеветнаго слова; онъ воздерживается отъ клеветнаго слова. То, что онъ слышалъ здѣсь, онъ не передаетъ его тамъ, чтобы разлучить тѣхъ съ этими. Онъ—соединитель разлученныхъ и закрѣпитель соединенныхъ. Онъ радуется согласію; онъ радѣетъ о согласіи; согласіе — его услада; онъ провозвѣстникъ согласительныхъ словъ. Это тоже одно изъ свойствъ его честности“.

Чтобы правильно цѣнить тотъ характеръ заповѣди благорасположенія, который окончательно выработался въ буддійской этикѣ, — заповѣди особенно интересны для сравнительнаго изученія этическихъ доктринъ,—слѣдуетъ помнить, что исходная точка буддизма—познаніе и что вліяніе его поэтому должно замѣчаться неизбѣжно повсюду. Оно, конечно, не можетъ не охлаждать въ нѣкоторой мѣрѣ регулируемую имъ сферу чувствъ, но охлажденіе это не идетъ, однако же, слишкомъ далеко, и священные тексты даютъ положенія, рисующія довольно ярко эту теплую, сердечную сторону нравственнаго ученія буддистовъ. Если всепрощеніе, заб-

веніе обидъ и любовь къ врагамъ и умѣряется тѣмъ, что они исходятъ отъ мудреца, стоящаго на такой высотѣ, съ которой онъ не можетъ страдать ни отъ какой обиды; если благоволеніе, которое монахъ, въ моментъ созерцанія, изливаетъ мысленно на весь существующій міръ, и представляется нѣсколько теоретичнымъ, то рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ проповѣдь о полномъ, безграничномъ самопожертвованіи, получающемъ выраженіе не въ мысли одной, но въ дѣйствіи, въ самой жизни. Ученіе, дополняемое изреченіями поэтическихъ сборниковъ, притчей и басенъ, достигаетъ той высочайшей точки своего развитія, на которой стоялъ самъ основатель ученія, представляющій, какъ мы и сказали уже, идеальный образецъ беззавѣтнаго служенія идеѣ.

„Европейцы въ буддійскихъ странахъ, какъ я въ томъ вполнѣ увѣренъ, — говоритъ Ризъ-Девидсъ,—очень часто впадаютъ въ заблужденіе вслѣдствіе незнанія и приходятъ къ разнымъ заключеніямъ, только благодаря поражающей ихъ внѣшности буддистовъ. Европеецъ видитъ странно выглядывающаго туземца, одѣтаго въ курьезный нарядъ, съ бритой головой, медленно идущаго съ вѣеромъ въ рукахъ; но пусть онъ послѣдуетъ за нимъ въ его домъ подъ пальмами, и онъ будетъ пораженъ господствующею тамъ чистотою, красотою цвѣтущихъ кустарниковъ и изящною листвою свѣсившихся надъ жилищемъ деревъ. Въ глубинѣ двора найдетъ онъ келію монаха и, быть можетъ, темную комнату, въ которой помѣщаются изображенія Будды и передъ ними на каменныхъ плитахъ цвѣты, приносимые поклонниками. Стѣны и потолокъ раскрашены здѣсь яркими красками, не подобранными согласно нашему теперешнему вкусу, и посѣтитель къ тому же можетъ встрѣтить здѣсь поклонниковъ, произносящихъ передъ образами непонятныя слова. Слова эти, конечно, принимаются зрителемъ какъ молитвы передъ идолами, и онъ уходитъ, унося, быть можетъ, презрѣніе къ лѣнивому и неуклюжему монаху и чувство самодовольствія, подсказываемое мыслью о превосходствѣ его, бѣлаго человѣка, надъ этимъ смуглымъ идолопоклонникомъ, о превосходствѣ его идей и его воспитанія“.

Между тѣмъ, — продолжаетъ далѣе авторъ, — если европеецъ вступитъ въ разговоръ съ какимъ нибудь буддійскимъ монахомъ, не чрезъ посредство переводчика или при помощи сборника фразъ, какъ это обыкновенно водится, но непосредственно и при томъ не только съ знаніемъ языка, но и при знакомствѣ съ буддійскими идеями, и онъ навѣрно увидитъ цѣлый новый міръ идей

и чувствъ, который откроется передъ нимъ. „Я зналъ одного буддійскаго монаха на Цейлонѣ,—говоритъ Р. Девидсъ,—въ наружности котораго не заключалось ничего особеннаго для глаза обыкновеннаго наблюдателя, видѣвшаго лишь худаго, болѣзненнаго, средняго роста человѣка и только. Когда онъ пришелъ ко мнѣ въ первый разъ, рука смерти была уже на немъ; онъ стоялъ уже одною ногою въ гробу, вслѣдствіе тяжкой и неизлечимой болѣзни. Я слышалъ о его познаніяхъ въ языкѣ Пали, а также и о его болѣзни, и былъ очень признателенъ ему за то, что при такихъ обстоятельствахъ онъ вышелъ изъ дому для обученія иноземца. Въ глазахъ его свѣтился какой-то странный огонь, онъ постоянно переходилъ отъ вопросовъ о Пали къ вопросамъ о буддизмѣ и обнаружилъ большія познанія по части этики и поэзіи священныхъ текстовъ. Я слушалъ его съ удовольствіемъ. Было что-то неописуемо-привлекательное въ его личности, какая-то простота, благорасположеніе, наполнявшія меня уваженіемъ. Мнѣ иногда думалось, что впечатлѣніе, произведенное на меня Ятрамулли Уннэнси, заставило меня судить о немъ слишкомъ высоко, но мистеръ Чайльдерсъ *) передавалъ мнѣ, по возвращеніи моемъ въ Англію, что умирающій буддійскій ученый произвелъ и на него точно такое же впечатлѣніе. Мы оба не могли, конечно, впасть въ одну и ту же ошибку. Надо думать, что въ теченіе многовѣковой исторіи буддійской монашеской общины вліяніе ея на тѣхъ, которые имѣли глаза, чтобъ видѣть, и уши, чтобъ слышать, было оказываемо не однимъ подобнымъ Ятрамулли Уннэнси, иначе община эта не могла бы имѣть той власти, которую она имѣла". (Rhys Davids, Lectures etc., p. 185—7).

Сопоставленіе, которое дѣлаетъ Ризъ-Девидсъ, прекрасно освѣщаетъ, конечно, буддійскій нравственный типъ, и, будь для сопоставленія этого избранъ не только какой нибудь полу-невѣжественный пошлякъ-буржуа, изъ числа шляющихся по свѣту наживы ради, но и вообще средній европеецъ — первенство, всетаки, осталось бы за буддистомъ, такъ какъ, если теоретически-нравственный пошибъ ихъ обоихъ и стоитъ почти на одномъ уровнѣ, то практически, жизненно, европеецъ до того исковерканъ ложью, тщеславіемъ и лицемѣріемъ, что долженъ совершенно стушеваться передъ выдержанностью, искренностью и прямотою будто бы варвара цейлонца, будто бы идолопоклонника-буддиста. Къ счастью

*) Childers—авторъ словаря языка Пали (Pali-dictionnary).

для европейской цивилизаціи, она можетъ сопоставить съ буддійскимъ монахомъ не только рыскающаго за наживой буржуа, не только пустозвоннаго культурнаго человѣка, который, напяливъ пиджакъ и перчатки и научась салоннымъ манерамъ и исполненію всякаго рода формальностей, деретъ носъ передъ смиреннымъ ученикомъ Сакія-Муни, униженно уступающимъ ему дорогу,—къ счастью для европейской цивилизаціи, говоримъ мы, она можетъ выставить и иной типъ, и съ точки зрѣнія этого типа, съ чистымъ сердцемъ и спокойною совѣстью можетъ взглянуть въ глаза на представителя буддійской нравственности въ ея лучшемъ и чистѣйшемъ выраженіи, и съ увѣренностью сказать: нѣтъ, это не то, предъ чѣмъ мы преклонимся, это не то, что должно послужить намъ идеаломъ; мы въ силахъ преодолѣть эту точку зрѣнія; мы преодолѣли ее... идеалъ нашъ иной.

Понятіе честности, охватывающее, какъ мы видѣли уже, благорасположеніе ко всему живущему, миротворство, прощеніе обиды, любовь къ врагамъ и самопожертвованіе, не исчерпываетъ еще всей этики буддистовъ. Вслѣдъ за „честностью" идетъ созерцаніе и мудрость. Только всѣ эти три добродѣтели исчерпываютъ собою „пути къ упраздненію страды". И изъ знакомыхъ уже намъ предпосылокъ можно было безошибочно предвидѣть, что пути эти ведутъ къ самому строгому и выдержанному аскетизму. Въ духѣ этого аскетизма предписываетъ буддійское ученіе свои правила внутренней бдительности, самовоспитанія и самоочищенія; оно учитъ господству надъ чувствами, бдительности, вниманію, умѣнію довольствоваться наименьшимъ и т. д., и, заботясь такимъ образомъ о нравственномъ совершенствѣ человѣка, преслѣдуетъ все туже главную цѣль свою — достиженіе такой душевной чистоты и такого душевнаго міра, которые давали бы возможность безпрепятственно вступить въ ту священную область созерцанія, которая одна только можетъ, наконецъ, открыть всю мудрость, всепознаніе, всю истину, и путемъ святости, отрѣшившейся отъ невѣдѣнія, возводитъ созерцателя въ прозрѣвшаго, въ Будду и открываетъ ему входъ въ Нирвану. Самосозерцаніе представляетъ собою послѣднія ступени на пути къ искупленію, и ему отводится великая роль въ жизни спасающагося; оно тщательно обработывается въ священныхъ текстахъ; оно замѣняетъ въ буддизмѣ молитву другихъ религій. Заботамъ о его неприкосновенности нѣтъ конца: монахи, нарушающіе шумнымъ поведеніемъ самосозерцательность братіи, подвергаются порицанію; заботливый хозяинъ, отводящій

мѣста для отдохновенія, даетъ отдѣльное помѣщеніе тѣмъ изъ нихъ, которые надѣлены даромъ самосозерцанія, чтобы другіе не нарушили ихъ покоя; поэты воспѣваютъ лѣсную глушь, уединеніе горныхъ пещеръ и другихъ мѣстъ, гдѣ среди безусловнаго спокойствія монахъ можетъ углубиться въ себя, отдаться всецѣлому спасительному самосозерцанію. „Въ комъ обитаютъ самосозерцаніе и мудрость, — сказано въ писаніи, — тотъ воистину близокъ къ Нирванѣ“.

Изъ этого, къ сожалѣнію, очень краткаго очерка видно, что нравственный идеалъ буддизма есть идеалъ аскета-отшельника; истинно-святая жизнь для буддиста есть жизнь уединенная, одинокая, созерцательная. Мірская же жизнь—какъ учитъ буддійское писаніе — на столько несовершенна и неудовлетворительна, что можетъ имѣть значеніе только подготовки для слабыхъ. „Основнымъ требованіемъ отъ монаха,—замѣчаетъ по этому поводу Ольденбергъ,—является не то, что онъ обязанъ жить въ этомъ мірѣ, видоизмѣняя его на столько, чтобы міръ сталъ достоинъ житія въ немъ—ему предписывается вполнѣ отрѣшиться отъ міра“. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдовательный поклонникъ Будды долженъ отрѣшиться отъ всякой дѣятельности—общественной и частной—отъ труда, отъ работъ, и, живя нищенски-добытымъ пропитаніемъ, созерцать. „Такая жизнь,—скажемъ мы, примѣняя къ буддизму слова знаменитаго публициста, сказанныя по другому поводу,—такая жизнь есть высшая степень проявленія эгоизма; она заставляетъ человѣка жертвовать для будущаго настоящимъ, подавлять отраднѣйшія душевныя волненія и отрицать священнѣйшія склонности. Она заставляетъ его покидать родителей, замыкать предъ собою двери свѣта, отказываться отъ супружества—и все это для воображаемаго будущаго. Что сталось бы съ человѣчествомъ, если бы идеалы этого рода могли обобщиться? Какъ слѣдуетъ намъ относиться къ такимъ принципамъ, обобщеніе которыхъ повело бы къ прекращенію человѣческаго рода?“ (F. Pi y Margall. La luchas da nuestros dias. 1884, p. 108). Но еще ранѣе такого печальнаго конца—прибавимъ мы—аскетизмъ и созерцаніе неизбѣжно должны внести въ осуществленіе завѣтнаго своего идеала тотъ страшный психопатологическій элементъ, который, какъ бы мстя за преслѣдованіе неестественнаго идеала, незамѣтно подставляетъ юродиваго и идіота тамъ, гдѣ думалось найдти „совершеннѣйшаго“, нечувствительно подсовываетъ сумасшедшаго на мѣсто „прозрѣвшаго“.

Ольденбергъ указываетъ на значительное вторженіе патологи-

ческихъ явленій въ сферу созерцательной жизни буддійскихъ отшельниковъ: „Люди, исторгнутые силой религіозной идеи изъ благоустроенной домашней среды, легко могли подвергаться явленіямъ подобнаго рода (психо-патологическимъ), которыя были слѣдствіемъ тѣлеснаго утомленія, обусловливаемаго какъ странническою, нищенскою жизнью, такъ и чрезмѣрнымъ духовнымъ возбужденіемъ изнурительнымъ для нервной системы. Въ Сутрахъ говорится о галлюцинаціяхъ зрѣнія и слуха, о „небесныхъ образахъ“ и „небесныхъ звукахъ“. Разсказывается, что въ ту пору, когда Будда стремился къ просвѣтленію, онъ видалъ сіяніе и явленіе образовъ, или же одно сіяніе и одни только образы. Точно также явленія божествъ или искусителя, о которомъ такъ много повѣствуютъ легенды, заставляетъ предполагать чистую галлюцинацію.“

Приведенные факты заставляютъ—какъ мы убѣждены—поставить вопросъ шире, нежели онъ поставленъ у Ольденберга. Если доводящее до галлюцинацій самосозерцаніе представляетъ послѣднюю ступень нравственнаго совершенствованія, то едва-ли есть возможность ставить это патологическое явленіе, какъ нѣчто внѣшнее, постороннее, припаянное, такъ сказать, къ доктринѣ. Въ книгѣ, пожалуй, положенія и правила ученія могутъ быть записаны рядомъ съ видѣніями галлюцинатовъ и только, но у живаго человѣка, подвергающагося галлюцинаціямъ, не можетъ быть одного только сопоставленія того состоянія, въ которомъ онъ излагаетъ правила ученія, съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ галлюцинируетъ; въ живомъ человѣкѣ оба эти состоянія необходимо сплетаются, взаимодѣйствуютъ, совмѣстно образуютъ то единое „я“, которое живетъ, мыслитъ, проповѣдуетъ, предается созерцанію и доходитъ до видѣній. Все это прямымъ путемъ ведетъ насъ къ вопросу, столько разъ обсуждавшемуся въ новѣйшее время и до сихъ поръ еще занимающему умы изслѣдователей,—къ вопросу о соотношеніи геніальности и помѣшательства. Уже около полувѣка тому назадъ, французскій психіатръ Лелю высказалъ мысль, что геніи, колебавшіе и видоизмѣнявшіе народныя вѣрованія, проводившіе по лицу земли борозду, неизглаживаемую вѣками, были галлюцинатами, т. е. психически-больными (*Lélut*. L'Amulette de Pascal. 1846. Du Démon de Socrate. 1836). Вслѣдъ за Лелю, Моро утверждалъ уже, что „геній и помѣшательство однородны“, что „геній есть неврозъ“. (*Z. Moreau de Tours*. Psychologie morbide dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire. 1859). Въ наше время Ломброзо показалъ на массѣ самыхъ поразительныхъ сопоставленій, что геній и

помѣшательство имѣютъ множество общихъ имъ обоимъ чертъ, такъ что энтузіазмъ геніевъ очень часто переходитъ въ галлюцинаціи, и что даже опредѣленная психическая болѣзнь—меланхолія—часто служитъ основаніемъ, на которомъ развивалось міросозерцаніе великихъ мыслителей и поэтовъ. (*Lombroso*. Genio e Folia. 1882.). Наконецъ, не далѣе, какъ въ прошломъ году, Редстокъ подвергъ вопросъ новому критическому пересмотру и, не отрицая точекъ сближенія генія и помѣшательства, старался точнѣе установить черты сходства и различія между этими двумя крайностями. (*Radestock*. Genie und Wahnsinn. 1884.).

Размышляя надъ фактами и соображеніями, приводимыми у названныхъ выше авторовъ, придется, конечно, отказаться отъ такихъ рѣзкихъ и, такъ сказать, топорныхъ мнѣній, каково мнѣніе Морò, и установить твердо, что геній и помѣшанный отождествленны быть не могутъ, что это два совершенно различные интеллектуальные типа, какъ превосходно выяснилъ Гагенъ въ своей статьѣ о сродствѣ геніальности и помѣшательства (см. Zeitschrift für Psychiatrie, 1877, XXXIII Band.); но въ то же время надо будетъ признать, что между двумя этими умственными состояніями существуютъ иногда болѣе или менѣе опредѣленныя аналогіи, переходящія иногда и въ нѣкоторыя тождественныя точки, не измѣняющія, однако же, общаго строя даннаго типа. Геніальность и помѣшательство—это звѣздочки двухъ калейдоскоповъ, составленныя изъ совершенно различныхъ элементовъ,—одинаковость устройства аппарата и случайное совпаденіе отдѣльныхъ частей образуютъ между ними неизбѣжную аналогію и какъ бы вкрапливаютъ отдѣльныя черты полнаго сходства, но, взятыя въ цѣломъ, звѣздочки эти никакъ не могутъ замѣнить одна другую, какъ не можетъ какой нибудь темный, тусклый, сѣрый образъ замѣнить образъ свѣтлый, яркій, прозрачный, блещущій всѣми цвѣтами радуги, хотя бы среди этого блеска и роскоши красокъ и попадались черныя точки, темныя и тусклыя пятна. Колебаніе, измѣнчивость, непрестанная текучесть психической жизни можетъ, конечно, вести къ усиленію тусклостей и темнотъ и незамѣтно сближать генія и помѣшаннаго; при этомъ сближеніи можетъ случиться смѣшеніе типовъ, и тогда передъ нами является новый смѣшанный типъ — типъ маттоида, какъ его назвалъ Ломброзо (matto, поитальянски сумасшедшій); люди эти начинаютъ какъ геніи и кончаютъ какъ помѣшанные.

„Часто было замѣчаемо, — говоритъ Редстокъ въ сочиненіи, названномъ выше,—что геніи чувствуютъ горе сильнѣе обыкновен-

ныхъ смертныхъ,—это терновый вѣнецъ геніальности. Эврипидъ говоритъ: одна скорбь только ставитъ прозорливыхъ людей выше остальныхъ, а Гёте замѣчаетъ, что „общая наша человѣческая участь должна чувствоваться какъ бремя тѣмъ въ сильнѣйшей степени, чѣмъ ранѣе и шире совершилось развитіе душевныхъ силъ чувствующаго“ (стр. 27).

Что же Будда? Онъ съ геніальною прозорливостью видѣлъ людское горе и остро чувствовалъ его боль; но попытался ли онъ преодолѣть его, попытался ли онъ вырвать у жизни то, что еще остается скрытымъ въ ней для осуществленія счастья человѣческаго на землѣ? Его бѣгство въ созерцательную праздность и аскетическое отупѣніе никакъ не можемъ мы принять какъ геніальное рѣшеніе геніально поставленнаго вопроса и остаемся при твердомъ убѣжденіи, что рѣшеніе это тщетно искали и ищутъ въ указанномъ имъ направленіи...

Затѣмъ мы разстаемся съ основателемъ буддійскаго ученія, глубоко сожалѣя, что не могли вдаться въ болѣе подробное обсужденіе этого обширнаго и недостаточно еще извѣстнаго у насъ предмета. Мы старались, на сколько могли, равномѣрнѣе освѣтить и положительныя и отрицательныя стороны первобытной доктрины искупленія, такъ какъ и тѣ и другія въ равной степени занимаютъ наше вниманіе и волнуютъ наши чувства, слишкомъ глубоко задѣвая не одни только вопросы теоріи, но и вопросы жизни. Только въ силу захватывающаго значенія послѣднихъ занялись мы такимъ, съ перваго взгляда, далекимъ отъ окружающей насъ дѣйствительности вопросомъ, какъ первобытный буддизмъ. Читатель, имѣвшій терпѣніе дочитать статью нашу до конца, остается, конечно, при убѣжденіи, что нами руководило не стремленіе къ познанію всякаго рода вещей, а тѣ незыблемые интересы живаго человѣка, которые исчезнутъ только тогда, когда и ему самому придется, наконецъ, погрузиться въ Нирвану.

В. Л.

НАЧАЛО ОСѢДЛОСТИ.

Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ.

Складъ, образъ жизни и культура каждаго народа обусловлены климатическими, физическими и топографическими условіями природы, среди которыхъ человѣкъ обитаетъ, и естественными произведеніями, которыми снискиваетъ пропитаніе. Такъ какъ низшія расы и инородцы болѣе зависятъ отъ природы, чѣмъ расы цивилизованныя, то онѣ должны быть изучаемы именно въ связи съ окружающею природою и ея производительностью.

Если интересно прослѣдить жизнь извѣстнаго племени, или расы, его способности и развитіе въ извѣстныхъ условіяхъ, при постоянной обстановкѣ, то еще интереснѣе видѣть жизнь того же племени, переносимую изъ одной полосы въ другую, изъ одного климата въ другой, и постепенно совершающіяся въ немъ измѣненія. Мы открываемъ тогда здѣсь весьма виднаго двигателя въ жизни дикаря—природу, и стоимъ у самаго зародыша и колыбели образованія самой культуры и у причинъ самыхъ перемѣнъ въ образѣ жизни. Мы встрѣчаемъ и изучаемъ обыкновенно дикарей въ однихъ условіяхъ тамъ, гдѣ застаемъ, и предполагаемъ измѣненіе культуры по мѣрѣ продолжительности жизни племени и его собственнаго совершенствованія, но представимъ себѣ то же племя, переносимое изъ одной обстановки въ другую, и наблюденія будутъ интереснѣе и разнообразнѣе. Не отъ насъ зависитъ выяснить разомъ историческую картину культурнаго развитія народовъ. Доисторическое время скрыло отъ насъ многое. Намъ приходится медленно изучать всѣ совершающіеся фазисы историческаго развитія и дѣлать свои выводы на основаніи сравненія жизни разныхъ племенъ и

народовъ въ различныхъ степеняхъ развитія. Но разстоянія, отдѣляющія эти народы, часто бываютъ слишкомъ велики, чтобы услѣдить постепенность переходовъ. Мы видимъ только отдѣльныя, разрозненныя проявленія разновременныхъ культуръ, разорванныя звенья исторіи, изъ которыхъ нашему воображенію предстоитъ создать нѣчто цѣльное. Мы имѣемъ понятіе о бродячемъ, кочевомъ, пастушескомъ и земледѣльческомъ бытѣ народовъ, но не знаемъ весьма многихъ промежуточныхъ степеней и переходовъ. Изученіе промысловъ и занятій различныхъ дикарей вноситъ намъ понемногу новыя свѣдѣнія въ исторію культуры, но, безъ сомнѣнія, мы чувствуемъ еще много пробѣловъ. Самымъ счастливымъ и удобнымъ матеріаломъ для подобнаго изученія могло бы быть изученіе полудикихъ племенъ, сохраняющихъ всѣ переходныя стадіи развитія и поставленныхъ въ разнообразныя условія жизни, которыя напоминаютъ намъ доисторическое существованіе. Съ такими народами мы имѣемъ дѣло на сѣверѣ Азіи и въ Сибири.

Здѣсь среди жизни дикарей-инородцевъ въ степяхъ, тундрахъ, горахъ и лѣсахъ мы можемъ прослѣдить многія переходныя стадіи культуры при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ природы.

Занимаясь исторіей инородческой культуры, мы обратили особенное вниманіе на переходныя ступени ея къ осѣдлости. Формы быта, которыя мы изслѣдовали въ лѣсной полосѣ, заслуживаютъ по нашему мнѣнію, особаго вниманія этнографовъ и историковъ культуры. Кто можетъ сказать, какимъ путемъ, отъ какой формы хозяйства, рядомъ какихъ степеней и переходовъ человѣчество перешло къ осѣдлости? Тропы этихъ переходовъ потеряны во мракѣ доисторическаго времени. Какъ въ біологическомъ и зоологическомъ мірѣ исчезла масса переходныхъ видовъ и типовъ, такъ исчезли и многія переходныя формы жизни въ типахъ хозяйства и быта, но тѣмъ болѣе приходится дорожить уцѣлѣвшими.

Лѣса и зарожденіе въ нихъ осѣдлости.

Алтайскій раіонъ представляетъ особенный интересъ въ смыслѣ изученія первобытной культуры, по разнообразію условій, гдѣ формировалась жизнь, по тѣмъ типамъ хозяйства, которые здѣсь создались, и по промысламъ, которые зарождались.

Съ юга къ Алтаю подходитъ Монголія и ея степи, въ самыхъ горахъ есть значительныя плоскія возвышенности и широкія до-

лины. Съ одной стороны мѣстности, мало лѣсистыя, покрытыя тучными травами и лугами, создали благопріятныя условія для скотоводства, и мы встрѣчаемъ здѣсь кочевое хозяйство весьма близкое къ монгольскому, киргизскому и кочевниковъ Средней Азіи, но горы не могли не повліять нѣсколько на его особый складъ. Въ Алтаѣ мы имѣемъ дѣло такимъ образомъ съ горными кочевниками. Далѣе вся восточная часть Алтая до Телецкаго озера и Кузнецкій Алатау до верховьевъ рѣкъ Мрассы и Кондомы покрыты лѣсами — преддверіе лѣсной Сибири. Здѣшніе жители лѣсовъ сложили опять особый образъ жизни и типъ хозяйства. Что это за типъ, мы постараемся характеризовать; ближе всего его можно назвать типомъ *лѣсныхъ кочевниковъ*. Первобытная культура этого народа слишкомъ своеобразна, чтобы пока подводить ее подъ типъ скотоводовъ, звѣролововъ или охотниковъ. Доселѣ инородцы, обитающіе въ лѣсной полосѣ Сибири, какъ кузнецкіе, бійскіе татары, Томской губ., енисейскіе инородцы, такъ и вогулы Тобольской губ. считались звѣроловами, охотниками и ставились ниже кочевниковъ, между тѣмъ, какъ слѣдовало бы подробно изучить ихъ бытъ и хозяйство, прежде чѣмъ причислять его къ тому или другому типу.

Въ культурѣ и образѣ жизни сибирскихъ лѣсниковъ видны формы нѣсколькихъ промысловъ и занятій, такъ что трудно причислять ихъ къ звѣроловамъ, скотоводамъ или земледѣльцамъ: отъ первыхъ двухъ они уже ушли, съ послѣднею формою не соединились. Мы видимъ среди этихъ кочевниковъ занятія одновременно какъ скотоводство мъ такъ и охотой, рыболовствомъ и земледѣліемъ, мало того—у нихъ есть уже зачатки ремеслъ; конечно, все это въ довольно первобытной формѣ. Несомнѣнно, что они перенесли многія занятія изъ предшествовавшаго состоянія и предъидущей стадіи своего быта. Извѣстно, что кочевники, скотоводы или номады, также весьма часто занимаются охотой и у нихъ есть начало земледѣлія (киргизы и монголы), хотя главное пропитаніе составляютъ стада. У лѣсниковъ всѣ эти занятія болѣе уравновѣшиваются, потому что природа далеко не даетъ простора для скотоводческаго хозяйства, зачатки послѣдняго не позволяютъ въ свою очередь спуститься до преобладанія болѣе низшаго звѣроловнаго быта; здѣсь существуетъ и земледѣліе, но въ то же время далеко не является преобладающимъ и только составляетъ зародышъ высшей культуры. Жизнь лѣсниковъ-инородцевъ поэтому представляетъ особенный интересъ, какъ выраженіе одной изъ переходныхъ и среднихъ культуръ, на которыя у насъ весьма мало обращалось вниманія какъ экономистами,

такъ и историками культуры и антропологами. Типы хозяйства лѣсниковъ не остаются однообразными, неподвижными, какъ и состояніе промысловъ; въ этой формѣ быта мы можемъ встрѣтить также нѣсколько историческихъ переходовъ, приближающихъ или отдаляющихъ ихъ изъ высшей культуры или осѣдлости. По этимъ типамъ можно видѣть, что самая осѣдлость устанавливается не сразу. Точно также какъ среди степной кочевой культуры номадовъ, мы видимъ разнообразныя формы и переходы въ самомъ способѣ кочевьевъ *).

Мы наблюдали и открыли нѣсколько типовъ этого переходнаго хозяйства лѣсниковъ. Обратимъ вниманіе прежде всего на степень ихъ передвиженій и кочевокъ. Уже горы, куда обстоятельствами когда-то вдвинулось кочевое населеніе, заставили ограничить и съузить перекочевки. Долины далеко не представляли того простора, какъ равнины и степи Средней Азіи. Алтайцы и горные калмыки, располагаясь въ долинахъ, перекочевываютъ или на склоны горъ, на альпійскія плато, а затѣмъ спускаются въ долины (на рѣкахъ Урсулѣ, Канѣ, Башкаусѣ, Чулышманѣ, Аргутѣ), или переваливаютъ изъ одной долины въ другую верстъ за 50, не болѣе, и затѣмъ возвращаются. Природа сокращаетъ розмахъ кочеваго маятника. Если горы ставятъ уже препятствія для перекочевокъ, то еще болѣе превращеній совершается въ условіяхъ лѣснаго кочевья. Лѣса ставятъ уже рѣшительную преграду къ большимъ передвиженіямъ со стадами. Блужданіе по лѣсамъ и безпрестанныя перемѣны мѣста были подъ силу только одинокому дикарю-охотнику безъ стадъ. У лѣсныхъ же кочевниковъ мы находимъ лошадей, коровъ и овецъ, хотя и меньше, чѣмъ у номадовъ. Лѣсной кочевникъ живетъ обыкновенно въ долинахъ рѣкъ, гдѣ есть луговыя мѣста и пастбища, лежащія полосками около лѣсовъ. Но, такъ какъ скотъ, всетаки, требуетъ перемѣны мѣста, то онъ переходитъ съ зимника на лѣтовку и обратно, причемъ разстояніе и розмахъ его движенія еще менѣе, чѣмъ у горнаго кочевника, лѣтовка отъ зимовки у него лежитъ иногда не болѣе 10 или 15 верстъ, а иногда менѣе. Жилища или стойбища его болѣе разрозненны и напоминаютъ раскиданность звѣролова. Лѣсники или черневые татары (іишъ кижи), которыхъ

*) Кочевой бытъ номадовъ не былъ одинаковъ во всѣ времена. Мы выпустили здѣсь описаніе, чтобы не обременять читателя подробностями о переходахъ кочеваго быта. Когда-то кочевники передвигались на огромныхъ пространствахъ, но кочевья постепенно съуживались и замыкались; появленіе лѣтовокъ и зимовокъ у киргизовъ уже новая форма быта. Киргизы нынѣ кочуютъ только 5 мѣсяцевъ, остальное время они осѣдлы на зимовкахъ.

мы наблюдали, никогда не живутъ нѣсколькими семьями, аулами; ихъ *аилъ*—это одинъ, много два, три шалаша съ семьями вмѣстѣ; большею же частію по одному. Этому способствуетъ бѣдность пастбищъ въ лѣсахъ и стремленіе каждому имѣть шире право на охотничьи угодья. Скотоводческая ассоціація здѣсь какъ бы распадается, хозяйство является болѣе индивидуальнымъ. Лѣсной просторъ не можетъ быть сравниваемъ съ просторомъ степнымъ. Тамъ цѣлые роды, цѣлыя группы населенія двигаются вкупѣ по широкимъ степямъ съ цѣлыми роями стадъ; передвиженіе даетъ кормъ на открытыхъ мѣстахъ на цѣлыя сотни и тысячи верстъ. Лѣсной просторъ ничего не даетъ для пастбищъ, онъ препятствуетъ имъ; угодья въ лѣсахъ начинаютъ цѣниться какъ для скотоводства, такъ и для начинающагося первобытнаго земледѣлія. Лѣса же создаютъ страсть къ охотѣ и къ уединенію. Борьба за существованіе въ лѣсахъ поэтому, не смотря на просторъ, проявляется рѣзче и хозяйство интенсивнѣе. Эта раскиданность лѣснаго кочевника, однако, создавала иллюзію и заставляла ставить его въ разрядъ звѣролова, хотя онъ давно пережилъ эту стадію и перешелъ къ скотоводству и земледѣлію. Умѣнье обходиться съ животными и воспитывать ихъ было перенесено лѣсниками изъ степей. Они, такъ сказать, приносятъ въ лѣса пережитую скотоводческую культуру и примѣняютъ къ другимъ условіямъ *). Собственно уходъ за скотомъ въ переходахъ разныхъ стадій хозяйства совершенствуется и видоизмѣняется. Охота хотя и составляетъ зимнее занятіе лѣсника, но она идетъ рядомъ съ другими промыслами и пріобрѣтаетъ свою манеру, отличную отъ настоящаго звѣровщика. Кочевой лѣсникъ есть уже охотникъ осѣдлый. Онъ дѣлаетъ изъ своего постояннаго жилища-зимовки только экскурсіи на промыслы; уходя въ лѣса иногда на мѣсяцъ, на два, онъ возвращается въ постоянное свое жилье, а не бродитъ по лѣсамъ круглый годъ. Этимъ онъ отличается рѣзко отъ блуждающаго дикаря и бродячаго инородца самой первобытной стадіи. Осѣдлые рыболовы и осѣдлые охотники, какъ ихъ называютъ въ Сибири, чаще живутъ даже деревнями. У нихъ уже видна извѣстная форма осѣдлости, выра-

*) Исторія прирученія животныхъ относится, конечно, къ отдаленнѣйшимъ временамъ, хотя замѣчательный примѣръ прирученія дикаго оленя, марала, мы видимъ и нынѣ въ Алтаѣ у русскихъ. Они приручаютъ это животное, взятое въ горахъ, съ цѣлью снимать рога съ него, весьма цѣнящіеся въ Китаѣ.

жающаяся въ постоянствѣ жизни на мѣстѣ и въ самомъ жилищѣ-зимовкѣ.

Наклонность къ осѣдлости пріобрѣтается постепенно и естественно заставляетъ дорожить мѣстомъ и жилищемъ. Даже въ глухихъ лѣсахъ и въ самой грубой формѣ жизни лѣсника мы видимъ настоящую зимовку, которую онъ не ломаетъ, но постоянно совершенствуетъ. Въ особой главѣ нашего сочиненія мы представили всевозможныя переходныя формы жилищъ и зимовокъ, встрѣчающихся у инородцевъ Сибири, какъ образецъ первобытной культуры. Эти жилища состоятъ изъ шалашей, покрытыхъ вѣтвями, корою, наконецъ, берестой (финскіе *кота*), они еще существуютъ у горныхъ и лѣсныхъ жителей Алтая (аланчекъ, оодагъ). Войлочная юрта есть признакъ высшей кочевой культуры; нынѣшнюю юрту мы видимъ уже усовершенствованной. Кромѣ войлочной юрты, въ лѣсной полосѣ есть юрта шестиугольная, бревенчатая, съ конусомъ на верху (она встрѣчается у бурятъ, енисейскихъ татаръ и въ Алтаѣ). Наконецъ, встрѣчаются формы жилищъ въ видѣ палатки (яйлу) изъ досокъ, покрытой берестой. Берестяная юрта также играетъ видную роль въ лѣсной полосѣ. Досчатая яйлу есть лѣтовка, и она составляетъ переходъ къ четырехугольнымъ жилищамъ-избамъ. Даже въ кочевомъ быту мы видимъ различнаго вида *зимовки*. Это также жилища, какъ и яйлу, обложенныя землей, наконецъ, просто землянки. Остяцкія землянки и „*карамо̀*“ представляютъ такой же типъ; карамо притомъ часто дѣлается и въ пещерѣ, и въ горѣ *). Кумандинская зимовка есть типъ усовершенствованной лѣтовки и первообразъ избы. Наконецъ, у остяковъ и алтайскихъ тюрковъ въ лѣсахъ появляется четырехугольная изба съ чуваломъ—каминомъ, съ окномъ и дверью. Эти жилища встрѣчаются въ мѣстахъ, куда не проникала русская культура, они существуютъ въ кузнецкихъ лѣсахъ, у шорцевъ, у минусинскихъ татаръ, у остяковъ, вогуловъ, изба (юй) переходитъ къ башкирамъ, она существовала и у древнихъ сибирскихъ татаръ. Въ превосходной этнографической книгѣ В. В. Радлова „Aus Sibirien“ есть образецъ телеутской избы изъ плетня. Всѣ эти жилища напоминаютъ постепенный переходъ къ осѣдлости и подробно нами описаны вмѣстѣ съ первобытными печами—чувалами, или каминами. (О древнихъ тюркскихъ жилищахъ по филологическимъ изслѣдованіямъ см. Die primitive Cultur des turko-tata-

*) См. описаніе Васъюганской тундры, Н. Григоровскаго, «Записки западно-сибирскаго» отдѣла Импер. геогр. Общества, кн. VI, изд. 1884 г., с. 47.

rischen Volkes Herman Vámbéry. Haus und Hof, 73). Вамбери названіе жилища, дома воспроизводитъ отъ слова ôj или ev., что значитъ долина, углубленіе, яма, отъ того же корня Вамбери производитъ atak, jurti. Оставляя на долю лингвистовъ объяснять происхожденіе названій, мы остановились на культурной градаціи жилищъ, изъ которыхъ шалашъ (оду, одагъ, сююльты) составляетъ простую форму, далѣе идетъ юрта войлочная, юрта деревянная (кереге), лѣтовка изъ досокъ, родъ палатки, лѣтовка покрытая землей—наконецъ зимовка, землянка и первообразъ избы, лѣтовки и зимовки, существующія одновременно у киргизъ бурятъ, у всѣхъ лѣсниковъ, енисейцевъ и алтайцевъ, у вогуловъ, башкиръ и якутовъ. Какъ видно по описанію Ибнъ-фодланда, булгары, бургасы и хазары имѣли такіе-же зимовки и лѣтовки „зимой жили въ деревянныхъ избахъ, по городамъ и селеніямъ, и лѣтомъ удалялись въ юрты“ (Григорьевъ). Такова переходная форма къ осѣдлости всѣхъ народовъ. Зимовки и четырехъ-угольныя избы инородцевъ описаны у Палласа, Гельмерсена, Радлова, Адріанова, Григоровскаго и др. путешественниковъ среди алтайскихъ и енисейскихъ татарскихъ племенъ, а также у финновъ, вогуловъ и башкировъ. На употребленіе деревянныхъ жилищъ, крытыхъ берестой, какъ и землянокъ, ямъ, у сѣверныхъ народовъ указываютъ и китайскіе историки, описывающіе различныя племена.

Рядомъ съ жилищемъ и сокращеніемъ передвиженія мы видимъ также проявленіе высшей хозяйственной культуры, которая начинается еще на грани перехода отъ кочеваго быта. Въ области скотоводческаго хозяйства мы видимъ покосъ и заготовленіе сѣна на зиму. Правда, и это тоже въ особой формѣ. Каждый, заготовивъ сѣно, ставитъ его въ небольшіе стога тамъ, гдѣ оно скошено, и никогда не свозитъ къ зимовкѣ, а скотъ постепенно подпускается къ стогамъ для корма.

У алтайцевъ въ горахъ и долинахъ мы видѣли иной способъ заготовки сѣна. А именно, они, собирая его, обвиваютъ веревками и развѣшиваютъ на деревья; такой способъ удобнѣе и примѣнимѣе къ перевозкѣ его, особенно верхомъ. Это напоминаетъ веревки и прессовку сѣна кавалеристами. Хозяйство горныхъ кочевниковъ составляетъ первый шагъ къ осѣдлому хозяйству и стоитъ ближе по пути къ нему, чѣмъ къ кочевому.

Земледѣліе, которое далѣе будетъ описано, у лѣсниковъ также способствуетъ привязанности къ мѣсту, какъ и покосъ. Расчистка въ лѣсу, сдѣланная на нынѣшній годъ, заставляетъ дорожить ею и требуетъ часто примѣненія труда здѣсь же на слѣдующій годъ. Снявъ

посѣвъ, инородецъ долженъ, положимъ, по способу переложной, подсѣчной системы, избрать новину, но не можетъ же онъ располагать такъ временемъ, чтобы переселиться за десятки верстъ, а долженъ отыскать такое мѣсто по близости. Такъ какъ мы у этого лѣснаго кочевника видимъ, однако, и другія занятія рядомъ съ задатками земледѣлія: охоту, рыболовство, копаніе корней и т. п., то не можемъ сказать, что земледѣліе является у него преобладающимъ промысломъ, точно также, какъ приписать, что земледѣліе въ его первобытной формѣ обусловливаетъ осѣдлость. Мы видимъ земледѣліе и у кочевника алтайца, и у киргиза, и у монгола. Первые способы земледѣльческаго хозяйства также кочевые по новинамъ. Это можно видѣть на хозяйствѣ сибирскихъ крестьянъ (захватный способъ). Промыселъ здѣсь является даже, такъ сказать, болѣе кочевымъ, чѣмъ человѣкъ; онъ сохраняетъ кочевой характеръ, послѣ того какъ человѣкъ поселился окончательно на мѣстѣ и сдѣлался осѣдлымъ; онъ уже живетъ въ деревнѣ, а хозяйство его кочуетъ. Сибирскіе крестьяне строятъ балаганы на пашняхъ и переселяются сюда на лѣто. Зимовка въ общемъ образѣ жизни перетянула къ себѣ человѣка, но лѣтовка временами притягиваетъ его къ себѣ въ силу естественной необходимости.

Что можно замѣтить—это то, что лѣса замедляютъ и ставятъ много непреодолимыхъ препятствій въ свободѣ передвиженій хозяйства сравнительно съ степными условіями. Лѣсникъ не имѣетъ простора, онъ не выжигаетъ лѣса, какъ нашъ крестьянинъ; во-первыхъ, потому, что пожаръ для первобытнаго человѣка въ лѣсу страшенъ и можетъ повести къ бѣдствіямъ и для него, и для другихъ; во-вторыхъ, онъ привыкъ дорожить лѣсомъ, какъ звѣроловъ. Лѣсъ сдерживаетъ передвиженія человѣка, кромѣ того, и въ области другихъ промысловъ, кромѣ земледѣлія. Лѣсной охотникъ, пѣшеходъ на лыжахъ, хотя и дѣлаетъ огромныя разстоянія, но не такія, какъ степнякъ верхомъ и горный охотникъ, который переѣзжаетъ долины на сотни верстъ (это видно на алтайскихъ промышленникахъ). Охотничьи угодья въ лѣсахъ между родами и волостями почти размежеваны; примѣры этого мы видѣли часто въ горномъ Алтаѣ и даже въ такихъ пустыняхъ, какъ на Чулышманѣ и на Телецкомъ озерѣ, гдѣ инородцы жаловались намъ на то, что къ нимъ заходитъ другая волость. Рыбные промыслы, хотя и побуждаютъ отлучаться отъ постоянныхъ мѣстъ и жилищъ, въ то же самое время заставляютъ держаться вблизи богатыхъ рыбалокъ и рѣкъ, иначе ими завладѣютъ другіе. Постоянство жилищъ

и зимовокъ такимъ образомъ одинаково наблюдается у звѣролововъ-охотниковъ и рыболововъ, живущихъ въ лѣсахъ; отсюда названіе—«*осѣдлые охотники*» и «*осѣдлые рыболовы*», хотя бы они земледѣліемъ и не занимались.

Мы имѣемъ полное основаніе думать, что лѣса имѣли огромное значеніе на остановку передвиженія и кочеваніе первобытныхъ народовъ, на ихъ культуру и образъ жизни. Можно сказать, что *осѣдлость зародилась въ лѣсахъ и благодаря лѣсамъ*. Въ самомъ дѣлѣ, лѣса имѣли огромное значеніе въ жизни человѣка, какъ доставляя матеріалъ для жилищъ, такъ и вліяя на остановку передвиженій и открывая первые удобренные перегноемъ клочки почвы для земледѣльческаго хозяйства.

Разсматривая жилища, обстановку, утварь и одежду лѣсниковъ, мы замѣчаемъ, что лѣсная культура положила рѣзкую разницу сравнительно съ другими инородцами предварительныхъ стадій. Въ главѣ объ обстановкѣ и утвари мы указываемъ особенность хозяйства, господство деревянной посуды и совершенство ея выдѣлки. Здѣсь между прочимъ играетъ значительную роль и посуда берестяная (представителемъ ея являются туясы, бураки огромныхъ размѣровъ). Еще важнѣе здѣсь совершенствованіе ремеслъ. У лѣсниковъ появляется впервые, взамѣнъ шерстяной одежды, холстъ, кендырь — дикая конопля и въ иныхъ мѣстахъ крапивный холстъ. У нихъ же мы видимъ и первый ткацкій станокъ-красна. Станокъ этотъ Палласъ встрѣчаетъ у вотяковъ, онъ же находится и у лѣсныхъ татаръ Енисейской губерніи. Холстяная одежда изъ кендыря у кумандинцевъ совершенно напоминаетъ одежду русскихъ крестьянъ. Кромѣ того, самый войлокъ и шерсть особо утилизируются у лѣсниковъ. Они дѣлаютъ войлочныя пальто и въ нихъ ужасно напоминаютъ чухонъ. Они дѣлаютъ также шерстяныя одежды и ткутъ сукно. У нихъ появляются шерстяные чулки и крашеніе ткани. Признаки бѣлья собственнаго произведенія отличаютъ ихъ рѣзко отъ кочевниковъ, одежда у которыхъ нерѣдко шелковая, щегольская, но вся покупная. Лѣсникъ уже самъ кустарь. Но что еще болѣе выдвинуло культуру лѣсника -это выдѣлка металла и кузнечное мастерство, существовавшее въ зародышѣ и у кочевниковъ. Лѣсники имѣютъ весьма давно также кузнецовъ. Русскіе застали населеніе татаръ въ Кузнецкомъ округѣ и шорцевъ, умѣвшихъ выдѣлывать оружіе, котлы и проч., которыми они платили дань китайцамъ. Археологическія находки показываютъ намъ высоту искусства въ древнее время, и

выдѣлкѣ металла у насъ посвящена особая глава. Такимъ образомъ у лѣсниковъ мы открываемъ всѣ зачатки высшей осѣдлой культуры. Самый типъ лѣсныхъ жителей и полукочевниковъ, какъ мы замѣчали, измѣняется; черты лица, мускулы, цвѣтъ кожи здѣсь иные. „Кто будетъ имѣть случай жить продолжительное время между различными народами и основательно познакомиться съ ихъ духовными и физическими особенностями,—пишетъ Вамбери въ своей исторіи первобытной культуры,—кто обратитъ свое вниманіе на тѣ явленія, какія имѣютъ мѣсто при перемѣнѣ человѣкомъ отечества, климата, образа жизни,—тотъ скоро придетъ къ убѣжденію, до какой степени человѣческое тѣло подвергается, да и должно подвергаться внутреннимъ перемѣнамъ, тѣмъ же самымъ, какимъ подвергаются растенія и животныя, при ихъ переселеніи съ родной почвы въ чуждый климатъ, подъ чуждое небо“. Нигдѣ это нагляднѣе не подтверждается, какъ на лѣсникахъ и начинающихъ жить въ осѣдлыхъ жилищахъ. Наблюденія надъ измѣненіемъ племенъ въ лѣсахъ и при осѣдлой жизни поэтому представляютъ любопытнѣйшій матеріалъ для будущей антропологіи. Нравы и характеръ лѣсниковъ уже непохожи на кочевниковъ. Если кочевникъ болѣе развязенъ, рѣзвъ, игривъ, остроуменъ, веселъ, если у него преобладаетъ фантазія, то лѣсника мы встрѣчаемъ угрюмымъ, серьезнымъ, что придаетъ ему при первомъ взглядѣ видъ туповатости, дикарской пугливости, отчужденности; черты эти обманываютъ наблюдателя и заставляютъ дѣлать опять обратное заключеніе. На самомъ дѣлѣ эта серьезность, озабоченность, есть плодъ уже переживаемыхъ заботъ и начало той разсудочности и признака мысли, которая у безпечнаго кочевника отсутствовала. Нашъ крестьянинъ также угрюмъ сравнительно съ живымъ и веселымъ пастухомъ инородцемъ. Онъ какъ бы подавленъ, обстановка его бѣдна, костюмъ жалокъ, онъ очень бѣденъ и въ зажиточности уступаетъ кочевнику, но онъ уже живетъ на иной ладъ. Въ немъ есть внутренняя культурная сила. Словомъ, въ этой переходной стадіи при перемѣнѣ занятій и образа жизни мы сталкиваемся съ оригинальнымъ явленіемъ изъ культурной жизни человѣчества. Мы видимъ человѣка какъ бы безсильнымъ, подавленнымъ новой природой и физической обстановкой. Онъ какъ бы потерялъ преимущества предъидущей кочевой культуры, давшей ему извѣстное довольство. Ничего мы не видимъ того, что придаетъ богатство, силу и гордость кочевнику-скотоводу. Киргизъ обыкновенно насмѣхается надъ при-

нявшимъ осѣдлость, онъ сочиняетъ на него даже сатиры. Нѣтъ ничего въ этой новой метаморфозѣ привлекательнаго, эффектнаго, напротивъ—прежнее рыцарство и воля исчезли. Это уже не „батырь“ (богатырь), воспѣваемый въ пѣсняхъ кочевника. Осѣдлаго человѣка на первомъ шагу жизни встрѣчаетъ только нищета. Мы застаемъ его какъ ребенка безсильнаго и слабаго въ тотъ моментъ, когда онъ бросилъ одну обстановку и не воспиталъ еще силъ, не научился крѣпко держаться на ногахъ въ другой.

Но это только видимая слабость и, такъ сказать, моментъ неокрѣпшей культуры и культурной борьбы. Достаточно немного присмотрѣться, чтобы увидѣть, что здѣсь произошелъ переворотъ въ способѣ жизни, въ наблюденіяхъ, въ примѣненіи жизненныхъ условій, въ самой логикѣ, и переворотъ столь важный, что онъ даетъ новый толчокъ всей исторіи человѣчества.

Такимъ образомъ, лѣсники оказываются по культурѣ и высотѣ ея гораздо ближе къ намъ, чѣмъ мы думаемъ. Въ заблужденіе здѣсь вводитъ только та первобытная форма хозяйства и разныхъ занятій, которой мы доселѣ не знали и не изучали.

Близость лѣснаго хозяйства и культуры кочевыхъ лѣсниковъ къ осѣдлому быту доказывается нынѣ и даетъ себя чувствовать явленіями, въ высшей степени реальными и внушительными. Въ то время, какъ никакія усилія и никакіе принудительные способы, употреблявшіеся доселѣ искусственно, не могли кочевниковъ-номадовъ и скотоводовъ побудить къ первому шагу осѣдлости и направить къ ней; въ то время, когда привычки, занятія, самый организмъ скотовода-кочевника оказываютъ рѣшительное сопротивленіе осѣдлому образу жизни; когда кочевникъ, взятый въ осѣдлую обстановку, хирѣетъ, заражается чахоткой, оказывается лѣнивъ, малосиленъ и неспособенъ для осѣдлаго труда и, напротивъ, здоровѣетъ и размножается у себя среди кочеваго образа жизни въ степяхъ; когда киргизъ и бурятъ, принимая русскія привычки и обстановку жизни, только развращается и превращается въ жалкаго батрака,—переходъ лѣсника къ культурѣ представляетъ иныя поразительныя явленія. Мы видимъ необыкновенную воспріимчивость ихъ къ осѣдлой жизни и культурѣ безъ всякихъ насильственныхъ способовъ, безъ всякихъ принужденій, но совершенно естественно. Одно сосѣдство русскихъ деревень и самыя простыя сношенія съ крестьянствомъ, обмѣнъ и торговля здѣсь дѣлаютъ мгновенное почти превращеніе. Лѣсные кочевники быстро русѣютъ, строятъ избы, дѣлаются окончательно осѣдлыми, принимаютъ рус-

скія орудія, пріемы хозяйства, русскій костюмъ, обстановку, обычаи, и затѣмъ сливаются съ крестьянами и по образу жизни и этнологически, при посредствѣ метисаціи. Мы это видѣли на кумандинцахъ, племени алтайскихъ лѣсниковъ, гдѣ съ трудомъ уже находятся слѣды прежняго образа жизни и жилищъ. Далѣе это видно на кузнецкихъ черневыхъ татарахъ, принявшихъ русскую осѣдлость и живущихъ деревнями, на жителяхъ Кумышской управы, Барнаульскаго округа, въ нѣсколько лѣтъ переродившихся совершенно въ русскихъ; на осѣдлыхъ волостяхъ телеутовъ около Томска; на барабинскихъ татарахъ, еще въ прошломъ столѣтіи ведшихъ кочевую, полуосѣдлую звѣроловную жизнь; на тарскихъ татарахъ, также живущихъ въ лѣсахъ и занимающихся скотоводствомъ; на чулымскихъ инородцахъ, живущихъ въ Маріинскомъ округѣ; на енисейскихъ инородцахъ, близкихъ къ быту черневыхъ татаръ, исключая сагайскихъ и другихъ кочевниковъ, живущихъ въ степяхъ; на вогулахъ, почти перешедшихъ къ осѣдлости и занимающихся хлѣбопашествомъ; на тобольскихъ и томскихъ остякахъ-рыболовахъ, живущихъ въ лѣсной полосѣ по Оби, на притокахъ Оби въ Нарымскомъ округѣ,—всѣ они усвоили пзбы и чувалы сначала отъ осѣдлыхъ татаръ, а потомъ заимствовали и русскія избы. Даже въ глухихъ мѣстахъ по Мрасѣ, Кондомѣ, Лебедю, а въ послѣднее время, какъ сообщаетъ молодой путешественникъ, г. Адріановъ, инородцы въ черни, жившіе при томъ образѣ жизни, какой мы указали, необыкновенно быстро принимаютъ заимствованія отъ русскихъ. Черневые татары носятъ русскую прическу, появились рамы въ избахъ, вошелъ въ употребленіе топоръ и т. д. Среди многихъ енисейскихъ и томскихъ инородцевъ уже трудно отыскать ихъ происхожденіе. „Немного лѣтъ еще“,—пишетъ путешественникъ съ грустью этнографа,—„и мы потеряемъ уже возможность найдти оригинальныя черты когда-то обитавшихъ народовъ!“

Обрусеніе и окончательная осѣдлость среди лѣсныхъ кочевниковъ дѣлаютъ такимъ образомъ успѣхи быстрѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ кочевниковъ. Ясно, что здѣсь жизнь, исторія, культура подготовили почву для самаго естественнаго перехода.

Но еще поучительнѣе этихъ современныхъ измѣненій и способности лѣсниковъ перенимать культуру является историко-культурный выводъ о переходахъ къ осѣдлости. Его мы можемъ прослѣдить у всѣхъ племенъ и народовъ, обитавшихъ въ лѣсахъ. Лѣсные финны, алтайскіе тюрки, вогулы, башкиры, черемисы и другіе народы представляютъ однообразную осѣдлую культуру въ

зачаточномъ видѣ. Такова же была лѣсная жизнь древнихъ германцевъ по Тациту и славянъ. Вотъ тотъ путь, та тропа, которой выбрался человѣкъ изъ первобытной стадіи на дорогу европейской осѣдлости и цивилизаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ развивалась осѣдлость на сѣверѣ Азіи. До сихъ поръ въ различныхъ частяхъ южной Сибири мы видимъ остатки какой-то осѣдлости и культурныхъ центровъ. Такіе признаки мы видимъ на Орхонѣ, въ Забайкальѣ, въ Минусинскомъ округѣ, въ Алтаѣ и Семирѣчьѣ. Лѣсная полоса Сибири въ древнія времена служила, какъ видно, также мѣстомъ осѣдлости. Въ китайской исторіи мы находимъ немало указаній на пребываніе осѣдлыхъ земледѣльческихъ народовъ къ сѣверу отъ Китая и монгольскихъ степей. Самый союзъ *Ойратовъ* вѣроятно былъ союзъ лѣсниковъ отъ натиска и завоеваній кочевыхъ монголовъ. Царство хакасовъ, несомнѣнно культурное, оставило множество памятниковъ, какъ и царство усуней и киданей. Остатки этой древней осѣдлости и цивилизаціи предстоитъ еще воскресить въ Сибири.

На слѣды осѣдлости указываютъ въ Сибири многіе остатки валовъ, городищъ, монастырей и крѣпостей, о которыхъ у насъ говорится въ особой главѣ о „древнихъ памятникахъ". Болгары и Казанское царство были не единственными осѣдлыми государствами въ древнее время. Русскіе застаютъ татарскую осѣдлость и татарскіе городки въ Сибири. Городокъ Сибирь упоминается Шильбергеромъ въ началѣ XV столѣтія (путешествіе его 1394 и 1427 гг.). Марко-Поло (1254—1295 гг.) говоритъ о странѣ Іorsa и Боргу, населенной татарами; въ равнинѣ Боргу находился, по его показанію, городъ Кара-Коранъ (Кара-Корумъ на Орхонѣ?). Въ космографіи Мюнстера въ 1514 г. явилась карта Сибири, гдѣ означены два города: одинъ „Sybir", а другой безъ имени, по догадкѣ Миддендорфа Пелымскъ, хотя это вѣрнѣе Ченги-Тура или Тюмень. На картѣ Герберштейна нѣтъ города Сибирь, но зато на ней есть Tumen (Тюмень-Ченги-Тура) и Terom, по Лерберту Верхотурье. Но здѣсь едва ли нужны догадки, такъ какъ въ вершинѣ Туры русскіе застали татарскій городокъ *Нероммъ-Карра* или *Теромъ*, который вошелъ въ карту Герберштейна. На той же картѣ къ сѣверу лежитъ еще городокъ вправо отъ Сосвы Obeacus. Въ Rerum Moscovitorum Commentarii упоминается о Ляпинѣ городкѣ и объ обской крѣпости. Русскіе застаютъ нѣсколько татарскихъ городковъ и крѣпостцей, а именно на Турѣ Нероммъ-Карра, Епанчинъ городокъ, Чинги-Тура (Тюмень), Явлу-Тура (Ялуторовскъ),

Тарханъ-Калга. Около Тобольска городъ Искеръ (Сибирь), Бицикъ, Атика, городокъ Карачи, далѣе по Иртышу вверхъ Куллара и Ялымъ или Аялы, на Ишимѣ также давно былъ городокъ, даже у остяковъ были городки или родъ крѣпостей, по крайней мѣрѣ упоминаются Нимьянскій городокъ, Самаровъ городокъ, Уки, Аримзанъ и др. Сохранились также слѣды городищъ и крѣпостцей по Барабѣ, на Оби у Кучума было хлѣбопашество, стало быть, и жилища. На татарскихъ городищахъ мы сами видѣли остатки жилищъ и кирпичей или остатки чуваловъ. Затѣмъ русскіе по пришествіи въ Сибирь встрѣчаютъ признаки осѣдлости у кузнецкихъ татаръ и телеутовъ. Многіе изъ нихъ имѣли постоянныя жилища (Полож. инородц. Сѣверо-Восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, соч. Фирсова, стр. 45). Въ Енисейской губ. также встрѣчаются городки и развалины. Землемѣръ Лосевъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что русскіе завладѣли какимъ-то городомъ качинскихъ татаръ. Въ описаніи енисейскихъ древностей Поповымъ приводится нѣсколько городищъ и валовъ, и въ томъ числѣ около Красноярска на р. Базаихѣ. Гмелинъ и Фишеръ застаютъ городки съ валами и рвами. Такіе же остатки укрѣпленій и городковъ видны въ Минусинскомъ округѣ. Поповъ упоминаетъ о городкѣ Садынскомъ на берегу Енисея; повыше р. Сыды находилась старинная татарская нагорная крѣпость *). Въ Иркутской губерніи нынѣ изслѣдовано до 16 городковъ съ валами (Агапитовъ). На Амурѣ упоминается о городкахъ или жилищахъ, обнесенныхъ валами. Древній народъ муки или мо-хо на Амурѣ по указаніямъ китайцевъ, окружалъ свои жилища земляными валами и, скрываясь въ подземныхъ защитахъ, выходилъ наружу посредствомъ лѣстницъ (Klaprote. Tableaux Historiques de l'Asie, p. 85). Въ Алтаѣ сохраняются еще загороды и укрѣпленія *шибе* (эти шибе, крѣпостцы, идутъ по всей Монголіи). На берегу Телецкаго озера на древней картѣ Ремезова означена крѣпость и т. д. Несомнѣнно, что въ этихъ городкахъ были и постоянныя жилища. Въ Дауріи Ерофей Хабаровъ встрѣчаетъ настоящую осѣдлость, аборигены имѣли, по его описанію, города, башни и укрѣпленія съ глубокими рвами, свѣтлицы устроены съ большими холодными окнами, а окончины—бумажныя. Петлинъ, проѣзжая Монголію въ 1620 г., говоритъ: а земля мунгальская велика, долга и широка, и города

*) Въ Исторіи завоеваній Чингизъ-хана указывается, что онъ бралъ татарскія укрѣпленія. (Комментаріи Палладія къ Исторіи Чингиза).

въ мунгальской землѣ дѣланы на четыре угла, по угламъ башни великія съ раскаты. То же самое говоритъ Байковъ при путешествіи въ Джунгарію и описывая Контайшинъ городокъ, гдѣ онъ видитъ каменныя палаты. Онъ показываетъ, что отъ рѣки Бески, гдѣ находится Аблайкитъ (буддійскій монастырь) до аблаевыхъ пашенныхъ бухарцевъ, гдѣ Байковъ зимовалъ, ходу 10 дней, а подъ тараномъ онъ стоялъ два дня. Подъ именемъ тарановъ разумѣлись поселенія хлѣбопашцевъ около стойбищъ князей. Такимъ образомъ, крѣпости и городки усѣвали Монголію, степи, такъ и сѣверную полосу Сибири даже по пришествіи русскихъ. Но еще любопытнѣе свѣдѣнія о древнѣйшей осѣдлости въ Монголіи и у народовъ, обитавшихъ въ Сибири, по китайскимъ лѣтописямъ и указаніямъ. Городки и поселенія, какъ видно, существовали и въ степныхъ мѣстахъ, они основывались завоевателями, служили часто укрѣпленіемъ. Извѣстны столица Чингизъ-хана Коракорумъ и другія осѣдлыя мѣста, куда стягивались плѣнные, ремесленники и пр. Древніе китайскіе географы указываютъ, хотя и смутно, на многіе города и поселенія у народовъ Азіи до Р. Х. на сѣверъ отъ Монголіи и Китая. Даже кочевники, какъ икюйскіе жуны, имѣли городки. Въ исторіи Хань сказано, что икюйцы строили для огражденія себя города. Хай-ванъ взялъ у икюйцевъ 25 такихъ городковъ. У усуней былъ городъ Чи-гу на озерѣ Исыкъ-Куль. Кидани были положительно осѣдлымъ народомъ. До своего передвиженія на западъ они имѣли въ своихъ владѣніяхъ, которыя достигали Орхона и Сибири 5 столицъ, 6 провинцій и 156 крѣпостей (чюнъ-ченъ) (Ист. и древн. восточной части Средн. Азіи, Васильева). Въ предѣлахъ Сибири указывались китайцами города Кянь-Чжоу и Иланъ-Чжоу (показанія эти относятся къ 1280—1368 по Р. Х.). Городъ Кянь-Чжоу получилъ свое названіе отъ р. Кянь, былъ въ юго-восточной части земли хакасовъ, отъ Пекина въ 9,000 ли; на юго-западъ отъ Кянь къ сѣверу отъ горы Тянь-лу. Мѣстоположеніе города Иланъ-Чжоу (Змѣиный городъ) неизвѣстно. Поповъ, въ описаніи городищъ Енисейской губ., полагаетъ, что городъ этотъ находился близъ Красноярска, Клапротъ намѣчалъ его въ Алтаѣ, сближая названіе съ даннымъ Змѣиногорску. Однако въ Сибири такъ много городищъ, что трудно доказать, которое изъ нихъ принадлежитъ Иланъ-Чжоу. Есть указанія и на другіе города. Для самихъ китайцевъ и киданей на сѣверѣ открывались иногда новыя страны. Кидане нѣкогда во время своего могущества, по разсказамъ китайца Ху-цяо въ 953 году, посылали 10-ть человѣкъ на сѣверъ съ 20-ю лошадьми и запа-

сомъ. Эти путешественники выѣхали, по сказанію исторіи, изъ земель Хэй-чэ-цзы и миновавъ землю Юй-жи, въ продолженіи года идя на сѣверъ проѣхали чрезъ 43 города (чэнь). Тамъ дѣлались жилища изъ древесной коры, языка этого народа никто не понималъ, и поэтому не могли знать названій рѣкъ и племенъ. Посѣтивъ 33-й городъ, они достали одного человѣка, который зналъ тѣ-дянь-скій (татарскій) языкъ, и тотъ сказалъ, что названіе земли есть Цзе-ли-у-юй (или Гань-сѣ-янь). (Ист. древн. восточной части Средн. Азіи, Васильева с. 40).

Поселеніе и жилища существовали у многихъ сѣверныхъ народовъ, по сказаніямъ китайцевъ. Распространеніе осѣдлости, кромѣ того, могло переноситься и эмиграціями при движеніи народовъ осѣдлыхъ съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ; кидане, хакасы, нечжи, усуни подъ давленіемъ гунновъ передвигаются по югу Сибири отъ Енисея къ Или. На югѣ Сибири мы видимъ пребываніе даже арійскихъ племенъ. Извѣстно, кромѣ того, что въ различныхъ мѣстахъ Средней Азіи, въ Персіи и въ Туркестанѣ, давно существовала цивилизація, точно также извѣстны съ этими странами сношенія Сибири. Сколько извѣстно, изъ сосѣднихъ народовъ Сибири имѣли города усуни, шу-ле или кинъ-ча жившіе въ Кашгарѣ, по описанію Клапрота, имѣли до 12 большихъ городовъ и нѣсколько десятковъ маленькихъ (Tableaux Historiques p. 166). Аланы или янъ-тзай, жившіе близъ Каспійскаго моря, подчиненные Согдіанѣ, жили также въ городахъ (Клапротъ, T. H. de l'Asie, p. 175). Юечжи или, по догадкамъ нѣкоторыхъ геты, завоевавшіе Кабулъ, имѣли столицею Кіанъ-чичжингъ, къ сѣверу отъ Оксуса. Миссагеты, жившіе на западъ отъ Каспія, имѣли земледѣліе и жили въ городахъ (Клапротъ, с. 181). Александръ, вступивъ въ Бактріану, Гирканію и Согдіану, застаетъ многочисленное населеніе и города (Григорьевъ ст., 70—74). Буддійскіе монастыри и буддійская цивилизація въ глубокой древности находились въ Хотанѣ (Абель-Ремгози и Клапротъ). По Страбону Саки могутъ быть причислены къ осѣдлому племени, такого же мнѣнія и Григорьевъ. Что касается Трансоксіаны и странъ отъ Эльбурза до Гиндукуша, то господствующими здѣсь осѣдлыми народами были въ древности бактрійцы, согдійцы и харазмійцы. Подчиненные Бактріанѣ, они были отчасти пастушескимъ народомъ, отчасти кочевымъ. Это дало поводъ Григорьеву нарисовать картину смѣшаннаго быта Средней Азіи.

Въ древнихъ сказаніяхъ, конечно, не опредѣленъ и не описанъ характеръ многихъ указываемыхъ азіатскихъ поселеній и городковъ,

но и въ нихъ, какъ видно, была потребность. Въ Сибири не только у татаръ, но и у остяковъ были городки *). Вся разница, конечно, была въ ихъ характерѣ. Несомнѣнно, что у номадовъ и бродячихъ инородцевъ эти городки были только станами и временными мѣстами укрѣпленій. Для завоевателей, какъ для Чингизъ-Хана они были фортами въ завоеванной странѣ, столицами, гдѣ стягивались плѣнные. Завоевательное основанiе города въ степяхъ отличаетъ его, конечно, нѣсколько отъ города, выростающаго въ условiяхъ постоянной осѣдлости, въ силу промышленнаго развитiя. Эти города и столицы возникаютъ въ Средней Азiи независимо отъ деревень, они скорѣе полны гарнизонами и плѣнниками-хлѣбопашцами. Такiя столицы были полны блеска, богатства, но держались силою; образцомъ ихъ служитъ Кара-Корумъ и Сарай Золотой Орды. Другой характеръ осѣдлости въ лѣсной и горной полосѣ, гдѣ жители оставили кочевье и прiучаются жить въ постоянныхъ деревянныхъ жилищахъ. Эта осѣдлость была бѣднѣе, раскиданнѣе, но она была прочнѣе. У подобныхъ племенъ всегда указывалось извѣстное развитiе ремеслъ и выдѣлка металла. Это и подтвердилось на лѣсникахъ Сибири, какъ шорцы, телеуты, кузнецкiе татары и татары Средней Сибири, обладавшiе культурой, которая далеко отличаетъ ихъ отъ первобытнаго состоянiя.

Первобытное земледѣлiе и распространенiе его на сѣверѣ Азiи.

Въ долинахъ Саянскаго хребта, а также въ долинахъ Алтая, и въ сосѣднихъ степяхъ и лѣсахъ, мы встрѣчаемъ зачатокъ земледѣлiя, хотя и съ первобытнымъ прiемами. Самое распространенное здѣсь культурное растенiе, которое мы находимъ изъ хлѣбовъ — это ячмень, употребляемый въ Алтаѣ и въ лѣсахъ. Этотъ ячмень шестирядный; онъ растетъ на значительныхъ высотахъ до 3—4,000 ф. **) Первое

*) Абрамовъ, въ описанiи Березовскаго округа, приводитъ до 43 названiй остяцкихъ городковъ, заимствованныхъ имъ изъ дѣлъ березовскаго архива земскаго суда 1797 г.

**) По Плутарху, ячмень первый зерновой хлѣбъ, который употреблялся народами. Онъ находился въ гробницахъ фараоновъ. По китайскимъ показанiямъ, онъ извѣстенъ за 2,000 лѣтъ до Р. Х. въ числѣ 5 злаковъ. Зерна ячменя находились въ свайныхъ постройкахъ Европы. Берозъ (Вост. Истор.) полагаетъ, что въ дикомъ состоянiи онъ произросталъ на берегу Евфрата. Кунтъ (Kunth) увѣрялъ, что этотъ злакъ туземенъ въ Татарiи и Сицилiи. Отечество ржи также предполагалось въ Даурiи.

простѣйшее орудіе, которое мы находимъ у кочевниковъ, скотоводовъ и лѣсниковъ—это мотыга, «*обылъ*», какъ его называютъ въ Алтаѣ и въ лѣсахъ. Мотыга алтайца отличается нѣсколько отъ нашей садовой мотыги съ загнутой металлической ручкой для черня съ заостреннымъ концомъ; первобытная мотыга похожа на закругленную лопатку; лопатка эта полукруглая, овальная отъ 10 до 19 сантиметровъ въ діаметрѣ; въ эту лопатку вкладывается палка, черень, или деревянная ручка изъ согнутаго дерева или корня. Вмѣсто того, чтобъ отогнуть только металлическую ручку для вставленія рукоятки, первобытный работникъ предпочелъ согнуть дерево. Ручка или черень обыла доходитъ до 90—100 сант.; имъ вспахиваетъ землю первобытный земледѣлецъ. Обылъ этотъ, какъ орудіе земледѣлія, извѣстенъ отъ Саянскихъ горъ, гдѣ его употребляютъ соены, или уренхайцы затѣмъ въ Восточномъ Алтаѣ, въ Кузнецкомъ Алатау и въ Минусинскомъ округѣ; онъ же господствующее орудіе у всѣхъ лѣсниковъ-кочевниковъ. Обылъ, или мотыга, есть первобытное орудіе, употреблявшееся для земледѣлія у всѣхъ народовъ, начиная отъ Индіи и Египта до древней Греціи. На египетскихъ барельефахъ мы видимъ земледѣльцевъ съ подобіемъ мотыги.

Кромѣ обыла, мы встрѣчаемъ у лѣсныхъ инородцевъ алтайскихъ и енисейскихъ еще болѣе древнее орудіе, это *озупъ*, лопатку, подобно заступу, насаженную на изогнутую ручку и иногда съ поперечникомъ. Лопатка похожая на озупъ попадается даже среди древностей бронзоваго вѣка. Это орудіе для рытья кореньевъ кондыка, сараны и пр., которые и доселѣ употребляются алтайцами въ пищу. Такіе корни предшествовали, вѣроятно, хлѣбнымъ растеніямъ у инородцевъ. Питаніе дикими кореньями сохраняется доселѣ у инородцевъ и примѣненіе этихъ кореньевъ къ питанію представляетъ немалый интересъ *).

*) О кондыкѣ (erythronium), копаемомъ сагайцами, см. Палласъ, ч. III, т. I, стр. 489. Кондыкъ копается здѣсь въ маѣ, и мѣсяцъ этотъ прозванъ Бесъ-ай. Самые крупные и хорошіе корни добываются на Мрасѣ и Кондомѣ. Орудіе и лопатка, которой добываютъ корень, называютъ *осупъ* (озыпъ въ Бійскомъ округѣ). Кондыкъ для пищи варятъ съ молокомъ (Палласъ, ч. III, т. I, с. 490). Тутъ же упоминается сарана lilium mathragon, также употребляемая въ пищу, и Lilium pomponium, потатарски сыры-шепъ и анъ-шепъ. Мѣсяцъ сбора называется анъ-чепъ-ай. Сарану ѣдятъ печеную, какъ каштаны, или варятъ въ водѣ съ молокомъ и масломъ (ibid); она вынимается часто изъ норъ мышей. Кромѣ того, копаютъ коренья травы чейны, или хлебенки, campanula lilifolia, потатарски вондъ-еласъ, carduus ferratuloides, pyligonum vui-

Но у кочевниковъ алтайцевъ при земледѣліи мы встрѣчаемъ уже и другое орудіе, подобіе плуга; это „андозынъ" (андтосынъ), съ сошникомъ и лемехомъ, совершенно схожее съ монгольскимъ плугомъ и *омачемъ* туркестанскихъ земледѣльцевъ, несомнѣнно вынесенное изъ Средней Азіи. Андозынъ или плугъ этотъ можетъ употребляться только въ степныхъ мѣстностяхъ и въ безлѣсныхъ долинахъ, но не въ лѣсу. Поэтому у лѣсныхъ кочевниковъ онъ не употребляется. Андозынъ имѣетъ дышло и впрягаются въ него у алтайцевъ не быки, а лошади, а такъ какъ у наѣздниковъ сбруя и хомутъ еще не созданы, то дышло это, какъ намъ передавали, прикрѣпляется между двухъ сѣделъ. Сѣютъ хлѣбъ алтайцы руками, а въ лѣсахъ сѣялкой, „соргышъ", употребляемой и дома для очищенія зеренъ—это берестяная коробка, съ одной стороны открытая. Вмѣсто бороны употребляется кусокъ или стволъ вѣтвистаго сухаго дерева. Запахивается всегда небольшое пространство, въ одну треть или четверть десятины, загонъ-два. Сѣютъ ячмень. По мѣрѣ созрѣванія, его жнутъ. Мы видѣли на р.р. Чуѣ и Аргутѣ способы жатвы руками: колосья просто рвали и клали въ мѣшки, рвали конецъ колоса безъ соломы. На Аргутѣ у теленгитовъ въ употребленіи ножъ, къ которому вертикально привязывается ручка изъ дерева. Это первообразъ серпа или горбуши. Серпъ находится и среди древнихъ желѣзныхъ и бронзовыхъ орудій. Для молотьбы еще сохранился отъ прежняго времени способъ у нѣкоторыхъ татаръ и соенцевъ молотить скотомъ, т. е. пускать лошадей по сжатымъ колосьямъ, которые они и обмолачиваютъ. Въ кузнецкихъ лѣсахъ при молотьбѣ солома

parum и коренья водяной травы (сасахъ). Далѣе упоминается о корнѣ ускулъ, котораго Палласъ не видалъ. Гречиха собирается у качинскихъ татаръ. Это растеніе fogopirum tataricum. Названіе его карлыхъ, у бурятъ хорлушъ.

Смородину, барбарисъ и другія растенія, употребляемыя въ пищу, шиповникъ, молодыя поросли варятъ и пьютъ какъ чай (ibid). Баданъ отнесенъ Палласомъ къ лекарственнымъ травамъ. Белтиры и кайболы собираютъ по правую сторону Енисея на поляхъ дикорастущую сибирскую крупу «кырлыкъ». Кашинцы жнутъ ее на русскихъ пашняхъ. Собранныя сѣмена всыпаютъ въ ступу, которую наливаютъ водой и полощутъ; легкія зерна всплываютъ и выбрасываются, остальныя отмачиваютъ; затѣмъ ихъ жарятъ на сковородѣ, отшелушиваютъ и толкутъ. Крупа получаетъ желтый прозрачный цвѣтъ и пріятный вкусъ. Изъ нея дѣлаютъ молочную кашу, называемую «ботху» (Палласъ, ч. III, т. I, с. 492). Кырлыкъ, наконецъ, нѣкоторые татары сѣютъ (Палласъ, с. 559). Въ этихъ переходахъ и суррогатахъ пищи можно замѣтить переходъ отъ дикихъ кореньевъ и ягодъ къ хлѣбной пищѣ. Ячмень составилъ продолженіе этой культуры.

отжигается. Для этого очищается мѣсто. Сжатый хлѣбъ кладется перевязанными пучками, затѣмъ его берутъ на палочку (называемую шишъ) и палятъ надъ костромъ *). У тѣхъ же лѣсниковъ мы видѣли и первообразъ цѣпа „такбокъ" — простой кривой стволъ дерева съ болѣе толстымъ удлиненіемъ. Кромѣ того, для очищенія и толченія зерна въ домахъ повсемѣстно употребляется деревянная ступа „сохо", ручная маленькая и большая съ приводомъ и рычагомъ. Она весьма употребительна и имѣетъ широкое распространеніе у сибирскихъ татаръ **). У кочевыхъ алтайцевъ нѣтъ жерноповъ, а есть „*пасмакъ*", камень для растиранія зерна, но у лѣсниковъ мы видимъ небольшіе жерновки и даже съ приводомъ. Жернова составили предметъ особыхъ нашихъ изысканій, они не попадаются у кочевыхъ алтайцевъ и мы видѣли вездѣ взамѣнъ ихъ двѣ плоскихъ плиты. Но жерновки попадаются у монголовъ и у лѣсниковъ татаръ, причемъ они ставятся въ избахъ и для облегченія вращенія придѣлывается палка, укрѣпленная въ потолкѣ и идущая къ ободу жернова. Древніе жернова находятся подъ землею въ различныхъ мѣстахъ въ Минусинскомъ округѣ и въ степяхъ Сибири. Они отличаются тремя, четырьмя углубленіями на поверхности для вращенія. На Усть-Башкаусѣ, въ Алтаѣ, близь Телецкаго озера, мы видѣли остатки древ-

*) О способѣ отжиганія колосьевъ, существовавшемъ 2—3 столѣтія назадъ въ Ирландіи упоминаетъ Тейлоръ, онъ же былъ присущъ и кельтамъ.

**) Деревянныя ступы сохо имѣютъ своихъ предшественниковъ въ каменномъ вѣкѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Алтая и около Байкала находятся около скалъ въ камняхъ долбленыя цилиндрическія углубленія. Они извѣстны подъ именемъ китайскихъ ступокъ, въ которыхъ будто бы китайцы толкли просо. Большое сходство онѣ имѣютъ, пишетъ г. Агапитовъ, съ употребляемыми нынѣ бурятами деревянными ступами для толченія высушенныхъ хлѣбныхъ зеренъ. Одну изъ этихъ ступокъ близь Булусинскаго улуса Кудинскаго вѣдомства г. Агапитовъ описываетъ такимъ образомъ. «Въ выдающемся обнаженіи крупно-зернистаго песчанника было выдолблено коническое углубленіе въ 40 сантиметровъ глубины при 23 сантим. діаметра устья, на верхней половинѣ окружности при трехъ точкахъ косвенно выдолблены углубленія, изъ которыхъ одно сквозное, какъ будто для вставленія какихъ либо стержней». (Изв. вост. сиб. отдѣл. Импер. русск. геогр. общества, т. XII, №№ 4 и 5, изд. 1882, Прибайкальскія древности», с. 14). Мы должны напомнить, что деревянныя ступы встрѣчаются въ Алтаѣ и у татаръ телеутскаго происхожденія, мы видимъ часто ихъ въ средней Сибири. Встрѣчаются эти ступы, врытыя въ землю и съ приводомъ—рычагомъ, въ которомъ укрѣпленъ пестикъ для толченія. Нетрудно, такимъ образомъ, отгадать назначеніе стержня близь каменныхъ булусунскихъ ступъ.

нихъ жерноповъ, однако, значительной величины, изъ гранита, въ 78 сантиметровъ въ діаметрѣ.

Способы земледѣлія разнятся нѣсколько въ степяхъ, широкихъ долинахъ, въ ущельяхъ горъ и лѣсахъ.

Въ степяхъ растительный слой чернозема даетъ готовую пашню, которую приходится разрыхлять плугомъ,—въ лѣсахъ и черни ее приходится отыскивать на удобныхъ прогалинахъ, менѣе заваленныхъ и заросшихъ. Въ горахъ пашни идутъ къ вершинѣ рѣчекъ по берегамъ, при этомъ какъ на всемъ югѣ Алтая, на юго-востокѣ, такъ и въ степяхъ земледѣлецъ знакомъ съ ирригаціей и орошеніемъ. Обыкновенно отводится горный ручей и идетъ по нѣсколькимъ пашнямъ, канавки неглубокія и постоянно перегороженныя въ разныхъ мѣстахъ камнями или шлюзами. Смотря по надобности, вода пускается и направляется на ту или другую пашню. Эти канавки мы встрѣтили по Чулышману отъ Телецкаго озера, по р.р. Урсулу, Чуѣ, Аргуту и Бухтармѣ, гдѣ такого же оросительнаго способа держатся киргизы. Несомнѣнно, что этотъ способъ *сугаковъ* перенесенъ изъ Монголіи или изъ Китая; онъ общій киргизамъ и туркестанцамъ *). Древность его доказывается тѣмъ, что всѣ нынѣшніе каналы, или сугаки, проводятся по готовымъ древнимъ оросительнымъ каналамъ, которые были несравненно шире и совершеннѣе—это мы видимъ въ Алтаѣ. Близь р. Чуи есть плато, которое все составляло громадную пашню, изборожденную глубокими каналами, которымъ давалъ пищу сосѣдній горный ручей, теперь изсякшій. Мѣстность эта совершенно заброшена **). Въ Минусинскомъ округѣ, на мѣстѣ жительства бывшихъ хакасовъ, находятся огромныя канавы съ развѣтвленіями на 40 верстъ. Площадь, или раіонъ, гдѣ земледѣліе извѣстно инородческому міру, такимъ образомъ, весьма обширенъ; онъ охватываетъ всѣ алтайскія народности, идетъ отъ Монголіи, по р. Кемчику, съ вершинъ Енисея и Иртыша, простирается отъ Забайкалья и кончается Семирѣчьемъ; земледѣліе въ первобытной формѣ сохраняется кузнецкими, бійскими татарами и телеутами, существуетъ у бухтармин-

*) Описаніе киргизскаго орошенія, «Описаніе Киргизской степи», Красовскаго; о способѣ киргизскаго орошенія см. «Aus Sibirien», В. В. Радлова, т. I. с. 464, табл. 14. Туркестанское орошеніе—см. Миддендорфа «Очерки Ферганской области», «Искусственное орошеніе и его примѣненіе на Кавказѣ и Средней Азіи», А. Воейкова, Москва. 1884.

**) Подобные же остатки каналовъ и ирригаціи находятся на Бухтармѣ, въ Семирѣченскомъ краѣ и въ бывшей Джунгаріи, въ Забайкальѣ, около Баргузина. Въ Монголіи также находятся слѣды каналовъ.

скихъ киргизовъ и алтайскихъ кочевниковъ. Область эта сливается съ русскою и осѣдлою инородческою культурою средней Сибири. На инородческое земледѣліе мало обращалось вниманія, но оно существовало издавна какъ у степныхъ кочевниковъ *), такъ и у горныхъ и лѣсныхъ жителей. Оно существовало въ Алтаѣ, въ Сагайской степи, у тубинцевъ, качинцевъ, у бельтировъ, что отмѣтили путешественники прошлаго столѣтія. Палласъ описываетъ то, что онъ встрѣтилъ у бельтирцевъ: „Многіе между ними богаты крупнымъ скотомъ и овцами, но большіе имѣютъ у себя нѣсколько пашни, которую засѣваютъ и собираютъ сами; итакъ, сколько имъ потребно муки и крупъ, имѣютъ собственныя. Сниманіе хлѣба бываетъ у нихъ въ сентябрѣ, а потому они называютъ этотъ мѣсяцъ оргокъ-ай. Молотятъ также на полѣ, солому всю сжигаютъ, и потому октябрь они называютъ уртюнъ-ай. Они сѣютъ по большей части яровое (арышь), ячмень (ашь), изъ коего мелютъ крупу; землю вспахиваютъ многіе между ними такъ, какъ и кобынцы (кабинцы), какъ плуга или не знаютъ, или не имѣютъ, то на старинный манеръ сошникомъ, похожимъ на садовничій полольный топоръ, который они называютъ „обылъ". Однако нѣкоторые принимаются уже и за плугъ, который именуютъ „салдою" (Палласъ, т. III, ч. 1, стр. 497).

Обращаясь къ сравненію орудій земледѣлія въ Азіи, мы встрѣчаемъ подобное же первобытное орудіе, подобно „обылу" въ Туркестанѣ и Ферганѣ; оно тамъ носитъ названіе „кетмень" и представляетъ упрощенную форму въ видѣ лопатки, съ сквознымъ отверстіемъ у верхняго края. Употребленіе его описано у Миддендорфа; оно особенно удобно для лёса. Въ той же Ферганѣ мы встрѣчаемъ соху, весьма похожую на алтайскую; она называется омачъ. У нея металлическій лемехъ самой простой формы, похожій на башмакъ **). Описаніе монгольской сохи мы находимъ въ путешествіи Потанина. „Монгольская соха состоитъ изъ чугуннаго сошника „антысынъ" (алтайскій андазынъ), пріобрѣтаемаго у китайцевъ, деревяги, бойтыкъ, которая своею формой напоминаетъ человѣческую

*) «Даже чистые кочевники представляются занимающими далеко не эту низкую степень гражданственности и культурности, которую имъ обыкновенно отводятъ. Едва ли существовалъ когда нибудь кочевой народъ, который, при удобствахъ мѣстностей, ему принадлежащихъ къ воздѣлыванію, оставался бы чуждъ земледѣлію», — говоритъ извѣстный ученый Григорьевъ, приводя свои наблюденія надъ киргизами въ своей монографіи «О Сакахъ» (стр. 64—67).

**) Очерки Ферганской долины Миддендорфа, перев. Ковалевскаго, с. 227.

ногу; сошникъ на нее насаживается, какъ башмакъ на ногу. Въ верхнемъ концѣ деревяги есть отверстіе, въ которое вставляется дышло, котыльвыръ, за которое соху тащатъ два быка". (Очерки Сѣв. Зап. Монголіи Г. Н. Потанина, 1876—1877 гг., т. II, стр. 111). Соха эта представляетъ близкое сходство и даже тождество съ алтайскимъ андазыномъ.

Находимыя древнія земледѣльческія орудія въ Сибири показываютъ, что земледѣльческая инородческая культура на югѣ и въ средней Сибири процвѣтала давно. Близъ р. Луказы, на правой сторонѣ Енисея, Гмелинъ и Палласъ встрѣтили множество древнихъ плавиленъ и печей, древность ихъ выражалась уже тѣмъ, что между камнями печей проросли корни огромныхъ сосенъ, и вотъ у одной изъ такихъ плавиленъ незадолго до Палласа найденъ былъ въ первый разъ „древній желѣзный сошникъ особенной формы" (ein alter eisener Pflugschur von besondrer Gestalt). Эта находка была долго единственнымъ доказательствомъ древняго земледѣлія. Археологическія изысканія въ недавній періодъ были еще такъ слабы, что лучшій сибирскій археологъ Н. И. Поповъ сомнѣвался въ томъ, что сошникъ принадлежалъ древнимъ земледѣльцамъ, хотя Палласъ призналъ его такимъ.

Въ замѣчательномъ археологическомъ альбомѣ В. В. Радлова, состоящемъ изъ алтайскихъ и минусинскихъ древностей, мы находимъ не мало древнихъ земледѣльческихъ орудій, въ томъ числѣ серповъ, какъ не можемъ не замѣтить ихъ въ атласѣ Аспелина (Antiquités du Nord. Finno-Ougrien), гдѣ находятся орудія на подобіе лопатокъ, абыловъ и озуповъ бронзоваго и желѣзнаго періода. Сошники находятся, какъ и жернова, а также серпы, въ Минусинскомъ округѣ по р. Абакану (см. описаніе Минусинскаго музея. Копалки для корней и сошники. №№ 4—17, ст. 121) *). Кромѣ того, мы открываемъ ихъ также во всей средней Сибири. Въ археологической коллекціи г. Лопатина, собранной въ Енисейской губ., находится также нѣсколько сошниковъ желѣзныхъ и чугунныхъ въ формѣ башмака, близко напоминающей ферганскую форму; чугунный сошникъ, какъ видно, позднѣйшаго происхожденія и тождественный съ китайскимъ. Далѣе, при раскопкахъ древняго татарскаго городка Искера, близъ Тобольска, столицы Маметкула,

*) Намъ присланы рисунки найденныхъ сошниковъ въ Минусинскомъ округѣ. Они попались съ отвалами, досками, сдѣланными изъ чугуна, на которыхъ находятся китайскіе литеры.

сдѣланныхъ въ послѣднее время М. С. Знаменскимъ, на рисункѣ въ его альбомѣ, пріобрѣтенномъ Ин. Мих. Сибиряковымъ для Сибирскаго университета, мы находимъ сошникъ татарскаго типа. Онъ представляетъ изъ себя листообразную фигуру, концы его загнуты, средина протерта отъ долгаго употребленія и спаяна. Въ тотъ же альбомъ г. Знаменскаго занесены найденные обломки жерновыхъ камней и серпы, доказывающіе существованіе земледѣлія въ татарскомъ городкѣ *).

Перейдемъ теперь къ историческимъ изысканіямъ. Исторія указываетъ, что уже Казанское царство представляло осѣдлое земледѣльческое государство. Но Казань усвоила земледѣліе отъ древнихъ булгаръ. Татары любили земледѣліе,—говоритъ г. Ѳирсовъ въ своей монографіи о сѣверо-восточныхъ инородцахъ Московскаго государства **),—цѣнили ремесла; иностранные писатели съ большою похвалою отзываются о торговлѣ казанцевъ (Герберштейнъ, Hist. ruth. script. etc). Татары также славились выдѣлкой кожъ. Они не только сами унаслѣдовали осѣдлость, культуру и земледѣліе, но и распространяли ее на сосѣднія финскія племена. Герберштейнъ упоминаетъ о мордвѣ, которая усвоивала себѣ земледѣліе отъ татаръ (Ѳирс., с. 18). Въ Астраханскомъ царствѣ также были зачатки осѣдлости въ XVI ст. (ibid., с. 20). На сѣверѣ, въ Пермскомъ краѣ, или древней Біарміи, кромѣ скандинавскихъ преданій, указываютъ на существованіе древней земледѣльческой осѣдлой культуры много археологическихъ остатковъ (Пермск. сборн., т. I, примѣч. къ статьѣ Крупенина, Замѣтки о пермскихъ древностяхъ Ешевскаго). Татарское движеніе изъ Азіи въ Европу,—говоритъ г. Ѳирсовъ,—коснувшееся предѣловъ и этой страны, безъ сомнѣнія, подвинуло впередъ дѣло разложенія этой *цивилизаціи* (с. 28.) Населеніе отодвинулось отъ береговъ Камы и Двины въ лѣса на сѣверъ и востокъ. Москва, подчинившая эти племена въ XV и XVI ст., нашла ихъ не совсѣмъ дикими; имъ была знакома осѣдлая жизнь; у всѣхъ этихъ племенъ были постоянныя жилища и даже города. Зыряне, кромѣ того, занимались земле-

*) Какъ на слѣдъ древняго земледѣлія въ Сибири, должно указать также на находимые жерновки во всей средней Сибири, въ кулундинской степи, близь Барнаула, въ Минусинскомъ округѣ. Мы нашли огромные жернова въ Алтаѣ по Чулышману, гдѣ находятся древнія могилы, но гдѣ не было никогда русскихъ поселеній и земледѣлія.

**) Положеніе инородцевъ Сѣверо-Восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, соч. Н. Ѳирсова. Казань. 1866.

дѣліемъ (с. 28). Таковы были границы распространенія инородческой культуры въ Европейской Россіи. Тѣ же слѣды культуры мы встрѣчаемъ, по указаніямъ историковъ, и въ Сибири.

Сибирское татарское царство основано было въ XV столѣтіи на берегахъ Иртыша, вслѣдствіе нѣкоторыхъ раздоровъ у ногаевъ; въ составъ его вошли остяцкія и туземныя татарскія поколѣнія, а также нѣкоторыя башкирскія волости. Царство Кучума носило характеръ подобный Казанскому царству; здѣсь были аристократія, духовенство и черные люди; у него происходили сношенія и съ Казанью и съ Бухарою. Русскіе застаютъ татарскіе городки, татары обладали искусствомъ выдѣлки металловъ, а также земледѣліемъ. Что Кучумъ и его татары занимались хлѣбопашествомъ, это видно изъ грамоты тарскаго воеводы: „И въ распросѣ мнѣ, холопу твоему, сказали лутчіе люди про Кучюма царя, пошолъ де Кучюмъ царь съ Черныхъ водъ на Обь рѣку съ дѣтьми и со всѣми людьми, *гдѣ у него хлѣбъ сѣянъ*, а имъ де велѣлъ жити всѣмъ на Уби озерѣ (Отписка царю тарскаго воеводы Воейкова 1598 г., Акты истор., т. II, № 1). Доказательствомъ, что татары, завоеванные русскими, умѣли пахать и были тотчасъ же посажены на казенную пашню, служитъ грамата пелымскому воеводѣ Богдану Полеву объ оказаніи табаракской волости татарамъ и вогуличамъ льготы въ государевой пашнѣ, 1496 года, іюня 20-го (Руск. Ист. Библіот., изд. арх. комм., т. II, № 58). При занятіи русскими татарскихъ городковъ въ нихъ находятъ всегда запасы хлѣба (см. „Сибир. Лѣтописи“).

Далѣе по Барабѣ въ Томской губ. и на Енисеѣ русскіе, хотя и встрѣтили финскія бродячія племена, но преданія о чуди и памятники, оставшіеся отъ нея, доказали существованіе здѣсь древней культуры. Остатки осѣдлости и искусства добыванія металловъ русскіе застаютъ у кузнецкихъ татаръ, телеутовъ, тунгусовъ и енисейскихъ остяковъ. Русскіе познакомились съ телеутами въ 1604 г. Они жили по Оби. У телеутскаго князя было до 1000 ч. подданныхъ. Русскіе завоеватели застали у нихъ *земледѣліе* и кузнечное дѣло, многіе изъ нихъ имѣли постоянное жилище (с. 45, Ѳирсовъ). На югѣ Енисейской губ., по показаніямъ китайскихъ историковъ въ IX вѣкѣ, существовало могущественное государство хакасовъ (которыхъ причисляютъ къ предкамъ киргизовъ), ведшее сношеніе съ Китаемъ и Средней Азіей; по оставшимся описаніямъ видно, что хакасы имѣли высокую гражданственность, сѣяли рожь, ячмень, просо;

у нихъ были ручныя мельницы *). Русскіе не застали этого царства, и енисейскіе такъ называемые киргизы далеко не носили слѣда этой культурности. Видно, что царство хакасовъ было стерто какимъ-то средне-азіатскимъ завоеваніемъ. Сѣверные инородцы Иркутской и Енисейской губ. не могли заниматься земледѣліемъ, но относительно бурятъ мы встрѣчаемъ опредѣленныя указанія въ описаніяхъ 1640—1641 г. Въ отчетѣ о нихъ говорится: „а на устьѣ Онга живутъ (а не кочуютъ) брацкіе люди, а *хлѣбъ у нихъ родится просо*, и мы то просо у князца Межеуля видѣли“ (Доп. къ акт. ист., II, 89). То же самое говорится о бурятахъ, которые жили на берегахъ Байкала (Ѳирсовъ, 52). Наконецъ, на Амурѣ опытовщикъ Ерофей Хабаровъ, въ 1650 г., встрѣчаетъ дауровъ, которые имѣли города, башни и укрѣпленія съ глубокими рвами, свѣтлицы устроены съ большими холодными окнами, а окончины бумажныя; „и въ городахъ тѣхъ и въ улусахъ луга великіе и *пашни есть*“. Такой же бытъ найденъ Хабаровымъ и у дючеровъ; они жили большими улусами по 70 — 80 юртъ, и все то мѣсто было пахатное и скотное **) (Ѳирсовъ, 55).

Что касается распространенія земледѣлія и культуры въ Монголіи и Джунгаріи, то мы находимъ слѣдующее указаніе его въ XVII вѣкѣ. Посольства къ Алтынъ-хану рисуютъ намъ страну и бытъ жителей. Между прочимъ, сибирскій казакъ Петлинъ, проѣзжавшій Монголію въ 1620 г. (Сиб. истор. Фишера), говоритъ: „А земля Мунгольская велика, долга и широка, а городы въ Мунгольской землѣ дѣланы на четыре угла, по угламъ башни великія съ раскаты“. Описавъ храмы ламайскіе и богослуженіе ихъ, онъ прибавляетъ: „а хлѣбъ въ Мунгольской землѣ родится всякой: просо, пшеница, рожь и ярица, и ячмень и овесъ и иныхъ сѣменъ много, только мы не знаемъ; а овощи въ Мунгольской землѣ и сады всякія есть: яблоки, дыни, арбузы, тыквы, вишни, лимоны (?), огурцы, лукъ, чеснокъ и иныя всякія овощи“. „А вино курятъ въ Мунгольской землѣ изъ хлѣба безъ хмѣлю, а орютъ плугомъ и сохами, что у *тобольскихъ татаръ*, а бороны узки и долги“. („Сибирск. Вѣстн.“ 1818 г. и путешествіе въ Китай сибирскаго казака Ивана Петлина ibid. Ѳирсовъ, с. 49).

*) Собр. свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена Іакинфа, ч. I; 2 отдѣл., 7 отдѣл. (с. 442). Über die ächten Kirgisen. von Wilhelm Schott. Berlin. 1865. Klaprot. Tableaux Histor. de L'Asie. p. 170, 171

**) О земледѣліи у дауровъ, первыхъ аборигеновъ Амура, говорится у Избранда-Идеса и въ примѣч. къ путешествію Спаѳарія.

Изъ этого видно, что монголы также не чужды были культурѣ, здѣсь же указывается на сходство ихъ пріемовъ земледѣлія съ сѣверными сибирскими татарами. Въ путешествіи Байкова въ 1654—1658 изъ Тобольска въ Пекинъ мы находимъ, въ описаніи калмыцкаго ханства при Аблаѣ, указанія на земледѣліе на западномъ степномъ оазисѣ. Байковъ пишетъ, что отъ р. Бески, гдѣ находится Аблайкитъ (буддійскій монастырь), до аблаевыхъ пашенныхъ бухарцевъ, гдѣ Байковъ зимовалъ, ходу 10 дней, а подъ тараномъ онъ стоялъ два дня. „Таранами“ назывались у джунгаровъ поселенія хлѣбопашцевъ около стойбищъ князей.

„По рѣчкѣ Темиръ-Чергѣ, гдѣ зимовалъ Аблай, живутъ бухарцы пашенные ханъ—тайшиныхъ дѣтей: а родится у нихъ пшеница, ячмень, просо и горохъ и скота всякаго много“. (Дневникъ Байкова, Сибирск. Вѣстн., 1820 г., XI., стр. 113—136). Рѣка Темиръ-Черга есть Джаты Аралъ, вытекающая изъ котловины Кызылъ-чиликъ въ Зайсанскую равнину. На Бугазу дѣйствительно и нынѣ существуетъ земледѣліе и остатки древнихъ пашенъ и арыковъ (см. примѣч. къ IV тому „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера, с. 219). Здѣсь было расположено земледѣльческое населеніе Аблая. Далѣе Байковъ уже во владѣніяхъ Канъ-Тайши, джунгарскаго князя Батура, отца знаменитаго Галдона, встрѣчаетъ тѣ же признаки земледѣлія. Въ Контайшиномъ городкѣ онъ видитъ „каменныя палаты, а живутъ въ томъ городѣ ламы да *пашенные* бухарцы“. Затѣмъ, описывая монгольскихъ калмыковъ, прибавляетъ: „а отъ тѣхъ мунгольскихъ до китайскихъ пашенъ ходу—день, гдѣ бывали прежнія ихъ пашни; а на тѣхъ пашняхъ ставлены хоромы глиняные и т. д.“

Распространеніе земледѣлія во всемъ илійскомъ оазисѣ не представляетъ сомнѣнія по остаткамъ ирригаціи и историческимъ свидѣтельствамъ. На картѣ атамана Волошанина XVIII ст. открытой нами въ архивѣ Главнаго Штаба, пашни означены по р. Или до древняго города Боинду, т. е. Кульджи. Въ 36 году правленія Канси (1697 г.) манджуры, однако, въ войнѣ уничтожили войска Галдона, и р. Или на нѣсколько тысячъ ли была опустошена. Извѣстно, что до войнъ Галдона джунгары занимали своими кочевьями мѣста вплоть до низовьевъ р. Хобдо и далѣе до Улангтома, по Кэму и Кэмчику, гдѣ жили смѣшанно съ халхасами (монголами); по пораженіи Галдона, халхасскія кочевья раздвинулись на западъ, на ту сторону Алтая и до Иртыша. Когда Джунгарію заняли китайскія войска для обезпеченія, ихъ императоръ приказалъ хану

Вонгжиль-Дорчжи изслѣдовать земли и опредѣлить удобныя для земледѣлія мѣста. По сему наказу Вонгжиль-Дорчжи произвелъ дознаніе и отвѣчалъ, что урочища Сухо-ту, Хары-усу, Минд-хай, Цагань-герь и Хурхиху, принадлежащія рр. Толѣ и Орхану, а также урочища по Щыбханъ-голу, Цаганъ-суль, Булгань-ансаръ, Уланъ-гумъ и около десятка мѣстностей, лежащихъ у монастыря Эрдени-Щу—все это мѣста, которыя могутъ быть засѣяны хлѣбомъ. Тогда императоръ высочайшимъ указомъ поручилъ Гуну-Фурдоню набрать людей, опытныхъ въ земледѣліи, и обрабатывать пашни въ означенныхъ мѣстахъ (матерьялы для исторіи Халхи съ 1636—1736 г. и монгольскія лѣтописи „Эрденійнъ-Эрихе" Позднѣева. С.-Петерб., 1883 г. с. 278). Съ этого времени древняя джунгарская культура смѣняется позднѣйшею китайской. (Относительно водворенія китайскаго земледѣлія въ г. Кобдо, для чего вызвано было 400 семей халхасскихъ монголовъ, см. „Города сѣверной Монголіи", с. 92, того же автора).

Еще любопытны показанія о существованіи земледѣлія въ древнѣйшія времена въ Сибири, встрѣчаемыя въ различныхъ китайскихъ источникахъ. Въ дневникѣ даосскаго монаха Чанъ-Чуна, путешествовавшаго при Чингизъ-Ханѣ, въ описаніи его орды на Орхонѣ и Тала сказано: „здѣсь за 50 ланъ можно купить только 80 чановъ муки, ибо мука приходитъ сюда изъ-за сѣверныхъ горъ, болѣе чѣмъ за 2,000 ли. Палладій дѣлаетъ поясненіе, что здѣсь должна разумѣться Сибирь. Торгующіе варвары западныхъ странъ доставляютъ ее вьюками на верблюдахъ. Проѣзжая далѣе, путешественники вступили въ землю Хой-хэ (уйгуровъ и наймановъ), которые орошали пшеницу посредствомъ водопроводовъ. Остановившись въ городкѣ Чжинь-хань-чэнъ, военномъ поселеніи, основанномъ Чингизъ-ханомъ на Алу-Хуанѣ, даосскій монахъ находитъ осѣдлое населеніе мастеровыхъ, ремесленниковъ, ткачей. Въ городѣ Болгосунѣ были хлѣбные магазины, цанъ-тоу. Чанъ-чунь, утомленный ѣздой по степямъ Монголіи, передаетъ здѣсь свои новыя впечатлѣнія ханшѣ-китаянкѣ: „въ Шамо не занимаются земледѣліемъ, поэтому я обрадовался, увидя здѣсь зрѣлыя жнитвы". „Въ 8-ой лунѣ выпалъ иней, и жители спѣшили убрать пшеницу", говорится далѣе въ дневникѣ. Послѣ переправы черезъ Орхонъ, на окраинѣ прекрасной равнины тотъ же путешественникъ видѣлъ развалины древняго киданьскаго города, можно было распознать улицы и переулки. Это былъ городъ киданьскихъ эмигрантовъ. Это указывало на слѣды еще болѣе древнѣйшей осѣдлости. Урюмчи, Алмалекъ (ле-

жавшій на берегу Или) *) и другіе города, путешественникъ нашелъ заселенными и съ прекрасной южной культурой винограда и плодовъ, разводился хлопокъ, земледѣліе было съ орошеніемъ. Китайскій Туркестанъ былъ уже тогда въ цвѣтущемъ состояніи **). Во время возвращенія изъ Туркестана даосцу говорили: „на сѣверо-востокъ за 1,000 слишкомъ ли находится страна Кянь-кень-чжау (вѣроятно отъ рѣкъ Кянь, Кень, Кемь), гдѣ добывается много желѣза и водится много бѣлокъ, тамъ же *сѣютъ пшеницу*, китайскіе ремесленники живутъ во множествѣ, занимаясь тканьемъ шелковыхъ матерій, флера, парчи и цвѣтныхъ матерій“. Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о сѣверной странѣ въ предѣлахъ Сибири. „По Юанъ-ши эту страну надо искать по Енисею“, прибавлятъ Палладій. Что въ южной лѣсной полосѣ Сибири были свои культурные центры и было распространено земледѣліе, видно изъ китайскаго описанія государства хакасовъ, въ нынѣшнемъ Минусинскомъ округѣ, которые сѣяли просо, ячмень и пшеницу. Но и кромѣ показаній о хакасахъ въ китайской исторіи и географіи во многихъ мѣстахъ раскиданы указанія на существованіе земледѣлія и культуры на сѣверѣ Азіи и въ Сибири въ древнѣйшія времена ***).

*) О городахъ Алмалыкъ и Алмату (см. 5 примѣч. соч. Фергана по «Запискамъ» Султана Бабура, Н. Н. Пантусова. С-Петерб. 1884 г. 27 и 28).

**) Самаркандъ былъ на берегу каналовъ; жители провели двѣ рѣки и распредѣлили по улицамъ.

***) Въ Исторіи Киданей говорится, что при Амбаганѣ при посредствѣ китайцевъ строились города и поощрялось земледѣліе (см. Истор. и древности Восточн. части Средней Азіи отъ X до XIII в. В. П. Васильева). Въ прибавленіи къ Исторіи Киданей упоминается о *Мохесцахъ*, подчиненныхъ Киданямъ жившихъ на Сѣверо-Востокѣ отъ нихъ; «они занимались земледѣліемъ, весной и лѣтомъ жили въ домахъ, а зимой въ ямахъ (ibid. с. 27). За Мо-хэ на Сѣверо-Востокѣ жилъ народъ *Тѣ-ли*, скрываясь въ горахъ и лѣсахъ, на юго-востокъ отъ Тѣ-ли лежали земли народовъ *Алимьй, У-ни, По-гу-лу*. Въ каждомъ изъ этихъ народовъ считалось до 10,000 семей, отличались они отъ Нюйчженей платьемъ, языкомъ, жилищами, *хлѣбопашествомъ* Ньючжейцы, упоминается тамъ же, разсѣянные по горамъ и лѣсамъ, были отличные охотники, *но занимались и хлѣбопашествомъ* (28).

Сѣверные роды Киданей носили названіе *Шивей* или *Шигай*, они обитали въ Дауріи и Забайкальской области. На востокъ отъ шивейцевъ жило племя *Оoумолу* или *Домолу*, страна находилась на сѣверѣ отъ Уги или Мохэ въ 1000 миляхъ. Они имѣли города и селенія, *занимались хлѣбопашествомъ* и питались горохомъ (і. 33). Западное поколѣніе народа Си, сосѣди Тукюэсцевъ, жили въ юртахъ, но занимались также и земледѣліемъ (35). Гелючи или Биле, жившіе на сѣверѣ отъ Тукюе въ средней Сибири и около озеръ Чановъ и Кулундинской степи и въ Алтаѣ (по Радлову), обрабатывали землю ло-

Распространеніе земледѣлія и культуры на сѣверѣ, въ лѣсной полосѣ, не представляетъ ничего удивительнаго въ древнѣйшее время. Они не могли не перенестись сюда хотя бы изъ Китая или культурнаго Туркестана при древнемъ передвиженіи народовъ и эмиграціи киданей, усуней и другихъ племенъ. О воспріятіи культуры сѣверными варварами упоминаютъ и китайскіе историки, говоря о племени дада, и дѣлятъ ихъ на бѣлыхъ, черныхъ и дикихъ. *Бѣлыми* разумѣлись *дада*, окитаившіеся и принявшіе культуру. Изъ превосходнаго изслѣдованія о китайскомъ земледѣліи г. Захарова видно, что земледѣліе было извѣстно въ Китаѣ 7,000 лѣтъ назадъ, и въ 2205 г. до Р. Хр. происходитъ аграрный переворотъ и новое законодательство. Монголы нѣсколько разъ пробовали обратить Китай въ степь и водворить кочевую культуру, но не могли совершить этого и сами принимали высшую культуру завоеванныхъ. То же было и съ манчжурами. Съ древнѣйшихъ временъ императоры Китая считаютъ священною обязанностью покровительствовать земледѣлію. Въ исторіи династіи Хань говорится, что послѣ великаго извѣстнаго въ Китаѣ наводненія, князь Ги, сотрудникъ князя Юй за возстановленіе земледѣлія получилъ въ 2277 г. до Р. Хр. наслѣдственную должность *главнаго попечителя земледѣлія*, подъ названіемъ хэу-ги (Іакинфъ).

На сколько центръ Китая и Туркестанъ благопріятствовали культурѣ, какъ и сѣверная лѣсная полоса, на столько степи Монголіи были разсадникомъ кочевниковъ и обращали въ нихъ даже культурныхъ эмигрантовъ. Изъ исторіи первой китайской династіи видно, что сынъ Цзи-кхай, послѣдняго государя въ 1764 г. до Р. Хр., Шунь-вэй со всѣмъ семействомъ и подданными ушелъ въ сѣверныя степи и *принялъ кочевой образъ жизни* (Іакинфъ).

При упадкѣ закона въ Китаѣ въ домѣ Хя, Гунъ-лю лишенъ

шадьми жили въ хижинахъ (Іакинфъ). Эмигрировавшіе кидане и китайцы повсюду обучали сосѣдніе народы культурѣ. «Исторія постоянно упоминаетъ о множествѣ китайскихъ выходцевъ и плѣнныхъ, увлеченныхъ въ внутренность Монголіи во всѣ времена, начиная отъ нашествія Гунновъ, до поселеній заведенныхъ киданями и продолжавшихся долѣе при всей династіи Юаньской», говоритъ извѣстный знатокъ Китая В. П. Васильевъ.

Клапротъ на основаніи китайскихъ источниковъ говоритъ о племенахъ тунгузскихъ или манджурскихъ въ древнія времена имѣвшихъ уже земледѣліе Су-тчинъ или Джурджени (Giorza по Марко-Поло) имѣли лошадей быковъ и сѣяли пять сортовъ хлѣба. Народъ Му-ки или Мо-хо жившій къ сѣверо-востоку отъ Кореи сѣялъ пшеницу и другіе сорты, женщины носили платье изо льна, (Tableaux Historiques de l'Asie, p. 84—86).

былъ должности главнаго попечителя земледѣлія. Онъ претворился (превратился) въ западнаго жуна (особое сѣверное кочевое племя) и построилъ городъ Бань. Гунъ-лю, потомокъ Хэу-ги въ десятомъ колѣнѣ, лишенный сей должности, удалился въ страну Бань, гдѣ поселился въ сосѣдствѣ Жунъ-ди, перемѣнилъ осѣдлую жизнь на кочевую. Это было, по словамъ китайскаго историка, въ 1797 г. до Р. Хр. Изъ этого видно, что въ тотъ періодъ кочевой бытъ еще боролся съ земледѣльческимъ, и кочевники обращали въ своихъ являвшихся цивилизаторовъ съ юга.

Но скоро времена перемѣнились. Окрѣпшій культурный Китай началъ образовывать въ степяхъ и на сѣверѣ земледѣльческія поселенія и колоніи. Основаніе этихъ колоній является даже стратегическимъ средствомъ Китая. Въ 105 — 100 г. до Р. Хр. Китайскій дворъ на западѣ, говоритъ китайская исторія, открылъ сообщеніе съ Юечжы и Дахя и выдалъ царевну за усуньскаго владѣтеля *), чтобъ отдѣлить отъ хунновъ союзныя государства на западѣ, распространилъ казенное хлѣбопашество до Джянь-люй. Въ Хань-шу-инь-и сказано: Чжянь-люй (Кянь?) есть названіе страны, лежащей отъ Усуни на сѣверъ (т. е. Семипалатинская область и Западная Сибирь). Позднѣе эти казенныя земледѣльческія населенія въ Монголіи и Джунгаріи составляли главную заботу китайцевъ. Распространеніе Китая на сѣверъ достигало Иртыша, Оби, чему служитъ доказательствомъ масса находимыхъ китайскихъ древностей въ Сибири. Но кромѣ Китая, и тюркское владычество въ Сибири, выдвинувшееся изъ средины Азіи древнѣе переселенія осѣдлыхъ киданей, индо-скифовъ, саковъ и т. д., не могло остаться безъ наслѣдства для Сибири.

Такія историческія свидѣтельства наводятъ на мысль, что сѣверъ Сибири не могъ не усвоить нѣкоторой культуры, переносимой съ юга сношеніями и завоеваніями, и существованіе когда-то осѣдлыхъ культурныхъ центровъ здѣсь—внѣ сомнѣнія.

Есть свидѣтельства, что сама Монголія и ея степи представляли въ древнія времена иной видъ. Онѣ были болѣе обитаемы. Во многихъ мѣстахъ видны слѣды орошенія, каналовъ и городовъ. Ясно, что здѣсь были когда-то условія, болѣе благопріятныя для жизни. Это могло обусловливаться тѣмъ, что климатъ и физическія условія были иные. Если мы обратимъ вниманіе, что глетчеры высо-

*) Усуни жили въ Джунгаріи по р. Или около Исыкъ-Куля, столица ихъ была Чи-Гу.

чайшихъ горъ Азіи были длиннѣе, если мы примемъ во вниманіе постепенное обсыханіе суши и исчезновеніе рѣкъ и озеръ въ Средней Азіи, въ Сибири и въ Монголіи, можетъ быть послѣдствіе поднятія континента; мы поймемъ, что здѣсь происходили перевороты, и культура когда-то располагалась иначе а послѣ измѣненія материка она переносила свои центры. Когда-то Урало-каспійская низменность была покрыта водой, какъ и сѣверъ Сибири, зало внутренность Азіи, и Тибетъ сильно поднимался, съ высотъ горъ было болѣе потоковъ, они вѣтвились по степямъ. Монголія была, можетъ быть, берегомъ или богато-орошенной страной. Исчезновеніе водъ создало новыя условія, выдвинулись степи, зато въ другихъ мѣстахъ выступила суша и поднялись лѣса. Сообразно этому, мы видимъ исчезновеніе культурныхъ центровъ и государствъ въ Средней Азіи и Монголіи и перемѣщеніе ихъ къ сѣверу. Но если даже представить себѣ степь какъ пустыню, отдѣлявшую сѣверъ Азіи, мы все-таки можемъ представить себѣ, какъ съ юга по оазисамъ переносится земледѣліе на сѣверъ и среди предгорій и на плодородной почвѣ юга Сибири водворяется въ весьма древнее время. Самый родъ хлѣба культивировался наиболѣе устойчивый, могъ быть перенесеннымъ съ предгорій Тибета. Исторія указываетъ, какъ и археологія, что Амуръ, Забайкалье, вершины Енисея, Минусинскій округъ, алтайскія долины и Семирѣчинская область были обитаемы осѣдлыми и культурными племенами. Тоже подтверждаетъ и этнографія. Нѣсколько разъ эта культура могла уничтожаться и стираться въ продолженіе тысячелѣтій при движеніяхъ дикихъ ордъ кочевниковъ, но слабые зачатки ея, какъ мы видимъ, не изгладились, а памятники и свидѣтельства историковъ напоминаютъ о существованіи здѣсь культурнаго міра. Самыя многолюдныя государства Азіи подвергались той же участи; и отличіе ихъ отъ европейскихъ въ томъ и заключается, что бушующее море кочевыхъ народовъ безпрестанно подмывало и потопляло уединенные острова раждающейся цивилизаціи. Иная судьба выпала на долю Европы, воспреемницы древней осѣдлости.

Настоящая статья составляетъ извлеченіе немногихъ главъ изъ этнографическаго сочиненія, посвященнаго очеркамъ исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ. Самый трудъ расположенъ во многихъ главахъ и состоитъ въ описаніи топографическихъ и физическихъ условій на сѣверѣ Азіи между Алтаемъ и Ураломъ,

расположенiи инородцевъ, въ описанiи ихъ быта, промысловъ, жилищъ и обстановки, въ указанiяхъ на зачатки земледѣлiя, выдѣлку ткани, первобытную разработку рудъ, выдѣлку металла, и т. п. Изложивъ культуру и переходныя стадiи въ современной жизни степняковъ и лѣсниковъ, авторъ не могъ упустить изъ виду, что эта культура тѣсно связана съ предшествовавшею исторiей и культурою инородческихъ племенъ на сѣверѣ Азiи, весьма мало доселѣ изслѣдованной. Сводъ археологическихъ изысканiй въ связи съ этнографическими обнаруживаетъ существованiе въ Сибири весьма древней культуры, принадлежавшей многимъ народамъ, въ числѣ которыхъ такъ называемая чудь или финскiе аборигены составляли только часть многихъ племенъ *). Въ числѣ племенъ, обитавшихъ въ Монголiи и Сибири, по китайской исторiи, были гунны (хунну), предки монголовъ, шивейцы, дада, сяньбiйцы, кидани, усуни, хакасы, уйгуры (угры), жунь-жанцы, вытѣсненные въ Европу подъ именемъ аваровъ, свевы, по Витерсгейму **), обитавшiе въ ишимской степи, саки или скиѳы, обитавшiе въ Семирѣченской области, юечжи или юеты, они же геты и массагеты, по объясненiямъ орiенталистовъ, наконецъ, позднѣйшiя, монгольскiя и тюркскiя племена, составлявшiя

*) Собственно о культурѣ Чуди пока ничего неизвѣстно, сказанiя о «чуди бѣлоглазой» есть преданiе, перешедшее къ русскимъ, вѣроятно, отъ татаръ. Въ китайскихъ источникахъ встрѣчается народъ чи-ди, или красные, сѣверные кочевые. Они упоминаются въ началѣ 2-го вѣка до Р. Хр. У сибирскихъ татаръ есть сказка о «урсассахъ», которыхъ называли акъ-корокъ, бѣлыми и бѣлоглазыми; они были первоначальными жителями края до пришествiя киргизъ. Китайцы также упоминаютъ о бѣлокурыхъ племенахъ къ Сѣверу отъ Танну. Связь сѣверныхъ европейскихъ финскихъ племенъ съ азiатскими прослѣжена уже Кастреномъ до глубины Азiи; у китайцевъ кромѣ чи-ди, встрѣчается указанiе на народъ вейке, на народъ по-гу-лу, Шивей Хуанъ-Тау или желтоголовые. Диньлини вѣроятно тоже были финны. О пребыванiи финскихъ племенъ въ центрѣ Азiи существуютъ различныя теорiи. Григорьевъ допускаетъ, что чудь, изобрѣтшая клинопись, пробралась съ сѣвера на югъ Азiи во времена, предшествовавшiя не только арiйцамъ, но и семитамъ, отрасль, которую индѣйцы обозначаютъ именемъ дравидовъ, спустилась съ Гималаевъ въ долины Джемны и Ганга и затѣмъ населила Деканскiй полуостровъ (см. о скиѳскомъ народѣ сакахъ, Григорьевъ, ст. 200). По археологическимъ изслѣдованiямъ В. В. Радлова въ Алтаѣ тюркской культурѣ предшествовала угро-самоѣдская. Родство съ Алтайскими, переселенiе самоѣдскаго племени на Сѣверъ и остатки этихъ племенъ въ лицѣ кайбаловъ и соёнцевъ на югѣ вполнѣ доказаны нынѣ филологическими изысканiями.

**) Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig. 1859. I, 272.

имперію Чингизхана, всѣ они не могли не оставить слѣда, и дѣйствительно находки и древности свидѣтельствуютъ, что здѣсь существовали государства, осѣдлость, земледѣліе, добываніе металловъ, а предметы, находимые здѣсь, въ видѣ оружія, шлемовъ, панцырей, чашъ, зеркалъ и другихъ принадлежностей, указываютъ на извѣстное искусство этихъ народовъ. Могильные памятники, монументы въ видѣ каменныхъ бабъ, обнимающіе весь югъ Сибири отъ Монголіи до озера Исыкъ-Куля и дальше до южной Россіи, показываютъ на переселеніе однихъ племенъ или существованіе одинаковой культуры и обычая у многихъ. Изслѣдованіе этой древней культуры въ связи съ современной инородческой представляетъ огромный интересъ. Въ современномъ инородческомъ бытѣ мы находимъ намеки на прошлое, а древность получаетъ объясненіе въ остаткахъ современной культуры. Сравнительныя изысканія привели насъ къ заключенію, что въ древнія времена инородческая культура въ Сибири имѣла болѣе совершенное развитіе и достигала высшей степени, но позднѣйшіе перевороты и завоеванія стерли ее, и нынѣшній инородческій бытъ отступилъ и сохраняетъ лишь отчасти древнее искусство народовъ. Въ дополненіе къ археологическимъ изысканіямъ весьма опредѣленныя указанія на древніе народы въ Сибири дѣлаетъ китайская исторія, на сношенія народовъ сѣвера съ Китаемъ, съ центромъ Азіи, съ Туркестаномъ, Аравіей и Тибетомъ указываютъ многіе восточные писатели. Въ богатыхъ изысканіяхъ Френа и поясненіяхъ В. В. Григорьева о куфическихъ монетахъ разъяснено сношеніе Востока съ Западомъ съ VIII до XI в. чрезъ Хазаръ; уральскіе болгары также сносились съ Аравіей, стало быть тѣмъ болѣе сибирскія царства. Буддизмъ проникалъ далеко на сѣверъ Азіи. Китайскіе и киданскіе города были близъ Орхона и можетъ быть въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири. Древняя китайская географія, къ сожалѣнію, мало разработанная, дастъ впослѣдствіи богатыя указанія для сибирской археологіи. Сношеніе Сибири съ Китаемъ въ древнія времена все болѣе подтверждается находками, въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири все чаще открываются пайзе, дощечки съ повелѣніями древнихъ китайскихъ и монгольскихъ императоровъ. Китайскими предметами наполнены были могилы Минусинскаго округа, земледѣльческія орудія иногда носятъ слѣдъ китайскихъ клеймъ.

Сѣверъ Азіи, Сибирь, какъ и степи Монголіи въ древнѣйшія времена, начиная съ 2000 л. до Р. Хр., извергалъ народовъ на югъ и западъ. Эти народы поочередно завоевывали Китай, какъ

гунны, кидани, монголы, уйгуры, Чингизханъ, манчжуры. Эти народы, наступая и отступая, переливались на всемъ пространствѣ между Тибетомъ и Сибирью. Собственно Монголія является какимъ-то кратеромъ и лабораторіей, откуда выходило то одно, то другое кочевое племя. Обмѣнъ культуръ между завоевателями и завоеванными былъ неизбѣженъ. Обыкновенно принято думать, что варвары кочевники, какъ гунны и монголы, лишь уничтожили высшую культуру, но исторія востока показываетъ, что они и воспринимали ея у побѣжденныхъ культурныхъ народовъ, какъ китайцевъ и туркестанцевъ. Здѣсь повторялось тоже, что случалось и въ Европѣ. Двигавшіеся варвары ассимилировались и сливались съ другими племенами. Съ другой стороны сѣверъ Сибири, имѣя также народовъ совершенно другаго характера, чѣмъ кочевники, монголы и гунны, пробовалъ защититься отъ нашествія кочевыхъ варваровъ и составлялъ свои союзы; такъ основался союзъ ойратовъ, или лѣсныхъ жителей. Если нашествія народовъ сѣвера на югъ имѣли огромное значеніе въ судьбахъ Китая и Азіи, то гораздо болѣе важное культурное значеніе имѣли для всего сѣвера Азіи передвиженія съ юга на сѣверъ, а затѣмъ съ востока на западъ, сказавшіяся въ переселеніи киданей, усуней въ Туркестанъ, и т. п. Несомнѣнно, въ этихъ переселеніяхъ и миграціяхъ играли роль не одни варвары, но и культурные народы, захваченные или вытѣсненные варварами. Эти передвиженія и переселенія вліяли на судьбу и исторію, какъ извѣстно, не одной Азіи.

Тѣ же народы, жившіе и передвигавшіеся въ степяхъ Азіи, двинулись торной дорогой, равнинами Сибири, и въ Европу. Путемъ для населенія Европы былъ, конечно, не одинъ Кавказъ. Часть этихъ передвиженій сохраняется въ новѣйшей исторіи Европы, но множество предшествовавшихъ переселеній, положившихъ начало европейскимъ поселеніямъ, происходило въ доисторическія времена. Такимъ образомъ самая европейская исторія и культура не могли обойтись безъ вліянія этихъ народностей. Арійскія племена также не миновали сѣвера Азіи и Сибири.

Уже изслѣдованія Клапрота, показали существованіе на сѣверѣ Азіи племенъ не только финскаго, но и арійскаго происхожденія *);

*) На существованіе бѣлокурыхъ племенъ въ Алтаѣ и въ Сибири указываютъ многія этнографическія свидѣтельства. Среди киргизъ, саянцевъ, татаръ, алтайцевъ встрѣчаются постоянно смѣшанные типы, означаемые *кара* и *сары* въ отличіе монгольскаго брюнетизма отъ свѣтловолосыхъ и рыжево-

слѣды бѣлокурыхъ и голубоглазыхъ замѣтны и нынѣ среди алтайскихъ племенъ. Антропологическія изслѣдованія должны еще болѣе освѣтить этотъ расовый вопросъ.

Филологическія изысканія сдѣлали уже важные шаги въ изслѣдованіи Алтайскихъ тюркскихъ нарѣчій. Языкъ, народная поэзія и преданія представляютъ здѣсь богатый матеріалъ. Открытія въ клинообразныхъ ассирійскихъ надписяхъ урало-алтайскаго языка и изслѣдованіе туранской-акадійской цивилизаціи, предшественницы ассирійской, проливаетъ свѣтъ на связь сѣверо-азіатскихъ племенъ съ древними центрами цивилизаціи. Многіе древніе народы оставили на скалахъ Сибири памятники письменности, таковы напр. минусинскія надписи. Надписи эти помѣщенныя Спасскимъ въ „Jnsctriptiones Sibiricae“ возбудили живое любопытство европейскихъ ученыхъ. По типу они напоминаютъ надписи скандинавскія. Байеръ и Тихзенъ видѣли въ нихъ сходство съ древними кельтскими и готфскими письменами. Роммель признаетъ ихъ скифскими или греко-готфскими. Клапротъ находилъ, что эти надписи скорѣе имѣютъ видъ европейскій, чѣмъ азіатскій. Абель Ремюза приписываетъ татарамъ письмо сходное съ сѣверными рунами и бывшее въ употребленіи у того поколѣнія индо-готфовъ, которое извѣстно подъ именемъ у-суней и которое обитало за 100 лѣтъ до Р. Х. къ западу отъ Иртыша и оз. Зайсана. Риттеръ и Эйхвальдъ въ минусинскихъ письменахъ видитъ сходство съ дулгасскими тамгами. Риттеръ приписываетъ это письмо хакасамъ Енисейской губ., также индо-европейскому племени, по Клапроту это подтверждается и изысканіями Висдэлу. Письмена эти предполагались также древними уйгурскими. (см. о руническихъ письменахъ въ Минусинскомъ округѣ. Н. Попова, т. V, № 2 „Извѣст. Сиб. Отдѣда Императ. Географическаго Общества“). Тейлоръ пробовалъ сблизить ихъ съ сассандскими надписями. Наконецъ въ

лосыхъ. Уже Клапротъ указываетъ на слѣды индо-европейскихъ расъ на сѣверѣ Азіи и смѣшенія ихъ съ монгольскими и тюркскими расами. Въ исторіи китайцевъ въ предѣлахъ Сибири указаны многія обитавшія племена бѣлокурыя и съ голубыми глазами, таковы усуни, хакасы, юечжи или юеты, аланы и Диньлини, (Іакинфъ, Шотъ и Клапротъ) По поводу хакасовъ въ Енисейской губ. Клапротъ говоритъ: Ce fait curieux, joint ici la certitude que nous avons que le Kian-Kuen, ancêtres de Hakas, avaient les yeux bleus, la peau très blanche et la chevelure blonde, fait soupçonner que les relations qui existaient jadis entre le Nord de l'Asie et celui de l'Europe étaient plus frequentes et plus intimes qu'on ne l'a pensé jusqu'à present. (Tableaux Historiques de l'Asie. Peuples de Race Blonde, p. 174).

послѣднее время ими заинтересованъ извѣстный оріенталистъ Вамбери.

Алтайскіе народы въ вѣрованіяхъ сохраняютъ древнѣйшій культъ шаманизма, вѣроятно предшествовавшаго буддизму и когда то имѣвшаго обширныя распространенія отъ Индіи по всей Азіи. Богатое собраніе легендъ въ Монголіи и Алтаѣ, собранное Г. Н. Потанинымъ въ обширный томъ, снабженное сравненіемъ этихъ легендъ съ европейскимъ и азіатскимъ мифомъ открываетъ любопытнѣйшую сторону древнейшихъ вѣрованій. Первобытный мифъ потерянный для человѣчества сохраняется здѣсь во всей своей чистотѣ. Среди алтайскихъ племенъ мы видимъ древнѣйшіе обычаи западныхъ скифовъ выражающіеся въ жертвоприношеніяхъ и обычаяхъ при погребеніи. По многимъ предметамъ мы можемъ прослѣдить древнія сношенія народовъ *).

Съ передвиженіемъ народовъ и племенъ въ Азіи и изъ Азіи въ Европу неизбѣжно должна была слѣдовать и преемственность культуры, преданій, обычаевъ и вѣрованій. Изъ всего этого видно, какой огромный научный интересъ получаетъ историческое, археологическое, антропологическое и этнографическое изученіе въ Азіи. Наша этнографическая литература также должна сдѣлать шагъ въ этомъ отношеніи.

Считая слишкомъ обширною и непосильною задачею связать исторію сибирскихъ племенъ, какъ остатковъ древнихъ азіятскихъ народовъ вообще съ древней исторіей Востока и Азіи **), ав-

*) Доселѣ археологи еще не имѣли времени сравнивать пермскія и болгарскія древности съ Алтайскими, между тѣмъ какъ есть основаніе предполагать по нѣкоторымъ предметамъ сходство и родство. Мы имѣли возможность сличать нѣкоторыя болгарскія находки съ орнаментами алтайской культуры.

**) Китайская исторія, также какъ персидскіе и арабскіе источники, облегчаютъ разобраться съ исторіей инородческихъ сибирскихъ племенъ. Въ названіяхъ угро-алтайскихъ племенъ сохраняются еще слѣды ихъ происхожденія. Алтайскіе телесы, телеуты, теленгиты, ясно носятъ происхожденіе отъ телесскихъ или телевскихъ поколѣній являвшихся по Іакинфу въ 629 году къ китайскому двору. Могущественный народъ Тиле, Чиле и Дили упоминаются китайцами въ VI вѣкѣ. Названіе Туба или Тува, которыя носятъ одинаково лѣсные татары Алтая, соенцы и самоѣды, какъ и тубинцы, встрѣчается въ китайской географіи и исторіи подъ именемъ народа *Дубо* жившаго южнѣе саяновъ и отодвинутаго вмѣстѣ съ лѣсными самоѣдами къ сѣверу. Народъ и поколѣніе Тоба ведетъ древній родъ въ Китаѣ и цѣлую династію, а, какъ видно изъ указанія Клапрота, названіе Тоба присваиваютъ арабы своимъ королямъ, связывая ихъ съ исторіей Тибета (Tubet, Tobat). Геогра-

торъ настоящаго труда ограничился болѣе тѣсными рамками „очерковъ" чисто внѣшней первобытной культуры этихъ народовъ съ ихъ обстановкой и занятіями, причемъ поставилъ цѣлью освѣтить ихъ только нѣкоторыми историческими и археологическими указаніями. Бытъ и жизнь лѣсниковъ дали ему основаніе прослѣдить такъ называемыя переходныя культуры и зачатки осѣдлости. Изученіе началъ этой первобытной осѣдлости и послѣдующихъ съ нею измѣненій, не только въ матеріяльной обстановкѣ, но въ складѣ характера и міросозерцанія и методѣ мышленія (по нашему мнѣнію здѣсь начинается методъ индуктивнаго мышленія и начало положительныхъ знаній), можетъ дать нѣкоторую разгадку къ исторіи цивилизаціи, какъ и въ различіи древняго азіятскаго міра отъ новаго европейскаго.

Въ древнихъ азіятскихъ изобрѣтеніяхъ и въ поступательномъ движеніи культуры въ наше время трудно не усмотрѣть вообще начала человѣческой культуры, постоянно переносившейся. Какое имѣла вліяніе эта древняя культура въ своемъ соприкосновеніи на славянскій и европейскій міръ—это пока предметъ нетронутый, но несомнѣнно вліяніе это было. Мы видимъ его слѣды на всѣхъ инородческихъ племенахъ Сибири урало-алтайской группы. На сѣверѣ Азіи мы находимъ такимъ образомъ звено осѣдлости и путь, которымъ шло распространеніе культуры съ юга Азіи къ полярнымъ широтамъ. Мы можемъ прослѣдить тѣ законы, какъ культура эта измѣнялась подъ вліяніемъ климата.

Законы развитія культуры были вездѣ одинаковы, и тамъ, гдѣ мы не подозрѣвали, лежитъ единство и сходство ея. Лѣсная культура сѣвера Азіи имѣетъ сходство съ культурой средней Европы

фическое названіе Тюбе распространяется отъ Енисея до оз. Исыкъ-Куля. Потомки хакасовъ не могли исчезнуть безслѣдно, какъ и усуни, и остатки ихъ сохраняются среди бурутовъ и киргизовъ. Меркиты и кирситы сохраняются въ родовыхъ названіяхъ киргизъ и телеутовъ. Алтайцы доселѣ носятъ имя показывающее ихъ принадлежность къ Ойратскому союзу; народныя преданія о Чингизханѣ еще свѣжи. Древніе Хіенъ-ну, Тукюе, жунжанцы, уйгуры и кидане, также какъ юечжи, геты, и массагенты, индо-аланы и индо-скифы въ своихъ переселеніяхъ, не могли не оставить слѣда среди сибирскихъ племенъ, а китайскіе Шиве, динь-лини, гелютчи и Биле были несомнѣнно названія племенъ Сибири. Нашимъ оріенталистамъ подобно Клипроту предстоитъ открыть эту историческую картину народовъ сѣверной Сибири, хотя и теперь мы встрѣчаемъ уже у Іакинфа Бичурина, Палладія, Григорьева, Васильева, Захарова, Радлова и Позднѣева уже многія драгоцѣнныя указанія.

въ древнія времена. Что касается перенесенія культурныхъ знаній, ремеслъ и открытій, то азіатскій міръ также не могъ оставаться чуждымъ европейскому, даже исчезнувшія культуры не могли совершенно утратиться для человѣчества, и поэтому пропасть, которою мы отдѣляемъ европейскій міръ и европейскую культуру отъ азіатской, при тщательномъ изученіи исторіи, окажется не такъ велика *).

Н. Ядринцевъ.

*) Сочиненіе мое по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ содержитъ слѣдующія главы: 1) Распредѣленіе Алтая и алтайскихъ племенъ, современное ихъ положеніе, ихъ историческая связь и родство съ древними народами Средней Азіи. 2) Бытъ алтайскихъ племенъ въ связи съ историческими условіями мѣстности. Степняки, горные кочевники и лѣсники. Перекочевки и начало осѣдлости. 3) Типы первобытныхъ жилищъ, лѣтовки и зимовки, шалаши, юрты и избы. 4) Занятіе алтайскихъ племенъ и начало земледѣлія. Площадь распространенія древняго земледѣлія на сѣверѣ Азіи. 5) Домашній бытъ, обстановка и развитіе ремеслъ у алтайскихъ племенъ. 6) Добыча металла и исторія обработки его по образцамъ сибирскихъ древностей. 7) Одежда алтайскихъ племенъ и измѣненіе ея въ переходныхъ культурахъ. 8) Древнія могилы и кладбища, каменныя бабы въ связи съ древними обрядами погребенія. 9) Остатки различныхъ памятниковъ, городищъ, развалинъ, буддійскихъ храмовъ, башенъ и проч., въ связи съ историческими показаніями о древней осѣдлости въ Сибири по литературѣ Востока.

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

(Нѣсколько главъ изъ жизни ссыльныхъ).

Профессіи ссыльныхъ.

I.

Глубокой осенью, въ то время, когда начиналъ падать снѣгъ и пронизывалъ вѣтеръ, нѣсколько ссыльныхъ изъ губернскаго города было отправлено въ сибирскую глухую волость. Проклиная Сибирь и сибирскую погоду, шли они въ арестантскихъ халатахъ на мѣсто водворенія. Ихъ привели въ волость, а затѣмъ, не желая держать на квартирахъ, имъ отвели особую избу, давно предназначенную для прибывающихъ поселенцевъ. Среди этихъ водворенныхъ было два аристократа: маркеръ и камердинеръ, сосланные одинъ за покушеніе ограбить игрока, другой за вѣрную службу барину, окончившуюся пропажей бумажника и лихими поѣздками на извощикѣ по всѣмъ Мѣщанскимъ Петербурга впродолженіе трехъ дней.

Горько приходилось этимъ аристократамъ пріучаться къ сибирской деревнѣ. Работать не хотѣлось, подаяніе просить постыдно, а надобно было изыскивать легкіе способы наживы. Пробовали изъ нихъ нѣкоторые заняться педагогическою дѣятельностью, т. е. образованіемъ деревенской молодежи и парней, пріучая ихъ къ цыгаркамъ, наливкѣ, а затѣмъ кражѣ отцовскихъ денегъ. Но дѣла шли, плохо. Отцы пронюхали и вздули и педагоговъ, и учениковъ.

Прошла зима, наступила весна, а положеніе поселенцевъ, какъ видно, мало улучшилось. По крайней мѣрѣ, маркеръ съ камердинеромъ пробирались разъ подъ вечеръ въ деревенскій кабакъ въ компаніи съ старымъ поселенцемъ въ крайне жалкомъ видѣ. Отъ казеннаго арестантскаго кафтана у нихъ остались одни лохмотья,

на ногахъ были какіе-то опорки, у солиднаго маркера вдобавокъ подъ глазомъ былъ большущій синякъ. Камердинерская физіономія также не представляла прежняго пріятнаго вида: она обросла бородой, а лицо не то обрюзгло, не то припухло отъ постояннаго пьянства. Пробираясь по кучамъ навоза и грязи, лишь только пріятели показались въ деревнѣ, какъ вдругъ поднялся крикъ нѣсколькихъ бабъ, сидѣвшихъ за воротами.

— Ванюха, Аришка! гусей-то, гусей-то скорѣй загоняйте! Опять варнаки идутъ!

Затѣмъ, выскочившіе ребята и женщины подняли суматоху и начали загонять куръ и гусей по дворамъ.

— Анюшка, смотри ты, рубахи-то со двора не убрала. Гаркните *) Анюшку изъ избы: у ней рубаха на дворѣ вѣсится. Посельщики идутъ!—кричала какая-то женщина сосѣдямъ. Тогда пошелъ переполохъ по всему переулку. Бабы загоняли скотъ, снимали наскоро бѣлье и бѣжали въ избу.

Когда ухмылявшіеся поселенцы поровнялись съ однимъ изъ крестьянскихъ домовъ, изъ-за забора поднялась огромная рыжая голова хозяина и крикнула имъ въ слѣдъ.

— Эй вы, варнаки! что вы шляетесь? Опять нюхтите чего нибудь!

Старый поселенецъ обернулся и, погрозивъ кулакомъ, озлобленно крикнулъ рыжей головѣ.

— Мы тебѣ покажемъ варнака!

— Попомнишь ты насъ, чалдонъ!—прибавилъ, въ свою очередь, обиженный маркеръ.

— Что грозишь?—отвѣтилъ мужикъ.—Аль хочешь въ тюрьму? У насъ, братъ, недолго!

Обмѣнъ этихъ любезностей показывалъ то крайне недружелюбное отношеніе крестьянъ къ нашимъ ссыльнымъ, которое развилось, какъ послѣдствіе ихъ отношеній. Дѣйствительно, враждебныя отношенія между туземцами и ссыльными возникли уже давно. Цѣлую зиму въ деревнѣ пропадали бараны и поросята изъ стаекъ, утки и гуси изъ дворовъ. Точно также нерѣдко исчезало и вывѣшенное для просушки крестьянское платье и бѣлье. Въ заключеніе еще недавно въ сосѣдней деревнѣ была обокрадена кладовая у богатаго крестьянина, откуда унесли платье и съѣстные припасы. Въ продолженіе зимы то тамъ, то здѣсь у крестьянъ попа-

*) Сибирское выраженіе: кликните, созовите.

дались грубо сдѣланныя фальшивыя бумажки, которыя тѣ немедленно жгли; нѣкоторые крестьяне, испугавшись, по пути сожгли при этомъ нѣсколько и настоящихъ, принявъ ихъ за фальшивыя. Во всѣхъ этихъ продѣлкахъ подозрѣніе падало на поселенцевъ. Наконецъ, ихъ начали подкарауливать, и крестьяне искали только случая уличить ихъ. Проходя по деревнѣ, поселенцы постоянно слышали вслѣдъ себѣ слово „варнакъ". Это было то роковое слово, которое кладетъ непримиримую вражду между ссыльнымъ и крестьяниномъ и образуетъ цѣлую бездну между поселенцемъ и тѣмъ обществомъ, куда онъ долженъ прирости. Одно оно поднимаетъ бурю негодованія въ озлобленной душѣ поселенца и вселяетъ ненависть къ крестьянству, унижающему ссыльнаго. За это одно слово озлобленный поселенецъ поклянется вырѣзать крестьянскихъ барановъ, сжечь копны сѣна, крестьянскій овинъ, а не то и пустить краснаго пѣтуха по всей деревнѣ.

Оскорбленные и суровые пришли поселенцы въ кабакъ, гдѣ имъ назначилъ свиданіе поселенецъ Евстигнейко, обѣщавшій сегодня угостить ихъ. Кабакъ этотъ былъ теперь постояннымъ притономъ ссыльныхъ. Сидѣлецъ, хитрый еврей Хаимко, былъ съ ними въ большой дружбѣ, принимая отъ нихъ разные предосудительные заклады.

Усѣвшись въ кабакѣ, поселенецъ изъ бродягъ спросилъ четушку и, наливая маркеру водки, озабоченно спросилъ его:

— Ну, такъ разсказывай, разсказывай, дружище, какъ ты получилъ эту самую цапину,—и при этомъ поселенецъ указалъ на синякъ.

— Да что! сперва, какъ ты училъ меня, такъ я и сдѣлалъ,— началъ мрачно маркеръ.

— Ну, да говори, какъ все это вышло?

— Пришелъ я это къ нему и говорю: слышалъ молъ, что вамъ надо таракановъ выводить, такъ я этотъ секретъ знаю, всѣхъ выведу, потому въ Петербургѣ обучался. Объясняю, значитъ, я ему, что могу это сдѣлать за самую сходную цѣну. — А много ли ты, говоритъ, возмешь за это? — Скупъ, вижу, шельма, сибирскій чалдонъ. Да что же, говорю, я многаго не возьму: полштофа водки да полтину серебра! — Ну, нѣтъ, говоритъ, водку ужъ на свои купи, а гривенникъ дамъ. Рядились, рядились, не даетъ больше, шельма. Я началъ просить двугривенный и стаканъ водки, меньше, молъ, не могу, потому секретъ—надо на винѣ наговаривать.

— Что же онъ?

— А вотъ что! Чортъ съ тобой, говоритъ, я тебѣ ужъ дамъ

двугривенный и стаканъ вина для ворожбы, только, чтобы этотъ гадъ весь изъ мово дома вышелъ.—Весь, говорю, выйдетъ. Сичасъ, какъ ты меня училъ, взялъ я стаканъ вина и началъ наговаривать въ углу, потомъ самый этотъ стаканъ хлопъ и выпилъ. Тутъ мужикъ и осерчалъ.—Что же ты, говоритъ, смѣешься, что ли? взялъ вина для ворожбы, а самъ и выдулъ! Развѣ такъ ворожатъ?—Ну, думаю, подлецъ, придирается, это худо.—Я, говорю, ваша милость, это для наговору надо. Чтобы этотъ наговоръ въ меня внутрь вошелъ, а теперь покуда не мѣшайте, смотрите, что дальше будетъ.—Ну, ну, говоритъ, ворожи, посмотримъ!—Попросилъ я затѣмъ у него чеку отъ оси и сталъ на нее наговаривать, а потомъ положилъ ее, какъ ты мнѣ приказывалъ, за печку. Теперь, я говорю, пусть эта чека у васъ за печкой лежитъ, и всѣ у васъ тараканы изничтожатся, а теперь позвольте гривенничекъ за труды. Тутъ мой мужикъ и заартачился.—Какъ, говоритъ, такъ изничтожатся? Нѣтъ, ты такъ сдѣлай, чтобы этотъ гадъ самъ пошелъ весь при тебѣ изъ дому.—Какъ же это, я говорю, такъ сдѣлать, тараканъ безъ того погибнетъ.

— Нѣтъ, говоритъ, коли ты за это взялся, пусть при мнѣ и при тебѣ этотъ самый гадъ ползетъ изъ избы вонъ, да весь!—Что же мнѣ тутъ было дѣлать, Степанъ Парамонычъ?—обратился маркеръ къ поселенцу.—Какъ его сдѣлаешь, чтобы гадъ поползъ изъ дому!

— Ну, ну,—сказалъ мрачно поселенецъ:—что дальше-то было?

— Что дальше-съ? Я сказалъ, что не могу, а онъ мнѣ:—Такъ ты, говоритъ, обманщикъ! да какъ засвѣтитъ въ это самое мѣсто и прямо потомъ въ шею.

— Да ты со смѣкалкой человѣкъ, ты бы ему сдачи и *латата* *) задалъ.

— Ну, нѣтъ-съ! съ нимъ я тягаться не могъ, потому онъ верзилище-чалдонъ, а я вѣдь видите какой. А бѣжать хоть я и пустился, такъ онъ успѣлъ меня на лѣстницѣ еще раза два хлобыснуть. Видите, какой отъ этого мнѣ авантажъ вышелъ! Вона какъ глазъ-то вздуло! Нѣтъ-съ, я ужъ больше это ремесло не приму на себя. Чортъ съ ними, и съ тараканами.

— То-то больно вы жидковаты! — сказалъ поселенецъ. — Да, наши дѣла какъ сажа бѣла!—промолвилъ онъ черезъ нѣсколько времени.—Вотъ придетъ Евстигнейко, надо о другомъ дѣлѣ подумать, тоже худо!

*) Латата—тюремно-бродяжеское выраженіе «бѣжать».

— Что же такое?—озабоченно и робко спросили наши пріятели, причемъ поджилки у нихъ невольно затряслись.

— А вотъ что,—сказалъ тихо поселенецъ.—Видѣли вы у меня, съ полгода назадъ, этого мужиченку-сибиряка, съ козлиной-то бородкой?

— Ну, ну!—маркеръ и камердинеръ припомнили того плюгавенькаго мужика, который при ихъ прибытіи выдавалъ на выпивку поселенцамъ-старожиламъ деньги. Послѣ того, какъ маркеръ и камердинеръ были приняты въ компанію, они его видѣли еще раза два. Онъ приходилъ ругаться къ старшему поселенцу, долго упрекалъ его чѣмъ-то, наконецъ, они поссорились, и больше они этого мужика не видали.

— Ну, ну!—повторили маркеръ и камердинеръ.

— Такъ вотъ этотъ самый пошлецъ мужиченка,—продолжалъ поселенецъ:—пронюхалъ, что мы новоселамъ фальшивую бумажку сбыли. Какой-то новоселъ ему показалъ, а онъ и учитъ теперь эту бумажку самую представить и объявить, что онъ отъ насъ ее получилъ.

— Ахъ, онъ анафема!—воскликнулъ озабоченный маркеръ.

— Это дѣло совсѣмъ скверное,—промолвилъ поблѣднѣвшій камердинеръ.

— А вотъ какъ Евстигнейко придетъ, подумаемъ, нельзя ли поправить. Вы меня оставите одного съ нимъ поговорить. Мы это дѣло уладимъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно явился ссыльный Евстигнейко; онъ бросилъ за прилавокъ большой женскій платокъ и приказалъ цѣловальнику дать водки.

— Невѣстинъ?—спросилъ цѣловальникъ, пряча платокъ.

— Еще бы! не ворованный же! Послѣ обрученья подарила мнѣ на шею!—промолвилъ Евстигнейко.

— Вотъ какъ, Евстигней!—сказалъ старшій поселенецъ:—значитъ: у тебя дѣло слажено?

— Давно, братецъ,—сказалъ Евстигнейко:—послѣ того, какъ я ворота своей невѣстѣ дегтемъ вымазалъ, никто за нее свататься не сталъ, и теперь какъ хочешь, а выдавай за меня. Третьяго дня и сговоръ былъ, на недѣлѣ свадьба.

— Что же, ты съ ней жить будешь?—сказалъ насмѣшливо поселенецъ.

— Кой чортъ! мнѣ бы только казенныхъ на обзаведеніе 50 рублей получить, а потомъ лѣшій ее возьми, сибирячку эту!

— Ха-ха-ха!—залился поселенецъ: — вотъ это понашему, побродяжески! А мнѣ съ тобой поговорить послѣ надо по секрету.

— Ладно,—сказалъ Евстигнейко:—а сначала выпьемъ!

Распивши со штофъ водки на невѣстинъ платокъ, старшій поселенецъ мигнулъ маркеру и камердинеру, чтобы они немедленно вышли вонъ. Ночь была темная, собаки выли и оглашали лаемъ деревню, когда эти друзья направились, немного пошатываясь, изъ кабака.

— Ты куда?—спросилъ маркеръ камердинера, который началъ удаляться въ какой-то переулокъ.

— Къ своей полюбовницѣ!—сказалъ тотъ гордо.

— Смотри, осторожнѣе, Степанычъ!—предостерегъ его маркеръ.

— Ничаво! Не бойсь!—крикнулъ камердинеръ и, удаляясь, даже запѣлъ во все горло какую-то лакейскую пѣсню.

Между тѣмъ, между поселенцемъ и Евстигнейкой въ кабакѣ шла таинственная бесѣда далеко за полночь, они выпили еще съ полштофа, пока рѣшили вопросъ о доносѣ мужика.

— Такъ, эдакъ и порѣшимъ!—сказалъ, вставая, наконецъ, поселенецъ.

— *Лахманъ* *) да и баста, чего тутъ толковать!—сказалъ, пошатываясь, Евстигнейко.

— Чшшъ... пуля!—унялъ его, оглядываясь, поселенецъ:—новичковъ я не возьму, они трусы, только дѣло испортятъ! Эти слова вѣроятно относились къ маркеру и камердинеру, который въ эту ночь услаждался самымъ беззаботнымъ образомъ у своей Дульцинеи.

Наступило утро. Въ деревнѣ начинало брезжить. Деревенскіе пѣтухи весело перекликались, выпущенные гуси гоготали, перебираясь черезъ дорогу. На крестьянскихъ дворахъ появлялись зѣвающіе парни, подмазывающіе телеги и запрягающіе лошадей, чтобы ѣхать въ поле. Скоро совсѣмъ разсвѣло, и изъ дворовъ слышался оживленный говоръ и скрипъ телегъ. Выпившій наканунѣ камердинеръ долго проспалъ. Было уже совсѣмъ свѣтло, когда его всклокоченная и запухшая фигура появилась верхомъ на одномъ изъ деревенскихъ заборовъ.

— Это что такое? Смотри-ко, робя! Поселенецъ воровать лазилъ!—раздалось въ одномъ изъ дворовъ.

— Держи, лови его!—крикнули два дюжихъ парня, кинувшись къ забору.

*) Бродяжескій терминъ, который объяснится впослѣдствіи.

Камердинеръ опѣшилъ, онъ пробовалъ бѣжать, но внезапно почувствовалъ, что сзади его сцѣпили сильныя руки. Духъ его замеръ.

— Эй, сюда! Поселенца поймали! Воровать ходилъ!

— Барановъ рѣзалъ! Кладовую подламывалъ!—раздавалось со всѣхъ сторонъ, и мужики, и парни все болѣе стекались на улицѣ.

— Ахъ вы, варнаки! совсѣмъ на грабежъ пустились. Вотъ мы вамъ дадимъ! Вяжи руки! веди на сходъ! въ волость! въ острогъ! Лупи его тутъ же!—раздавалось кругомъ камердинера, котораго держали и крутили за руки.

— Какое, братцы, воровать!—наконецъ, воскликнулъ упавшій въ ноги и трясшійся какъ листъ камердинеръ.—Обыщите, я ничего не укралъ! Я къ полюбовницѣ ходилъ.

— Врешь собака! Къ какой полюбовницѣ? къ чужой женѣ? говори, варнакъ!

— Я къ солдаткѣ, къ вдовѣ, что̀ вотъ тутъ живетъ. Право, братцы, промолвилъ камердинеръ.

— А тебѣ нашихъ бабъ отбивать!—заголосило нѣсколько парней. Камердинеръ почувствовалъ, что сильныя крестьянскія руки все болѣе его сжимали, такъ что у него кости хрустѣли.

— Мы тебѣ дадимъ жару! Мы тебѣ дадимъ! Розогъ! Дрючками его!—слышалось кругомъ.

Получивъ нѣсколько дюжихъ тумаковъ и видя, что добираются до его нижней одежды, камердинеръ возопилъ благимъ матомъ: караулъ! но внезапно почувствовалъ, что его носъ и ротъ залѣпило что-то клейкое. Въ это время какой-то бойкій малый изъ молодыхъ деревенскихъ парней принесъ лагушку дегтю и, выхвативъ изъ нея мазилку, ткнулъ въ самый носъ оравшаго камердинера и затѣмъ началъ мазать ему всю голову. Благородная физіономія ловеласа приняла самый жалкій видъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ камердинеръ, покрытый съ ногъ до головы смолою, мчался по улицамъ, натыкаясь лбомъ на заборы, падая на кучи навозу, сбивая съ ногъ прохожихъ, въ то время, какъ отовсюду ему гудѣлъ оглушительный хохотъ толпы, а деревенскіе мальчишки гнались по его пятамъ.

Явившись въ самомъ ужаснѣйшемъ видѣ домой, этотъ джентльменъ кричалъ, охалъ отъ принятыхъ побой, не могъ отмыть ни лица, ни рукъ, сбросилъ всю выпачканную одежду и, валяясь на полу, какъ мать родила, клялся отомстить сибирякамъ самымъ ужаснымъ образомъ. Подлѣ него уныло сидѣлъ его другъ съ синякомъ, думая о томъ же.

Не было теперь поселенца, у котораго бы не накипѣло злобы противъ крестьянъ. Вражда была уже открытая. Какъ только поселенцы показывались на улицѣ, надъ ними или насмѣхались, или бранили ихъ. Гусей и барановъ совсѣмъ не выпускали изъ дворовъ. Курицъ держали въ избахъ. Бабы надѣлали изъ ребятъ часовыхъ и шпіоновъ. Эти маленькіе шпіоны слѣдили за поселенческой избой и подсматривали въ окна, не варится ли что у поселенцевъ, чтобы дать знать о пропажѣ. Эта тайная полиція особенно бѣсила поселенцевъ, тѣмъ болѣе, что надсмотрщиковъ рѣшительно нельзя было поймать и оттаскать за вихры. Благодаря молодымъ ногамъ, они мгновенно исчезали. Взбѣшенные поселенцы съ камердинеромъ и маркеромъ тщательно обдумывали планъ мести. Только одинъ старшій поселенецъ изъ бродягъ сталъ мрачнѣе, молчаливѣе и чаще обыкновеннаго скрывался съ Евстигнейкой. Евстигнейка между тѣмъ женился, билъ жену не на животъ, а на смерть и пьянствовалъ на выданныя ему казенныя деньги *).

— Что же онъ пьянствуетъ съ Евстигнейкой!—задумывались камердинеръ и маркеръ.—Что же насъ не пригласятъ!

Но поселенецъ приходилъ трезвый и даже мрачнѣе обыкновеннаго. Разъ онъ пропадалъ цѣлыя сутки; думали, что онъ ушелъ бродяжничать, но онъ воротился весь въ грязи и съ тѣхъ поръ уже не отлучался. Къ нему-то и обратились наши новички за совѣтомъ насчетъ отместки мужикамъ.

— Теперь дѣлайте, что хотите; я скоро уйду въ лѣсъ!—сказалъ, насупившись, поселенецъ и больше съ ними не говорилъ.

Прошло еще немного дней, и планъ кампаніи противъ мужиковъ былъ обдуманъ при помощи остальныхъ бродягъ-поселенцевъ.

Кампанія ссыльныхъ противъ крестьянъ.

II.

Разъ въ лѣтнее утро, когда мужики пробудились, что бы ѣхать на покосы, а сѣнокошеніе приходило къ концу, вдругъ деревня огласилась страшными воплями и криками.

У мужика, выводившаго тараканов при помощи маркера, оказалось въ стойлѣ до полудюжины перерѣзанныхъ и брошенныхъ

*) Есть законъ, по которому, для поощренія браковъ и обзаведенія ссыльныхъ, послѣднимъ выдается вспомоществованіе, которое и употребляется, какъ указано.

на мѣстѣ барановъ. Рыжій крестьянинъ, особенно не долюбливавшій поселенцевъ, вывелъ свою лошадь изъ-подъ темнаго навѣса и самъ изумился, взглянувъ на нее.

— Да это ты ли, Сѣрко?—пробурчалъ онъ:—ровно лошадь моя, а ровно не моя!—подумалъ онъ. Лошадь оказалась съ отрѣзаннымъ хвостомъ, безъ гривы, безъ челки, и, кромѣ того, у ней были обрѣзаны оба уха.

— Что же это за напасть такая!—воскликнулъ мужикъ, когда около него собиралась толпа, а глупые ребята хохотали около кургузой и совсѣмъ лысой, точно обритой лошаденки, понурившей голову.

Въ то же время съ другаго конца деревни бѣжала цѣлая ватага бабъ и старухъ, голося на всю улицу. Около дома солдатки, у сосѣдей, въ двухъ, трехъ домахъ, ночью въ кладовыхъ перебиты были всѣ крынки съ молокомъ и простоквашей, перебиты яица, вся глиняная посуда, опрокинуто масло, выброшенъ медъ и опакощено все, что только можно было опакостить. Деревня пришла въ неописанную ярость. Тамъ и тутъ слышался говоръ и крикъ.

— Это варнаки, посельщики! это ихъ дѣло!—слышалось въ толпѣ.—Довольно имъ баловать, тащи ихъ въ волостную да и въ городъ! Веди ихъ на сходку, тамъ міромъ присудимъ деранцу задать варнакамъ! Посылай десятскихъ за ними, староста!—кричали кругомъ.

Но поселенцевъ въ избѣ не нашли, они заранѣе, какъ видно, убрались на цѣлый день въ сосѣднія деревни или въ лѣсъ. Вскорѣ у волостнаго правленія скопились челобитчики съ жалобами. Тутъ стояла телега съ шестью зарѣзанными баранами, лысая, кургузая лошадь, понурившая голову, какъ будто чувствующая свое униженіе. На крыльцѣ голосили старухи съ черепками въ рукахъ. Но на этихъ челобитчиковъ, повидимому, мало обращалъ вниманія суетившійся писарь. Онъ разговаривалъ съ какою-то нюнившею бабою.

— Давно ли онъ потерялся-то?—спрашивалъ писарь.

— Да вотъ ужъ съ недѣлю нѣтъ. Я думала—въ городъ ушелъ да мужики и изъ города пріѣхали, говорятъ: онъ впередъ ихъ одинъ выѣхалъ, а въ городѣ не бывалъ. Вѣрно, что случилось. Ой, батюшки, помогите! Розыщите, Степанъ Митричъ!—баба голосила и кланялась въ ноги. Это была жена плутоватаго мужичка съ козлиною бородкою, бывшаго пріятеля поселенцевъ, исчезнувшаго нѣсколько дней неизвѣстно куда.

Въ то время, какъ надъ головою поселенцевъ собиралось болѣе и болѣе подозрѣній и даже въ волостное правленіе предсталъ встревоженный новосель съ фальшивою бумажкою, всученною ему

поселенцами,—въ это время поселенцы лежали верстъ за пять отъ деревни, въ глухой кедровой рощѣ; не было между ними только одного изъ старожиловъ-бродягъ, онъ отлучился въ деревню.

Къ вечеру въ лѣсу раздался свистъ, на него отвѣтили тоже свистомъ, и отлучившійся поселенецъ воротился.

— Ну что, Евстигнейко? — спросилъ его старшій поселенецъ-бродяга.

— Что, братцы, Евстигнейко сказываетъ, въ деревнѣ большой былъ переполохъ, въ волости жаловались...

— Ну, и пущай ихъ,—сказалъ старшій поселенецъ.

— Это бы ничего само собой, да Евстигнейко видѣлъ и проклятаго новосела, тотъ шелъ въ волостное правленіе, должно быть, говоритъ, съ бумажкой. Потомъ сказывалъ, что окуневскіе мужики верстъ за двадцать вчера видѣли въ лѣсу мужиченку убитаго, такъ хотятъ послать розыски.

— Какого мужиченку?—спросили вздрогнувшіе маркеръ и камердинеръ, знавшіе многое, но не слыхавшіе о пропажѣ мужиченка.

— Тутъ Жилинъ былъ мужиченко, пропалъ... какъ-то разсѣянно сказалъ пришедшій поселенецъ.

— Да это не тотъ ли, что такой плутоватый, попервоначалу къ намъ ходилъ?.. заикнулся камердинеръ.

— Какой къ намъ ходилъ! Что ты врешь, никакого мы не видѣли!—вдругъ прервалъ его грозно старшій бродяга, глаза его заблестѣли, и онъ, показавъ что-то камердинеру изъ рукава, промолвилъ:—Держи языкъ за зубами, баба!

Маркеръ отъ чего-то поблѣднѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Евстигней сюда же хотѣлъ прійдти, что-то поговорить нужно; говоритъ плохо!..—прервалъ прибывшій поселенецъ.

— Ладно!—сказалъ мрачный бродяга.

Въ лѣсу стемнѣло. Темныя тучи пронеслись надъ нимъ и вдругъ брызнулъ лѣтній дождь. Съ шумомъ закачались вѣковые кедры, поднялся вихрь, и скоро сквозь вѣтви полились на поселенцевъ цѣлые потоки воды. Они разбрелись и лежали подъ корнями на мокромъ мху. Чрезъ полчаса на нѣкоторыхъ не было сухой нитки, а вѣтеръ бушевалъ все сильнѣе. Наступила ночь. Изрѣдка слышались раскаты грома, а темные кедры качали огромными вершинами. Промокшіе поселенцы, дрожа отъ сырости, проклинали то свою участь, то сибирскихъ мужиковъ, то, наконецъ, Евстигнейку, заставлявшаго себя дожидаться.

Наконецъ, въ лѣсу послышался хрустъ деревьевъ, новые по-

селенцы вздрогнули, прижались за деревья, они думали, идутъ мужики, но при свѣтѣ молніи показался Евстигнейко. Онъ пришелъ, запыхавшись, весь въ грязи, и принесъ ковригу хлѣба.

— Ѣшьте, да надо о дѣлѣ потолковать!—сказалъ онъ озабоченно. Когда молнія прорѣзала еще разъ небо, то можно было замѣтить, что онъ былъ очень блѣденъ.

— Да говори, что тамъ еще?—сказалъ старшій поселенецъ.— Мы и такъ всего наслушались,—не испугаешь.

— Больше ничего, какъ теперь все на васъ, да и на меня попути, все валятъ. Нечего говорить тамъ ужъ о баранахъ и о кладовыхъ, а главное новоселъ, какъ я узналъ сейчасъ, въ волости сдѣлалъ объявку на счетъ билета и показалъ на васъ.

— Ну, еще что? — спросилъ тотъ же поселенецъ: — вали въ кучу, послѣ разберемъ!

— Да слышно, окуневскіе мужики этого найденнаго мужиченку въ волость везутъ...—Евстигнейко заикнулся:—за засѣдателемъ, говорятъ, послали; завтра къ утру будетъ.

— Такъ что же?—замѣтилъ старшій поселенецъ тѣмъ же твердымъ и насмѣшливымъ голосомъ.

— Ничего. Самъ знаешь,—сухо отвѣтилъ Евстигнейко.

— Больше ничего, какъ къ генералу Кукушкину пора, зажились мы! — сказалъ хладнокровно поселенецъ. — Къ тебѣ нельзя сегодня, Евстигнейко, переночевать да обсушиться?

— Никакъ нельзя, теперь мужиковъ страсть набралось къ намъ, все жену на меня жаловаться учатъ. Я и самъ теперь домой не пойду!—замѣтилъ Евстигнейко.

— Ну, такъ пойдемъ къ намъ,—сказалъ поселенецъ:—только надо осмотрѣть прежде избу, не занята ли да караулу нѣтъ ли; ежели нѣтъ и деревня теперь спитъ, мы обсушимся, а тамъ подумаемъ....

Поселенцы тихо двинулись изъ лѣсу. Дорога была скользкая. Крупныя капли дождя еще падали съ неба, вдали на темныхъ тучахъ еще играла молнія. Молчаливо шли они, вязня въ грязи и шлепая по лужамъ. Никто теперь не говорилъ ни слова. Маркера и камердинера била лихорадка, можетъ быть, отъ того, что они промокли, но они также не смѣли сказать ни слова.

Подойдя къ деревнѣ, былъ посланъ одинъ изъ прежнихъ поселенцевъ осторожно осмотрѣть поселенческую избу. Онъ нашелъ ее пустою и безъ караула. Тогда ссыльные начали, какъ воры, пробираться задами къ своему прежнему жилищу.

Но лишь только они подошли къ дверямъ, какъ вдругъ во

мракѣ показалась темная фигура; поселенцы струхнули. Одинъ старшій поселенецъ кинулся на эту фигуру и схватилъ ее за шиворотъ.

— Кто такой? говори! удушу!—крикнулъ онъ, пробуя свалить неизвѣстнаго противника.

— Это я, Михейко. Пусти, дяденька, что ты очумѣлъ!—пропѣлъ чей-то голосъ. Въ этомъ голосѣ поселенцы узнали пучеглазаго парня, ихъ пріятеля по партіи, жившаго въ батракахъ въ сосѣдней деревнѣ. Онъ считался самымъ глупымъ.

— Я къ вамъ шелъ, да вижу васъ нѣту, такъ воротился,—промычалъ, вставая съ земли, парень.

— Чего же тебѣ надо, чучело?—спросилъ грозно поселенецъ.

— Да я теперь, дяденька, отъ мѣста отошелъ. Меня вчирась хозяинъ всего избилъ....

— Ну, и чортъ съ тобой! Чего жъ ты шляешься?—спросилъ поселенецъ.

— Чего же ты пужаешь?—также вскинулись на парня до смерти перепугавшіеся камердинеръ съ маркеромъ.

— Да я еще шелъ сказать, что я видѣлъ, братцы....

— Ну, говори, что видѣлъ?—спросилъ маркеръ, предугадывая, вѣроятно, новую бѣду.

— Я, братцы, бродягъ видѣлъ....

— Бродягъ! — воскликнулъ старшій поселенецъ.—Да ступай, чортъ, въ избу!—прибавилъ онъ, втоклнувъ взашей парня и запирая крѣпко двери.—Огня, братцы, зажигать нельзя сегодня, не равно увидятъ,—сказалъ старшій поселенецъ:—надо обсушиться тихимъ манеромъ. Ну, такъ говори, чортова перечница, что ты видѣлъ?...

— Я вотъ хотѣлъ имъ сказать,—обратился парень къ маркеру и камердинеру.—Вчера меня хозянъ на заимку посылалъ къ одному крестьянину, верстъ съ два десятка отсюда больше будетъ, такъ тутотки я на балаганъ наткнулся; вижу—бродяги, я хотѣлъ натекъ, да вижу—знакомые все, въ партеѣ съ ними изъ Расеи шли, теперя этотъ бродяга старый, что съ нами шелъ, тотъ, что въ острогѣ сидѣлъ, черный, кривой, про Сибирь намъ сказывалъ; баба съ ними же, что въ острогѣ въ томскомъ видѣли....

— Не Улька ли?... спросилъ камердинеръ.

— Ну, ну, сказалъ парень:—она.

— Ну, что же они говорятъ?—спросилъ маркеръ.

— Поклонъ, говоритъ, скажи поселенцамъ. Не хочетъ ли кто съ нами идти, такъ мы, говоритъ, подъ Наварихиной, верстъ за 30 отсюда, дневку на мельницѣ будемъ дѣлать.

— Ну, знаю,—замѣтилъ старшій поселенецъ.

— Таково у нихъ, паря, баско,—продолжалъ парень.—Виномъ меня поили; за это хозяинъ и билъ-то меня. У того, стараго-то бродяги, денегъ, говорятъ, много, такъ онъ съ ножишшемъ спитъ-то. А баско у нихъ въ лѣсу-то. Меня въ Рассею звали.

— Что же, и ты хочешь идти, чучело, въ сосновый батальонъ, къ Кукушкину?—спросилъ поселенецъ насмѣшливо.

— Больно хотца въ Рассею-то,—сказалъ парень:—чего я здѣсь жить буду....

— Ну, пойдемъ въ Расею,—съ какою-то ироніей въ голосѣ замѣтилъ старый поселенецъ.

— Чего жъ, братцы, вотъ и случай есть, къ своимъ же и примкнемъ. Кто согласенъ за *савотейками* *)? Айда, ребята!

— Идетъ *на латата!*—послышались голоса.—Здѣсь теперь ужъ нельзя жить! Айда, да и кончено!

Маркеръ и камердинеръ даже почувствовали облегченіе отъ этого рѣшенія. Они знали, что иначе ихъ потянутъ теперь въ острогъ и начнутъ судить. Побѣгъ и бродяжество, всетаки, оттягивало это время.

— Такъ Улинька-то тамъ?—приставалъ камердинеръ, когда у него отлегло на душѣ.

— Поетъ,—отвѣтилъ парень:—и въ бандуру играетъ....

Между поселенцами послышался смѣхъ.

— Ну, веселье же намъ будетъ,—говорили поселенцы.

— Такъ, ребята, чуть свѣтъ, готовь мѣшки и въ походъ,—командовалъ старый поселенецъ.—Евстигнейко, ты съ нами?...

— Куда же я безъ васъ. Да и что мнѣ дома жить? Деньги получилъ, рублевъ десять еще не пропилъ, а жена?—пропадай она, мнѣ ея не надо!...

Побѣгъ и бродяжеская поэзія.

III.

Едва занималась заря, какъ наши поселенцы съ мѣшечками пробирались чрезъ поля, удаляясь отъ деревни.

*) Отправиться за «савотейками» значитъ собирать хлѣбъ въ бродяжествѣ—бродяжескій терминъ.

Утро было роскошное. Послѣ вчерашней грозы природа свѣжѣе смотрѣла и зелень блестѣла ярче. На высокихъ травахъ отъ показавшагося изъ-за горизонта перваго солнечнаго луча загорѣлись крупныя капли воды и постепенно осушаемыя нивы тихо заколыхались. Спящая деревня на берегу рѣчки была подернута легкимъ золотисто-розовымъ туманомъ, постепенно разсѣвавшимся. Извилистая, огибающая деревню, пропадающая въ зелени, рѣка была въ своемъ лѣтнемъ нарядѣ. Голубая ея гладь была покрыта громадными зелеными водорослями и водяными лиліями, такъ что вся она походила на заросшее озеро. Могучая растительность, раскидываясь по лѣсамъ, широко занимая луга высокими въ ростъ человѣка травами, спускалась по берегамъ и, наконецъ, какъ будто хотѣла поглотить самую воду. Началась уже жатва луговъ и множество стоговъ и копенъ окружали деревню. На громадномъ пространствѣ, лежа на откосахъ, раскидывались желтѣющіе и наливающіеся крупнымъ зерномъ хлѣба. Вырисовывающіяся на буграхъ высокія мельницы тихо повертывали своими широкими крыльями, готовыя принять громадные хлѣбные запасы съ этихъ неизмѣримыхъ полей.

Изъ деревни, въ облакахъ свѣтлой пыли, потянулось, наконецъ, длинною вереницею стадо. Все дышало, казалось, кругомъ этой деревни сельскимъ довольствомъ и изобиліемъ.

На другой сторонѣ рѣки выдвигалось селеніе новоселовъ, крестьянъ воронежцевъ *), переселенцевъ изъ Россіи. Оно отличалось тѣмъ отъ сибирскаго, что, по старому обыкновенію, ихъ избы были курныя, крыши желтѣли, покрытыя соломой, или зеленѣли, обложенныя дерномъ, съ торчащимъ горшкомъ вмѣсто трубы, наверху.

Въ первое же лѣто эти трудолюбивые люди успѣли снять на зиму сѣно. Теперь у нихъ были засѣяны громадныя поля на привольныхъ сибирскихъ земляхъ, обѣщающія богатую жатву. Переселенцы не разочаровались. Ихъ трудъ оплачивался съ избыткомъ. Эта деревня предъ разсвѣтомъ также начинала оживляться, доносился откуда-то скрипъ отворяемыхъ воротъ, отдаленный голосъ, и изъ закоптѣлыхъ горшковъ на трубахъ вылетали черные клубы дыма, тогда какъ въ сибирской деревнѣ дымъ изъ трубы вился голубоватыми и бѣлыми струйками. За этою заселенною и оживающею мѣстностью, на берегу зеленой рѣки, въ утреннемъ ту-

*) «Новоселами» называютъ въ Сибири переселенцевъ, добровольно явившихся изъ Европейской Россіи; поселенцами зовутъ только ссыльныхъ. *Авт.*

манѣ виднѣлась кедровая роща, къ которой и направлялись наши бѣглецы. Эта кедровая роща готовила къ осени обильные плоды. Тяжелыя шишки съ орѣхами качались на ея вѣтвяхъ. До осени никто не смѣлъ вступить въ нее. И только въ назначенный день домовладѣльцы и хозяева чуть свѣтъ примчатся сюда обыкновенно, всѣмъ міромъ, верхами и начнутъ въ перебой занимать деревья. Затѣмъ потянутся возы съ мѣшками, шумъ, гамъ, крики и смѣхъ раздадутся по всему лѣсу вмѣстѣ съ стукомъ палокъ, которыми околачиваютъ стволы, причемъ тяжелыя шишки, скача по вѣтвямъ, осыплютъ и почву лѣса, и людей. Вечеромъ здѣсь подъ мракомъ деревьевъ зажигаются веселые костры, освѣщающіе живописныя группы. Калятся на кострахъ свѣжія шишки съ орѣхами, дружныя пѣсни не смолкаютъ до утра, смѣшиваясь съ скрипомъ телегъ, отвозящихъ полные мѣшки въ деревню, чтобы потомъ сбыть по городамъ и селамъ, улицы которыхъ будутъ скоро усыпаны скорлупками каленыхъ орѣховъ, послѣ праздниковъ составляющими иногда цѣлыя наслоенія по сибирскимъ улицамъ.

Но, пока, въ этой рощѣ царствуетъ какое-то благоговѣйное молчаніе. Отовсюду вѣетъ прохладою. Мягкіе и пушистые мхи лежатъ у подножія лѣса. Таинственныя тѣни пробѣгаютъ по нимъ, въ то время, когда вѣковые кедры задумчиво качаютъ и шумятъ своими старыми вершинами, Не даромъ эти темныя рощи, наводящія задумчивость и способствующія внутреннему созерцанію, у древнихъ народовъ посвящались божествамъ, а старый русскій раскольникъ проводитъ въ нихъ года въ религіозномъ размышленіи одинъ, лицомъ къ лицу только съ могучею природою своего Бога. Въ этотъ лѣсъ теперь вступили наши поселенцы, охваченные его молчаніемъ и торжественностью. Они послѣдній разъ теперь взглянули на оставленную ими деревню. Въ это время сіяющее солнце въ полномъ блескѣ выглянуло изъ-за горизонта и яркимъ свѣтомъ облило лежащую передъ ними картину. Исчезъ мгновенно легкій утренній туманъ. Свѣтлая голубая даль смѣшалась съ лучезарнымъ свѣтомъ, залившимъ востокъ. Ярче заблистали луга своею зеленью. Же лтѣющія нивы залились ослѣпительнымъ золотомъ, и дремлющій колосъ поднялъ свою голову. Веселѣе засверкалъ лугъ своими цвѣтами. Пунцовые піоны, яркіе какъ пламя сибирскіе „жаркіе цвѣты“, дикія гвоздики, лиліи, назабудки, колокольчики, полевыя астры подняли свои головки, осушивъ мгновенно ночныя слезы, дрожавшія въ ихъ чашечкахъ, и свѣжіе утренніе ароматы еще сильнѣе понеслись въ воздухѣ. Въ минуту, подъ этими ослѣпительными и теплыми лучами

лѣтняго солнца, ожила вся природа, какъ будто бы дохнуло на нее теплымъ дыханіемъ. Воздухъ наполнился ласковой теплотою, ожили и лѣсъ, и луга, и веселыя пашни. Шарахнулись птицы, встрепенулись жуки, зарѣяли въ воздухѣ пестрыя бабочки и насѣкомыя, и все это запѣло, защебетало, затрещало и перемѣшалось въ самыхъ разнообразныхъ мелодическихъ звукахъ. Радужные цвѣта переливались въ воздухѣ, сотни звуковъ неслись отовсюду. Торжествующая, свѣтлая, играющая множествомъ нѣжныхъ красокъ и тоновъ проснулась праздничная природа въ это утро, какъ разодѣтая красавица въ праздничный день. Но наши ссыльные не любовались ею; этотъ свѣтъ и солнце и торжествующая природа пугали ихъ, они бѣжали отъ нея и, едва взглянувъ на ожившую картину, бѣглецы метнулись въ темную чащу лѣса.

Все болѣе они ускоряли шаги. Они вздрагивали, какъ только раздавался внезапно свистъ птицы, шорохъ вѣтвей, звукъ отъ треснувшаго сучка подъ ногами, или высовывался обгорѣлый пень. Ихъ пугали и тѣнь набѣжавшаго облачка, и прыснувшій въ дупло тарбаганъ, маленькій лѣсной звѣрокъ.

Это было замирающее, тревожное и напряженное чувство бѣглеца, ожидающаго преслѣдованія. Скоро они обогнули болото и ударились въ темную тайгу. Здѣсь начиналась трущоба. Громаднѣйшія ели и сосны тѣсно сближались между собою, охвативъ другъ друга широкими вѣтвями. Старыя колоды и вывороченные корни виднѣлись тамъ и здѣсь, заграждая путь. Спугнутая ящерица пробѣгала по нимъ, скрываясь въ темныхъ дуплахъ. Изрѣдка поднимался встревоженный ястребъ и съ рѣзкимъ свистомъ проносился надъ деревьями. Тяжелый филинъ метнулся изъ-подъ корней. Прянула съ дерева бѣлка и исчезла. Лѣсъ все становился гуще и недоступнѣе. Но и въ этой темнотѣ и глуши лѣса тревожное чувство не оставляло бѣглецовъ. Разъ послышался страшный трескъ, такъ что ссыльные должны были на минуту остановиться, со страхомъ ожидая медвѣдя, но это промчался сибирскій лось. Онъ прорѣзывалъ чащу рогами, перебивалъ иногда сильнымъ копытомъ молодыя деревья и исчезъ въ дали, оставивъ свѣтлое, сіяющее отверстіе въ концѣ бора.

— Эге! да тутъ поляна близко,—сказалъ старшій поселенецъ, предводительствовавшій отрядомъ бѣглецовъ.

Путники прибавили шагу, и черезъ полчаса, усталые и облитые потомъ отъ поспѣшной ходьбы, поселенцы очутились на какомъ-то лугу. Ихъ обдало со всѣхъ сторонъ свѣтомъ, обширное мѣсто за-

нято было пашнею, въ сторонѣ стояла хилая избушка и около нея накиданные стога сѣна. Тяжелые колосья низко нагибались, волнуемые вѣтромъ. Надъ полемъ высоко вился жаворонокъ, трепеща крылышками, и цвѣтныя мошки, блистая на солнцѣ, кружились въ своихъ хороводахъ. Лучи взошедшаго высоко солнца обдали жгучими лучами нашихъ странниковъ.

— Ну, верстъ 10 отмахали! — сказалъ старшій поселенецъ, взглянувъ на солнце и измѣряя его опытнымъ глазомъ, какъ иной морякъ не измѣритъ его меридіана.—Это Емелькина пашня, твоего пріятеля, что тебѣ синякъ на память подарилъ,—обратился онъ къ маркеру.

— Ахъ, чтобъ его!—крикнулъ озлобленно маркеръ.

— Что же, не хочешь ли сибирякамъ память оставить?—сказалъ язвительно старый поселенецъ. — Теперь недалеко, скоро выйдемъ на дорогу,—прибавилъ онъ:—прорѣжемъ ее, да и пустимся черезъ тайгу, этакъ ночью-то будемъ пировать у нашихъ, на окуневской мельницѣ. Что же, ребята, память-то оставлять, что ли?

— Что же, поджечь, что ли, на славу!—сказалъ ободрившійся и набравшійся теперь бродяжескаго духа маркеръ.—Эй, Михейко! высѣкай огня!—крикнулъ онъ пучеглазому парню.

Михейко повиновался. Огонь былъ добытъ.

— Подкладывай!—крикнулъ камердинеръ.

Михейко разжегъ сухую траву и бросилъ подъ стогъ, самъ хорошенько не понимая, на что это. Глупый, наивный, онъ попрежнему стоялъ съ выпученными глазами, ожидая, что будетъ дальше.

— Теперь ай-да!—крикнули поселенцы и какъ изъ лука стрѣла помчались въ лѣсъ.

Мигомъ охватило пламенемъ крестьянское сѣно и попути избушку, широкій бѣлый столбъ дыма вылетѣлъ и расползся на свѣтлой синевѣ неба. Маленькіе огни змѣйками бѣжали по травѣ, подбираясь къ хлѣбамъ.

— Важно закрутило!—сказалъ черный бродяга-поселенецъ, остановившійся у опушки лѣса и съ дьявольскою усмѣшкою посматривая на пожаръ.

А поселенцы давно уже мчались по лѣсу. Изрѣдка изъ-подъ ихъ ногъ улепетывалъ заяцъ, какой-то звѣрокъ бросился въ кущу. Бѣлка летяга быстро понеслась передъ ними по высокимъ елямъ и вдругъ при концѣ лѣса съ высоты обрыва ринулась въ зеленую кущу кустарниковъ. Показалась большая дорога. Запыхавшіеся поселенцы на минуту остановились надъ нею, поджидая осталь-

ныхъ, какъ внезапно раздался звонъ колокольчика и показалась тройка.

— Это, вѣрно, засѣдатель! — крикнули ссыльные и кинулись снова въ кусты. Тройка промчалась. Въ повозкѣ ухарски сидѣлъ человѣкъ съ огромными бакенами и усами, въ фуражкѣ съ кокардою, подлѣ него лежала толстая суковатая палка. Ежели бы испуганные поселенцы не дали стрекача, они, можетъ быть, въ этомъ господинѣ увидѣли бы не засѣдателя, а стараго своего спутника по партіи и ссылкѣ, — „бойкаго мужчину съ ста тысячами несчастій“ *). Какъ видно, онъ началъ также свои подвиги въ Сибири. Выигравши нѣсколько деньжонокъ въ гостиницѣ „Венеціанская ночь“, въ Томскѣ, онъ вздумалъ предпринять болѣе обширный планъ, а именно обревизовать въ качествѣ фальшиваго ревизора, съ поддѣльными документами, нѣсколько глухихъ волостей, куда рѣдко заѣзжаетъ начальство. Онъ уже привелъ отчасти свой планъ въ исполненіе, а именно объѣхалъ нѣсколько сельскихъ управленій, напугалъ мужиковъ и сельскихъ писарей своей суковатою палкою, опечаталъ сельскія кассы, вынувъ ловко при этомъ изъ нихъ деньги, собралъ множество контрибуцій съ писарей и теперь скакалъ въ ту волость, откуда вышли поселенцы. Онъ мчался смѣло и бойко, не зная, что, можетъ быть, черезъ часъ ему будетъ суждено быть арестованнымъ нагоняющимъ его засѣдателемъ. Впрочемъ, развязный мужчина, по всей вѣроятности, и тутъ не сконфузится. На заявленіе: „позвольте васъ арестовать!“ онъ отвѣтитъ:

— Сдѣлайте одолженіе, monsieur, я очень радъ съ вами познакомиться, да кстати, нѣтъ ли у васъ съ собой рому, мы бы выпили, да ежели есть карты, то и переметнулись бы.. а то вѣдь здѣсь глушь, скука страшная!..

Наступала ночь, когда наши поселенцы сидѣли, послѣ дневнаго путешествія, въ дружеской бродяжеской компаніи, около старой мельницы, гдѣ имъ назначено было свиданіе бродягами. Привѣтливо пылалъ костеръ, около котораго располагалась бродяжеская группа. На огнѣ жарилась громадная задняя четвертуха говядины и варился котелокъ. Пріятный запахъ мяса щекоталъ ноздри бродягъ. Старый бродяга, тотъ самый, который гордо показывалъ въ партіи маркеру и камердинеру клейма на рукѣ, те-

*) Портретъ и типъ этого ссыльнаго изъ привиллегированныхъ описанъ авторомъ въ другихъ главахъ, не вошедшихъ сюда.

перь съ чувствомъ особеннаго довольства лежалъ около балагана, сдѣланнаго изъ молодыхъ березъ, и какъ-то эпикурейски философствовалъ, какъ любитъ философствовать человѣкъ, отдыхающій послѣ утомительнаго пути или послѣ трудной работы.

— А ничего теперь этого мясца поѣсть,—говорилъ онъ, осклабясь:—потому, какъ проходя этой тайгой, у насъ отъ проклятой черемши да брусники совсѣмъ брюхо подтянуло. Помнишь, Васька, какъ мы грибы-то жрали, да брюхо у насъ схватило!..

— Да, братъ, чуть не померли!—замѣтилъ кривой бродяга Васька, переворачивая говядину.—Очинно тогда туго пришлось!..

— Ха, ха, ха! Вѣрно не любишь!—сказалъ старый бродяга, прибывшій изъ деревни:—ты вѣрно впервой бродяжишь?..

— Какое, братецъ, восьмой годъ маемся,—замѣтилъ Васька, мигнувъ зрячимъ глазомъ.

— Отколь у васъ это, братцы, сегодня пиръ такой?—спросилъ старшій поселенецъ, приведшій новичковъ.

— Извѣстно, сибиряки угощаютъ. Мы, братъ, нынче за мелкой дичью не ходимъ. Даве наши молодцы цѣлую корову сперли!—сказалъ клейменый бродяга.

— Вотъ это ловко!—замѣтилъ поселенецъ.

— Недавно вотъ до васъ тутъ цѣлая переполоха вышла, мужики наѣзжали обыскивать насъ; ну, да тоже мое почтеніе, отъѣхали съ носомъ.

— А что?—спросилъ поселенецъ.

— Да мы, какъ корову-то стибрили, сичасъ ее увели въ лѣсъ, закололи, разрѣзали, да видишь, вонъ тотъ ручей?—туда ее и спрудили по частямъ въ воду.

— Какъ же водой-то не унесло?—сказалъ кто-то изъ новичковъ-поселенцевъ.

— Чудакъ-человѣкъ! на бичевкахъ спустили,—сказалъ, добродушно улыбаясь, клейменый.—Ну, мужики поискали кругомъ да около,—видятъ ни коровы, ни мяса нѣтъ, такъ и уѣхали.

— А мужики васъ не берутъ?—спросилъ камердинеръ, видимо заинтересованный лично въ этомъ вопросѣ, ибо, какъ бѣглецъ, онъ начиналъ ожидать каждую минуту, что вотъ придутъ да и возьмутъ ихъ всѣхъ.

— Не берутъ. За что же имъ брать?—передразнилъ его бывшій учитель-поселенецъ.—Бери, коли попался, *съ качествомъ*. А то за что-жъ онъ меня возьметъ? Насъ не переловишь. А представь онъ меня безъ дѣла, вѣдь товарищи ему и деревню выжгутъ.

— Это вѣрно, только тронь!—сказалъ старый бродяга.

— Что же, неужели такъ по всей Сибири?—спросилъ одинъ изъ новыхъ бродягъ.

— Извѣстно, по всей,—сказалъ старшій бродяга:—кто тебя тронетъ! гуляй, бродяга! Эхъ братцы, однако, говядина поспѣла. Ну-ко, Васька, вынимай черепуху, что даве мельникъ принесъ. Улинька, затяните-ко намъ, матушка, бродяжескую.

Около кустовъ показалась Улинька, бойкая бродяжка, съ которою въ это время бесѣдовалъ маркеръ, питавшій къ ней особенно нѣжныя чувства еще въ острогѣ.

— Матушка, Улинька, гаркни нашу бродяжескую, разутѣшь душу, разгуляй тоску!—присоединились другіе бродяги.

Улинька была смуглая и высокая поселенка, въ послѣднее время постоянно осуждаемая за неоднократные побѣги съ любовникомъ на заводы. Она была молодая дѣвушка сильная, мужественная и закаленная въ бродяжествѣ. Лицо ея загорѣло, но сверхъ загара проступалъ яркій румянецъ; взглядъ ея былъ смѣлый, проницательный; вся фигура дышала отвагой и одушевленіемъ. На ней была худенькая ситцевая юбка, платокъ вмѣсто пояса, а на плечахъ одна рубашка, изъ-за которой выставлялись загорѣлыя плечи и полная грудь; только на боку висѣла большая красная деревенская шаль, завязанная черезъ плечо. Въ этомъ костюмѣ она напоминала цыганку.

— Улька, что-же ты упрямишься, аль съ поселенцами знакомство свела?—сказалъ одинъ изъ мужчинъ высокаго роста, съ лихо закрученными усами, какъ видно неравнодушный къ Улинькѣ.

— Молчи, савотеешникъ!—отвѣчала бродяжка, обдавъ бродягу своимъ чернымъ, жгучимъ взглядомъ.

— Ну, ну, Улинька, спой, матушка!—упрашивали ее поселенцы.

— Водочки, братцы, по чепарухѣ. Новички, ну-ка,—бродяжеской!—крикнулъ въ это время Васька, исполнявшій должность кашевара и кравчаго. Компанія выпила и оживилась.

Молодая бродяжка взяла походную балалайку у одного изъ бродягъ, встала въ средину круга, откинула свои черныя косы и, освѣщенная съ ногъ до головы яркимъ пламенемъ костра, на который бросили цѣлую охабку хвороста, очутилась въ непринужденной и гордой позѣ привычной пѣвицы. Камердинеръ даже залюбовался на нее.

— Что-же вамъ, варнаки, бродяжескую, что-ли?—плутовски улыб-

нувшись, сказала Улинька и, не дожидаясь отвѣта, откинувшись всѣмъ тѣломъ, запѣла:

Охъ! вы, бродяги, вы, бродяги,
Вы, бродяженьки мои!
Что и полно-ль вамъ, бродяги,
Полно горе горевать!
Вотъ придетъ зима, морозы,
Вы лишитеся гульбы,
Вы лишитеся, шельмы, гульбы!

Въ послѣднихъ словахъ ея голосъ зазвучалъ насмѣшкой, вся фигура опрокинулась, засмѣялась, а въ глазахъ горѣлъ сарказмъ и иронія.

Въ этомъ голосѣ, звонкомъ и насмѣшливомъ, отражался весь характеръ пѣвицы, то страстный, увлекающійся, то гордый, насмѣшливый и независимый, могущій довести до бѣшенства своимъ коварствомъ и надменностью.

Скоро голосъ пѣвицы зазвучалъ мягче и симпатичнѣе. Въ этой пѣснѣ развивалась цѣлая драма бродяжеской жизни. Здѣсь было описано и наказаніе, и приговоръ на каторгу, и то, какъ наказанные „со коичекъ вставали, становилися въ кружокъ“ и разсуждали о своей участи.

Вдругъ пѣсня приняла веселый оборотъ, и бродяги грянули уже хоромъ:

Мы Нерчинска не боимся,
Намъ въ Бобруцкѣ не бывать!
Путь-дороженька тутъ близко,
Со пути можно бѣжать.

Эта дружно подхваченная пѣсня, звонко, шумно и одушевленно понеслась по лѣсу вмѣстѣ съ разгоняемымъ вѣтромъ и дымомъ все ярче и ярче пылающаго костра.

Не одинъ бродяга задумался надъ этою пѣсныо, не одно бродяжеское сердце билось, смотря на молодую бродяжку.

Улинька, Улинька! сколько бѣдныхъ бродяжескихъ сердецъ изсушила ты! Съ сколькими добрыми молодцами гуливала ты объ руку по темнымъ сибирскимъ лѣсамъ, идя съ заводовъ, сколько отваги, борьбы положили они за тебя, причиною какой жгучей ревности была ты у нихъ и сколько, сколько въ этихъ же лѣсахъ совершилось изъ-за тебя, можетъ быть, кровавыхъ сценъ, и не одинъ бродяга порѣшилъ другаго, чтобы овладѣть тобою! А ты все осталась независимой и попрежнему чаруешь своихъ друзей-бродяженекъ, какъ будто смѣешься надъ ними. Богъ съ тобою, гордая паляница!

Ты, можетъ быть, не подозрѣваешь своей силы, вольная, вольная птица!

Цѣлую ночь неслись бродяжескія пѣсни. Бродяжеское веселье было беззавѣтное, широкое веселье, не думающее о завтрашнемъ днѣ, какъ будто бы это былъ послѣдній разгулъ на вольной жизни, потому что никто не могъ ручаться за то, что завтрашній день его встрѣтитъ не въ тюрьмѣ. Новая картина этой жизни рисовалась предъ новичками-бродягами.

Темная зелень, несущійся луговой запахъ цвѣтовъ и свѣжей травы, ярко пылающій костеръ, освѣщающій группу отважныхъ и смѣлыхъ фигуръ, раскинувшихся на травѣ и подпершихъ голову въ какомъ-то раздумьѣ; энергичная фигура пѣвицы, ея раскраснѣвшееся лицо, горящіе какъ уголь глаза, наконецъ, ея задушевный, сладкій, то убаюкивающій, то саркастическій и насмѣшливый голосъ,—все это дѣйствовало опьяняющимъ образомъ на нашихъ пришельцевъ. Это была своеобразная поэзія бродяжеской жизни. Предъ маркеромъ и камердинеромъ мелькало въ эту ночь все видѣнное ими какъ сонъ. Судьба очень быстро перебрасывала ихъ изъ одного положенія въ другое, такъ что они не успѣвали очувствоваться. По мѣрѣ того, какъ пустѣла огромная бутыль пѣнной, вынесенная днемъ изъ сосѣдней деревни, пѣсни бродягъ шумнѣе и шумнѣе разносились по вѣтру.

Только къ утру хриплые голоса начали прерываться, отяжелѣвшія головы понемногу склонялись, и бродяги одинъ за другимъ заползали подъ вѣтви балагана. У камердинера и маркера тоже замелькало въ глазахъ. Послѣ тяжелаго и полнаго сильныхъ ощущеній дня ихъ взяла усталость. Хотя они все еще пробовали таращить глаза, но силы ихъ ослабѣли, дремота прерывала ихъ бодрствованіе. Изрѣдка передъ ними мелькала еще не то воснѣ, не то наяву пляска молодой женщины, мечущейся, какъ вакханка, около костра подъ звуки пѣсенъ, то все стушевывалось и, когда они открывали глаза, то видѣли круговую чарку и пестрыя одежды бродягъ, еще немного мелькнуло передъ ними два лица лобзающихся между собою пріятелей, оканчивающихъ пиршество и укладывающихся спать, причемъ одинъ положилъ голову на брюхо другому. Наконецъ, мелькалъ уже одинъ костеръ, догорающій тихимъ пламенемъ, и около него лежала громадная фигура охмѣлѣвшаго стараго каторжнаго. Когда костеръ вспыхивалъ, онъ освѣщалъ его клейменое лицо да жилистую руку, откинутую во снѣ, туго стянутую ремнемъ, на которомъ висѣлъ ножъ, во время сна бродяги

выпавшій изъ рукава. Наконецъ, все исчезло, и наши пріятели погрузились въ тяжелый сонъ.

Не спалъ только одинъ вышедшій сегодня изъ деревни старшій поселенецъ изъ бродягъ. Онъ лежалъ подъ зеленою „ракитою", которую такъ любятъ воспѣвать бродяги, лежалъ на спинѣ и задумчиво смотрѣлъ въ синее, безоблачное небо, на которомъ то вспыхивали, то потухали свѣтлыя и разноцвѣтныя звѣзды. Видимо онъ наслаждался прохладою и тишиною ночи и этою царящею надо всѣмъ свободою, изрѣдка прислушиваясь то къ вѣянью по кустамъ тихаго вѣтра, то къ журчанью близь текущей рѣчки, то къ далекому, унылому и монотонному плачу кукушки, этой по преимуществу любимой бродягами птицы, можетъ быть, за то, что она, такъ же какъ и они, не имѣетъ своего гнѣзда и вѣчно оплакиваетъ свою участь.

Въ эту ночь старый поселенецъ изъ бродягъ испытывалъ всѣ чары лѣсной жизни, о которой побывавшій разъ въ бродяжествѣ мечтаетъ въ тюрьмѣ, въ рудникѣ, на каторгѣ и даже на поселеньѣ, за которую онъ несетъ плети и ужасныя физическія муки.

> О, только разъ бы вздохнуть
> Дыханьемъ луговъ полевыхъ!
> О, только разъ бы вздохнуть!

Эпилогъ бродяжества.

Вставши рано поутру, новоприбывшіе бѣглецы, въ томъ числѣ камердинеръ и маркеръ, ближе осмотрѣли новыхъ своихъ знакомыхъ, съ которыми приходилось имъ идти. Это была сборная группа ссыльныхъ-странниковъ со всѣхъ концовъ Сибири. Здѣсь былъ старый знакомый ихъ по партіи, каторжный съ клеймами, 6-й разъ совершающій побѣгъ, въ томъ числѣ раза четыре бывавшій за Ураломъ, наказанный и возвращаемый снова въ Сибирь, на рудники, откуда онъ еще разъ десять предполагалъ бѣжать. Были поселенцы, видѣнные новыми ссыльными въ томскомъ острогѣ, успѣвшіе послѣ водворенія пуститься въ бѣга кто съ пріисковъ, кто изъ деревни.

Въ этой же средѣ находился извѣстный бродяга, учившій ссыльную партію передъ Тюменью одѣваться сѣномъ и на остроту камердинера предсказавшій уже тогда имъ бродяжескую будущ-

ность. Были люди изъ арестантскихъ ротъ, съ каторжныхъ заводовъ, арестанты, бѣжавшіе съ дороги и изъ остроговъ. Былъ въ этой средѣ старикъ, хилый и плѣшивый, который кончалъ свою жизнь въ бродягахъ, скитаясь по сибирскимъ деревнямъ лѣтъ 30 и выпрашивая милостыню, но тутъ же виднѣлась цвѣтущая здоровьемъ молодая пара любовниковъ. Это были Улинька съ молодымъ каторжнымъ Калиной, молодцоватымъ, сильнымъ и красивымъ парнемъ, отличавшимся необыкновенною дерзостью въ побѣгахъ. Разлучаемые нѣсколько разъ ссылкою, они снова отыскивали другъ друга на заводахъ. Это была чисто бродяжеская пара.

Всѣ эти люди соединились вчера въ партію на перекресткѣ бродяжескаго тракта около Окуневской мельницы, гдѣ бродяги поджидаютъ обыкновенно знакомыхъ, чтобы продолжать путь за Уралъ. Эта группа, состоявшая изъ человѣкъ 30-ти, должна была, однако, сегодня раздѣлиться и пойдти частями, такъ какъ по деревнямъ необходимо пробираться только подвое. Большихъ бродяжескихъ шаекъ не любятъ ни крестьяне, ни земское начальство. При томъ многіе изъ бродягъ, вѣроятно, двинутся на разные тракты.

Въ сторонѣ отъ бродяжескаго табора, по этому поводу, на утро совѣтовались два главныхъ бродяжескихъ вожака: старый каторжный и старый поселенецъ, приведшій бѣглыхъ ссыльныхъ изъ деревни.

— Такъ вы, значитъ, отъ Колывани пойдете на Карасукъ, а потомъ по Иртышу на Тюкалу, а потомъ мимо Ишима къ Ялуторовску и на Шадринскъ, здѣсь и перевалъ въ Рассею начнете?— говорилъ старый поселенецъ.

— Да, надо быть такъ,—отвѣчалъ каторжный:—къ Камышлову теперь хоть не ходи: третій разъ попадаюсь, чтобъ его прахомъ взяло! Это теперь Пермская губернія годъ отъ году хуже: берутъ бродягъ, что ты хочешь!

— Текъ-съ! Ну, такъ ужъ и мы ударимъ на этотъ же трактъ съ новобранцами для компаніи,—сказалъ предводитель поселенцевъ.

— Дѣло!

Пока вожаки условливались, какъ идти по Сибири и гдѣ удобнѣе переваливать въ нынѣшнее лѣто Уралъ, около одного костра, гдѣ въ бродяжескомъ котелкѣ варилъ кто-то кирпичный чай, а другіе поджаривали оставшуюся говядину, сидѣли маркеръ и камердинеръ, понуривъ голову и соображая на счетъ новаго своего положенія. Свѣтлый день, шорохъ листьевъ, издали доносящійся лай деревенской собаки и крикъ пѣтуха опять начинали наводить

на нихъ грустныя размышленія, нѣкоторую робость и тревогу, ощущаемую новичкомъ-бѣглымъ.

Увидя ихъ нерѣшительный видъ, какой-то добродушный краснобай-бродяга взялся воодушевить ихъ.

— Эй вы, новички, что насупились-то? Чего робѣете! Ты смотри, какую мы развеселую жисть ведемъ! Нечего носъ-то вѣсить! Въ Рассею пойдемъ!

„Въ Россію?"—теперь только встрепенулись наши поселенцы, невнимательно слушавшіе бродягу. „Въ Россію, на родину, а что въ самомъ дѣлѣ!"—шелохнулось въ душѣ ссыльныхъ. „Въ Россію!" это—магическое слово для ссыльнаго; все забыто: опасность, страхъ наказанія, ожидающія впереди плети и каторга. Самыя безумныя надежды вспыхнули при этомъ имени; все забытое, старое, родное воскресло при одномъ этомъ звукѣ; что-то горячо прилило въ сердце и охватило его страстнымъ, замирающимъ чувствомъ. Завѣтная мысль ожила изъ-подъ гнета безнадежности; какая-то тяжесть спала, которую долго носилъ поселенецъ, и его мысль понеслась неудержимо въ даль, туда, куда вѣчно стремилась подавленная и изгнанническая душа его. Давно затаенное желаніе теперь могучимъ пламенемъ охватило все существо ссыльнаго. Онъ готовъ будетъ съ этой минуты кинуться на все, чтобы удовлетворить этому желанію. Подъ вліяніемъ завѣтной надежды пойдетъ отнынѣ новый бродяга съ облегченнымъ сердцемъ. Что за нужда, что онъ нищій, безъ крова и мѣста,—онъ идетъ ожившій, смѣло и весело. Страданія голода, трудности пути, усталость, непогода, осенніе дожди и зимнія вьюги—все нипочемъ ему. Его грѣетъ невѣдомый внутренній жаръ, и одно сладостное чувство заставляетъ забывать всю боль страданія, всѣ муки тѣла.

Такимъ образомъ, одно это слово рѣшило судьбу поселенца на цѣлую жизнь и сдѣлало его мономаномъ. Почувствовавъ малѣйшую вѣроятность осуществить свое инстинктивное желаніе, онъ будетъ стремиться къ этому безостановочно цѣлую жизнь. Пойманный, можетъ быть, въ сосѣдней же губерніи и посаженный въ острогъ, наказанный плетьми и сосланный на заводъ, онъ не разувѣрится и будетъ попрежнему мечтать, какъ бы лучше осуществить побѣгъ, какъ бы осторожнѣе пробраться за Уралъ. Не удалось 5 разъ, удастся, какъ знать, можетъ быть, въ шестой, не удалось въ шестой, удастся въ седьмой и т. д. Вотъ почему эти мономаны совершали изъ Сибири по 18 и по 20 побѣговъ. Они перелавливаются каждый годъ цѣлыми сотнями уже въ Тобольской и Пермской губерніи.

Ихъ наказываютъ, ссылаютъ въ рудники, удваивая, утраивая каждый разъ сроки, а они все бѣгутъ и бѣгутъ въ свою Рассею, какъ будто бы ослѣпленные, фанатически отдавшіеся одной идеѣ, одному чувству, которое ихъ фатально каждый разъ ведетъ только къ гибели.

Въ Сибири каждую весну къ берегу раздольно разлившейся рѣки прибываютъ тысячныя арміи маленькихъ звѣрковъ — полевыхъ мышей. Они совершаютъ свои переселенія, гонимые, вѣроятно, тѣмъ же инстинктомъ, какимъ двигались цѣлые народы, выкидываемые изъ нѣдръ Азіи въ Европу.

Эти маленькіе звѣрки-эмигранты не останавливаются ни передъ чѣмъ: ни передъ лѣсами, ни передъ крутизною горъ, ни передъ болотами и небольшими рѣчками, которыя имъ удается переплывать. Держась одного направленія и дойдя до громадной рѣки, подъ вліяніемъ непреодолимаго инстинкта идти впередъ, ихъ предводители кидаются въ волны и скоро уносятся могучею рѣкою. Это навливаетъ, однако, послѣдующихъ, не смотря на гибель передоне оставыхъ; войско этихъ мермидоновъ-звѣрковъ кидается за ними и погибаетъ въ рѣкѣ. Такова судьба и сибирскихъ бродягъ. Въ этомъ заключается трагическій cercle vicieux ихъ злополучной жизни!

Но что бы ни было впереди, что бы ни ждало ихъ, въ это свѣтлое лѣтнее утро, обогрѣтые привѣтливо солнцемъ, ссыльные встанутъ веселѣе обыкновеннаго и со словами:

— Ну, ребятушки, въ путь, въ Рассею!—они двинутся дружною толпою въ путь.

Каждое утро они будутъ вставать съ этими словами и идти по обширнымъ полямъ и долинамъ сибирскимъ, по темнымъ какъ ночь сибирскимъ тайгамъ и дубровамъ, по высямъ горъ и глубинѣ овраговъ, днемъ пробираясь по деревнямъ, а ночью зажигая веселые костры въ лѣсу.

— Въ Рассею, такъ въ Рассею!—сказали и наши друзья, камердинеръ и маркеръ, видимо оживившіеся, и двинулись послѣдніе за бродяжейской партіей.

— Эхъ! Михейко-то гдѣ-то запропалъ! Вѣдь и онъ тоже хотѣлъ въ Рассею,—грустно замѣтилъ маркеръ.

— Поди, попался! Эхъ Михейко, Михейко!—сказалъ, покачавъ головой, маркеръ.

Деревенскаго ихъ пріятеля, дѣйствительно, съ ними не было, и камердинеръ съ маркеромъ въ первый разъ пожалѣли пучеглазаго парня.

Участь Михейки, между тѣмъ, была незавидна. Лишь только онъ увидѣлъ вчера, какъ закрутилъ на пашнѣ огонь, онъ помчался со всѣхъ ногъ въ лѣсъ, не обращая вниманія, куда послѣдуютъ поселенцы. Долго онъ подъ вліяніемъ страха мчался въ чащу лѣса, запинаясь о повалившіяся колоды, зацѣпляясь за вѣтви, за кочки, за обгорѣлые пни. Исцарапанный, оборванный, онъ все бѣжалъ дальше и дальше, пугаясь и своей тѣни, и вѣтвей, и собственнаго шума. Какъ отуманенный, выскочилъ онъ на поляну, и удивленному его взору представилось болото, неподалеку лежащее верстахъ въ двухъ отъ деревни. Обезсиленный, измученный, съ разбитыми ногами, съ исцарапаннымъ лицомъ, очутившись передъ деревней, онъ совсѣмъ перепугался. Хотѣлъ бѣжать назадъ, но силъ не доставало; онъ бросился въ кусты, покрывавшіе болото, завязъ въ немъ и упалъ подъ первымъ кустомъ, гдѣ въ какомъ-то забытьѣ пролежалъ до вечера.

Между тѣмъ, въ деревнѣ была страшная суматоха. По направленію къ пашнѣ мчались въ однѣхъ рубахахъ на бойкихъ лошадяхъ сибирскіе мужики, завидѣвшіе рано пожаръ. Они цѣлый день тушили его, такъ какъ вся пашня занялась огнемъ; отъ нея чуть не загорѣлась тайга, и тогда огонь кинулся бы на деревню, а потомъ пошелъ бы гулять на сотни верстъ по всей тайгѣ, поглощая лѣса и деревни, разливая вездѣ огненное море лѣсныхъ пожаровъ, которые въ Сибири представляютъ грандіозное, потрясающее и страшное зрѣлище.

Цѣлый день работавшіе крестьяне только къ вечеру успѣли потушить пожаръ. Усталые, подвое и потрое верхами, возвращались они въ деревню. Солнце закатывалось, когда двое изъ нихъ на бойкихъ, приземистыхъ лошадкахъ подъѣзжали къ болоту. Одинъ былъ низенькій, плотный съ калмыковатымъ лицомъ и жиденькой бородкой, носившій слѣдъ инородческой помѣси и называемый въ Сибири *карымомъ* (метисомъ), другой, высокій, рыжій дѣтина съ большой окладистой бородой. Они были въ высокихъ шапкахъ, оба перетянуты крѣпко ремнемъ, за плечами у нихъ висѣли винтовки, подлѣ лошадей бѣжала чуткая собака, вѣчный спутникъ крестьянина въ тайгѣ. Иногда крестьяне останавливались на мѣстѣ, черноватый изъ нихъ крутилъ постоянно на одномъ мѣстѣ лошадь и осматривалъ своими узенькими зоркими глазками кусты.

— А вотъ тѣ Христосъ, Петровичъ, они здѣсь были; вишь, вонъ какъ сукъ-то надломило. Какъ онъ, значитъ, ступилъ, такъ

оно и есть.. Сучка, сучка, фю-фю-фю, благословёная!—подуськивалъ крестьянинъ бѣгущую подлѣ собаку.

Низенькая, шаршавая шавка нюхтила въ травѣ и легонько бѣжала впередъ. За нею слѣдовалъ медленно хозяинъ.

— Да нѣтъ, Тимошъ,—сказалъ крестьянинъ съ рыжей бородой:—ты это напрасно. Я вѣдь видѣлъ, гдѣ они чрезъ тайгу вдарились. Это они тутъ допрежъ были! Ну, только бы не пожаръ тушить, я бы ихъ настигъ.

— Ой, паря, вѣдь ихъ много пошло, какъ бы ты одинъ?—сказалъ калмыковатый мужичекъ.

— Такъ что, я бы ихъ, варнаковъ, всѣхъ на одну пулю! Шутка ли, такое озорство надѣлали, чуть деревню не спалили. Нѣтъ, ихъ надоть было проучить!...

Въ это время крестьяне выѣхали какъ разъ на горку передъ болотомъ, раскинувшимся далеко подъ горою, за которой медленно уходило солнце. Собака завиляла и кинулась впередъ. Рыжій мужикъ приложилъ руку къ глазамъ и крикнулъ:

— Эво! да въ самомъ дѣлѣ здѣсь кто-то есть! Мотри, воронъ-то крутитъ!

Дѣйствительно, впереди ихъ въ одномъ мѣстѣ леталъ надъ кустомъ воронъ, и около вились нѣсколько воронъ. Это вѣрный признакъ у сибирскихъ крестьянъ, что здѣсь есть человѣкъ. По этой примѣтѣ находятъ часто бродягъ.

Всадники немедленно помчались по горѣ къ этому мѣсту, сбрасывая на бѣгу съ плечъ винтовки, и, остановившись недалеко отъ куста, начали крутить быстро лошадей.

— Эй! выходи, если живъ!—крикнулъ рыжій мужикъ.

Въ кустѣ лежала черная масса.

— Выходи, а не то берегись!—крикнули опять мужики.

Изъ-за кочки медленно показалась блѣдная голова съ выпученными глазами.

— Вылѣзай, вылѣзай, собака!—промолвилъ грозно рыжій дѣтина.

Изъ куста, шатаясь, вылѣзъ помертвѣвшій и дрожащій отъ страха парень. Онъ вышелъ на гору и прислонился къ лѣсинѣ, мертвенная блѣдность покрыла лицо его и въ глазахъ отразилась предсмертная тоска. Парень ничего не могъ промолвить и стоялъ остолбенѣлый съ выпученными, попрежнему, глазами.

— Кто изъ васъ хлѣбъ жегъ? Говори, варначій сынъ!—крикнулъ, выѣхавъ впередъ, карымъ.

Парень вздрогнулъ на минуту.

— Говори!—повторилъ низенькій мужичекъ и вскинулъ, въ видѣ угрозы, винтовку къ плечу.

Изъ груди парня хотѣлъ вырваться какой-то звукъ, но такъ на половинѣ и замеръ. Въ это время изъ винтовки рыжаго мужика вылетѣлъ бѣлый дымокъ, и парень какъ былъ съ открытыми глазами, такъ и рухнулъ подъ дерево безъ звука.

Черезъ нѣсколько минутъ, бросивши парня въ болото, мужики уже во всю прыть скакали по направленію къ деревнѣ. Михейко остался искупительной жертвой поселенцевъ за всѣ ихъ преступленія. Долго еще бѣдный Михейко лежалъ въ болотѣ, когда наши бѣглецы были уже далеко.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшей ихъ участью. Конецъ ея нетрудно отгадать, хотя трудно сказать, гдѣ эти люди будутъ даже черезъ день, не только черезъ мѣсяцъ. По всей вѣроятности, однако, что каторжный будетъ гдѣ нибудь судиться за побѣгъ, взятый около Шадринска. Камердинеръ и маркеръ будутъ сидѣть, можетъ быть, въ Омскомъ, а можетъ быть въ Тюменскомъ замкѣ, гдѣ они будутъ бесѣдовать съ своимъ петербургскимъ землякомъ. Нѣкоторые изъ нихъ пойдутъ назадъ въ Сибирь на заводы и въ рудники и, проходя по сибирскимъ замкамъ въ Томскѣ или въ Красноярскѣ, нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, найдутъ бойкаго мужчину, судящагося за фальшивую ревизію. Иные, проболтавшись до осени, когда ихъ застанутъ холода, сами придутъ проситься въ тюрьму, а иные совсѣмъ пропадутъ безслѣдно, какъ бѣдный Михейко. Изъ года въ годъ у многихъ потянется эта жизнь то въ бѣгахъ, то на каторгѣ. Такая жизнь будетъ богата множествомъ подвиговъ и приключеній, много придется пережить и перечувствовать. Въ ней отразится жгучая тоска по родинѣ, истинное горе и личныя страданія такъ же, какъ много ядовитой злобы и мести. Невинная сибирская почва поэтому не разъ еще приметъ крестьянскія и бродяжескія жертвы въ свои нѣдра, въ то время, когда дѣвственная и могучая природа будетъ сіять своими красотами, одѣваться цвѣтными лугами, зеленѣть и шумѣть своими безконечными лѣсами.

Поселенческое проклятіе не разъ раздастся въ этихъ пустыняхъ, когда молодая и богатая страна, казалось, сулитъ столько счастья, столько довольства человѣку.

Семилужинскій.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА ФОНЪ-ВИЗИНА.

(Изъ бумагъ протоіерея Знаменскаго).

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ городѣ Омскѣ умеръ маститый протоіерей Стефанъ Знаменскій, оставившій послѣ смерти своей много весьма цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Между прочимъ, онъ знакомъ былъ со многими декабристами и состоялъ ихъ духовникомъ.

Наслѣдникомъ этихъ бумагъ сдѣлался извѣстный сибирскій художникъ и писатель Михаилъ Степановичъ Знаменскій, къ которому мы обратились съ просьбою подѣлиться любопытными документами о сибирской старинѣ. Пребываніе декабристовъ въ Сибири было весьма виднымъ историческимъ эпизодомъ, многіе доселѣ оставили о себѣ память въ краѣ, и сами они, при всѣхъ превратностяхъ, сохраняли теплое воспоминаніе о Сибири, чему служатъ доказательствомъ ихъ отзывы и письма.

Мы полагаемъ, что письма этихъ лицъ о краѣ могутъ быть интересны для исторіи сибирскаго общества, а поэтому, благодаря любезности М. С. Знаменскаго, знакомимъ съ нѣкоторыми матеріалами, оставшимися послѣ почтеннаго и уважаемаго протоіерея.

Въ Тобольскѣ изъ декабристовъ жили Фонъ-Визины, Анненковы, Штейнгель, Семеновъ, братья Бобрищевы-Пушкины, Свистуновы, Муравьевы, Вольфъ, Башмаковъ, Барятинскій, Кюхельбекеръ и Краснокутскій, изъ которыхъ послѣдніе шесть тамъ и закончили свою земную жизнь. Въ Тобольской же губерніи, въ городѣ Ялуторовскѣ, жили Якушкинъ, Муравьевъ-Апостолъ, Оболенскій, Ентольцевъ, Тизенгаузенъ, Басаргинъ и Пущинъ и въ Курганѣ фонъ-деръ-Бриггенъ, Лореръ, Розенъ, Назимовъ и Нарышкинъ.

М. С. Знаменскій, на первый разъ, обязательно доставилъ намъ собраніе писемъ Н. Д. Фонъ-Визиной, которыя цѣликомъ всѣ мы, по недостатку мѣста, не находимъ возможнымъ печатать, а выбираемъ тѣ письма, которыя, по нашему мнѣнію, имѣютъ болѣе близкій интересъ для сибиряковъ; съ остальными же письмами мы знакомимъ читателей краткимъ перечнемъ ихъ содержанія. Во всѣхъ воспоминаніяхъ о декабристахъ упоминается всегда о Н. Д. Фонъ-Визиной, женѣ М. А. Фонъ-Визина, какъ о женщинѣ крайне религіозной, очень доброй и въ то же время весьма болѣзненной. Вотъ что говорится о ней въ статьѣ „Жены Декабристовъ“ М. М. Хина, помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1884 г., кн. 12-я, стр. 676).

„Въ 1828 году пріѣхала въ Читу Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина. Н. Д. Фонъ-Визина, рожденная Апухтина, смолоду отличалась религіозностью и даже хотѣла удалиться въ монастырь. Но это рѣшеніе ею не было приведено въ исполненіе: она вышла замужъ за генерала М. А. Фонъ-Визина и, покоряясь судьбѣ, раздѣляла съ нимъ всѣ невзгоды. Многія неблагопріятныя обстоятельства помѣшали Натальѣ Дмитріевнѣ послѣдовать за мужемъ тотчасъ послѣ его ссылки. Между прочими причинами, задержавшими ее, слѣдуетъ отмѣтить слабое здоровье; уже вскорѣ послѣ отправки мужа, Фонъ-Визина заболѣла и затѣмъ, во время пребыванія въ Сибири, постоянно чѣмъ-нибудь страдала. Уѣзжая изъ Москвы, она должна была разстаться съ двумя дѣтьми и съ престарѣлыми родителями, у которыхъ была единственною дочерью. Просьбы родителей не удержали Натальи Дмитріевны. Она поборола въ себѣ чувство дочери и матери и уѣхала къ мужу. Возвратившись изъ Сибири, Н. Д. лишилась мужа въ 1854 г. Она во второй разъ вышла замужъ за декабриста Ивана Ивановича Пущина и снова овдовѣла 5-го апрѣля 1859 года“ *).

*) М. А. Фонъ-Визинъ былъ возвращенъ изъ Сибири раньше срока. Онъ схороненъ въ селѣ Марьиномъ, близь города Бронницъ, въ Московской губерніи.

Перечень содержанія писемъ Наталіи Дмитріевны Фонъ-Визиной, урожденной Апухтиной, къ ея духовнику, протоіерею Знаменскому, 1839—1859 г.

1) Письмо изъ села Марьино въ Сибирь, о доброй памяти, которую сохранила Н. Д. Фонъ-Визина о странѣ изгнанія.

Письма изъ Тобольска:

2) 1840 г. 4 апрѣля. Воспоминаніе Н. Д. Фонъ-Визиной о родителяхъ, о времени ея молодости и о выходѣ замужъ и превратностяхъ ея судьбы.

3) 1844 г. 14 августа. Воспоминаніе о пріѣздѣ въ Тобольскъ и о первомъ годѣ жизни въ немъ; говоритъ о перемѣщеніи главнаго управленія Западной Сибирью изъ Тобольска въ Омскъ.

4) 1839 г. августъ. Письмо Фонъ-Визиной къ духовнику о тяжкой болѣзни, страданіяхъ души ея и о невозможности для нея избавиться отъ душевной болѣзни при помощи молитвы; объ отказѣ ея открыть свое имя духовнику и дать ему свѣдѣнія объ ея положеніи въ обществѣ.

5) 1839 г. 28 сентября. О громадномъ, потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ на Фонъ-Визину письмомъ ея духовника; объ успокоеніи души ея, благодаря свиданію ея съ духовникомъ.

6) 1840 г. 3 февраля. О болѣзни и кончинѣ Краснокутскаго; о религіозномъ настроеніи Краснокутскаго, занимавшагося, по словамъ Н. Д. Фонъ-Визиной, въ пору своихъ страданій, чтеніемъ благочестивыхъ размышленій Ѳомы Кемпійскаго; просьба Фонъ-Визиной къ духовнику о церковномъ поминовеніи Краснокутскаго; замѣчаніе о возможности *магнетическаго сношенія* между больнымъ и здоровымъ; упоминаніе о письмѣ, полученномъ Фонъ-Визиной отъ Павла Сергѣевича Бобрищева-Пушкина по дѣлу о переводѣ его въ Тобольскъ; недовольство Фонъ-Визиной Бобрищевымъ-Пушкинымъ за его благоговѣніе передъ ея *праведностью;* просьба ея къ духовнику принять Бобрищева-Пушкина безъ „сибирскихъ церемоній“, если послѣдній прибудетъ въ Ялуторовскъ.

7) 1840 г. 30 декабря. Грустное предчувствіе Фонъ-Визиной по случаю ея болѣзни.

8) 1841 г. 8 января. Просьба къ духовнику—сообщить Ивану Ивановичу Пущину о внезапной кончинѣ Ивашева; желаніе Фонъ-Визиной и близкихъ къ ней лицъ, чтобы ея духовникъ пріѣхалъ на время въ Тобольскъ.

9) 1841 г. 10 февраля. Желаніе Фонъ-Визиной увидѣться съ матерью и опасенія на счетъ полученія отъ нѣкоторыхъ лицъ отпуска для ея поѣздки съ этою цѣлью.

10) 1841 г. 21 февраля. Фонъ-Визина извѣщаетъ духовника о своей болѣзни, при которой, однако, она чувствуетъ себя въ психическомъ отношеніи здоровой; намѣрена просить объ отпускѣ.

11) 1841 г. апрѣль, воскресенье. Извѣщаетъ духовника о принятіи въ свое попеченіе „одной души изъ посвященныхъ Богу".

12) 1841 г. 12 мая. Жена діакона, т. е. „души, посвященной Богу", узнавъ о существованіи переписки между нимъ и Фонъ-Визиной, подняла цѣлую бурю ревности и никакихъ объясненій ни отъ кого не принимала; Фонъ-Визина спрашиваетъ у духовника, какъ ей поступить въ отношеніи діакона, на котораго повліяло было слово Божіе, проповѣдуемое чрезъ нее, Фонъ-Визину, орудіе Божіе.

13) 1842 г. 11 марта. Пріѣздъ католическаго священника въ Тобольскъ: трогательное впечатлѣніе, вынесенное Фонъ-Визиной изъ слушанія католической обѣдни, негодованіе Фонъ-Визиной на нѣкоторыхъ русскихъ, съ насмѣшками относившихся къ обрядамъ католической церкви; прощальная проповѣдь католическаго священника, произведшая на Фонъ-Визину трогательное впечатлѣніе.

14) 1842 г. 30 марта. Фонъ-Визина извѣщаетъ духовника о дьяконицѣ, преслѣдующей Фонъ-Визину разными клеветами за переписку послѣдней съ діакономъ о предметахъ духовно-нравственныхъ.

15) 1842 г. 27 апрѣля. Принятіе Фонъ-Визиной вмѣстѣ съ другими святыхъ тайнъ на Пасхѣ, чувства ея при этомъ; примиреніе съ дьяконицей. Иванъ Павловичъ Менделѣевъ предостерегаетъ нѣкоторыхъ лицъ отъ вліянія *секты* Фонъ-Визиной и другихъ, отъ заразы, могущей произойдти отъ „лисьихъ хвостовъ".

16) 1842 г. 4 мая. Нѣкоторыя лица готовы считать Фонъ-Визину и ея друзей приверженцами такой же *секты*, какая была проповѣдуема Татариновой и Головинымъ, дядей Фонъ-Визиной.

17) 1842 г. 6 іюля. На Фонъ-Визиныхъ и другихъ декабристовъ, жившихъ въ Тобольскѣ, также на Жилиныхъ и генерала Горскаго, сдѣланъ князю Горчакову доносъ, что упомянутыя лица составили какую-то секту.

18) 1842 г. 18 октября. Воспоминаніе Фонъ-Визиной объ ея умершей матери.

19) 1843 г. 21 января. Извѣщаетъ духовника о проповѣди преосвященнаго тобольскаго, направленной противъ взяточниковъ.

20) 1843 г. 19 февраля. Фонъ-Визина описываетъ визитъ, сдѣланный ею вмѣстѣ съ Маріей Францовой тобольскому преосвященному; опасенія ея за жизнь мужа, по случаю его болѣзни.

21) 1843 г. 28 февраля. Говоритъ о тобольскомъ преосвященномъ, какъ ревностномъ обличителѣ людскихъ пороковъ; свиданіе Фонъ-Визиной съ генералъ-губернаторомъ княземъ Горчаковымъ, которому она, между прочимъ, высказала свои религіозныя воззрѣнія.

22) 1843 г. 28 марта. Фонъ-Визина посѣтила Владиміра, тобольскаго преосвященнаго, бесѣдовала съ нимъ о духовно-нравственныхъ предметахъ, просила его принять ее въ число его „послушницъ"; думаетъ, что преосвященный очень высокаго мнѣнія о нравственныхъ достоинствахъ ея и ея духовника.

23) 1843 г. 17 апрѣля. Сообщаетъ духовнику, что ее, Фонъ-Визину, сравниваютъ съ сектанткой, мадамъ Крюденеръ, и удивляются, что она, фонъ-Визина, до сихъ поръ не подвергалась наказанію; Фонъ-Визина же заявляетъ, что она готова пострадать за свои религіозныя убѣжденія.

24) 1843 г. 19 апрѣля. Фонъ-Визина сдѣлала визитъ женѣ губернатора, которою была принята очень любезно, такъ что преосвященный, тамъ же присутствовавшій, былъ очень смущенъ, вспомнивъ о своемъ простомъ обращеніи съ Фонъ-Визиной во время ея прихода къ нему.

25) 1843 г. 5 іюня. Фонъ-Визина, по случаю одного разговора съ преосвященнымъ, почувствовала къ нему полнѣйшую нелюбовь.

26) 1843 г. 18 іюля. Фонъ-Визина предвидитъ могущія случиться изъ-за интригъ непріятности для духовника; преосвященнаго она признаетъ за человѣка „себѣ на умѣ", считаетъ его за человѣка обыкновеннаго, грѣшнаго, не чуждаго земныхъ интересовъ.

27) 1844 г. 16 февраля. Явленіе Фонъ-Визиной и нѣкоторымъ другимъ лицамъ „бѣлой фигуры" (видѣнія), въ которой, по мнѣнію видѣвшихъ, слѣдовало признавать духъ Александры Григорьевны N—ой, умершей въ Иркутскѣ; это видѣніе, какъ думаетъ Фонъ-Визина, явилось „не безъ благой нравственной цѣли".

28) 1844 г. 8 іюня. Пишетъ о просьбѣ, обращенной къ князю

Горчакову, о переводѣ Фонъ-Визиныхъ въ Ялуторовскъ; князь сказалъ, что получилъ изъ Петербурга запросъ о *сектѣ* Фонъ-Визиныхъ и Свистунова; размолвка и примиреніе между княземъ Горчаковымъ и Владиміромъ, тобольскимъ преосвященнымъ.

29) 1844 г. 18 сентября. Фонъ-Визина посѣтила Татьяну Филипповну Земляницыну, жившую въ деревнѣ; преосвященный разспрашивалъ Фонъ-Визину о Земляницыной, стараясь, повидимому, отыскать признаки какой-то секты.

30) 1844 г. 11 декабря. Толки разныхъ лицъ оффиціальныхъ о сектантахъ-декабристахъ, по поводу запроса изъ синода о сектѣ въ Тобольскѣ; догадка Фонъ-Визиной, что доносъ о сектѣ былъ сдѣланъ преосвященнымъ; предложеніе преосвященнаго разнымъ лицамъ образовать благотворительное общество или общество для духовно-нравственнаго развитія; Фонъ-Визиной написано разсужденіе о молитвѣ Господней и отдано ею преосвященному; жандармскій начальникъ имѣлъ намѣреніе ознакомиться съ религіозными воззрѣніями Фонъ-Визиной и ея друзей.

31) 1845 г. 10 мая. Извѣщаетъ духовника о сильной болѣзни преосвященнаго и о разныхъ непріятностяхъ, огорчавшихъ его.

32) 1845 г. 21 мая. Извѣщаетъ духовника о кончинѣ преосвященнаго и о послѣднихъ дняхъ его болѣзни.

33) 1848 г. 9 августа. Причина, почему Фонъ-Визина долго не писала духовнику: она, Фонъ-Визина, по ея признанію, душевный мертвецъ, о которомъ говорить не стòитъ, а остается только предать забвенію.

34) 1848 г. 7 октября. Vanitas vanitatum et omnia vanitas— таково настоящее убѣжденіе Фонъ-Визиной; она предалась теперь еще болѣе глубокому нравственному усыпленію.

35) 1850 г. 2 января. Пишетъ духовнику, что отрѣшается отъ формъ внѣшняго благочестія: въ самый Новый годъ позволила себѣ, съ благословленія преосвященнаго, очень много танцовать; что она становится теперь „притчею во языцѣхъ“, благодаря своему внѣшнему поведенію, повидимому, несогласному съ ея жизнію „въ духѣ“.

36) 1850 г. 18 сентября. Пишетъ, что князь Горчаковъ не позволилъ ей ѣхать на воды, устраняя ее такимъ образомъ отъ свиданія съ княжнами; жалуется на скверную осеннюю погоду въ Тобольскѣ, вспоминаетъ съ удовольствіемъ о своей лѣтней поѣздкѣ въ Ялуторовскъ; сообщаетъ о своихъ ежедневныхъ занятіяхъ; горюетъ о своемъ „безцвѣтномъ существованіи“.

37) 1850 г. 7 ноября. Пишетъ, что князь Горчаковъ поступаетъ съ ними несогласно съ инструкціями; послала нѣкоторые свои документы графу Орлову; сѣтуетъ на полицеймейстера, надоѣдающаго декабристамъ своимъ присмотромъ; съ удовольствіемъ сообщаетъ, что изъ Петербурга отъ многихъ исходитъ слухъ объ увольненіи генералъ-губернатора князя Горчакова; написала письмо Царю съ жалобой на князя Горчакова.

38) 1850 г. 4 декабря. Фонъ-Визина и ея друзья опасаются мести со стороны князя Горчакова, съ которымъ они находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ; Фонъ-Визины просили Государя Наслѣдника чрезъ Ивана Александровича Фонъ-Визина о переводѣ ихъ въ Вятскую губернію.—Для примѣра сибирской хитрости (лукавства), приводитъ разсказъ объ одномъ происшествіи: одинъ почтенный, всѣми уважаемый тобольскій купецъ, принявъ на себя роль караульнаго, пытался убить солдата, охранявшаго коммиссаріатскую кладовую, и затѣмъ похитить изъ этого помѣщенія деньги,—попытка не удалась; Фонъ-Визина готова приписать дѣламъ этого же „сибирскаго скромника“ убійство одного богатаго отставнаго чиновника, совершенное незадолго до вышеупомянутаго происшествія, и еще покражу монастырскихъ суммъ; по поводу происшествія, разсуждаетъ вообще о фактѣ сибирской „скрытности“, „скромности“.

39) 1850 г. 29 декабря. Отрывокъ изъ письма Михаила Александровича фонъ-Визина о горести Фонъ-Визиныхъ по случаю смерти ихъ сына Димитрія.

40) 1851 г. 2 февраля. Фонъ-Визина жалуется на свою болѣзнь, горе, тоску.

41) 1851 г. 5 февраля. Служила благодарственный молебенъ по случаю отставки князя Горчакова; извѣщаетъ, что у нея гостятъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ и Муравьевы (Августа и Анна); съ радостію сообщаетъ, что пріѣхавшій въ Тобольскъ ревизоръ Анненковъ защищаетъ отъ непріятностей ее, Фонъ-Визину, вмѣстѣ съ ея друзьями и „распекаетъ“ духовную и свѣтскую мѣстную администрацію; тоскуетъ о своемъ умершемъ сынѣ Димитріи; не ожидаетъ положительнаго результата отъ своей просьбы Государю Наслѣднику о переводѣ Фонъ-Визиныхъ въ Вятскую губернію; надѣется, благодаря письму ея дяди Головина и вниманію ревизора генерала Анненкова, поѣхать на воды (Тункинскія) или отправиться въ Иркутскъ; декабристы, живущіе въ Тобольскѣ, теряютъ всякую надежду на облегченіе своей участи; высказываетъ страстное желаніе увидѣться со своимъ сыномъ Михаиломъ; сообщаетъ объ уве-

селеніяхъ, устроиваемыхъ въ Тобольскѣ по случаю пріѣзда ревизора Анненкова (спектакль, балъ).

42) 1851 г. 24 марта. Получила отъ духовника соч. Достоевскаго „Бѣдные люди"; говоритъ о фамильной печати; назначенъ новый генералъ-губернаторъ Гасфортъ; ревизоръ Анненковъ не снялъ съ Фонъ-Визиной запрещенія князя Горчакова относительно ея выѣзда изъ Тобольска; ревизоръ написалъ объ этомъ въ Петербургъ; Фонъ-Визина надѣется весною отправиться на воды; называетъ генерала Анненкова „истымъ сибирякомъ", а лицъ, пріѣхавшихъ съ нимъ, молодыхъ чиновниковъ, хвалитъ, называетъ ихъ „милыми призраками"; отвѣта на счетъ перевода въ Вятку не ждетъ.

43) 1851 г. 22 апрѣля. Говоритъ духовнику о своей тяжелой, невыносимой скорби по случаю утраты любимаго сына; успокоеніе себѣ нашла бы только или въ свиданіи съ другимъ своимъ сыномъ, или въ возвращеніи на родину; все еще ждетъ разрѣшенія на поѣздку на воды; Фонъ-Визины не пользуются благоволеніемъ жандармскаго начальника Влахопуло; о переводѣ въ Вятку ничего не извѣстно; сынъ Давыдова не принятъ на службу генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, Муравьевымъ, за его самовольный пріѣздъ на свиданіе съ отцомъ; Фонъ-Визина мало отраднаго предвидитъ для себя въ будущемъ; говоритъ объ учрежденіи женскаго училища въ Тобольскѣ.

44) 1851 г. 3 мая. По поводу одного случая, касающагося духовника, Фонъ-Визина высказываетъ свою вѣру въ провидѣніе Божіе; собирается ѣхать на воды—все еще ждетъ разрѣшенія для этого; упоминаетъ о „старичкѣ"—преосвященномъ; ожидаетъ прибытія духовника, назначеннаго въ члены коммиссіи для ревизіи дѣлъ консисторіи; передаетъ содержаніе письма къ ней отъ Сулоцкаго изъ Омска о результатѣ ревизіи, о неспособности преосвященнаго къ управленію, вслѣдствіе престарѣлости.

45) 1851 г. 5 іюня. Занимается садомъ и цвѣтниками; неожиданно получила разрѣшеніе ѣхать на воды; отъ посѣщенія Иркутска, съ которымъ связаны ея многія воспоминанія, ожидаетъ для себя успокоенія.

46) 1851 г. 18 августа. Фонъ-Визины находятся въ страшной горести вслѣдствіе потери и послѣдняго своего сына Михаила, умершаго 29 іюня.

47) 1851 г. 26 сентября. Письмо изъ Ялуторовска. Фонъ-Визинымъ разрѣшено съѣздить въ Ялуторовскъ, причемъ генералъ-

губернаторъ далъ приказаніе полиціи имѣть за „четой Фонъ-Визиныхъ“ самый строгій, но секретный надзоръ; говоритъ о наблюденіи за ними ялуторовскаго городничаго; опасается за своего духовника, что онъ сдѣлается жертвой интригъ (поясненіемъ къ этому служитъ письмо М. А. Фонъ-Визина, 1851 г. 13 ноября).

48) 1851 г. 22 ноября. Фонъ-Визина скорбитъ о духовникѣ своемъ, невинно страдающемъ отъ козней враговъ его, но надѣется, что онъ будетъ оправданъ.

49) 1851 г. 10 декабря. Молится и уповаетъ о возвращеніи на родину всѣхъ декабристовъ; разсказываетъ о Зыковѣ, убившемъ княгиню Г—цыну и присланномъ въ тобольскую тюрьму; описываетъ свои визиты къ нему, говоритъ о своихъ духовныхъ бесѣдахъ съ нимъ.

50) 1852 г. 30 іюня. Фонъ-Визина оставляетъ уже всякія надежды на свое лучшее будущее.

Письмо отъ ея духовника (1853 г., 25 апрѣля).

Получивъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, М. А. Фонъ-Визинъ отправился въ путь одинъ, спѣша скорѣе увидѣться со своимъ братомъ Иваномъ, который былъ тяжко боленъ. Н. Дм. пока осталась въ Тобольскѣ. Вскорѣ получилось извѣстіе, что И. А. Фонъ-Визинъ умеръ.

Іюля 13-го 1858 г., село Марьино.

....Я же, не смотря на мои хлопоты, занятія и подчасъ разсѣянія и множество новыхъ лицъ, которыхъ встрѣчаю, не забываю радушной Сибири и часто объ ней говорю и еще чаще объ ней думаю—лишь только остаюсь одна въ беззаботномъ отдыхѣ душевномъ: все прежнее припоминается съ благоговѣйною благодарностію къ Господу и съ надеждою на возвращеніе тѣхъ неоцѣненныхъ благъ, которыми не по достоинству и сверхъ мѣры Онъ осыпалъ меня, грѣшную, въ странѣ изгнанія, превратившейся для меня по воспоминанію въ духовное райское селеніе.

.... Сострадала тебѣ, и душу мою отдала бы, чтобы облегчить твою тягость. Но что же сказать? Не для того ли Господь поста-

новилъ тебя *на нѣкоторое время* въ такое положеніе, чтобы ты по опыту позналъ нѣсколько, что значитъ нуждаться, и чтобы тѣмъ болѣе полюбилъ меньшую Его братію *нищихъ!* Ахъ, другъ, кто же и въ какомъ состояніи этого не испытывалъ, когда Ему угодно заставить испытать это на опытѣ? Вотъ я скажу тебѣ про себя, что въ началѣ внутренней моей жизни я, повидимому, принадлежащая къ семейству, которое въ той сторонѣ слыло достаточнымъ, нуждалась во всемъ: дѣла отца моего были совершенно разстроены — это у насъ скрывали и всякую копейку, что называется, ставили ребромъ; бывало такъ приходило, что ни *чаю*, ни *кофе,* ни даже свѣчъ сальныхъ нѣтъ въ домѣ, да и купить не на что, продавать же ненужное *стыдились;* жгли по длиннымъ зимнимъ вечерамъ масло постное; все это было въ деревнѣ. Людей кормить было нечѣмъ одно время, а дворня была большая; распустить ихъ не хотѣли или *стыдились,* прикрывая ложнымъ великолѣпіемъ *настоящую нищету.* Жили въ долгъ, не имѣя даже въ виду чѣмъ заплатить. Наконецъ, отецъ мой уѣхалъ въ Москву по какому-то дѣлу; тамъ его по долгамъ остановили и не выпускали изъ города, а мы съ маменькой остались въ деревнѣ, терпя всякую нужду, обкосившись бѣльемъ и платьемъ. Мнѣ было тогда 15-ть лѣтъ. Я уже это все понимала. Тутъ пріѣхали описывать имѣніе наше — не только крестьянъ, недвижимое, но все движимое: мебель и всѣ даже бездѣлицы, послѣ чего мы не могли уже располагать ничѣмъ. Моя мать перенесла это истинно похристіански: все вокругъ нея плакало въ голосъ, а она для ободренія дворовыхъ людей на послѣдніе гроши служила благодарственный молебенъ и угощала еще грубыхъ и пьяныхъ засѣдателей, пріѣхавшихъ описывать имѣніе. Вотъ я и замужъ согласилась болѣе выйдти потому, что папенька былъ большою суммою долженъ матери Михаила Александровича, и свадьбою долгъ самъ собою квитался, потому что я одна дочь была и одна наслѣдница. Мнѣ это растолковали и, разумѣется, въ этомъ случаѣ уже *не до монастыря было* *), а надобно было отца изъ бѣды выкупать. Эту всю бѣдность и недостатки мы терпѣли послѣ самой роскошной жизни: въ малолѣтствѣ моемъ домъ отца моего богатствомъ славился, какъ волшебный замокъ. Чего у насъ не было? Какъ полная чаша!

*) Н. Д. Фонъ-Визина, тогда Апухтина, 14 лѣтъ, переодѣвшись крестьянскимъ мальчикомъ, ночью бѣжала изъ дому и въ мужскомъ монастырѣ ее приняли послушникомъ подъ именемъ Назарія. *М. З.*

Въ 12-мъ году, при нашествіи, все имѣніе отца погибло, въ долгъ купили деревню на деньги матушки Михаила Александровича. Вотъ этотъ-то долгъ и надо было выкупить *собою*. Вышедши замужъ, я опять попала въ богатство и знатность—была балована, какъ только можно, на однѣ шпильки и булавки имѣла 1,200 р. въ годъ. Не нужно мнѣ тебѣ говорить, что ни одинъ рубль изъ этихъ денегъ *не пошелъ* на шпильки и булавки. Всѣ меня баловали, хвалили, любили другъ передъ другомъ отъ мала до велика—вотъ я и зазналась. Господь еще потерпѣлъ меня, еще нѣсколько разъ посѣтилъ меня, хотя и началъ уже скрываться. *Потомъ наше несчастіе*—и въ имѣніи потеря за потерею, такъ что, пріѣхавши къ мужу на другой годъ, мнѣ уже почти нечѣмъ было содержать ни его, ни себя, при дороговизнѣ принуждена жить въ долгъ, но въ то же время одинъ разъ, истративъ послѣдній рубль и не имѣя рѣшительно ни гроша назавтра, слыша притомъ укоры отъ женщины, бывшей при мнѣ, что я не умѣю экономничать и много раздаю, я обрадовалась, что все истратила и отъ полноты души сказала: „Слава Богу, теперь мнѣ нечего и расходъ для коменданта записывать!“ — Вотъ такими-то переворотами Господь пріучилъ меня къ тому, что я могу и въ роскоши жить, и въ бѣдности, что мнѣ все это стало равно.....

1840 г. 4-го апрѣля, Тобольскъ.

... 6 лѣтъ тому назадъ, *въ день Преображенія*, мы пріѣхали въ Тобольскъ. Потомъ, годъ спустя, въ 1839-мъ незабвенномъ для меня году, 14-го августа, послѣ всенощной, я просила тебя меня исповѣдывать. Какой рядъ благодарныхъ воспоминаній вызываетъ у меня сегодняшній день! Торжество Богоматери было начаткомъ и моего духовнаго торжества, хвалебныя пѣсни, въ честь Ея составленныя, съ ропотомъ, стенаніемъ и безпокойствомъ сокрушеннаго сердца моего—и милосердая Богоневѣста осѣнила меня тогда же *покровомъ своимъ*, какъ бы перстомъ указала тебѣ на мою страждущую и измученную душу. И отъ этого указанія сердце твое затрепетало жалостію... Мы пріѣхали въ Тобольскъ *въ день Преображенія*, за годъ до знакомства съ тобою—*въ день Преображенія*, не было ли это какимъ-то таинственнымъ намекомъ на то, что должно было произойдти со мною въ Тобольскѣ? И пріѣхали въ ночь въ грязь, слякоть, и въѣхали съ горы, и въѣхали въ темный, унылый и низкій домъ, который и на тебя произвелъ такое тя-

гостное впечатлѣніе въ послѣдній твой пріѣздъ.... Богъ такъ все устроилъ не безъ особаго промысла; все это были громогласныя возвѣщанія, и сердце ихъ угадывало, но умъ не умѣлъ объяснить; ибо умъ просвѣщается отъ сердца или сердечнаго свѣта; а мое сердце было темно, оно было темницею духа моего—мѣстомъ запустѣнія, сырости, мрака и мученія. Годъ, проведенный въ низенькомъ домѣ, была ночь, исполненная тяжкихъ сновъ, и эта ночь предшествовала свѣтлому дню, т. е. незабвенному 1839-му году *)... Чудный этотъ 1839-й годъ—отсюда тогда погнало народъ нарядный какъ помеломъ въ Омскъ. Всѣ поскакали, всѣ поѣхали, какъ будто Господь выгналъ ихъ веревкою. Потомъ сдѣлалась ощутительная тишина и просторъ — а ужъ какъ до того было тѣсно и душно! Вотъ лишнее все сплыло, остался *простой народъ*. Давай этому названію „простой" какой хочешь смыслъ, но я люблю это названіе, да и Богъ его жалуетъ. Итакъ, остались люди *попростѣе*, не говорю—совершенно простые, такіе рѣдки. На просторъ этотъ слетѣлись птички изъ лѣсовъ, и звѣрки прибѣжали, почуя какую-то дивную, Богомъ устроенную пустоту. Бѣлки скакали по городскимъ садамъ, лягушки квакали по улицамъ, птицы влетали въ горницы. Не знаю, помнишь ли ты это, но я помню, и всѣ это знаютъ. Тогда говорили объ этомъ и удивлялись, и смѣялись. Я сама помню, что писала кому-то шуткою въ Омскъ объ этомъ. Все, все знаменательно для зрячихъ и имѣющихъ ухо слышати; но я въ то время была глуха и слѣпа отчасти, хотя чуть-чуть видѣла, чуть-чуть слышала и болѣе слышала, чѣмъ видѣла; это свойство моей природы — я близорука, какъ ты знаешь...

14-го августа 1844 г.

1839 г. августъ.

Вы, какъ я вижу, батюшка, не изъ тѣхъ пастырей душъ, которые ограничиваются присмотромъ *издали* за ввѣреннымъ имъ словеснымъ стадомъ; вы добрый пастырь, готовы слѣдовать за каждою овцою заблудшею и каждую болящую принести на раменахъ вашихъ во дворы Господни. Но что сдѣлаете вы съ такою, которая одичалая забрела къ вамъ?—и хотя Господь и ее также вамъ ввѣрилъ, но что дѣлать съ нею, если она не идетъ на голосъ

*) Въ 1839 году главное управленіе переведено изъ Тобольска въ Омскъ. *М. З.*

вашъ, зовущій ее именемъ Господа? Если и Господа своего она какъ бы не знаетъ уже? Если она, слыша голосъ вашъ, прислушивается къ другому голосу, за которымъ она и въ мѣста пустынныя и въ пропасти—*всюду слѣдовала?* Если она отвергаетъ пищу здоровую, которую вы съ такою заботливостію ей предлагаете, и изнеможенная и больная остается неподвижно на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы нашли ее? Нѣтъ, добрый батюшка, напрасно тратить вамъ драгоцѣнное ваше время для такого негоднаго творенія, какъ я; не спасти вамъ меня! Я уже почти мертвая (внутренно), и вамъ живому, едва-ли понять меня. Судите сами: вы уговариваете меня не отчаяваться, но у меня и нѣтъ отчаянія; можно отчаяваться въ томъ только, что желаемъ, а я *не желаю уже* своего спасенія, я люблю болѣзнь мою, не ищу исцѣленія—не могу молиться *о себѣ* и просить о помощи *для себя*. Мнѣ совершенно равнодушно *все до меня* касающееся и *во времени, и въ вѣчности*....

Но теперь естественно спросите вы меня, зачѣмъ я безпокоила васъ, если съ упорствомъ почти отвергаю съ такимъ милосердіемъ предлагаемую мнѣ вами пищу? Добрый мой батюшка! Богъ видитъ, какъ благодарна вамъ, какъ дорого цѣню всѣ старанія ваши о бѣдной душѣ моей. По приказанію вашему, я начала читать утромъ и вечеромъ означенныя молитвы; но что же дѣлать?—ни сердцемъ, ни желаніемъ я не могу за ними слѣдовать, не могу молиться *за себя*, не могу желать *себѣ лучшаго*.

Теперь же пишу, исполняя волю вашу. Не сказываю вамъ, *кто я* по многимъ причинамъ. Простите, если опять повторяю: зачѣмъ вамъ знать, *кто я именно?* Неизвѣстенъ кающійся (говорите вы), неизвѣстенъ больной.—Это правда. Но болѣзнь его извѣстна вамъ во всѣхъ подробностяхъ. „Неизвѣстно также положеніе его на исповѣди". Но о какомъ положеніи разумѣете вы тутъ, батюшка? Простите, ради Бога, я что-то не поняла этихъ словъ. Положеніе мое въ обществѣ не идетъ къ дѣлу, кажется? Но если ужъ и объ этомъ вамъ необходимо знать, извольте скажу вамъ: что *внѣшнія* обстоятельства *мои хороши, состояніе безбѣдное, ни на что и ни на кого не могу и не имѣю причинъ жаловаться;* разумѣется, къ этимъ свѣдѣніямъ могла бы я прибавить много подробностей, но, кто знаетъ, можетъ быть, тогда вы бы другими ужъ глазами смотрѣли на меня?... Нѣтъ, добрый батюшка, я еще разъ у ногъ вашихъ умоляю васъ: не ищите узнавать меня, право, не стоитъ вниманія; пусть я въ глазахъ вашихъ останусь тѣмъ, чѣмъ я всегда хочу

быть: многоуважающей васъ и сердечно благодарною вашею духовною дочерью.

Н.—

1841 г. 8-го января.

N. пишетъ вамъ о смерти Ивашева. Если Иванъ Ивановичъ (Пущинъ) еще у васъ, сообщите ему, пожалуйста, это горестное извѣстіе. Жалко то, что онъ такъ внезапно скончался: за нѣсколько минутъ былъ здоровъ и веселъ даже, какъ пишутъ, и вдругъ ударъ какъ громомъ—и его не стало. За годъ ровно онъ потерялъ жену, и теперь осталось трое сиротъ-малолѣтокъ; вѣрно, это извѣстіе огорчитъ всѣхъ нашихъ; что дѣлать—жизнь и смерть въ рукахъ Божіихъ. Я писала вамъ съ Иваномъ Ивановичемъ и теперь повторяю то же: пріѣзжайте къ намъ хоть на недѣльку. Неужели вы насъ не порадуете? Мы съ Павломъ Сергѣичемъ и Татьяной Филипьевной *) часто говоримъ объ этомъ. Если бы Господь устроилъ пріѣздъ вашъ къ намъ, можетъ быть, вы отслужили бы намъ обѣдню въ какой нибудь церкви, и насъ собралось бы нѣсколько человѣкъ, какъ въ первыя времена церкви, *одна душа и одно сердце;* навѣрно между нами былъ бы невидимо и *Онъ*, родной намъ, близкій намъ, любовь наша и жизнь наша вѣчная...

10-го февраля.

Сегодня получила я письмо отъ матери: бѣдная старушка, видно, отъ многихъ слезъ слѣпнетъ, или боится, что ослѣпнетъ отъ продолжительной боли въ глазахъ. Читая это письмо, мысль просится въ отпускъ, домой, повидаться съ нею и утѣшить тѣмъ въ скорби. Она съ горемъ говоритъ: „О, если бы Господь продлилъ мое зрѣніе хоть до того, чтобы увидѣть тебя, радость моя!“ И точно, я у ней одна, и такъ долго мы не видались—вы знаете мои обстоятельства. Можетъ быть, найдутся люди, что не захотятъ этого дозволить, чтобы попрепятствовать свиданію съ другими близкими, а именно

*) Т. Ф. Земляницына, крестьянская дѣвушка, вышедшая замужъ за чиновника, послѣ его смерти оставила антипатичную ей городскую жизнь и опять жила въ деревнѣ, занимаясь крестьянскими работами. Любовь и уваженіе богатыхъ и образованныхъ декабристовъ къ этой бѣдной и простой крестьянкѣ сильно интриговали мѣстную администрацію. *М. З.*

съ двумя молодыми людьми, *о которыхъ вы знаете.* И вотъ я готова обязаться подпискою не видать ихъ, лишь бы старуха мать меня увидѣла, а если бы я подписала не видать тѣхъ, то уповаю съ помощію Божіей, хоть бы они и въ другой комнатѣ находились, отказаться отъ свиданія и бѣжать. Теперь, какъ вы мнѣ посовѣтуете, писать или нѣтъ объ увольненіи? Я хотѣла это на будущей недѣлѣ сдѣлать. Богъ мой вѣдаетъ, что не для себя и своего удовольствія ищу этого, но единственно для утѣшенія прискорбной матери, которую мучитъ страхъ, *что не увидитъ меня...*

27-го апрѣля.

... Сегодня минуло двадцать лѣтъ, какъ мнѣ нарекли имя Назарія. Господи, Господи! сколько великихъ благодѣяній изливалъ Ты на меня въ эти двадцать лѣтъ!.. Теперь поговорю о томъ, что здѣсь около меня дѣлается. Я тебѣ писала объ Ольгѣ Ивановнѣ *) и о принужденномъ ея со мною обращеніи; я не ошиблась, все такое открывается, полагаю, что враждебница моя (дьяконица) имъ наговорила на меня... Въ самую Пасху Господь сподобилъ насъ принять святыя тайны... Стеченіе народа было неимовѣрное. Насъ, говѣющихъ, было до 15 человѣкъ; я забылась тутъ совсѣмъ, да и всѣ мы были какъ одна душа и одно сердце; со слезами всѣ передъ принятіемъ тайнъ обнимали другъ друга, повторяя то, что дѣлали первые христіане. Всѣ мы, какъ бы сговорясь, по общему движенію это сдѣлали, и знакомые и незнакомые; это многихъ поразило, другихъ удивило, третьихъ тронуло до слезъ. Діаконъ плакалъ, какъ ребенокъ, священникъ былъ тронутъ. Мужчины-чиновники плакали, какъ сами сознавались послѣ. Я ничего въ то время не видала, но мысленно просила Господа умирить сердце, *ненавидящее меня напрасно.* Хотѣла идти просить у нея прощенія, но невозможно было пробраться. Любовь научила меня взобраться на амвонъ и оттуда, отыскавъ ее глазами, поклониться ей особенно, какъ можно ниже. Это сдѣлало то, что послѣ благодарственныхъ молитвъ *она* подошла ко мнѣ сама, похристосовалась и поздравила. Менделѣевы всѣ радушно меня обняли, особенно Ольга. Но, нѣсколько времени спустя, т. е. дня два, Иванъ Павловичъ (Менделѣевъ), подъ хмѣлькомъ, объяснилъ загадку охлажденія ко мнѣ съ ихъ стороны, предостерегая нашу хозяйку (она

*) О. И. Менделѣева, впослѣдствіи жена декабриста Басаргина. *М. З.*

имъ родня), что мы завлекаемъ ее въ секту, говоря, чтобы она береглась *лисьихъ хвостовъ*, чтобы она смотрѣла въ оба, что никогда не слыхано, не видано такъ говѣть, такъ пріобщаться, что это что-то необыкновенное, и просто *секта опасная*, что онъ и дѣтямъ своимъ запрещаетъ сношенія, совѣтуетъ убѣгать лисьихъ хвостовъ,—что можно губить души, а между тѣмъ лобызать ноги Спасителя, что онъ знаетъ такихъ душегубцевъ и проч., всего не перескажешь, и это въ гостяхъ и при многихъ. Вотъ тебѣ и тайна. Слава Тебѣ, Господи! почки развертываются, будутъ и листочки по слову Твоему. Михаилу Александровичу мы объ этомъ не говоримъ: все такое его чрезвычайно огорчаетъ и приводитъ въ смущеніе.

4-го мая.

... Пріѣхала Ольга Ивановна съ Апполинаріей; сидѣли долго. Я и рада, и не рада была ихъ видѣть. Въ разговорѣ между кучею соломы попадались кое-гдѣ и бисеринки. Онѣ говорили, что отъ новопріѣзжаго учителя, изъ духовнаго званія, слышали о какой-то страшной сектѣ, гдѣ предсѣдательствуютъ женщины, что этотъ учитель въ малолѣтствѣ самъ попался въ нее, взятъ былъ на воспитаніе въ одинъ домъ, гдѣ его неимовѣрно мучили подъ видомъ умерщвленія плоти, и разныя разности. У него умерла мать, и отецъ пошелъ въ монахи, а его отдалъ къ этому господину, не предполагая тутъ ничего дурнаго, что, напротивъ, все тутъ казалось свято и благочестиво. Впослѣдствіи, наконецъ, открыли эту секту и истребили. Вышло на повѣрку, что это секта Татариновой и дяди моего Головина, о которой я вамъ сказывала. Много говорили мы объ этомъ, говорили и о другомъ, по большей части, пустяки... Мнѣ подумалось, что не смѣшиваютъ ли они насъ съ Татариновой? Чего мудренаго? А по отзывамъ Ивана Павловича, о которыхъ я вамъ писала, кажется, что такъ. Господь съ ними.

6-го іюля.

... Недавно жандармъ, у котораго мы прежде жили, предварилъ насъ, что отсюда какой-то добрый человѣкъ сдѣлалъ на насъ князю доносъ, что государственные преступники и жены ихъ составили тайное общество вмѣстѣ съ Жилиными и генераломъ

Горскимъ и собираются всякій день у Жилина, гдѣ для совѣщаній затворяютъ всѣ двери. Къ Жилинымъ изъ нашихъ никто не ѣздитъ, *мы чаще всѣхъ*; слѣдовательно, это на Михаила Александровича и на меня падаетъ. Михайло Александровичъ объяснялся съ жандармскимъ генераломъ; тотъ крайне смутился, отперся и прислалъ съ извиненіемъ того, который, по его же порученію, предварилъ насъ. Тотъ со смѣхомъ говорилъ, что генералъ укорялъ его въ неосторожности, что онъ ему поручилъ развѣдать подъ рукою, а не прямо сказать. Просилъ Михаила Александровича дать ему очную ставку съ генераломъ и уличить того. Но Михайло Александровичъ чрезъ одного знакомаго послалъ объясненіе къ князю, прося сдѣлать изслѣдованіе, чтобы убѣдиться въ неосновательности доноса. Михайло Александровичъ схитрилъ маленько: все это происходило безъ меня и на вопросъ генерала, гдѣ я?—сказалъ, что въ Абалакѣ; я же не намѣрена скрываться и прикрываться ладонью и объявляю всѣмъ и каждому, что была у Жилиныхъ въ деревнѣ. Михайло Александровичъ самъ хочетъ сказать генералу, что не знаетъ, почему ему совралось. Совѣсть спокойна, то чего бояться.

21-го января 1843 года.

... Я плакала вчера во время проповѣди преосвященнаго. И точно проповѣдь была сильная, и безъ приготовленія сказанная,—это было замѣтно. Главное, обращена была на взяточниковъ. Въ первый разъ я вижу святителя, безъ приготовленія говорящаго паствѣ своей со всей свободой духа и слова. Это было поразительное и умилительное зрѣлище. Въ умѣ моемъ мелькнули Златоустъ, Григорій, первыя апостольскія проповѣди, и сердце забилось и слезы градомъ покатились. Святитель нечаянно взглянулъ и вдругъ тутъ же говоритъ, обратясь, мнѣ показалось, ко мнѣ:—плачь, какъ Марія!—и, оборотясь на другую сторону (гдѣ тоже плакали):—плачь какъ Петръ! и потомъ: какъ утѣшительно видѣть раскаявающихся грѣшниковъ, плачущихъ о грѣхахъ своихъ!..

Февраля 28-го.

Сегодня Михайло Александровичъ былъ у владыки недолго, а потомъ съ нимъ вмѣстѣ ѣздили къ губернатору. Какъ видно, у владыки есть цѣль въ посѣщеніяхъ; не для удовольствія своего

ищетъ онъ сближенія съ людьми міра сего. Михайло Александровичъ сказывалъ, что удивился, какъ онъ въ разговорахъ о томъ и о другомъ безъ пощады порицаетъ дурное. Сегодня говорилъ о картахъ: „Неужели люди не могутъ найдти другаго занятія?"—и сильно возставалъ противъ, а въ этомъ домѣ очень кстати. Иное шуткой, иное серьезно обличитъ, иному съ ласкою и чувствомъ наставитъ. Взмиловался Господь надъ здѣшнею паствою и послалъ намъ пастыря добраго и ревностнаго къ славѣ своей... Князь (генералъ-губернаторъ Горчаковъ) пріѣзжалъ сюда, былъ у насъ. Ну, что прикажешь дѣлать съ этимъ неугомоннымъ языкомъ? И съ нимъ пустилась проповѣдывать, да еще какимъ-то околичнымъ путемъ, такъ что онъ только молча слушалъ! Разстались ласково, но сказаннаго не воротишь, а можетъ и не надо...

Марта 28-го.

... Владыкѣ понравились очерки образовъ и самые образа, съ очерковъ моихъ списанные. Запало мнѣ на сердце предчувствіе, что неравно заставитъ меня для домовой церкви дѣлать очерки; вотъ я и начала его прятаться, чтобы забылъ обо мнѣ, и на глаза не казалась; но какъ-то Михайло Александровичъ въ Благовѣщеніе къ нему заѣхалъ, а онъ сейчасъ вспомнилъ очерки и велѣлъ мнѣ сказать, что проситъ сдѣлать Спасителя и сошествіе Св. Духа. На другой день я съ Машей Францовой отправилась къ обѣднѣ на гору, оттуда къ преосвященному, выслушала похвалы незаслуженныя очеркамъ; онъ разсказалъ мнѣ свою мысль, показалъ нѣсколько иконъ, потомъ заставилъ пить чай. Ему еще кто-то говорилъ, что по случаю его посѣщенія я дала *обѣтъ*. Онъ опять началъ говорить о томъ же, что я *ему* принесла жертву. Я осмѣлилась возразить, что *не ему* именно, а онъ былъ только предлогомъ къ обузданію прихотей... Спрашивалъ, кто у меня духовникъ? Я назвала Малафеича и тебя. „Да этотъ далеко, а духовника надо всегда имѣть при себѣ, не столько для разрѣшенія грѣховъ, какъ для совѣта". Тутъ разговоръ опять принялъ духовное направленіе; мнѣ очень хотѣлось помолчать и откланяться, но онъ все какъ бы вызывалъ на разговоръ. Говорилъ о смиреніи, спросилъ:—неужели я думаю царство небесное достать отсѣченіемъ разныхъ мелочей? На что ему я отвѣчала по совѣсти, что нисколько не думаю о царствѣ, а просто желаю только исполнять во всемъ волю Божію, что люблю Господа *для него*, а не для себя... Разсказалъ о зна-

комой мнѣ, которая умѣла искусно прикрывать свое воздержаніе—казалось, все ѣла, а ничего почти не ѣла; смѣется, разговариваетъ свободно со всѣми, и не замѣтно ея внутренняго расположенія мірскимъ людямъ, а между тѣмъ все сердце ея устремляется къ Богу. Заключилъ, что у него нѣсколько было такихъ послушницъ въ Костромѣ и другихъ мѣстахъ. Я, чувствуя, что онъ это какъ-то не даромъ говоритъ, стала просить его не погнушаться и моей грѣшной душей, и меня взять въ послушницы, обѣщая ему полное повиновеніе. Онъ мою просьбу принялъ милостиво, благословилъ меня и крѣпко сжалъ мнѣ руку, сказавъ, что послушницы его говорили ему все—и радость, и горе свое открывали, и что отецъ духовный какъ можетъ упользовать, если одну частицу души ему показать и не раскрыть всего своего состоянія. Опять обратился къ обѣтамъ и говоритъ, чтобы я опасалась мнѣнія, *что это что нибудь* важное. На что я ему сказала, что внѣшнія отреченія почитаю пустяками, а только употребляю ихъ какъ обузданіе алчной и притязательной моей природы, а что начала эти отсѣченія со времени посѣщенія его, потому что въ лицѣ его вижу самого Христа по слову Господа, и не могу на него иначе смотрѣть, какъ на ангела церкви—посланника Божія. Но тутъ же прибавила, какъ-то вылетѣло слово:—„а что вы такое сами по себѣ, какъ человѣкъ, я не разсуждаю, и дѣла мнѣ нѣтъ до этого! Господь одинъ васъ знаетъ, и сердце ваше пусть судитъ васъ. Я не человѣку хочу повиноваться, не на человѣка гляжу, а на санъ вашъ: на власть, вамъ данную“. Сказала я это какимъ-то особеннымъ тономъ, убѣдительно-сильно. Выходка моя его видимо смутила. Я замѣтила, но поздно: слова не воротишь. Онъ какъ-то скоро сказалъ: *разумѣется!*—и съ какимъ-то удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Ты, я чаю, думаешь, что я смутилась, отецъ? Нисколько. Тутъ и Владиміръ (имя архіерея), и все исчезло для меня, я спокойно осталась съ минуту въ молчаніи. Онъ самъ возбудилъ разговоръ: сказалъ, что отъ Верховскаго въ Костромѣ слышалъ обо мнѣ, какъ онъ меня воротилъ домой, когда я уходила въ монастырь; спросилъ, не боялась ли я идти ночью?.. Еще онъ говорилъ:—„Ахъ, матушка, стоитъ только копнуть въ сердцѣ, что тутъ откроется!“ Онъ говорилъ какъ бы и про себя тутъ же, а я опять съ глупости и сказала:—покопайте, такъ всякій изъ насъ навозная куча. Онъ согласился и улыбнулся. Чтобы поправить невѣжливость, говорю:—преосвященнѣйшій владыко, а что тутъ кроется нечистоты!—указывая на мое сердце. Онъ, улыбаясь, отвѣчалъ:

увидимъ, увидимъ! Подходя подъ благословеніе, я, къ довершенію своей глупости, задѣла владыку по носу шляпой своей, да еще извиняться начала... Послѣ обѣдни, еще пока мы оставались въ церкви, діаконъ его вдругъ ко мнѣ подошелъ къ рукѣ, какъ свѣтскій, на соблазнъ всей тобольской духовной братіи. Насилу могла я удержаться отъ смѣха... Странно, что за удовольствіе владыкѣ имѣть такую послушницу, какъ я, что во мнѣ толку? Ты знаешь меня и чувствуешь, что я говорю не по смиренію, но по убѣжденію. Правду ты писалъ, что и ты дрянь, и я дрянь; мы такъ и знаемъ другъ друга и не считаемъ себя чѣмъ либо выше, какъ то, что мы передъ Богомъ, но другіе судятъ насъ по-своему. Я замѣтила, что не только о тебѣ, но и обо мнѣ кто-то говорилъ владыкѣ, и онъ по сказанному составилъ объ насъ какое нибудь особенное мнѣніе, воображеніе его создало изъ насъ идеалы, а преувеличенныя похвалы разнородныхъ лицъ, согласившихся по какому-то внушенію, украсили насъ, испестрили насъ передъ нимъ какъ нѣчто чудесное. Онъ о тебѣ и мнѣ отзывался такъ:—„я со всѣхъ сторонъ много, много о немъ наслышался“...

Апрѣля 17-го 1843 года.

... Нѣтъ, меня не мадамъ Гіонъ зовутъ, а называютъ мадамъ Крюденеръ, о которой ты можешь узнать отъ Ив. Дм. (Якушкинъ) или Мат. Ив. (Муравьевъ-Апостолъ); можетъ быть, что они не безъ предубѣжденія будутъ говорить тебѣ *объ ней*, но все ты разберешь самъ и какое нибудь о ней получишь понятіе. Это говорятъ при всѣхъ и удивляются, что до сихъ поръ правительство не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ такого опаснаго человѣка, какъ я. Такъ говоритъ ненависть и злоба не на меня, а на законъ Христовъ. Говорящаго я считаю лучшимъ другомъ и сочла бы благодѣтелемъ, если бы онъ имѣлъ власть и засадилъ бы меня, негодную, куда нибудь. Ничто не могло меня болѣе порадовать отъ него, какъ такіе отзывы... Если бы другой кто называлъ меня Крюденершей, то была бы не брань, а похвала, можетъ статься; но тотъ, кто называетъ меня такъ, не вѣритъ Евангелію, и въ устахъ его это жестокая укоризна; какъ сектаторку, онъ бы заперъ меня и даже высѣкъ...

18-го іюля.

Владыка человѣкъ *не простой*, хотя и прикидывается простячкомъ, но онъ, что называется, *себѣ на умѣ*,—русскій человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова, со всѣми характеристическими добрыми и худыми свойствами *русскаго*. Сибиряки имѣютъ свой характеръ, хотя и схожій съ россійскимъ въ основаніи, но и отличный нѣсколько отъ русскихъ или россійскихъ, *нашихъ*; разумѣется, нѣтъ правила безъ исключенія, но владыка подъ общимъ правиломъ. Онъ ласковъ, добродушенъ, большой хлѣбосолъ, но не клади ему пальца въ ротъ—онъ безъ намѣренія, по одной привычкѣ или природному свойству, откуситъ, и вы же будете виноваты, что положили слишкомъ довѣрчиво, вы же потеряете въ его мнѣніи. Сибирское основное свойство: недовѣрчивость и осторожность, *чтобы не даться въ обманъ* и если можно самому обмануть. Россійскихъ людей свойство: развязность, ласковость и тѣмъ бо̀льшая хитрость; однимъ словомъ, сибирякъ всячески старается не быть обманутымъ, что считается за стыдъ; а россійскій не унываетъ, если *оплошалъ*, но еще въ бо̀льшую ставитъ себѣ честь, если и былъ обманутъ, вывернуться. Это поросcійски *молодечество*. Божьи же люди теряютъ національный характеръ, если они *точно Божіи*, и это понятно: чтобъ быть Божіимъ, надо оставить ветхую природу, а національность принадлежитъ именно ветхой природѣ. Владыка россійскій человѣкъ. Въ путяхъ Божіихъ свѣдущъ *по наукѣ* и теорію славно знаетъ, можетъ, и испыталъ то, что подлежитъ разуму и нѣкоторому сердечному чувству,—онъ и добръ, и чувствителенъ по природѣ, но... все это земное—и земная дѣятельность, въ родѣ *Кочетова*; болѣе тутъ ничего не ищите. Мы неясно видимъ и несовершенно разбираемъ, что черное и что бѣлое, что сладкое и что горькое—*случайно нападаемъ*, но чаще смѣшиваемъ... такъ что глупая, слѣпая, близорукая баба лучше различитъ, когда надѣнетъ очки Божіи. Главная наша претензія все вдругъ обнять взоромъ; стоя на землѣ, это невозможно—глаза бѣгаютъ и разбѣгаются и ничего ясно не видятъ, оттого часто и глядятъ *чужими глазами*. Если бы подняться *повыше*, то, конечно, и однимъ взглядомъ все бы вдругъ разглядѣть и обнять можно, а на землѣ пыль мѣшаетъ, и дома, и люди, и мало ли что, а это не совсѣмъ ладно...

*

Іюня 8-го.

Ожидаемъ письма отъ тебя, родной, чтобы узнать, какъ ты доѣхалъ и какъ твое здоровье? У насъ въ городѣ большія хлопоты по случаю пріѣзда князя; завтра рано утромъ онъ выѣзжаетъ. Я бы не писала объ этихъ пустякахъ, если бы они до насъ не касались, а то, какъ водится, со всѣхъ сторонъ явились посѣтители съ просьбами: замолвить словечко, обдѣлать дѣло или рекомендовать ихъ пріятелей; потомъ свиданія съ княземъ и у него, и у насъ. Что ты ни говори, но трудно стремиться къ уединенію и къ забвенію у людей и быть безпрерывно на выставкѣ у нихъ. Ужъ, полно, Господь ли это дѣлаетъ? Не врагъ ли такъ шутитъ въ насмѣшку надъ грѣшной душей моей?.. Душа моя томится по Ялуторовску, но какое-то внутреннее чувство претитъ еще хлопотать о переводѣ туда; видно, не пришло время. Сейчасъ узнала, что Михайло Александровичъ говорилъ объ этомъ князю, и тотъ сказалъ, что это весьма легко сдѣлать; слѣдовательно, отъ насъ почти зависитъ, но все же какъ будто надо что-то подождать. Князь отозвался о вашемъ исправникѣ, что онъ одинъ честный исправникъ по двумъ ввѣреннымъ ему губерніямъ. О назначеніи губернатора ничего не знаемъ, но изъ похвалы и словъ князя можно замѣтить, что чуть ли не Виноградскій представленъ имъ... Князь разспрашивалъ прокурора о Татьянѣ Филипповнѣ. Прокуроръ отвѣчалъ безъ страха и какъ надо. Потомъ онъ сказалъ прокурору по секрету, что получилъ изъ Петербурга вопросъ о насъ съ подозрѣніемъ, что Фонъ-Визины и Свистуновъ составили какую-то новую секту, и чтобы это замѣтить. Князь прибавилъ, что онъ ужъ отвѣчалъ на это и написалъ, что это сущій вздоръ и что онъ лично насъ знаетъ. Въ Петербургѣ не иначе могли это вздумать, какъ по чьему нибудь *доносу отсюда*. Если предположить, что по письмамъ моимъ, то почему не хватились пять лѣтъ тому назадъ? А теперь я почти не пишу ни къ кому, и письма мои въ гораздо слабѣйшемъ духѣ. Вотъ сколько вамъ новаго. Послѣднее меня на минуту порадовало, какъ свидѣтельство евангельское о *желающихъ жить* благочестиво, но потомъ и къ этому охладѣло сердце. Оно-то и свидѣтельствуетъ, что во мнѣ *неправый духъ*, что и еретики также бываютъ гонимы и еще болѣе, да и не всякая же сплетня должна приниматься какъ гоненіе за правду и свидѣтельство благочестія... Татьяна Филипповна въ превеликой радости, что такъ говорятъ про нее, а я какъ бы досадую на эту самую ея радость. Отчего это?

Князь ссорился съ преосвященнымъ, хотѣлъ писать о стѣнѣ*) въ Петербургъ, выговаривалъ ему многое, что я не повторю, избѣгая сплетни и въ боязни обвинить *кого не слѣдуетъ.* Но сегодня помирились и разстались дружелюбно. Михайло Александровичъ нѣсколько содѣйствовалъ, что князь къ владыкѣ смягчился. Но князь сильно имъ недоволенъ и знаетъ *всѣ гадкія исторіи.* Ну, вотъ цѣлое письмо, и чего тутъ нѣтъ? и мнѣ сдается, что оно отзывается разнымъ духомъ и обличаетъ разстройство сильное моей души...

Сентября 11-го.

...Ты знаешь, кажется, что владыка дѣлалъ запросы о Татьянѣ Филипповнѣ, записывая даже всѣ собираемыя о ней свѣдѣнія. Секретарь его ходилъ туда и сюда для этого... Вдругъ князь получаетъ изъ Петербурга запросъ: какую *секту завели Фонъ-Визина и Свистуновъ?*—съ порученіемъ наблюдать за нами. Вѣроятно, тутъ же было и о Татьянѣ Филипповнѣ, потому что архіерей проговорился, что отъ него требуютъ объ ней свѣдѣнія. Князь спрашивалъ объ ней бывшаго здѣсь полиціймейстера Нагу. Такъ-какъ тотъ лично ее знаетъ, то отвѣчалъ, что простая женщина, и къ нему, и къ роднымъ его ходила. При васъ, кажется, лѣтомъ князь, въ бытность свою здѣсь, спрашивалъ о Татьянѣ Филипповнѣ у прокурора и говорилъ о запросѣ, сдѣланномъ о насъ, т. е. обо мнѣ и Свистуновѣ, но не сказалъ, что у него спрашиваютъ о Татьянѣ Филипповнѣ. Князь сказалъ, что отвѣчалъ о насъ, что это сущій вздоръ, какъ бы обидѣвшись, что это упрекъ его несмотрѣнію и что помимо его донесли, что онъ достаточно наблюдаетъ за всѣми нами и, конечно, самъ бы долженъ былъ донести, если бы видѣлъ опасное. Но на счетъ Татьяны Филипповны и особаго богомолья предупреждалъ прокурора. Прокуроръ началъ безъ удержа хохотать и такъ сконфузилъ князя тѣмъ, что онъ, зная его, вѣритъ сектамъ, что тотъ пересталъ (дѣлать) свои разспросы и самъ засмѣялся. Дѣло въ томъ, что запросы о насъ были отъ оберъ-прокурора; я прежде думала, что отъ начальника жандармовъ, и полагала, что, такъ-какъ мои письма и Петра Николаевича отзываются инымъ духомъ, то и сдѣлали изъ

*) Архіерей Владиміръ уничтожилъ бывшую передъ архіерейскимъ домомъ древнюю стѣну. *М. З.*

нихъ выводъ о сектахъ; теперь же выходитъ иное: Протасовъ не иначе, какъ по донесенію отсюда *отъ духовнаго лица*, могъ сдѣлать запросъ. Послѣ отзыва князя въ Петербургъ, владыка не могъ и не можетъ скрыть чувства отвращенія отъ Татьяны Филипповны и съ нами ласковъ, но страненъ. Проявляется по временамъ подозрѣніе, хотя и старается скрывать. Прокуроръ и многіе другіе изъ нашихъ полагаютъ и давно уже, что самъ владыка сдѣлалъ доносъ, а какъ не удалось, то находится передъ синодомъ въ очень непріятномъ положеніи. Ему безпрестанно оттуда непріятныя замѣчанія; съ княземъ въ явной ссорѣ, съ временнымъ губернаторомъ тоже, хотя тутъ сохраняются приличія. Я не совсѣмъ вѣрила предположенію нашихъ, будто онъ сдѣлалъ это, чтобы выслужиться бдительностію и особеннымъ усердіемъ. Страшно подумать! Господу только извѣстно все. Услышавъ о Протасовѣ, мнѣ мелькнулъ Фелицынъ (можетъ, я грѣшу), но, съ другой стороны, чувство отвращенія къ Татьянѣ Филипповнѣ у владыки смущаетъ меня. Такъ все и оставалось, кромѣ одной выходки владыки: въ послѣдній разъ, какъ была съ Татьяной Александровной (Свистунова) у него, онъ завелъ рѣчь о заведеніи благотворительнаго общества и вызывался быть главой или президентомъ его, хвалилъ Екатерину Ѳедоровну и горевалъ, что мало въ здѣшнихъ дамахъ усердія, что на приглашеніе его завести такое общество ему отвѣчали, что похоже будетъ на секту. Я на это сказала: всѣхъ живущихъ отлично отъ мірскихъ обычаевъ и желающихъ вести жизнь христіанскую называютъ здѣсь сектаторами. Онъ согласился. Послѣ того у прокурора за столомъ Молчановъ, бывшій инспекторъ врачебной управы, сказалъ, что во всемъ городѣ трубятъ о написанномъ мною разсужденіи *О молитвѣ Господней* *), но никто изъ посторонних не читалъ—не иначе, какъ отъ самого владыки узнали. Но вотъ что было вчера, въ воскресенье: владыка былъ вечеромъ у прокурора Михаила Алексѣевича. Павелъ Сергѣичъ и Дмитрій Иванычъ были тамъ же. Вдругъ онъ предлагаетъ составить общество, собираться по вечерамъ читать библію и толковать тексты, прибавивъ, что всѣ ереси основаны на текстахъ писанія, что очень полезно разъяснять ихъ правильно. Наши сказали, что очень рады будутъ его слушать; но онъ настаивалъ, чтобы каждый давалъ свое разумѣніе о текстахъ на бумагѣ. Прокуроръ

*) Изъясненіе молитвы Господней написано Н. Д. Фонъ-Визиной по порученію архіерея Владиміра и оставлено имъ у себя. *М. З.*

замѣтилъ, что не для чего на письмѣ, что довольно ему говорить, а намъ слушать. Архіерей прибавилъ, что онъ бы свободнѣе говорить могъ въ дружеской бесѣдѣ, чѣмъ въ церкви, хвалилъ благочестіе, Горскаго и что онъ съ нимъ разсуждалъ объ этомъ, что онъ ошибался въ этомъ человѣкѣ. А Горскій прежде былъ фаталистъ, а не христіанинъ, и еще недавно разсуждалъ какъ фаталистъ и всѣхъ насъ терпѣть не можетъ, не иначе называетъ какъ святошами, а меня ненавидитъ. Что-то все это странно. Наши усомнились (кромѣ Павла Сергѣича) и говорятъ, что это ловушка, чтобы поймать насъ въ чемъ нибудь и оправдать прежніе неосновательные доносы и вывернуться. Онъ увѣрялъ прокурора и Михаила Александрыча въ своемъ особенномъ расположеніи и говорилъ, что только и находитъ отрады въ домѣ у прокурора и у насъ, а у прокурора не былъ двѣ недѣли, а у насъ съ Покрова. Чудно что-то. И желаніе, чтобы непремѣнно писали свое мнѣніе на тексты, весьма не нравится мнѣ, хотя я ничего не смѣю рѣшить. Горскій пріятель жандарму новому, а тотъ по пріѣздѣ прикинулся постникомъ и желающимъ вступить въ монахи, старался познакомиться и сблизиться со мною и съ Свистуновымъ, котораго осыпалъ ласками, а я отклонилась отъ его знакомства. Потомъ онъ сватался за Оленьку Анненкову и ведетъ совсѣмъ мірскую жизнь; сначала говорилъ, что наслышался о благочестіи моемъ, т. е. ему говорили обо мнѣ и велѣли наблюдать за нами, для чего нужно было вкрасться въ нашу довѣренность. Архіерей хорошъ съ Фелицынымъ, а онъ васъ не любитъ. Богъ знаетъ, что значитъ все мною сказанное, возьмемъ свои мѣры, остальное оставимъ на волю Божію: буди Его святая воля! Бояться нечего, съ нами Богъ! Полагаютъ, что владыка сообщилъ, можетъ быть, мою рукопись молитвы Господней въ синодъ. Я не вѣрю; мнѣ кажется, что еще не пришелъ часъ мой, я такъ скверна, что меня не за что гнать, развѣ за грѣхи наказаніе. Но вотъ Богъ видитъ, что такія вещи для меня были бы наградой даже, какъ очищеніе за грѣхи. Расположеніе міра и ласки его—вотъ что приводитъ меня иногда въ отчаяніе и жизнь дѣлаетъ невыносимою, безвкусною...

18-го сентября 1850 г.

...Я, кажется, писала тебѣ, что получила разрѣшеніе ѣхать къ водамъ. Княжны уѣхали, и отецъ (генералъ-губернаторъ Гор-

чаковъ) не позволилъ имъ со мною видѣться, ... Онъ даже боялся, чтобы я не поѣхала къ нимъ навстрѣчу, и прислалъ сюда оффиціальное мнѣ запрещеніе выѣзжать и приказаніе отложить поѣздку къ водамъ до будущаго года; но такъ-какъ онъ не имѣетъ права мнѣ ни запрещать, ни приказывать безъ разрѣшенія свыше, то я ему настрочила жестокое письмо и вступила съ нимъ въ войну. Отвѣта еще не имѣю, не знаю, чѣмъ все это кончится. У насъ такая ужасная погода, что я болѣе недѣли ни вонъ изъ двора. О состояніи моего здоровья я уже не говорю, обыкновенно почти все хвораю не тѣмъ, такъ другимъ, рѣдко выдаются дни, что я получше себя чувствую. У насъ и снѣгъ, и дождь, и холодъ, хуже зимняго, словомъ, сибирская осень во всей своей красѣ. А я не видала, какъ и лѣто прошло. Нынѣшнимъ годомъ я какъ-то и въ саду своемъ мало гуляла. Всѣхъ живѣе и пріятнѣе впечатлѣніе оставила мнѣ поѣздка въ Ялуторовскъ въ открытомъ экипажѣ. Что если бы всегда дышать такимъ здоровымъ, ароматнымъ воздухомъ? Навѣрно бы скоро миновались всѣ недуги. Сижу дома и читаю романы, играю съ Тошкой (воспитанница), которая день ото дня дѣлается милѣе и забавнѣе, крою и наблюдаю за шитьемъ, хожу и пишу письма, вотъ мои обыкновенныя занятія; забыла прибавить: мурлычу себѣ подъ носъ, иногда въ полголоса, думаю и грущу—это послѣднее сопровождаетъ всѣ прочія занятія. И вотъ моя жизнь, если можно назвать жизнію такое безцвѣтное существованіе! Прощай, мнѣ какъ-то сегодня особенно тоскливо—не глядѣла бы на свѣтъ бѣлый.

7-го ноября.

Теперь ты знаешь уже, что ялуторовская поѣздка произвела кутерьму, которая имѣла важныя для всѣхъ насъ послѣдствія, такъ что вызвала меня на крайнія мѣры. Но князь не унялся, не смотря на увѣдомленіе мое, что просила и жду правилъ изъ Петербурга, онъ собралъ откуда-то и присочинилъ свои правила, гдѣ называетъ насъ женами государственныхъ преступниковъ и еще *ссыльно-каторжныхъ*, тогда какъ недавно, по предписанію изъ Петербурга, съ нашихъ брали подписки, чтобы имъ не называться такъ, а состоящими подъ надзоромъ полиціи для неслужащихъ, а для служащихъ по чину или мѣсту, занимаемому въ службѣ,

вслѣдствіе чего и самъ князь въ предписаніи губернатору о запрещеніи мнѣ ѣхать на воды величаетъ меня *супругою состоящаго подъ надзоромъ полиціи*. Эту бумагу его съ прочими документами я отправила къ графу Орлову. Теперь вздумалъ браниться, я думаю, для того и правила выдалъ, чтобы при чтеніи ихъ полиціймейстеръ бранилъ насъ въ глаза. Я не допустила его себѣ читать, именно потому, что ожидала какого нибудь отвѣта на мое посланіе въ С.-Петербургъ. Но что всего милѣе: хотѣли съ насъ брать подписки, что будемъ исполнять по правиламъ; а полиціймейстеръ ужасная дрянь, такъ настроенъ, что слѣдитъ всюду, а за городъ и выпускать насъ не велѣно. Но вотъ какія утѣшительныя у насъ вѣсти: отъ 10-го октября получено здѣсь изъ Петербурга письмо, а вслѣдъ за этимъ и множество другихъ оттуда же къ разнымъ лицамъ и въ разные города здѣшней губерніи, что князь безъ просьбы объ увольненія уволенъ и причисленъ къ государственному совѣту, а на его мѣсто назначенъ генералъ Граббе, о которомъ ты вѣрно слыхалъ отъ насъ. Эти письменныя вѣсти сообщили и самому князю, но онъ засмѣялся и говоритъ:— „странно, что всѣ знаютъ о томъ, чего я не знаю". Видно, не вѣритъ, что это можетъ случиться, а то бы, для охраненія самолюбія своего отъ внезапнаго удара, могъ сказать, что просилъ увольненія. Пишутъ же всѣ положительно, неужели это пуфъ?—разныя лица и къ разнымъ лицамъ, между прочимъ, с.-петербургскаго гражданскаго губернатора жена Жуковская—она сибирячка—пишетъ сюда къ своей родственницѣ А. А. Кривоноговой и поздравляетъ ее съ новымъ генералъ-губернаторомъ, говоря, что его вѣрно здѣсь полюбятъ, а Выкрюстюкъ пишетъ, что и оффиціально скоро узнаютъ. Даже изъ Омска къ здѣшнимъ жандармамъ пишутъ по секрету о перемѣнѣ, прося помолчать, чтобы не отъ нихъ первыхъ узналось. Если это такъ, то завтра или въ пятницу должно быть въ газетахъ. Чудно, если это правда. Приказы должны быть изъ Варшавы отъ 5-го или 6-го октября. 6-го пошло отсюда письмо мое къ Царю съ теплою и усердною молитвою о томъ, чтобы и Государя расположить въ нашу пользу, и главное князя убрать. Теперь всѣ и все въ ожиданіи и тревогѣ. Можешь себѣ представить, что такое: звоны звонятъ, только и разговоровъ, только и толковъ. Преданные его сіятельству политикуютъ, притворяются не вѣрящими, въ томъ числѣ и губернаторъ съ супругою, и Владиміровъ съ супругою, и прочіе предсѣдатели; другіе совсѣмъ опѣшили и трусятъ; но большая часть и

весь край вообще радуется; одна боязнь, что это не сбудется. Любопытно, если будетъ по писанному, т. е. когда придетъ оффиціальное извѣстіе, какія будутъ корчить рожи разныя лица, особенно полиціймейстеръ? Увидимъ, что скажутъ будущія почты? Авось лисичка возьметъ верхъ надъ хищною птицею. Я уповаю, потому что съ самой зимы, т. е. съ начала года, молюсь, а по временамъ и весьма пристально, объ одномъ и томъ же—объ увольненіи. Мое прошеніе ходило прямымъ путемъ безъ инстанцій...

Декабря 4-го.

Наши дѣла въ томъ же положеніи: князь и его угодники въ чемъ только можно, въ самыхъ бездѣлицахъ пакостятъ, особенно мнѣ, а чрезъ меня не только нашимъ, но и прокурору. Боюсь, чтобы и батюшкѣ не досталось, чтобы и тебя какъ нибудь не задѣли. Иванъ Александровичъ *) просилъ наслѣдника о переводѣ нашемъ въ Вятскую губернію. Богъ знаетъ, удастся ли? Между тѣмъ, если князь воротится изъ Петербурга, то хоть въ могилу ложись, если мы здѣсь останемся. Тункинскія воды замолки. Хоть бы туда пустили освѣжиться! Князь грозитъ, по возвращеніи, отмстить тѣмъ, которые выпускали, что онъ смѣненъ, и радовались этому. Этотъ человѣкъ способенъ на все, даже извести какъ нибудь втихомолку. Полиціймейстеръ Е. навѣрное не откажется быть его вѣрнымъ сотрудникомъ по этимъ дѣламъ. Вотъ въ какомъ мы положеніи, развѣ чудо какое спасетъ насъ. Господь милосердъ и всемогущъ—для Него все просто и естественно, чудо будетъ въ отношеніи насъ, потому что намъ и не вѣрится ни во что хорошее, ничего уже и не ждемъ... Ничто въ свѣтѣ такъ не противно мнѣ, какъ лукавство! но въ сибирскомъ характерѣ это лукавство принимаетъ чудовищные, адскіе размѣры. Весь Тобольскъ теперь подъ вліяніемъ страшнаго происшествія, которое такъ кстати можетъ служить доводомъ къ говоренному и прежде на счетъ сибирскаго лукавства и къ сказанному теперь, что я считаю долгомъ разсказать тебѣ это физіологическое явленіе. Въ Екатерининъ день, въ семь часовъ вечера, около коммиссаріатской кладовой, гдѣ хранятся огромныя суммы, держали караулъ солдаты Ан. Ник. роты; за калиткой, по ту сторону сада, у той же кладовой стоитъ будка, и въ

*) И. А. Фонъ-Визинъ, братъ М. А. Фонъ-Визина.

нее на ночь всегда ставится караульный ночной изъ коммиссаріатскихъ солдатъ; эти обыкновенно одѣваются какъ можно теплѣе и часто являются поэтому и въ партикулярной одеждѣ, дисциплина у нихъ не такъ строга, какъ у военныхъ. Лишь только смѣнились солдаты и ефрейторъ успѣлъ уйдти на гауптвахту, какъ къ коммиссаріатской будкѣ подходитъ человѣкъ въ тулупѣ, въ шапкѣ, сверху накинута солдатская капотка. Часовой окликаетъ, тотъ отвѣчаетъ: „ночной", и становится въ будку, черезъ нѣсколько минутъ подходитъ къ часовому и заводитъ разговоръ.

— Который часъ?

Семь часовъ.

— А! такъ какже меня такъ рано разбудили, сказали девять, а что патрули ходятъ у васъ?

— Ходятъ.

— Черезъ четверть часа?—теперь, или послѣ зари?

— Нѣтъ, и до зари ходятъ.

— Ну, у насъ въ Петербургѣ не такъ, тамъ все послѣ зари.

— А ты развѣ изъ Питера, какъ я тебя не знаю?

— Только два мѣсяца, какъ оттуда, былъ боленъ, два раза за себя нанималъ, а теперь самъ въ первый разъ пришелъ; ну, да пойдти же въ караулку.—Началъ зѣвать, потягиваться и пошелъ къ калиткѣ, а часовой продолжалъ свою монотонную прогулку передъ старымъ домомъ. Ночной остановился въ калиткѣ, какъ будто не зная, на что рѣшиться. Часовой прошелъ до калитки и лишь только повернулся, чтобы идти назадъ, какъ почувствовалъ сильнѣйшій ударъ въ голову, отъ котораго ружье выпало изъ рукъ, и онъ пошатнулся или упалъ; не знаю, другимъ ударомъ промахнулись, какъ видно, онъ просвистѣлъ мимо ушей; отъ перваго голова у часоваго проломлена, второй ударъ долженъ былъ наповалъ убить его, но не удался. Часовой, пресильный парень, опомнившись, бросился на злодѣя, смялъ его подъ себя и началъ кричать, не выпуская. Тотъ царапался и, наконецъ, зачалъ упрашивать часоваго, чтобы онъ отпустилъ, что онъ сейчасъ же дастъ ему 1000 руб. (при немъ найдено было 2000 руб.). Если бы часовой польстился, ему бы не сдобровать, потому что, кромѣ лома съ набалдашникомъ и разными крючками въ 7 фунтовъ вѣсу, которымъ онъ проломилъ часовому голову, при немъ былъ складной ножъ въ полторы четверти. При барахтаньѣ онъ обронилъ два новыхъ мѣшка, съ завязками, при немъ были сѣрныя спички и полсвѣчки восковой, да еще тульское долото стальное. Услыша

крикъ, солдаты съ гауптвахты прибѣжали, но злодѣй, видя, что часовой не отпускаетъ его, тоже кричалъ: „*Батюшки, вступитесь! что же вы меня бросили, помогите!*" (Это обстоятельство о взываніи помощи какъ бы отъ сообщниковъ сообщили мнѣ только сегодня). Когда ихъ привели на гауптвахту, солдатъ оказался съ проломленной головой, весь окровавленный, а въ злодѣѣ узнали одного изъ здѣшнихъ знаменитыхъ *сибирскихъ* купцовъ, человѣка и тебѣ, и всѣмъ намъ знакомаго, у котораго мы не разъ покупали разныя разности, съ которымъ имѣли дѣла, съ которымъ по часамъ разговаривали, человѣка трезваго, обстоятельнаго, всѣми гражданами уважаемаго, богатаго. Когда намъ сказали объ этомъ, я не хотѣла вѣрить; но что я говорю о себѣ, никто, рѣшительно никто не хотѣлъ вѣрить. Купеческое общество, разумѣется, сибиряки, вызывались присягу принять, что онъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ отличный. Всѣ положили, что это, должно быть, бѣлая горячка или припадокъ сумасшествія; онъ, такъ видно, и разсчитывалъ на это, потому что лишь только привели его въ полицію, онъ началъ разводить руками, говорить вздоръ, и Юшковъ хотѣлъ было дать свидѣтельство, что онъ рехнулся, но улики и обдуманность во всѣхъ дѣйствіяхъ скоро заставили перемѣнить общее мнѣніе. Онъ же твердитъ свое, что не помнитъ и не знаетъ, какъ что сдѣлалъ. Признался и говоритъ: чортъ повелъ. Мудрено запереться, когда пойманъ на дѣлѣ. Въ 4 часа, въ этотъ день онъ былъ въ лавкѣ. Когда осматривали мѣсто, въ одномъ проходномъ корридорѣ, сѣнномъ, стараго дома нанесло много снѣга, ветхія двери не затворяются, и тамъ замѣчено много слѣдовъ разныхъ. Жена его бѣгала къ Я. (бат. ком.) и просила. Отвѣтъ, говорятъ, былъ такой: если бы зналъ онъ, да она, да часовой, то другое было бы дѣло, но теперь нельзя. Слѣды въ корридорѣ, однако же, замели. Еще злодѣй былъ на гауптвахтѣ, какъ братъ его на взмыленномъ конѣ заѣзжалъ во всѣ знакомые дома спрашивать, не тутъ ли его братъ? Въ показаніяхъ показалъ, что поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, но что у Кокуя онъ его столкнулъ и поѣхалъ одинъ, а онъ показываетъ, что столкнулъ его противъ дома Анненкова. На Кузнечной живетъ коммис. солдатъ, который долженъ былъ быть ночнымъ, но онъ на ту ночь къ посту своему не явился. Приказчикъ сказалъ, что пойдетъ къ племянницѣ на именины на гору (онъ и былъ позднѣе); по выходѣ его видѣли на Кузнечной. Братъ ѣздилъ по домамъ справляться о братѣ, вѣроятно, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе. О Сибирь благая, лукавая! Сестрица твоя была

тоже на именинахъ и видѣла этого юношу, блѣднаго какъ полотно и въ переполохѣ. Открывается, что злодѣй былъ не вѣрующій, а только носилъ личину, впрочемъ, не утруждалъ себя даже прикидываться на этотъ счетъ, а только морочилъ людей своею сибирскою *скромностію*, по-моему, *скрытностію*, которую ненавидитъ душа моя; за такое лукавство и отступаетъ благодать Божія! въ этомъ меня цѣлый міръ не переувѣритъ. Скрывай бездѣлицы, пріучайся лукавить во вздорѣ—лукавый и засядетъ въ сердцѣ, а тутъ ужъ и не говори мнѣ, что неспособенъ того или другаго сдѣлать; на все способенъ, лишь бы было скрыто, рѣшимости чортъ придастъ. Страшно! Теперь начинаютъ думать и поговаривать, что у *сибирскаго скромника* не одно это неудачное дѣльце на душѣ, и я раздѣляю вполнѣ это мнѣніе: не было бы ему удачи прежде, на это не такъ бы легко рѣшился. Недавно у насъ на горѣ случилось странное убійство: жилъ одинъ чиновникъ на яру, бывшій березовскимъ исправникомъ, и, кажется, еще подъ слѣдствіемъ находился; у него были деньги, говорятъ, тысячъ до 30-ти, а жилъ онъ одинъ одинехонекъ. Его въ одинъ злосчастный день нашли убитымъ, *черепъ весь изломанъ*, крови мало, приложенъ къ стѣнѣ. На столѣ самоваръ потухшій, не допитый чай въ двухъ чашкахъ, ложечки серебряныя и никакія вещи не тронуты, денегъ нѣтъ. Многіе взяты по подозрѣнію, ничего вѣрнаго не оказалось. Говоря съ приказчикомъ *сибирскаго скромника* объ этомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ убійства, онъ намъ проговорился, что хозяинъ былъ у убитаго дня за два. Тогда, разумѣется, и въ голову не могло прійдти подозрѣніе о хозяинѣ его, но теперь невольно думается, невольно сравниваешь проломленную голову солдата съ раздробленнымъ черепомъ убитаго. И тѣмъ это вѣроятнѣе, что хозяинъ этотъ бралъ у Драницына (убитаго) взаймы денегъ сколько-то тысячъ; въ домѣ его при обыскѣ нашлось 24,000 наличными, а у убитаго не нашлось ни копѣйки. Еще есть подозрѣніе и на монастырскую сумму: онъ только за три дня до покражи пріѣхалъ изъ Ирбити. Ломъ съ набалдашникомъ, говорятъ, чудесно устроенъ, а другой простой ломъ могъ быть оставленъ при снятой съ петель двери для того, чтобы бросить подозрѣніе на монастырскихъ. О ломѣ съ набалдашникомъ справлялись: онъ былъ заказанъ здѣсь. Кузнецъ былъ взятъ, и сейчасъ признался, что онъ его дѣлалъ, не знавши, на какое употребленіе, что онъ спрашивалъ: „на что вамъ, батюшка, такую вещь?“ Ему отвѣчали: „тебѣ, братецъ, что за дѣло и что за спросы; заказываютъ, платятъ, такъ и дѣлай“.

и прибавлено: „ѣзжу по дорогамъ, такъ какъ не годится“. По показанію кузнеца, ломъ вначалѣ не понравился и былъ передѣланъ, потомъ два раза былъ въ починкѣ. Вотъ какія дѣла! и какія страшныя драмы розыгрываются подъ покровомъ сибирской *скромности*. Поди-ко, узнай сибирскихъ людей, какой оттѣнокъ характера каждаго; всѣ скрыты, потому что всѣ скрытны. Сибиряку одно спасеніе быть откровенному, изъ тихаго омута выплывутъ, по крайней мѣрѣ, чертики наружу, тутъ ихъ легко переловить; а плохо, какъ хозяева тихихъ омутовъ пріютятъ и лелѣютъ ихъ въ глубинѣ. Плохо: благодать отступаетъ, черти тѣшатся, губятъ душу, а потомъ заставляютъ губить души. Но вдругъ Господь обличаетъ, и вотъ тебѣ чудесный, скромный, всѣми любимый, всѣми уважаемый, всѣмъ угождающій! Громъ небесный разразился, хорошо, какъ покается, но привычка затаивать въ сибирскихъ характерахъ есть ихъ натура. Мѣстность ли, климатъ ли, или система общаго воспитанія въ Сибири и въ сибирскихъ семействахъ, первыя впечатлѣнія дѣтства, первыя неизгладимыя начертанія и примѣры, какъ бы то ни было, въ сибирякахъ и въ злыхъ, и въ добрыхъ отличительная черта характера, основное свойство всѣхъ сибиряковъ—*скрытность*, или, какъ ее здѣсь величаютъ, *скромность*. Тише воды, ниже травы, водой не замутитъ, не шелохнется, а я, встрѣчая такихъ, гляжу со страхомъ, такъ и вертится въ головѣ наша *великороссійская пословица: въ тихомъ омутѣ черти водятся*. А ужъ если сибирякъ рѣшился разстаться со скромностію, или, по-моему, съ своею неестественною молчаливостію и натянутою тихостію, то смотри въ оба: онъ самую простоту и естественность или развязность обратитъ въ средство *еще лучше и удобнѣе скрываться*. И что за страсть казаться вѣчно и во всемъ правымъ? Простота истинная ощутительна, она сознательна, не вывертывается, не заминаетъ рѣчи, а какова есть, такова и есть. Хитритъ, такъ еще прихвастнетъ хитростію... *).

Февраля 5-го.

Сегодня рожденіе нашего Миши (второй сынъ). Я скинула на этотъ день трауръ, была у обѣдни и служила благодарственный

*) Приведенная характеристика далеко не безпристрастна и показываетъ только ту массу предубѣжденій и озлобленія, которая характеризуетъ наѣзжій, особенно ссыльный элементъ въ Сибири, которая не миновала и декабристовъ. *Ред.*

молебенъ Божіей матери. Я прежде обѣщалась, если уберутъ князя, а какъ теперь онъ уволенъ въ чистую и ходитъ во фракѣ, то и надо исполнить обѣтъ. Михайло Александровичъ, вѣроятно, писалъ тебѣ о ревизіи и ревизорѣ, а также и о томъ, что у насъ теперь гоститъ Иванъ Дмитріевичъ (Якушкинъ) до великаго поста; съ нимъ пріѣхали Гутинька и Аннушка Муравьевы. Ревизоръ Анненковъ съ нашими Анненковыми совершенно породственному: бываетъ у нихъ всякій вечеръ; съ нашими чрезвычайно вѣжливъ. Я, никуда не выѣзжая теперь, еще не встрѣчалась съ ними. Изъ Омска пріѣхали генералы: жандармскій и начальникъ штаба. Здѣшнихъ ревизоръ порядочно распекаетъ. Ты можешь представить, какъ всѣ, которые, въ угожденіе князю, были противъ насъ, теперь подличаютъ передъ Анненковыми, а отчасти и передъ всѣми нами — гадко смотрѣть! Ревизору поручена даже и духовная часть: всѣ члены консисторіи ему представлялись... А ректоръ самъ, во всемъ облаченіи, подноситъ на блюдечкѣ просфору ревизору, и съ такой подобострастной миной, что жаль глядѣть на него. Вотъ какія чудеса у насъ!... Письмо твое, посланное послѣ полученнаго тобою извѣстія о смерти нашего друга Мити, насъ очень тронуло; я увѣрена, другъ мой, что тебѣ наше горе неравнодушно, а я такъ теперь еще глубже его чувствую, чѣмъ вначалѣ. Ужасная тоска— какъ будто вся я растерялась. Часто и часто приходитъ не только мысль, но и желаніе умереть. Ничто въ свѣтѣ не радуетъ, какъ-то и не надѣешься ни на что. Ты, можетъ быть, уже слышалъ, что нашъ Иванъ Александровичъ просилъ Наслѣдника о переводѣ нашемъ въ Вятскую губернію? До сихъ поръ никакого нѣтъ отвѣта на просьбу; не знаю, хорошій ли это, или дурной знакъ. Государь Наслѣдникъ принялъ просьбу благосклонно и обѣщался ходатайствовать. Многіе изъ нашихъ того мнѣнія, что, если бы хотѣлъ отказать, то давно бы отвѣтъ былъ; въ иныя минуты и самой мнѣ также думается, въ другія же кажется, что ничего и не будутъ отвѣчать. Сегодня получила я письмо отъ дяди Головина, котораго просила защитить меня отъ князя и содѣйствовать, если можетъ, хлопотамъ брата о нашемъ переводѣ. Онъ адресуетъ меня ревизору, которому онъ говорилъ объ насъ. Мих. Ал. хочетъ переговорить съ генераломъ Анненковымъ. Во всякомъ случаѣ Анненковъ, вѣроятно, имѣетъ власть снять княжеское запрещеніе съ даннаго мнѣ позволенія ѣхать на воды. И ужъ если не въ Россію, то, можетъ быть, хотя въ Иркутскъ удастся мнѣ съѣздить. Не знаю, чѣмъ рѣшится моя участь въ этомъ году на счетъ путешествія, но я

имѣю какое-то предчувствіе путешествовать. Ни Анненковъ, ни Головинъ не даютъ никакихъ надеждъ на предполагаемыя милости для всѣхъ насъ, хотя это всеобщее ожиданіе. Мудрено, однако же, чтобы члены государственнаго совѣта ничего объ этомъ не знали, если бы было намѣреніе что нибудь сдѣлать блистательное; мудрено также предположить, что, зная что нибудь положительное объ этомъ, эти господа стали бы секретничать съ своими близкими; итакъ всего вѣроятнѣе, что ничего общаго для всѣхъ насъ не будетъ, и эти надежды можно, кажется, считать лопнувшими, какъ мыльные пузыри. Богъ знаетъ, увидимся ли мы когда нибудь съ нашимъ Мишей! А теперь это единственное мое желаніе покуда; жизнь кажется такою отцвѣтшею, что ничто другое не интересуетъ, и это манитъ только покуда представляется какая-то возможность осуществить надежду; откажутъ, останется ожидать смерти, и только. Я на это готовлюсь—это мало произведетъ перемѣны въ существованіи нашемъ. Я ужасно измѣнилась въ это послѣднее время; ты бы не узналъ меня: на себя непохожа. По случаю ревизора въ здѣшнемъ обществѣ готовятся разныя веселости: сегодня спектакль. Ивану Дмитріевичу пришла фантазія быть въ театрѣ и Михайла Александровича увлекъ съ собой. Въ воскресенье будетъ, говорятъ, балъ; всѣ имѣютъ новые наряды. Гутеньку и Аннушку даже везутъ. Валентина тоже собирается, а наши, т. е. Иванъ Дмитричъ и Михайло Александровичъ, собираются на хоры.

Марта 24-го.

Посылка твоя получена, „*Бѣдные люди*“ отданы Оленькѣ (Анненкова), я еще не читала. Облатки прелесть и именно такія, какихъ мнѣ хотѣлось; большое спасибо за нихъ. Печать съ П. С. не отдастся Пашѣ, какъ развѣ когда ей минетъ 16 лѣтъ, или если я прежде этого умру, или если до того настанетъ блаженное время, гдѣ можно будетъ безъ опасенія употреблять *спорную* *). Нашъ новый генералъ-губернаторъ не Струве, а генералъ-лейтенантъ *Гасфортъ*, о немъ разные толки; *каковъ будетъ, увидимъ*. Я въ ожиданіи разрѣшенія снова ѣхать къ водамъ. Анненковъ представилъ въ Петербургъ, не рѣшился снять запрещенія князя самъ собою. Анненковъ самъ, по уму и свойствамъ, могъ бы быть истый

*) Печать съ ея фамиліею.

сибирякъ, но свита его все люди образованные, не дюжинные, молодежь—прелесть, напомнили намъ *милыхъ призраковъ*. Они готовились ѣхать сюда съ сенаторомъ Жемчужниковымъ, какъ назначили Анненкова; они его не знали до отъѣзда; съ ними полковникъ Романовъ, два брата Арцимовичи и Ковалевскій, рожденный въ Сибири русскими. Всѣ премилые, еще юрисъ-консультъ Латышевъ, умный, но креатура Анненкова. Володя (Анненковъ) исправился, развернулся и славный малый, я его очень люблю, такой простодушный... Письмо твое давно ему отдала. Въ надеждѣ на разрѣшеніе, я уже готовлюсь помаленьку къ дорогѣ; въ маѣ, можетъ быть, выѣду; ожидаю отъ Ивана Александровича денегъ; давно уже писала ему объ этомъ. На просьбу нашу о переводѣ въ Вятку отвѣта, вѣроятно, не будетъ...

Апрѣля 22-го.

.... Здоровье мое такъ плохо, что я никакъ не могла написать тебѣ на праздникахъ, какъ предполагала, и послѣ опять, чтобы поблагодарить тебя за вниманіе и поздравленіе меня съ днемъ рожденія моего и праздникомъ. Спасибо за твои добрыя желанія, но едва ли есть возможность исполненія. Для ранъ сердца моего, по слову писанія, нѣтъ *ни пластыря, ни обязанія*, я какъ Рахиль не могу утѣшиться потому, что того, что оплакиваю, уже нѣтъ. Самъ Господь скорбь, подобную моей, ставитъ выше всякой другой. Говорятъ, что время все сглаживаетъ; я не замѣчаю этого! Если мое горе не такъ остро и не такъ жгуче, какъ въ первыя минуты, за то оно теперь все болѣе и болѣе распространяется въ моемъ сердцѣ, сливается со всѣми моими чувствами и ощущеніями, объемлетъ все мое существованіе. Душа такъ наболѣла, что мнѣ даже трудно представить себѣ, чтобы когда нибудь было иначе, самая память даже усвоила себѣ впечатлѣніе моего горя. Ты видишь, что я въ полномъ смыслѣ нравственный уродъ: время, исцѣляющее другихъ, меня все болѣе и болѣе поражаетъ. Одно можетъ помочь мнѣ, это какое нибудь событіе, равносильное по впечатлѣнію моему горю, но событіе радостное, какъ, напримѣръ, свиданіе съ остальнымъ сыномъ, или возвращеніе на родину; иначе я не вижу ни конца, ни предѣла моей печали; я не борюсь съ ней и не питаю ее, но ощущаю, что она все болѣе внѣдряется въ мое сердце, все болѣе проникаетъ мое существованіе какими-то

внутренними, глубокими, внезапными, но безпрерывно возобновляющимися ударами... Моя поѣздка къ водамъ все еще ожидаетъ разрѣшенія. Въ жандармѣ для сопровожденія генералъ жандармскій омскій, Влахопуло, отказалъ мнѣ, не потому, чтобы это было невозможно, но потому, что былъ въ претензіи на Михайла Александровича, что онъ не былъ у него съ визитомъ, или не представился. О переводѣ въ Вятку молчатъ. Сынъ Давыдова просился на службу къ генералъ-губернатору Восточной Сибири, Муравьеву, но Муравьевъ запретилъ его принять, какъ бы въ наказаніе за самовольное прибытіе въ Сибирь и свиданіе съ отцемъ. Отецъ бѣдный въ отчаяніи и боится, чтобы не запретили сыну возвращенія въ Россію. Все подобное мало даетъ надежды на будущее, хотя всѣ говорятъ и многіе ожидаютъ; я ничего не жду ни отъ августа, ни отъ другихъ мѣсяцевъ: развѣ Митюхина рацѣйка поможетъ, и усердныя моленія дойдутъ до Господа Бога... Здѣсь, по настоянію генерала ревизора, учреждается женское училище въ два отдѣленія: дворянское и мѣщанское; денегъ собрано на него довольно...

Іюня 5-го.

... Я теперь въ безпрерывныхъ хлопотахъ: во-первыхъ, по саду до сихъ поръ еще не кончилась садка растеній. Лѣто у насъ благопріятнѣе прежнихъ, и надѣюсь, что труды по саду и огороду не будутъ напрасны. Садовникъ-латинистъ, котораго ты видѣлъ прошлаго года, множество погубилъ у меня растеній своею безпечностію и лѣнью; теперь у меня другой, смирный и усердный; онъ изъ царскихъ петергофскихъ садовъ, а какъ климатъ Петербурга сходствуетъ съ здѣшнимъ и притомъ Петербургъ на одной широтѣ съ Тобольскомъ, то онъ имѣетъ навыкъ, какъ обращаться съ растеніями въ сѣверныхъ полосахъ, а это здѣсь не бездѣлица. При такомъ помощникѣ страсть моя къ цвѣтоводству возникла опять съ новою силою, и это одно спасаетъ меня покуда отъ отчаянія, такъ грустно, такъ тяжко, что силъ нѣтъ... Я и забыла сообщить тебѣ, что получила вторичное разрѣшеніе ѣхать на воды; теперь это дѣло рѣшенное и серіозное. Со мной ѣдетъ Марья Дмитріевна. Просила объ жандармѣ въ провожатые; ожидаю генералъ-губернатора Гасфорта, чтобы возобновить просьбу... Я, признаюсь, отложила было попеченіе ѣхать къ водамъ, а потому и принялась за садъ

и огородъ, и вдругъ неожиданно получаю. Выѣхать въ началѣ мая мнѣ было бы выгоднѣе: я бы теперь была уже въ Иркутскѣ и миновала бы дорогою комаровъ и мошекъ барабинскихъ, появляющихся въ іюнѣ... Мнѣ очень грустно, хотя и имѣю разрѣшеніе ѣхать; еще если бы выѣхать ранѣе, а то не люблю, когда что дѣлается неблаговременно и неудобно, и какъ-то все не то... Хоть бы Господь привелъ меня на Мишу взглянуть, но, впрочемъ, плачемъ Іереміинымъ ничему не поможешь, ничего не поправишь; уѣду въ Иркутскъ сбирать прошедшаго воспоминанія и погибшія впечатлѣнія, переберу на мѣстахъ всю мою жизнь, какъ, говорятъ, дѣлаютъ отшедшія отсюда души, и тогда легче будетъ умирать, если мнѣ суждено здѣсь...

Сентября 26-го, Ялуторовскъ.

Долго не писала къ тебѣ, другъ мой, потому что намъ неожиданно вышло разрѣшеніе ѣхать на двѣ недѣли въ Ялуторовскъ, и мы этимъ спѣшили воспользоваться; ждать долѣе въ это время года опасно, собрались и выѣхали 16-го сентября. Дорога была сухая и хорошая. Казака намъ не дали, вслѣдствіе предписанія генералъ-губернатора нашему гражданскому губернатору съ собственноручной припиской такого содержанія: „*надъ четой Фонъ-Визиныхъ*, отправляющихся въ городъ Ялуторовскъ, для совѣщанія по семейныхъ дѣламъ съ ихъ родственникомъ Якушкинымъ имѣть *самый строгій (но секретный)* надзоръ и, буде окажутся со стороны ихъ какіе либо замыслы, доносить прямо ко мнѣ". Присутствіе казака принадлежитъ къ явному надзору, потому намъ его и не дали. Извѣстный Дмитрій Григорьевичъ *) давно уже отрапортовалъ, куда слѣдуетъ, о прибытіи въ вожделѣнномъ здравіи *благовѣрной четы Фонъ-Визиныхъ* въ богоспасаемый градъ Ялуторовскъ. По секретному и бдительному наблюденію его изъ сосѣдняго дома *въ домъ Бронникова* (резиденціи нашей) замысловъ или другаго чего либо противнаго правительству въ дѣйствіхъ помянутой четы не оказалось, развѣ только ежедневнаго пированія, непрестаннаго обжорства и частыхъ споровъ *со всѣми родственниками по семейнымъ дѣламъ*, но это все дѣло частное и не должно входить въ составъ донесенія, а потому господинъ градоначаль-

*) Ялуторовскій городничій.

никъ въ скорости имѣетъ рапортовать о благополучномъ выѣздѣ въ обратной путь въ городъ Тобольскъ *благословенной* четы Фонъ-Визиныхъ... Ялуторовскъ все попрежнему и все также напоминаетъ мнѣ нѣсколько разъ видѣнное мною во снѣ мѣсто, сонъ о которомъ я много разъ разсказывала, и какъ только я увижу рощу за домомъ батюшки и другую за озеромъ, мнѣ дѣлается какъ-то необыкновенно грустно, сама не знаю что такое... Батюшка, кажется, наконецъ, покончилъ свои дѣла въ коммиссіи, и владыка отпустилъ ихъ восвояси. Только мы боимся, чтобы владыка, по наущенію недоброжелательнаго Льва (членъ конситоріи), не впуталъ батюшку въ какія нибудь раскольничьи дѣла и не замаралъ бы его предъ синодомъ *); чего добраго—тутъ столько гадостей за святыми воротами, что не хочется и говорить, да всего и не перескажешь...

Ноября 22-го.

...У насъ здѣсь новаго только то, что все общество здѣшнее въ совершенномъ разладѣ между собою; не смотря на то, назначены въ разные дни вечера, болѣе карточные, у иныхъ музыкальные... Батюшкѣ нашему все продолжаютъ творить пакости и строить козни, но авось Господь милостивъ и защититъ невиннаго. Стран-

*) Опасеніе Фонъ-Визиной за духовника оправдалось:

«Ноября 13-го, 1851 г. Почтенный и любезный другъ, давно не писалъ вамъ... Здѣсь все въ прежнемъ положеніи: архіерей читаетъ, запершись съ Пеуновымъ, извѣстное дѣло и такъ сердится, что никто не смѣетъ подступить къ нему. Фелицынъ сказывалъ, что ваше объясненіе взбудоражило владыку, и онъ сдалъ его въ консисторію съ резолюціей: представить ему прежнюю резолюцію и консисторскій объ васъ указъ. Коленъ (жанд. полк.) получилъ увѣдомленіе, что извѣстная записка отправлена въ подлинникѣ къ шефу жандармовъ, потому что она такой важности, что въ Омскѣ ее и нельзя было держать. Стало быть, записка скоро достигнетъ своего назначенія. По вашему письму къ Колену пошла отъ него другая записка, дополнительная къ первой, въ которой онъ разрисовалъ васъ дружеской кистью, и считаетъ долгомъ, какъ дознатель по раскольничьимъ дѣламъ, засвидѣтельствовать вашу совершенную невинность, поставляя на видъ, что этимъ на васъ гоненіемъ оправдалось вполнѣ его предположеніе о недоброжелательствѣ къ вамъ за ваши дѣйствія по коммиссіи... Опубликованіе васъ предпринято съ цѣлію, чтобы замарать членовъ коммиссіи, опрокинуть всѣ ихъ выводы и снова переслѣдовать дѣло чрезъ людей, болѣе сговорчивыхъ. Но всѣ эти ухищренія не будутъ имѣть успѣха и обратятся на голову тѣхъ, которые ихъ придумали... *М. Ф.-Визинъ*».

но, какъ съ нимъ ровно черезъ годъ и въ тѣ же числа повторилось то же самое, что было съ нами прошлаго года. Батюшка съ удивленіемъ припоминалъ, что прошлаго года во время нашихъ передрягъ, какъ бы по предчувствію какому, я предрекала ему нѣчто подобное, послѣ такъ и случилось. Авось, такъ же и кончится, какъ съ нами: для насъ *ничѣмъ*, а для тѣхъ перемѣной. Да оно такъ и должно бы быть: такія вопіющія на небо дѣла, что вѣрно не оставятся безъ вниманія. Будемъ надѣяться и молить Господа о защитѣ невинныхъ; а ужъ это извѣстно мнѣ да и другимъ по опыту, что хотя бы все прочее пропало, за Богомъ молитва не пропадетъ. Именно потому, что Господа нельзя и сравнивать съ человѣкомъ грѣшнымъ, я не унываю, а уповаю за батюшку...

Декабря 10-го.

...Недавно я провозгласила *вовсеуслышаніе* письменно, что молюсь объ устраненіи препятствій къ возвращенію всѣхъ и что твердо увѣрена, *что такъ или иначе*, но это исполнится. Ты видишь, что я этимъ какъ бы вызвала на бой съ собою сильныхъ и славныхъ земли. Теперь ужъ мнѣ и отстать нельзя отъ молитвы, заставлю и Тат. Фил. молитвенно помогать мнѣ. Увидимъ! А я вѣрую, уповаю и ожидаю!!! Не знаю, писала ли я тебѣ, что теперь здѣсь въ острогѣ находится *Зыковъ*, объ исторіи котораго ты вѣрно слышалъ. Онъ убилъ княгиню Гол—ну, даму 48-ми лѣтъ. Онъ очень боленъ хронической одышкой, полагаю, что это нервное что нибудь, потому что приходитъ къ нему приступами. Онъ молодой человѣкъ, изъ высшаго московскаго аристократическаго круга. Разсказываетъ, что былъ невѣрующимъ, но Филаретъ московскій обратилъ его, и онъ, не въ состояніи будучи служить, по слабости здоровья, пошелъ въ монахи; пробылъ два года съ чѣмъ-то въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ его посѣщали наперерывъ всѣ московскія аристократки богомольныя, въ томъ числѣ и кн. Г., у которой есть уже и сынъ 27-ми лѣтъ, женатый. Его, т. е. Зыкова, оскорбили, и онъ, вышедъ изъ монастыря, въ непродолжительномъ времени убилъ княгиню. Исторія эта весьма запутана. Зыковъ разсказываетъ о ней своимъ манеромъ, изъ Москвы пишутъ совсѣмъ другое, и то и другое правдоподобно. Разсказываютъ, что онъ красовался ряской и кокетничалъ монашествомъ, разнося дамамъ просфоры съ завитыми локонами и съ

французскими фразами. Но московскія вѣсти, кажется, вѣрнѣе, потому что и у Зыкова иногда прорывается нѣчто схожее съ московскими слухами. Зыковъ былъ въ Москвѣ знакомъ съ братомъ Иваномъ Александровичемъ, и потому, тотчасъ по пріѣздѣ сюда, адресовался къ намъ за разными разностями; это бы еще ничего, но, въ одно прекрасное утро, онъ потребовалъ меня къ себѣ, онъ прислалъ сказать, что боленъ при смерти и желаетъ видѣть; нечего дѣлать, поѣхала; а какъ не хотѣлось, не повѣришь, у меня какъ-то сердце не лежитъ къ форменнымъ богомольцамъ. Нашла его слабымъ, задыхающимся, но не такъ опаснымъ, какъ ожидала. Онъ образованный и очень не глупый молодой человѣкъ, но не смотритъ монахомъ; хотя и принялъ всѣ ужимки и фразы монашескія, но свѣтскость такъ и проглядываетъ во всѣхъ его движеніяхъ. Славно говоритъ пофранцузски, только и разговоровъ, что про высшій кругъ общества московскаго и петербургскаго, и всѣхъ княгинь, и всѣхъ графинь знаетъ и со всѣми знакомъ. Я, разумѣется, медлила спросить его объ его исторіи, но онъ большой говорунъ и притомъ очень ловкій, самъ все разсказалъ. Онъ, какъ мнѣ кажется, нѣчто въ родѣ моего стариннаго товарища дѣтства, И. П. Арбеньева: все сидитъ на канонахъ и акафистахъ, а между тѣмъ все остается свѣтскимъ и мірскимъ. Послѣ посѣщенія я отрекомендовала ему няню для разныхъ удобствъ жизни, но это не удовлетворило его, онъ задиралъ меня и молитвами, и письмами. Наконецъ, и Маша Францова посѣтила его изъ любопытства. У нихъ возникли сильныя духовныя пренія, и я было обрадовалась, что остаюсь въ сторонѣ; но, такъ-какъ въ острогѣ были другія лица, которыхъ мнѣ желалось посѣтить, мы съ Машей и няней опять тамъ были; онъ такъ устроилъ, что необходимо было къ нему зайдти. Въ этотъ разъ онъ присталъ ко мнѣ, какъ говорится, къ горлу, чтобы я была его руководительницей, а мнѣ вовсе неохота, да и ни силъ, ни времени нѣтъ; какъ ни отговаривалась, всучилъ мнѣ свою исповѣдь писанную. Прислалъ икону, заказанную имъ нарочно: св. Николая, муч. Наталію и Михаила, въ серебряной, вызолоченной рамкѣ; и вотъ на что употребляетъ присланныя ему матерью деньги. Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь (около двухъ мѣсяцевъ), прожилъ уже 200 р. сер. на разныя затѣи. Пишетъ ко мнѣ посланія по тетрадямъ мелкаго письма; я рѣдко и неохотно отвѣчаю ему и признаюсь вовсе не желала бы возиться съ этимъ чадушкой — привередливымъ и избалованнымъ донельзя. Ужъ, право, не знаю, что и дѣлать: состояніе его точно ужасное и жаль его по чувству христіанскому; съ другой стороны,

сношенія съ нимъ ужасно тяжелы: набожность какая-то сложная со множествомъ винтовъ, крючковъ, петель и тому подобныхъ снарядовъ, и тяжела и полновѣсна донельзя. Тщеславіе его главный порокъ—самое покаяніе и раскаяніе его облечены тѣмъ же покровомъ. Онъ вездѣ и всѣмъ возможнымъ, несознательно для самого себя, желаетъ произвести эффектъ, а это несносно! Хоть брани его, только занимайся имъ, и, если можно, имъ однимъ. Онъ, я думаю, и тому радуется, что, хотя онъ и грѣшникъ, но не простой, не обыкновенный, но отличный и ужасный грѣшникъ, а потому и обязаны, по долгу христіанскому, заниматься имъ болѣе, чѣмъ кѣмъ нибудь изъ прочихъ грѣшниковъ. Московскія барыни избаловали его донельзя своими похвалами и удивленіемъ сначала, потомъ своимъ сожалѣніемъ и участіемъ; ихъ обворожило, что Зыковъ, молодой человѣкъ, способенъ былъ любить такъ сильно и пылко женщину 48 лѣтъ, любить ее до того, что рѣшился ее убить и себя погубить. Онъ мнѣ передалъ съ полдюжины батистовыхъ, вышитыхъ, съ графскими и княжескими коронами платковъ, которые чувствительныя московскія богомолки набросали ему, омоченные ихъ слезами, когда его по городу возили на эшафотѣ. Онъ служилъ панихиды и литіи по своей покойницѣ, на печати его вырѣзаны буквы В и Н — *Вѣра и Николай.* Сначала онъ не сознавался въ страсти къ княгинѣ, а говорилъ, что убилъ ее изъ сожалѣнія, что уважалъ ее какъ друга своей матери и сдѣлалъ это въ минуту сумасшествія. Московскія вѣсти разсказываютъ подробности, не совсѣмъ подходящія къ платонической любви, можетъ быть, къ боготворенію. Даже въ первый разсказъ свой онъ спросилъ меня, не знала ли я ее, которую называли *la belle et la bonne p-sse Vera G.*?—и при этихъ словахъ онъ измѣнился въ лицѣ и глаза его заблестѣли. Онъ разсказывалъ мнѣ, что цѣлый мѣсяцъ бѣгалъ съ кинжаломъ за своей невѣстой, и назвалъ кого-то другую, а вышло, по слухамъ изъ Москвы, что это за нею. Онъ и няню долго держитъ, недавно читалъ ей описаніе любви, вѣрно сравненіе земной съ небесной, и няня говоритъ, что онъ съ такимъ восторгомъ читалъ, что она удивилась. Эту бесѣду онъ обѣщаетъ мнѣ прислать на рецензію. Полагаю, что она не спроста написана, а какъ онъ пронюхалъ, что объ немъ пишутъ изъ Москвы другое, нежели онъ разсказываетъ, то онъ этой предварительной бесѣдой хочетъ заинтересовать въ свою пользу, а потомъ уже сознаться, какъ было. Бѣда съ такимъ человѣкомъ: и жаль его, и тяжко возиться съ нимъ, да и опасно оскорбить самолюбіе: какъ

разъ пырнетъ ножемъ. Уповаю, что этого не случится, но отъ него станется. Прости...

1852 г. іюня 30-го.

...Писала также и о надеждахъ на лучшее будущее, сообщенныхъ намъ братомъ Иваномъ Александровичемъ. Признаюсь, надежды эти кажутся мнѣ баснями соловья и мякиной воробья: ни то, ни другое не кормитъ. Говорить и обнадеживать ничего не значитъ, и мы вотъ 26 лѣтъ какъ осуждены утѣшаться только однѣми надеждами на лучшее будущее, а впродолженіе этого времени успѣли схоронить всѣ залоги земнаго счастія въ будущемъ; утраченнаго не возвратятъ уже, а все что-то толкуютъ. Богъ съ ними! Мнѣ нужна возможность быть на могилѣ дѣтей и Ялта, другимъ не удовлетворюсь...

СОРОКОВЫЕ ГОДА ВЪ ИРКУТСКѢ *).

(Изъ воспоминаній).

...Я поступилъ въ главное управленіе въ очень горячее для него время: Рупертъ собирался въ Петербургъ.

Генералъ-губернаторскіе сборы въ столицу обыкновенно сопровождаются усиленною работой въ канцеляріи. Оканчиваются дѣла, требующія личнаго разрѣшенія; изъ остальныхъ дѣлъ одни приготовляются къ сдачѣ въ путевую канцелярію, изъ другихъ дѣлаются выписки; сочиняются и переписываются разные проекты. Словомъ, идетъ страшное истребленіе труда, бумаги, чернилъ и перьевъ. Работы было такъ много, что наканунѣ послѣдняго доклада часть нашего отдѣленія такъ и ночевала въ канцеляріи.

Изъ проектовъ, которые везъ съ собой Рупертъ, я видѣлъ только одинъ—проектъ устава дѣвичьяго института въ Иркутскѣ. Въ Петербургѣ этотъ проектъ былъ сильно передѣланъ. Кажется, тогда же были увезены проекты объ учрежденіи при командующемъ войсками особаго дежурства (по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы дежурство существовало ранѣе: было какое-то „военное управленіе генералъ-губернатора") и при немъ продовольственнаго отдѣленія.

Я не знаю, какая была необходимость въ особомъ продовольственномъ отдѣленіи при командующемъ войсками. И вообще все переустройство провіантской части, совершенное въ началѣ сороковыхъ годовъ, было для меня загадкой. Кажется, все дѣло состояло въ томъ, чтобы эту хлѣбную часть, подъ предлогомъ ближайшаго надзора, изъ непосредственнаго управленія военнаго ми-

*) Записки старожиловъ, хроники и мемуары вообще имѣютъ историческій интересъ, но значеніе ихъ увеличивается для Сибири, у которой пока не ведется систематической исторіи. Настоящія воспоминанія, принадлежащія лицу, извѣстному историческимъ трудомъ о времени г. Сперанскаго, составляютъ уже положительный вкладъ въ нашу бѣдную историческую хронику. *Ред.*

нистерства забрать въ руки мѣстнаго начальства. Но учрежденіе института было положительно необходимо. Во всей Восточной Сибири для образованія дѣвочекъ существовали только—недавно открытый въ Иркутскѣ Сиропитательный домъ Е. Медвѣдниковой, имѣвшій спеціальное назначеніе и очень ограниченный штатъ воспитанницъ, да частная школа, заведенная въ 1837 году Ѳ. Н. Волковымъ въ Троицкосавскѣ. Курсъ обоихъ заведеній не превышалъ курса тогдашнихъ уѣздныхъ училищъ. Между тѣмъ потребность въ женскомъ образованіи, особенно въ такихъ бойкихъ и богатыхъ городахъ, какими были Иркутскъ, Кяхта, Верхнеудинскъ, и какимъ начиналъ становиться Енисейскъ, увеличивалась съ каждымъ годомъ. Удовлетворять этой потребности мѣстными средствами было невозможно, по неимѣнію преподавателей. Во всемъ краѣ была только одна мужская гимназія; даже уѣздныя училища были не во всѣхъ городахъ; преподаватели ихъ не вездѣ были удовлетворительны и не всѣ были готовы и способны заниматься съ дѣвочками. Объ общественныхъ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ тогда, кажется, не было помина и во всей Россіи, да и средствъ на такія заведенія во многихъ городахъ не нашлось бы вовсе. Приходилось обращаться къ частнымъ учителямъ, а гдѣ было ихъ взять? Воспитаніе дѣвочекъ было особенно трудно и обходилось особенно дорого для недостаточныхъ чиновниковъ и въ дальнихъ, захолустныхъ городахъ. Поэтому мысль—создать общее для всего края воспитательное женское заведеніе—была какъ нельзя болѣе своевременна и полезна. И нельзя сказать, чтобы при этомъ отдавалась слишкомъ большая дань современной рутинѣ: институтъ не былъ исключительно дворянскимъ учрежденіемъ, какъ подобныя заведенія во внутренней Россіи. Въ него могли приниматься дочери чиновниковъ, купцовъ и бурятскихъ тайшей. Тѣмъ не менѣе, съ самаго основанія института, во всей его системѣ воспитанія появилась аристократическая закваска, которая сохраняется и до сего времени. И это въ странѣ, которая, по составу своего населенія, никогда не была и не можетъ быть аристократической. Мысль, прекрасная въ основаніи, получила ложное примѣненіе. Такова сила преданій и привычки.

Въ началѣ декабря Рупертъ уѣхалъ, и намъ стало легче.

Но въ нашемъ, третьемъ, т. е. хозяйственномъ, отдѣленіи была своя особенная забота: голодъ въ Енисейской губерніи.

Я проѣзжалъ черезъ эту губернію въ февралѣ 1837 г. Насъ было пятеро, и всѣ мы помѣщались въ одномъ экипажѣ. Правда,

въ числѣ пятерыхъ былъ одинъ подростокъ и трое дѣтей; но все-таки для вмѣщенія ихъ со всѣмъ необходимымъ—особенно зимой—скарбомъ понадобился чуть не ноевъ ковчегъ. И этотъ-то ковчегъ со всѣмъ его содержимымъ въ Енисейской губерніи везли по 8, по 6 и даже по 5 коп. асс. за версту,—т. е. отъ 1½ до 2½ коп. на нынѣшнія деньги. Хорошія, чистыя избы, обиліе скота, сытыя и веселыя физіономіи хозяевъ, хорошій столъ, радушное угощеніе,—все доказывало зажиточность населенія. Я не помню даже, чтобы съ насъ брали за самовары и обѣды. Денегъ въ оборотѣ тогда было мало, и онѣ были дороги,—но въ нихъ и не нуждались: почти все необходимое было свое и всего было вдоволь. Таково, впрочемъ, было положеніе не одной Енисейской губерніи, но и Западной Сибири; только въ Барабинской степи намъ попадались убогія, крытыя землей избы и лучины вмѣсто свѣчей. Даже въ Иркутской губерніи, вообще менѣе богато одаренной, чѣмъ Западная Сибирь и Енисейская губернія, даже и здѣсь населеніе было едва ли не богаче и во всякомъ случаѣ радушнѣе нынѣшняго; и здѣсь, въ сравненіи съ нынѣшнимъ, содержаніе было очень недорого.

И между тѣмъ, кажется, именно съ 1837 года, въ Енисейской губерніи начались неурожаи, совершенно раззорившіе ее въ два-три года.

Народное продовольствіе въ Сибири еще и теперь не вполнѣ обезпечено; въ старые годы, когда населеніе было малочисленно, хлѣбопашество развито только въ болѣе хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, сообщенія затруднительны, и когда запасы въ сельскихъ общественныхъ магазинахъ были очень невелики и расходовались безъ правильнаго учета,—продовольствіе было обезпечено еще менѣе. Нечего ужъ и говорить объ отдаленныхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, вовсе не производящихъ хлѣба: продовольствіе ихъ и до сихъ поръ почти исключительно лежитъ на попеченіи правительства; но и въ мѣстахъ, болѣе хлѣбородныхъ, неурожаи нерѣдко были гибельны и вызывали необходимость чрезвычайныхъ мѣръ. Восточная Сибирь, какъ менѣе хлѣбородная, чаще и подвергалась неурожаямъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія (кажется, между 1810 и 1818 годами) нѣсколько лѣтъ сряду были неурожаи по всему Забайкалью; ржаная мука доходила до 6 р. асс. пудъ,—цѣна ужасная при тогдашней дороговизнѣ денегъ. Въ 1835 году неурожай въ Забайкальѣ опять повторился и вызвалъ цѣлый рядъ чрезвычайныхъ мѣръ. Наконецъ дошла очередь до Енисейской губерніи.

Собственно говоря, сильные неурожаи были только въ Красноярскомъ округѣ, но они повторялись нѣсколько лѣтъ сряду; кромѣ того, урожаи были плохи и въ другихъ округахъ. Жители губерніи, привыкшіе къ постояннымъ урожаямъ и не имѣвшіе, до развитія золотопромышленности, большаго сбыта на хлѣбъ, не сохраняли запасовъ, а при неурожаѣ не умѣли ограничить свои потребности; поэтому первый же неурожай совершенно обезхлѣбилъ губернію. Тюменцевъ и Ушаровъ*) были посланы изъ Иркутска узнать положеніе дѣлъ на мѣстѣ. „Я не видывалъ ничего ужаснѣе, — разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи Ушаровъ. Цѣлыя деревни сидѣли безъ хлѣба. Купить было и негдѣ, и не на что." Понадобилось кормить населеніе; кромѣ того, нужно было обезпечить разныя казенныя потребности, а также продовольствіе Туруханскаго края, куда, вслѣдствіе неурожаевъ, совершенно прекратился привозъ частнаго хлѣба. Главное управленіе рѣшило принять чрезвычайныя мѣры. Пріостановленъ былъ пріемъ ссыльныхъ изъ Западной Сибири; въ мѣста, постигнутыя неурожаемъ, велѣно было перевозить хлѣбъ изъ сельскихъ общественныхъ магазиновъ другихъ мѣстъ; назначены были закупки хлѣба въ Томской, Тобольской и Иркутской губерніяхъ и даже за Байкаломъ; принимались мѣры къ обезпеченію губерніи на случай новаго неурожая. На все это было испрошено сначала 200 т., а потомъ еще 500 т. р. ассигнаціями; но общій итогъ всѣхъ суммъ, издержанныхъ въ то время на продовольственныя мѣры для губерніи, превышалъ 600 т. р. серебромъ. Мѣры эти далеко не всегда были удачны. Случалось, напримѣръ, что въ магазинахъ, откуда назначено было взять хлѣбъ для перевозки, онъ былъ уже разобранъ мѣстными крестьянами, и перевозить было нечего; хлѣбъ, выданный на сѣмена, оказывался негоднымъ для посѣва; встрѣчались неожиданныя затрудненія въ перевозкѣ; въ покупкѣ хлѣба въ За-

*) Василій Аѳанасьевичъ Ушаровъ, отецъ рано погибшаго изслѣдователя народной жизни, служилъ тогда бухгалтеромъ въ главномъ управленіи. Онъ былъ человѣкъ очень умный, прекрасно писалъ и считался однимъ изъ первыхъ дѣльцовъ въ Иркутскѣ. Въ Енисейскую губернію, по поводу неурожая, онъ ѣздилъ два раза: съ Тюменцевымъ и съ адъютантомъ генералъ-губернатора, Поповымъ. Николай Егоровичъ Тюменцевъ, тоже человѣкъ очень замѣчательный, былъ нашъ начальникъ отдѣленія. Послѣ него остался дневникъ, въ которомъ, среди мелкихъ и чисто личныхъ замѣтокъ, есть нѣсколько любопытныхъ для исторіи Сибири страницъ. Къ сожалѣнію, въ старости онъ пересмотрѣлъ этотъ дневникъ и, повидимому, многое исключилъ изъ него.

падной Сибири также были встрѣчены какія-то затрудненія; наконецъ, экстренность дѣла и грандіозность операціи подали поводъ ко многимъ безпорядкамъ. Хищническіе инстинкты земскихъ властей нашли себѣ богатую пищу въ народномъ бѣдствіи. Особенно серьёзны были жандармскія донесенія о злоупотребленіяхъ канскаго исправника Томашевскаго и городничаго Домогацкаго. По поводу этихъ донесеній были назначены дознанія; но чѣмъ они кончились, мнѣ неизвѣстно.

Въ 1840 году урожай былъ хорошъ, и надобность въ чрезвычайныхъ мѣрахъ прекратилась. Но объ этомъ могло сдѣлаться извѣстнымъ только по окончаніи жатвы и пробныхъ умолотовъ. Кромѣ того, и послѣ урожая, на мѣстномъ начальствѣ лежали новыя заботы — распорядиться съ заготовленнымъ хлѣбомъ, который теперь уже оказывался ненужнымъ, возвратить въ разныя мѣста занятый у нихъ хлѣбъ, закончить въ высшей степени запутанные разсчеты съ разными вѣдомствами, отсчитаться въ отпущенныхъ суммахъ и т. п. Все это лежало на нашемъ третьемъ отдѣленіи.

Неурожаи въ Енисейской губерніи, между прочимъ, подали Руперту поводъ къ двумъ мѣрамъ, которыя онъ принялъ лично (безъ участія совѣта главнаго управленія) и которыя навлекли на него большія непріятности.

Золотопромышленность, перейдя изъ Томской губерніи въ Енисейскую, только-что начала принимать здѣсь большіе размѣры. Появился небывалый прежде запросъ на рабочія руки и на съѣстные припасы. И въ это-то именно время, кажется, въ 1838 году, Рупертъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ссыльнымъ было запрещено наниматься на золотые пріиски. Не помню, чѣмъ мотивировалась такая мѣра; но, кажется, главнымъ мотивомъ было желаніе удержать ссыльныхъ отъ бродяжничества. Нужно замѣтить, что ссыльные и тогда уже составляли тягость для мѣстнаго населенія, которое не знало, что съ ними дѣлать. Около того же времени, вслѣдствіе неурожая, Рупертъ запретилъ золотопромышленникамъ покупать для пріисковъ хлѣбъ въ Енисейской губерніи безъ особаго разрѣшенія. Такимъ образомъ, народъ, сидѣвшій дома безъ хлѣба, не имѣлъ выхода, а народъ, ушедшій на пріиски, долженъ былъ остаться безъ хлѣба. Правда, разрѣшенія на покупку хлѣба, въ видѣ исключеній, давались золотопромышленникамъ довольно легко, такъ что почти обратились въ общее правило; но они, вѣроятно, стоили золотопромышленникамъ недешево, и во всякомъ

случаѣ общее запрещеніе оставалось въ своей силѣ. Обѣ эти мѣры неизбѣжно должны были стѣснять развитіе золотаго промысла. Золотопромышленники всполошились и засыпали министровъ жалобами. Дѣло было внесено въ комитетъ министровъ. Комитетъ положилъ отмѣнить принятыя Рупертомъ мѣры; но Императоръ Николай не согласился на это. Я не помню всѣхъ выраженій резолюціи его на журналѣ комитета; но она, приблизительно, была такова: „Съ этимъ я никакъ не могу согласиться. Чѣмъ выше власть, тѣмъ больше должно быть довѣрія, и, не выслушавъ, опровергать значитъ подрывать всякое уваженіе къ главной мѣстной власти. А потому сейчасъ послать фельдъегеря къ генералъ-лейтенанту Руперту и спросить, почему, не предваря здѣсь, онъ рѣшился на принятыя имъ мѣры". Въ заключеніе, кажется, было сказано, чтобы до полученія отвѣта Руперта не дѣлать никакихъ распоряженій. Журналъ комитета былъ посланъ къ Руперту въ подлинникѣ.

Фельдъегерь не засталъ Руперта въ Иркутскѣ: онъ уѣхалъ въ Якутскую область. Журналъ комитета былъ посланъ къ нему съ нарочнымъ. Объясненія на него были написаны, кажется, уже въ Якутскѣ. Они были написаны высокимъ слогомъ (я замѣтилъ, что высокій, или, вѣрнѣе, напыщенный, слогъ былъ здѣсь въ большой модѣ съ самаго основанія главнаго управленія: вѣроятно, онъ считался тогда очень хорошимъ слогомъ), но изъ-за громкихъ фразъ вовсе не было видно основательныхъ причинъ къ принятымъ Рупертомъ мѣрамъ. Всѣ объясненія вертѣлись на томъ, что ссыльно-поселенцы—народъ отпѣтый, и что въ Енисейской губерніи голодъ. Но если и были матеріалы для болѣе основательныхъ объясненій, то они оставались въ Иркутскѣ, и Рупертъ не могъ ими воспользоваться. Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ объясненія Руперта, не нашелъ ихъ уважительными, строго осудилъ принятыя имъ мѣры и положилъ — поставить на видъ главному мѣстному начальству узаконенія, относящіяся къ дѣлу. Такимъ образомъ, комитетъ призналъ, что мѣстное начальство не знаетъ законовъ. Руперту была прислана огромная выписка изъ Свода Законовъ. Это очень походило на насмѣшку. Бумага комитета была принята къ свѣдѣнію; но мѣры, которыя подали къ ней поводъ, формально отмѣнены Рупертомъ не были, — можетъ быть, потому, что дѣйствіе ихъ прекратилось само собой. Неотмѣна этихъ мѣръ подала впослѣдствіи поводъ къ новому обвиненію противъ Руперта.

Лѣтомъ 1841 года Рупертъ возвратился въ Иркутскъ, съ лентой бѣлаго орла, долгосрочной арендой и казачьимъ мундиромъ. Этими наградами выразилось расположенiе къ нему государя, который вообще обласкалъ его въ Петербургѣ.

Передъ его прiѣздомъ опять было много хлопотъ; но эти хлопоты были непродолжительны. Скоро все вошло въ свою колею; началась обыкновенная, спокойная, сѣренькая жизнь и служба, съ ея пустотой, мизерными развлеченiями и мелкими и мелкими переполохами.

Одинъ изъ такихъ переполоховъ случился, кажется, въ ноябрѣ 1842 года. Въ городѣ были разбросаны подметныя письма, что Иркутскъ будетъ подожженъ. Хотя для поджога можно бы найдти болѣе удобное время, а зимой, когда уже выпалъ снѣгъ, особенно бояться пожара было нечего, однакожъ все населенiе города встревожилось. Тотчасъ, сами собой, учредились ночные обывательскiе караулы; усилились военные патрули; городничему,—не помню, кто тогда былъ городничимъ *),—была отпущена тысяча рублей на секретные розыски. Черезъ нѣсколько дней всѣ успокоились; подметныя письма, какъ почти всегда, оказались вздоромъ. Выигралъ одинъ только городничiй. Злые языки по этому поводу утверждали, что и подметныя-то письма сочинила полицiя **).

Служба въ главномъ управленiи не была обременительна. Дѣла было немного. По утрамъ столоначальники собирались въ экзеку-

*) При Рупертѣ городничими были—сначала его любимецъ, полякъ Брониковскiй, а потомъ Гаврило Егоровичъ Тюменцевъ.

**) Не помню, къ концу сороковыхъ, или уже къ пятидесятымъ годамъ, относился служебный переполохъ по поводу Морозовскаго. Морозовскiй былъ полякъ, политическiй ссыльный. Не знаю, прямо ли онъ былъ присланъ въ Иркутскъ, или переведенъ сюда изъ другаго мѣста. Онъ скоро занялъ извѣстное положенiе въ обществѣ, особенно въ обществѣ картежниковъ. Это былъ господинъ лѣтъ 30-ти, красивый собой, ловкiй, умный и образованный и, вдобавокъ, человѣкъ со средствами. Онъ велъ крупную игру и не жалѣлъ ни о какомъ проигрышѣ. Вдругъ онъ исчезъ. Оказалось, что онъ бѣжалъ съ подорожной, похищенной изъ губернаторской канцелярiи. Мѣстныя власти сильно встревожились. Морозовскаго искали и не могли найдти. Онъ попался самъ гдѣ-то ужъ въ Западной Сибири, на киргизской линiи. Онъ ѣхалъ подъ именемъ иркутскаго мѣщанина. На какой-то станцiи ему не давали лошадей. Онъ разгорячился и выдалъ себя польскимъ гоноромъ и совсѣмъ не мѣщанскою рѣчью. Его привезли въ Омскъ и посадили въ тамошнюю тюрьму; но онъ бѣжалъ и оттуда,—и на этотъ разъ уже окончательно. Вопросъ о томъ, какимъ путемъ онъ добылъ себѣ подорожную, кажется, такъ и остался неразъясненнымъ.

торской, возлѣ нашего отдѣленія, и часъ или два проводили въ разговорахъ. Эти разговоры рѣдко принимали серьёзное направленіе; обыкновенно они вертѣлись около картъ, городскихъ новостей и скандаловъ и излюбленной темы всякаго чиновничества—служебныхъ перемѣнъ *). Мы, молодежь, глядя на старшихъ, тоже не теряли времени и посвящали его болтовнѣ. Настоящая работа начиналась только съ пріѣздомъ начальниковъ отдѣленій. Занятія оканчивались въ часъ, рѣдко позже; вечернія занятія были рѣдко.

Въ моемъ служебномъ положеніи, съ возвращеніемъ Руперта, произошла маленькая перемѣна: я былъ назначенъ въ число чиновниковъ, дежурившихъ при генералъ-губернаторѣ. Это дало мнѣ возможность присмотрѣться поближе къ Руперту и его семейству.

Вильгельмъ Яковлевичъ Рупертъ происходилъ, какъ было сказано въ его формулярѣ, изъ голландскихъ дворянъ; о дворянствѣ, говорилось далѣе, свидѣтельствовали такіе-то два генерала. Изъ этого можно заключить, что вопросъ о его происхожденіи былъ когда-то спорнымъ. Онъ былъ человѣкъ довольно образованный; въ молодости служилъ въ гвардейскихъ саперахъ, и 14-го декабря 1825 года находился съ саперным батальономъ въ Зимнемъ дворцѣ. Этотъ случай доставилъ ему особенную благосклонность императора Николая, который, безъ сомнѣнія, зналъ его и раньше. Впослѣдствіи онъ былъ жандармскимъ генераломъ въ Варшавѣ и Одессѣ, а въ 1837 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Изъ этого видно, что прежняя служба нисколько не приготовила его къ гражданской, административной дѣятельности.

Рупертъ доказалъ это на первыхъ же порахъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ. Онъ прежде всего распорядился — сшивать бумаги форменнымъ шелкомъ, выбѣлить трубы на крышахъ и уничтожить

*) Главнымъ ораторомъ этого домашняго клуба долго былъ старикъ экзекуторъ, Алексѣй Алексѣевичъ Воротниковъ, оригиналъ, служившій еще при Сперанскомъ. У него всегда было въ запасѣ множество анекдотовъ. Онъ разсказывалъ ихъ пѣвучимъ московскимъ нарѣчіемъ на *а* и чрезвычайно своеобразнымъ языкомъ. Выходки его иногда переходили даже за границы приличія. Разъ, въ очень порядочномъ обществѣ, играли въ фанты. Воротникову досталось поцѣловать одну молоденькую даму. Онъ подошелъ къ ней и, ероша голову (всегдашняя его привычка), громогласно произнесъ: «А паазвольте-ка, сударыня, удавлетваарить страаастишки-таа!»—Съ увольненіемъ его, собранія въ экзекуторской сдѣлались рѣже. Онъ, впрочемъ, былъ не прямо уволенъ, а переведенъ, для пенсіи, совѣтникомъ въ енисейскій губернскій судъ, и уже оттуда, черезъ полгода, вышелъ въ отставку.

веревочки у ставней. Послѣднее распоряженіе требуетъ нѣкотораго комментарія. У большей части домовъ ставни были не створчатые, а одинакіе; къ ставнямъ же придѣлывались и болты. Чтобы не ходить запирать ставни, жители, особенно въ верхнихъ этажахъ домовъ, привязывали къ концу болтовъ тонкія бичевки и продѣвали ихъ въ сдѣланныя для болтовъ отверстія въ стѣнѣ; притягивая эти веревочки изнутри, запирали ставни. Вотъ эти-то веревочки и подверглись гоненію Руперта; въ дальнихъ частяхъ города онѣ, впрочемъ, сохранялись еще долго, пока сами собой не вывелись. Рупертъ самъ читалъ всѣ бумаги и на каждой, красивымъ французскимъ почеркомъ, писалъ резолюцію: „разсмотрѣть и доложить“. Но бывали и болѣе длинныя резолюціи и иногда не безъ юмора *).

Рупертъ былъ человѣкъ очень добрый. Доброта его, между прочимъ, проявлялась въ снисходительномъ отношеніи къ политическимъ ссыльнымъ полякамъ. Они не только свободно учили дѣтей въ Иркутскѣ, но нѣкоторые изъ нихъ,—піанистъ Кашевскій, живописецъ Немировскій,—учили даже въ домѣ самого Руперта. Добротѣ же его должно приписать и ту распущенность, до какой дошло въ его время чиновничество. Но въ одномъ случаѣ онъ показалъ, что могъ быть не только строгимъ, но даже жестокимъ, если находилъ это нужнымъ. Въ окрестностяхъ Иркутска появилась шайка разбойниковъ. Начались сильные грабежи. Даже на жителей города напала паника. Шайка была, наконецъ, переловлена. Рупертъ велѣлъ судить ее военнымъ судомъ, а когда виновные были приговорены къ шпицрутенамъ, приказалъ засѣчь

*) Одна изъ извѣстныхъ мнѣ большихъ резолюцій, впрочемъ, скорѣе дышала досадой, чѣмъ юморомъ. Забайкальскій казакъ Назимовъ пробрался въ Петербургъ, нагородилъ тамъ съ три короба и былъ даже представленъ Государю (онъ, кажется, такъ и разсказывалъ, что шелъ «Царя увидѣть»). Нѣкто Беккеръ, иркутянинъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, большой охотникъ писать, но человѣкъ очень недальній, описалъ путешествіе Назимова въ особой брошюрѣ и просилъ у Руперта содѣйствія въ распродажѣ ея. Рупертъ велѣлъ отвѣчать ему что-то въ такомъ родѣ, что Назимовъ — человѣкъ негодный, и не только писать, но и говорить объ немъ порядочному человѣку не слѣдовало.—Разсказывали, что и предмѣстникъ Руперта, С. Б. Броневскій, также любилъ писать резолюціи. Начальники отдѣленій будто бы вздумали передѣлывать эти резолюціи по-своему. Тогда Броневскій на одной изъ такихъ передѣланныхъ бумагъ будто бы написалъ: «Прошу начальниковъ отдѣленій не придѣлывать къ моимъ резолюціямъ хвостъ и голову».

ихъ до смерти. Женщина, которая участвовала въ шайкѣ, была наказана кнутомъ и сослана въ каторжную работу. Грабежи надолго прекратились. Жестокость на этотъ разъ не была безполезна.

Безкорыстіе Руперта подвергалось сильному сомнѣнію. По отъѣздѣ его, послѣ десятилѣтняго управленія, говорили, что онъ увезъ полмилліона ассигнаціями. Правда ли это, я не знаю, но любимцы его дѣйствительно не клали охулки на руку. И тѣмъ не менѣе, иркутское общество очень любило Руперта.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Руперту было около 55 лѣтъ. Это былъ тогда высокій, полный, немного сутуловатый мужчина, еще не очень сѣдой. Лицо его, когда-то довольно красивое, дышало добротой. Въ дѣловыхъ сношеніяхъ онъ былъ серьёзенъ и важенъ; но не было человѣка проще его въ домашнемъ быту: тутъ онъ былъ разговорчивъ, веселъ, иногда остроуменъ. Обращеніе его и его семейства отличалось той простотой хорошаго тона, которая пріобрѣтается постояннымъ пребываніемъ въ лучшемъ обществѣ. Руперты жили довольно открыто; имъ, впрочемъ, и нельзя было жить иначе. Рупертъ былъ семейный человѣкъ; у него были дочери разнаго возроста, которымъ были нужны и подруги, и учители, и общество (сынъ его воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ). Сближеніе съ обществомъ было необходимо. Но и помимо этого Рупертъ былъ человѣкъ вполнѣ общественный. Жена его, женщина больная (у нея сохла рука), почти никуда не выѣзжала, но принимала у себя очень радушно. Зимою, по четвергамъ, у Рупертовъ бывали вечера; въ торжественные дни — офиціальные обѣды; праздновались также дни рожденія и именинъ жены и дочерей.

Въ этихъ праздникахъ, волей-неволей, принимали участіе и дежурные. Дѣло въ томъ, что чиновники дежурили тогда у генералъ-губернатора цѣлыя сутки — съ девяти и до девяти часовъ утра. Обѣдали они за общимъ столомъ, а чай приносили имъ въ дежурную комнату. Когда бывали вечера, то дежурныхъ тоже приглашали наверхъ. Вообще дежурство было необременительно. Иногда только за обѣдомъ и случалось увидѣть генералъ-губернатора. Въ остальное время дежурные сидѣли въ своей комнатѣ и дѣлали, что хотѣли. Иногда въ дежурную комнату заходили адъютанты и чиновники по особымъ порученіямъ поболтать и покурить трубку. Обыкновенно на дежурствѣ бывало спокойно, но очень скучно.

Мнѣ, впрочемъ, недолго пришлось дежурить. Въ числѣ дежурныхъ былъ нѣкто Платеръ-Плахоцкій, недавно пріѣхавшій полякъ. Онъ какъ будто поставилъ себѣ задачей при каждомъ своемъ дежурствѣ надоѣдать Руперту какими нибудь личными просьбами. Руперту это дѣйствительно надоѣло; онъ приказалъ, чтобы у него былъ одинъ постоянный дежурный—нѣкто Мамчичъ, молодой человѣкъ, пріѣхавшій съ нимъ еще изъ Одессы. Тогда же, кажется, измѣнился и порядокъ дежурства. Но Мамчичъ послѣ этого недолго оставался въ Иркутскѣ. Онъ уѣхалъ въ Россію; мѣсто его заступилъ пріѣхавшій незадолго передъ тѣмъ, тоже, кажется, съ юга, чиновникъ Залѣвскій.

Я не зналъ человѣка симпатичнѣе Игнатья Игнатьевича Залѣвскаго. Молодой, образованный, съ свѣтлымъ взглядомъ, чрезвычайно пріятный въ обращеніи, онъ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ. Но и онъ недолго жилъ въ Иркутскѣ. Я не знаю, находился ли онъ въ родствѣ съ семействомъ Руперта; но онъ такъ привязался къ этому семейству, что, по увольненіи Руперта, тотчасъ же оставилъ службу и уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Россію. Впослѣдствіи я встрѣчалъ его фамилію подъ нѣкоторыми газетными статьями; но я не знаю, тотъ ли это былъ Залѣвскій. Статьи не относились до Сибири.

Иркутскъ того времени вовсе не походилъ на нынѣшній. Каменныхъ домовъ было очень мало, и изъ нихъ только два или три красивыхъ. Дома бо́льшею частью были деревянные, въ одинъ или два этажа, въ три сажени и въ три окна по фасаду, съ высочайшими крышами. Большая улица почти вся была застроена такими домами; на ней только еще начинали появляться красивыя, но тоже деревянныя, постройки. Лучше другихъ были постройки на Заморской (нынѣ Амурской) улицѣ, на Тихвинской и Ивановской площадяхъ и по Ангарской набережной, между Большою и Харлампіевскою улицами. Городъ доходилъ только до Іерусалимской горы; но и тутъ мѣстность, ближайшая къ Ушаковкѣ, была еще мало заселена. Успенская церковь только строилась, а о постройкѣ противъ нея духовной семинаріи шли еще толки. На Іерусалимской горѣ, за церковью, были кустарники да кирпичные сараи. Хлѣбный базаръ находился на площади между купеческимъ гостинымъ дворомъ и Спасскою церковью, а нынѣшняя хлѣбная (Арсенальская) площадь представляла огромный пустырь, на ко-

торомъ одиноко торчалъ, давно уже заброшенный, каменный пороховой погребъ. Главная лавочная торговля производилась въ купеческомъ гостиномъ дворѣ и напротивъ его, въ кузнецовскомъ ряду, которые теперь совсѣмъ оставлены. Особыхъ магазиновъ, кромѣ одного, двухъ бакалейныхъ, вовсе не было. Не было и уличнаго движенія; можно было пройдти всю большую и нѣсколько побочныхъ улицъ и не встрѣтить ни одного человѣка. Извозчики были уже съ 1837 года; но ихъ было мало, и они стояли только на Большой улицѣ. Переправа черезъ Ангару совершалась чрезвычайно медленно, на неуклюжихъ палубныхъ лодкахъ (карбазахъ), которыя нынѣ употребляются только въ рѣдкихъ случаяхъ. Дачной жизни, которая такъ развита нынѣ, не было вовсе. На берегу Ушаковки, вдали отъ жилыхъ строеній, были только двѣ дачи, со всѣхъ сторонъ окруженныя кустарникомъ, Руперта и Пятницкаго.

Общество было еще очень невелико; рядомъ съ нынѣшнимъ оно было бы совсѣмъ незамѣтно. Первое мѣсто послѣ Руперта занималъ губернаторъ, Андрей Васильевичъ Пятницкій. Онъ уже давно находился въ Сибири,—кажется, съ 1825 года, когда онъ пріѣхалъ или членомъ, или предсѣдателемъ ясачной коммиссіи. Ему было лѣтъ подъ 50. Брюнетъ, невысокаго роста, толстый, брюхастый, съ обрюзглымъ, весьма сбыкновеннымъ и даже глуповатымъ лицомъ, съ вульгарными манерами, онъ скорѣе походилъ на мелочнаго лавочника, чѣмъ на губернатора. О степени образованія его можетъ дать понятіе слѣдующій анекдотъ. Разъ на парадномъ пріемѣ, въ праздничный день онъ разговаривалъ съ городскимъ головой о постройкѣ какого-то моста. Голова доказывалъ трудность постройки.—„Пустяки,—возразилъ Пятницкій:—англичане *въ Лондонѣ подъ Сеной* выстроили дорогу.“ Возвышеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ родству съ сенаторомъ Жмакинымъ, на дочери котораго былъ женатъ. Губерніей онъ управлялъ кое-какъ; но, какъ старожилъ, зналъ ее хорошо и особенно хорошо зналъ, гдѣ въ ней раки зимуютъ. Начальники отдѣленій имѣли у него большую силу. При всей своей ограниченности, онъ обладалъ огромнымъ самомнѣніемъ. Онъ сочинялъ разныя „предположенія въ видѣ проектовъ“, надъ которыми очень потѣшались въ главномъ управленіи. Въ обществѣ онъ былъ очень обходителенъ, но разговоръ его вертѣлся всегда на самыхъ пустыхъ предметахъ. Жена его, Любовь Александровна, была очень любезная особа, когда-то красивая и теперь, не смотря на замѣтную полноту и довольно зрѣлыя лѣта, еще порядочная кокетка.

Центромъ общества было, разумѣется, генералъ-губернаторское семейство. Вокругъ него группировались съ своими семействами прежде всего главные мѣстные чиновники, небольшая еще тогда военная и гражданская свита генералъ-губернатора, горные инженеры, нѣкоторые учителя: Бобановскій, Коленко *), и значительнѣйшіе мѣстные купцы: Кузнецовъ, Трапезниковы, Медвѣдниковы, Баснины; далѣе шли второстепенные чиновники и купцы. Раздѣленіе на кружки уже существовало, но не было такъ сильно и не проявлялось такъ рѣзко, какъ нынѣ: общество было невелико; мѣстные жители всѣ были знакомы и нерѣдко въ родствѣ между собой, а пріѣзжихъ было немного, и они старались примыкать къ мѣстному обществу.

Жизнь общественная была очень однообразна, или, вѣрнѣе, ея вовсе не было. Оффиціальные обѣды у Руперта, зимою вечера у него, въ благородномъ собраньѣ и у Пятницкаго, лѣтомъ гулянья въ городскомъ саду, разводы и зори съ церемоніей — вотъ и всѣ тогдашнія проявленія этой жизни и всѣ мѣстныя развлеченія. Изрѣдка,—и то ужъ очень изрѣдка,—заѣзжалъ какой нибудь артистъ или фокусникъ. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ нѣсколько молодыхъ людей, кажется, бо̀льшею частью, служившихъ въ казенной палатѣ, со своими женами, вздумали образовать театральную труппу; хромой танцовальный учитель Флеровскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ оригиналовъ того времени, взялся быть дирижеромъ. Для театра выпросили вокзалъ городскаго сада, устроили тамъ сцену, поставили нѣсколько рядовъ стульевъ и принялись розыгрывать „Парашу-Сибирячку" и разные водевили, да пѣть, въ костюмахъ и при театральной обстановкѣ, русскія и цыганскія пѣсни. Невзыскательная тогдашняя публика была очень довольна, да и артисты не оставались въ накладѣ; впрочемъ, они, кажется, тотчасъ же пропивали всю свою выручку. Эта труппа играла годъ или два.

Семейныя удовольствія, кромѣ именинъ, крестинъ и свадебъ, состояли въ святочныхъ вечерахъ зимой и загородныхъ гуляньяхъ лѣтомъ. Въ среднемъ кругу, особенно у купечества, были еще въ

*) Константинъ Петровичъ Бобановскій былъ сначала учителемъ словесности, потомъ инспекторомъ и директоромъ иркутской гимназіи. Онъ умеръ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, завѣщавъ въ пользу гимназіи свой небольшой капиталъ. — Захаръ Григорьевичъ Коленко былъ учителемъ исторіи, но въ Иркутскѣ жилъ не долго. Потомъ и онъ былъ гдѣ-то директоромъ. Оба они выдѣлялись изъ общаго круга и способностями, и свѣтскостью.

употребленіи святочныя игры, подробно описанныя Авдѣевою въ ея „Воспоминаніяхъ“. Группы замаскированныхъ ѣздили изъ дома въ домъ и придавали святочнымъ вечерамъ еще болѣе оживленія. Но къ концу сороковыхъ годовъ святочныя игры почти вездѣ замѣнились французскою кадрилью, и прежняя оригинальность святочныхъ вечеровъ исчезла; елки, впрочемъ, еще не были въ обычаѣ. Свадьбы также иногда бывали очень шумны и веселы. На другой день свадьбы молодые, со всѣмъ поѣздомъ, съ музыкой и пѣснями, разъѣзжали по поѣзжанамъ и вездѣ пѣли, пили и танцовали. Легко себѣ представить, что это были за пѣсни и танцы въ концѣ дня. Вообщо жилось проще, и потому веселѣе нынѣшняго.

Въ тридцатыхъ годахъ учителемъ словесности въ иркутской гимназіи былъ нѣкто Поликсеньевъ. Это былъ горькій пьяница, но человѣкъ, знавшій свое дѣло и преданный ему. Онъ умѣлъ внушить своимъ ученикамъ любовь къ литературѣ. Сборникъ ихъ литературныхъ опытовъ былъ даже напечатанъ (теперь онъ составляетъ библіографическую рѣдкость). Эту любовь нѣкоторые сохранили и по выходѣ изъ гимназіи. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Николай Ильичъ Виноградскій *) даже издавалъ въ Иркутскѣ рукописную газетку, „Домашній Собесѣдникъ“. Въ ней печатались статьи и повѣсти самого Виноградскаго, а также разныя крупныя и мелкія статьи его товарищей по гимназіи и другихъ лицъ. Изъ стихотвореній, сколько я помню, были хороши: «Генисаретское озеро» самого Виноградскаго, «Сѣверный вѣтеръ» и «На новый годъ» Шидловскаго; въ прозѣ ничего выдающагося не было. Вообще это былъ безцвѣтный и несерьёзный сборникъ болѣе или менѣе ребяческихъ упражненій. Тѣмъ не менѣе, общество интересовалось газеткой, и она читалась очень усердно. По малопо-малу и самъ Виноградскій сталъ болѣе и болѣе отвлекаться службой отъ литературныхъ занятій, и товарищи и сотрудники

*) Онъ былъ иркутскій уроженецъ; служилъ сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Томскѣ, и умеръ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Онъ велъ дневникъ, впрочемъ, незамѣчательный. Въ послѣдніе годы жизни онъ началъ писать свои воспоминанія; не знаю, до какого времени онъ довелъ ихъ и гдѣ они теперь находятся. Они обѣщали быть очень любопытными. Другіе литературные труды его, какіе случалось мнѣ видѣть, были маловажны (кромѣ любопытной статьи, кажется, о Хлѣбниковѣ, въ «Запискахъ» сибирскаго отдѣла географическаго Общества).

его болѣе и болѣе погружались въ житейское море. Въ 1840 году „Домашній Собесѣдникъ" уже не издавался. Въ уѣздныхъ захолустьяхъ кое-кто — Давыдовъ, Мордвиновъ*)—также занимались литературой; но печатался одинъ только Мордвиновъ. Нѣкоторые его труды—напр., этнографическій опытъ объ орочонахъ — были даже очень недурны; но, переѣхавъ въ Иркутскъ, онъ погрузился въ служебный и свѣтскій омутъ и надолго, до шестидесятыхъ годовъ, распрощался съ литературой.

Мѣстная литература, впрочемъ, не совсѣмъ заглохла. Время отъ времени она заявляла о своемъ существованіи разными юмористическими стихотвореніями. Въ сороковыхъ годахъ, помнится, появилось два такихъ стихотворенія. Одно изъ нихъ начиналось стихами:

«Какъ Иркутскъ, такого града
Въ цѣломъ мірѣ не найдешь;
Все здѣсь есть, чего не надо,
И со скуки не умрешь».

Далѣе описывались разныя иркутскія достопримѣчательности; говорилось, напримѣръ, что здѣсь

«Есть съ дырами тротуары
И горбунчикъ комендантъ **)».

Вообще стихотвореніе дышало веселостью и безобидной насмѣшкой. Не таково было другое, изъ котораго я помню только два стиха:

«И съ рожицей польско-нѣмецкой
Чиновникъ Гриневецкій ***)».

*) Дмитрій Павловичъ Давыдовъ долго былъ смотрителемъ въ разныхъ уѣздныхъ училищахъ, потомъ вышелъ въ отставку и жилъ на смотрительскую пенсію. Онъ рано лишился зрѣнія. Книжка его стихотвореній была издана подъ названіемъ «Байкальскихъ мелодій», или чего-то въ этомъ родѣ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ занялся колдовствомъ и практиковалъ его очень успѣшно, сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Тобольскѣ, куда онъ переѣхалъ послѣ иркутскаго пожара 1879 года. Онъ, кажется, живъ и теперь.—Александръ Александровичъ Мордвиновъ также сначала былъ учителемъ, а потомъ перешелъ въ губернское вѣдомство. Въ послѣднее время онъ служилъ вице-губернаторомъ въ Читѣ. Онъ кончилъ свою жизнь очень печально: вслѣдствіе какихъ-то непріятностей онъ удавился. Мордвиновъ написалъ нѣсколько недурныхъ повѣстей, капитальный трудъ его — «Поѣздка въ Туруханскій край» — былъ напечатанъ въ «Современникѣ», но, говорятъ, съ большими сокращеніями.

**) Генералъ Красавинъ, маленькаго роста, горбатый старикъ.

***) Пріѣхавшій съ Рупертомъ столоначальникъ главнаго управленія. У него дѣйствительно была какая-то постная физіономія.

Оно было и злѣе по тону, и серьёзнѣе по содержанію: оно описывало уже не внѣшность города, а его нравы. Это была уже сатира *).

Впрочемъ, и такія произведенія домашней музы появлялись очень рѣдко.

Но если не было мѣстной литературы, то была любовь къ литературѣ. Она выражалась потребностью въ чтеніи. Для удовлетворенія этой потребности, одинъ изъ тогдашнихъ молодыхъ образованныхъ купцовъ, Адріанъ Михайловичъ Балдаковъ, открылъ публичную библіотеку. Но дѣла библіотеки шли неблистательно. Большинство читателей еще относило чтеніе къ такимъ развлеченіямъ, которыя должны доставаться даромъ, и потому не считало раціональнымъ платить за него деньги. Библіотека имѣла не болѣе полусотни подписчиковъ; доходомъ отъ нея покрывался только расходъ на библіотекаря и на содержаніе квартиры; большая часть книгъ и журналовъ выписывалась уже на счетъ содержателя. Кромѣ журналовъ и газетъ, выписывались преимущественно романы (всѣ, какіе только тогда выходили, не исключая и твореній частнаго пристава Цылова), а изъ книгъ научнаго содержанія—историческія и описанія путешествій; попадались, впрочемъ, и такія спеціальныя сочиненія, какъ „Руководство къ тактикѣ", барона Медема. Читались больше всего журналы; изъ нихъ «Библіотека для Чтенія», бывшая въ такой модѣ въ провинціальномъ мірѣ въ тридцатыхъ годахъ, уступила мѣсто «Отечественнымъ Запискамъ» и возбуждала толки лишь тогда, когда въ ней помѣщались романы въ родѣ «Эвелины де Вальероль, «Идеальной Красавицы» и т. п. Съ 1847 года и надъ „Отечественными Записками" взялъ рѣшительный перевѣсъ преобразованный „Современникъ". Нѣкоторыя присутственныя мѣста выписывали журналы для своихъ чиновниковъ. Пробовали было выписывать и мы въ главномъ управленіи; но журналы подолгу читались и часто зачитывались членами совѣта, а до нашей братіи доходили слишкомъ поздно, если только доходили. Но и въ журналахъ читались почти одни только романы и повѣсти. Читали преимущественно чиновники и немногіе образованные купцы. Духовенство читало

*) Кажется, въ концѣ сороковыхъ годовъ гимназисты вздумали издавать между собой рукописный журналецъ «Звѣздочка»; но онъ былъ запрещенъ, по настоянію преосвященнаго Нила, увидѣвшаго въ этой забавѣ вредное вольнодумство.

мало; но иркутскій преосвященный, архіепископъ Нилъ, читалъ едва ли не больше всѣхъ въ городѣ; да онъ, кажется, былъ и образованнѣе всѣхъ.

Литературный вкусъ общества, впрочемъ, былъ развитъ еще очень слабо. Господствовало понятіе о высокомъ слогѣ. Трескучій языкъ Марлинскаго считался верхомъ стилистики, а балаганныя шутки Сенковскаго—образцомъ остроумія. Такой литературно-образованный человѣкъ, какъ Бобановскій, не находилъ достоинствъ, напримѣръ, въ „Андреѣ Шенье“ Пушкина. О „Печоринѣ“ одинъ изъ моихъ знакомыхъ отозвался, что этотъ романъ хорошъ, только слишкомъ просто написанъ. „Мертвыя души“ были прочитаны очень немногими и найдены пустою вещью, „огромною пошлостью“; въ нихъ нравились только лирическія мѣста: „Русь, куда ты мчишься?“ и т. п.; вообще Гоголь не пользовался репутаціей отличнаго писателя, хотя первыя повѣсти его и считались очень забавными. Бѣлинскаго и его значенія въ нашей литературѣ не понимали; надъ нимъ даже смѣялись. Я помню, какъ однажды Ушаровъ, большой юмористъ, читалъ намъ одну изъ статей Бѣлинскаго плаксивымъ тономъ проповѣдей тогдашняго архимандрита Варлаама и возбуждалъ всеобщій хохотъ... Къ концу сороковыхъ годовъ, впрочемъ, взгляды публики, именно подъ вліяніемъ критики Бѣлинскаго, начали уже измѣняться. Такъ называемая „натуральная школа“ возбудила общее вниманіе къ тѣмъ приниженнымъ слоямъ общества, которые она описывала съ такимъ живымъ сочувствіемъ. „Обыкновенная исторія“, „Кто виноватъ?“ и особенно „Домби и сынъ“ возбуждали интересъ уже не одной только романической стороной. Они расширяли нашъ умственный горизонтъ и научали насъ искать въ литературѣ не одной только забавы надосугѣ, но и правдиваго изображенія жизни, съ ея треволненіями и вопросами.

Во второй половинѣ десятилѣтія произошла еще и другая перемѣна въ умственномъ настроеніи нашего общества. Перемѣна эта отчасти тоже была слѣдствіемъ вліянія литературы, но здѣсь дѣйствовали и другія причины. Передовые умы понимали эти причины, но масса только чувствовала ихъ и инстинктивно поддавалась ихъ дѣйствію. Общество уже не довольствовалось прежнимъ апатическимъ состояніемъ, уже не „благодушествовало“, какъ начали тогда выражаться. Это недовольство, правда, не имѣло еще у насъ ни опредѣленнаго предмета, ни яснаго выраженія. Оно отражалось только на пустякахъ и проявлялось въ жалобахъ на

мѣстные порядки и отдѣльныя личности; но корень его таился гораздо глубже. Только черезъ десять лѣтъ, съ наступленіемъ новаго царствованія, сдѣлалось яснымъ, о чемъ болѣла тогда наша душа, чего намъ не доставало: воздуха и свѣта.

Но если чтеніе имѣло извѣстное вліяніе на наше умственное развитіе, то въ отношеніи къ нравамъ оно было совершенно безсильно. Покойный Шашковъ, въ своихъ запискахъ, уже описалъ нравы тогдашняго духовенства, а выведенныя имъ личности были еще лучшими изъ духовныхъ. То же было и въ другихъ классахъ. Адъютантъ Руперта, Яковъ Безносиковъ, человѣкъ образованный и очень неглупый, женившись на дочери красноярскаго богача (впрочемъ, скоро потомъ прогорѣвшаго) Николая Мясникова, вышелъ въ отставку и задавалъ цѣлыя вакханаліи въ Знаменскомъ предмѣстьѣ, въ бывшемъ Шелеховскомъ домѣ, гдѣ нынѣ техническое училище. Впослѣдствіи, еще далеко не въ старости, разбитый параличемъ, онъ самъ говорилъ, что болѣзнь его — слѣдствіе безумно проведенной молодости. Разъ члены совѣта (или, по-тогдашнему, совѣтники) главнаго управленія, Тюменцевъ, Осиповъ, и ихъ знакомые, съ семействами, гуляли за Ангарой, на нынѣшнемъ островѣ Любви (который тогда еще былъ покрытъ кустарникомъ). Тамъ же гуляли какіе-то мѣщане. Они о чемъ-то повздорили съ господами. Эти, недолго думая, кликнули кучеровъ, и при ихъ помощи собственноручно совершили избіеніе злосчастныхъ мѣщанъ. На другомъ такомъ же гуляньѣ какой-то купецъ (забылъ фамилію) пустилъ пулю въ столоначальника главнаго управленія Парнякова и прострѣлилъ ему руку; дѣлу не было дано огласки, но купецъ порядочно поплатился. Все это, разумѣется, дѣлалось въ пьяномъ видѣ. Но были и исключенія изъ общаго пьянства. Почетные купцы вели себя очень степенно; въ тѣхъ чиновничьихъ кружкахъ, съ которыми я тогда былъ особенно близокъ, пьянства не было; только старикъ Балакиревъ *) любилъ иногда выпить, или, вѣрнѣе, скоро хмѣлѣлъ (въ этомъ видѣ онъ былъ очень забавенъ; я всегда вспоминаю его, когда вижу пьянаго Юсова въ „Доходномъ мѣстѣ“). Но между мелкимъ купечествомъ, между

*) Яковъ Дмитріевичъ, товарищъ предсѣдателя губернскаго суда. Это былъ чиновникъ стараго закала, человѣкъ простой, но очень неглупый и добрый и знатокъ своего дѣла.

мѣщанствомъ, такихъ кружковъ не было: здѣсь было почти поголовное пьянство. Нерѣдко оно сопровождалось и дракой. Разъ я попалъ въ кружокъ пирующаго купечества и былъ радъ не радъ, что незамѣтно унесъ ноги, когда мои компаніоны принялись расправляться между собой ужъ гдѣ-то на заднемъ дворѣ. Въ низшихъ слояхъ населенія пьянство иногда осложнялось еще крайнею лѣностью мужчинъ, ихъ стараніемъ свалить на женъ не только всѣ хлопоты по хозяйству, но и заботы о средствахъ къ существованію. Мѣщанинъ или отставной, а иногда и служилый казакъ лежитъ, бывало, на печи или на лавкѣ и пьянствуетъ, если только у него есть какая нибудь возможность къ этому,—а жена бѣгаетъ по прачкамъ и поломойкамъ, щелкаетъ орѣхи на масло и выбивается изо всѣхъ силъ, чтобы заработать кусокъ хлѣба и для себя, и для мужа, и для дѣтей, а иногда и на пьянство мужу. Дѣти тоже эксплоатировались родителями, какъ только въ состояніи были что нибудь дѣлать: ихъ отдавали въ услуженіе, и весь заработокъ ихъ брали себѣ. Эта эксплоатація дѣтскаго труда не вывелась еще и теперь.

Отношенія между полами и семейныя были, можетъ быть, не строже, но лицемѣрнѣе нынѣшнихъ. Уходъ жены отъ мужа былъ тогда неслыханнымъ дѣломъ; женщина, которая рѣшилась бы на такой шагъ, подверглась бы общему презрѣнію. Незаконныя связи замужнихъ женщинъ были большою рѣдкостью. Мужчины, разумѣется, были гораздо развратнѣе. Самъ Рупертъ не отличался чистотою нравовъ. Онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ безъ семейства и повелъ себя такъ, что объ этомъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ; къ нему поспѣшили отправить жену, чтобы удержать его отъ прапорщичьихъ похожденій, а городъ избавить отъ соблазна. Нѣкоторые служители алтаря также не подавали примѣра строгаго цѣломудрія. Объ одномъ изъ нихъ даже была сложена пѣсенка:

«Архимандритъ Н—мъ
Онъ не ходитъ одинъ,
А все съ М—чихой».

У другаго роль католической экономки играла какая-то дьяконница. Уличный развратъ тоже былъ не менѣе нынѣшняго. „Вольныхъ“ маскарадовъ, дающихъ нынѣ такой широкій просторъ публичному разврату, тогда еще не было; не было и гостиницъ, съ ихъ особыми кабинетами. Люди съ извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ кутили въ публичныхъ домахъ. Разъ въ такомъ домѣ произошла

крупная свалка между ними и пришедшею позже подгулявшею молодежью. Молодежь высидѣла на гауптвахтѣ, а значительные люди отдѣлались тѣмъ, что досталось имъ въ потасовкѣ. Любовныя связи доводили иногда до преступленій. Въ городѣ надѣлало большаго шума убійство одной дѣвушки изъ хорошаго мѣщанскаго семейства, трупъ которой былъ найденъ подъ Ушаковскимъ мостомъ съ цинической запиской: „Что кому за дѣло, что я съ мосту улетѣла? Кто меня любилъ, тотъ и убилъ".

Взяточничество чиновниковъ было почти всеобщее. Служебныя командировки иногда давались только для наживы. Начальникомъ хозяйственнаго отдѣленія губернаторской канцеляріи былъ П., игравшій потомъ большую роль въ Западной Сибири при Гасфортѣ. „Меня,—разсказывалъ Ѳ. Н. В.,—только что сдѣлали чиновникомъ по порученіямъ. Поручили мнѣ осмотрѣть сельскіе магазины. Съѣздилъ, осмотрѣлъ, воротился и представилъ отчетъ. Только вижу—П—нъ на меня дуется. А мы съ нимъ были пріятели. Прошло сколько-то времени—не перестаетъ дуться. Я вздумалъ съ нимъ объясниться.—„Ну, какъ же можно,—говоритъ онъ:—тебѣ дали порученіе, а ты съѣздилъ и не подѣлился".—„Тутъ только я узналъ, что мнѣ слѣдовало въ командировкѣ брать взятки, а потомъ подѣлиться съ П."—По высочайшему повелѣнію былъ изданъ циркуляръ о томъ, чтобы власти заботились о разведеніи картофеля. Чиновнику Рязанскому было поручено удостовѣриться объ успѣхахъ посѣвовъ картофеля. Онъ прямо отправился въ бурятскіе улусы.—„Много у васъ картофеля?"—А они и не думали его сѣять; да и о циркулярѣ ничего не слыхали.—„Какъ! вы не сѣете картофеля! Да вѣдь Царь велѣлъ! Да васъ подъ судъ за это!" И до тѣхъ поръ не отсталъ отъ нихъ, пока они не дали ему тысячи рублей. Повидимому, и Рупертъ старался давать своимъ чиновникамъ такіе же случаи. Онъ безпрестанно командировалъ своихъ чиновниковъ для ревизіи разныхъ казенныхъ заведеній, которыя считались очень выгодными для своихъ начальниковъ. Разъ онъ командировалъ своего адъютанта Бородаевскаго удостовѣриться и въ посѣвахъ картофеля,—хотя, кажется, и губернаторскаго наблюденія за этимъ, въ лицѣ разныхъ Рязанскихъ, было заглаза достаточно. Вообще картофель, кажется, дорого обошелся мѣстному населенію, хотя особенныхъ успѣховъ въ развитіи его и не было замѣтно. Чиновники иногда считали даже личною обидой для себя, если попадали подъ судъ за лихоимство. Разъ мнѣ встрѣтился какой-то Слежановскій: и поругалъ же онъ главное

управленіе, которое отдало его подъ судъ! Пожалуй, и дѣйствительно было обидно отдуваться одному за то, что безнаказанно дѣлали сотни другихъ. Было, впрочемъ, одно исключеніе: учительскій персоналъ былъ безукоризненъ. Вообще учители того времени не походили на нынѣшнихъ: это были педагоги, а не чиновники по учебной части. Перейдя въ губернское вѣдомство (тогда многіе дѣлали это), нѣкоторые изъ нихъ иногда утрачивали симпатичныя черты учительскаго типа, но даже и тогда не доходили до роли сухихъ формалистовъ, или полицейскихъ сыщиковъ.

Моя характеристика нравовъ была бы неполна, если бы я не упомянулъ о картежной игрѣ. Нечего и говорить, что при пустотѣ общественной жизни, карты были всеобщимъ развлеченіемъ: въ этомъ отношеніи онѣ и теперь еще не утратили своего значенія. Но существовали кружки, спеціально преданные азартной игрѣ, посвящавшіе ей все свое свободное время, или, вѣрнѣе, обратившіе ее въ свое главное занятіе. Эти кружки принадлежали преимущественно къ высшему и среднему классу чиновничьяго общества; въ нихъ участвовали и купцы, но очень немногіе. Игрѣ предавались и весьма образованные и почетные люди, напримѣръ, совѣтникъ главнаго управленія, Иванъ Яковлевичъ Билибинъ. Привиллегированные игроки собирались, большею частью, въ домѣ столоначальника горнаго отдѣленія Мангазеева, тоже страстнаго игрока. Это общество, впрочемъ, не было слишкомъ разборчиво; въ него иногда пробирались довольно двусмысленныя личности. Таковъ былъ нѣкто Кобринъ, или Кабрановъ, ссыльный, появившійся на нѣкоторое время неизвѣстно откуда и потомъ исчезнувшій также неизвѣстно куда. Таковъ же былъ Жабо, тоже ссыльный, извѣстный шулеръ. Въ этомъ же кружкѣ вращался и едва ли не въ немъ нашелъ средства къ побѣгу и Морозовскій, о которомъ я упоминалъ выше. Игра продолжалась иногда по цѣлымъ суткамъ; тогда ставни оставались запертыми и днемъ, чтобы игры не было видно съ улицы.

Наше мирное житіе было внезапно нарушено извѣстіемъ о назначеніи въ Восточную Сибирь сенаторской ревизіи. На ревизію былъ назначенъ сенаторъ Толстой.

Послѣ пріема, за два года передъ тѣмъ, сдѣланнаго Государемъ Руперту, такое извѣстіе казалось совершенно непонятнымъ. Назначеніе ревизіи старались объяснить личностями. Говорили, что

въ Петербургѣ Рупертъ не сдѣлалъ визита Перовскому, тогда еще не министру внутреннихъ дѣлъ, и что Перовскій, сдѣлавшись министромъ, постарался отплатить ему за это ревизіей. Можетъ быть, въ этихъ слухахъ и была доля правды; но вѣрнѣе, что ревизія была вызвана явною запутанностью въ дѣлахъ и слухами о злоупотребленіяхъ. Въ управленіе Руперта злоупотребленія дѣйствительно увеличились, потому что и поводовъ къ нимъ было больше прежняго. Однимъ изъ такихъ поводовъ, и едва ли не главнымъ, было развитіе въ Енисейской губерніи золотопромышленности и сопряженные съ послѣдней споры о заявкахъ, захваты, подкупы и т. п. Золотопромышленность въ то время сорила деньгами, даже безъ всякаго ума и разсчета; она на каждомъ шагу представляла соблазнъ. Если и прежде мѣстные служебные нравы не отличались ангельской чистотой, то теперь объ ней нечего было и думать. Но и, кромѣ того, управленіе Восточною Сибирью, не освѣжавшееся ревизіей со временъ Сперанскаго, вообще велось такъ патріархально, что поближе присмотрѣться къ нему со стороны было очень небезполезно.

Хотя гроза ревизіи была еще неблизко, но, тѣмъ не менѣе, мы встрепенулись и принялись осматриваться, — приводить въ порядокъ дѣла, давать ходъ заваляввшимся и т. п. Оказалось, напримѣръ, что съ 1822 года по Иркутской губерніи остается неисполненнымъ Высочайшее повелѣніе объ окончаніи разсчетовъ по возникшимъ при ревизіи Сперанскаго денежнымъ искамъ съ разныхъ должностныхъ лицъ. Для этого, по тому же Высочайшему повелѣнію, была учреждена особая разсчетная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ высшихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Члены коммиссіи, какъ и всегда бываетъ у насъ въ составныхъ учрежденіяхъ, сами ничего не дѣлали, а всю работу возложили на дѣлопроизводителей, назначавшихся губернаторомъ. Коммиссія распродала описанное у разныхъ лицъ имущество и привела въ извѣстность предъявленные къ нимъ иски; но затѣмъ она остановилась надъ вопросомъ—какъ удовлетворить эти иски? Имущества нѣкоторыхъ лицъ не доставало на покрытіе всѣхъ взысканій. Разумѣется, эти деньги слѣдовало раздѣлить пропорціонально суммѣ каждаго отдѣльнаго иска; но на это у губернаторскихъ дѣльцовъ не доставало премудрости. Дѣло уже нѣсколько лѣтъ оставалось безъ движенія, большая часть истцовъ и отвѣтчиковъ давно уже сошла въ могилу. Руперту пришлось командировать въ коммиссію чиновника отъ себя. Хитрый разсчетъ былъ кое-какъ конченъ.

Ревизія прежде всего обрушилась на Енисейскую губернію. Енисейскимъ губернаторомъ былъ тогда Василій Ивановичъ Копыловъ. Во время поѣздки Руперта въ Петербургъ онъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ главнаго управленія. Это былъ здоровый, коренастый старикъ лѣтъ 60, средняго роста, съ крупными чертами лица, взъерошенными сѣдыми волосами и острымъ взглядомъ изъ-подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей. Гораздо позже мнѣ случилось читать секретную (вѣроятно, жандармскую) аттестацію объ немъ еще за то время, когда онъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, только временно управлялъ губерніей. Тамъ онъ описывался, какъ грязный и неспособный чиновникъ. На дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Я ничего не знаю о нравственныхъ качествахъ Копылова, но онъ былъ человѣкъ очень неглупый. Это я могъ заключить изъ нѣсколькихъ сужденій Копылова, которыя я имѣлъ случай слышать во время пребыванія его въ Иркутскѣ. Онъ былъ только чрезвычайно лѣнивъ и безхарактеренъ. Разсказывали, что онъ, бывало, прочитаетъ поданную ему для подписи неправильную бумагу, покачаетъ головой и, не говоря ни слова, подпишетъ. Понятно, что при такомъ губернаторѣ начальники отдѣленій имѣли громадную власть; особенно говорили это объ одномъ изъ нихъ, Налабардинѣ; понятно также, что при такомъ управленіи всевозможныя злоупотребленія были зауряднымъ явленіемъ. Совершенно естественно послѣ этого, что на первыхъ же порахъ ревизія наткнулась на такія вопіющія злоупотребленія и въ такой формѣ, что подозрѣвать въ нихъ пришлось самого губернатора. Копыловъ былъ удаленъ отъ должности. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ, какъ говорили, отъ испуга и горя.

Вскорѣ и въ Иркутскѣ начали появляться признаки ревизіи. Черезъ Иркутскъ проѣхали два чиновника, командированные Толстымъ для обозрѣнія Камчатки (Булычевъ и князь Львовъ). Затѣмъ и самъ Толстой, кончивъ или почти кончивъ ревизію Енисейской губерніи, переѣхалъ съ женой и свитой въ Иркутскъ.

Я видѣлъ Толстаго всего два раза: въ соборѣ, куда я пошелъ въ одинъ табельный день нарочно за тѣмъ, чтобы взглянуть на красный сенаторскій мундиръ, и потомъ въ главномъ управленіи, когда онъ открывалъ тамъ ревизію. Объ немъ, какъ о личности, говорили мало; казалось, словомъ „сенаторъ“ объ немъ было все сказано: у насъ съ этимъ словомъ соединялось понятіе о существѣ заштатномъ, отжившемъ. По наружности, впрочемъ, Толстой не соотвѣтствовалъ этому представленію. Это былъ пожилой, лѣтъ

подъ пятьдесятъ, но еще очень бодрый мужчина средняго роста, довольно полный, съ пріятнымъ лицомъ. Едва ли и въ умственномъ отношеніи его можно было считать человѣкомъ отжившимъ.

Свита пріѣхала съ нимъ большая. Она состояла преимущественно изъ петербургской золотой молодежи разнаго возроста. Главнымъ лицомъ послѣ Толстаго былъ Михаилъ Александровичъ Б—овъ, сынъ богача и сенатора, и самъ уже статскій совѣтникъ, хотя еще молодой человѣкъ. Впослѣдствіи, во время разсмотрѣнія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, онъ издалъ брошюрку въ защиту крѣпостнаго права, и за это попалъ подъ надзоръ полиціи. Говорили, что онъ пріѣхалъ не столько для ревизіи, сколько по золотопромышленнымъ дѣламъ. За отводомъ, въ заявленной золотосодержащей мѣстности, узаконенной площади (квадр. версты) заявителю, оставались еще золотосодержащія мѣста. Они назывались казенными остатками. Эти остатки дарились отъ Государя разнымъ знатнымъ лицамъ въ видѣ наградъ, на выборъ, съ тѣмъ только, чтобы общее количество выбранныхъ однимъ лицомъ остатковъ не превышало полной площади (квадр. версты, хотя бы и въ разныхъ мѣстностяхъ). Изъ этихъ лицъ графъ Орловъ, Безобразовъ и Танеевъ составили компанію для разработки пожалованныхъ имъ остатковъ. По дѣламъ этой-то К° и пріѣхалъ М. А. Б—овъ. Лучшими дѣльцами въ свитѣ Толстаго считались гг. Философовъ, впослѣдствіи главный военный прокуроръ, а нынѣ членъ государственнаго совѣта, и Славинскій, о дальнѣйшей карьерѣ котораго мнѣ ничего неизвѣстно. Какими-то судьбами попалъ сюда и пожилой сибирякъ, служившій прежде совѣтникомъ въ томскомъ губернскомъ правленіи; фамилію его я забылъ. Не помню, съ Толстымъ или раньше пріѣхалъ сюда Александръ Михайловичъ Карпинскій, служившій прежде въ алтайскомъ заводскомъ вѣдомствѣ; но онъ, кажется, тоже состоялъ въ сенаторской свитѣ. Г. Карпинскій послѣ того былъ предсѣдателемъ иркутскаго губернскаго правленія. Остальная свита Толстаго состояла изъ молодыхъ людей, только-что начинавшихъ службу и, по крайней мѣрѣ, въ то время ничѣмъ не замѣчательныхъ. Было бы излишне приводить ихъ фамиліи.

Сенаторскіе чиновники не пользовались расположеніемъ иркутскаго общества. Съ одной стороны, они смотрѣли на мѣстное общество свысока, попетербургски,—этимъ оскорблялось самолюбіе; съ другой—нѣкоторые изъ нихъ перенесли на иркутскую почву фривольные нравы петербургскихъ танцклассовъ и загородныхъ гуля-

нiй,—этимъ оскорблялась мѣстная чопорность. Сколько я помню, только г. Славинскiй успѣлъ ближе другихъ сойдтись съ мѣстнымъ обществомъ.

Какъ ни великъ былъ сенаторскiй штатъ, а дѣло не обошлось безъ участiя мѣстныхъ дѣятелей. Одинъ изъ нашихъ чиновниковъ *) былъ прямо вытребованъ для занятiй въ сенаторскую канцелярiю (что, сказать мимоходомъ, навлекло на него нерасположенiе Руперта); другiе занимались у сенаторскихъ чиновниковъ частнымъ образомъ. В. А. Ушаровъ работалъ у М. А. Б—ова, разсматривалъ огромное дѣло объ обывательской гоньбѣ по Иркутской губернiи и написалъ цѣлый трактатъ объ этой повинности. Но болѣе онъ занимался золотопромышленными дѣлами Б—ова и даже ѣздилъ для этихъ дѣлъ, по его порученiю, въ Енисейскую губернiю. Б—овъ наобѣщалъ ему за его труды золотыя горы, но, уѣхавъ изъ Иркутска, забылъ объ немъ. Единственнымъ, но совершенно неожиданнымъ для Ушарова результатомъ трудовъ его по прiисковымъ дѣламъ Б—ва было изданiе, вслѣдствiе сенаторской ревизiи, закона о томъ, что служащимъ въ Сибири чиновникамъ, которымъ уже ранѣе была запрещена золотопромышленность, запрещается быть и повѣренными по золотымъ дѣламъ. Б—овъ, воспользовавшись самъ услугами одного изъ этихъ чиновниковъ, не нашелъ наградить его ничѣмъ лучшимъ, какъ лишить всѣхъ ихъ возможности служить другимъ.

Меня пригласили къ Ивану Демьяновичу Булычеву. Онъ жилъ тогда у моего хорошаго знакомаго Я. Д. Балакирева, который, кажется, и рекомендовалъ меня ему.

Меня встрѣтилъ господинъ лѣтъ 30-ти, въ очкахъ, сухощавый, средняго роста. Онъ объявилъ мнѣ, что желаетъ поручить мнѣ обработку собранныхъ имъ свѣдѣнiй о состоянiи Камчатки; затѣмъ сталъ ходить по комнатѣ и говорить высокопарную рѣчь, въ которой я ничего не понялъ; наконецъ, передалъ мнѣ большую записную книгу. Прихожу домой, разсматриваю книгу. Она разграфлена вездѣ одинаково; на каждой страницѣ находятся графы для показанiя мѣста, разстоянiя его отъ предъидущаго, числа жителей и мѣстныхъ произведенiй. Эта послѣдняя графа ограничивалась

*) Александръ Ивановичъ Красильниковъ, тогда еще молодой человѣкъ. Онъ не отличался особенными способностями, но былъ очень усердный чиновникъ. Впослѣдствiи онъ долго служилъ прокуроромъ сначала въ Якутскѣ, а потомъ въ Иркутскѣ, гдѣ и умеръ въ 70-хъ годахъ.

замѣтками: „земляника, морошка, орѣхи“ и т. п. Статистическихъ данныхъ, кромѣ цифры населенія—никакихъ; замѣтокъ о положеніи населенія очень мало, и то весьма краткія. И изъ этого-то матеріала съ прибавкой непонятой мною рѣчи Булычева я долженъ былъ составить полную картину положенія Камчатки! Вышелъ какой-то отрывочный, уродливый ребяческій трудъ, который и самому мнѣ былъ смѣшонъ. Немногимъ лучше были и двѣ отдѣльныя записки, составленныя мной по порученію Булычева: о положеніи коряковъ и о земледѣліи въ Камчаткѣ. Булычевъ, повидимому, остался доволенъ моими работами. Но я и до сей поры задаю себѣ вопросъ: неужели эти издѣлія такъ и попали въ сенаторскій отчетъ безъ коренной передѣлки? Булычеву, впрочемъ, некогда было заниматься ими: онъ ухаживалъ за племянницей тогдашняго богача, Е. А. Кузнецова, Малеевой, на которой потомъ и женился.

А ревизія шла своимъ порядкомъ. Разосланы были чиновники для ревизіи округовъ. Самъ Толстой, кажется,—навѣрное не помню, — съѣздилъ за Байкалъ, но ненадолго, и потомъ сосредочилъ свою дѣятельность на иркутскихъ дѣлахъ. Внѣшній порядокъ, во всякомъ случаѣ, былъ здѣсь лучше красноярскаго: губернское управленіе въ Иркутскѣ существовало уже давно и потому, до извѣстной степени, могло уже направиться. Этого нельзя было сказать о самомъ ходѣ и направленіи дѣлъ. Злоупотребленія всякаго рода, взяточничество и казнокрадство, свили себѣ здѣсь широкое гнѣздо. Въ уѣздныхъ захолустьяхъ, въ родѣ Киренска или Нерчинска, вѣроятно, было еще хуже. Но Иркутская губернія имѣла то преимущество передъ Енисейской, что въ ней не было такого громаднаго, бросавшагося въ глаза, дѣла, какъ енисейскій голодъ, а золотопромышленность только начинала развиваться и не успѣла еще внести въ чиновничью среду спеціально золотопромышленные виды служебнаго разврата. Злоупотребленія не выходили изъ извѣстной рутинной колеи, никому не бросались въ глаза и не возбуждали особенныхъ жалобъ. Поэтому, вѣроятно, и ревизія не обратила на нихъ особеннаго вниманія. Было уволено или отдано подъ судъ нѣсколько мелкихъ чиновниковъ — и только. Вообще Толстой относился къ Пятницкому благосклонно. Послѣ ревизіи Пятницкій получилъ даже ленту. Не то было съ главнымъ управленіемъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Толстаго въ Иркутскъ у него начались нелады съ Рупертомъ. Уже самое назначеніе ревизіи не могло

нравиться Руперту и должно было, до извѣстной степени, поселить въ немъ непріятное чувство къ Толстому, какъ исполнителю этой мѣры. Но тутъ примѣшались и другія обстоятельства. Я не знаю ихъ въ подробности, но знаю, что дѣло завязалось изъ-за горнаго отдѣленія. Толстой или потребовалъ какія-то дѣла этого отдѣленія, или заявилъ намѣреніе приступить къ ревизіи его. Рупертъ, подстрекаемый начальникомъ горнаго отдѣленія, обидѣлся этимъ требованіемъ и отвѣчалъ что-то въ такомъ родѣ, что сенаторской ревизіи подлежатъ только губернскія, а не генералъ-губернаторскія дѣла. Завязалась переписка, результатомъ которой было положительное разъясненіе, что ревизія должна распространяться и на главное управленіе.

Началась ревизія; сенаторскіе чиновники стали появляться въ главномъ управленіи. Въ наше отдѣленіе былъ назначенъ г. Философовъ. Втеченіе мѣсяца или болѣе каждый день появлялась у насъ его высокая, темная, сухощавая и сутуловатая фигура, съ портфелемъ подъ мышкой, проходила въ кабинетъ начальника отдѣленія и требовала тѣ или другія дѣла. Наконецъ, г. Философовъ пересталъ появляться; но отъ сенатора поступило требованіе—прислать ему дѣло объ енисейскихъ неурожаяхъ. Черезъ нѣсколько дней оно было возвращено прошнурованнымъ и припечатаннымъ. Изъ этого уже можно было видѣть, что ему придана особенная важность. Такъ и было.

Толстой увѣдомилъ Руперта о результатахъ ревизіи. Первое отдѣленіе было расхвалено до небесъ; во второмъ указаны ничтожныя неисправности, но вообще положеніе дѣлъ найдено удовлетворительнымъ; зато наше злосчастное третье отдѣленіе было втоптано въ грязь. Объ немъ, правда, говорилось коротко; но говорилось, что безпорядки въ дѣлахъ его имѣютъ связь съ противозаконными дѣйствіями, о которыхъ писано особо. Затѣмъ Толстой прислалъ цѣлый обвинительный актъ противъ начальника нашего отдѣленія, Н. Е. Тюменцева, по дѣлу объ енисейскомъ неурожаѣ, и предлагалъ разсмотрѣть дѣйствія его въ совѣтѣ главнаго управленія. Кромѣ того, Толстой требовалъ, чтобы дѣло объ енисейскомъ неурожаѣ было передано другому совѣтнику. Оно было фиктивно передано Глейму, но осталось въ 3-мъ отдѣленіи и продолжало вестись подъ руководствомъ Тюменцева. Обвиненія, впрочемъ, были придирчивы: Тюменцеву ставилось въ вину неисполненіе того, къ чему законъ его не обязывалъ (подробностей не помню). И совѣтъ главнаго управленія, и сенатъ оправдали его.

*

Но и противъ самого Руперта были серьёзныя обвиненія. Я не знаю ихъ вполнѣ, но онъ, между прочимъ, обвинялся въ допущеніи чрезвычайно невыгодныхъ покупокъ провіанта для войскъ и болѣе всего опять-таки за дѣло объ енисейскомъ неурожаѣ. По военному вѣдомству, съ самаго преобразованія провіантской части въ Восточной Сибири, заготовленіе провіанта обходилось дороже и дороже прежняго. Толстому поручено было изслѣдовать причины этого явленія. Онъ нашелъ ихъ въ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, допущенныхъ по винѣ Руперта. Я читалъ проектъ объясненій по этому предмету, приготовленный, отъ имени Руперта, начальникомъ продовольственнаго отдѣленія Тваровскимъ. Въ немъ не было серьёзныхъ оправданій, но было много полемическаго задора; не думаю, чтобы такое объясненіе очень помогло Руперту. Дѣло объ енисейскомъ неурожаѣ составляло только эпизодъ общаго отчета о положеніи народнаго продовольствія. Записка Толстаго по этому предмету была составлена чрезвычайно искусно. Изъ нея, пожалуй, можно было заключить, что серьёзныхъ неурожаевъ и не было, что затрудненія въ продовольствіи были вызваны искусственными мѣрами, и что эти же мѣры были причиной разныхъ злоупотребленій и огромныхъ убытковъ казны при заготовленіи и передвиженіи хлѣба. Во главѣ этихъ мѣръ были поставлены „стѣсненіе народной свободы" и „стѣсненіе свободы хлѣбнаго обращенія". Подъ первымъ разумѣлось запрещеніе отпускать ссыльныхъ на пріиски; подъ вторымъ—запрещеніе покупки для пріисковъ хлѣба, о чемъ я уже говорилъ раньше. Поставлялось на видъ, что Высочайшее повелѣніе по этому дѣлу осталось неисполненнымъ, и стѣснительныя мѣры отмѣнены не были. Въ связи съ этимъ приводился цѣлый рядъ злоупотребленій по продовольствію какъ въ Енисейской губерніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ. (Въ Якутскѣ, напримѣръ, кажется, въ 1840 году, доставленъ былъ для казенныхъ магазиновъ хлѣбъ съ пескомъ. Смотритель магазиновъ отказался принять его. Пошла переписка. Дѣло дошло до областнаго правленія. Оно нашло, что хлѣбъ дѣйствительно съ пескомъ, но что якуты, *по своей грубой натурѣ*, безъ вреда могутъ употреблять его,—и хлѣбъ былъ принятъ). Приводились также болѣе крупные канцелярскіе промахи, которые, подъ искуснымъ перомъ составителя доклада, также принимали видъ злоупотребленій. И во всемъ этомъ виноватымъ оказывался Рупертъ *).

*) Объясненія по провіантскому дѣлу и по енисейскому голоду требовались отъ Руперта уже послѣ увольненія его отъ службы.

Вообще результаты ревизіи были неблагопріятны для Руперта. Говорили даже, что комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ отчетъ о ревизіи, полагалъ предать Руперта суду, но Государь положилъ на журналѣ резолюцію: „уволить по прошенію“. Какъ бы то ни было, но въ 1847 году онъ былъ уволенъ. Приближенные, по обычаю, дали ему прощальный обѣдъ, на которомъ Яковъ Безносиковъ прочиталъ хвалебные стихи. На прощаньѣ въ институтѣ ему была сказана трогательная рѣчь, написанная Бобановскимъ, отъ которой прослезились и Рупертъ, и всѣ присутствовавшіе. Наконецъ, въ одно прекрасное лѣтнее утро онъ уѣзжалъ изъ Иркутска. Приближенные его разставили на берегу, у московскаго перевоза, людей изъ рабочаго дома. Эта толпа заревѣла *ypy*, какъ только Рупертъ показался у перевоза, и ревѣла ее все время, пока онъ переплывалъ Ангару. Говорятъ, старикъ прослезился и сказалъ, что если бы онъ зналъ, что его такъ любитъ народъ, то не разошелся бы съ Толстымъ. Подготовленные проводы онъ принялъ за выраженіе народной привязанности. Трогательная наивность! Народъ объ немъ и не думалъ.

Конецъ служебной карьеры Пятницкаго былъ гораздо печальнѣе. Муравьевъ, съ самаго пріѣзда въ Иркутскъ, сталъ относиться къ Пятницкому чрезвычайно сухо. Въ досадѣ на это, Пятницкій послалъ въ Петербургъ доносъ, что Муравьевъ находится въ очень близкихъ сношеніяхъ съ декабристами. Не знаю, требовались ли отъ Муравьева объясненія, или доносъ просто не понравился въ Петербургѣ, но Пятницкій былъ неожиданно уволенъ отъ службы. Черезъ нѣсколько времени, вѣроятно, по чьему нибудь ходатайству, послѣдовало повелѣніе—считать его уволеннымъ по прошенію; но вслѣдъ затѣмъ вышло новое и уже окончательное повелѣніе: считать его отрѣшеннымъ отъ службы.

Преемникомъ Руперта былъ назначенъ тульскій губернаторъ Николай Николаевичъ Муравьевъ.

Задолго до его пріѣзда въ городѣ носились очень выгодные для него слухи. Говорили, что онъ человѣкъ еще молодой, но чрезвычайно дѣятельный, справедливый и строгій. Многіе изъ уцѣлѣвшихъ отъ ревизіи Толстаго повѣсили носы; но вообще населеніе радовалось, что наконецъ у него будетъ хорошій правитель.

Муравьевъ пріѣхалъ въ Иркутскъ ночью, кажется, на 12-е или 13-е марта 1848 года. На другой же день, въ 10-ть часовъ утра, на-

значенъ былъ общій пріемъ. Я тогда служилъ уже въ коммиссаріатской коммиссіи; мой начальникъ, баронъ Э. Е. Сильвергельмъ, пригласилъ меня ѣхать съ нимъ на пріемъ. Къ 10-ти часамъ генералъ-губернаторская зала была уже полна. Военныхъ въ то время было еще немного; всѣ они стояли у стѣны къ Ангарѣ, старшіе, разумѣется, впереди. Къ служащимъ въ военномъ вѣдомствѣ примкнулъ и я. Остальная часть залы была наполнена гражданскими чиновниками до столоначальниковъ главнаго управленія включительно. Впрочемъ и гражданскихъ чиновниковъ тогда было гораздо меньше нынѣшняго. Купечество, дума и цехи собрались въ гостиной.

Вышелъ адъютантъ генералъ-губернатора, его родственникъ и однофамилецъ, повертѣлся въ залѣ, поговорилъ кое съ кѣмъ и скрылся.

Черезъ минуту растворились двери и появился человѣкъ невысокаго роста, съ краснымъ, одутловатымъ и моложавымъ лицомъ, съ курчавыми свѣтлорусыми, слегка рыжеватыми волосами. На немъ былъ общій армейскій мундиръ; лѣвая рука, раненая при штурмѣ Ахульго, висѣла на перевязи (это было особаго рода франтовство, потому что впослѣдствіи Муравьевъ одинаково свободно размахивалъ обѣими руками).

Началась длинная процедура представленія ординарцевъ. Затѣмъ бригадный генералъ Щетининъ сталъ представлять военныхъ. Онъ видимо робѣлъ, говорилъ вполголоса и даже путался; у моего барона, напримѣръ, пропустилъ титулъ. Муравьевъ переходилъ отъ одного представляемаго къ другому молча, не кланяясь и никому не подавая руки. Только при представленіи бригаднаго адъютанта онъ спросилъ Щетинина: «вашъ адъютантъ?».

Муравьевъ быстро обошелъ первый рядъ старшихъ военныхъ. Пришла очередь гражданскихъ. Муравьевъ сухо принялъ почетный рапортъ отъ предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ главнаго управленія Пятницкаго и началъ, также молча, обходить первый гражданскій рядъ. Я взглянулъ на моего бывшаго начальника Н. Е. Тюменцева: онъ стоялъ красный, какъ ракъ. Муравьевъ и его прошелъ молча, хоть онъ былъ одно изъ важнѣйшихъ лицъ мѣстнаго управленія.

Обойдя главныхъ гражданскихъ чиновниковъ, Муравьевъ быстро направился въ сосѣднюю комнату, принялъ отъ городскаго общества хлѣбъ-соль и тотчасъ же возвратился въ залу. Въ толпѣ нельзя было разсмотрѣть, кто ему представлялся и не было слыш-

но, говорилъ ли онъ что нибудь. Затѣмъ онъ раскланялся и скрылся. Весь пріемъ продолжался минутъ двадцать.

Тотчасъ послѣ его ухода, въ залу возвратился адъютантъ и объявилъ, что генералъ-губернаторъ приглашаетъ начальниковъ отдѣленія остаться.

„Пріемъ былъ важный, серьезный и оставилъ во всѣхъ непріятное впечатлѣніе»,—отмѣчаетъ Тюменцевъ въ своемъ дневникѣ. Муравьевъ, когда хотѣлъ, былъ обворожителенъ; но на этотъ разъ, онъ, повидимому, не захотѣлъ быть любезнымъ и въ частной бесѣдѣ, для которой, въ числѣ другихъ начальниковъ отдѣленій, оставался у него и Тюменцевъ.

Мнѣ, новичку въ генералъ-губернаторскихъ пріемахъ, мало было дѣла до общаго впечатлѣнія. Меня занимала только личность Муравьева: по своей моложавости и юркости она составляла совершенный контрастъ съ личностью Руперта. Муравьевъ скорѣе походилъ на только-что испеченнаго прапорщика, чѣмъ на генералъ-губернатора.

Вечеромъ, въ разныхъ мѣстахъ, стали собираться кружки, комментировать пріемъ и передавать его подробности. Разсказывали, между прочимъ, что одинъ изъ самыхъ бойкихъ рупертовскихъ чиновниковъ по порученіямъ и чуть ли не самый вліятельный по своимъ связямъ, Да—нъ, до того растерялся, что на какой-то вопросъ Муравьева отвѣчалъ совершенною нелѣпостью. Но особенно занимала всѣхъ исторія съ Мангазеевымъ.

Мангазеевъ былъ столоначальникомъ золотаго стола въ горномъ отдѣленіи. Кромѣ общаго всѣмъ тогдашнимъ чиновникамъ взяточничества, онъ придумалъ себѣ спеціальное ремесло: онъ указывалъ разнымъ лицамъ выгодные казенные остатки отъ пріисковъ и помогалъ имъ оттягивать эти остатки у другихъ претендентовъ. Такого рода услуги онъ оказывалъ, между прочимъ, и К° Безобразова, Танеева и Орлова, во время пребыванія въ Иркутскѣ М. А. Б—ова. Онъ надѣялся выслужиться предъ ревизорами, но едва ли не эта услужливость и повредила ему.—Стою,—разсказывалъ потомъ Мангазеевъ:—а возлѣ меня стоитъ С—скій. Онъ и моложе меня по службѣ, и завѣдывалъ-то всего только солянымъ столомъ. Представляютъ его Муравьеву. — «Я такъ много слышалъ объ васъ хорошаго» — и пошла писать: разсыпался въ комплиментахъ. Потомъ вдругъ спрашиваетъ:—«А гдѣ же Мангазеевъ?» — Ну, думаю, если ужъ С—скаго такъ расхвалилъ, то

меня просто расцѣлуетъ. Кланяюсь.—«Я надѣюсь, что вы не станете со мной служить».—Вотъ тебѣ и похвала!

Но Мангазееву нельзя было выйдти въ отставку: онъ принадлежалъ горному вѣдомству, и служба была для него обязательна. Доложили объ этомъ Муравьеву.—«Такъ пусть возьметъ медицинское свидѣтельство».—Мангазеевъ былъ здоровъ, какъ быкъ. По приказанію блюстителя законности въ краѣ, врачебная управа выдала Мангазееву ложное свидѣтельство. Это вызвало новые толки. Но какова бы ни была форма увольненія Мангазеева,— увольненіе это было совершенно справедливо и необходимо.

Такъ началось управленіе Муравьева. Появились новые люди, пошли новые порядки. Рупертовское время кануло въ вѣчность.

В. Вагинъ.

Глазковское предмѣстье.
25-го іюня 1884 года.

ОЛЕКМИНСКАЯ КАЛИФОРНІЯ.

(Изъ путешествія на Олекминскіе пріиски).

Отъѣздъ изъ Иркутска.—Лена.—Верхоленскъ.—Лѣсные пожары (палы).—Киренскъ.—Компанейскій пароходъ «Работникъ».—Ленскія щеки.—Витимъ.—Побережныя села.—Парижъ и Лондонъ.—Исправникъ и почтовый ямщикъ-гребецъ.—Мачинскія резиденціи.—Встрѣча.—Предстоящій путь.—Выѣздъ въ тайгу.—На вершинѣ Яблоноваго хребта.—Лошадь-утошникъ.—Способъ охоты на ней.—Зимовье.—Зимовщикъ-тунгусъ. —Тайга.—Бѣглые поселенцы-рабочіе.—Причины побѣговъ.—Рѣдкіе случаи грабежа.—Пріисковая почта.—Мой чичероне-конюхъ.—Заброшенные промысла.—Горный исправникъ на волокушѣ.—У цѣли путешествія.—Уполномоченный по дѣламъ компаніи братьевъ Т—хъ.—Пріискъ «Вознесенскій».—Краткая исторія его.—Фирма Т—хъ и популярность ея въ тайгѣ.

Въ маѣ 18.. года я выѣхалъ изъ Иркутска на золотые промысла системы рѣки Олекмы.

Предстоявшій мнѣ путь измѣрялся болѣе чѣмъ 2,000-мъ разстояніемъ и шелъ по такъ называемому якутскому тракту, чрезъ Верхоленскъ, Киренскъ до Мачинскихъ резиденцій (верстахъ въ двухъ стахъ отъ Олекминска). Взглянувъ съ вершины „Веселой горы" на Иркутскъ, виднѣвшійся гдѣ-то вдали, въ глубокой котловинѣ, опоясанный широкой лентой Верхней Тунгузки (Ангары), мы быстро опустились къ станціи „Хомутовой" *), отъ которой началась обычная ѣзда на изморенныхъ тройкахъ, остановки на почтовыхъ станціяхъ, съ ихъ неизбѣжными смотрителями, ямщиками и т. п. дорожными неудобствами пути, въ странѣ, еще не культивированной гремящими поѣздами желѣзныхъ дорогъ.

*) Первая станція отъ Иркутска по тракту на Якутскъ.

Разбросанные направо и налѣво лѣтники и зимники „братскихъ“ (ясачныхъ бурятъ) свидѣтельствовали о нашемъ поступательномъ движенiи на сѣверъ. На второй день показалось „Жигалово“, первая станцiя на Ленѣ, гдѣ лошади смѣнились почтовыми лодками. Вотъ и величественнѣйшая изъ сибирскихъ рѣкъ, широкимъ, могучимъ напоромъ пробившая себѣ сквозь горы, дебри огромныя снѣжныя равнины, путь къ великому океану сѣвера. Вода, благодаря половодiю, неудержимо стремится впередъ. Неуклюжiе пàвозки, нагруженные всевозможными товарами, тянутся одинъ за однимъ къ низовью *). Въ вечерней тишинѣ ясно раздаются всплескъ веселъ и выкрики рабочихъ.

Пересаживаемся на лодки. До Киренска намъ предстояло около пяти дней пути. Плывемъ день и ночь.

Небольшой городъ Верхоленскъ уже остался позади, произведя впечатлѣнiе чего-то сѣренькаго, непривѣтливаго. По побережью протянулся густой сосновый лѣсъ, тамъ и сямъ выглянули лѣпящiяся по крутизнѣ, разбросанныя по низменности постройки сибирскаго крестьянина.

Роскошный, свѣтлый день. Деревни, села съ бѣлѣющимися фасадами церквей, черными амбразурами оконъ, покрытыхъ желѣзными переплетами, золоченые кресты куполовъ, зеркальная поверхность многоводной Лены, почтовыя лодки съ своимъ просмоленнымъ, парусиннымъ верхомъ, барка, поднимающаяся на бичевѣ вверхъ по рѣкѣ,—все залито яркими, блещущими лучами майскаго солнца.

Ночь... Картина мѣняется. Впереди видно зарево... Усиливающiйся вѣтеръ нагоняетъ на насъ обрывки дыма: слышенъ запахъ гари, отдаленный шумъ, трескъ и гулъ. Ближе и ближе, слышнѣе и слышнѣе. Огонь, переходя съ вѣтви на вѣтвь, съ дерева на дерево, быстро идетъ намъ навстрѣчу. Кровавый свѣтъ зарева яснѣе и яснѣе... Еще полчаса, и глазамъ открывается грандiозное зрѣлище: могучiй лѣсъ скрипитъ и стонетъ подъ напоромъ страшнаго неумолимаго врага, черные клубы дыма взлетаютъ кверху, разрѣшаясь въ воздухѣ мирiадами искръ,—огонь безпощадно ведетъ свое разрушающее дѣло
. .

*) Совершая, каждый годъ, огромный водный путь отъ верховьевъ Лены и доходя до Олекминска и Якутска, они представляютъ собой до нѣкоторой степени цѣлые пловучiе магазины и ведутъ дѣятельную торговлю съ побережными ленскими деревнями, селами и городами.

Лѣсные пожары здѣсь часты и громадны. Палы, истребляя въ огромномъ количествѣ лѣса, нерѣдко, при большомъ вѣтрѣ, доходятъ до селеній, и захваченные врасплохъ, жертвы часто своей же неосторожности и безпечности, крестьяне бѣгутъ передъ грозной бѣдой, отдавая въ добычу пламени и свои дома, и свой скотъ.

Наконецъ, мы выбрались изъ сферы огня, будучи впродолженіе трехъ дней свидѣтелями не прекращающейся печальной картины истребленія.

Ширина рѣки замѣтно увеличивается, теченіе слабѣетъ. Вотъ и Киренскъ.

На противоположной сторонѣ, у пристани, дымится готовящійся къ отходу пароходъ „Работникъ". При первыхъ утреннихъ лучахъ мы уже ѣдемъ на всѣхъ парахъ по теченію, ведя за собой на буксирѣ двѣ нагруженныя баржи. Предстоитъ пройдти такъ называемыя Ленскія щеки, образуемыя подходящими къ самой рѣкѣ горами. Вода, врываясь въ ущелье, шумитъ и бурлитъ, глухо отдаваясь въ скалахъ. По бокамъ высятся каменныя громады, футовъ въ 90 высоты, отвѣсно спускающіяся къ Ленѣ, которая въ нѣсколькихъ мѣстахъ круто, почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ въ стороны, представляя далеко небезопасный проходъ тяжелымъ, глубоко-сидящимъ въ водѣ баржамъ. Кажется порой, вотъ, вотъ онѣ налетятъ на исполинскій утесъ и разобьются въ щепки, но пароходъ искусно лавируетъ, и надо дивиться только опытности, знанію, хладнокровію, съ какими старые, бывалые лоцмана ведутъ свое трудное дѣло.

Верстахъ въ трехъ стахъ широкой, бурной струей вливается въ Лену одинъ изъ ея главныхъ притоковъ, быстрый Витимъ. По берегу протянулось большое Витимское село, играющее такую видную роль въ жизни промысловаго рабочаго. Тутъ же, невдалекѣ, двѣ почтовыя станціи, носящія названія: „Парижа" и „Лондона".

Поводомъ къ такому оригинальному, не лишенному нѣкоторой доли ироніи, прозвищу послужила, вѣроятно, страстишка, питаемая жителями этихъ селеній ко всевозможнымъ нарядамъ, вечеркамъ, посидѣлкамъ и т. п. увеселеніямъ, причемъ, не занимаясь въ большинствѣ ни хлѣбопашествомъ, ни обычными въ крестьянскомъ быту работами, они, какъ передаетъ молва, добываютъ средства не совсѣмъ чистымъ путемъ, живя на счетъ опаиваемаго и обираемаго пріисковаго люда.

Разсказываютъ, что мѣстный исправникъ, какъ-то проѣздомъ, остановился на одной изъ этихъ станцій. Уступая усиленнымъ прось-

бамъ, онъ принялъ приглашеніе на вечеръ, дѣлаемый какимъ-то богатымъ поселенцемъ. Вечеръ былъ на славу. Расфранченные, напомаженные, накрахмаленные кавалеры и дамы лихо отплясывали подъ звуки доморощеннаго оркестра лянсье, кадрили и т. п.

На другой день, когда исправникъ садился въ лодку для дальнѣйшаго слѣдованія, физіономія одного изъ почтовыхъ ямщиковъ-гребцовъ показалась ему очень знакомой.

— Гдѣ это, братецъ, я тебя видѣлъ?... Никакъ не могу припомнить,—спрашиваетъ онъ.

— А мы съ вашимъ высокоблагородіемъ вечорась французскую кадриль визави танцовали,—отвѣчалъ, улыбаясь, молодой, красивый парень.

До Мачи остается не болѣе полутораста верстъ... Еще восемь часовъ пути, и мы на мѣстѣ...

Вотъ показались первыя постройки резиденціи... По побережью раскинулись жилыя помѣщенія служащихъ и длинные, мрачные амбары, магазины, кладовыя...

На пароходѣ все полно ожиданіемъ. Матросы сбросили свои дорожные, закопченые армяки и облеклись въ чистыя, матросскія куртки, немногочисленные пассажиры высыпали на палубу, на мачтѣ взвился флагъ, съ вышитыми по голубому полю буквами: „Бр. Т—хъ"...

Навстрѣчу прошелъ, тяжело пыхтя и шумя громадными колесами, большой двухтрубный пароходъ „Иннокентій", принадлежащій компаніи ленско-витимскаго товарищества. Съ берега прогремѣлъ привѣтственный выстрѣлъ, громко пронесясь надъ окрестностью. „Работникъ" отвѣтилъ долгимъ пронзительнымъ свистомъ и тихо подошелъ къ пристани....

Такъ какъ мое путешествіе еще не кончалось, и отъ цѣли поѣздки я былъ отдѣленъ 400-верстнымъ разстояніемъ, то первой моей мыслью, послѣ обычныхъ разспросовъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ, было разузнать о дорогѣ и о способахъ путешествія... Одинъ изъ служащихъ, оказавшійся человѣкомъ бывалымъ, любезно вызвался сообщить мнѣ обо всемъ, интересовавшемъ меня. Оказалось, что предстоящій мнѣ путь приходилось совершить верхомъ по вьючной дорогѣ, или, вѣрнѣе, тропѣ, проложенной гдѣ пришлось, гдѣ представлялась малѣйшая возможность движенію лошади, чрезъ горы, гати, топи, съ постоянными переправами черезъ горныя рѣченки, въ это время года обыкновенно сильно бушевавшія.

Повинуясь естественному желанію быть скорѣе на мѣстѣ, я на

другой день, сопровождаемый конюхомъ, выѣхалъ въ тайгу. Дорога, извиваясь, скользила то по покатостямъ небольшихъ возвышенностей, то шла по краю неглубокаго оврага, то забиралась въ самую сердцевину густаго перелѣска и, черезъ полчаса, снова выползала на открытую мѣстность, идя по равнинѣ.

Направо и налѣво начинался сосновый боръ; впереди, освѣщенныя лучами утренняго солнца, въ чистомъ воздухѣ высились безконечныя вершины Яблоноваго хребта. Чѣмъ дальше мы удалялись отъ рѣки, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе чувствовался зной, неумѣряемый уже присутствіемъ воды. Часа черезъ четыре пришлось подыматься по порядочной кручѣ въ гору. Привычныя къ подобному пути пріисковыя лошади смѣлой, твердой поступью взбирались съ камня на камень, ни разу не останавливаясь. Вотъ и вершина. Лучи солнца, нещадно палящіе внизу, какъ бы ослабѣли, разгоняемые небольшимъ, освѣжающимъ вѣтеркомъ. Останавливаешься, жадно втягивая въ себя горный воздухъ, и обводишь глазами окрестность. Видъ грандіозный, поражающій! Сердце бьется сильно, сильно; стоишь какъ будто на самой высшей точкѣ, какъ будто царишь надъ всѣмъ окружающимъ. Впереди, направо, налѣво, со всѣхъ сторонъ — горы, огромныя долины извиваются между ними, тамъ блеститъ серебряной лентой бурливая рѣченка, то огибая нависшую надъ ней скалу, то вступая въ отлогости и исчезая за сосѣдней горой. Тропинка, по которой мы ѣдемъ, видна лишь передъ глазами; въ ста саженяхъ она уже затерялась среди словно рукой титана нагроможденныхъ другъ на друга камней; надъ головой опрокинулось свѣтло-голубымъ куполомъ необъятное небо, яркое солнце обливаетъ блещущими, сверкающими лучами всю окрестность, вплоть до синѣющей, глубокой дали съ ея едва замѣтными, слабыми, дрожащими очертаніями. Вокругъ ни души... тихо... тихо... Коршунъ, почти не шевеля крыльями, плавно несется высоко въ воздухѣ, и при этой тишинѣ природы еще величественнѣе кажется чудная панорама!..

Насладившись зрѣлищемъ, спускаемся съ горы. Съ каждымъ шагомъ круче и круче. Изъ боязни перелетѣть черезъ голову, въ случаѣ, если лошадь споткнется, крѣпко затягиваешь поводья.

Лошадь мотаетъ головой.

— Да ты брось поводья-то! лучше будетъ. Ужъ она сама знаетъ, не бойсь, бережно спуститъ... Конь смирный, недаромъ утошникомъ прозывается!—замѣчаетъ мой провожатый, безпечно сидя

какъ-то бокомъ на сѣдлѣ, свѣсивъ ногу и запаливая широчайшую трубку.

— Что это за утошникъ?—спрашиваю я.

— Да лошадь-то!.. Про нее говорю.

— Отчего же она прозвана утошникомъ?

— А потому самому, что на утокъ съ ней ходить повадно. Что твоя собака!..

Я поинтересовался узнать, какую помощь можетъ оказать лошадь въ такомъ, повидимому, вовсе нелошадиномъ дѣлѣ.

— Да вотъ, примѣрно, ты охотникъ, любишь, значитъ, эту самую охоту... ну, взялъ, осѣдлалъ ее да и поѣхалъ, гдѣ утокъ прорва. У насъ есть такія мѣста. Подъѣхалъ этта къ берегу, слѣзъ да и идешь сзади ея, значитъ за лошадью, ружье наготовѣ. Она идетъ тожъ, траву пощипываетъ, уткамъ-то и не вдомекъ,—думаютъ конь какъ конь, чего его пужаться?—и не летятъ. Какъ намѣтилъ себѣ позицію, ну, и стопъ! сичасъ, значитъ, клади смѣло ей ружье на спину, аль подъ брюхомъ присядь, да и вали прямо въ кучу; она то-исть не шелохнетъ... не уйдетъ никуда и утокъ не напужаетъ... Выходитъ скотина, скотина, а понимаетъ, что тебѣ надо! да и приспособлены же къ этому дѣлу!—заключилъ онъ, сильно сплюнувъ.

Я поглядѣлъ на моего утошника, какъ бы желая убѣдиться въ справедливости всего сказаннаго о немъ. Кудлатая, небольшая лошаденка дѣйствительно бережно спускала меня съ горы въ равнину. Еще верстъ 7, и мы на станціи. Не смотря на болѣе тридцативерстный переходъ, усталость, чувствуемую и отъ духоты, и отъ жесткаго казачьяго сѣдла, въ силу новизны своего положенія, на зимовье я пріѣхалъ сравнительно бодрымъ. Изба съ отдѣленіями для служащихъ и рабочихъ и примыкающими къ ней навѣсами для лошадей представляла мало утѣшительнаго. Закопченыя стѣны, всюду грязь, нечистота, полуразвалившіяся нары, мѣстами выбитыя стекла и вездѣ выцарапанныя ножемъ надписи, предупреждающія о безчисленныхъ паразитахъ, кишащихъ по всѣмъ угламъ,—вотъ характерные признаки разбросанныхъ по пути такъ называемыхъ станцій, ночлегами которыхъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго, volens-nolens, приходится пользоваться.

Зимовщикъ, пожилой, нѣсколько обрусѣвшій тунгузъ. Охота на козулю, бѣлку, лисицу, разнаго рода дичь—его обыкновенное лѣтнее занятіе. Нерѣдко въ своихъ странствованіяхъ по горамъ и лѣсамъ ему приходится наталкиваться на медвѣдя, съ которымъ при-

вычной звѣроловъ смѣло вступаетъ въ бой, и кладетъ его выстрѣломъ своей мѣткой винтовки.

Останавливаемся, кормимъ лошадей и рано утромъ снова пускаемся въ путь.

День, какъ и вчера, превосходный. Утреннее солнце не жжётъ, вѣтерокъ такъ ласково, такъ пріятно щекотитъ лице. Усталость за ночь прошла, ѣдешь бодро, весело всматриваясь въ окружающее. Виды тѣ же. Та же безконечная вереница протянувшихся горъ, тотъ же лѣсъ, темнѣющій своей густотой. Наступаетъ настоящая тайга. Вѣтерокъ все тише, тише и замолкъ совсѣмъ; солнце опять засіяло полнымъ полуденнымъ блескомъ, снова зажгло голову, накалило воздухъ. Становится душно, томитъ жажда. Вокругъ ни рѣченки, ни озера, ни капли воды, однѣ лишь каменистыя горы, по которымъ звонко отдается стукъ лошадиныхъ копытъ. Появились оводы, шмели, и тучами закружились надъ лошадьми. Бѣдныя животныя на ходу безпрестанно обмахиваются хвостомъ, вздрагиваютъ всѣмъ тѣломъ отъ укуса, бьютъ задними ногами по брюху, желая согнать впивающихся въ тѣло враговъ. Напрасно! На смѣну однихъ являются другіе, тамъ и сямъ на шеѣ, на мордѣ, показалась уже кровь.

— Экая погань!—ворчитъ конюхъ, обмахивая своего сѣрко:— и откуда берется ихъ эка пропасть? залѣпили коня-то совсѣмъ!

Дорога вступаетъ на обветшалую гать, брошенную по болоту. Полусгнившія доски хлябаютъ подъ ногами, мѣстами ихъ и совсѣмъ нѣтъ, и лошадь по брюхо вязнетъ въ липкой, непересыхающей грязи, поминутно спотыкаясь. Ѣзда по гатямъ, которыхъ, къ сожалѣнію, немало на пути, самая гадкая, самая несносная. Привычныя лошади, спокойно поднимающіяся и спускающіяся по кручамъ, здѣсь то и дѣло проваливаются, рискуя сломать ноги. Выѣхали на твердую землю и вздохнули. Въ сторонѣ, шагахъ въ 10-ти отъ дороги, нѣсколько поселенцевъ, рабочихъ, расположились на отдыхъ. Небольшой, неизбѣжный во всякое время дня и ночи, костеръ тухнетъ, догорая. При нашемъ приближеніи они встаютъ и молча отвѣшиваютъ поклоны.

— Милый человѣкъ, дай-ка уголекъ, трубка, прахъ ее возьми, гаснетъ все!—говоритъ конюхъ, останавливая свою лошадь, съ которой обильно льется потъ.

Рабочій подаетъ горящій уголь.

— Спасибо, другъ!—Съ какого пріиска будете?

— Баснина и Катышевцева!—отвѣчаютъ.

— Такъ. А теперь-то куда?

— На Лену.

Двигаемся впередъ.

— Что это за люди?—спрашиваю.

— Да бѣглые.

— Какъ бѣглые?..

— Да, бѣглые съ пріиска. Не показалось знать. Становой, аль смотрителя худы, забижаютъ, вотъ и бросили пріискъ, да и идутъ либо къ другому хозяину, либо на Мачу, а оттоль на Витимъ.

— Да развѣ ихъ не ловятъ, не задерживаютъ?

— Да чего ихъ ловить-то?... Слови, а онъ опять убѣжитъ. Возня одна. Отрядные *), которыхъ и имаютъ (т. е. ловятъ), да проку мало,—либо въ больницѣ лежатъ, либо опять бѣгутъ,—такъ рукой и махнутъ. И то правда: задумалъ что нашъ братъ, безпремѣнно сдѣлаетъ, да и пословица живетъ: насильно милъ никто не бываетъ.

— А они дорогой не пошаливаютъ?

— Богъ милостивъ, ничего не слышно! Который годъ по здѣшнимъ мѣстамъ ѣзжу, а не слыхалъ. Да и гдѣ имъ! Сами-то отъ людей хоронятся, чтобъ какъ ненарокомъ не изловили. Нѣтъ, что̀ неправду говорить, пока что смирно.

Я удивился.

Масса рабочихъ каждый годъ, при наступленіи лѣтняго сезона, получивъ при наймѣ задатки, — кто по лѣности, кто испуганный тяжелой работой, кто не уживаясь съ лицами, власть имущими,— бѣжитъ съ пріисковъ, переходя отъ одного владѣльца къ другому. На каждой станціи встрѣчаются оборванныя, суровыя, мрачныя лица поселенцевъ.

Дикая мѣстность, огромное разстояніе отъ зимовьевъ, безоружность служащихъ, часто для пріисковыхъ надобностей перевозящихъ по тайгѣ большія суммы,—все, казалось бы, покровительствовало грабежу, а между тѣмъ случаи какого бы то ни было насилія необыкновенно рѣдки, почти не слышны.

Что причиной подобнаго явленія? Личная ли трусость, являющаяся какъ результатъ того подавленнаго, находящагося подъ вѣчнымъ страхомъ и гнётомъ положенія, въ какое поставленъ рабочій поселенецъ, нежеланіе ли однимъ проступкомъ навлечь на себя серьёзную кару и тѣмъ нарушить свое спокойное, сравни-

*) Начальники отряда казаковъ.

тельно, бродяжничество съ мѣста на мѣсто, такъ излюбленное многими,—неизвѣстно, но только фактъ дѣйствительно существуетъ.

Слышенъ гдѣ-то впереди неопредѣленный шумъ. Ближе и ближе...

Штукъ 15 вьючныхъ лошадей, увѣшанныхъ шеркунцами, колокольчиками, бубенцами, двигается навстрѣчу. Два дюжихъ конюха въ новыхъ съ загнутыми за кушакъ углами азямахъ и мѣховыхъ шапкахъ сопровождаютъ этотъ нестерпимо звенящій на всемъ пути поѣздъ пріисковой почты.

Пріѣхали на зимовье. Отдыхъ, кормёжка, снова дорога, зимовье и такъ впродолженіе шести томительныхъ дней. Остается еще одинъ тридцати-верстный переходъ, и я у цѣли путешествія.

По обыкновенію, рано утромъ уже въ пути. Около часа должны быть на мѣстѣ, если счетъ моего провожатаго относительно разстоянія вѣренъ, хотя, по поговоркѣ, версты здѣсь: «баба мѣрила клюкой, да махнула рукой». Мой чичероне попрежнему покоенъ, флегматиченъ, ни палящій зной, ни отвратительная дорога, ничто не возбуждаетъ съ его стороны ни малѣйшаго протеста. Загорѣлое лице, съ щетинистыми усами, придающими выраженію что-то солдатское—просто и сурово. Какъ истый конюхъ, онъ гораздо больше заботится о лошадяхъ, чѣмъ о себѣ.

Ѣдемъ, постоянно подымаясь въ горы и спускаясь въ долины; какую-то, ничтожную въ концѣ лѣта, а теперь разбушевавшуюся рѣченку съ трудомъ перешли вбродъ. Попались заброшенные, промытые пріиски съ чернѣющими остатками полуразвалившихся построекъ. Дома еще крѣпки, но стекла въ жилыхъ помѣщеніяхъ выбиты, тамъ повалилось крыльцо, здѣсь огромныя двери хлѣбнаго амбара еле держатся на сорванныхъ петляхъ. Кругомъ ни души, какъ будто все живое вымерло; въ сторонѣ высятся огромные торфяные и галечные отвалы.

На длинной волокушѣ *) протащили какое-то чиновное лицо, должно быть, горнаго исправника. Два казака трусятъ вслѣдъ на поджарыхъ лошаденкахъ. Тропинка круто поворачиваетъ въ сторону. Миновали, выдавшуюся мысомъ, часть скалы, и предъ нашими глазами представилась обширная долина. Въ глубинѣ, бѣлѣя

*) Второй видъ экипажа, употребляемаго по таёжнымъ дорогамъ. Въ оглобли въ три сажени длиною впрягается лошадь. Противоположные концы ихъ (съ устроеннымъ на срединѣ мѣстомъ) тащатся, волочатся по землѣ. Отсюда и самое названіе.

на солнцѣ своими мазанками, виднѣется Вознесенскій пріискъ. Еще полчаса, и мы подъѣзжаемъ къ дому управляющаго.

Маленькій, тщедушный человѣчекъ, съ крошечными, бѣгающими глазками, съ жиденькой, неопредѣленнаго цвѣта бородкой на загорѣломъ лицѣ, въ поношенномъ, коричневомъ, выцвѣтшемъ пальто и большихъ, неуклюжихъ, кунгурскихъ сапогахъ, оказывается главнымъ уполномоченнымъ по всѣмъ промысловымъ дѣламъ братьевъ Т—хъ.

Послѣ обычныхъ разспросовъ, мнѣ отвели помѣщеніе, и на другой день я уже проснулся почти своимъ человѣкомъ среди новой для меня окружающей обстановки.

Вознесенскій пріискъ считается однимъ изъ старинныхъ въ тайгѣ. Къ нынѣшнимъ владѣльцамъ перешелъ онъ послѣ смерти ихъ отца потомственнаго почетнаго гражданина К. П. Т—ва, давно поселившагося въ Сибири и занявшагося золотопромышленностью, благодаря искони прославленнымъ богатствамъ страны и общей маніи, господствующей и до сей поры къ этому чрезвычайно выгодному предпріятію. Пріискъ оказался очень богатымъ по содержанію, дальнѣйшія раскопки открывали еще болѣе золота, что впослѣдствіи позволило, путемъ энергическихъ развѣдокъ, открыть въ разстояніи тридцати верстъ, по рѣчкѣ Угаханъ, другой, названный въ честь старика «Константиновскимъ».

Въ данную минуту фирма Бр. Т—хъ извѣстна почти всей Сибири, а въ системѣ рѣки Олекмы дѣло ихъ пользуется популярностью, какъ обставленное въ матеріальномъ отношеніи, сравнительно, лучше всѣхъ другихъ.

Прослѣжу вмѣстѣ съ интересующимся читателемъ эту дѣятельность въ различные моменты ея проявленія.

II.

Картина пріиска.—Съемка золота.—Вольная каторга.—Пріисковыя помѣщенія: дома служащихъ, казармы рабочихъ.—Незатѣйливая пища.—Случай голоданія.—Владѣльцы и рабочіе.—Мысли, навѣянныя тяжелымъ положеніемъ рабочаго люда.—10-е сентября, день разсчета.—Что причиной наплыва рабочихъ на промысла.—Безотрадность, унылость пріисковой жизни.—Лѣто, осень и зима въ тайгѣ.—Карты, пьянство, оргіи.—Торговля спиртомъ.—Случаи сбыванія запрещеннаго товара.—Дѣло съ рубашками.—Просто открываемый ларчикъ.—Отсутствіе всякихъ экономическихъ началъ среди рабочихъ.—Сцены въ золотопріемной конторѣ. — Во время промывки на пріискѣ. — Явленія отрицательныя и положительныя. —Артели рабочихъ. — Цѣль оправдываетъ средства.—Выходъ съ промысловъ.—Витимъ, съ его притонами грязи, разврата и преступленія.—Дикій разгулъ.—Обнищалая жертва.—Лена весной.—Молчаливые трупы.—Непроглядная ночь сибирскихъ захолустій.—Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Въ разрѣзѣ, гдѣ разработываютъ пески, до семисотъ рабочихъ... Тутъ и плечистая, высокая фигура поселенца, приземистяя фигура сибиряка, и широкое, скуластое, съ маленькими глазками, блестящими бѣлыми зубами, безусое безбородое лице тунгуса или якута, и красивый кавказскій профиль черкеса, обрамленный черной бородой, съ его черными выразительными, хотя и суровыми глазами, и татаринъ въ своей мурмолкѣ на бритой, вспотѣвшей головѣ и длинный, сухощавый, простоватый бѣлорусъ... Крики рабочихъ, громко отдаваемыя приказанія служащихъ, шумъ воды, грохотъ быстровертящагося барабана, стукъ копытъ и колесъ о помостъ машины,—все сливается въ одинъ общій гулъ и стоитъ надъ окрестностью.

Но вотъ наступаетъ урочная пора утренняго снятія намытаго золота и обѣденный часъ рабочихъ. Вода остановлена, барабанъ инерціей повернулся еще разъ... два, глухо прошумѣвъ землей, каменьями, и стихъ... Таратайки остановились, тамъ и сямъ раздалось громкое лошадиное ржаніе, въ забояхъ тяжелыя кайлы опустились уже въ уставшихъ рукахъ покрытаго пòтомъ поселенца, шумъ и гамъ смолкли, работа прервалась для 2-хъ-часоваго отдыха.

Начинается съемка золота. Въ присутствіи становаго, золотопріемщика, смотрителей машины, разрѣза и 2-хъ казаковъ, небольшими деревянными лопатками снимаютъ темноватую массу золотоноснаго песку вмѣстѣ съ приставшей къ нему грязью и

кладутъ на важгерты, гдѣ снова начинается уже окончательная чистой водой тщательная промывка его особенными щетками.

Когда все готово и на бѣлыхъ доскахъ важгерта блеститъ чистый, безъ всякихъ примѣсей, видимыхъ для глаза, золотой песокъ,—его собираютъ, заключаютъ въ желѣзную банку, запираютъ на замокъ, накладываютъ восковую печать и несутъ въ сопровожденіи казаковъ въ золотопріемную контору, гдѣ взвѣшиваютъ, снова запираютъ въ крѣпкій, желѣзный, кованый сундукъ и вновь печатаютъ.

Процессъ съемки кончился. Народъ гурьбой повалилъ къ казармамъ, отстоящимъ отъ разрѣза версты на полторы, и начался дѣятельный процессъ насыщенія тощихъ, голодныхъ желудковъ. Благодаря неустанному семичасовому труду, аппетитъ у всѣхъ рѣшительно волчій. Въ это время весь пріискъ, насчитывающій порой болѣе тысячи ртовъ, усиленно жуетъ и дробитъ зубами часто крайне скудную, малопитательную пищу.

Обѣдъ отошелъ. Вставши рано, при первыхъ солнечныхъ лучахъ, рабочій сладко потягивается на грязныхъ нарахъ въ своемъ огромномъ сквозномъ балаганѣ; желаніе отдохнуть такъ законно, такъ естественно, сонъ уже летаетъ надъ его головой, смыкая глаза, уже начинаетъ рисовать передъ нимъ что-то покойное, хорошее, не имѣющее ничего общаго съ его настоящимъ положеніемъ, чувствуется такъ привольно, легко, забыта и суровая окружающая обстановка, и весь тяжелый гнетъ, чуть ли не съ колыбели тяготѣющій надъ бѣднымъ отверженцемъ, видятся знакомые образы, слышатся милые голоса, въ душѣ пробуждается что-то, напоминающее о быломъ, когда-то близкомъ сердцу, давно забытомъ, похороненномъ... какъ вдругъ рѣзкій ударъ призывнаго колокола, сразу оторвавъ отъ сладкихъ грезъ, возвращаетъ къ угрюмой, холодной дѣйствительности;—снова шумитъ машина, ползутъ таратайки, вычищенныя землей желѣзныя кайлы блестятъ въ воздухѣ, снова кипитъ работа, снова онъ въ забоѣ и подъ жгучими, палящими лучами солнца измучиваясь, обезсиливая, покрываясь пòтомъ, и подъ сѣрымъ, ненастнымъ днемъ съ его свинцовыми облаками, моросящимъ какъ изъ рѣшета, назойливымъ, пронизывающимъ до костей дождемъ, словомъ: съ ранняго утра до поздняго вечера, снова тотъ же тяжелый пятнадцати-часовой трудъ, не даромъ окрещенный рабочими мѣткимъ, характернымъ прозвищемъ „вольной каторги“.

Вознагражденіе служащихъ и рабочихъ, практикуемое на промыслахъ, общее для всей тайги системы рѣки Олекмы.

Рабочіе раздѣляются на два разряда: на надворныхъ и горныхъ. Къ первымъ относятся всѣ ремесленники: столяры, плотники, слесаря, кузнецы, портные, сапожники и т. п.; назначаемые по наряду: прислуга, баньщики, конюха, сторожа при складахъ, амбарахъ, магазинахъ и т. д. Ко вторымъ: забойщики, возчики, свальщики, разборщики и промывальщики. Непосредственнымъ начальникомъ первыхъ, дающимъ каждый день въ контору отчетъ о ихъ дѣятельности, состоитъ надворный смотритель, а вторыхъ: становой, смотрители разрѣза, машины, отваловъ торфа, гальки и другихъ мѣстъ, смотря потому, гдѣ они находятся въ извѣстный день на работѣ.

Жилыя помѣщенія на пріискахъ, отличаясь спѣшной постановкой ихъ на мѣста, говорятъ скорѣе о чемъ-то временномъ, чѣмъ постоянномъ, и не обладаютъ даже тѣми необходимыми качествами каждаго дома: тепломъ и сухостью, въ которыхъ, при доходящихъ въ тайгѣ нерѣдко до 40% морозахъ и бушующихъ мятеляхъ, чувствуется настоятельная потребность *), и если изъ ряда такихъ дурно построенныхъ, плохо проконопаченныхъ зданій нѣсколько выдѣляется, въ силу своей исключительной цѣли, пріисковая больница, то, съ другой стороны, казармы рабочихъ, напоминая своимъ внѣшнимъ видомъ обширныя конюшни, и внутри представляютъ далеко незавидное зрѣлище.

Грязный сарай съ проходомъ посерединѣ, съ нарами по бокамъ, тускло освѣщаемый высоко поднятыми отъ пола небольшими окнами, въ которыхъ закопченныя, вѣчно немытыя стекла чередуются съ бычачьимъ пузыремъ, дурно сколоченный потолокъ, черезъ который въ ненастное время обильно просачивается дождь, падая внутрь постройки и внося съ собой неизбѣжную сырость, а съ ней и всевозможныя простудныя болѣзни,—характеристическія особенности такихъ помѣщеній для рабочихъ, которые вообще держатся въ черномъ тѣлѣ. Къ казармамъ съ разныхъ сторонъ примыкаютъ бани и обширныя лѣтнія столовыя, представляющія огромный крытый навѣсъ на столбахъ со столами и скамейками. Обѣденныя порціи съ своей незатѣйливой бурдой, солониной и не всегда хорошо выпеченнымъ хлѣбомъ, какъ видно,

*) Спѣшность является, во-первыхъ, вслѣдствіе желанія какъ можно скорѣе открыть работы, а, во-вторыхъ, обусловливается и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по выработкѣ пріиска, строенія въ рѣдкихъ случаяхъ переносятъ на другія мѣста, въ большинствѣ же ихъ оставляютъ на произволъ судьбы.

не вполнѣ удовлетворяютъ здоровымъ, крѣпкимъ желудкамъ рабочаго люда.

Проходя однажды мимо такой столовой въ сумеркахъ лѣтняго дня, мнѣ пришлось наткнуться на отвратительное зрѣлище, низводящее человѣка рѣшительно до состоянія животнаго. Подъ одной изъ скамеекъ я увидѣлъ черномазаго, грязнаго, въ какихъ-то лохмотьяхъ, давно потерявшихъ всякое подобіе одежды, скуластаго тунгуса, рабочаго, который, забравшись въ полутемноту, жадно грызъ своими крѣпкими, бѣлыми зубами какую-то, очевидно, уже брошенную кость, ворча какъ собака.

Что было причиной такого страннаго явленія, какъ не желаніе удовлетворить чувствуемый голодъ?

Помню, какое непріятное, щемящее впечатлѣніе произвела на меня эта сцена!.. Она и до сихъ поръ въ памяти. Какъ могла она имѣть мѣсто тамъ, гдѣ каждый день приноситъ около пуда намытаго золота (т. е. отъ 10 до 15 тысячъ), гдѣ неустанный, тяжелый трудъ и безъ того нравственно пришибленнаго и придавленнаго люда, убивая силы, находитъ себѣ покой лишь въ могилѣ?..

И въ то время, когда хозяева этихъ отверженныхъ, холодающихъ и голодающихъ существъ, навербованныхъ умѣлыми довѣренными на эту вольную каторгу, живутъ въ городахъ магнатами, тратя громадныя суммы на содержаніе своихъ затѣйливыхъ палаццо, на цѣлыя фаланги раболѣпствующихъ холоповъ-приживалокъ, катаются на тысячныхъ рысакахъ, завернувшись въ дорогія скунсовыя шубы, — бѣднякъ-рабочій и въ темнотѣ, смрадѣ глубокихъ шахтъ и ортъ, и въ открытомъ для всякихъ непогодъ разрѣзѣ, въ большинствѣ честно ведетъ свое дѣло, не жалѣя ни спины, ни рукъ, ни здоровья въ непосильномъ 15-часовомъ трудѣ, добывая тотъ металлъ, благодаря которому льется въ мірѣ столько человѣческихъ слезъ!..

Что же въ такомъ случаѣ привлекаетъ на промысла массу рабочихъ?.. спроситъ читатель.

Во-первыхъ, на пріиска нанимается преимущественно народъ, или не имѣющій никакой осѣдлости, безхозяйственный, у котораго ни за собой, ни предъ собой ничего, или для котораго все трынъ-трава, „гдѣ ни жить—вездѣ грѣшить“—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше *).

*) «Исправный» хозяинъ-крестьянинъ никогда не нанимается на пріискъ, можетъ быть, въ силу пословицы: «лучше синица въ рукахъ, чѣмъ соколъ въ небѣ»; да и вообще между крестьянами утвердилось мнѣніе о пріискахъ и о лицахъ, нанимающихся на пріиски, какъ о чемъ-то «непутномъ», «неладномъ».

Во-вторыхъ, надо же чѣмъ нибудь заниматься, жить, питаться. Отъ крестьянскаго хозяйства отучила или тюрьма, или собственная распущенность, желаніе извѣдать иной, вольной жизни, дать свободу сдерживаемымъ страстямъ, а пріиски манятъ къ себѣ именно этой незнакомой, неизвѣданной жизнью, представляя возможность быстраго, легкаго обогащенія, дразнятъ своимъ широкимъ, буйнымъ разгуломъ, а тутъ довѣренные при наймѣ соблазняютъ выдаваемыми впередъ задатками, и роковой шагъ сдѣланъ, а разъ оторвался отъ почвы, переступилъ черезъ эту порывающую почти всѣ связи съ остальнымъ міромъ грань—и уже нѣтъ возврата. Опоры шатки, а трясина глубока и съ каждымъ днемъ все больше и больше втягиваетъ въ себя...

Положеніе служащихъ сравнительно лучше, хотя и здѣсь трехсотрублевое вознагражденіе крайне мизерно и не отвѣчаетъ тѣмъ многотруднымъ обязанностямъ, которыя несетъ на себѣ бѣднякъ—горный служащій.

Лѣтомъ, рано утромъ, онъ уже на работѣ и впродолженіе цѣлаго дня терпитъ участь, почти равносильную рабочему поселенцу. Сверху на него льетъ, пронизывая до костей, сентябрскій дождь или палитъ жгучими лучами іюньское солнце, ноги вязнутъ чуть не по колѣна въ липкой, тяжелой грязи, — измученный, усталый, пошатываясь переходитъ онъ отъ забоя къ забою, отдавая приказанія, слѣдя за ходомъ работъ.

Зимой онъ въ глубокой, пятнадцати, двадцати-саженной шахтѣ или въ холодныхъ ортахъ. Покрывшаяся льдомъ, скользкая лѣстница спускаетъ его на дно; чѣмъ ближе къ низу, тѣмъ атмосфера тяжелѣе и тяжелѣе, а сырость, стоящая въ воздухѣ, сквозь которую едва пробивается колеблющійся свѣтъ вонючаго ночника, обильно оставляетъ свои слѣды на платьѣ, на стѣнахъ шахты и разводитъ на земляномъ полу ея цѣлыя непересыхающія лужи. Нагибаясь, идетъ онъ по выбитымъ подъ землею корридорамъ; вотъ въ углу слышатся глухіе удары, блестятъ кайлы,—двое рабочихъ стоятъ у забоя. Фигуры ихъ, тускло освѣщаемыя скупымъ еле-еле мерцающимъ свѣтомъ, мрачны, сосредоточенны, суровы. Подземелье съ своимъ тяжелымъ воздухомъ положило печать изнуренія на блѣдныя испещренныя морщинами лица, глаза угрюмо смотрятъ изъ глубокихъ впадинъ, грязныя, мозолистыя руки какъ-то озлобленно поднимаютъ и опускаютъ въ воздухѣ тяжелыя кайлы, сильными ударами дробя промерзшую, съ трудомъ поддающуюся ихъ усиліямъ, твердую землю; со всѣхъ сторонъ ползутъ тачки, направ-

ляясь къ центральной бадьѣ, которая на проволочныхъ канатахъ, путемъ коннаго привода, выноситъ песокъ на поверхность; крики то слышатся вблизи, то гдѣ-то вдали, проносясь подъ сводами, замирая, исчезая въ глубинѣ длинныхъ, узкихъ коридоровъ... Надъ головой виситъ громадная масса земли, поддерживаемая деревянными стойками, и мысль, что все это можетъ рухнуть, засыпать, погребсти подъ собой живаго въ этой сырой, мрачной могилѣ, леденитъ кровь!..

Здѣсь, при этихъ условіяхъ, идетъ съ маленькими промежутками его пятнадцатичасовая дѣятельность и длится впродолженіе нескончаемой сѣверной зимы.

Заброшенная въ глубь суровой сибирской тайги, отдѣленная громадными пространствами отъ остальныхъ людей, окруженная непроходимыми дебрями, эта жизнь представляетъ совершенно изолированный, своеобразный мірокъ съ своими страстями, цѣлями и интересами.

Иная жизнь, иные общечеловѣческіе интересы какъ будто перестаютъ существовать здѣсь: крупныя событія, великія явленія, совершающіяся тамъ, гдѣ волнуется кровь, кипятъ страсти, бьетъ полнымъ, сильнымъ пульсомъ общественная жизнь,—проходятъ словно незамѣченными, не возбуждая интереса, не находя отголоска...

Здѣсь вѣковая тишина!

.

Кружокъ людей замеръ на одномъ дѣлѣ, на однихъ интересахъ; съ этимъ дѣломъ онъ, путемъ 40-лѣтняго, неустаннаго служенія, свыкся, сжился, сроднился, ему отдаетъ всѣ свои наличныя силы и средства и внѣ его перестаетъ видѣть все, что могло бы возбудить, освѣжить его застывшій, одичалый, поглощенный односторонностью, мозгъ *).

Развлеченій, которыя могли бы нѣсколько разнообразить эту тянущуюся изо дня въ день, унылую, монотонную жизнь, почти не существуетъ...

Пьянство, карты, развратъ—обыкновенныя явленія среди той обстановки, въ которую пріисковый людъ замкнутъ. На пьянство

*) Служащіе, проведшіе въ тайгѣ безвыѣздно 25, 30 и даже 40 лѣтъ жизни,—явленіе очень обыкновенное.

онъ отдаетъ свой послѣдній грошъ, въ карты проигрываетъ послѣднюю рубаху, за женщину, за удовлетвореніе животныхъ страстей, не задумается всадить ножъ своему же брату-поселенцу.

Тюрьма похоронила его на время, выпущенный изъ нея онъ ожилъ, онъ хотетъ словно наверстать потерянное, хочетъ жить, жить „во всю"—на сколько хватитъ средствъ и силъ. Подъемное золото даетъ ему средства,—силы гибнутъ въ борьбѣ съ непосильнымъ трудомъ, чередующимся съ пьянствомъ. Низкая степень развитія, отсутствіе какихъ бы то ни было разумныхъ, отрезвляющихъ наслажденій *), одичалость, жизнь, на которую уже махнулъ рукой, указываютъ исходъ расходившимся страстямъ и подталкиваютъ по пути, ведущему или вновь на каторгу, или въ могилу...

Не смотря на строгое запрещеніе торговли спиртомъ, нарушеніе котораго ведетъ за собою немедленный разсчетъ, de facto она, всетаки, существуетъ и, благодаря тѣмъ баснословнымъ цѣнамъ, которыя держатся до сихъ поръ въ тайгѣ, составляетъ чрезвычайно выгодное предпріятіе, такъ: за бутылку спирта сомнительнаго достоинства рабочій платитъ 10 и 15 р., за бутылку водки 5 и 8 р., за шкаликъ 1, 2 и даже 3 рубля. Во время добыванія огромнаго количества подъемнаго золота, попадавшагося при промывкѣ знаменитаго своимъ богатствомъ главнаго пріиска ленсковитимскаго товарищества, деньги стояли такъ низко, имѣли, сравнительно, такое небольшое значеніе, что бутылка спирта возвысилась до 30 и 40 рублей.

Средствъ для секретнаго сбыванія, со стороны служащихъ, практикуется много; иныя изъ нихъ отличаются изобрѣтательностью и нѣкоторой долей остроумія. Приведу на выдержку одинъ изъ таковыхъ, бывшій на моихъ глазахъ.

Жена одного горнаго служащаго занялась фабрикаціей обыкновенныхъ, кумачныхъ русскихъ рубахъ и стала продавать ихъ рабочимъ. Не смотря на то, что въ пріисковомъ магазинѣ такого рода вещей всегда огромный запасъ и притомъ гораздо дешевле,

*) На рождественскихъ святкахъ иногда устраиваются, въ какомъ нибудь заброшенномъ сараѣ, представленія съ неизбѣжнымъ «Царемъ Максиміліаномъ», «Разбойниками» и т. п. піесами излюбленнаго народомъ репертуара, но эти спектакли, отличаясь крайнимъ цинизмомъ, не привлекаютъ зрителей. Послѣдними являются преимущественно служащіе, платя небольшую входную плату, которая всецѣло идетъ на попойку импровизованныхъ актеровъ.

рабочіе толпой повалили къ квартирѣ М* съ требованіями, увеличивающимися съ каждымъ днемъ. Долго недоумѣвали, что значитъ эта неимовѣрная популярность среди рабочаго люда дурно скроенныхъ, кое-какъ на живую нитку сшитыхъ рубахъ, и когда просто открываемый ларчикъ обнаружилъ всю суть дѣла, то оказалось, что вмѣстѣ съ продаваемой рубашкой, рабочему подносился всегда стаканъ водки, и это-то обстоятельство главнымъ образомъ и было причиной того небывалаго успѣха, какой въ короткое время пріобрѣла компанія Г. М. съ матеріальнымъ, давшая изобрѣтателямъ, разумѣется, огромныя выгоды.

По окончаніи дневной промывки, тѣ изъ счастливцевъ, которымъ удалось добыть подъемное золото, являются для сдачи его. У каждаго изъ нихъ въ зажатомъ кулакѣ, въ грязной тряпкѣ, въ какой нибудь бумажонкѣ, большее или меньшее количество цѣннаго металла.

Начинается пріемка.

Большимъ молотомъ, въ особенной мѣдной чашѣ, изъ самородка выбивается порода, т. е. тѣ постороннія частицы, которыя пристаютъ въ скважинахъ, затѣмъ кусокъ взвѣшивается на вѣсахъ, дѣлается разсчетъ, и рабочему объявляется общая сумма.

Къ столу подходитъ здоровенный, плечистый поселенецъ, весь день проработавшій на свалкѣ и изъ кармана широчайшихъ шароваръ вытаскиваетъ вѣскій, золотниковъ въ 60, самородокъ.

— 57 р. 60 к.,—объясняетъ золотопріемщикъ.—Въ листикъ?!.

— Нѣтъ, Альбертъ Ляксандрычъ, зачѣмъ все въ листикъ... Надо и намъ... пообносились тоже!..

— Говори.

— Запишите азямъ...

Азямъ записывается.

— Сапоги кунгурскіе, хорошіе, потому больше на своей подошвѣ ходишь!.. теперь, масла 10 фунтовъ, сахару 15, чаю два кирпича, поддужный колоколецъ...

— Да куда тебѣ все это?.. Вѣдь завтра опять придешь въ контору...

— Ужъ запишите, А. Л..., сдѣлайте милость, потому безпремѣнно нужно.

На смѣну его, одинъ за другимъ показываются новыя лица, заявляются новыя требованія; среди нихъ скуластый, коротенькій, вѣчно немытый тунгусъ. Въ грязнѣйшей тряпицѣ онъ принесъ мелкій золотой песокъ.

— Въ забоѣ намылъ, небось?..

— Зашѣмъ мылъ!.. Моя поднялъ... Тиби говорю... поднялъ,— подтверждаетъ онъ, видя недовѣрчивое лице пріемщика.

— 11 р. 20 коп.—Что надо?

— Сахаръ шатыре фунтъ...

— Любишь сладко-то?

— Дальше?

— Далшэ, пиши бродня! Крѣпко таскалъ!.. говоритъ онъ, показывая развалившіяся подметки громадныхъ, неуклюжихъ бродней.— Остался мало-мало... На лыстыкъ пиши!

Тутъ же молодая раскраснѣвшаяся бабенка.

— Ты откуда могла добыть?.. Гдѣ Богъ сподобилъ?!

Въ толпѣ хохотъ. Слышатся намеки.

Золота оказывается на 40 рублей, которые всѣ сполна записываютъ въ листикъ.

— Завтра, гляди, опять сюды!

— Вѣстимо.

— Кажинный день по эстолько, денегъ ворохъ унесетъ при разсчетѣ?!.

— Не намъ чета... Не пропьетъ!..

Часто одинъ и тотъ же рабочій, взявшій за недѣлю на деньги подъемнаго золота, до 30 фунтовъ масла, болѣе полупуда сахару, нѣсколько фунтовъ чаю, два азяма, пять, шесть паръ сапоговъ, кушаковъ, колокольцевъ и т. п., на слѣдующей недѣлѣ записываетъ себѣ тоже масло, сахаръ, чай, азямы, сапоги и т. д. Въ разгаръ дѣятельности на главномъ пріискѣ ленско-витимскаго товарищества, въ концѣ 60-хъ годовъ, эти требованія поражали своимъ крайнимъ безобразіемъ, рабочіе кичились, щеголяли другъ передъ другомъ своей разнузданностью.

Во время полдника, когда работы прекращались на полчаса, для отдыха, въ разрѣзѣ, подъ открытымъ небомъ приготовлялся чай, причемъ въ котлы съ кипящей водой всыпалось по нѣскольку фунтовъ чаю, бросались цѣлыя головы сахару, и все это сопровождалось общимъ шумомъ, гамомъ и ликованіемъ; спиртъ, покупаемый такой дорогой цѣной, истреблялся въ огромномъ количествѣ; золото за ничтожную цѣну перепродавалось на чужіе пріиски; платья, обуви хватало только на одинъ день, послѣ чего оно, какъ негодное, бросалось и замѣнялось новымъ,—рабочій словно одурѣлъ, потерялся среди того богатства, какое было разсыпано

вокругъ и гдѣ стоило только нагнуться, чтобы поднять цѣнный, вѣскій самородокъ *).

Хотя время это теперь принадлежитъ уже къ области воспоминаній, но и въ данную минуту, при сравнительно меньшихъ промысловыхъ богатствахъ, рабочій по существу остался тѣмъ же. И теперь рѣдкій изъ нихъ оставитъ деньги на рукахъ конторы, большинство не выйдетъ изъ нея до тѣхъ поръ, пока послѣдній рубль не пойдетъ ребромъ на пріобрѣтеніе какого нибудь шеркунца или бубенца, въ которомъ онъ рѣшительно не имѣетъ никакой надобности.

Побудительные мотивы такого легкаго, если не болѣе, отношенія, питаемаго ими къ тому, что̀ въ нашъ вѣкъ считается чуть ли не тѣмъ рычагомъ, который способенъ повернуть весь міръ, кроются какъ въ немъ самомъ, такъ и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ поставленъ. Рабочій не знаетъ, къ чему послужатъ ему накопленныя деньги. Переходъ отъ излишества къ нищетѣ его не пугаетъ, онъ привыкъ къ послѣдней болѣе, чѣмъ къ первому. Въ большинствѣ онъ бобыль, у котораго нѣтъ ни своего угла, ни родныхъ: они или умерли, или не примутъ въ свою среду преступнаго отщепенца, или гдѣ нибудь далеко, куда ему „и крылья связаны, и пути всѣ заказаны". Сегодня онъ живъ, а завтра обрушившаяся шахта или трехсотпудовая бадья, сорвавшаяся съ канатовъ, расплющила буйную голову, стерла съ лица земли его жалкое существованіе. Сегодня онъ здоровъ, а завтра—ноги, нѣсколько недѣль стоявшія по колѣна въ грязи, водѣ, уже получили задатки сильнѣйшаго ревматизма или покрылись язвами разлагающей цынги, столь обыкновенной на промыслахъ; рѣзкій, холодный вѣтеръ продулъ насквозь, осенній дождь пронизалъ до костей... Съ работы въ лазаретъ, а послѣ того зачастую безъизвѣстная, заброшенная въ далекой сѣверной тайгѣ, одинокая могила одна лишь является нѣмымъ признакомъ погибнувшей силы. Жизнь ушла, вся поглощенная горемъ да нуждой, ни откуда ни свѣта, ни привѣта, и вспомянуть нечѣмъ. Пока живъ и здоровъ — и пожить вволю!—вотъ заключительный философскій выводъ, къ которому въ концѣ концовъ приходитъ промысловый рабочій...

Есть между ними и положительныя явленія, но они рѣдки и,

*) Тогда пріискъ намылъ въ одинъ лѣтній сезонъ около 400 пудовъ золота; самородки, попадаясь въ огромномъ количествѣ, нерѣдко достигали 2 и 3 фунтовъ вѣса.

составляя капли, тонутъ въ общемъ морѣ. Эти капли организуются преимущественно изъ лицъ, явившихся на промыслы съ исключительной мыслью „сколотить деньгу“ и нерѣдко, во имя поставленной предъ собою цѣли, не брезгающихъ никакими средствами. Встрѣчаемыя артели такихъ рабочихъ, со старостой во главѣ, держатся особнякомъ, деньги идутъ только на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей—ни пьянства, ни картежной игры не допускается. Нарушившій условіе изгоняется изъ среды, „какъ паршивая овца, могущая заразить все стадо“.

Проработавъ годъ, два и болѣе, артель распредѣляетъ заработокъ и направляется по домамъ. Въ большинствѣ она принадлежитъ одному селенію, волости, губерніи и извѣстна на пріискахъ подъ собирательнымъ именемъ: „вологжанъ“, „пермяковъ“, „тобольцевъ“ и т. д. Для увеличенія средствъ, независимо отъ задѣльной платы, они нерѣдко перекупаютъ золото, продаютъ другимъ рабочимъ и вообще пользуются всѣми болѣе или менѣе запрещенными способами „набиванія мошны“. Разсчетный листик ихъ всегда чистъ. „Заслуга“ вписывается полной цифрой, выдача почти отсутствуетъ. Пропивающійся и проматывающійся рабочій людъ сильно недолюбливаетъ этихъ „кулаковъ“ и случаи проявленія злобы, ненависти первыхъ къ послѣднимъ выражаются при каждомъ удобномъ случаѣ.

Какъ только наступилъ день 10-го сентября, пріисковый людъ побрелъ по домамъ, но онъ далеко не попадаетъ домой. „Витимъ“ и побережныя ленскія села и деревни не выпустятъ изъ своихъ лапъ драгоцѣнной добычи, и такъ или иначе, лаской или насиліемъ, сдѣлаютъ свое обычное дѣло ограбленія.

Эти поселенія съ своими кабаками, харчевнями и всевозможными притонами грязи, разврата и преступленія, служатъ исходнымъ пунктомъ, гдѣ рабочій-поселенецъ, вырвавшись изъ желѣзныхъ тисковъ тяжелаго пріисковаго труда, празднуетъ свою недолгую праздничную свободу. Жители селъ изъ года въ годъ, какъ небесной манны, ждутъ 10 сентября, день, съ которымъ масса прибывающаго промысловаго люда даетъ имъ богатый источникъ дохода.

Рѣдко кто проходитъ мимо раскинутыхъ повсюду сѣтей. Всевозможныя увѣренія, предложенія, обманъ, наглость, хитрость,—всѣ средства употребляются для заманиванія простодушнаго, легко поддающагося соблазну, поселенца. Не устоялъ бѣднякъ въ борьбѣ, и ядовитый паукъ уже обвилъ его своей страшной нитью, уже впу-

стилъ жало, уже сосетъ горячую кровь. Дикій разгулъ начался и царитъ впродолженіе нѣсколькихъ дней вездѣ и всюду. Ублажаемый рабочій, окруженный со всѣхъ сторонъ кабатчиками, различнымъ пропойнымъ людомъ, продажными женщинами, соритъ направо и налѣво деньгами. Все въ эту минуту кажется для него возможнымъ, исполнимымъ: то онъ валяется въ грязи, обновляя армякъ, рубаху, сапоги, то закупаетъ десятки аршинъ ситцу, кумачу и, постилая ими дорогу къ кабаку, идетъ по этому ковру, то нанимаетъ двухъ, трехъ оборванныхъ музыкантовъ и шествуетъ по улицамъ села, увеличивая съ каждымъ шагомъ толпу пьяныхъ прихлебателей, то безчинствуетъ, разбивая въ лавкѣ какую нибудь посуду и щедро расплачиваясь за нее, словомъ, извѣстное русское „ндраву не препятствуй“ царитъ въ полномъ блескѣ, разгулъ идетъ широкій, могучій, безъ воли, безъ удержу, пока послѣдняя трудовая, облитая потомъ и кровью, добытая путемъ приниженія, холода и голода, копѣйка не станетъ вверхъ ребромъ!..

Но наступаетъ минута пробужденія, и бѣдная жертва не имѣетъ возможности даже опохмѣлить свою пылающую, отяжелѣвшую голову. Всталъ онъ, обвелъ помутившимися глазами вокругъ,—никого изъ недавнихъ друзей-прихлебателей. Отъ обнищалаго отстранились — трехсотъ, четырехсотъ рублей едва хватило на два, на три дня. Грубая хозяйка гонитъ даже изъ сыраго, вонючаго подвала, не желая ни минуты оставлять у себя промотавшагося, видѣвшаго себя богатымъ какъ во снѣ, теперь никуда негоднаго поселенца.

Куда идти?!.. Рубашка въ лохмотьяхъ, армякъ въ клочьяхъ,— вздохнулъ бѣднякъ своей больной, искалѣченной, прежде времени, нуждой-злодѣйкой да долей-горемъ грудью и, махнувъ рукой, снова закабалился на только что покинутый, ради дорогой, желанной свободы, тяжелый, неустанный, каторжный трудъ!..

Случается, что иные долго крѣпятся, не поддаваясь соблазнамъ, таковыхъ опаиваютъ дурманомъ и сонныхъ обираютъ дочиста, не стѣсняясь ничѣмъ, не брезгая даже преступленіемъ.

Многоводная Лена каждую весну несетъ по теченію, прибивая къ берегу, раздѣтые, съ явными слѣдами насилія трупы: фактъ краснорѣчивъ, но молчаливы жертвы, не просыпаются отъ могильнаго сна, не обличаютъ преступниковъ. Говорятъ, въ послѣдніе годы за этимъ стали наблюдать, разгулъ со всѣми своими мрачными картинками уменьшился, принялъ другія, болѣе мирныя

формы, но въ недавнемъ еще прошломъ все описываемое спокойно процвѣтало подъ покровомъ непроглядной ночи, царящей надъ далекимъ сибирскимъ захолустьемъ,—да и вопросъ, прекратилось ли все это?.. Со многими изъ золъ мы, казалось, распростились навсегда, закопали въ землю да еще и осиновый колъ вбили, чтобъ не могло больше на свѣтъ Божій показаться, а глядишь — зло попрежнему свободно разгуливаетъ по всему лицу широкой Русской земли, лишь личину измѣнило, не бьетъ въ глаза какъ прежде, умѣло концы въ воду хоронитъ, а мы или умышленно проглядѣли, или просто, по слѣпотѣ, не замѣчаемъ его. Какъ бы то ни было, но нельзя не пожелать, чтобы этотъ вѣковой мракъ, наконецъ, прорѣзалъ лучъ свѣта, жизни, обновленія, чтобы забитое, подавленное положеніе пріисковаго рабочаго люда разрѣшилось поступательнымъ движеніемъ въ область инаго, менѣе тяжелаго, горькаго, обиднаго существованія.

Н. Г—въ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТЪ СИБИРСКАГО КРЕСТЬЯНИНА.

Относительно быта сибирскаго крестьянства можно найдти весьма много свѣдѣній какъ въ ученыхъ сочиненіяхъ о Сибири‘ такъ и въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, замѣткахъ и письмахъ. Но, совокупивъ все писанное о Сибири въ одно цѣлое, или разсматривая въ отдѣльности какую либо книгу или статью, приходится наталкиваться на безпрерывныя противорѣчія, исключающія всякую возможность составить себѣ ясное представленіе о характерѣ и даже о внѣшнемъ образѣ сибирскаго крестьянства.

Наблюдатели, въ продолженіе многихъ лѣтъ, надъ жизнью сибирской деревни, долго становились втупикъ передъ различными явленіями этой жизни, и не разъ случалось, что позднѣйшія наблюденія представляли отрицаніе предъидущихъ. Впослѣдствіи конечно удалось расширить кругъ наблюденій; въ это же время начали возникать и множиться изслѣдованія народной жизни во всѣхъ концахъ Россіи. Изученіе этихъ изслѣдованій послужило къ освѣщенію множества личныхъ наблюденій и помогло выяснить тѣ условія, которыя вліяли на массу противорѣчій о сибирскомъ крестьянинѣ.

Теперь мы уже имѣемъ возможность разложить сказанія о Сибири на разныя категоріи и ясно поставить въ каждой изъ нихъ извѣстные критеріумы для отличія истины отъ извращеннаго понятія, правды отъ ложнаго представленія.

Вотъ эти категоріи:

Одну изъ видныхъ ролей въ разсказахъ о сибирскомъ крестьянствѣ занимаютъ люди чистой науки — это ученые путешественники, русскіе и иностранцы. Но всѣ лица этой категоріи только мелькомъ наблюдали жизнь деревни; по *земледѣльческой*

территоріи Сибири, т. е. по срединной ея части отъ Урала до границъ Иркутской губ., они быстро проносились на почтовыхъ; останавливались они только въ большихъ губернскихъ городахъ, а путешествовать верхомъ, пѣшкомъ, на лыжахъ, на верблюдѣ, начинали, только прибывъ на *сѣверъ*, *востокъ*, *югъ* Сибири, населенные инородцами. Тамъ они встрѣчали уже не земледѣльца-сибиряка, а мелкаго торговца, промышленника, казака.

Во *вторую* категорію повѣствователей о сибирскомъ крестьянствѣ слѣдуетъ отнести обитателей городовъ—преимущественно чиновниковъ наѣзжихъ и мѣстныхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, живя постоянно въ городѣ, знаютъ лишь подгородныя села. Въ остальныхъ деревняхъ бываетъ незначительная ихъ часть и то только затѣмъ, чтобы явиться въ качествѣ грознаго слѣдователя, или энергическаго распорядителя для принятія рѣшительныхъ мѣръ по какому либо изъ ряда вонъ выходящему случаю.

Третью категорію составятъ разные грамотѣи сибирской деревни, какъ-то: волостной писарь, сельскій писарь, торговый человѣкъ, хозяинъ питейнаго дома; это все люди, стоящіе въ вѣчномъ антагонизмѣ съ массою крестьянства.

Можно указать еще *четвертую* категорію, въ которую войдутъ: управляющіе и приказчики разныхъ ранговъ, служащіе на золотыхъ пріискахъ. Ими тоже пишется, а больше разсказывается путешественникамъ и чиновникамъ кое-что о крестьянинѣ. Но надобно замѣтить, что люди эти, говоря о крестьянахъ, разумѣютъ рабочихъ, или тѣ именно крестьянскія поселенія, которыя лежатъ невдалекѣ отъ пріисковъ; хозяйство въ этихъ деревняхъ заброшено, населеніе закабалено пріиску при ревностномъ о томъ стараніи самихъ о немъ повѣствователей.

Люди изъ образованнаго класса, сосланные въ Сибирь по суду или административнымъ порядкомъ, находятся, большею частью, въ положеніи, неудобномъ для изученія крестьянской жизни. Одни изъ нихъ живутъ въ городахъ; они могутъ знать о крестьянствѣ только изъ разсказовъ, имѣютъ возможность наблюдать лишь подгородныхъ крестьянъ и рабочихъ, проходящихъ чрезъ города на пріиски; другіе, живя въ деревнѣ, не могутъ отлучаться изъ своего мѣста жительства; поле ихъ наблюденія крайне ограничено.

Наконецъ, значительная часть интеллигентныхъ людей, принимаются за изслѣдованіе не столько съ познаніемъ пріемовъ строгаго изслѣдованія, сколько съ обширными претензіями и предвзятою,

вычитанною идеею и тенденціею, не столько собираютъ факты и явленія, сколько искажаютъ ихъ и, подбирая одни, оставляютъ въ сторонѣ другіе. Все это только путало дѣло народнаго изученія а не приносило пользы и не приближало къ истинѣ.

Разсматривая всѣ эти категоріи, читатель видитъ, что ни одна изъ нихъ не стоитъ въ такихъ условіяхъ, которыя способствовали бы вѣрному наблюденію жизни крестьянина-земледѣльца. Мало этого, правильное пониманіе явленій затрудняется здѣсь для людей первыхъ двухъ категорій тѣмъ же, чѣмъ оно затруднено и въ Россіи, именно—существованіемъ различныхъ міровоззрѣній у крестьянина и у человѣка образованнаго класса. Склонный мѣрять все на свою мѣрку, чуждый тѣхъ знаній, которыя добыты о крестьянскомъ міровоззрѣніи еще весьма недавно и которыя, можно сказать, еще не сдѣлались всеобщимъ достояніемъ образованнаго русскаго общества, путешественникъ—геологъ, астрономъ, ботаникъ и проч., всегда ошибется при оцѣнкѣ явленій крестьянской жизни, истолкуетъ ихъ невѣрно. Ни чиновникъ въ городѣ, ни писарь, ни торговецъ въ деревнѣ, ни управляющій и приказчикъ на пріискѣ, не только не помогутъ ему правильно освѣтить имъ видѣнное, но еще болѣе запутаютъ его своими невѣрными разсказами.

Что касается до *спеціальнаго*, т. е. строго-научнаго, систематическаго изученія быта сибирскаго крестьянства, то оно началось только весьма недавно, можно сказать, въ послѣдніе три года, и многаго, какъ по краткости времени, такъ и по трудности дѣла, затемняемаго массою невѣрныхъ свѣдѣній, оно дать еще не могло.

Въ виду всего этого, высшую степень интереса представляетъ ниже помѣщаемая статья. Она есть не что иное, какъ записки выучившагося грамотѣ сибирскаго *крестьянина Девятова*. Оставаясь по душѣ, по жизни и работѣ крестьяниномъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, онъ, какъ видно изъ его записокъ, просвѣтилъ себя разностороннимъ чтеніемъ и рисуетъ крестьянскій бытъ ясно и просто, сознавая, что, излагая на бумагѣ крестьянскую жизнь, онъ дѣлаетъ святое дѣло, не позволяющее отступить отъ правды ни на волосъ.

Имѣя въ рукахъ значительное количество литературнаго матеріала въ редакціи, мы убѣдились, что о крестьянскихъ вопросахъ даетъ наиболѣе вѣрное сужденіе не интеллигентный корреспондентъ съ своими взглядами, но лучше всего удовлетворяетъ фактической сторонѣ самъ грамотный крестьянинъ.

Начало этихъ записокъ было напечатано въ №№ 37 и 39 „Восточнаго Обозрѣнія“ за прошлый годъ. Мы считаемъ излишнимъ повторять это начало, потому что въ немъ авторъ въ общихъ чертахъ говоритъ о томъ, что излагается имъ потомъ подробно въ остальной запискѣ. Такъ именно, въ началѣ записки имъ были очерчены: порядки землевладѣнія; относящіеся сюда обычаи; значеніе личнаго труда и наемнаго; порядки и способы хозяйства—земледѣльческаго и скотоводственнаго, и, наконецъ, сдѣланы указанія на нѣкоторые крестьянскіе промыслы.

Описывая подробности крестьянской жизни, крестьянинъ Девятовъ болѣе имѣетъ въ виду ту волость Минусинскаго округа, въ которой онъ имѣетъ хозяйство. Никакихъ измѣненій въ статьѣ, при ея редактированіи, мы не сдѣлали, дозволивъ себѣ только сглаживать слогъ и вставлять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фразы какъ для болѣе видимой связи предъидущаго съ послѣдующимъ, такъ въ особенности для того, чтобы многія изъ приводимыхъ въ статьѣ данныхъ не остались незамѣченными для читателя.

Крестьяне живутъ большею частью въ большихъ селеніяхъ, потому что въ нихъ легче общественныя тягости. Но не въ далекѣ отъ большаго селенія существуютъ здѣсь и малыя селенія, имѣющія свои удобства. Хорошо и выгодно жить въ большой семьѣ, но рядомъ съ большими семьями существуютъ и малыя, пользующіяся тѣми же удобствами, какъ и большія. До спеціализаціи труда здѣсь дѣло еще не дошло. На всякаго работника въ семьѣ есть топоръ, соха, коса и серпъ. Пришло время дрова рубить — всѣ рубятъ, пахать — всѣ пашутъ, косить — всѣ косятъ, жать — всѣ жнутъ и т. д. Вмѣстѣ ли, порознь ли работаютъ братья, на это вниманія не обращается; требуется только, чтобы всякій усердно работалъ. Поэтому семейные раздѣлы здѣсь не имѣютъ значенія.

Здѣсь представляется еще одна обращающая на себя вниманіе особенность: большія семьи несутъ сравнительно съ одиночками болѣе общественныхъ службъ, натуральныхъ повинностей. Самыя тяжелыя повинности, которыя одиночкамъ не подъ силу, отбываются большими семьями.

Разсматривая состояніе крестьянъ-домохозяевъ, надо не упускать изъ вида и крестьянъ, живущихъ въ работникахъ. Хотя ихъ самый ничтожный процентъ, но они, всетаки, есть. Типъ ихъ

можно очертить такъ: это люди въ переходномъ состояніи; сиротство или раззореніе отъ несчастныхъ случаевъ гонятъ ихъ въ работники. Нанявшись въ работники, они стараются понемногу пріобрѣтать нужные предметы для того, чтобы завести свое хозяйство. Поэтому здѣсь почти ни одинъ работникъ не порядится за одно денежное жалованье (а кто не думаетъ быть хозяиномъ, тотъ въ работники не наймется, а пойдетъ на пріиски), но всегда съ присѣвомъ хлѣба; иногда же съ прибавленіемъ къ заработной платѣ теленка или жеребенка. Цѣна годовому работнику отъ 40 до 50 руб. въ годъ и отъ 1/2 до 1 1/2 десятины присѣва, т. е. хозяинъ на своей землѣ и своими сѣменами обязанъ посѣять для работника десятину хлѣба, иногда съ хозяйской уборкой, а иногда безъ уборки. Иногда работникъ выговариваетъ посѣвъ на извѣстной землѣ, иногда десятина просто отмѣривается съ любаго конца поля, по выбору работника; условливаются сѣять или только ржаной хлѣбъ, или же разный, какъ-то: рожь, пшеницу, овесъ. Хлѣбъ этотъ работники мало продаютъ, а болѣе копятъ. Если у работника есть семейство, то оно живетъ въ задней хозяйской избѣ, или тутъ же въ домѣ хозяина. За содержаніе обыкновенно подсобляютъ работать. Рабочая одежда, обувь и рукавицы всегда хозяйскія, а праздничная одежда—работникова. Ѣдятъ хозяева и работники всегда за однимъ столомъ.

Расходы такого работника, живущаго у своего брата-крестьянина, слѣдующіе: подать съ 1-го работника деньгами 10 р. 50 к.; полведра водки обществу за то, что подводную гоньбу принимаютъ на міръ—3 р. 50 к.; хлѣбъ въ магазинъ отдается натурой; руга священнику тоже натурой; на почтовый трактъ разъ въ четыре года уходитъ мѣсяцъ времени. Самое трудное для живущаго въ работникахъ это общественная служба: онъ непремѣнно обязанъ втеченіе 10 лѣтъ отслужить полгода десятникомъ. Дальнѣйшіе расходы работника: на праздничную одежду въ годъ 10 руб.; на „карманныя" деньги въ праздники 5 р. (это расходъ на водку, орѣхи, пряники и пр.); если у работника есть жена и дѣти, то расходъ увеличивается на одежду и приварочные припасы къ своему хлѣбу. Денежное жалованье почти у всякаго работника все расходуется. Сберегаютъ только хлѣбъ или заслуженную скотину. Разсчетливый работникъ копитъ хлѣбъ года 4—5. Выждавъ поднятія цѣнъ, онъ продаетъ хлѣбъ и заводитъ самостоятельное хозяйство.

Изъ вышесказаннаго видно, что только хорошій работникъ мо-

жетъ принести хозяину пользу, а плохой, въ особенности, если онъ дурной нравственности, невыгоденъ; онъ будетъ не во время переходить отъ хозяина къ хозяину, нанося этимъ себѣ и хозяину убытки. Залѣзая въ долги, онъ кончитъ наймомъ на золотые промыслы, гдѣ погибнетъ безвозвратно для сельскаго хозяйства *); поэтому худаго работника держать не стоитъ—отъ него, кромѣ убытка, ничего нѣтъ, а хорошій работникъ долго жить въ работникахъ не будетъ—ему довольно прожить 4—5 лѣтъ, и онъ дѣлается хозяиномъ.

Воздѣлываніе хлѣба наемными руками здѣсь невозможно по невыгодности. Бывали этому опыты въ годы, когда поднималась цѣна на хлѣбъ: тогда брались за хлѣбопашество купцы и чиновники; изъ послѣднихъ даже были опытные агрономы; это—малороссійскіе помѣщики, служившіе здѣсь чиновниками; они заводили усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія, но несли постоянно убытки. Въ 1868 г. цѣна 1 пуду ржи была 1 руб., пшеницѣ 1 р. 40 к. Въ виду этого, многіе изъ людей, теоретически знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ (между ними были впрочемъ и хорошіе практики), засѣяли въ 1869 году очень много земли. Но урожай въ этомъ году оказался хорошій и цѣна на хлѣбъ пала до 20 коп. за пудъ ржи, 17 коп.– овса, 25—30 коп.—пшеницы. Сберегать хлѣбъ долгое время и выжидать цѣну можетъ только тотъ, кто обработываетъ землю своими руками; обработывающему же наймомъ нужны деньги, а вслѣдствіе этого хлѣбъ нужно пускать въ продажу немедленно.

Вообще здѣсь только тотъ хозяинъ можетъ держать работника, который и самъ работаетъ въ полѣ и дома. У работника, получившаго условленную плату сполна, по отбытіи срока всегда—сколько нибудь да осталось, а у хозяина не всегда. Сдѣлавъ разсчетъ съ работникомъ, хозяинъ не знаетъ: *работникъ ли у него работалъ, или онъ самъ на работника работалъ*, если не считать прибылью того, что дѣти подросли, или вновь кто родился!

Стоимость обработки земли можно опредѣлить такимъ образомъ.

Чтобы приготовить десятину изъ-подъ пара, нужно: для вспашки 1 человѣкъ съ двумя лошадьми и 2 дня труда; выборонить— 1 чел., 4 лош. и работы 1 день; привезти сѣмянъ и посѣять—1 чел., 1 лош. и 1 день; вспахать—1 чел., 1 лош. и 1 день; вспахать во второй разъ столько же, какъ и въ первый; заборонить посѣвъ 1 чел., 4 лош. и 1 день; выполоть косой—1 чел. и 1 день. Для

*) Такъ всегда поступаютъ ссыльно-поселенцы.

жатвы 10 чел. и 1 день; складъ въ кладь 2 чел., 3 лош. и 1 день; перевезти на гумно 20 подводъ и 4 челов. 1 день; высушить и обмолотить 4 чел. 2 дня; провѣять и свозить въ амбаръ 2 чел. и 1 конь, 1 день. Если нанять работника съ парой коней и сохой, то нужно ему заплатить въ день 1 рубль, накормить его и дать ему стаканъ водки; поденная цѣна жнецамъ обойдется отъ 40 до 70 коп. на хозяйскихъ харчахъ; въ праздникъ непремѣнно нужна порція водки. Пшеница при урожаѣ дастъ больше дохода, но она здѣсь должна быть посѣяна на вновь разработанной землѣ или на вновь поднятой залежи, первымъ или вторымъ хлѣбомъ, а это обусловливаетъ и трудность работы, если не вдвое, то въ полтора раза.

Вслѣдствіе всего этого, здѣсь ни поземельная собственность, въ видѣ ли захвата большихъ участковъ, или въ другомъ какомъ нибудь видѣ, ни арендаторство существовать не могутъ. Если бы здѣсь земли перешли бы въ чью либо собственность, или же были бы обложены высокими налогами, то ими тогда нельзя было бы пользоваться, потому что и свободныхъ земель здѣсь очень много, и, кромѣ того, здѣсь подъ бокомъ цѣлая Монголія съ свободною, почти никѣмъ нетронутою землей, заманивающая русскихъ переселенцевъ; а земледѣлецъ не завоеватель, для него границы не заперты нигдѣ.

Что касается до возникновенія и развитія разныхъ *промышленныхъ производствъ въ селеніяхъ*, то надобно замѣтить, что всѣ добываемыя здѣшнимъ крестьянскимъ населеніемъ сырые продукты переработываются ими же самими дома для удовлетворенія собственныхъ нуждъ. Вывоза этихъ продуктовъ здѣсь еще нѣтъ. Только овчина и шерсть вывозятся для продажи—въ видѣ шубъ и пимовъ. Ископаемыхъ богатствъ здѣсь много, но земледѣльцамъ некогда заниматься извлеканіемъ ихъ изъ нѣдръ земли, да и недостаетъ, конечно, и знаній. Что касается до наѣзжаго люда, то пользы отъ него для страны мало, что и показала золотопромышленность. Цѣль этихъ людей „урвать да уѣхать“. Да и къ чему торопиться „извлекать“ изъ земли ея богатства—пусть полежатъ до болѣе удобнаго времени.

Постараемся подробно очертить приходы и расходы крестьянской семьи, ея производительную силу, нужды и потребности. Для этого возьмемъ среднюю семью по количеству рабочей силы. Такая

семья обыкновенно состоитъ изъ домохозяина-работника, его отца-старика и старухи матери, сына подростка отъ 12 до 16 лѣтъ, двухъ дочерей малолѣтныхъ и наконецъ маленькаго ребенка. Такія семьи встрѣчаются всего чаще. Семья эта круглый годъ занята работой. На посторонніе заработки здѣсь ни у кого нѣтъ времени, а поэтому во время жнитва здѣсь часто собираются помочи, которыя и происходятъ въ праздничный день. Иногда молодые люди нанимаются, тоже въ праздничные дни, работать поденно. Замѣчательно, что заработанныя на такой поденщинѣ деньги не обращаются въ семейный капиталъ, а остаются у работниковъ.

Такая семья, имѣя 8 рабочихъ коней, 2 сохи, 5 — 6 боронъ, можетъ засѣвать 12 десятинъ. На покосъ она выпускаетъ 4 косы, на жнитво 5 серповъ. При такомъ хозяйствѣ представляется возможнымъ содержать до 20 головъ рогатаго скота, коней, кобылъ и молодяжнины-подростковъ, всего 15 головъ; овецъ до 20—30 головъ и свиней 5. Гуси, утки, куры—это неотъемлемая принадлежность такого хозяйства. Рыбный промыселъ хотя и существуетъ, но вся рыба расходуется дома и въ продажу не идетъ. Ловлею рыбы обыкновенно занимается старикъ-отецъ или дѣдъ. Если онъ иногда и продастъ часть рыбы, то развѣ для того, чтобъ выручить нѣсколько мѣдяковъ Богу на свѣчки.

Засѣвается 6 десятинъ рожью и ярицей, 3 десятины овсомъ, 2 десятины пшеницею; а ячменемъ, гречею, просомъ, горохомъ, коноплею, всѣмъ вмѣстѣ 1 десятина. Картофель и рѣпа сѣются въ особыхъ мѣстахъ. Въ годы средняго урожая весь сборъ съ 3-хъ десятинъ ржи, съ 2-хъ десятинъ овса, съ 1-й десятины пшеницы уходитъ на домашнее потребленіе. Весь мелкій хлѣбъ тоже остается дома. Въ продажу идетъ хлѣбъ съ 3 десятинъ ржи, съ 1 десятины овса и съ 1 десятины пшеницы. Всѣ другія произведенія хозяйства, какъ-то: скотское и баранье мясо, свинина, птица, молоко, масло, шерсть, перья и проч., все это идетъ на собственное потребленіе въ формѣ пищи, или одежды и проч.

Относительно трудолюбиваго и хорошаго крестьянина здѣсь можно сказать, что онъ вообще не садится за столъ безъ мяса въ скоромные дни, а въ постные—безъ рыбы. Хлѣбъ ржаной ѣдятъ здѣсь обыкновенно со щами, а пшеничный съ молокомъ. Что касается до количества потребленія разныхъ продуктовъ, то приблизительно можно опредѣлить такъ: взрослый работникъ съѣдаетъ въ сутки: ржанаго и пшеничнаго хлѣба по фунту каждаго, фунтъ мяса, съ прибавленіемъ молочныхъ кушаній и овощей.

Представимъ подробности доходовъ и расходовъ крестьянской семьи.

Доходы:

За 300 пуд. муки ржаной по 25 к. пудъ	75 р. — к.
» 100 пуд. овса по 25	25 » — »
» 100 пуд. муки пшеничной	40 » — »
Отъ продажи скота и его продуктовъ:	
За 2 быка	30 » — »
» масло	16 » — »
» молодую кобылу	15 » — »
» свинины.	10 » — »
» 2 фунта щетины по 80 к.	1 » 60 »
» 7 овчинъ по 80 к.	5 » 60 »
» гусей колотыхъ	3 » — »
» 300 яицъ	1 » 50 »
» 2 пуда сала скотск. сырца	6 » — »
» 1 кожа скотская	3 » 50 »
» 5 тушъ бараньихъ	8 » — »
Всего	240 р. 20 к.

Расходы:

На подати съ 2-хъ душъ, изъ нихъ 1 работникъ, а другой старикъ, всего	20 р. — к.
Натуральныя повинности отбываются натурой.	
Пастухамъ	3 » — »
Въ рождество священнику 1 мѣшокъ хлѣба, 2-мъ псаломщикамъ 2 пуда хлѣба.	
Въ богоявленіе за водосвятіе	1 » — »
За постную молитву 1 пудъ хлѣба.	
Въ великій постъ при исповѣди нѣкоторыхъ членовъ семействъ.	1 » — »
Въ 2 храмовые праздника за 2 молебна по 1 р. . . .	2 » — »
Осенній сборъ въ пользу церкви хлѣбомъ, коноплею, шерстью, колотой дичью и пр.	
Случайные расходы, какъ-то: за крещеніе и молитву, молебны по обѣщанію, каноны, панихиды и пр. . .	2 » — »
На церковныя свѣчи въ годъ	1 » — »
Сюда не входятъ расходы за свадьбы и похороны; первыя оплачиваются отъ 10 до 25 руб., а вторыя — коровою или кобылою; за пасхальный молебенъ 1 баранъ.	
	30 р. — к.

Расходы на вино *).

Въ рождественскіе праздники (святки и крещеніе) 1/2 ведра.	3 » 50 »
» масляницу 1/2 ведра	3 » 50 »
» пасху 1/4 ведра	1 » 75 »

*) Ведро стоитъ на мѣстѣ 7 руб.

Въ 2 съѣзжихъ праздника 2 ведра	14 р. — к.
На помочь въ жнитво 1 ведро	7 » — »
» поденщину	1 » 75 »
» *разные случаи*, какъ-то: именины, пріѣздъ дальнихъ гостей, приходъ съ рыболовья, помочь для возки лѣса, на лекарство (настой изъ перцовки, трилистника, звѣробоя или просто для употребленія внутрь, какъ лекарства съ нашатыремъ, на примочки: камфарную или изъ березовой почки и пр.), всего $1^1/_2$ ведр.	10 » — »
	41 р. 50 к.
На наемъ поденщиковъ для жатвы хлѣба (во избѣжаніе того, чтобы онъ, перезрѣвъ, не высыпался) нужно около 40 челов. по 40—50 к. на каждаго . . .	18 р. — р.
Итого	59 р. 50 к.

Торговцы мануфактурными и мелочными товарами и вообще всѣми крестьянскими потребностями почти всегда являются и покупателями хлѣба и другихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства; въ лавкахъ крестьяне забираютъ разные товары по счету и платятъ продуктами хозяйства, хлѣбомъ, скотомъ и пр. Кромѣ того, по отдаленности отъ городовъ врачей и аптекъ, здѣсь развилась своя *домашняя самопомощь*. Это не то, что леченіе знахарей, а просто у всякой запасливой старушки-хозяйки есть пять-шесть настоевъ, напримѣръ: настой перцовки, троелистки, березовой почки, порѣзной травы (Millefoli) и звѣробоя, а у болѣе запасливыхъ камфарная примочка, свинцовая примочка, крѣпкая водка, скипидаръ, мятныя капли, чилибуха, разныя травы и корни. Многія изъ этихъ лекарственныхъ веществъ тоже покупаются изъ лавки. Такимъ образомъ, изъ лавки забираются слѣдующіе вещи и продукты:

Соли по 1 р. 30 к. пудъ.	3 р. — к.
8 кирпичей чаю кирпичнаго по 1 р. 30 к.	10 » 40 »
1 фунтъ чаю фамильнаго для праздника	1 » 60 »
10 фунтовъ сахару по 40 к.	4 » — »
2 фунта перцу горошчатаго 50	1 » — »
1 фунтъ горчицы сарептской	— » 50 »
Корицы, гвоздики и лавроваго листу на	— » 40 »
1 фунтъ рису нѣмецкаго	— » 40 »
2 фунта изюму	— » 50 »
5 фунт. меду	1 » — »
$^1/_4$ фунта ладону кадильнаго	— » 15 »
1 фунтъ бумаги для свѣчныхъ фитилей	— » 50 »
50 аршинъ разнаго ситца	10 » — »
25 аршинъ дабы синей или коричневой	6 » 25 »

2 шали и 4 платочка	5 р. — к.
5 аршинъ плису на шаровары	2 » — »
4 аршина сукна на шубу	8 » — »
1 шапка	3 » — »
1 пара сапогъ кунгурскихъ	5 » — »
2 пары ботинокъ минскихъ	5 » — »
Миткалю и коленкору на	2 » — »
2 опояски (кушаки)	2 » — »
4 пары рукавицъ бараньихъ	2 » — »
Посуды чайной, тарелокъ, рюмокъ и пр.	4 » — »
Ножей, вилокъ и ложекъ на	1 » 50 »
Иголъ, булавокъ, нитокъ, пуговокъ, ленточекъ, шнурковъ, тесемокъ, поясковъ на	2 » — »
Нашатырю, купоросу, квасцовъ, камфоры, скипидару, стручковаго перцу и другихъ лекарственныхъ товаровъ, горючей сѣры и кремней на	2 » — »
Гвоздей разныхъ размѣровъ на	2 » — »
Оголовы хомутныя и сѣделки съ набор.	5 » — »
Шлея и узда тоже	5 » — »
1 пара сошниковъ	3 » — »
Подпилокъ для сохи	1 » — »
2 косы литовки	2 » — »
2 серпа рижскіе	1 » — »
Пороху и свинцу на	3 » — »
Итого въ лавкѣ	105 р. 20 к.
Кузнецъ. За поковку топоровъ, долотъ, клепку и наварку сошниковъ, удилъ, колесъ и проч.	10 » — »
Портной. За шитье пальто, шароваръ и крытье шубы.	5 » — »
Сапожникъ. За починку и шитье обуви	3 » — »
За выдѣлку овчинъ 15-ти штукъ	1 » 50 »
За выдѣлку 2-хъ кожъ скотскихъ и 1 конской (Изъ нихъ одна на сыромять).	3 » 50 »
За пробойку 3-хъ пудовъ сѣмени конопл. на масло	1 » — »
Шерстобиту и катальщику	4 » — »
Мельнику за помолъ до 600 пуд. въ годъ	8 » — »
За 1 скатъ колесъ простыхъ	3 » — »
Горшковъ и кринокъ на	1 » 20 »
Починка стеколъ въ окнахъ	1 » — »
	41 р. 20 к.

Телѣги, сани, дуги, сохи, бороны и всѣ нужныя орудія сельскаго хозяйства крестьяне дѣлаютъ сами. Столъ, кровать, простой диванъ и стулья, тоже дѣлаются многими у себя дома—своими руками. Такимъ образомъ, всего расхода въ означенной крестьянской семьѣ до 237 р. Приходъ деньгами можно опредѣлить до 140 р.; остальное, слѣдовательно, выплачивается продуктами. Въ счетъ

прихода, а такъ же и въ расходъ не внесено: хлѣбъ, отдаваемый за работу натурой, напримѣръ, за шитье ношебной одежи, овчинныхъ шубъ, азямовъ изъ домашняго сукна, обуви (многія изъ этихъ вещей шьются дома женщинами, членами семьи), за пряжу шерсти, льна, мыловарнѣ за вареніе мыла и пр.; хлѣбъ вымѣнивается и на известку для бѣленья стѣнъ. Муравленая посуда, деревянная посуда, сѣяльницы, судницы, корыта, сита, рѣшеты, веретена, цѣвки доставляются переселенцами изъ Вятской губерніи и тоже вымѣниваются на хлѣбъ. Мѣна производится такимъ маneромъ: желающій пріобрѣсти посудину, насыпаетъ ее рожью, которую и отдаетъ продавцу, а посудину беретъ себѣ; называется это „осыпная цѣна".

Этимъ выражается почти весь годовой кругооборотъ трудовой крестьянской жизни. Источникомъ ея является рабочая сила. Прибываетъ въ семьѣ рабочая сила, прибываетъ и увеличивается разработка земли; увеличивается посѣвъ хлѣба, скотоводство; однимъ словомъ, растетъ приходъ и расходъ.

Въ виду этого, *величину налога* здѣсь слѣдуетъ сообразовать исключительно съ *количествомъ рабочей силы*. И дѣйствительно, здѣсь наибольшее количество земли разработываютъ не тѣ семьи, которыя имѣютъ съэкономленный трудъ или капиталъ, а тѣ, у которыхъ больше рабочей силы. Такимъ образомъ, здѣсь наибольшую пользу отъ земледѣлія получаетъ не разбогатѣвшій крестьянинъ-міроѣдъ, а лучшій семьянинъ-домохозяинъ. Здѣшній кулакъ и міроѣдъ рѣзко отличается отъ россійскихъ собратовъ; они и окрещены здѣсь инымъ именемъ, нежели въ великороссійскихъ губерніяхъ; именно, они называются здѣсь словомъ, заимствованнымъ изъ острожнаго языка—„*майданщиками*". Это—содержатели товарной лавки (майдана), кабака. Они берутъ хлѣбъ и разные продукты крестьянскаго хозяйства и даютъ водку, товары, чай, сахаръ и другіе предметы, ставя ихъ по высокой цѣнѣ.

Всѣхъ платежей съ одной души приходилось въ 1871 г. 26 р. 16¼ к., въ 1872 — 23 р. 66½ к., въ 1881 — 23 р. 23¾ к., въ 1882 — 21 р. 12¾ к.

Приводимъ наименованіе платежей и цифру каждаго изъ нихъ, присовокупляя, что цифры большинства платежей мало измѣняются въ разные года; нѣкоторые изъ сборовъ въ одинъ годъ повышаются, въ другой понижаются; весьма немного такихъ, которыхъ въ од-

номъ году не бываетъ: это преимущественно разные расходы на постройки и починки мостовъ, общественныхъ зданій и т. п. Замѣтимъ еще, что подушная подать въ первые два изъ указанныхъ годовъ была 90 к., а въ послѣдніе 1 р. 20 к.

По окладному листу казначейства.

Подушной подати	1 р.	20 к.
Оброчной "	1 "	29 "
Дополнительной оброчной	— "	45 "
На пособіе въ пожарн. обозъ	2 "	— "
На межеваніе земель	— "	3 "
Въ экономич. запасн. или продовольств. капиталъ	— "	6 " *)

Земскія повинности.

Государственная		— р.	63 к. *)
Губернская	въ 1871 и 1872 г.	— "	87 "
	въ 1881 г.	— "	71 "
	въ 1882 г.	— "	83 "
Частная	въ 1871 г.	— "	20 "
	въ 1872 г.	— "	$12^{1}/_{2}$ "
	въ 1881 и 1882 г.	— "	$95^{3}/_{4}$ "

По волостной раскладкѣ.

Земская повинность внутренняя	1871 г.	— р.	19 к.
	1872 г.	— "	$32^{1}/_{4}$ "
	1881 г.	2 "	$83^{1}/_{2}$ "
	1882 г.	— "	39 "
На содержаніе волостнаго правленія	1871 г.	— "	83 "
" " " "	1872 г.	— "	33 " **)

По сельско-общественной или мірской раскладкѣ.

За мертвыя души	въ 1871 г.	1 р.	21 к.
	въ 1872 г.	1 "	$25^{3}/_{4}$ "
	въ 1881 г.	1 "	93 "
	въ 1882 г.	1 "	$88^{3}/_{4}$ "
Жалованье сельскому писарю	въ 1871 г.	— "	95 "
	въ 1872 г.	— "	77 "
	въ 1881 и 1882 гг.	— "	$56^{1}/_{2}$ "

*) Въ 1881 и 1882 гг. этого сбора не показано.

*) Въ 1881 и 1882 гг. этого сбора не показано.

**) Къ 1881 и 1882 гг. этой повинности не показано.

Случайные и единовременные.

На постройку магазина въ 1881 г.	— р.	36 к.
„ „ дома священника въ 1881 г. . . .	1 „	86 „
Дополнит. на постройку домовъ причту въ 1882 г.	— „	$56^1/_2$ „
На постройку мостовъ на почтовыхъ и проселочныхъ трактахъ въ 1882 г.	— „	62 „
Квартира землемѣру въ 1871 г.	— „	41 „
Ремонтъ хлѣбнаго магазина въ 1881 г.	— „	17 „
Къ 1871 и 1872 гг. $9^3/_4$ копѣечный сборъ на усиленіе средствъ собственной канцеляріи генералъ-губернатора Восточной Сибири	— „	$9^3/_4$ „

Натуральныя повинности.

Содержаніе сельской почты и подводъ:		
на земскихъ станціяхъ въ 1871 г.	1 р.	45 к.
„ „ „ въ 1872 г.	1 „	80 „
на земскую подводу въ 1881 г.	2 „	20 „
на содерженіе сельской почты въ 1882 г. . .	1 „	26 „
Домашняя, междудворная (если наймомъ):		
въ 1871 г.	9 „	— „
въ 1872 г.	8 „	— „
въ 1881 и 1882 гг. каждый годъ по	6 „	— „
Станціонному ямщику 1 пудъ овса въ 1871 г. . .	— „	25 „
Ему же въ 1872 г.	1 „	40 „
На земскую подводу въ 1881 и 1882 гг.	1 „	— „
Исправленіе почтоваго тракта приходится черезъ три года въ четвертый. Отбыть наймомъ стоитъ десять рублей, слѣдовательно на годъ	3 „	— „
Исправленіе проселочной дороги (междудворной) каждый годъ отъ 3 до 5 поденщиковъ	1 „	50 „
Въ обществ. магазинъ 1 п. ржи въ 1870 и 1871 гг.	— „	25 „
„ „ „ „ „ въ 1881 г. . . .	— „	70 „
„ „ „ „ „ въ 1882 г. . . .	— „	70 „
Священнику руга 1870 и 1871 гг. по	— „	25 „
„ „ въ 1881 г. по	2 „	56 „ *)
На сельскихъ врачей въ 1871 и 1872 гг.	— „	9 „

*) Въ 1882 г. 30 коп.

Всѣ вышепоименованные подати и сборы вносятъ деньгами лишь лица, увольняемыя отъ обществъ по паспортамъ; что касается до остальныхъ крестьянъ-домохозяевъ, то подводная гоньба и исправленіе почтоваго тракта и проселковъ отбывается ими натурою; остальные подати и сборы они вносятъ деньгами. Надобно замѣтить, что на крестьянахъ-домохозяевахъ, помѣстному, бойцахъ, лежитъ обязанность участвовать въ платежахъ всѣхъ указанныхъ сборовъ. Бойцомъ, впрочемъ, считается домохозяинъ въ возростѣ отъ 17 до 55 лѣтъ. Затѣмъ старики платятъ только сумму, причитающуюся по окладнымъ листамъ и волостной раскладкѣ; сельская же раскладка, какъ-то: за мертвыя души, жалованье сельскому писарю и экстра-ординарные или временные сборы, раскладывается только на бойцовъ; точно такъ же и натуральную повинность отбываютъ только одни бойцы. Разница въ сборѣ податей и въ ихъ количествѣ между волостями и округами весьма незначительна, а въ сборахъ по окладнымъ листамъ почти повсемѣстно одна и та же; но въ сборахъ по волостнымъ и сельскимъ раскладкамъ, а въ особенности относительно натуральныхъ повинностей существуетъ большое различіе. Въ однѣхъ волостяхъ и отдѣльныхъ селеніяхъ, за мертвыя и выбывшія души платятъ ихъ семейства, и только въ крайнемъ случаѣ эти платежи общество принимаетъ на себя; напротивъ, въ другихъ обществахъ почти за всѣхъ умершихъ и взятыхъ въ рекруты платитъ міръ. Точно такъ же молодые люди, родившіеся послѣ ревизіи, по достиженіи 18-ти лѣтъ, облагаются въ однихъ селеніяхъ полнымъ окладомъ податей, взамѣнъ убылыхъ душъ съ 1878—1879 года; въ другихъ же селеніяхъ ихъ только съ 1882 года начали облагать.

Натуральныя повинности между отдѣльными волостями тоже распредѣляются неравномѣрно, но на это имѣютъ вліяніе частью мѣстныя условія, частью злоупотребленія завѣдывающихъ лицъ. Идти противъ этихъ злоупотребленій могли бы конечно только земскія учрежденія, которыхъ въ Сибири нѣтъ. Изъ слѣдующихъ примѣровъ можно видѣть всю невозможность идти противъ злоупотребленій при существующихъ порядкахъ. Въ одной изъ волостей, лежащихъ въ сторонѣ отъ большаго тракта, содержится при самой волости 16 паръ ямскихъ лошадей, кромѣ двухъ, трехъ паръ обывательскихъ, а всего по всѣмъ селеніямъ волости до 70 паръ. Сколько же это будетъ стоить, если наемъ каждой пары обходится 250 рублей? Вотъ поэтому-то у насъ натуральная повинность всегда дороже денежной, а всѣ мѣстныя подати и по-

винности превышають казенный сборъ въ три раза, т. е. въ казну идетъ 1 р., а на частные сборы и натуральныя повинности 3 р. Хотя подобное положеніе дѣлъ отчасти и можно оправдывать разбросанностію малочисленнаго населенія на огромномъ пространствѣ (здѣсь есть волости, которыя равны Московской губерніи), но главную причину непорядковъ нужно, всетаки, искать въ неразвитости однихъ заправителей, нерадѣніи другихъ, корыстолюбіи третьихъ.

Сумма платежей въ казну обыкновенно не измѣняется изъ года въ годъ, оставаясь одной и той же втеченіе даже десятилѣтій. Измѣняется только названіе податей и сборовъ. Напримѣръ, въ 70-хъ годахъ подушная подать и государственная земская повинность показывались въ разныхъ статьяхъ; въ 80-хъ годахъ подушная подать увеличена на 30 коп. въ годъ, а государственная земская повинность отмѣнена. Точно также въ 80-хъ годахъ, губернская земская повинность соединилась съ $9^{3}/_{4}$ коп. сборомъ, съ сборомъ на земскихъ врачей, а раскладка на содержаніе волости перешла въ частную земскую повинность. Сдѣлано это было вслѣдствіе того, что бывшій генералъ-губернаторъ Синельниковъ, находя, что сборы на содержаніе волостнаго правленія, доходящіе до 10,000 руб., собираются негласно, распорядился о составленіи смѣтъ на содержаніе волостныхъ правленій, опредѣливъ жалованье волостному писарю 600 р., помощникамъ по 240 р. въ годъ, причемъ на каждыя 600 душъ опредѣлено имѣть по одному помощнику. Жалованье волостному голове назначено — 120 руб., старостѣ 60 руб., сторожу 15 руб., на канцелярскіе расходы, отопленіе и освѣщеніе волостнаго правленія 600 руб. Эти смѣты были утверждены въ 1878 году, и съ того года частная земская повинность возвысилась съ 45 на 96 коп., и члены волостнаго правленія стали получать жалованье по требовательнымъ вѣдомостямъ изъ казначейства. На жалованье сельскимъ писарямъ тоже начали составлять смѣты. Размѣръ жалованья опредѣленъ сборомъ не болѣе, какъ $56^{1}/_{4}$ коп. съ ревизской души.

Теперь вѣдѣнію волостнаго схода подлежитъ только раскладка внутренней повинности; въ составъ ея входятъ слѣдующія статьи расхода: на содержаніе училищъ (отъ 12 до 30 коп. съ души), на учительскую семинарію (100 руб. съ волости, на училище повивальныхъ бабокъ 25 руб. съ волости), на фельдшерскую квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, на жалованье и квартиру повивальной бабки, на призрѣніе въ богадѣльнѣ, на отопленіе волостной тюрьмы, на содержаніе въ городѣ шкорбетной пары для возки

арестантовъ, на содержаніе десятника при полицейскомъ управленіи, на наемъ подводъ подъ большія партіи проходящихъ арестантовъ, на содержаніе перевозовъ, на непредвидѣнные расходы.

Всѣ эти статьи расхода обязательны для общества, но нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть увеличены или уменьшены по усмотрѣнію волостнаго схода. Составленная сходомъ смѣта посылается на утвержденіе, и часто случается такъ, что деньги уже собраны и израсходованы, а утвержденіе смѣтъ еще не получено. Всѣ перечисленные сборы имѣютъ весьма благое назначеніе, но въ дѣйствительности они приносятъ мало пользы, и немаловажная ихъ часть идетъ въ пользу начальства. Такъ, напримѣръ, пособіе погорѣльцамъ дѣло хорошее; всякій крестьянинъ, у котораго сгорѣлъ домъ и всѣ службы, можетъ ходатайствовать о пособіи, и ему выдадутъ 45 рублей, безразлично, сколько бы ни стоилъ его сгорѣвшій домъ, но, чтобы получить это пособіе, нужно изъ него отдать волостному писарю 25 руб., иначе останешься ни съ чѣмъ. То же можно сказать и относительно сборовъ на межеваніе. Межеваніе было начато въ 60-хъ годахъ. Обмежеваны только нѣкоторыя волости, да неизвѣстно, также и то—кому приноситъ пользу это обмежеваніе, потому что ни въ волостяхъ, ни въ городѣ плановъ нѣтъ.

Сборъ на сельскихъ врачей приноситъ крайне незначительную пользу. Въ Минусинскомъ округѣ считается до 40,000 душъ, платящихъ по 9 коп. въ годъ, что составитъ болѣе 3-хъ тысячъ рублей; но вотъ уже болѣе 20 лѣтъ мѣсто врача здѣсь считается вакантнымъ. Во все это время былъ только одинъ врачъ, г. Струмило, но и тотъ былъ больной; два года прохворалъ, а на третій померъ. Бывали случаи прикомандированія сельскихъ врачей изъ другихъ мѣстъ, но время ихъ командировки или проходило въ дорогахъ, или даже въ проживаніи въ тѣхъ городахъ, изъ которыхъ они были командированы. Медицинскою частію въ округѣ завѣваетъ, большею частью, окружный врачъ, или, какъ его называютъ въ деревняхъ, „мертвецкій дохтуръ". По огромности пространства округа и множеству дѣлъ, онъ, конечно, едва можетъ справляться даже съ одними трупами, а жалованье, всетаки, получаетъ. Вакантнымъ остается мѣсто, конечно, потому, что жалованье 600 рублей въ годъ никого не привлекаетъ. Что касается до фельдшеровъ, то ихъ на весь округъ состоитъ три человѣка съ жалованьемъ 120 рублей въ годъ и съ отводомъ квартиры натурой. На аптекарскіе припасы имъ отпускается по 50 руб. въ годъ.

Совершенно оправдываетъ себя сборъ на учительскую семинарію, какъ на одно изъ необходимыхъ и полезныхъ учебныхъ заведеній. Жаль только, что сюда труденъ доступъ крестьянскимъ дѣтямъ; и должно полагать, что это заведеніе въ количественномъ отношеніи не удовлетворяетъ своему назначенію, потому что на учительскихъ мѣстахъ можно встрѣтить лицъ, не бывшихъ въ учительской семинаріи и вообще не подготовленныхъ къ своему дѣлу.

Училище повивальныхъ бабокъ несомнѣнно принесетъ пользу въ будущемъ, когда будетъ гуще народонаселеніе, а теперь 200-верстное пространство раіона повивальной бабки мало даетъ ей возможности приносить пользу. Отъ сельскаго врача, въ лицѣ волостнаго фельдшера, получающаго жалованья 120 рублей въ годъ, многаго и ожидать невозможно.

Въ богадѣльнѣ за время ея существованія, 20 лѣтъ, не призрѣвалось еще ни одного крестьянина, а только можно встрѣтить поселенцевъ; но и тѣ здѣсь не призрѣваются, а просто приходятъ сюда какъ слабые и больные; многіе изъ нихъ, поживъ тутъ недолго, умираютъ; крестьянскія же общества не считаютъ себя обязанными призрѣвать въ богадѣльнѣ ссыльно-переселенцевъ, такъ какъ у послѣднихъ на это есть капиталъ.

Остальныя статьи, какъ-то: содержаніе пары подводъ при полицейскомъ правленіи, десятники и проч.,—это обязательная повинность; точно такая же повинность въ нѣкоторыхъ волостяхъ—это общественные дома для квартиры участковаго засѣдателя. Между тѣмъ засѣдатели получаютъ особыя квартирныя до 200 р. въ годъ.

Члены волостнаго правленія и въ особенности волостной писарь имѣютъ большое вліяніе на количество сборовъ внутренней повинности и на натуральныя повинности. Такъ, при одной волости содержится 16 паръ подводъ, а при другой только 8, или въ одной и той же волости при однихъ членахъ волостнаго правленія содержалось 18 десятниковъ, а при другихъ только 12. Это можно видѣть на разности количества сборовъ 1881 и 1882 годовъ, потому что въ 1880 году смѣнили волостнаго писаря, занимавшаго эту должность 36 лѣтъ.

Въ 1883 году во всѣхъ волостяхъ составлены приговоры, чтобы подати платить не по ревизскимъ душамъ, а съ наличныхъ работниковъ. Такимъ образомъ, если данное общество имѣетъ 373 души ревизскихъ, то съ него слѣдовало бы за 1 по-

ловину 1884 года по 2 руб. 90 к. съ каждой души. Но въ этомъ обществѣ наличныхъ плательщиковъ 230 человѣкъ (отъ 17 до 65 лѣтъ). При распредѣленіи податей по наличнымъ работникамъ, каждому изъ 230 человѣкъ:

придется платить по	4 р. 85	коп.
Къ этому прибавляется волостной сборъ . . .	1 „ —	„
На класнаго писаря	— „ 56¼	„
Итого . .	6 р. 41¼	коп.

Переводъ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей на денежныя былъ бы тоже весьма выгоденъ. Необходимо было бы также обложить налогомъ людей, не занимающихся хлѣбопашествомъ, но получающихъ доходъ отъ иныхъ занятій, какъ-то: содержателей мельницъ, торговцевъ, строителей барокъ, покупщиковъ плотовъ. Такихъ людей въ общинѣ бываетъ обыкновенно человѣкъ 10. Но затѣмъ въ общинѣ всегда есть человѣкъ 5—6, мало способныхъ къ труду, какъ-то: бездомные сироты, не вполнѣ физически здоровые, или не по силамъ обремененные семействомъ. Справедливость требуетъ снять съ нихъ часть тягостей, распредѣливъ ее на перечисленныхъ промышленниковъ. Такимъ образомъ, большинство жителей деревни, т. е. 96% работниковъ-земледѣльцевъ, останутся плательщиками сами за себя *).

Помѣщая эти данныя и соображенія сибирскаго грамотнаго земледѣльца и видя замѣчательное знаніе своихъ дѣлъ и нуждъ, мы не могли не вынести убѣжденія, также какъ не придти къ заключенію, что народился въ краѣ уже грамотный дѣловой крестьянскій элементъ, который лучше всѣхъ можетъ разобраться въ своихъ земскихъ нуждахъ и что это болѣе всего служитъ подтвержденіемъ вѣрной и глубокой мысли выраженной въ статьѣ о Сибири „Зеркало Россіи" („Русская Мысль" 1883 года № 1), гдѣ доказывалась способность сибирскаго крестьянства къ земскимъ дѣламъ. Въ виду существующей запутанности и недостатка знаній и свѣдѣній о раскладкѣ податей, повинностей и земскаго дѣла въ Сибири, намъ кажется, было бы чрезвычайно полезно собрать мнѣнія крестьянъ общинниковъ и дать мѣсто земскому голосу крестьянскаго населенія въ Сибири при разсмотрѣніи указанныхъ вопросовъ.

*) Редактированіемъ этой статьи, также какъ и оцѣнкой содержащагося въ ней матеріала, редакція обязана С. Я. Капустину. *Ред.*

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ И РЕЛИГІОЗНЫЯ ПРАЗДНЕСТВА ВЪ КИТАѢ.

Изъ путешествія въ Монголію и Китай.

Во время пребыванія нашей экспедиціи въ Хобдо, въ первыхъ числахъ ноября, у китайцевъ былъ какой-то праздникъ, по случаю котораго втеченіе нѣсколькихъ дней въ восточной кумирнѣ давались театральныя представленія. На одномъ изъ нихъ намъ удалось быть. Отправились мы въ театръ въ 9 часовъ утра, по приглашенію нашего знакомаго купца г. Б. Когда мы пришли въ театръ, представленіе еще не начиналось, хотя актеры и музыканты были уже на сценѣ. Пришлось дожидаться стоя. Въ китайскомъ хобдинскомъ театрѣ креселъ для публики нѣтъ; зрители стоятъ среди открытаго двора между кумирней и зданіемъ со сценой. Только нѣкоторые побогаче находятъ возможность занять ложу въ боковомъ флигелѣ съ сидѣньемъ или, по знакомству съ актерами, протереться въ среду музыкантовъ и поставить для себя скамейку на самой сценѣ. Кумирня была открыта, т. е большое окно ея, обращенное къ сценѣ, было отворено и черезъ него мы увидали статую Чон-гуэ, божества загробной жизни. Монголы называютъ его Эрли-ханъ. Лицо бурхана сдѣлано красивымъ и молодымъ; черная борода изъ настоящихъ волосъ спускается до половины груди; одѣтъ бурханъ въ пунцовый халатъ съ крупнымъ узоромъ, на головѣ старинный китайскій уборъ изъ чернаго крепа съ серебряными, филигранной работы, пластинками, торчащими изъ-за ушей наподобіе крыльевъ мельницы. На столѣ передъ статуей были разложены приношенія вѣрующихъ— цѣлая туша барана съ головой, прикрытой такъ называемымъ „полотенцемъ", т. е. сальной плевой изъ внутренностей (omentum), множество бобо, или, правильнѣе, ман-ту, ю-бьяновъ, т. е. лепе-

*

шекъ, хлѣбцевъ и сладкихъ пирожковъ; горѣли свѣчи и курились тонкія курительныя палочки. Стѣны кумирни были разрисованы картинами всевозможныхъ казней; тутъ вѣшали, рубили головы, пилили людей на полосы и т. д. Передъ входомъ въ святилище стояла жаровня съ углями, въ которой богомольцы сжигали какіе-то листы цвѣтной бумаги съ іероглифами. Съ утра уже богомольцы стали приходить въ кумирню, чтобы сдѣлать земной поклонъ передъ бурханомъ и положить ему какую нибудь съѣдобную жертву.

Кромѣ бумажныхъ листовъ для сжиганія, нѣкоторые поклонники приносили пачку ракетокъ и въ то время, какъ жертвователь падалъ ницъ передъ бурханомъ, какой нибудь уличный монголъ или китаецъ на дворѣ кумирни устраивалъ ракетную пальбу.

Понемногу пространство между кумирней и сценой наполнилось толпой стоящихъ зрителей. Тутъ рядомъ стояли китайцы всякихъ состояній и возрастовъ, старички, одѣтые попроще да потолще, въ мѣховыхъ шапочкахъ съ придатками на лобъ и виски, не приподнятыми какъ у молодыхъ франтовъ кверху, а опущенными и плотно прилегающими къ старческому лицу, густо покрытому морщинами, какъ лицо какой нибудь макаки; молодые щеголеватые приказчики изъ богатыхъ торговыхъ домовъ съ гладкими лоснящимися лицами, съ косами, удлиненными до пятъ съ помощью чернаго шелка, съ серебряными брелоками при огнивѣ, выпущенными изъ-подъ шелковой курмы; грязные, вшивые пропойцы, курители опіума, опрятные кашгарскіе сарты въ своихъ ярко пестрыхъ шубахъ и вышитыхъ тюбитейкахъ, нашъ слуга Сіербай въ киргизскомъ ушастомъ малахаѣ, монголы въ нагольныхъ шубахъ, прокопченныхъ дымомъ аргала (кизяка).

Наконецъ, нѣсколько русскихъ полушубковъ. Этнографическая пестрота театральной публики указывала, что городъ стоитъ на границѣ великихъ народностей. И все это смѣшивалось самымъ демократическимъ образомъ; старый управляющій Аржановской компаніей стоялъ рядомъ съ монголомъ скотопрогономъ; вонючая шуба монгольскаго кавалериста рядомъ съ пропитаннымъ сюмбулемъ бешметомъ сарта.

Въ этой публикѣ было видно также много монголокъ; онѣ отличались своими богатыми нарядами; халаты самыхъ яркихъ цвѣтовъ, красные, синіе, лиловые, были выложены по подолу широкими цвѣтными лентами; голова и грудь каждой красавицы были обильно увѣшаны серебряными украшеніями. Особенно оригинальны украшенія въ видѣ образа въ серебряной рамѣ или кіотѣ, кото-

рый виситъ на груди на массивной серебряной цѣпи; самый образъ бурхана невеликъ, въ вершокъ, рѣдко въ два, но рама очень массивна. Десятокъ монголокъ, стоящихъ фронтомъ около стѣнки, были точь въ точь иконостасъ буддійскаго монастыря. Цѣпь, на которой виситъ образъ, идетъ по спинѣ въ видѣ помочей и оканчивается у пояса цѣлой кистью изъ разныхъ подвѣсокъ. Другая цѣпь пристегивается къ пуговицѣ халата; на ней также виситъ цѣлый арсеналъ серебряныхъ и даже золотыхъ орудій; тутъ уховертка, щипчики для волосъ, крючекъ для чистки курительной трубки. Эти монгольскія красавицы очень весело болтали, покуривая свои трубочки; кончивъ курить, онѣ выколачивали пепелъ о каблукъ, какъ это дѣлаютъ мущины, и засовывали трубки за голенища.

Въ боковыхъ ложахъ, или, лучше, комнатахъ боковыхъ флигелей, изъ оконъ которыхъ рамы на время представленій были вынуты, виднѣлись группы состоятельныхъ или чиновныхъ китайцевъ, которые, кажется, были заняты больше ѣдой и разговорами, чѣмъ представленіемъ на сценѣ. Въ одной изъ ложъ я видѣла богатую монголку съ ребенкомъ на рукахъ и въ глубинѣ ложи китайца, должно быть, изъ чиновныхъ. Здѣсь такой обычай; китайцы не имѣютъ права по закону привозить съ собой изъ застѣннаго Китая своихъ женъ, обзаводятся временными женами, или содержанками, изъ монголокъ, и приживаютъ съ ними дѣтей. Оставляя край и возвращаясь на родину, китаецъ покидаетъ свою жену и своихъ дѣтей, по большей части, навсегда. Говорятъ, впрочемъ, что китайцы всегда стараются обезпечить свою жену и дѣтей, выдѣливъ ей изъ нажитаго достатка порядочную долю. Въ Хобдо въ наше время было много такихъ оставленныхъ женъ, которыя, овдовѣвъ такимъ образомъ, всетаки, имѣли настолько достатка, что жили въ китайскихъ фанзахъ и держали прислугу, словомъ жили, не нуждаясь.

На этотъ разъ на сценѣ играли какую-то героическую піесу. Среди сцены на креслѣ сидѣлъ актеръ въ желтомъ шелковомъ халатѣ, порядочно-таки поотрепанномъ; на головѣ, вмѣсто короны, была надѣта повязка изъ лакированныхъ дощечекъ съ рисунками, распущенныхъ вѣеромъ, какъ карты въ рукѣ игрока. Другое дѣйствующее лицо, также изображавшее старика, было одѣто въ бѣдное черное платье: старикъ, повидимому, изображалъ уличнаго разносчика, онъ носилъ на плечѣ коромысло съ подвѣшеннымъ на обоихъ концахъ старымъ платьемъ. Очевидно, это былъ комиче-

скій актеръ; лицо его было измазано бѣлой краской; публика хохотала почти при каждомъ его словѣ. Затѣмъ на сценѣ появилась дѣвица, одѣтая и причесанная очень кокетливо; въ волосахъ ея торчалъ малиновый султанчикъ и дрожалъ при каждомъ движеніи. Смотря на бѣлое румяное лице, а главное на граціозныя, женственныя позы, мы едва могли узнать въ этой милой особѣ одного изъ китайскихъ солдатъ, котораго не дальше какъ утромъ мы видѣли въ его дабовой шубѣ, приходившимъ въ русскую лавку что-то покупать. Впрочемъ, когда онъ повернулся къ публикѣ задомъ, предательская шуба показалась изъ-подъ дѣвичьей курмы. На сценѣ появились, очевидно, отецъ и мать дѣвицы, а также младшіе братъ и сестра. Костюмы, по возможности, сообразовались съ ролями, только мать оказалась съ большими черными усами. Часто разговоры дѣйствующихъ лицъ прерывались длинными аріями и дуэтами; для насъ, не понимавшихъ ни слова, эти аріи казались безконечно длинными. Бытовыя сцены смѣнялись чѣмъ-то въ родѣ балета, гдѣ всѣ участвующіе были въ маскахъ и фантастическихъ костюмахъ. Гримировка китайцевъ до крайности груба, но въ то же время не лишена характерности; очевидно, что она выработана продолжительнымъ изученіемъ эффектовъ красокъ и линій. Нѣсколько мазковъ кисти по лицу черной или бѣлой краской, искусно расположенныхъ, значительно усиливаютъ типичность лица. То красная краска каррикатурно увеличитъ ротъ, то бѣлая вертикальная черта поперекъ глаза сдѣлаетъ его миганье болѣе замѣтнымъ и этимъ достигается какой нибудь особый эффектъ. Декорацій въ хобдинскомъ театрѣ вовсе нѣтъ. Только однажды, когда нужно было одному дѣйствующему лицу сказать какую-то рѣчь съ городской стѣны, на сцену въ нужную минуту внесли занавѣсъ и растянули его ребромъ къ публикѣ; на занавѣсѣ оказалась нарисованная городская стѣна, позади занавѣса поставили столъ, а на него табуретъ; актеръ залѣзъ на табуретъ, и такимъ образомъ одна половина зрителей имѣла удовольствіе видѣть человѣка, стоящаго на городской стѣнѣ, другая же часть зрителей видѣла просто стоявшаго на табуретѣ актера.

Музыканты въ китайскомъ театрѣ помѣщаются на той же сценѣ, гдѣ играютъ актеры, только они сидятъ сбоку.

Музыка и театръ невысоко стоятъ у китайцевъ, если судить по тѣмъ образчикамъ, какіе были передъ нами. Впрочемъ, намъ нельзя сравнивать ихъ театръ съ нашимъ—у нихъ это чисто народное удовольствіе; между актерами мы узнавали знакомыхъ куп-

цовъ, солдатъ и чиновниковъ. Музыка не нравилась намъ: едва-едва прорвется мотивъ, сколько нибудь пріятный на нашъ вкусъ. Преобладающій инструментъ—скрипки, но самаго грубаго устройства; есть трубы, флейты, тарелки, барабаны и просто палочки и дощечки, въ которыя ударяютъ въ тактъ. Китайская скрипка имѣетъ такой жалкій голосокъ, едва погромче осинаго, такъ что другой большой шмель заглушитъ ее. И рядомъ съ этими-то пискунами усердствуетъ другая половина оркестра, которая по своей немузыкальности можетъ быть поставлена рядомъ только съ тѣми трещотками, съ какими въ нашихъ уѣздныхъ городахъ ходятъ ночные сторожа. Точно также не понравилось намъ и китайское пѣніе. Въ немъ много реальныхъ звуковъ, плачъ матери навзрыдъ надъ убитымъ ея ребенкомъ, крики отчаянія или боли и т. п., но полнѣйшее отсутствіе мелодіи, изъ которой одной состоятъ пѣсни иныхъ дикихъ кочевыхъ племенъ. Говорятъ, что театральное пѣніе въ Китаѣ есть пѣніе ученое и считается высшимъ родомъ музыки, но что, кромѣ того, есть народные мотивы, распѣваемые въ деревенскихъ захолустьяхъ и пріятные для европейскаго уха, но не уважаемые китайскими просвѣщенными классами. Намъ этихъ деревенскихъ пѣсенъ, къ сожалѣнію, нигдѣ не удалось слышать; въ Хобдо всѣ солдаты не напѣвали другихъ мотивовъ, кромѣ „ши", т. е. кромѣ сценическихъ.

На другой день статуя Чон-гуэ была перенесена въ югозападную кумирню; это совершилось съ большой торжественностью для такого маленькаго городка какъ Хобдо. Утромъ, на разсвѣтѣ, мы были разбужены ударами большихъ мѣдныхъ тарелокъ, возвѣщавшихъ городскимъ жителямъ о началѣ торжественнаго дня. Но до десяти часовъ утра особеннаго ничего не происходило. Въ десять часовъ отъ восточной кумирни показалась процессія. Впереди бѣжали мальчуганы, одѣтые въ шутовскіе длинные не по возрасту кафтаны. Мальчуганы несли знамена, на которыхъ были нарисованы драконы. Эта веселая компанія, забѣжавши съ знаменами впередъ, садилась среди улицы на корточки и поджидала остальную процессію. За знаменами шли китайцы и монголы съ большими деревянными колодками на шеяхъ, какія надѣваются за преступленія; по объясненію нашихъ знакомыхъ, это былъ добровольный подвигъ умерщвленія плоти. Далѣе слѣдовали два китайца, одѣтые въ маскарадный костюмъ зеленаго цвѣта съ ажурными металлическими шлемами на головахъ. Они вели двухъ коней подъ красивыми сѣдлами, обитыми атласомъ. За лошадьми

шли музыканты, уже видѣнные нами въ театрѣ. Далѣе, окруженныя толпой народа, двигались большія красныя носилки. Спереди онѣ были, открыты и отсюда было видно сидящаго въ нихъ наряднаго Чон-гуэ. Съ боку носилокъ, поддерживая ихъ одной рукой, шелъ дряхлый, кривой старикъ въ чиновничьей шапкѣ. Это былъ городской палачъ, какъ кажется, главный служитель кроваваго бога Чон-гуэ. Обошедши по улицамъ Хобдо, процессія прошла въ южную кумирню; передъ входомъ въ часовню, бурхана съ его креслами сняли съ носилокъ и помѣстили въ главную нишу. Какой-то человѣкъ съ лицомъ, покрытымъ бронзовой краской, въ необыкновенномъ костюмѣ, и за нимъ палачъ что-то провозгласили народу, послѣ чего началось поклоненіе. Прежде всего подошелъ чиновникъ въ шапкѣ съ шарикомъ и перомъ, единственный представитель полицейской власти, всталъ на колѣни передъ жертвеннымъ столомъ, приложилъ обѣ руки, сложенныя ладонями вмѣстѣ, ко лбу и поклонился до земли. За нимъ продѣлалъ то же самое и остальной народъ, входя въ кумирню по одному. Въ этотъ день опять были театральныя представленія, а вечеромъ повторялись поклоненія богомольцевъ въ кумирняхъ. Съ четырехъ часовъ вечера началось оживленіе на улицахъ; у лавокъ и въ воротахъ домовъ развѣшивались цвѣтные фонари. Народъ шелъ въ кумирню Хыжянь-э, куда утромъ была отнесена статуя Чон-гуэ, или Эрлихана. Передъ бурханомъ горѣли или курились свѣчи; приходящіе сожигали душистую бумагу; какой-то старикъ ударялъ время отъ времени въ мѣдную чашу. Звуки эти, вѣроятно, предназначались къ тому, чтобы настроить публику къ набожности, что не мѣшало тому же самому звонарю отпускать какія-то шутки, отъ которыхъ публика разражалась хохотомъ. Почтенія къ священному мѣсту не сказывалось и въ томъ, что всѣ курили трубки и входили раскуривать ихъ въ кумирню къ свѣчамъ, горящимъ на алтарѣ. Между тѣмъ, повидимому, такое поведеніе и свободное обращеніе съ божествомъ не исключало возможности быстраго перехода къ набожному настроенію китайской толпы, продолжающей жить въ состояніи дѣтской религіозности.

Въ сумерки появились опять носилки, мальчики снова надѣли свой церемоніальный костюмъ, разобрали знамена, фонари и зонты; палачъ, вставъ у бурхана сбоку, проговорилъ громкимъ голосомъ какую-то рѣчь или молитву, почему-то принятую присутствующими со смѣхомъ; опять явился чиновникъ, совершилъ первый поклонъ, за нимъ поклонились другіе, послѣ чего бурхана вынесли и по-

ставили въ носилки. Музыка заиграла и процессія тронулась, освѣщаемая разноцвѣтными фонарями. Въ улицу процессія вошла при оглушительномъ трескѣ ракетокъ. Въ окнахъ лавокъ и въ воротахъ зажиточныхъ домовъ стояли столики съ различными чашечками съ ѣдой и печеньями, съ горящими свѣчами, съ курительными палочками и фонарями. Особенно набожные во время приближенія процессіи становились на колѣни и бросали по направленію божества зерна и капли воды. Слѣдуя за божествомъ, мы прошли, между прочимъ, мимо дома нашего знакомаго дрогиста Сунъ-тэнъ-сы, и я видѣла, какъ онъ съ сосредоточеннымъ видомъ творилъ земные поклоны. У каждаго богатаго дома былъ приготовленъ зарядъ бу или ракетокъ, и какъ только процессія приближалась, раздавался взрывъ и пальба, толпа бросалась въ сторону, а мальчишки спѣшили на мѣсто взрыва подбирать ракетки, упавшія на землю неразорванными, чтобы потомъ имѣть удовольствіе устроить свой собственный фейерверкъ. Шумъ и веселый смѣхъ провожали шествующаго бога казней и смерти. Дойдя до нашего дома, мы оставили процессію и вернулись къ себѣ. Долго еще послѣ того къ намъ въ комнату доносилась ракетная пальба и музыка, потому что день этотъ закончился параднымъ ужиномъ у амбаня.

Этимъ кончились чествованія Эрли-хана, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончились и театральныя представленія.

Слѣдующее празднество, справленное китайцами при насъ, былъ Новый годъ. Монголы называютъ этотъ праздникъ Цаганъ-саръ, „бѣлый мѣсяцъ". Еще за цѣлую недѣлю началась уборка комнатъ и дворовъ. Надъ фанзами нашихъ сосѣдей были выставлены маленькіе бѣлые бумажные флаги; въ фанзахъ оклеивали стѣны или, по крайней мѣрѣ, окна новой бумагой. Домашній скарбъ выносился на дворы и здѣсь выколачивался и перетряхивался. Затѣмъ началась стряпня. Пекли мантху, разные сладкіе пирожки и печенья. Крошили лапшу, очевидно, про запасъ. Нашъ сосѣдъ Шилеу-лю устроилъ на дворѣ очагъ, на которомъ грѣли воду; отъ сосѣдей принесли корыто съ желобомъ для стока воды. Сіербай, увидавъ эти приготовленія, пришелъ намъ сообщить, что китайцы собираются „чушка мыть!". Приготовлялись зарѣзать и ошпарить свинью, необходимую принадлежность стряпни на новый годъ. Колоть пригласили мясника; по словамъ знатоковъ, онъ мастерски сдѣлалъ свое дѣло. Чтобы обварить тушу, ее положили въ корыто, такъ что вода изъ желоба опять попадала въ кипящій котелъ.

щетину скоблили особымъ, назначеннымъ для этой цѣли, скребкомъ. Вся уборка скотины съ очисткой внутренностей заняла не болѣе двухъ часовъ.

Наканунѣ праздника, 29-го января по нашему стилю, на дворахъ богатыхъ людей были выстроены павильоны, убранные цвѣтной матеріей и бумагой, ворота украсились фонарями, а на столбахъ, дверяхъ и ставняхъ, закрывающихъ лавки, были наклеены листы красной бумаги съ іероглифами. Украшая свои двери, наши сосѣди-китайцы были на столько любезны, что и на наши двери наклеили красныя бумажки, вѣроятно, съ мудрыми изреченіями изъ классическихъ книгъ; кромѣ того, появился еще лоскутокъ желтой бумаги, развѣвавшійся надъ верхнимъ косякомъ нашей двери, и зеленая бумага на кровлѣ. Вѣроятно, все это имѣло какое нибудь значеніе; мы не понимали ничего, но я въ глубинѣ души была очень довольна этими знаками вниманія. Появились эти этикеты совершенно сюрпризомъ, вѣроятно, ночью, такъ что мы не знали, къ кому отнести эту любезность — къ хозяину ли, старику Кы-хао-чы, или къ семейству Шилеу-лю.

Кы-хао-чы подарилъ намъ также картинку, гдѣ въ три этажа изображались похожденія какого-то молодаго человѣка, а его братъ Пату принесъ намъ коробку кондитерскаго печенья въ родѣ бисквитныхъ, которыя въ Хобдо привозятъ изъ Хуху-хото, и кромѣ того, произведенія своего поварскаго искусства—самые разнообразные и очень вкусные пирожки.

На улицахъ чувствуется праздникъ. Изъ лавокъ идутъ съ закупками; одинъ несетъ рыбу съ наклеенными на спинѣ бумажками, другой свѣчи, окрашенныя въ розовый цвѣтъ; старики-повара тащутъ кочни капусты и другой зелени. Не достаетъ на улицахъ только женщинъ и слишкомъ мало дѣтей, для окончательнаго оживленія города.

Къ вечеру начались на всѣхъ дворахъ дальнѣйшія приготовленія. У Шилеу-лю вынесли на дворъ столъ, поставили его къ стѣнѣ около дверей въ ихъ квартиру и убрали его цвѣтной бумагой, причемъ большую роль играли лодочки, сдѣланныя изъ золотой и серебряной бумаги, похожія на золотыя и серебряныя ямбы, слитки золота и серебра, употребляемые въ торговлѣ; эти бумажныя лодочки, по словамъ Ляйшидзы, средняго сына Хуа-Хуа, украшавшаго столъ, должны были быть приняты китайскими божествами за пожертвованныя имъ настоящія металлическія ямбы. На столъ положили жертвеннаго барана, цѣлаго съ рогами

и ногами, только безъ шкуры; ради красы, онъ былъ покрытъ сѣткой изъ пунцовой бумаги; кругомъ него были разложены всевозможныя печенья или сушеные и мороженые фрукты. Въ Хобдо къ этому празднику привозятъ изъ Хуху-хото или Гучена мороженый виноградъ, ранеты и яблоки. Надъ столомъ было два фонаря, повѣшенные на кровлѣ дома.

На другихъ дворахъ такіе столы съ жертвоприношеніями были поставлены въ особо устроенныхъ посреди двора павильонахъ. Въ глубинѣ павильона ставится доска или скрижаль, покрытая надписями. У Шилеу-лю, вмѣсто доски, былъ просто листъ бумаги, приклеенный на стѣну дома. Ляйшидзы сказалъ мнѣ помонгольски, что это бурханъ.

Главная улица къ вечеру была вся увѣшана самыми разнообразными фонарями, у воротъ каждаго дома было ихъ по два и больше; въ другой узкой улицѣ черезъ дорогу были протянуты веревки, сплошь увѣшанныя бумажными разноцвѣтными флагами. На дорогѣ, противъ каждаго дома, былъ сложенъ небольшой костеръ; дрова большею частью раскладывались не просто на землѣ, а въ желѣзныхъ котлахъ. Поверхъ дровъ на кострахъ лежала желтая бумага, приготовленная къ сожженію въ урочный часъ. Нашъ домовладѣлецъ Кы-хао-чы устроилъ свой костеръ не на улицѣ, а въ глубинѣ двора противъ своей квартиры. Старики не устроивали себѣ жертвеннаго стола; по крайней мѣрѣ, на дворѣ возлѣ дверей ихъ такого стола не было. Вѣроятно, они были не на столько богаты, чтобы допустить себѣ эту роскошь. Когда смерклось, Кы-хао-чы вынесъ на дворъ двѣ зажженныя курительныя палочки и безъ дальнихъ околичностей воткнулъ ихъ въ мусорную кучу среди двора. Можетъ быть, въ этомъ заключалась и вся его дань богамъ.

Дѣти, похаживая около столовъ и любуясь на вывѣшенные фонари, не могли дождаться вечерняго джина. Въ сумерки всѣ уже были одѣты въ новое платье; работы всѣ были окончены; Кын-шыцо, маленькій сынишко Шилеу-лю, въ новомъ халатѣ и голубой атласной шапочкѣ былъ такъ нетерпѣливъ, что даже насъ спрашивалъ: „нѣтъ ли уже джина?“ Наконецъ, въ крѣпости выпалили изъ пушки, возвѣщая вечерній джинъ; по улицамъ прошелъ сторожъ, ударяя въ огромныя мѣдныя тарелки; вездѣ зажгли фонари. Главная иллюминація и костры должны были, однако, запылать только въ два часа ночи.

Вслѣдъ за ударами джина семья и домочадцы Шилеу-лю вы-

шли на дворъ и преклонили колѣни передъ бараномъ: говорю такъ потому, что за украшеннымъ бараномъ скромнаго бумажнаго бурхана совсѣмъ не было видно. Послѣ въ ихъ квартирѣ все время слышался смѣхъ и говоръ; мнѣ казалось, что шла какая-то игра въ родѣ нашихъ фантовъ. По временамъ произносились какъ будто тосты. Въ другихъ домахъ слышалась музыка.

10-го февраля у китайцевъ опять начались театральныя представленія, на этотъ разъ въ кумирнѣ Лаодзы, въ сѣверной крѣпости. Теперь, благодаря Шичинго, старшему сыну Шилеу-лю, приходившему къ намъ часто по вечерамъ и иногда сообщавшему содержаніе видѣнныхъ нами піесъ, мы могли съ большимъ интересомъ ходить въ театръ.

Въ первый день въ кумирнѣ шли піесы, гдѣ дѣйствующими лицами были древніе цари, герои и божества; игра напыщенная, никто изъ актеровъ спроста не скажетъ слова и не сдѣлаетъ шага, всѣ утрируютъ. Намъ скоро надоѣло смотрѣть на это совершенно непонятное представленіе, въ которомъ музыка вдобавокъ напоминала настройку инструментовъ.

На другой день мы попали на жанровую піесу, благодаря Шичинго, который наканунѣ извѣстилъ насъ, что пойдетъ интересная вещь; росписаніе піесъ, назначенныхъ къ игрѣ — составляемое самимъ амбанемъ—бываетъ наклеено на всѣхъ углахъ улицъ, но намъ эти афиши, конечно, были непонятны. Шичинго сказалъ, что *этотъ день*—главный день праздника; въ этотъ день надлежитъ вымыться и идти въ кумирню на поклоненіе (по словамъ г. Васильева, у китайцевъ даже въ календаряхъ указаны дни, въ какіе слѣдуетъ мыться).

По дорогѣ въ кумирню поставлены были вѣхи съ красными фонариками для вечерней иллюминаціи. Не доходя театра, намъ встрѣтился экипажъ, ѣдущій за женой амбаня—двухъ-колесная синяя карета, запряженная муломъ; кучеръ велъ мула подъ уздцы, а впереди ѣхалъ верхомъ чиновникъ. Черезъ полчаса супруга амбаня появилась въ ложѣ съ другой знатной дамой, женой игалдана, въ вѣдѣніи котораго, если не ошибаюсь, находятся монголы. Обѣ дамы были съ открытыми головами въ искусственныхъ цвѣтахъ и съ шелковыми помпонами въ волосахъ. На нихъ были надѣты шелковыя яркихъ цвѣтовъ кофты, ихъ прекрасныя лица могли также считаться принадлежностью туалета: до такой степени отъ бѣлилъ и румянъ они утратили всякую натуральность. Дамы сидѣли рядомъ и, повидимому, очень дружески бесѣдовали

между собой. Въ глубинѣ ложи виднѣлось еще нѣсколько женскихъ головъ, а передъ ложей снаружи стояло двое хорошо одѣтыхъ дѣтей, дѣвочка лѣтъ десяти и мальчикъ поменьше; у нихъ въ волосахъ тоже были цвѣты; дѣвочка ходила уже переваливаясь на изуродованныхъ ножкахъ. Дѣти эти подавали огонь амбанямъ, сидѣвшимъ въ сосѣдней ложѣ, когда тѣ закуривали трубки.

На сценѣ шла въ это время драма: „Санъ-чанъсалу" т. е. „убійца Санъ-чанъ". Къ драмѣ примѣшивалось много и комическаго элемента. Главныя дѣйствующія лица—мужъ и его модная капризная жена, выданная за него по неволѣ и любящая другаго. На сценѣ любезности мужа отвергались съ очевиднымъ презрѣніемъ; наступившая ночь прошла въ томъ, что жена пѣла жалобную арію въ то время, какъ мужъ спалъ и съ громкими зѣвками просыпался только при звукахъ каждаго джина, которыхъ, кстати сказать, бываетъ нѣсколько. Когда просыпался мужъ, жена притворялась спящей. Надо прибавить, что спали они, сидя въ креслахъ. На сцену появлялась также теща, роль которой игралъ кто-то очень искусно. Появилась она, напѣвая дѣтскую пѣсенку. Лице ея было вымазано бѣлымъ, кажется съ цѣлью указать на ея хозяйственныя занятія по кухнѣ и на возню съ мукой. Мать упрашивала о чемъ-то дочку, причемъ становилась передъ ней на колѣни. Въ слѣдующій выходъ на сцену теща выплеснула помои изъ полоскательной чашки, которую несла въ рукахъ, и какъ будто нечаянно попала въ лицо какому-то новому персонажу. Этотъ фарсъ былъ сыгранъ мастерски и возбудилъ разумѣется взрывъ хохота. Новое лице въ піесѣ было совершенно непонятно для насъ; вѣроятно, это былъ шутъ; лицо его было перепачкано краской, на головѣ красный колпачекъ, которымъ онъ былъ очень занятъ, въ перебранкѣ за выплеснутые помои онъ, повидимому, смѣшилъ публику, претендуя больше за испорченную шапку, чѣмъ за пострадавшее лице. Коса его была гдѣ-то запрятана, а усы, молодцовато закрученные кверху, а также чрезвычайно живая мимика и жестикуляція, дѣлали его скорѣе похожимъ на поляка или француза, чѣмъ на китайца. Во время сна молодыхъ онъ, очевидно, успѣваетъ обмануть тещу и подбросить какой-то предметъ на столъ жены. Мужъ просыпается, изображаетъ живѣйшее безпокойство, принявъ незнакомую ему фигуру за вора, и, не успѣвъ надѣть верхняго платья, бросается вслѣдъ за убѣгающимъ авантюристомъ. Черезъ минуту онъ снова появляется на сценѣ съ признаками страха и отчаянія, ищетъ что-то по всей комнатѣ, ползая на колѣ-

няхъ и перетряхивая каждый попавшійся предметъ. Жена, проснувшаяся въ то время, какъ мужъ убѣгалъ за мнимымъ воромъ, подняла съ полу письмо и спрятала его. Затѣмъ она надѣла фартукъ, что для насъ, зрителей, должно было означать, что она взялась за хозяйство. Возвратившійся мужъ пристаетъ къ ней съ вопросами, грозитъ ей. Она не отдаетъ письма. Онъ на нее наступаетъ, грозитъ; она защищается. Тогда мужъ начинаетъ упрашивать ее, становится передъ нею на колѣни, но ничто не помогаетъ. Мужъ садится за столъ и пишетъ, причемъ содержаніе письма поетъ, что значительно удлинняетъ переписку. Потомъ опять ссора; мужъ бросается на жену, и дѣло кончается убійствомъ. При этомъ лицо убійцы мгновенно покрывается кусочками красной бумаги, ловко наклеенными въ минуту совершенія преступленія. На крикъ жертвы вбѣгаетъ мать, но убійца успѣваетъ убѣжать со сцены. Убитая тоже проворно встаетъ и скрывается въ дверяхъ. На опустѣлой сценѣ снова появляется старикъ въ красной шапочкѣ и за нимъ полицейскій, который его догоняетъ, надѣваетъ ему веревку на шею и уводитъ.

Публика очень довольна такими сценами и слушаетъ ихъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ піесы съ царями. Всѣ стараются встать такъ, чтобы было виднѣе, дѣти взлѣзали на небольшія тополевыя деревца, растущія на дворѣ кумирни, а записные любители забрались даже на сцену къ музыкантамъ; это были преимущественно откормленные, розовые, съ маленькими припухлыми глазками, молодые купеческіе сынки.

Содержаніе разсказанной піесы помогъ мнѣ понять Шичинго, пересказавъ ея содержаніе помонгольски, когда, по возвращеніи изъ театра, зашелъ въ нашуфа нзу. Но когда во время его разсказа вошелъ къ намъ старый Кы-хао-чы, Шичинго замолчалъ на полусловѣ и сказалъ послѣ, что разсказывать „ши", т. е. піесу, иностранцу считается преступленіемъ; „ши" будто бы священная вещь. Выдумалъ онъ это или нѣтъ,—не знаю. Если не выдумалъ, то весьма странно совмѣстить—священная вещь и въ то же время шутовскія выходки, арлекинада, мѣстами даже попытки поканканировать, что всегда вызываетъ дружный сочувственный смѣхъ зрителей. Даже піесы съ царями и богами не лишены площадныхъ фарсовъ. Нахохотались надъ этими фарсами, надоѣло смотрѣть комедію, идутъ въ кумирню и преклоняютъ колѣни передъ бронзово-лицымъ Лаодзы. Ради праздника, бурханъ былъ облеченъ въ новый халатъ изъ великолѣпнаго зеленаго атласа; передъ нимъ стоялъ жертвенный

баранъ, курилось много курительныхъ свѣчъ и горѣли двѣ красныя восковыя.

Кромѣ того, мы были еще на одномъ спектаклѣ. На этотъ разъ костюмы были еще великолѣпнѣе, но піеса еще непонятнѣе. Только и осталось въ памяти, что лицо главнаго трагика было сплошь разрисовано черной и красной краской. Съ головы его на спину спускались два ирбисовыхъ хвоста, а на темени были укрѣплены два необыкновенно длинныя пера изъ хвоста золотистаго фазана, красиво колыхавшіяся въ воздухѣ. Высокую трагедію опять смѣнилъ водевиль, гдѣ появлялись два оборванныхъ старика и затѣмъ волшебникъ съ совершенно чернымъ лицомъ. Между явленіями одинъ изъ актеровъ разъ или два прокатился колесомъ по сценѣ. Партеръ, т. е. публика, стоящая на дворѣ, осталась этимъ очень довольна; дамамъ же, сидящимъ въ ложахъ, въ это время подавали завтракъ, и онѣ сидѣли спиной къ сценѣ.

Не довольствуясь постоянными театрами при кумирняхъ, китайцы устроили въ эту зиму еще театральные подмостки среди города, на главномъ перекресткѣ. Матеріаломъ для этого временнаго балагана послужило нѣсколько досокъ, шестовъ, цыновокъ и главнымъ образомъ разноцвѣтная даба; потолокъ сшитъ изъ бѣлыхъ и синихъ квадратовъ дабы, а сцена окружена сѣткой, сплетенной изъ разноцвѣтныхъ полотнищъ, гдѣ слѣдуетъ, съ бантами и драпировками. Это сооруженіе дѣлало большую честь вкусу и искусству хобдинскихъ солдатъ, строившихъ его. Сцена открытой стороной обращена на сѣверъ; противъ нея, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, была устроена небольшая копія кумирни, обращенная дверью къ театральному балагану; это былъ шалашъ изъ бумажной матеріи, въ немъ столъ съ небольшой доской съ іероглифами и передъ ними курительныя палочки. На сценѣ шли представленія во время монгольскаго праздника въ честь бога Майдура.

Входъ въ хобдинскіе театры безплатный; платится, кажется, только за ложи. Актеры добровольцы изъ мѣстныхъ жителей; расходы на ремонтъ, костюмы и бутафорскія вещи, которыя сдѣланы прежде и хранятся при кумирняхъ, а также на чай и угощеніе во время представленій, дѣлаются на постоянный сборъ съ домовладѣльцевъ, такъ что мы могли себя считать участниками въ этомъ налогѣ черезъ ту плату за квартиру, которую мы отдавали нашему Кы-хао-чы. Разъ, кажется, актеры ходили по городу толпой и собирали съ жителей особыя подаянія; не знаю, былъ ли это единовременный сборъ на постройку временнаго театральнаго балагана

къ празднику Майдура, или этотъ сборъ дѣлался въ пользу актеровъ и послѣ представленій въ постоянныхъ театрахъ при кумирняхъ. Во время самыхъ представленій богатые люди также подаютъ на сцену кирпичи чая, куски матеріи и т. п. Представленія начинаются въ 10 часовъ и продолжаются до сумерекъ съ перерывами не больше того, сколько нужно чтобы выпить чашку чаю и закусить. Одна піеса смѣняется другой, и можно идти въ театръ въ которомъ часу дня захочешь.

Хотя мы и не понимали содержанія піесъ, тѣмъ не менѣе бытовыя сцены, особенно комическія, знакомили насъ съ внѣшней стороной китайской жизни. Гдѣ бы мы увидѣли сцену, какъ семейство встрѣчаетъ воротившагося послѣ продолжительнаго отсутствія китайскаго купца, какъ навстрѣчу ему бросается его молоденькая дочь? Или китайца, умаливающаго жену, стоя передъ ней на колѣняхъ? Или ревнивую и подозрительную китаянку, то и дѣло выскакивающую изъ кухни въ комнату мужа, то съ кухоннымъ вѣничкомъ, то съ кухонной посудой, чтобы поймать невѣрнаго мужа? Жаль только, что внѣшняя обстановка піесъ не совсѣмъ была полна. Костюмы, впрочемъ, соотвѣтствовали содержанію, и не смотря на то, что хобдинскій театръ собственно не болѣе, какъ нашъ ярмарочный балаганъ, въ историческихъ піесахъ, повидимому, относительно костюмовъ была соблюдена историческая правда. Но кулисъ не было вовсе. Когда въ одной сценѣ пришлось представить дѣвицу, посаженную въ тюрьму, послѣднюю изобразили два табурета, поставленные одинъ на другой; узница выглядывала на зрителей между ножками верхняго табурета, и это означало, что она смотритъ изъ окна тюрьмы.

Такова сценическая иллюзія китайскаго театра.

А. Потанина.

МІРОСОЗЕРЦАНІЕ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЧЕСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

(Этнографическіе матеріалы).

Мы имѣемъ самыя смутныя и ложныя понятія о нашихъ инородческихъ племенахъ и ихъ жизни. Если мы слыхали о племенныхъ ихъ особенностяхъ, внѣшности, нравахъ, занятіяхъ, то весьма мало имѣемъ понятія о ихъ міросозерцаніи, ихъ духовной жизни, о ихъ понятіяхъ, чувствахъ, о ихъ пѣснѣ, поэзіи, народномъ творчествѣ. Почему-то у насъ установилось мнѣніе, что инородцы, извѣстные подъ именемъ язычниковъ, имѣютъ крайне грубыя и простыя религіозныя понятія, поклоняясь уродливымъ идоламъ или камнямъ, горамъ и т. п. Шаманизмъ до сихъ поръ именно представлялся только со стороны внѣшняго жреческаго обряда съ экзальтированнымъ жрецомъ, болтающимъ всякій вздоръ. Конечно, людямъ, не понимавшимъ языка, не записывавшимъ вѣрованій, легендъ, значенія обрядовъ, трудно было составить какое либо представленіе о культѣ народовъ, жившихъ въ неизвѣстности цѣлые вѣка. Съ точки зрѣнія науки, между тѣмъ, эти культы, вѣрованія и представленія инородческихъ племенъ именно и должны приковывать интересъ. Прежде всего надо замѣтить, что наши инородцы въ Сибири какъ финскаго, такъ тюркскаго и монгольскаго племени — далеко не дикари, подобно африканцамъ и австралійцамъ. Это остатки обширныхъ племенъ Азіи, имѣющіе свою культуру, свои воззрѣнія, вѣрованія, выработанныя вѣками. Они пережили отъ первобытныхъ понятій цѣлый рядъ вѣрованій; здѣсь были свои переходы, свои стадіи. Такимъ образомъ, самое язычество представляетъ массу видоизмѣненій. Шаманизмъ одного племени нѣсколько отличается отъ другаго. По послѣднимъ изслѣ-

дованіямъ, шаманизмъ весьма близокъ къ древнему пантеизму; на почвѣ этого пантеизма выработалась цѣлая миѳологія. Дикарь отъ обожанія природы переходилъ къ животному эпосу, затѣмъ къ героическому. Все это доселѣ сохраняется въ памяти и въ легендахъ сибирскихъ племенъ. Понятно, какой драгоцѣнный источникъ заключается здѣсь для этнографіи.

Въ нашемъ распоряженіи находится нѣсколько матеріаловъ, доставленныхъ намъ лицами, работавшими надъ изученіемъ инородческаго быта. На этотъ разъ мы помѣщаемъ очеркъ миссіонера отца Василія Вербицкаго: Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ.

Надо замѣтить, что алтайцы или тюркскія племена Алтая доселѣ боготворятъ горы. Они весьма часто называютъ ихъ *Яикъ* (священный). Высочайшія горы, какъ Абаканъ, высочайшій пикъ катунскаго хребта, Бѣлуха, вызываютъ ихъ почитаніе. Высочайшая скала около Телецкаго озера, Алтынъ-Таганъ, также считается священною горою. Въ представленіяхъ ихъ эти горы какъ бы живыя существа, онѣ имѣютъ свою исторію; по понятіямъ инородцевъ, это бывшіе богатыри. На Телецкомъ озерѣ Алтынъ-Таганъ съ сосѣдними скалами называется отецъ, сынъ, сноха. Точно также и рѣки ведутъ свою родословную отъ какихъ-то миѳическихъ живыхъ существъ. Бія и Катунь (Хатунъ), какъ извѣстно, у алтайцевъ олицетвореніе мужчины и женщины: женщина хотѣла перебѣжать дорогу мужчинѣ. Это одушевленіе рѣкъ и сравненіе ихъ съ двумя кипучими жизнями, подъ конецъ слившимися въ одну спокойную рѣку, показываетъ, сколько образной поэзіи заключается въ этихъ легендахъ. Сказанія о горахъ, записанныя отцомъ В. Вербицкимъ, открываютъ намъ богатый эпосъ. Здѣсь изъ міра мертвой природы возстаютъ предъ вами живыя миѳологическія существа; это древній міръ боговъ, сошедшій на землю, долго дѣйствовавшій, совершавшій здѣсь подвиги, подобно греческимъ богамъ, и затѣмъ застывшій въ каменныхъ громадахъ, оставивъ послѣ себя преданія въ народной памяти о своихъ подвигахъ.

Воображеніе нынѣшняго алтайца также живо, какъ и въ древности,—иначе племена эти утратили бы свои преданія, какъ мы утратили свои миѳы. Эти горы доселѣ живутъ передъ нимъ, дышатъ и говорятъ ему о своихъ похожденіяхъ. Эта близость дикаря съ природою объясняетъ многое въ его жизни и воззрѣніяхъ, она же лежитъ въ основѣ его религіозныхъ чувствъ.

На этой стадіи мы видимъ, какъ человѣкъ живетъ воображеніемъ; воображеніе первобытнаго человѣка и его фантазія ра-

ботаютъ сильнѣе, стало быть, даютъ болѣе и матеріала для художественныхъ образовъ и сравненій для поэзіи. Весь жизненный опытъ предшествовавшихъ поколѣній, вся исторія культуры, исторія племенъ сохраняется у него не въ книгахъ, а въ преданіяхъ, легендахъ, сказкахъ; каждое новое событіе даетъ поводъ къ новому творчеству. Какъ мы иллюстрируемъ книгу, придаемъ ей литературное содержаніе, художественную форму, такъ и онъ украшаетъ повѣсть жизни жемчугомъ своей фантазіи; отсюда вытекаютъ изящество и пластика миѳа. Въ выработкѣ формы изложенія также нѣтъ недостатка, поэтическая форма здѣсь также выработана и звучитъ въ размѣренныхъ строфахъ и созвучіяхъ. Риѳмованный разсказъ сопровождается музыкой и сказка разсказывается подъ звукъ инструмента. Творчество не исчезло среди этихъ народовъ, новыя событія даютъ пищу ему и импровизаціи. Способность къ этой импровизаціи обыкновенно подмѣчалась въ грубой формѣ. Разсказываютъ объ инородцахъ, поющихъ о томъ, что попадаетъ на глаза. Человѣку поверхностному это даетъ поводъ глумиться надъ простотой поэзіи. Но тотъ, кто слыхалъ настоящія импровизаціи киргизовъ и другихъ кочевниковъ, тотъ не можетъ не дивиться той быстротѣ, находчивости и способности импровизаторовъ облекать событія въ самую поэтическую форму. Есть присяжные пѣвцы и импровизаторы, которые состязаются между собою. Войны и чрезвычайныя событія вызываютъ особенно на сцену это соперничество талантовъ, и вотъ этимъ Баянамъ и Гомерамъ принадлежитъ не одна поэтическая эпопея изъ прошлой жизни этихъ народовъ, проживших много доисторическихъ эпохъ.

Мы не можемъ здѣсь передать и даже указать ту сумму миѳовъ и легендъ народнаго творчества, какую имѣетъ инородческій міръ, но интересующихся отсылаемъ къ сборникамъ Г. Н. Потанина, В. В. Радлова, пѣснямъ, записаннымъ отцомъ В. Вербицкимъ.

Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ.

Алтайскія горы, замѣчательныя или своею высотою, или очертаніями, были до потопа богатырями. Нѣкоторые изъ этихъ богатырей, еще до потопа же, вслѣдствіе родительскихъ или другихъ заклятій, были превращены въ горы. Послѣ потопа земля лиши-

лась первоначальной своей твердости и не могла держать на себѣ богатырей, поэтому всѣ они превратились тѣлами въ горы, въ которыхъ присутствуютъ духи ихъ, подъ именемъ *ту еезі* (алт.) или *таг ėзі* (алад.) — хозяинъ горы, горный духъ. Алтаецъ-язычникъ этимъ горнымъ духамъ кланяется и приноситъ жертвы, устрояетъ празднества (весенній *шачыл*), предъ принятіемъ пищи первыя три ложки жидкости брызгаетъ на воздухъ въ честь хозяевъ горъ, съ восклицаніемъ: *чок!* (алт.), *шок!* (алад.). Изъ допотопной жизни богатырей въ народныхъ преданіяхъ особенно обращено вниманіе на свадьбы и войны ихъ. Слабѣйшіе, какъ и всегда, уступали и платили дань. Меньшія горы, хотя не были богатырями сами, но были свидѣтелями героическихъ подвиговъ богатырскихъ и остались памятниками замѣчательныхъ событій.

1) Абаканъ.

Абаканъ имѣлъ столкновеніе: а) съ Мустагомъ (*мус таг*—ледяная гора), находящимся къ сѣверу отъ хребта Абаканскаго, дающимъ начало двумъ значительнымъ рѣкамъ Мундумангу и Тёльбесю. Мустагъ, оставивъ въ своемъ владѣніи намѣстника, самъ отправился въ Китай для женитьбы на высватанной имъ *Те гді*. На возвратномъ пути, близь села Салтона, на границѣ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ, встрѣчаетъ его намѣстникъ и объявляетъ, что въ его отсутствіе Абаканъ, пришедши съ вооруженною силою, завоевалъ его владѣнія. Мустагъ впопыхахъ бросилъ молодую жену свою, которая и теперь стоитъ близь села Салтона, и замѣчательна тѣмъ, что, при самой тихой погодѣ у подошвы, на ея вершинѣ лѣтомъ дуютъ вѣтры съ необыкновеннымъ шумомъ, какъ бы отъ плеска волнъ, а зимою свирѣпствуетъ буранъ. Это Тегді оплакиваетъ своего друга. Мустагъ, прибывши домой, вступаетъ въ бой съ Абаканомъ, но неудачно, и обращается за помощію къ старшему сыну своему *Карабуру* (гора въ 45 верстахъ отъ Мустага), который, обидѣвшись на то, что не былъ приглашенъ къ началу сраженія, не пошелъ на помощь.—Да и вообще Карабуръ крутенекъ нравомъ. Когда шаманы въ своихъ волшебныхъ дѣйствіяхъ призываютъ на помощь себѣ сердитаго Карабура, тогда представляютъ страхъ, пятятся назадъ, особенно во время весенней *абыртки*, при обновленіи бубна. Карабуръ всегда остается недоволенъ бубномъ, требуя большаго размѣра. Шаманъ подобострастно оправдывается неимѣніемъ большей величины моралины, которою обтяги-

ваются бубны, Карабуръ выноситъ книги, величиною по сажени, отыскиваетъ тамъ подробное описаніе бубна, но умилостивленный абырткою умалчиваетъ. — Побитый отецъ снова проситъ о помощи гордаго сына. Карабуръ умилостивляется; пріѣхалъ, заигралъ въ трубу *(пыргы)*, и Абаканъ, не стерпѣвши трубнаго звука, вышелъ изъ владѣній Мустага. Но этого мало для Карабура, онъ шутить не любитъ, и въ догонку просадилъ врага своего богатырской саблей въ 9-ти мѣстахъ, отчего образовалось 9 *таскыл* (сопки), которыя и до сего времени стоятъ на горѣ Абаканѣ, во свидѣтельство его пораженія. По дорогѣ Карабуръ взялъ еще изъ владѣній Абакана за понесенныя военныя издержки 4 тайги: *Саабыдын*, *Кыйыр-Саабыдын* (*Кыйыр*—кривой), которая хотѣла было убѣжать назадъ, но завоеватель такъ ловко ударилъ ее по щекѣ, что она скривилась на бокъ, *Шер* и *Пазай*.

Въ другое время Мустагъ, находившійся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Абакану, замедлилъ сборомъ дани съ своихъ подчиненныхъ и послалъ своего почталіона попросить у Абакана отсрочки, съ наказомъ посланному, чтобъ онъ не медлилъ нисколько въ дорогѣ. Почталіонъ летитъ къ Абакану, но на р. Кондомѣ встрѣтилъ красивую женщину съ распущенными волосами, прельстился ею и замедлилъ. Абаканъ, соскучась дожидать дани, не видя и извиненія, напалъ на Мустага, разбилъ его и отобралъ отъ него соболей, которые и до сихъ поръ водятся преимущественно на Абаканѣ. Мустагъ, въ наказаніе, превратилъ посланца съ прельстившею его женщиною въ раздвоенный камень, который и по настоящее время возвышается изъ р. Кондомы и извѣстенъ подъ именемъ *азра-даш*, пониже устья р. Ташъ-су.

Въ мирное время Абаканъ съ Мустагомъ поигрываютъ въ карты, и смотря по проигрышу, бѣлки и другая проигранная пушнина переселяются то съ Абакана на Мустагъ, то наоборотъ.

б) Столкновеніе Абакана съ Бобырганомъ—горою на лѣвомъ берегу р. Катуни, противъ устья р. Маймы. Бобырганъ вздумалъ жениться и посватался за дочь Абакана. Абаканъ много запросилъ калыма. Бобырганъ видитъ, что калыма въ запрошенномъ количествѣ ему не найдти, рѣшился дѣло сдѣлать покороче: укралъ невѣсту и побѣжалъ. Абаканъ погнался за нимъ. Бобырганъ, недалеко отъ вершины р. Салтона, поскользнулся и едва не былъ настигнутъ Абаканомъ. На этомъ мѣстѣ образовалась гора *Те гді* (зацѣпилъ, т. е. ногами). Бобырганъ успѣлъ убѣжать и переправился чрезъ р. Бію (въ 30 верстахъ отъ Те гді). Абаканъ гонится, для облег-

ченія Бобырганъ бросаетъ свою невѣсту и удираетъ одинъ. Абаканъ, догнавши свою дочь, хотѣлъ ее зарѣзать, но она взмолилась: *Кеспе!* (не рѣжь!). Гора Кеспе находится близъ деревни Лебяжьей. Абаканъ пожалѣлъ свою дочь, оставилъ ей жизнь и, взявъ ее съ собою, продолжалъ гнаться за Бобырганомъ. Но, такъ какъ дочь обременяла его во время погони, то онъ привязалъ ее. Мѣсто это сопка *Пуулаган,* въ переводѣ: „привязалъ" (между деревнями Краюшкиной и Березовкой). Абаканъ, послѣ того, какъ привязалъ дочь свою, сталъ обозрѣвать мѣстность и, увидавъ бѣгущаго Бобыргана, сказалъ: „вонъ онъ краснѣетъ". Мѣсто, куда онъ указалъ—*Кызарык* (краснѣющійся)—гора между селеніями Быстрянскимъ и Бардинскимъ. Бобырганъ, услыхавши голосъ Абакана, побѣжалъ вправо, по направленію къ деревнѣ Сросткамъ и, замѣтивъ удобную переправу чрезъ р. Катунь, перескочилъ ее и побѣжалъ далѣе. Но отъ испуга или отъ прыжка оборвались у него нѣкоторыя части тѣла, именно *тажак,* и тутъ образовался круглый пригорокъ на обширной ровной степи, близъ деревни Сѣтовки. Абаканъ, увидѣвши это, не сталъ переправляться чрезъ р. Катунь, хлопнулъ себя по бедрамъ, расхохотался и возвратился домой.

2) Шанчилыкъ.

Мустагъ, оставивъ въ вершинѣ р. Салтона китаянку Тегді, присватался за дочь богатыря Шанчилыкъ (гора на лѣвомъ берегу р. Мрасы). Этотъ не отдалъ. Оскорбленный Мустагъ откололь своей богатырской саблей большой кусокъ отъ Шанчилыка, и взялъ дочь его силою. Отколокъ этотъ и до сего времени стоитъ рядомъ съ горой, отъ которой отрѣзанъ.

3) Кізей.

Младшій сынъ Мустага *Кізей* (грубый) часто прогнѣвлялъ отца, и за это былъ прогнанъ въ дальнюю сторону отъ родительскаго дома. На дорогѣ въ изгнаніе попалась ему гора *Утья* и стала любопытствовать: отчего произошло у нихъ несогласіе съ отцомъ? Это неумѣстное любопытство и непрошенное вмѣшательство въ семейныя дѣла еще болѣе раздражили и безъ того уже огорченнаго Кізея, и потому съ досады онъ такъ хватилъ Утью, что въ вершинѣ ея пробилъ окно величиною съ большой домъ. Прогнанный Кізей въ настоящее время покоится при р. Мунзасѣ.

4) Туралыгъ.

Каменная гора *Туралыгъ* находится въ 10 верстахъ ниже Мрасскаго порога на правомъ берегу р. Мрасы. Однажды оспа направилась къ черневымъ инородцамъ вверхъ по р. Мрасѣ. Туралыгъ началъ бросать въ нее камнями. Оспа превратилась въ двухъ змѣй и поползла мимо Туралыга, но онъ не вдался въ обманъ, а пригвоздилъ змѣй къ утесу, гдѣ онѣ и до сихъ поръ, въ видѣ двухъ черныхъ извилистыхъ полосъ, отражаются на желтоватомъ камнѣ.

5) Садагай-гая.

По преданію инородцевъ Кузнецкаго округа, живущихъ по р. Мрасѣ (впадающей съ лѣвой стороны въ Томь), въ старые годы, на ихъ мѣстѣ жили китайцы. Памятникомъ ихъ существованія остались: *заѣздка китайца*, это два большіе камня, на лѣвомъ берегу р. Мрасы, въ 37 верстахъ выше ея устья, и недалеко отъ заѣздки самъ хозяинъ ея, богатырь Садагай, превращенный въ гору. До превращенія своего онъ ѣздилъ на соловомъ конѣ необыкновенной величины, такъ что въ переѣздахъ чрезъ глубокія рѣки вода никогда не достигала выше стременъ. Въ семействѣ Садагая было 9 женъ, которыхъ онъ бралъ одну за другою, въ надеждѣ имѣть дѣтей, но за многоженство Богъ отказалъ ему въ дѣтяхъ. Однажды жены его, собирая въ лѣсу дрова, увидѣли огромнаго медвѣдя и, прибѣжавши домой, съ ужасомъ разсказали объ этомъ своему мужу. Садагай приказалъ кипятить воду въ котлѣ, обѣщаясь сейчасъ принесть имъ на варево мясо этого медвѣдя, но вышло не такъ. Вмѣсто одного часа, онъ провелъ въ единоборствѣ съ медвѣдемъ трое сутокъ и, наконецъ, обезсиленный, былъ растерзанъ звѣремъ. Поразивши богатыря, кровожадный звѣрь бросился и за конемъ его. Соловко 4 дня бѣгалъ отъ медвѣдя, но на 5-й выбился тоже изъ силъ, былъ пойманъ и брошенъ съ горы такъ сильно, что отъ его паденія образовался подземный провалъ, наполненный водою, существующій и донынѣ, подъ именемъ *Курьи* (заливъ), на лѣвомъ берегу р. Мрасы, въ 12 верстахъ отъ ея устья.

6) Кыланъ.

При р. Кыйыг-зу, впадающей въ Кобыр-зу, на одной сторонѣ находится гора *Кыланъ*, а на противоположной сторонѣ рѣки—утесъ о семи гребняхъ. Кыланъ была вдова; имѣла семь дочерей. Одинъ богатырь посватался за одну изъ дочерей. Кыланъ поцеремонилась, и за это богатырь забралъ себѣ всѣхъ ея дочерей, которыя, въ видѣ семи отдѣльныхъ гребней, и доднесь посиживаютъ при р. Кызынырык-голъ.

7) Мазаракъ.

На правомъ берегу р. Мрасы, противъ устья р. Онзаса, находится *Мазаракъ*, сражавшійся съ китомъ (*кер-балык*), заплывшимъ въ р. Мрасу и потопившимъ было прибрежныхъ жителей. Мазаракъ бросилъ двумя большими камнями, которые и теперь лежатъ, высунувшись изъ р. Мрасы, въ видѣ воротъ, о которыя иногда разбиваются плоты. Этими камнями богатырь такъ сильно ранилъ кита, что онъ, немного проплывши, издохъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ протекаетъ рукавъ Мрасы—*Ӧлчек* (умершій), противъ улуса Сосновой Горы.

8) Кызыл-гая.

На правомъ берегу р. Мрасы, въ пяти верстахъ выше улуса Сосновой Горы, издали краснѣетъ гора съ твердою охрою краснаго цвѣта. По преданію, здѣсь жили въ прежнія времена инородцы Паянской волости, въ числѣ 470 домовъ. Въ одномъ семействѣ было 9 братьевъ, изъ которыхъ двое пошли промышлять въ тайгу и до того увлеклись охотою, что позабыли и время, спустились съ бѣлковъ и увидѣли, что рѣки очистились отъ льда и зелень вышла въ колѣно. Ясно, что весна, но которая? Можетъ быть, ужъ вторая послѣ ихъ отлучки изъ дома, потому что на бѣлкахъ время года узнать мудрено: тамъ вѣчная зима. Припомнивъ о своей добычѣ, они сообразили, что дѣло неладно, такъ какъ изъ 9-ти убитыхъ ими медвѣдей не оказалось ни одной самки. Они спѣшатъ домой, какъ только можно спѣшить пѣшею ногою и притомъ съ порядочною ношей за плечами. Пришли до-

мой неожиданно. Семейства ихъ перестали считать ихъ живыми. Жена одного изъ вернувшихся звѣролововъ вступила во второе супружество. Запоздалые промышленники, разсердившись на такіе непорядки въ домѣ, убили жену-измѣнницу съ нарушителемъ супружеской вѣрности. Свидѣтель такого преступленія—*Казылгая*, обагрилась кровью (отчего и теперь красна); на всю Паянскую волость сошло проклятіе: родъ ихъ болѣе одного сына въ семействѣ никогда не производитъ. Изъ *сööк*-а (поколѣнія) девяти братьевъ и доселѣ живы въ улусѣ Чувашкѣ (на Мрасѣ) Семенъ Купеевъ и Павелъ Падяновъ.

9) Улуг таг.

При устьѣ р. Мрасы, впадающей въ Томь, замѣчательны скалы изъ камня—песчаника съ галькою, вдавленною какъ бы въ цементъ. Скалы эти имѣютъ причудливыя формы колоннъ съ карнизами, слывущихъ подъ именемъ старинныхъ богатырей. Вся гора съ каменными витязями называется *Улуг-таг*, а одинъ круглякъ, якобы растущій вверхъ, *Каролчук* (караульщикъ). Одинъ камень, по сказанію, имѣлъ форму человѣка, но воевода города Кузнецка выслалъ на погубленіе его десять человѣкъ вооруженныхъ солдатъ, которые и отрѣзали ему голову. Срѣзанная голова, похожая, впрочемъ, не на голову, а на толстую плиту, валяется у подошвы горы и до днесь. Въ отмщеніе за это, губители успѣли только переправиться на другую сторону (лѣвую) р. Томи и тамъ всѣ померли, исключая одного, который бы сказалъ о случившемся.

10) Курт'-як таш.

Близь устья р. Бугунчи, впадающей въ Мрасу, на правой сторонѣ стоитъ стражемъ утесъ *Курт'-як таш* (камень-старуха), который выше себя не пропускаетъ щукъ. И дѣйствительно, выше этого утеса щукъ въ Мрасѣ почти нѣтъ. Если же которая изъ отважныхъ щукъ заберется выше стража и попадетъ въ ловушку, то ее, изъ опасенія смерти, выпускаютъ на свободу.

11) Катун.

Гора *Катун* (женщина), находящаяся на правомъ берегу р. Кондомы, въ 70 верстахъ выше ея устья, также замѣчательна

въ метеорологическомъ отношенiи, какъ и гора Бобырганъ, имѣвшая столкновенiе съ Абаканомъ. Обѣ эти горы заблаговременно предвѣщаютъ измѣненiе погоды: первая — необыкновеннымъ воемъ, а послѣдняя закрываетъ высокое чело непроницаемымъ туманомъ. По преданiю, одна татарка, лишившись любимаго своего супруга, взъѣхала на каменный утесъ и, завязавъ коню своему глаза, пришпорила его и ринулась внизъ. Съ тѣхъ поръ, свидѣтель этого печальнаго происшествiя, утесъ по временамъ воемъ своимъ оплакиваетъ погибшую жену и, въ воспоминанiе о ней, получилъ названiе *Катун*. У подошвы этой горы находится улусъ Подкатунскiй—мѣсто рожденiя одного богатыря, который еще въ отрочествѣ ужасалъ всѣхъ необыкновенною силою: въ дѣтскихъ играхъ кого онъ схватитъ за руку—рука прочь, за голову—голова летитъ. Медвѣдей этотъ новый Сампсонъ разрывалъ руками. Бывало, отецъ прикажетъ ему пригнать корову, онъ схватитъ ее въ охабку и принесетъ домой; прикажетъ, шутя, принести огромную сосну на дрова, дерево трещитъ и съ корнями мчится по назначенiю. Такимъ образомъ богатырь нашъ достигаетъ 10-тилѣтняго возраста. Сила его годъ отъ года возростала, только къ огорченiю родителей и ужасу окружающаго общества ума у него не хватало. А сила безъ ума, равно какъ и власть,—дѣло плохо. Родители и сосѣди задумали порѣшить эту безумную силу слѣдующею хитростью. На утесѣ Катуни втеченiе шести недѣль раскаляютъ большой камень, и потомъ отецъ богатыря сказалъ ему: „Ну, милый сынъ, пойди, стой на берегу рѣки и смотри на утесъ; мы оттуда будемъ гнать краснаго оленя, а ты его хватай и держи до моего прихода". Раскалившiйся камень летитъ съ Катунскаго утеса, богатырь его хватаетъ; камень жжетъ его богатырское сердце, но онъ говоритъ самъ себѣ: „Пусть всего ты меня изожжешь, а ужъ я тебя, другъ, не выпущу, пока не придетъ батюшка", и дѣйствительно не выпустилъ, но зато поплатился своею жизнiю. Изъ дальнихъ родственниковъ этого богатыря-мальчика въ настоящее время сохранились только двое: инородецъ улуса Подкатунскаго Киштешъ съ своею сестрою. Между тѣмъ уже всѣхъ подкатунцевъ привѣтствуютъ: *„Алыг Катун ал! Кызыл даш кучактаган курсагы куйген. Паланын мiзiн шыгара паскан."* (Глупцы катунцы! Вы держали въ своихъ объятiяхъ красный (отъ огня) камень и прожгли себѣ брюхо, а у ребятъ выдавляли мозгъ).

По другому сказанiю, Катун была женою Мустага, которую онъ оставилъ за ея вшивость. У нея было 18 сыновей: 1) Улуг-даг—

при р. Учуленъ, 2) Шолбаныг—въ вершинѣ р. Тениша, 3) Коштагулу, 4) Коштаг-кічі—при р. Учуленъ, 5) Шобар—при устьѣ р. Тениша, 6) Кученеш—при устьѣ р. Тамалы, 7) Ачолуг—между рр. Тазомъ и Тельбесемъ, 8) Уек, 9) Кара-тубе, 10) Таз-аик и 11) Таспелбіе—недалеко отъ р. Ачолуга, 12) Торудаг и 13) Назій—между рр. Тазомъ и Кунделемъ, 14) Казыл-гая—при устьѣ р. Таза, 15) Ог-аттыг—при р. Кондомѣ, 16) Карагайы-даг—при р. того же имени, 17) Улу-шобар и 18) Кічі-шобар—близь улуса Подкатунскаго, рядомъ съ своею матерью.

12) Ак-гая.

Ак-гая (бѣлый камень) стоитъ на лѣвомъ берегу р. Кондомы. Были два соименныхъ кама: старшій Ак-гая и младшій Ак-гая. Меньшій Ак-гая ѣздилъ шаманить къ больному Тайзинѣ, облегчилъ его болѣзнь и получилъ въ подарокъ халатъ. Старшій Ак-гая, для характеристики котораго должно сказать, что онъ ковалъ раскаленное желѣзо однѣми своими руками, употребляя пальцы вмѣсто щипцовъ, а кулакъ вмѣсто молота,—возревновалъ, что отъ него отбиваютъ доходъ и превратилъ младшаго своего брата въ камень, который и доднесь стоитъ рядомъ съ старшимъ братомъ, а до этого случая онъ жилъ выше устья р. Ындрапа.

13) Патно-гаязы.

Утесъ *Панто-гаязы* при р. Кондомѣ, недалеко отъ устья р. Корлы. Утесъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что былъ зимнею стоянкою богатыря Ольгудека. Было время, когда Аладагцы (черневые татары Кузнецкаго округа) дани никому не платили. Но вотъ напали на нихъ Ойроты *), завоевали ихъ и обложили ясакомъ. Одинъ только аладагскій богатырь Ольгудекъ не подчинялся Ойротамъ, стараясь всячески избѣгать ихъ. Жительство богатыря было близь Спасскаго золотаго промысла, и именно лѣтомъ при р. Кылдашѣ (въ 15 верст.), а зимою на утесѣ Панто-гаязы (въ 100 саж.). Ойроты долго искали Ольгудека безуспѣшно, наконецъ застали его

*) Подъ именемъ Ойротовъ сохранились преданія о монголахъ въ Алтаѣ: названіе «Ойротскихъ» дается также древнимъ монголамъ. Въ сущности сами алтайцы принадлежали къ «Ойротскому союзу» при Чингисъ-ханѣ, который остался въ памяти алтайцевъ подъ именемъ царя Ойрота. *Ред.*

на рыбалкѣ р. Кондомы. Ольгудекъ, завидѣвъ Ойротовъ, бѣжалъ отъ нихъ на гору Карабуръ и скрылся въ пещеру неприступнаго утеса. Ойротскій богатырь, одѣтый въ кольчугу, выстрѣлилъ въ Ольгудека, но стрѣла не долетѣла до него. И Ольгудекъ съ своей стороны не дремалъ: онъ выстрѣлилъ въ Ойрота, прострѣлилъ его насквозь, такъ что стрѣла воткнулась въ камень. Ойроты подхватили убитаго своего богатыря, привязали въ торока и увезли домой. Потомъ для поимки Ольгудека пріѣхали съ большими силами, взяли его въ плѣнъ, руки и ноги связали сыромятными ремнями и повезли въ свою сторону. На срединѣ ихъ пути стоитъ камень величиною съ корову, похожій на нее и видомъ. Не доѣзжая до этого камня трехъ верстъ, Ойроты предложили Ольгудеку состязаться съ ними въ стрѣльбѣ, прицѣливаясь въ камень-корову. Сначала стрѣляли Ойроты, но ихъ стрѣлы не долетали до камня. Ольгудекъ просилъ развязать его, пустилъ стрѣлу, разбилъ камень надвое и вонзилъ стрѣлу въ средину большой березы, которая стояла за камнемъ. Прибывши въ Ойротскую землю, спутники Ольгудека объявили своему народу о силѣ и ловкости своего плѣнника. Ойроты, желая убѣдиться въ справедливости разсказовъ своихъ единоплеменниковъ, предложили Ольгудеку пустить стрѣлу въ теленка на разстояніи 10 верстъ, съ тѣмъ условіемъ, что если стрѣла угодитъ въ лобъ теленку, тогда отпустятъ его, богатыря, домой. Ольгудекъ проситъ Ойротовъ развязать ему руки. Желаніе его исполнено. Ольгудекъ стрѣляетъ разъ, но стрѣла не долетѣла до теленка 5-ти саж.; стрѣляетъ онъ второй разъ—стрѣла пролетѣла мимо теленка, упавъ въ 5-ти саженяхъ далѣе его. Тогда Ольгудекъ проситъ дозволить ему попробовать своего счастія въ третій разъ, но съ тѣмъ, чтобы развязали ему и ноги. Получивши на это согласіе, онъ отставилъ отъ себя ногу на аршинъ, прицѣлился и хватилъ теленка прямо въ лобъ, навылетъ въ задній проходъ. За этотъ подвигъ Ойроты черезъ три года (такъ какъ онъ стрѣлялъ три раза) отпустили Ольгудека въ сопровожденіи войска въ 300 человѣкъ. Немного не доѣхавъ до мѣста своей родины, Ольгудекъ захворалъ и померъ. Братъ его, Олакъ, услышавъ о смерти Ольгудека, настоялъ на томъ, чтобы, вмѣсто умершаго брата, взять кого либо изъ провожатыхъ Ойротовъ и женить его на вдовѣ послѣ Ольгудека. Отъ этого Ойрота и вдовы богатыря произошло поколѣніе паштыка (волостной старшина) Шорской волости Эбиски, впослѣдствіи крестника моего Ильи Васильевича Токмашева, который кочевки свои близь Спасскаго золотаго промысла считалъ на-

слѣдственными въ своемъ родѣ и очень обижался на мастеровыхъ служителей этого промысла, стѣснявшихъ его въ покосахъ, какъ бы игнорируя его богатырское родопроисхожденіе. Илья Васильевичъ, кромѣ своего происхожденія, замѣчателенъ былъ и тѣмъ, что служилъ несмѣннымъ паштыкомъ около 30-ти лѣтъ, и носилъ, поверхъ новой ситцевой рубахи, большую золотую медаль на анненской лентѣ, жалованную Императоромъ Павломъ дѣду его Токмашу, тоже бывшему паштыкомъ, или *князцемъ* (какъ сказано въ ордерѣ) Шорской волости, и перешедшую по наслѣдству къ нему Эбискѣ-Иліи.

По другому сказанію, Ольгудекъ женился въ плѣну на Ойроткѣ, имѣлъ отъ нея сына и, убаюкивая его, часто распѣвалъ самыя печальныя пѣсни о своей милой родинѣ. Ойроты сжалились надъ нимъ и отпустили его домой съ женою, сыномъ и провожатыми. Но онъ не достигъ родины, умеръ въ дорогѣ. Жена его вышла замужъ за одного изъ провожатыхъ, отъ котораго и произошли многіе шорцы.

14) Манакъ.

Въ 100 верстахъ выше устья р. Мрасы бурлитъ и страшно клокочетъ извѣстный Мрасскій порогъ, на протяженіи семи верстъ. Волны выше сажени вздымаются чрезъ разбросанные на днѣ огромной величины камни, отъ рева ихъ не слышно и громкаго разговора. Такіе же камни находятся и по обоимъ берегамъ, равно какъ и на горѣ съ правой стороны, имѣющей видъ развалинъ. Плоты и лодки, освобожденныя отъ клади, спускаются чрезъ порогъ на веревкахъ, а кладь переносится по тропѣ, съ правой стороны проложенной по камнямъ. По обоимъ берегамъ валяются остатки исковерканныхъ плотовъ и осколки лодокъ, свидѣтельствующіе о небезопасности путешествія. Въ древности рѣка протекала сквозь гору мрачнымъ ущельемъ, въ которое проходили съ зажженнымъ смольемъ, но какъ подобный проходъ предки мрасскихъ инородцевъ нашли неудобнымъ, то обратились чрезъ своихъ шамановъ куда слѣдуетъ съ моленіемъ, „нельзя ли уничтожить это ущелье". Повелѣно имъ принести въ жертву одну старую женщину, по имени Манакъ, опустивъ ее въ ущелье на саликѣ (небольшой плотъ), безъ огня. Такъ и сдѣлали. Когда Манакъ доплыла до средины ущелья, гора съ шумомъ и трескомъ

падаетъ на нее. Эта упавшая гора, среди которой находится порогъ, и до сихъ поръ носитъ названіе своей жертвы—**Манакъ**.

15) Ог-аттыг таш.

Ог-аттыг таш (стрѣльный камень) находится на правомъ берегу рѣки Кондомы, въ 55 верстахъ отъ города Кузнецка, названъ во времена отдаленныя, когда въ Алтаѣ жила безпокойная чудь и дѣлала набѣги на острогъ Кузнецкій. Во время перваго нападенія своего, чудь *), дошедши до юрты татарина Кузедея (отсюда улусъ Кузедеевскій, въ 60 верстахъ отъ города Кузнецка, на лѣвомъ берегу р. Кондомы, при устьѣ рѣки Тёша), кочевавшаго съ своими стадами въ семи верстахъ отъ остроконечной, отвѣсной скалы, принудили его быть вожатымъ до острога Кузнецкаго. Кузедей уступилъ силѣ, и противъ желанія своего повелъ многочисленную чудь. Поравнявшись со скалою, онъ похвалился предъ чудью своею ловкостію стрѣлять изъ лука. Пущенная имъ стрѣла воткнулась въ самую вершину скалы, отчего послѣдняя и наименована Стрѣльнымъ камнемъ (ог-аттыг таш). На этомъ камнѣ произрастаютъ, между прочимъ, ревень, балдырьянъ (valeriana off.), каменный звѣробой (polypodium), казацкій можжевельникъ (juniperus sabina) и особенный видъ лиліи, очень красивый и болѣе нигдѣ въ Алтаѣ не встрѣчающійся. За этимъ утесомъ и до сихъ поръ видна глубоко выбитая конскими копытами тропа; это, по преданію, путь чуди.

16) Казырган и Кедере-даг.

Два брата Казырган и Кедере-даг жили вмѣстѣ у родителей и были богатырями. Но потомъ поссорились и разошлись. Мать долго старалась о ихъ примиреніи, но не успѣла, и потому, разсердившись, закляла ихъ: „будьте же вы горами!“ Богатыри мгновенно превратились въ горы и доднесь стоятъ: Казырган въ вершинѣ рѣки Абакана, а Кедере-даг при рѣкѣ Кемчикѣ.

*) Мы боимся за точность перевода здѣсь названія «чудь»; желательно было бы знать это названіе потатарски. Хотя слѣды пребыванія финскихъ племенъ и видны въ Алтайскомъ раіонѣ, но собственно финновъ нынѣ не сохранилось, и вопросъ о пребываніи ихъ здѣсь составляетъ еще предметъ ученыхъ изысканій. *Ред.*

Кондомцы боятся Казыргана и считаютъ его сердитымъ. Звѣролову, ночующему на этой горѣ или близь нея, нерѣдко слышится неистовый хохотъ на горѣ: это означаетъ, что тотъ человѣкъ скоро умретъ.

17) Унзас-кая-бажы.

Унзас-кая-бажы, съ которой имѣетъ начало р. Унзасъ, была свидѣтельницею вѣроломнаго убійства богатыря Алдана. Богатырь этотъ имѣлъ двухъ женъ: старшую и младшую. Беретъ онъ лукъ, цѣпныхъ двухъ собакъ своихъ и отправляется на звѣриный промыселъ на означенную гору. Шестеро непріятелей Алдана, явившись къ нему въ домъ, стали разспрашивать старшую жену богатыря: „куда отправился мужъ, когда возвратится, чѣмъ вооруженъ и когда спускаетъ съ цѣпей собакъ своихъ“? Старшая жена на всѣ вопросы недруговъ не дала никакого отвѣта. Непріятели обратились съ тѣми же вопросами къ младшей женѣ, которая все разболтала. Враги Алдана, получивши отъ его младшей жены нужныя свѣдѣнія, стали поджидать богатыря на Унзас-кая-бажы. Алданъ, замѣтивъ ихъ, сталъ натягать лукъ, но второпяхъ сильно натянувши, переломилъ его, бросился къ замку цѣпныхъ собакъ своихъ, чтобы спустить ихъ, но въ поспѣшности провернулъ ключъ въ замкѣ. Враги напали на безоружнаго Алдана и убили его, старшую жену его—тоже, а младшую—увели къ себѣ въ плѣнъ.

В. Вербицкій.

23-го августа 1884 г.
Бійскъ.

НАЧАЛО ПЕЧАТИ ВЪ СИБИРИ.

Издавая мѣстный сборникъ статей о нашей восточной окраинѣ, мы считаемъ умѣстнымъ въ особой статьѣ коснуться зарожденія въ ней печати.

Собственно литература о краѣ возникла давно, она начата даже иностранцами. Свѣдѣнія о Сибири появляются въ Европѣ въ XVI столѣтіи. Научныя изслѣдованія Сибири начинаются со времени Петра Великаго, съ знаменитой экспедиціи Мессершмидта, затѣмъ Палласа, Фалька, Гмелина и многихъ другихъ. Русскія ученыя Общества, Академія Наукъ, Императорское Русское Географическое Общество немало посвятили изданій и статей этой окраинѣ. Свѣдѣнія о Сибири, статьи, замѣтки попадаются начиная съ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ въ 1790-хъ годахъ, кончая новѣйшей журналистикой и разными статьями. Охватить эту литературу, дать о ней отчетъ представляетъ немало труда. Собственно Сибири доселѣ не посвящено было отдѣльной библіографіи. Въ виду возникающаго интереса къ окраинѣ, потребность въ такой библіографіи чувствуется, и только послѣ нея можно начать разработку всего того, что писалось о Сибири. Работы по этой части уже начаты, и мы надѣемся принести въ этомъ отношеніи свой вкладъ *).

Ограничиваемся пока обзоромъ мѣстныхъ періодическихъ изданій и ихъ судьбою. Мы отмѣчаемъ прежде всего первыя попытки мѣстныхъ изданій въ Сибири, въ концѣ XVIII вѣка; затѣмъ дѣлаемъ обзоръ губернскихъ вѣдомостей за время ихъ существованія и, наконецъ, переходимъ къ началу частныхъ изданій и періодической печати въ послѣднее двадцатилѣтіе. Конечно, нашъ

*) Къ нашему изданію готовилась также статья о научныхъ изслѣдованіяхъ въ Сибири И. Я. Словцовымъ, но недостатокъ времени и серьезность труда не позволили окончить ее; мы будемъ надѣяться, что этотъ авторъ, какъ знатокъ ученой литературы о Сибири, когда нибудь дастъ этотъ полезный и важный трудъ. *Ред.*

очеркъ не будетъ полонъ, но полагаемъ и въ такомъ видѣ онъ дастъ понятіе о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ зарождалась областная печать на окраинѣ, а также познакомитъ съ содержаніемъ и характеромъ ея тѣхъ, кто интересуется краемъ.

Исторія старинныхъ печатныхъ органовъ въ первой главѣ извлечена нами изъ матеріаловъ, разработанныхъ въ Тобольскѣ А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ и помѣщенныхъ въ „Тобольской Памятной Книжкѣ на 1884 годъ".

I.

Печать въ Тобольскомъ намѣстничествѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

1789-й годъ, ознаменовавшійся въ исторіи просвѣщенія Сибири открытіемъ народныхъ училищъ, ознаменовался еще открытіемъ въ Сибири перваго печатнаго станка. Петръ I, еще ранѣе изданія имъ регламента духовной коллегіи, подчинявшаго цензурѣ этой коллегіи всѣ духовныя богословскія сочиненія, не разрѣшалъ открытія типографіи Филоѳею Лещинскому, этому просвѣщенному пастырю сибирской митрополіи, обращавшемуся къ нему въ 1703 году съ челобитной. Со времени Петра Великаго до указа 1783 года частное типографское дѣло въ Россіи развивалось очень медленно и было, можно сказать, только въ зародышѣ, такъ какъ открытіе вольныхъ типографій подвергалось со стороны правительства разнаго рода ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Только со времени указа отъ 15-го января 1783 года начала въ Россіи развиваться частная типографская дѣятельность; этимъ либеральнымъ указомъ повелѣвалось не различать типографіи отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій и предоставлялось: „каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ управѣ благочинія того города, гдѣ онъ ту типографію имѣть хочетъ"; при этомъ въ типографіяхъ дозволялось печатать книги на всѣхъ языкахъ, наблюдая только, чтобы не было въ нихъ ничего противнаго законамъ Божескимъ и гражданскимъ или къ явному соблазну клонящагося.

Благодаря закону, предоставлявшему возможность широкаго развитія типографской дѣятельности, въ царствованіе Екатерины II-й

начали заводиться типографіи не только во многихъ городахъ, но даже въ русскихъ селахъ. Развивавшееся дѣло вольнаго книгопечатанія въ Россіи долго еще не проникало въ малопросвѣщенную Сибирь: до конца XVIII столѣтія въ ней не было ни одной типографіи, и только спустя шесть лѣтъ послѣ разрѣшенія правительствомъ на открытіе типографій повсемѣстно, въ 1789 году послѣдовало открытіе въ Тобольскѣ перваго печатнаго станка въ Сибири. Эта первая сибирская типографія принадлежала Тобольскому 1-й гильдіи купцу Василію Корнильеву, владѣвшему, кромѣ того, бумажной фабрикой, устроенной близь Тобольска, издѣлія которой покупались всѣми присутственными мѣстами Тобольскаго намѣстничества и на издѣліяхъ которой печатались всѣ изданныя въ свѣтъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Тобольскѣ книги и журналы. Какъ устроена была эта первая сибирская типографія, свѣдѣній не сохранилось; объ открытіи же этой типографіи Тобольское намѣстническое правленіе извѣщало печатнымъ указомъ отъ 5-го апрѣля 1789 года, несомнѣнно бывшимъ первымъ оттискомъ сибирскаго печатнаго станка. Указъ Тобольскаго намѣстническаго правленія разосланъ былъ во всѣ присутственныя мѣста и учрежденія намѣстничества. Первой напечатанной въ типографіи Корнильева книгой, а слѣдовательно и первой книгой, вышедшей въ свѣтъ изъ-подъ типографскаго сибирскаго станка, какъ это видно изъ указа Тобольскаго намѣстническаго правленія, извѣщавшаго объ открытіи типографіи, была переведенная съ французскаго языка англійская повѣсть „Училище любви". Объ изданіи этой повѣсти и объ имени переводчика не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Съ перваго же года открытія вольной типографіи Корнильева и главнаго народнаго училища въ Тобольскѣ началъ печататься въ этой типографіи періодическій журналъ подъ названіемъ „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену", издававшійся при Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ. Это періодическое изданіе, будучи первымъ, по времени своего выхода въ свѣтъ, изданіемъ такого рода въ Сибири, было въ то же время единственнымъ провинціальнымъ періодическимъ изданіемъ во всей Россіи. Нѣсколько ранѣе „Иртыша, превращающагося въ Ипокрену" втеченіе двухъ лѣтъ, въ 1786 и 1787 годахъ, въ Ярославлѣ печатался періодическій журналъ подъ названіемъ „Уединенный Пошехонецъ".

За прекращеніемъ въ 1791 году изданія „Иртыша, превращающагося въ Ипокрену", въ Тобольскѣ же печаталось въ типографіи Корнильева, впродолженіе 1793—1794 годовъ, другое періоди-

ческое сочиненіе, издававшееся Панкратіемъ Платоновичемъ Сумароковымъ: „Библіотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая, увеселительная, въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей". Въ Россіи же, между тѣмъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, за исключеніемъ „Уединеннаго Пошехонца", не выходило въ свѣтъ вовсе никакихъ провинціальныхъ періодическихъ изданій; такого рода провинціальныя изданія стали выходить лишь сначала текущаго столѣтія.

Изданіе „Иртыша, превращающагося въ Ипокрену" началось съ сентября мѣсяца и продолжалось въ 1790 и 1791 годахъ, затѣмъ это изданіе прекратилось. Этотъ періодическій журналъ выходилъ ежемѣсячно небольшими выпусками. Подписная цѣна за полный годовой экземпляръ въ 12 выпусковъ „Иртыша" полагалась въ размѣрѣ 3 рублей. При началѣ изданія журнала и затѣмъ по его возобновленіи, въ 1791 году, правителемъ Тобольскаго намѣстничества, А. В. Алябьевымъ, въ видахъ болѣе успѣшнаго распространенія журнала, не только давались предложенія комендантамъ, городничимъ и капитанъ-исправникамъ намѣстничества о приглашеніи лицъ къ подпискѣ на полученіе журнала, но и дѣлались обращенія къ правителямъ другихъ намѣстничествъ не только въ Сибири, но и въ Россіи, объ „оповѣщеніи" жителей намѣстничествъ о томъ: не пожелаетъ ли кто получать издаваемый въ Тобольскѣ журналъ. Такія обращенія дѣлались къ правителямъ намѣстничествъ: Колыванскаго, Пермскаго, Вятскаго, Ярославскаго и Владимірскаго.

Не смотря на стремленія и заботы, какія оказывала тобольская администрація къ наибольшему распространенію журнала, подписка на него, всетаки, шла весьма неуспѣшно не только въ предѣлахъ тѣхъ намѣстничествъ, куда обращался Алябьевъ съ просьбою объ оповѣщеніи жителей объ издающемся журналѣ, но и въ предѣлахъ самаго Тобольскаго намѣстничества. Подписчиковъ же изъ другихъ намѣстничествъ и городовъ, куда Алябьевъ не обращался съ просьбой оповѣстить жителей объ изданіи журнала и о привлеченіи къ подпискѣ на журналъ, вовсе не было,—обстоятельство, несомнѣнно указывающее на то, что и то немногое число подписчиковъ, какое изъявляло желаніе получать журналъ, было принудительное, какъ бы исполнявшее волю просвѣщеннаго начальства. Доказательствомъ того, что большая часть подписчиковъ на журналъ дѣйствительно являлась какъ бы обязанною выписывать изданіе, рекомендовавшееся къ полученію начальствомъ, служитъ еще то обстоятельство, что контингентъ подписчиковъ въ большей своей части состоялъ

*

изъ лицъ, служащихъ въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ тѣхъ намѣстничествъ, начальствомъ которыхъ рекомендовался журналъ. Расходившійся съ начала своего выхода въ свѣтъ и впродолженіе 1790 года въ количествѣ 186 экземпляровъ годовыхъ, т. е. немногимъ болѣе половины всего своего изданія, „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену" въ 1791 году имѣлъ всего 106 годовыхъ подписчиковъ.

Не смотря на небольшое число расходившихся экземпляровъ „Иртыша" по подпискѣ, раіонъ его распространенности представлялся довольно обширнымъ, правда, что въ числѣ подписчиковъ была лишь незначительная часть лицъ, выписывавшихъ журналъ по собственному побужденію; большая же часть подписчиковъ, свыше 80%, состоявшая изъ чиновничества, являлась какъ бы обязательнымъ подписчикомъ на журналъ, рекомендовавшійся начальствомъ; такими же обязательными подписчиками были и лица, принадлежавшія къ купеческому и крестьянскому сословіямъ, получавшія журналъ, принадлежа къ категоріямъ питейныхъ сборовъ содержателей и засѣдателей сельскихъ расправъ, на имя которыхъ и безъ ихъ вѣдома городничими и исправниками выписывался журналъ.

Не разошедшіеся въ продажу экземпляры „Иртыша", вслѣдствіе сдѣланнаго правителемъ Тобольскаго намѣстничества Алябьевымъ распоряженія по приказу общественнаго призрѣнія, раздавались въ награду отличившимся ученикамъ тобольскаго главнаго народнаго училища при открытыхъ испытаніяхъ въ силу устава о народныхъ училищахъ, которымъ полагалось: „отличившимся въ наукахъ, раздавать каждому изъ сихъ отличившихся по учебной книгѣ въ хорошемъ переплетѣ". Такъ какъ, по неуспѣшности распространенія журнала, ежемѣсячныхъ выпусковъ оставалось значительное число въ распоряженіи приказа, то „въ отвращеніе гибели отъ мышеядья", всѣ оставшіеся экземпляры, по окончаніи изданія журнала, переплетены были заразъ и затѣмъ впродолженіе долгаго времени служили наградами для отличившихся въ успѣхахъ учениковъ.

По малой успѣшности подписки „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену", издававшійся отъ тобольскаго главнаго народнаго училища, на средства тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія, естественно долженъ былъ составлять лишь отягощеніе матеріальнымъ средствамъ этого приказа, въ то время представлявшимся весьма ограниченными. Изъ дѣлъ, свидѣтельствующихъ

о средствахъ приказа въ 1799 году, т. е. спустя цѣлое десятилѣтіе, впродолженіе котораго капиталы приказа могли значительно увеличиться, и когда сумма всѣхъ капиталовъ простиралась всего до 50,000 р. ассигнаціями, нельзя не вывести того заключенія, что въ дѣйствительности средства тобольскаго приказа въ концѣ XVIII столѣтія были весьма ограниченныя. При неуспѣшности подписки, расходы по изданію „Иртыша" нисколько не покрывались тѣми денежными поступленіями, какія выручались отъ подписки, и необходимо было приказу затрачивать изъ источниковъ, предназначенныхъ на удовлетвореніе нуждъ по общественному призрѣнію и народному образованію, деньги для расплаты за печатаніе этого журнала. Необезпеченное матеріальное положеніе „Иртыша" ухудшалось еще тѣмъ, что самая подписка на него производилась своеобразно,—журналъ высылался не тѣмъ только лицамъ, которыя присылали деньги за него, а всѣмъ тѣмъ, о желаніи которыхъ получать его дѣлались приказу изъ разныхъ мѣстъ увѣдомленія; по полученнымъ такимъ образомъ спискамъ лицъ, желавшихъ получать журналъ, приказъ выполнялъ требованія, а между тѣмъ денегъ, слѣдующихъ за высланный журналъ, всетаки, не получалось, и потому тобольскому приказу общественнаго призрѣнія еще долгое время по окончаніи изданія журнала, впродолженіе болѣе 20 лѣтъ, съ 1789 по 1812 годъ, привелось вести переписку о взысканіи денегъ съ бывшихъ подписчиковъ давно умершаго журнала. Тобольскій приказъ дѣлалъ розыски бывшихъ подписчиковъ не только въ Тобольскомъ намѣстничествѣ и Сибири, но и повсемѣстно по Россіи, такъ какъ большинство подписчиковъ, состоявшее изъ чиновничества, этой наиболѣе передвижной части населенія, давно уже выбыло изъ мѣста прежняго своего жительства; нѣкоторые изъ подписчиковъ вовсе не были розысканы, многіе оказались уже давно умершими, и взысканіе приказомъ потому обращалось на наслѣдниковъ этихъ умершихъ подписчиковъ. Съ кого только приказу изъ числа подписчиковъ не пришлось производить взысканіе, такъ какъ недоимщиками, кромѣ мелкаго чиновничества, выписывавшаго журналъ по рекомендаціи начальства, оказывались даже и такія лица, которыя по положенію, ими тогда занимаемому, не могли быть причислены къ категоріи обязательныхъ подписчиковъ; недоимщиками оказались: бывшій преосвященный тобольскій и сибирскій Варлаамъ, за смертію котораго взысканіе приказомъ производилось съ его наслѣдниковъ, и переписка по этому взысканію

продолжалась до 1811 года; — сенаторъ тайный совѣтникъ Качка, бывшій главный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ на Алтаѣ; командовавшій сибирскою дивизіей генералъ-маіоръ Штрандманъ и другіе. Неудача въ изданіи „Иртыша“, отозвавшаяся на матеріальныхъ средствахъ тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія, отозвалась также и на ученикахъ тобольскаго главнаго народнаго училища, такъ какъ приказъ, въ видахъ возмѣщенія убытковъ, имъ понесенныхъ при изданіи журнала, и не находя другаго способа сбыть оставшіеся у него экземпляры, не разошедшіеся по подпискѣ, всѣмъ „отличившимся въ наукахъ ученикамъ“, въ награду за ихъ прилежанія и успѣхи, втеченіе цѣлаго десятилѣтія, по открытіи тобольскаго главнаго народнаго училища, выдавалъ ежемѣсячные выпуски «Иртыша, превращающагося въ Ипокрену», въ 4-копѣечномъ переплетѣ, взамѣнъ пріобрѣтенія для награды учениковъ „учебныхъ книгъ въ хорошемъ переплетѣ“, какъ того требовалъ уставъ народныхъ училищъ.

Редакція журнала „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену“ лежала на обязанности учителей тобольскаго главнаго народнаго училища, принимавшихъ дѣятельное участіе въ изданіи этого журнала. Въ предисловіи къ изданію журнала сказано слѣдующее: „Находя весьма нужнымъ доставить учителямъ свойственное званію ихъ упражненіе, посредствомъ коего и среди исполненія возложенной на нихъ почтенной должности достигали бы и они дальнѣйшихъ способностей къ вящему усовершенствованію столь изящнаго заведенія, тобольское главное народное училище предпріяло издавать ежемѣсячникъ, наполняя оный всякаго рода сочиненіями, такъ и переводами въ стихахъ и прозѣ“. Въ приводимомъ предисловіи приглашались также къ участію въ журналѣ и „любители наукъ, желающіе сочиненія свои и переводы помѣщать въ ежемѣсячникѣ“, съ тѣмъ, чтобы эти сочиненія и переводы доставлялись въ тобольское главное народное училище, „кои со стороны издателей съ чувствительнѣйшею благодарностію принимаемы будутъ“. Всѣ лица, принимавшія участіе въ изданіи журнала, и сотрудники его не получали никакого вознагражденія за свои литературные труды, такъ какъ выручавшаяся подпискою сумма нисколько не покрывала расходовъ на самое изданіе; только въ первые четыре мѣсяца по выходѣ въ свѣтъ „Иртыша“, за то время, когда онъ печатался Корнильевымъ „безвозмездно, изъ благотворенія“, оказалась прибыль отъ изданія въ размѣрѣ 120 р., которая и должна была слѣдовать наставникамъ тобольскаго главнаго на-

роднаго училища, принимавшимъ дѣятельное участіе въ изданіи, но наставники эти пожелали обратить прибыльныя деньги въ пользу „священнаго заведенія“, о чемъ и сдѣлали заявленіе правителю Тобольскаго намѣстничества Алябьеву, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы онъ „принялъ отъ нихъ пожертвованіе въ знакъ истиннаго ихъ усердія, приказавъ выписать въ книгохранилище училища нужныхъ книгъ, способствующихъ воспитанникамъ къ пріобрѣтенію вящихъ познаній“.

Сотрудниками „Иртыша, превращающагося въ Ипокрену“, кромѣ учителей тобольскаго главнаго народнаго училища, были „любители наукъ“, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, были одинъ учитель иркутскаго главнаго народнаго училища (Бельшевъ), затѣмъ Маметевъ, тобольскій бухаретенинъ, и Сумароковъ, Панкратій Платоновичъ, бывшій корнетъ гвардіи, а потомъ туринскій мѣщанинъ *).

Изъ „любительницъ наукъ“ только одна принимала участіе въ журналѣ, а именно: Наталья Сумарокова, сестра вышеупомянутаго П. П. Сумарокова. Въ сотрудничествѣ журнала принимали участіе и ученики тобольскаго главнаго народнаго училища (напримѣръ, Евсеевъ, Ивановъ, Трунинъ), а также и ученикъ тобольской семинаріи Матвѣй Маминъ. Кромѣ того, сотрудниками журнала были еще нѣкоторыя лица, присылавшія свои произведенія безъ подписей или же съ обозначеніемъ лишь начальныхъ буквъ своихъ фамилій, оставшихся неразгаданными.

Литературныя произведенія, помѣщавшіяся въ „Иртышѣ“, состояли изъ прозаическихъ, оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, а также изъ разнообразныхъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній поэзіи. Къ первому роду оригинальныхъ литературныхъ произведеній относятся рѣчи, произнесенныя учителями тобольскаго главнаго народнаго училища по разнымъ случаямъ.

*) Родившись во Владимірѣ, 14-го октября 1765 года, П. П. Сумароковъ, по окончаніи домашняго воспитанія, поступилъ въ гвардію, но, будучи корнетомъ въ 1787 году, вмѣстѣ съ вахмистрами Ромбергомъ и Куницкимъ лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ Тобольскую губернію за то, что нарисовалъ шутя очень искусно сторублевую ассигнацію, которую Куницкій сбылъ купцу, а Ромбергъ зналъ и не донесъ о томъ. По прибытіи въ Тобольскую губернію, Сумароковъ причисленъ былъ къ мѣщанскому сословію города Туринска. Съ дозволенія намѣстнической администраціи, Сумароковъ, однако, не жилъ въ мѣстѣ своего причисленія, а все время своей ссылки прожилъ въ Тобольскѣ, занимаясь литературнымъ трудомъ.

Всѣ рѣчи этихъ учителей, въ разное время произнесенныя, по содержанію своему представляютъ большое однообразіе, переполненное прославленіемъ дѣяній Екатерины II, „чадолюбивой матери, всеавгустѣйшей монархини", на пользу просвѣщенія; рѣчь же Бельшова, учителя иркутскаго главнаго народнаго училища, посвященная памяти Арсеньева, очерчиваетъ этого правителя намѣстничества, какъ дѣятеля справедливаго и гуманнаго.

Къ оригинальнымъ же прозаическимъ литературнымъ произведеніямъ относятся слѣдующія сочиненія: 1) „Сновидѣніе" Воскресенскаго, гдѣ авторъ, очевидно, осмѣиваетъ сотрудниковъ „Иртыша", „принадлежащихъ къ разнымъ состояніямъ и возрастамъ, собравшихся изъ близь лежащихъ городовъ и селеній и желающихъ насильно сдѣлаться стихотворцами въ противность природѣ, не имѣя отъ нея ни малѣйшія къ тому способности..."; 2) „Письмо къ туринскому купцу"; 3) „Нѣчто о человѣкѣ"; 4) „Нѣчто къ состоянію людей относящееся" — Прудковскаго. Въ „Письмѣ къ туринскому купцу" авторъ восхваляетъ нѣкоего туринскаго купца, отдавшаго дочерей своихъ на обученіе въ народную школу, и удивляется тому, что онъ покинулъ „застарѣлое неправильное обыкновеніе, сжалившись надъ нѣжнымъ поломъ, чтобы не оставить его въ невѣдѣніи тѣхъ истинъ, кои ввѣряютъ однимъ только мальчикамъ". Статьи „Нѣчто о человѣкѣ" и „Нѣчто къ состоянію людей относящееся", по своему содержанію, могутъ быть названы этико-политическими. Напримѣръ, тутъ идутъ разсужденія о человѣкѣ, что онъ „есть дружелюбное животное... и что общежитіе ему сродно и полезно", говорится о значеніи свободы и т. п. Сочиненія: 5) „Портретъ Ахида Скрягина" и 6) „Сказка", принадлежащія неизвѣстному автору Г. Ф., совершенно безсодержательны; въ первомъ авторъ описываетъ жизнь скупаго вообще, а во второмъ ведется споръ между французскимъ и русскимъ языками о совершенствѣ языковъ.

Этими скудными произведеніями ограничивалась вся оригинальная прозаическая литература перваго сибирскаго журнала; остальныя литературныя произведенія этого рода, въ немъ помѣщавшіяся, были переводныя съ разныхъ языковъ: латинскаго, нѣмецкаго, французскаго и даже частію персидскаго, принадлежа труду разныхъ переводчиковъ.

Не вдаваясь въ подробности оцѣнки и характеристики переводныхъ статей, печатавшихся въ „Иртышѣ", представляющихъ смѣсь разнаго рода прозаическихъ литературныхъ произведеній,

вообще можно сказать, что эти переводныя статьи, какъ и оригинальныя прозаическія сочиненія тобольскихъ писателей, имѣли одинъ и тотъ же общій недостатокъ—чрезмѣрную отвлеченность. Этою отвлеченностію вѣяли даже статьи, повидимому, предназначавшіяся для ознакомленія читателей съ научными выводами, такъ какъ, будучи переводимы преимущественно изъ разныхъ сочиненій и журналовъ не въ полномъ своемъ объемѣ, а отрывками, онѣ не могли служить, по неполнотѣ сообщавшихся въ переводахъ свѣдѣній, къ достиженію той цѣли, къ которой онѣ предназначались ихъ авторами. Вообще, всѣ литературныя прозаическія сочиненія, помѣщавшіяся въ „Иртышѣ", походили: оригинальныя—на ученическія сочиненія на заданную тему, переводныя—на упражненія учениковъ въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Не отличались своими достоинствами, а потому и нисколько не выдѣлялись изъ массы всѣхъ, въ разное время напечатанныхъ въ „Иртышѣ", литературныхъ произведеній, и переводныя статьи Панкратія Платоновича Сумарокова.

Произведенія поэзіи, печатавшіяся въ „Иртышѣ", принадлежали частію къ эпическому роду поэзіи, но большая часть помѣщавшихся въ этомъ журналѣ стихотвореній принадлежала къ поэзіи лирической. Первенствующимъ поэтомъ перваго сибирскаго журнала былъ несомнѣнно П. П. Сумароковъ. Поэтическія произведенія Сумарокова, помѣщенныя въ „Иртышѣ", относятся (въ числѣ 20 наиболѣе обширныхъ) къ разряду сказокъ, притчей, одъ, сонетовъ, поэмъ, басенъ и повѣстей. Кромѣ этихъ поэтическихъ произведеній, Сумароковымъ въ разное время помѣщено было въ „Иртышѣ" 28 мелкихъ стихотвореній, эпиграммъ и эпитафій.

Одновременно съ изданіемъ „Иртыша" въ 1790 году, подъ редакціею учителей Тобольскаго главнаго народнаго училища, печатался въ тобольской типографіи Корнильева „Журналъ историческій, выбранный изъ разныхъ книгъ". Журнала этого вышло всего 2 части въ 8-ю долю листа, по 13 печатныхъ листовъ въ каждой части. Всѣ статьи этого журнала были переводныя изъ разныхъ историческихъ сочиненій безъ указанія источника и именъ переводчиковъ. Свѣдѣній объ изданіи этого журнала и его распространенности никакихъ не сохранилось. По прекращеніи изданія „Иртыша, превращающагося въ Ипокрену" и „Журнала историческаго", въ 1793 году началъ выходить въ Тобольскѣ періодическій журналъ подъ заглавіемъ: „Библіотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей", печатавшаяся въ типографіи Кор-

нильева съ указаннаго дозволенія. Журналъ этотъ, издававшійся подъ редакціей П. П. Сумарокова, печатался подобно „Иртышу" на средства тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія. Сохранившіяся позднѣйшія данныя, свидѣтельствующія о распродажѣ приказомъ неразошедшихся въ свое время по подпискѣ книгъ „Библіотеки", ясно указываютъ на то, что тобольскій приказъ общественнаго призрѣнія заинтересованъ былъ въ этомъ изданіи.

„Библіотека" издавалась впродолженіе 1793 и 1794 годовъ, выйдя въ свѣтъ въ количествѣ 12 томовъ въ 8 долю листа каждый и заключая въ каждомъ томѣ до 13-ти печатныхъ листовъ. Изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ приложеніи къ послѣднему тому этого журнала, видно, что онъ разсылался 112 подписчикамъ. Подписная цѣна на 12 книгъ „Библіотеки" въ Тобольскѣ была 10 р., а въ другихь городахъ съ пересылкою по 15 рублей; въ какомъ же количествѣ экземпляровъ печатался этотъ журналъ, свѣдѣній не сохранилось, но еще въ 1823 году, т. е. тридцать лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ „Библіотеки", экземпляры этого журнала оставались въ тобольскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія нераспроданными.

Озабочиваясь сбытомъ этихъ неразошедшихся по подпискѣ экземпляровъ, приказъ, по журналу своему отъ 30-го января 1823 года, поручалъ всѣмъ городничимъ Тобольской губерніи, исправникамъ, городскимъ головамъ и бургомистрамъ оказать содѣйствіе къ распродажѣ обременяющихъ его книгъ, прося: „всѣхъ купно отъ лица приказа на покупку книгъ, какъ собственно для себя, и присогласовать жителей, въ городѣ и уѣздахъ пребывающихъ". При этомъ цѣна за полное изданіе, т. е. за 12 книгъ „Библіотеки", приказомъ объявлялась 5 р. 75 коп., взамѣнъ 10 р., объявлявшихся при подпискѣ. Для привлеченія же покупателей, приказъ разсылалъ по городамъ и уѣздамъ слѣдующую рекламу „Библіотеки": „Каждый экземпляръ заключаетъ въ себѣ достопамятныя событія прошедшихъ временъ, достаточное описаніе жителей Сибирскаго края, обыкновенія инородцевъ, разные увеселительные и полезные анекдоты, хозяйственное упражненіе въ домашности и земледѣліи, леченіе болѣзней простыми средствами и много сему подобныхъ и нужныхъ въ жизни для всякаго человѣка средствахъ, опытами дознанныхъ, къ благоденствію клонящихся". Однако, ни приглашенія къ пріобрѣтенію книгъ „Библіотеки", ни лестная реклама не послужили къ успѣху распродажи обременявшихъ приказъ экземпляровъ: городничіе — курганскій, ялуторовскій, омскій,

тарскій и березовскій донесли приказу, что желающихъ купить книги не оказалось, не смотря на оповѣщеніе жителей; петропавловскій же городничій просилъ прислать „собственно для себя" два экземпляра „Библіотеки"; отъ остальныхъ должностныхъ лицъ, къ которымъ приказъ обращался за содѣйствіемъ, даже не поступило и исполнительныхъ донесеній. Надо полагать, что экземпляры „Библіотеки" въ концѣ концовъ или были проданы, или же понемногу были всѣ растасканы и затѣмъ утеряны, вслѣдствіе чего самый журналъ сдѣлался въ настоящее время, подобно „Иртышу", библіографическою рѣдкостью даже въ Тобольскѣ. Всѣ сотрудники „Библіотеки", подобно сотрудникамъ „Иртыша", не получали никакого вознагражденія за свои труды, кромѣ той благодарности, которая выражалась имъ въ объявленіи отъ лица издателя. Каждая книга „Библіотеки" раздѣлялась на отдѣлы или статьи; такихъ статей въ каждой книгѣ было 5, а именно: статья ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная. Не смотря на то, что „Библіотека" издавалась подъ редакціей Сумарокова, по достоинству своему она нисколько не превосходила „Иртыша", издававшагося подъ редакціей учителей тобольскаго главнаго народнаго училища. „Библіотека" отличалась большимъ объемомъ отъ „Иртыша", большею массою переводныхъ прозаическихъ статей, въ ней помѣщавшихся; поэтическихъ же произведеній въ ней было помѣщено всего 4, тогда какъ въ „Иртышѣ" поэзія нисколько не уступала прозѣ, и въ числѣ сотрудниковъ этого журнала было болѣе всего стихотворцевъ, нежели прозаиковъ. Отличаясь отъ „Иртыша" по внѣшности, „Библіотека" хотя и предлагала подписчикамъ большую массу для чтенія, однако, по содержанію своему нисколько не представляла большаго интереса, чѣмъ „Иртышъ". Всѣ тѣ недостатки, какіе замѣчались въ первомъ журналѣ, оставались и въ „Библіотекѣ", а потому естественно, что и этотъ послѣдній журналъ должна была постигнуть та же печальная участь, какая постигла „Иртышъ". Просуществовавъ всего годъ, Библіотека", не встрѣтивъ сочувствія въ публикѣ, прекратила свое существованіе, обременивъ расходами по своему изданію скудныя средства тобольскаго приказа въ ущербъ потребностей общественнаго призрѣнія. Одновременно съ изданіемъ описанныхъ журналовъ въ тобольской типографіи Корнильева въ разное время напечатано было 6 книгъ различнаго содержанія.

Не долго, однако, удерживалъ за собою Тобольскъ представительство въ изданіи сочиненій провинціальной печати; послѣдо-

вавшій въ 1795 году отъѣздъ изъ Тобольска просвѣщеннаго правителя намѣстничества Александра Васильевича Алябьева, сочувственно относившагося къ развитію печатнаго дѣла, изыскивавшаго матеріальные источники къ поддержанію только что зарождавшейся дѣятельности печати, на столько повліялъ на этого рода дѣятельность, что съ того же времени печатный станокъ въ Тобольскѣ пересталъ вовсе проявлять свое существованіе. Заступившій мѣсто Алябьева новый правитель намѣстничества Александръ Григорьевичъ Толстой видимо вовсе не сочувствовалъ печати, и за время его управленія намѣстничествомъ до воспослѣдованія указа 16-го сентября 1796 года, повелѣвавшаго всѣ вольныя типографіи, кромѣ устроенныхъ по особому Высочайшему повелѣнію, упразднить, печатная дѣятельность въ Тобольскѣ вовсе не проявлялась, а съ изданіемъ упомянутаго указа прекратила свое существованіе и вольная типографія Корнильева, служившая втеченіе шестилѣтняго періода, съ 1789 по 1795 годъ, единственной разсадницей печатнаго слова въ Сибири.

По закрытіи вольной типографіи Корнильева, устроена была типографія сначала при тобольскомъ намѣстническомъ управленіи, а затѣмъ, по упраздненіи намѣстническаго управленія, въ 1797 году, типографія присоединена была къ губернскому правленію. Эта типографія, въ концѣ прошлаго столѣтія, была устроена на частныя средства, и содержателю ея правленіе платило ежегодно по 600 р. ассигн. Можно предполагать, что владѣльцемъ ея былъ тотъ же Корнильевъ, прежній собственникъ вольной типографіи, такъ какъ трудно предположить, чтобы какое либо другое частное лицо за ограниченную плату, всего въ размѣрѣ 600 р., находило бы выгоднымъ заводить и содержать типографію исключительно для служебныхъ потребностей мѣстной администраціи. Существованіе этой типографіи было кратковременно. Въ концѣ 1800 года тобольскій губернаторъ Кошелевъ, обращаясь къ приказу общественнаго призрѣнія и предлагая этому учрежденію устроить на средства, которыми онъ располагаетъ, особую типографію, писалъ между прочимъ, что расходъ на ежегодную плату отъ губернскаго правленія 600 р. содержателю типографіи оказывается отяготительнымъ, а потому типографія та закрыта.

Согласно приказанію Кошелева, тобольскій приказъ тогда же сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ типографіи. Устройство этой типографіи тобольскаго приказа было самое скудное, приказомъ даже не были израсходованы на типографію и тѣ деньги (350 р.

ассигн.), которыя ассигновались на первоначальные расходы, да и впослѣдствіи приказъ ничего не предпринималъ къ усовершенствованію положенія своей типографіи. Она предназначалась исключительно къ выполненію потребностей канцелярій и учрежденій Тобольской губерніи, а именно къ печатанію бланокъ и тѣхъ немногихъ указовъ, которые разсылались губернскою администраціей по окружнымъ учрежденіямъ губерніи. Воцареніе Императора Александра I, давшее новый толчокъ къ развитію просвѣщенія и умственной дѣятельности и ознаменовавшееся возстановленіемъ силы указа 1783 года, которымъ повелѣвалось не отличать типографій отъ другихъ фабрикъ рукодѣлій, а также дозволялось заводить оныя всякому и повсюду въ имперіи, благотворно отразилось и на отдаленной отъ умственныхъ центровъ имперіи Сибирской окраинѣ: вольный печатный станокъ снова сталъ проявлять свою дѣятельность въ Тобольскѣ. Корнильевъ, типографія котораго въ силу указа 1796 года была закрыта, снова, пользуясь предоставленнымъ правомъ частной предпріимчивости въ типографскомъ дѣлѣ, открылъ въ 1804 году свою типографію въ Тобольскѣ. Однако, эта вторичная дѣятельность вольной тобольской типографіи, въ началѣ текущаго столѣтія, была несравненно менѣе той дѣятельности, какая выпала на ея долю въ періодъ времени ея существованія въ концѣ прошлаго столѣтія. Правда, что эта вторичная дѣятельность тобольской вольной типографіи была весьма кратковременна, продолжаясь всего втеченіе трехъ лѣтъ, съ 1804 по 1807 годъ, когда устроена была правительственная типографія при тобольскомъ губернскомъ правленіи, поставившая въ необходимость, по незначительности потребностей прекратить дѣятельность, какъ типографію приказа общественнаго призрѣнія, такъ и Корнильевыхъ. Книгопечатная дѣятельность типографіи Корнильевыхъ, въ началѣ текущаго столѣтія, выразилась въ напечатаніи всего одного довольно объемистаго сочиненія знаменитаго математика англійскаго Гумфрея Диттона—„Истина благочестія христіанскаго, доказанная воскресеніемъ Іисуса Христа съ математическою точностью". Напечатана она въ 3-хъ частяхъ въ 8-ю долю листа въ 1804 году. Имени переводчика при изданіи не упоминалось, по свидѣтельству же Сопикова, таковымъ былъ тобольскій архіепископъ Антоній.

Въ заключеніе нельзя не высказать того мнѣнія, что всѣ изданныя въ концѣ прошлаго столѣтія въ Тобольскѣ книги и журналы были плохи, даже для своего времени, не очень требова-

тельнаго въ литературномъ отношеніи. Въ особенности плохи были журналы, наполненные преимущественно повѣстями и статьями нравоучительнаго содержанія, переведенными изъ иностранныхъ книгъ и журналовъ тобольскими переводчиками, труды которыхъ нисколько не отличались по своимъ достоинствамъ отъ ученическихъ упражненій. Оригинальныя же статьи, помѣщавшіяся въ тѣхъ же журналахъ, въ прозѣ и стихахъ, напоминали собою такой же лепетъ ребенка, какимъ отличался и почтенный „дѣдушка" русской провинціальной печати „Уединенный Пошехонецъ". Во всякомъ случаѣ, какъ ни слабы были литературныя попытки сибирской провинціальной печати XVIII столѣтія, изданныя въ Тобольскѣ книги и журналы не могутъ оставаться безъ вниманія со стороны какъ русской библіографіи, такъ и въ особенности сибирской.

Оканчивая этотъ обзоръ первыхъ опытовъ печати въ Сибири, мы должны выдѣлить здѣсь: 1) попытку созданія частныхъ типографій, выразившуюся въ частной инипіативѣ Корнильева и его энергіи; 2) попытку закинутыхъ въ Сибирь литераторовъ создать здѣсь литературу, и, въ-третьихъ, мы видимъ участіе „просвѣщеннаго воеводства" въ распространеніи оффиціальнымъ путемъ эту литературу и возбужденіи любознательности въ обывателяхъ помощью обязательной подписки.

Въ результатѣ всѣ эти три стремленія потерпѣли неудачу. Частная типографская дѣятельность, предшественница печати въ Сибири, пала и прекратилась по особымъ причинамъ, а между тѣмъ въ ней могло быть болѣе всего задатковъ и залоговъ для развитія мѣстной печати сообразно мѣстнымъ нуждамъ и пользамъ. Типографіи, перешедшія въ казенныя руки губернскихъ правленій, назначались вовсе не для цѣлей внутренняго умственнаго развитія общества, а служили средствомъ облегченія канцелярской дѣятельности. Самое существованіе ихъ было плачевное, хозяйство убыточное и, большею частію, ознаменовывавшееся переходомъ казенныхъ денегъ въ карманы управлявшихъ типографіей чиновниковъ. (Исторіи эти повторяются до послѣдняго времени въ Сибири).

Первыя попытки литераторства въ Сибири принадлежали людямъ, случайно явившимся и имѣвшимъ только претензію создавать литературу, но не имѣвшимъ для этого внутреннихъ качествъ. Панкратій Сумароковъ былъ бездарность, или, по крайней мѣрѣ, такая литературная сила, которая и при лучшихъ условіяхъ не могла многаго дать. Притомъ, какъ ссыльный, чуждый краю, онъ не

понималъ и не могъ понимать его нуждъ, потребностей и задачъ мѣстной печати. Какъ и многимъ ссыльнымъ, ему просто хотѣлось писать о чемъ нибудь и удовлетворять свою фантазію, отъ этого всѣ его повѣсти, переводы, произведенія были искусственны и рѣшительно не приноровлены къ средѣ. Подобныя попытки и претензіи людей, закинутыхъ въ Сибирь, литераторствовать—продолжались и впослѣдствіи, но такія лица никогда не могли удовлетворить мѣстнымъ интересамъ: какъ люди посторонніе Сибири, непонимающіе условій ея жизни, не принимающіе къ сердцу ея нуждъ, часто предубѣжденные, они весьма рѣдко были способны относиться симпатично къ странѣ и съ любовію отдаться дѣлу ея развитію.

Что касается особаго покровительства и распространенія этой печати оффиціальнымъ путемъ, то подобныя попытки, тоже повторялись впослѣдствіи, и такое распространеніе, благодаря искусственности и принужденіямъ, было весьма слабымъ стимуломъ къ пробужденію умственной жизни и любознательности въ мѣстныхъ жителяхъ. Для этого нужно было пробужденіе мысли и сознанія въ самомъ обществѣ.

Между этими изданіями и началомъ другихъ періодическихъ изданій въ Сибири, губернскихъ вѣдомостей, лежитъ промежутокъ не болѣе какъ въ 60 лѣтъ. Такой періодъ показываетъ, что новозамѣненныя губернскія типографіи не могли однѣ подвинуть и создать печать въ краѣ.

II.

Губернскія вѣдомости.

Перейдемъ теперь къ исторіи губернскихъ вѣдомостей въ различныхъ губерніяхъ Сибири. Крайне убогими и неприглядными являются эти представители печати въ видѣ сѣренькихъ листиковъ и съ не менѣе убогимъ матеріаломъ. „Тобольскія Губернскія Вѣдомости“ начинаются въ 1857 году рецептомъ о составленіи чернилъ—это была первая и единственная статья въ № 1. Далѣе начали появляться статьи: о школахъ, о тюремномъ комитетѣ, наконецъ являются корреспонденціи, замѣтки по этнографіи (о вогулахъ № 10, о введеніи христіанства у остяковъ №№ 11 и 12), воспоминанія историческія о Чичеринѣ (№ 14), объ Іоаннѣ Максимовичѣ (№ 20), о жизни Ѳ. И. Соймонова, статья Абрамова (№ 27) о на-

мѣстничествѣ въ Тобольскѣ (№ 32); мелкія замѣтки носятъ заглавіе „Независимый листокъ". Въ 1858 году появляется уже болѣе матеріала, и, какъ видно, въ „Тоб. Губернскихъ Вѣдомостяхъ" принимаютъ все болѣе участія лица пишущія; между прочимъ, отличаются историческимъ интересомъ статьи протоіерея Сулоцкаго и Абрамова, ученика П. А. Словцова; такими являются статьи: объ Угличскомъ колоколѣ, сосланномъ въ Тобольскъ, начало театра въ Сибири, челобитная князя Сулешова, празднованіе 200-лѣтія Сибири, изъ лѣтописи о походѣ Ермака и друг., П. А. Словцовъ, его біографія (№ 34); печатаются путевые очерки, замѣтки, отмѣчаются замѣчательныя явленія природы; въ этомъ же году появляются въ „Вѣдомостяхъ" отчеты о метеорологическихъ наблюденіяхъ. Кромѣ того, въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" печатаются журналы статистическаго комитета.

1859 годъ не менѣе богатъ серьезными и представляющими историческое значеніе статьями. Заслуживающими вниманіе статьями были слѣдующія: „Архіепископы сибирскіе Нектарій и Симеонъ"; статья Абрамова, о церквахъ Березова, о сибирской библіотекѣ, историческія записки о тобольской гимназіи, челобитная Филоѳея Лещинскаго, сибирская солепромышленность, объ описателяхъ Сибири, замѣтки о ссыльныхъ въ Сибири, о разведеніи табака, о постройкѣ домовъ на сибирской линіи, каменная пирамида (памятникъ Кузу-Керпечъ), Абрамова; статистическіе отчеты и замѣтки также любопытны за это время и особенно описаніе ярмарокъ. Статистическія изслѣдованія дѣлаются въ это время секретаремъ Смоленскимъ.

Съ 1859 по 1863 годъ содержаніе „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" болѣе скудно, и только изрѣдка продолжаютъ появляться историческія статьи Сулоцкаго и Абрамова, какъ-то: этнографическое описаніе татаръ (1861 г., №№ 35, 36—45), о князѣ Матвѣѣ Гагаринѣ, объ обдорскихъ инородцахъ, о березовскихъ инородцахъ, самоѣдахъ (1861 г.). Съ 1862 г. появляются дѣловыя и солидныя статьи по статистикѣ г. Анучина. Съ 1863 по 1867 годъ „Тобольскія Губернскія Вѣдомости", во время управленія А. И. Деспота-Зеновича, дѣлаются оживленнѣе и заключаютъ массу замѣтокъ, изслѣдованій и практическихъ указаній. Въ 1866 году Абрамовъ помѣщаетъ свои статьи о Ермакѣ (№№ 18, 19, 20, 21 и 22). Въ „Вѣдомостяхъ" видно сотрудничество образованныхъ священниковъ, купцовъ (Чукмалдинъ) и даже ремесленниковъ (Рыловъ). Съ 1868 года „Губернскія Вѣдомости" падаютъ, дѣлаются безцвѣтными и скудными. Тобольскъ

лишается одного изъ просвѣщенныхъ администраторовъ, а вскорѣ умираетъ одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ „Губернскихъ Вѣдомостей", Абрамовъ, некрологъ котораго помѣщенъ въ №№ 39, 40—44 за 1870 годъ. Въ 1871 году появляется замѣчательная статья—біографія Словцова (№№ 18 и 19), чуть ли не единственная, и немало встрѣчается историческихъ статей и даже корреспонденцій, но это только одинъ годъ; въ 1872 году „Вѣдомости" являются скуднѣе, чѣмъ когда либо. Вообще лучшее время „Губернскихъ Вѣдомостей" прошло. Онѣ превращаются въ казенное изданіе, и только изрѣдка появляется въ нихъ какая нибудь серьезная статья. Даже стихотворенія туземныхъ поэтовъ самоучекъ не могутъ придать газетѣ литературнаго вида и составляютъ только печальное дополненіе къ казеннымъ сыскнымъ статьямъ; вѣдомости эти и нынѣ не представляютъ ничего выдающагося. Удивительно, что пребываніе Ершова, просвѣщеннѣйшаго литератора, съ 1836 по 1869 г., ничѣмъ не выразилось въ мѣстной печати.

Изъ литературныхъ и ученыхъ силъ, которыя жили въ Тобольскѣ и оставили слѣды вообще въ литературѣ, были Словцовъ, Абрамовъ, Сулоцкій, Ершовъ, Е. Анучинъ, давшій драгоцѣнный статистическій трудъ о ссылкѣ по матеріаламъ, собраннымъ въ приказѣ о ссыльныхъ. Въ Тобольскѣ жилъ и пребываетъ доселѣ М. С. Знаменскій, извѣстный художникъ, каррикатуристъ, литераторъ (авторъ воспоминаній въ книгѣ Турбина „Забытый край и исчезшіе люди"), и нынѣ произведшій богатыя археологическія изысканія около Тобольска. Тобольскъ былъ мѣстожительствомъ многихъ декабристовъ, которые не могли не оставить слѣда своего, какъ люди весьма образованные. Умственные интересы въ Тобольскѣ, безъ сомнѣнія, были. Былъ образованный кругъ въ лицѣ Менделѣевыхъ, Жилина и другихъ. Конечно, существовалъ интересъ и къ литературѣ, но „Губернскія Вѣдомости", при своей узкой программѣ весьма слабо могли отражать умственную жизнь образованнаго круга; эта жизнь шла и развивалась внѣ казенныхъ „Вѣдомостей".

Что касается „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", то начало изданія ихъ мы хорошо помнимъ: оно началось при еще болѣе скудныхъ силахъ. Въ 1857 г., въ первый годъ изданія, въ нихъ нѣтъ никакого литературнаго матеріала, впослѣдствіи появляется ихъ постояннымъ сотрудникомъ *Заангарскій Сибирякъ*, Виноградскій, снабжавшій мѣстное изданіе фельетонными статьями, и затѣмъ Олимпіанъ Павловъ, писавшій о томской старинѣ; наконецъ, понемногу

выступили учителя гимназіи, особенно наполнялъ „Губернскія Вѣдомости“ цѣннымъ этнографическимъ матеріаломъ Як. Ст. Андреевъ, записывавшій мѣстный словарь, пѣсни, сказки и т. д. („Том. Губ. Вѣд.“, 1858 г., № 11, 12 и друг.). Далѣе началъ помѣщать бытовые очерки и статьи извѣстный писатель В. И. Вагинъ, миссіонеръ В. Вербицкій, смотритель училища Ананьинъ *), знатокъ мѣстнаго быта, въ 1858 г. появляется статья въ вѣдомостяхъ даже Г. Н. Потанина. Вообще съ 1858 по 1865 г. „Губернскія Вѣдомости“ даютъ много историческаго и этнографическаго матеріала и весьма полезны при изученіи края. Въ 1865 г., во время редакціи Д. Л. Кузнецова, на смѣну прежнихъ литераторовъ являются въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ первыя силы сибирской университетской молодежи и пробуютъ сдѣлать газету литературной, но попытка эта является кратковременной; вообще 1865 годъ отразилъ то умственное напряженіе и потребность литературы, которая тогда чувствовалась. „Томскія Губ. Вѣдомости“ тогда производили сильное впечатлѣніе. Съ 1866 г. „Губернскія Вѣдомости“ падаютъ до прежняго своего уровня и наполняются однимъ сырымъ этнографическимъ и историческимъ матеріаломъ. Впослѣдствіи поддержкою ихъ и главнымъ сотрудникомъ является князь Костровъ, онъ же и редакторъ, человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ, лицо, извѣстное въ сибирской этнографіи. Съ нимъ рядомъ неутомимо вносилъ матеріалъ объ алтайскихъ инородцахъ и протоіерей Вербицкій; онъ же заботился о развитіи познаній пчеловодовъ. Нельзя не указать также на неутомимую дѣятельность С. И. Гуляева въ Барнаулѣ, собиравшаго археологическія и этнографическія свѣдѣнія много лѣтъ и снабжавшаго своими замѣтками какъ князя Кострова, такъ и многія ученыя общества. По смерти князя Кострова „Томскія Губ. Вѣдомости“ совершенно падаютъ. „Вѣдомости“ редактировались въ это время какимъ-то сосланнымъ за подлоги адвокатомъ Евг. Коршемъ, который заправлялъ губернской типографіей и оффиціальной газетой. Въ 1883 г. является попытка вступить въ борьбу съ мѣстной частной печатью, но эта попытка является столь жалкой, что совершенно дискредитируетъ оффиціальный органъ и приводитъ къ уничтоженію всякой неоффиціаль-

*) Ананьинъ былъ замѣчательная личность, энциклопедистъ, философъ-самородокъ, онъ интересовался всѣмъ, начиная отъ пчеловодства до послѣднихъ выводовъ философіи. Онъ былъ въ Томскѣ знакомъ съ Бакунинымъ, который бывалъ у него.

ной части. „Губернскія Вѣдомости“ не могли уже соперничать съ возникшею въ Томскѣ частною печатью.

Губернскія вѣдомости Енисейскія, Забайкальскія и нынѣ возникшія Акмолинскія и Семипалатинскія далеко не представляютъ такого интереса, и нѣкоторыя не идутъ дальше одного листика съ обыкновенными мѣстными распоряженіями. Для этнографа и изслѣдователя, однако, необходимо и ихъ тщательно просматривать, какъ ни скуденъ ихъ матеріалъ.

„Иркутскія Губернскія Вѣдомости“, благодаря кружку образованныхъ людей, сосредоточившемуся въ Иркутскѣ, явились съ перваго же раза также съ весьма дѣльнымъ литературнымъ матеріаломъ въ неоффиціальной части. О началѣ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ намъ сообщены слѣдующія свѣдѣнія В. И. Вагинымъ.

„6-го декабря 1856 г. были утверждены новые штаты сибирскихъ управленій. Жалованье было увеличено на 50% и болѣе. Это была большая прибавка, особенно въ Западной Сибири, при тогдашней дешевизнѣ. Не знаю, какъ встрѣтили эту прибавку въ другихъ городахъ, но мы, въ Каинскѣ, отслужили молебенъ и сочинили пиръ. Но штаты 1856 г. были замѣчательны не одной только прибавкой жалованья. Въ нихъ было нѣчто болѣе важное и существенное: они установляли изданіе губернскихъ вѣдомостей при всѣхъ сибирскихъ губернскихъ правленіяхъ. Разумѣется, къ этому изданію ничего не было подготовлено, и потому оно не могло начаться тотчасъ же. Но у Муравьева все дѣлалось скоро. Въ маѣ 1857 г. уже появился 1 № „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Это была тетрадка сѣрой, толстой, чуть не оберточной бумаги, напечатанная избитымъ, аляповатымъ шрифтомъ; но это былъ первый сибирскій газетный листокъ, и понятно, что за него съ любопытствомъ схватились не въ одномъ Иркутскѣ. И что же? Въ этомъ листкѣ неоффиціальная часть вовсе не походила на то, что обыкновенно преподносилось читателямъ подъ этой рубрикой въ подобныхъ изданіяхъ. Это былъ фельетонъ, бойкій, живой, хотя, сколько помню, и не серьезный по содержанію. Авторомъ его былъ И. С. Сельскій, членъ совѣта главнаго управленія, одинъ изъ немногихъ чиновниковъ съ университетскимъ образованіемъ, первый правитель дѣлъ сибирскаго Отдѣла географическаго Общества. Впрочемъ, участіе Сельскаго въ „Ирк. Губ. Вѣд.“ этимъ фельетономъ и ограничилось.

„Послѣдующіе №№ были еще замѣчательнѣе. Газетка приняла

*

обличительный характеръ, и притомъ до такой степени живой и смѣлый, что въ этомъ отношеніи едва ли могло равняться съ ней какое нибудь другое изданіе того времени въ Россіи. Въ одномъ изъ первыхъ №№ редакціей было заявлено, что она „уполномочена" печатать всякаго рода статьи, касающіяся пользы края, а также и обличенія всяческихъ злоупотребленій. Напрасно министерство внутреннихъ дѣлъ посылало свои замѣчанія на „неприличіе" такого направленія въ оффиціальномъ изданіи и даже дѣлало выговоры высокопоставленнымъ лицамъ, вступавшимъ въ полемику съ газетой (Падалкѣ). Графъ Муравьевъ-Амурскій, не смотря на замѣчанія, разрѣшалъ газетѣ продолжать печатаніе обличительныхъ статей. Публика скоро поняла духъ „Губернскихъ Вѣдомостей", и въ редакцію посыпались обличительныя корреспонденціи не только изъ всѣхъ мѣстъ Восточной, но и изъ Западной Сибири. Газетка сдѣлалась грозой всѣхъ взяточниковъ, казнокрадовъ и кулаковъ. Въ то же время она сдѣлалась и очень вліятельнымъ органомъ, такъ какъ графъ Амурскій обращалъ особенное вниманіе на помѣщаемыя въ ней обличенія; кромѣ того, они перепечатывались и въ столичныхъ изданіяхъ. Изъ статей этого направленія я помню „Старую попытку на новый ладъ", гдѣ описывались злоупотребленія на какихъ-то выборахъ, и (не помню заглавія, но кажется, „Странные слухи") статейку противъ введенія откуповъ въ Амурскомъ краѣ *).

„Понятно, что такое направленіе газеты не нравилось не одному только министерству. Ее ненавидѣли и боялись не только люди, задѣтые въ ней, но и вообще люди съ старыми чиновничьими взглядами на печать. Тогдашній томскій губернаторъ, Озерскій, напримѣръ, говорилъ, что направленіе „Ирк. Губ. Вѣдомостей" не дѣлаетъ чести ни Муравьеву, ни *господину* Спѣшневу. Я забылъ сказать, что первымъ редакторомъ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" былъ только что прощенный Н. А. Спѣшневъ, человѣкъ самаго многосторонняго образованія, а послѣ его отъѣзда редактированіе вѣдомостей поручено М. В. Загоскину, самому щедрому вкладчику неоффиціальной части. Оба редактора были очень близки къ Муравьеву, который видимо поощрялъ юный печатный органъ.

*) Болѣе крупныя статьи были: 1) Объ Амурской К°, *Петрашевскаго*; 2) Первый опытъ статистическаго изслѣдованія земледѣлія въ Иркутской губерніи, *Загоскина*; 3) Описаніе минеральныхъ водъ, *Львова*; 5) Первое путешествіе по Амуру зимой, съ торговою цѣлью, *Паргачевскаго*; 4) Изслѣдованіе нерчинскихъ золотыхъ пріисковъ и положенія рабочихъ; 6) Иркутская лѣтопись, *Пежемскаго*.

„По выходѣ изъ редакціи губернскихъ вѣдомостей Спѣшнева и Загоскина, направленіе, данное ими этому изданію, въ первые годы измѣнилось только отчасти, хотя достоинство изданія и порядочно ослабѣло. Въ неоффиціальной части еще нѣсколько лѣтъ продолжали помѣщаться статьи общеинтереснаго, а иногда и обличительнаго содержанія. Но первенствующаго значенія „Губернскія Вѣдомости“ не могли имѣть уже и потому, что съ 1860 г. въ Иркутскѣ появилось частное, слѣд., болѣе свободное изданіе—„Амуръ“. Кромѣ того, и преемники графа Амурскаго не могли уже относиться къ газетѣ такъ либерально, какъ относился онъ.“

Просматривая библіографическій списокъ статей „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ съ 1857 г., мы видимъ наибольшее обиліе этнографическаго и другаго матеріала, а также цвѣтущее ихъ состояніе. Въ 1857, 1858, 1859 гг. онѣ становятся беднѣе, съ 1860 г. изданіе „Амура“ отвлекло литературныя силы и дало имъ попробовать частной печати, послѣ чего къ неоффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей“ уже являлось мало влеченія. Послѣ „Амура“ явилась другая частная попытка—изданіе „Сибирскаго Вѣстника“ Б. А. Милютинымъ. „Губернскія Вѣдомости“, конечно, уступали органамъ частнымъ. Онѣ наполняются происшествіями, отчетами разныхъ благотворительныхъ учрежденій, наконецъ, въ нихъ печатаются протоколы Восточно-сибирскаго Отдѣла географическаго Общества. Временами онѣ служатъ органомъ генералъ-губернатора для его циркуляровъ и распоряженій. Такъ какъ иногда эти циркуляры и распоряженія получали особенное значеніе въ виду борьбы генералъ-губернаторовъ съ разными злоупотребленіями,—таково было время графа Муравьева-Амурскаго, таковы были знаменитые Синельниковскіе циркуляры,—то, безъ сомнѣнія, историкъ общественной жизни не можетъ ихъ игнорировать.

Во все время своего существованія до возникновенія частной литературной дѣятельности въ Сибири и ученыхъ обществъ, губернскія вѣдомости были единственнымъ прибѣжищемъ пишущихъ образованныхъ людей Сибири. Поэтому въ нихъ, повторяемъ, раскидано немало этнографическаго и бытоваго матеріала. Впослѣдствіи этотъ матеріалъ перешелъ въ Отдѣлы географическаго Общества, открытые въ Иркутскѣ и Омскѣ. Временами губернскія вѣдомости печатали акты изъ мѣстныхъ архивовъ и памятники старины и въ этомъ случаѣ, такъ сказать, были полезнымъ складомъ вспомогательнаго матеріала. Зато онѣ вовсе не могли удовлетворять требованіямъ литературнаго органа и оказывались ниже

принятой роли, когда пускались характеризовать общественную жизнь, прибѣгали къ пріемамъ фельетона или помѣщали оффиціальныя корреспонденціи съ цѣлью угодить мѣстному администратору. Восхваленіе губернскихъ прелестей было убого. Первая корреспонденція въ „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, напримѣръ, о балѣ въ городѣ Омскѣ у генерала Гасфорда, была типомъ этого рода губернской оффиціальной литературы, другая корреспонденція, какъ помнимъ, была отмѣчена, какъ образецъ подобострастія, однимъ изъ видныхъ русскихъ писателей въ 60-хъ годахъ и появилась даже въ заграничной печати. Эта литература не шла къ губернскимъ вѣдомостямъ. Всякая попытка конкуррировать съ частными изданіями по части литературнаго матеріала, да еще вести съ ними полемику, обыкновенно и до послѣдняго времени кончается плачевно. Сибирскія губернскія вѣдомости утратили уже прежнее свое значеніе. Отдѣльныя стремленія редакторовъ оживить ихъ, собрать мѣстныя извѣстія и научныя изслѣдованія, какъ пытался недавно одинъ областной органъ, кончаются одними обѣщаніями редакціи и энергичной разсылкой приглашеній, не имѣющихъ результата. Все это показываетъ, что губернскія вѣдомости должны получить болѣе тѣсное оффиціальное значеніе, а все, что касается литературы и научныхъ изслѣдованій, выдѣлилось изъ нихъ. Нынѣ на долю губернскихъ типографій остается печатаніе „Памятныхъ Книжекъ“ съ матеріаломъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Книжки эти выходятъ, однако, совершенно случайно; въ Тобольскѣ, напримѣръ, издана была „Памятная Книжка“ въ 1865 или 1866 г., а затѣмъ изданія появляются только въ 1881 и 1884 г. Енисейская „Памятная Книжка“, составленная извѣстнымъ С. Шашковымъ, появляется въ 1884 г. и затѣмъ печатаніе ихъ прекращается. Памятная книжка Томской губерніи существуетъ за 1871 г., а затѣмъ изданія статистическія прерываются и во все время при князѣ Костровѣ при губернской типографіи печатается этнографическій матеріалъ, а статистическія памятныя книжки появляются вновь только въ 1884 и 1885 гг. Наиболѣе обиленъ статистическими памятными книжками былъ иркутскій губернскій статистическій комитетъ. Мы не можемъ входить въ разборъ этихъ трудовъ, но должны указать на всякое отсутствіе въ нихъ научно-организованной статистической работы. Составленіе такихъ памятныхъ книжекъ обыкновенно не составляетъ особеннаго труда, такъ какъ всѣ свѣдѣнія берутся изъ ежегодно доставляемой волостной и полицейской статистики, а достоинство этого

матеріала хорошо извѣстно спеціалистамъ. Въ этихъ изданіяхъ можно найдти массу курьезовъ, какъ напримѣръ, въ изданіяхъ тобольскихъ книжекъ, подъ редакціей г. Голодникова, гдѣ инородцы смѣшиваются съ ссыльными, гдѣ въ войскахъ помѣщаются женщины и т. п. Томскія памятныя книжки издаются нынѣ весьма изящно, доказывая совершенствованіе губернской типографіи *), но статистическая часть ихъ невысокаго достоинства. Выдающимися статьями здѣсь были „Очерки мѣстнаго просвѣщенія" и „Очерки поземельнаго дѣла", но, повторяемъ, работа этихъ изданій всегда спѣшна, всегда на показъ и не удовлетворяетъ строго-научнымъ требованіямъ. И эта задача всецѣло должна перейдти нынѣ къ болѣе солиднымъ и болѣе богатымъ учеными силами учрежденіямъ, какими являются мѣстные отдѣлы географическихъ обществъ.

III.

Зарожденіе частныхъ литературныхъ органовъ.

Потребность частной и общественной печати въ Сибири давала себя чувствовать давно. Вполнѣ сформировавшееся общество искало выраженія своему частному мнѣнію, требовало разработки своихъ нуждъ и потребностей. Но это могло явиться не сразу, развитіе и образованность этого общества туго подвигались. Въ мѣстномъ обществѣ не было долго образованнаго сословія, и если являлись образованные люди въ Сибирь, то временно, случайно, и притомъ весьма часто покидали отдаленный край. Нѣкоторые изъ нихъ, однако, пробовали писать о Сибири, но труды ихъ, большею частью, помѣщались въ столичной періодической литературѣ. Настоящихъ литераторовъ и ученыхъ, конечно, не могли удовлетворить мѣстныя губернскія вѣдомости. Замѣчательно, что у Сибири были уже писатели и ученые, какъ Словцовъ, Ершовъ, Колмогоровъ, но они, работая для Сибири, не могли писать на мѣстахъ по неимѣнію на окраинѣ частной журналистики.

*) Было время, когда губернскія типографіи такъ были скудны, что, кажется, «Тобольск. Губ. Вѣдомости» не имѣли вначалѣ шрифта и ставили вмѣсто одной буквы другую; теперь типографіи процвѣтаютъ и конкуррируютъ съ частными, но едва ли казна производительно затрачиваетъ деньги на эту конкурренцію.

Со времени Сперанскаго и Словцова, т. е. съ 1822 до 1857 г., основанія „Губернскихъ Вѣдомостей", Сибирь не имѣетъ никакихъ литературныхъ органовъ.

Отсутствіе выхода для литературныхъ силъ края, отсутствіе мѣстной печати и подробнаго изученія края, отсутствіе компетентнаго мѣстнаго голоса отражалось весьма невыгодно на ея жизни. Масса заблужденій и ложныхъ представленій составлялась о краѣ и мѣстномъ обществѣ.

Нужды окраины не всегда доходили до центра. Сибирь пережила времена Пестеля, Трескина, и послѣ Сперанскаго, конечно, не изгладилось много неустройствъ и золъ въ ея жизни. Безпорядки, существовавшіе въ Сибири, не даромъ вызывали ревизіи, сенаторскую ревизію, ревизію генерала Анненкова, пріѣздъ генералъ-адъютанта Сколкова. Жизнь общественная была слабо развита, нравы были грубы, удовольствія низменны.

Въ городахъ господствовала апатичная, безцвѣтная и лѣнивая жизнь. Не даромъ сибирское общество характеризовалось какъ общество, погруженное въ грубые матеріальные интересы, какъ общество, помѣшанное на наживѣ и спекуляціи. Открытіе золота въ 40-хъ годахъ не дало благоденствія и счастія, напротивъ, породило алчность, мотовство, разгулъ. Самодурство сибирскихъ купцовъ вошло въ пословицу на ярмаркахъ, бросаніе денегъ золотопромышленными крезами получило извѣстность въ столицахъ и за границей. Ссылка деморализировала Сибирь, наѣзжіе спекуляторы и аферисты растлѣвали ее. Въ такое время не было признаковъ высшихъ духовныхъ интересовъ, сознанія гражданской правды, честности, какъ проявленія общественныхъ стремленій и самосознанія. Всего этого не могли не сознавать люди, получившіе образованіе и обреченные на жизнь въ сибирскомъ обществѣ. Не смотря на недостатокъ образовательныхъ учрежденій (гимназій всего было 3 и промежутокъ ихъ основанія иногда 30 лѣтъ), умственный уровень общества не могъ не подняться подъ вліяніемъ просвѣщенія въ Европейской Россіи, въ самомъ сибирскомъ обществѣ появлялись образованные люди, вліяніе декабристовъ, петрашевцевъ, образованныхъ ссыльныхъ изъ поляковъ, разсѣвавшихся въ разныхъ городахъ, также не осталось безъ слѣда *). Время брало свое. О Сибири

*) О жизни Иркутска см. любопытные воспоминанія Александрова «Воздушный корабль». Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній Милютина, ч. I.

между тѣмъ часто говорили, какъ о могущественной окраинѣ, какъ о славѣ Россіи, твердили о ея богатствѣ, о ея государственномъ значеніи. Канкринъ называетъ ее не иначе какъ „Мехика и Перу наше“, другіе ее сравниваютъ съ Сѣверо-Американскими владѣніями Англіи. Идея о важномъ государственномъ значеніи окраины такимъ образомъ постепенно входитъ въ сознаніе образованнаго сословія, является потребность высказаться.

Какъ потребность эта созрѣвала, мы имѣемъ въ рукахъ одинъ любопытный памятникъ къ исторіи мѣстной печати, а именно проектъ предполагавшейся газеты въ Иркутскѣ. Документъ этотъ относится къ тридцатымъ или сороковымъ годамъ, т. е. далеко до возникновенія „Губернскихъ Вѣдомостей“, а тѣмъ болѣе до появленія частной печати. Найденъ онъ въ бумагахъ поэта и писателя Александрова жившаго въ Сибири и бывшаго однимъ изъ образованныхъ людей того времени. Какъ видно, введеніе и программа писаны самимъ Александровымъ и хотя сохраняютъ вычурность языка и выспренность того времени, но рисуютъ вполнѣ сознаваемую потребность и важность литературнаго органа на окраинѣ, какъ органа просвѣщенія. Мы приводимъ этотъ документъ какъ библіографическую рѣдкость.

Вмѣсто предисловія къ программѣ, составленной на изданіе оффиціально-литературной газеты въ Иркутскѣ.

Указавъ важность грамоты и значеніе литературы для всякаго народа, авторъ развиваетъ мысли о могуществѣ Россіи и задается вопросомъ: „Что же развѣ однѣ матеріальныя силы возвысили Россію до состоянія могущества и величія?“—„Нѣтъ, — отвѣчаетъ авторъ: геній любознательности, геній умственной дѣятельности, воодушевившій Петра, Екатерину и другихъ государей.“

Представивъ очеркъ пользы просвѣщенія для Россіи, авторъ переходитъ къ Сибири.

„Ограничивая этимъ краткимъ очеркомъ бѣглый взглядъ мой на пользы, проистекающія отъ любознанія, или, прямѣе, отъ наукъ для цѣлыхъ обществъ и для каждаго члена ихъ въ частности, обращаюсь къ предмету, на который особенно устремлено мое вниманіе; я намѣренъ говорить *о необходимости образованія литературной газеты въ Иркутскѣ, какъ живаго собственнаго органа Восточной Сибири.*

„*Восточная Сибирь* цѣль моего разглагольствія.

„Семнадцатое столѣтіе по нашему христіанскому счисленію времени ознаменовалось въ исторіи человѣчества двумя міровыми собы-

тіями: европейскіе переселенцы угнѣздились на берегахъ только что открытой *Америки;* впослѣдствіи генералъ Вашингтонъ отстоялъ независимость этихъ колоній и на окровавленное чело юной республики наложилъ сигму прочнаго колоссальнаго политическаго могущества. Почти въ тотъ же періодъ открытія Америки донской казакъ *Ермакъ Тимофеевъ Повольскій усвоилъ Русской Монархіи темное Сибирское Царство*; вслѣдъ за Ермакомъ русскіе искатели приключеній смѣлою рукою сдернули завѣсу съ неизмѣримой сибирской пустыни и перенесли русскую удаль на воды Восточнаго Океана къ берегамъ сѣверо-западной Америки. Такимъ образомъ *Америка и Сибирь* превратились въ живые гіероглифы, коихъ смыслъ впослѣдствіи разберетъ само время; но пытливый умъ человѣка каждый знакъ, еще нерастолкованный ему временемъ, записываетъ уже въ свой меморіалъ, именуемый *исторіею*.

„*Америка* родная сестра *Сибири*, по времени политическаго рожденія, быстро прожила свои дѣтскій и юношескій періоды, возмужала и окрѣпла не по лѣтамъ. Природа назначила ей мѣсто, на которомъ все должно быть колоссально, величественно. *Старый свѣтъ* подарилъ ей на зубокъ ограненные алмазною гранью опыты умственной образованности: законы, уставы, науки, художества, промышленность, поэзію. Изъ всего этого время сплело лавровый вѣнокъ и съ торжественнымъ почтеніемъ возложило его на бронзовое чело Вашингтона. Кто хочетъ видѣть чудеса, какъ бы моментально созданныя геніемъ человѣка, тотъ долженъ побывать въ Америкѣ; послѣднее чудо представится ему въ дебряхъ Канады; тамъ онъ увидитъ мѣднолицаго Ирокеза, сидящаго предъ очагомъ прародительскаго шалаша своего съ *листкомъ политической газеты*. Образованный дикарь подастъ руку любопытному путешественнику и послѣ обычныхъ привѣтствій спроситъ его: „Здорова ли ваша добрая старушка Европа? Что подѣлываютъ цари ваши? Скоро ли проложатъ воздушную дорогу съ береговъ Темзы на берега Ориноко? Да, Америка, родная сестра и сверстница Сибири, переросла ее многими столѣтіями. Но Сибирь въ томъ не виновата; она родилась, растетъ и мужаетъ подъ холоднымъ небомъ сѣверо-востока... Каменный Уралъ, Ледовитое море, космополитъ Восточный океанъ, и что-то въ родѣ громаднаго обломка отъ неизмѣримой цѣпи, отдѣляющей христіанскій міръ отъ міра язычниковъ, сжимаютъ дѣвственное ложе Сибири, въ которомъ становится ей тѣсно и душно.

„Безпристрастное время рукою признательнаго потомства увѣ-

ковѣчило память покорителя Сибири изваяніемъ бреннаго его лика, надъ которымъ, вмѣсто лавроваго вѣнка, горятъ сѣверныя сіянія въ лонѣ неба, осѣняющаго мутное русло Тобола. Но свитокъ хартіи, образецъ которой видитъ міръ въ рукахъ бронзовой статуи Вашингтона, таинственное время еще хранитъ въ своей сокровищницѣ, безъ сомнѣнія, въ даръ будущему герою Сибири... О, дай Богъ, чтобы онъ явился къ своему геройскому посту какъ можно скорѣе! Время быстро летитъ впередъ и назадъ не оглядывается. Провидѣніе, избирая и призывая дѣятелей на вѣковѣчные подвиги, назначаетъ имъ сроки для совершенствованія таковыхъ подвиговъ. Медленность несовмѣстна и неприлична волканическимъ порывамъ генія, а жизнь человѣка коротка и измѣнчива...

„Сибирь уже прожила дѣтскій и юношескій возрасты; исходомъ третьяго столѣтія со времени ея рожденія для Россіи оканчивается ея совершеннолѣтіе. Дѣтство Сибири было похоже на тревожный сонъ младенца, ощущающаго только первыя потребности бытія: дышать и питаться. Юность ея протекла какъ весенній мутный ручей, образовавшійся безсознательно въ горномъ ущеліи и не оставившій по себѣ инаго слѣда, кромѣ стёжки, на которую бладатное лѣто вызвало изъ безчувственной почвы группы разноцвѣтныхъ незабудокъ... Теперь Сибирь похожа на дѣву въ зрѣломъ возрастѣ, на невѣсту, ожидающую съ тайнымъ трепетомъ изъ рукъ судьбы жребія для будущей жизни. Ей уже снятся сны, какъ волшебные транспаранты дѣвственнаго, пылкаго, игриваго воображенія, какъ таинственныя задачи Промысла, недоступныя толкованію. При всемъ томъ, кипучему сердцу, уже согрѣтому пламенемъ вполнѣ развившейся жизни, необходимо ощущеніе новаго бытія, бытія могучаго, роскошнаго, яркаго какъ полуденный лучъ іюльскаго солнца, какъ игривый всплескъ ангарской радужной волны, сливающейся въ улову, похожую на чешуйчатый, безъисходный кругъ вѣчности...

„Когда новорожденная для Россіи Сибирь улеглась въ колыбели, сплоченной для нея рукою времени изъ обломковъ бердышей, винтовочныхъ ложъ и кольчугъ, принесенныхъ русскими казаками съ береговъ Дона въ Зауралье, когда надъ колыбелью Сибири склонила свой материнскій взоръ волшебница Россія, на челѣ которой уже горѣлъ ореолъ безсмертія, когда Иртышъ, Томь, Енисей, Ангара, Лена и Камчатка огласились именами русскаго Бога и русскаго царя, когда Тунгусъ, Якутъ, Манджуръ, Камчадалъ и Курилецъ, принявъ изъ рукъ православія тайну истинной вѣры, съ любовію облобызали крестъ Спасенія подъ хоругвью побѣдоносца

Георгія,—въ то время вокругъ колыбели Сибири послышались *пѣсни геніевъ*. Этимъ пѣснямъ внимала Сибирь съ младенческою улыбкою; она не понимала ни восторга пѣвцовъ, ни сущности ихъ пѣсенъ, но, какъ дитя, слушала ихъ и улыбалась. Ей разсказывали сказки о ея происхожденіи, ее осыпали цвѣтами изъ наслѣдственныхъ каменистыхъ садовъ ея, ее забавляли блестящими камешками, которыми украшаются царственныя регаліи, ее удивляли микроскопическими изображеніями морскихъ чудовищъ и допотопныхъ мамонтовъ; изъ святаго моря Байкала, какъ изъ гранитной умывальницы, украшенной барельефомъ Хошаръ-Дабана, освѣжали ея дѣвственныя ланиты влагою, насыщенною тибетскими благовоніями, и во все это время Сибирь улыбалась, довольная своимъ положеніемъ и своею дѣвственною граціозною величественностью... Миллеръ, Фишеръ, Палласъ, Гмелинъ, Бергъ осыпали ложе Сибири неувядаемыми цвѣтами умственной любознательной дѣятельности; Берингъ, Врангель, Анжу, Литке осмотрѣли и скопировали внѣшнія его украшенія; Марлинскій пропѣлъ чуднымъ лебединымъ голосомъ послѣднюю колыбельную пѣсню надъ ложемъ Сибири и скрылся, *) какъ волшебный метеоръ, въ ущельяхъ Кавказа. Наконецъ, приснопамятный Словцовъ соткалъ для Сибири дѣвственный поясъ историческаго ея значенія для будущаго политическаго могущества, а громодержецъ Николай царственною своею дланію наложилъ этотъ поясъ на обольстительную талію дѣвственницы. Въ эту торжественную минуту Сибирь снова улыбнулась и отрадно, роскошно вздохнула. Вслѣдъ затѣмъ внимательная судьба поднесла въ даръ Сибири, какъ созрѣвшей невѣстѣ, цѣлыя горы золота изъ наслѣдственныхъ тайниковъ ея... И вотъ Сибирь смотритъ теперь на свои драгоцѣнности, любуется своею феодальною важностію и съ прежнею дѣвственною улыбкою хочетъ высказать своей матери Россіи *собственнымъ языкомъ* тайныя ощущенія восторженнаго сердца; хочетъ собственными руками развить свой жизненный умственный элементъ, хочетъ обнародовать личныя права свои на всеобщее уваженіе, хочетъ опредѣлить свое значеніе на страницахъ всемірной исторіи...

„Довольно! Друзья добра! Друзья чести и славы нашей величавой дѣвственницы!—прислушайтесь къ ея сердечнымъ ощущеніямъ, къ ея таинственному шопоту, къ быстрому жаркому біенію ея пульса!

*) Авторъ этого произведенія былъ поклонникъ Марлинскаго, см. статью «Старинныя сибирскія поэмы».

Помогите ей произнести роковое слово: «*люблю*». Понимаете! она, наша колоссальная Сибирь, *созрѣла для любви къ мысли и глаголу* и сама желаетъ мыслить и говорить о самой себѣ. Этого мало; она уже влюбилась въ безсмертіе и собственнымъ языкомъ хочетъ высказать ему любовь свою! Но чтобы въ томъ понравиться избранному жениху своему, желаетъ еще владѣть *знаменемъ и хартіею.* Знамя для нея уже готово, и, нѣтъ сомнѣнія, двуглавый орелъ его скоро распуститъ крылья свои надъ волнами, лобзающими прибрежье Амура и Японіи. А хартію, а собственный глаголъ подаритъ ей тотъ, кому Провидѣніе предоставило завидный жребій обручить и сочетать ее съ безсмертіемъ...“

Мы не приводимъ здѣсь подробно программы этого изданія, которое должно было получить названіе „Ангарскаго Вѣстника“. Въ немъ предполагался 1) оффиціальный отдѣлъ, 2) литературный, 3) историко-статистическій, 4) хозяйственно-промышленный, 5) общихъ свѣдѣній о предметахъ, касающихся наукъ, искусствъ и художествъ, 6) смѣсь или сборъ разныхъ мелкихъ статей съ прибавленіемъ газетныхъ объявленій. Газета предполагалась еженедѣльной въ 2 печатныхъ листа и, какъ видно, должна была издаваться на казенныя средства. Попытка эта любопытна тѣмъ, что желали соединить офиціальный органъ съ литературными потребностями времени. Почему она не осуществилась—неизвѣстно, также мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, былъ ли этотъ проектъ поданъ офиціально. Трудно было ожидать, однако, чтобы эта газета имѣла успѣхъ большій, чѣмъ „Губернскія Вѣдомости“. Частной печати суждено было зародиться въ Сибири при другихъ условіяхъ лѣтъ 30 спустя. Вотъ какъ медленно осуществлялись литературныя предпріятія въ Сибири.

Пріѣздъ графа Муравьева-Амурскаго въ Восточную Сибирь и его управленіе составили эпоху. Это было время живое, поднявшее общественную жизнь. Присоединеніе Амура произвело сенсацію не въ одной Сибири. Присоединеніе новаго края, конечно, будило вновь мысли о государственномъ значеніи Сибири, оно дало въ муравьевское время также импульсъ умственному возбужденію. Въ Иркутскѣ было немало образованныхъ людей и писателей, которые, какъ видно, не удовлетворялись «Губернскими Вѣдомостями», и Амуръ былъ, такъ сказать, поводомъ къ созданію первой частной газеты на Востокѣ.

Вотъ что говоритъ объ основаніи ея В. И. Вагинъ, приславшій намъ свои воспоминанія:

Газета «Амуръ». Въ концѣ 1859 года я приготовилъ къ отсылкѣ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» корреспонденцію о томъ, какъ у насъ, въ Каинскѣ, собирались открыть женское училище. Вдругъ нахожу въ какой-то газетѣ объявленіе, что въ Иркутскѣ будетъ издаваться газета «Амуръ», посвященная интересамъ Сибири. Я разсудилъ, что моя корреспонденція будетъ гораздо болѣе кстати въ мѣстномъ, чѣмъ въ столичномъ изданіи, и отправилъ ее въ редакцію „Амура". Съ этого времени начались мои сношенія съ М. В. Загоскинымъ и мое участіе въ „Амурѣ".

„Первая мысль объ изданіи частной газеты въ Иркутскѣ родилась въ кружкѣ, образовавшемся при редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей", изъ сотрудниковъ неоффиціальной части и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ передоваго купечества *). Быть редакторомъ выпало на долю г. Загоскина, уже извѣстнаго по редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей"; на его имя было испрошено и разрѣшеніе на изданіе. Названіе „Амуръ" было дано газетѣ отчасти потому, что тогда все амурское было въ модѣ, отчасти и потому, что въ газетѣ дѣйствительно предполагалось знакомить публику съ новымъ и интереснымъ для нея тогда амурскимъ краемъ. Редакція газеты была обставлена очень серьезно. Мѣстное обозрѣніе принялъ на себя Петрашевскій; общее внутреннее М. П. Шестуновъ (онъ же управлялъ и конторой изданія), иностранное— П. А. Горбуновъ, бывшій воспитатель Трубецкихъ, человѣкъ весьма образованный и страстный политикъ. Кромѣ того, ближайшимъ сотрудникомъ газеты былъ Ѳ. Н. Львовъ, впослѣдствіи секретарь Техническаго Общества. Издатели, всѣ люди болѣе или менѣе образованные, также участвовали въ ней своими трудами. Каждую субботу въ редакціи собирались всѣ участники газеты и обсуждали составъ слѣдующаго №. Такимъ образомъ газета дѣйствительно сдѣлалась органомъ не одного лица, а цѣлой группы лицъ, съ одинаковыми взглядами и стремленіями. Графъ Амурскій сочувственно отнесся къ новому изданію; начальникъ его штаба, Кукель, и бывшій китайскій посланникъ, г. Бютцовъ, обѣщались быть сотрудниками газеты, и дѣйствительно доставляли ей нѣсколько сообщеній. Цензорами газеты были генералъ-губернаторы—сначала Муравьевъ, а потомъ Корсаковъ. Прежнія связи г. Загоскина по редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей" дали ему воз-

*) Андрей Андреевичъ Бѣлоголовый, Иванъ Ивановичъ Пиленковъ, и Степанъ Степановичъ Поповъ.

можность съ самаго начала привлечь въ „Амуръ" нѣсколько дѣльныхъ корреспондентовъ. Затѣмъ явились и новые корреспонденты и сотрудники. Наружный видъ газеты былъ уже гораздо приличнѣе наружности „Губернскихъ Вѣдомостей". „Амуръ" печатался въ довольно порядочной мѣстной военной типографіи и на очень порядочной бумагѣ.

„Муравьевъ, повидимому, вполнѣ довѣрялъ редакціи газеты, такъ что подписывалъ цензурные листы, не читая. Но это только повидимому, потому что стоило появиться не совсѣмъ благосклонной замѣткѣ объ Амурскомъ краѣ и о любимцахъ графа—разной лицейской молодежи, — какъ на авторовъ и редактора сыпались уже угрозы. Еще за напечатаніе въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" статьи по поводу дуэли между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, редактору сдѣланъ былъ репримандъ.

„Бывали выговоры и за замѣтки въ „Амурѣ". Одинъ чиновникъ за такую замѣтку былъ даже лишенъ мѣста въ Благовѣщенскѣ.

„Со вступленіемъ въ должность генералъ-губернатора Корсакова дѣла газеты пошли хуже. Случалось, что цѣлые №№ надо было перепечатывать вновь! Вмѣсто того, приказывалось печатать то, что, по мнѣнію редакціи, противорѣчило ея воззрѣніямъ. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производили статьи Дмитрія Завалишина, раскрывавшія закулисную сторону занятія „Амура". Статьи эти страшно бѣсили Н. Н. Муравьева и его преемника Корсакова. Послѣдній поручилъ одному изъ своихъ приближенныхъ написать опроверженіе на нихъ. Это опроверженіе разрослось въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Оно прислано было въ редакцію „Амура", съ собственноручной запиской, въ которой *приказывалось* „*напечатать!*" его въ ближайшемъ №. Пришлось разбирать набранный уже № газеты, печатать опроверженіе и задержать выходъ №. Распоряженіе о напечатаніи его было явнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла совершенно частнаго изданія и покушеніемъ вліять на его направленіе, вопреки мнѣніямъ редакціи, которыя были гораздо болѣе солидарны съ мнѣніями Завалишина, чѣмъ автора опроверженія. Издатели оскорбились такимъ вмѣшательствомъ и рѣшили закрыть газету. Редакторъ М. В. Загоскинъ доложилъ объ этомъ М. С. Корсакову. „Газета должна существовать",—сказалъ Корсаковъ. Г. Загоскинъ возразилъ, что, за отказомъ издателей и по малочисленности подписчиковъ, газета не будетъ окупать издержекъ, и потому существованіе ея немыслимо.

„Корсаковъ обѣщалъ помочь газетѣ, лишь бы она не прекращалась. И дѣйствительно, газетѣ было ассигновано пособіе изъ амурскихъ суммъ (заглавіе ея тутъ пришлось очень кстати) по 800 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, „Амуръ" сдѣлался субсидируемой газетой. Это, однакожъ, не измѣнило ея направленія. Самолюбію Корсакова и Муравьева было пріятно, что въ ихъ краѣ издается газета, да еще и либеральная. Но объемъ газеты сильно уменьшился. Вмѣсто двухъ большихъ листовъ, сталъ выходить только одинъ маленькій. Всѣ прежніе члены редакціи отстали отъ газеты, и весь трудъ редакціи остался на одномъ Загоскинѣ. На него посыпались нареканія, что онъ передался муравьевской партіи; въ „Искрѣ" была напечатана каррикатура или замѣтка въ этомъ родѣ. Но въ этихъ нападкахъ было упущено изъ виду, что Загоскинъ спасъ единственную частную газету въ Сибири, и что газета сохранила свой характеръ и продолжала приносить свою пользу, не смотря на казенную субсидію.

Лѣтомъ 1861 года съ газетой опять случилась перемѣна. Около этого времени пріѣхалъ въ Иркутскъ на службу Б. А. Милютинъ. Человѣкъ чрезвычайно дѣятельный, энергическій, онъ, между прочимъ, изъявилъ желаніе участвовать въ редакціи „Амура". И вотъ подъ газетой явились подписи двухъ редакторовъ. Но между Загоскинымъ и Милютинымъ скоро возникло разногласіе по нѣкоторымъ вопросамъ, и г. Загоскинъ снялъ свою подпись съ газеты... Милютинъ одинъ остался редакторомъ. На первыхъ порахъ онъ занялся ею чрезвычайно дѣятельно. И, тѣмъ не менѣе, въ газетѣ не было прежняго оживленія. Г. Милютинъ не обладалъ качествами журналиста, онъ писалъ тяжеловатымъ, хотя иногда и энергическимъ языкомъ, и печаталъ иногда статьи очень дѣльныя, но не имѣвшія общаго интереса. Кромѣ того, ему не удалось справиться и съ хозяйственной частью газеты. Въ апрѣлѣ 1862 года набранный уже въ типографіи № былъ задержанъ типографіей впредь до окончанія разсчетовъ за прежнее время. Номеръ не вышелъ, и изданіе прекратилось. Года черезъ два, г. Милютинъ возобновилъ изданіе подъ другимъ заглавіемъ („Сибирскій Вѣстникъ"), но оно не имѣло успѣха.

„Амуръ" до конца оставался вѣрнымъ своему девизу—основывать свои сужденія „на началахъ науки и нравственности". Серьезное направленіе газеты съ самаго начала обратило на нее вниманіе столичной печати. Кромѣ того, „Амуръ" тогда былъ едва ли не единственнымъ научнымъ провинціальнымъ изданіемъ въ

Россіи. Но публикѣ, за исключеніемъ Восточной Сибири, газета была мало извѣстна. Да и въ Сибири она имѣла мало подписчиковъ—въ лучшее время не болѣе 600. И едва ли „Амуръ“ имѣлъ больше вліянія въ Сибири. чѣмъ „Иркутскія Губернскія Вѣдомости“ за первое время: онъ былъ слишкомъ серьёзенъ для большинства читателей. Поэтому и прекращеніе его осталось почти незамѣченнымъ“.

В. И. Вагинъ не упоминаетъ здѣсь еще о нѣкоторыхъ изданіяхъ, хотя и оффиціальнаго свойства, напр., о „Кяхтинскомъ Листкѣ“. При его кратковременномъ существованіи, всего годъ, была попытка придать этому изданію, съ одной стороны, видъ коммерческаго органа, съ другой—литературнаго, но попытка эта въ маленькомъ городкѣ была недолговѣчна. Точно также была попытка изданія амурской газеты „Восточное Поморье“.

Надо напомнить также объ изданіи въ Иркутскѣ съ 60-хъ годовъ памятныхъ книжекъ и трудовъ мѣстнаго техническаго Общества, которые мы видѣли и въ которыхъ находятся нѣсколько частныхъ записокъ о положеніи пріисковаго дѣла. Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ Б. А. Милютина помѣщались отчеты мѣстнаго юридическаго общества при сотрудничествѣ молодыхъ юристовъ, ожидавшихъ судебной реформы въ Сибири. Вообще потребность частныхъ органовъ печати съ этого времени давала себя все болѣе чувствовать. Въ періодъ зарождающейся частной журналистики въ Сибири, нельзя не замѣтить значительнаго участія въ этомъ дѣлѣ лицъ образованныхъ, заѣзжихъ или закинутыхъ въ край, желавшихъ оказать услуги просвѣщенію Сибири. Между ними, однако, выдвигается уже и такая мѣстная сила, какъ М. В. Загоскинъ.

Пріѣзжія лица при всемъ желаніи блага краю, однако, не всегда обладали близкимъ знаніемъ его интересовъ. Такимъ знаніемъ не обладали и декабристы. Чиновный элементъ отличался зависимостью и уступчивостью. Болѣе независимой частной печати суждено было выступить позднѣе.

IV.

Послѣднее десятилѣтіе частной печати.

Въ то время, когда въ Иркутскѣ временно потухли первые частные органы при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, изъ обра-

зованныхъ сибиряковъ все болѣе нарождались писатели по профессіи, которые искали мѣста въ печати и примѣненія своихъ литературныхъ силъ *). Втеченіе послѣдняго 25-лѣтія Сибирь заслуживала болѣе вниманія и въ русской журналистикѣ. Съ 60-хъ годовъ начали являться молодые сибиряки съ статьями, спеціально затрогивавшими жизнь и исторію Сибири. Сибирь подарила уже такую литературную и ученую силу, какъ профессоръ Щаповъ, выступившій на каѳедру Казанскаго университета, а потомъ обратившій на себя вниманіе общими историческими статьями. Его ученикомъ былъ С. С. Шашковъ, спеціально занявшійся исторіей Сибири. До этого въ казанской духовной академіи выступали сибиряки, учитель исторіи Г. З. Елисѣевъ, впослѣдствіи извѣстный писатель, въ Казанскомъ университетѣ Корсакъ, Чугуновъ, Кремлевъ. Съ 1860 г. выступилъ въ петербургской печати Г. Н. Потанинъ съ своими первыми очерками о природѣ и жизни въ Алтаѣ; наконецъ, молодой беллетристъ Н. И. Наумовъ, начавшій съ очерковъ военнаго быта, а затѣмъ давшій разсказы изъ быта сибирскаго крестьянства. Къ нимъ присоединился и Н. М. Ядринцевъ.

Уже въ 1863—1864 г. зарождалась мысль о созданіи въ Сибири литературнаго органа; въ краѣ замѣтно было нѣкоторое патріотическое движеніе. Но первыя мечты не осуществились. Здѣсь появляется десятилѣтній пробѣлъ въ умственной жизни края: сибирскіе писатели болѣе десяти лѣтъ должны были раскидываться и помѣщать статьи въ различныхъ изданіяхъ. Только въ 1872—1874 годахъ была попытка нѣсколькихъ пишущихъ сибиряковъ присоединиться къ казанскому органу, „Камско-Волжской газетѣ", и примкнуть къ разработкѣ вопроса объ областномъ развитіи и областности. Газета просуществовала, однако, немного болѣе двухъ лѣтъ. Сибиряки, соединившіеся здѣсь подъ дружелюбнымъ и гостепріимнымъ кровомъ казанской редакціи, въ первый разъ почувствовали свои силы **). Въ 1874 г. у писателей сибиряковъ, жившихъ въ Петербургѣ, снова бродитъ мысль о спеціальномъ изданіи, посвященомъ окраинѣ. Послѣдствіемъ этого является, съ одной стороны, изданіе „Литератур-

*) Сибирскими писателями издавались уже солидныя сочиненія. В. И. Вагинъ издаетъ капитальный трудъ «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири». Загоскинъ издалъ учебникъ географіи и дирижировалъ «Записками» восточно-сибирскаго Отдѣла географическаго Общества.

**) У лицъ, участвовавшихъ въ казанской газетѣ, сохранились самыя лучшія воспоминанія объ этой редакціи, въ лицѣ Н. Я. Агаѳонова и К. В. Лаврскаго.

наго Сборника“ Б. А. Милютина, съ другой—начала издаваться газета „Сибирь“. Любопытно отмѣтить, при какихъ условіяхъ началось это мѣстное изданіе, оканчивающее нынѣ свое десятилѣтнее существованіе и доказавшее свою прочность. Обстоятельства нарожденія его были таковы, что приходится только удивляться появленію газеты. При страстномъ и горячемъ стремленіи у сибирскихъ писателей какъ въ Иркутскѣ, такъ и въ Петербургѣ не было ни малѣйшихъ средствъ и возможности осуществить изданіе. Цѣлый годъ шли толки, въ зиму 1874 — 1875 г. соображались разныя комбинаціи пристроиться къ какому либо столичному органу или испросить разрѣшеніе особаго изданія, посвященнаго Востоку, но изъ этихъ мечтаній въ Петербургѣ ничего не выходило. Въ это время въ Иркутскѣ увядалъ и хирѣлъ какой-то появившійся листокъ подъ названіемъ „Сибирь“, предпринятый заѣзжимъ инженеромъ Клиндеромъ, любителемъ—издателемъ, органъ безъ особаго плана и цѣли. У этого издателя было всего 9 подписчиковъ и ни одного сотрудника, но было право на изданіе газеты. Нѣкоторыя лица, сочувствовавшія возникновенію мѣстной печати, вступили въ переговоры съ г. Клиндеромъ объ уступкѣ имъ права изданія. Переговоры эти увѣнчались успѣхомъ. Тогда мѣстные писатели выставили редакторомъ-издателемъ старѣйшаго изъ сибирскихъ писателей Вс. Ив. Вагина и просили принять также участіе въ редактированіи газеты извѣстнаго своею опытностью М. В. Загоскина. Всѣ сибиряки, жаждавшіе газеты, примкнули къ этому органу, который начинался безъ всякихъ средствъ, единственно помощью и дружными усиліями всѣхъ и каждаго, стремившихся осуществить завѣтную мысль. Газета начала печататься въ кредитъ въ мѣстной типографіи, бумага была выслана пожертвованная.

Газета Восточной Сибири, перешедшая подъ новую редакцію, началась не при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ моментъ изданія и приготовленій случился казусъ. Мѣстный полицеймейстеръ Чебыкинъ сдѣлалъ непріятность редакціи, набросивъ тѣнь на ея репутацію. Трудно, кажется, было надѣяться на долговѣчность органу безъ средствъ, безъ особаго покровительства, при добровольномъ сотрудничествѣ бѣдняковъ и въ краѣ, гдѣ общество и населеніе не привыкло интересоваться литературою. При всемъ этомъ мѣстное изданіе не только боролось съ обстоятельствами, не только крѣпло, пріобрѣтало жизненность, завоевывало свое существованіе, но явилось однимъ изъ видныхъ мѣстныхъ органовъ. Въ этомъ

случаѣ оно было примѣромъ и яснымъ доказательствомъ областной саможизненности, внутренней потребности духовной жизни даже въ глухой странѣ, на отдаленной окраинѣ; оно служитъ свидѣтельствомъ нарожденія областныхъ силъ въ Россіи. Мѣстный органъ, начатый при столь исключительныхъ условіяхъ, могъ служить доказательствомъ, что можетъ сдѣлать энергія, дружныя усилія и самоотверженная работа на пользу общества. При существованіи одной частной газеты, онъ явился органомъ не одной Восточной, но и всей Сибири. Такъ какъ органъ этотъ впродолженіе своего десятилѣтняго существованія имѣлъ немало непріятностей, нареканій, часто обвинялся несправедливо въ мелочности, то наша обязанность въ качествѣ обозрѣвателей литературы разсмотрѣть его дѣятельность по отношенію къ общественнымъ вопросамъ края, которые, какъ видно, разработывались по извѣстной программѣ, съ извѣстной цѣлью, послѣдовательностью и вѣрностью извѣстнымъ принципамъ и идеѣ.

Въ передовой статьѣ 1-го № народившійся частный органъ уже высказалъ свое profession de foi. „Общій прогрессъ страны,—говоритъ „Сибирь",—состоитъ въ правильномъ и быстромъ развитіи всѣхъ сторонъ жизни. Изъ этихъ сторонъ всего важнѣе умственное, экономическое и политическое положеніе страны: сюда примыкаютъ и отсюда зависятъ всѣ другія условія, изъ которыхъ слагается физіономія данной страны. Политика—не наше дѣло, потому мы займемся другими сторонами развитія страны и преимущественно экономической, отъ которой, въ значительной степени, зависятъ и умственные успѣхи." Далѣе она намѣчаетъ вопросы дня, вопросы жгучіе для Сибирскаго края; желаетъ поднимать ихъ, разработывать и тѣмъ оказать свое содѣйствіе и администраціи, при разрѣшеніи этихъ неотложныхъ вопросовъ. Прошло 10 лѣтъ, въ которыя она твердо придерживалась своего направленія, не смотря на то, что сотрудники ея иногда перемѣнялись *). Наглядное свидѣтельство — тѣ 10 томовъ газеты, которые лежатъ сейчасъ предъ нами, доказывающіе, что разъ данное ей направленіе не измѣнилось, и это служитъ подтвержденіемъ силы и солидарности редакціоннаго кружка и правильности того пути, на который стала газета съ самаго начала своего существованія.

Разбирать дѣятельность старѣйшей газеты по годамъ не пред-

*) Въ главномъ составѣ, съ редакторомъ во главѣ, редакція, однако, оставалась постоянно тою же, сосредоточивая лучшія литературныя силы Восточной и Западной Сибири.

ставляется особенной надобности, хотя въ одни годы она давала больше матеріаловъ, въ другіе меньше; въ одни годы она употребляла большія усилія на разъясненіе одного вопроса, а въ другіе другаго; но послѣднее являлось требованіемъ извѣстнаго времени, а первое зависѣло частью даже не отъ нея самой. Стѣснительныя цензурныя условія, особое мѣстное давленіе, о которомъ уже не разъ заявлялось въ печати, не давали вполнѣ и открыто выяснять вопросы.

„Сибирь“ не берется подражать и пародировать большія политическія газеты, главная ея задача—выдвинуть вопросы мѣстные. Въ № 4 за 1875 г. въ ней говорится: „Мѣстный сибирскій органъ не можетъ тягаться со столичными, да и не въ томъ его задачи. Вопросы мѣстные онъ долженъ предпочесть общимъ, содержательные факты—летучей вѣтренной новости. У насъ слишкомъ много дѣла на очереди простаго и обыденнаго, чтобы гоняться за блестками. Нашъ языкъ грубъ, наша рѣчь неумѣла, но мы говоримъ свое слово. Наша печать—тотъ же сибирскій балаганъ, отстраиваемый въ лѣсу; а сибирскій издатель—тотъ простой сельскій работникъ, который одинъ кроетъ крышу сельской церкви, кладетъ печи, краситъ крышу, рубитъ ступени, также какъ пишетъ образа и водружаетъ крестъ, да пожалуй одинъ же и молится въ ней. Умаляя значеніе редакціи, мы стараемся предоставить самому краю и его жителямъ выражать свои нужды и желанія. Мы болѣе всего дорожимъ сохраненіемъ единственнаго живаго органа для нашей родины, а его совершенствованіе и судьбу предоставляемъ суммѣ выражаемыхъ мнѣній, накопленію литературныхъ силъ въ краѣ, смыслу и силамъ самого общества.“ Слова эти не остались безъ послѣдствій. Кажется, нѣтъ ни одного уголка въ сибирскомъ раздольѣ, изъ котораго не раздавался бы голосъ, взывающій къ прессѣ о мѣстныхъ нуждахъ, и за который не ратовала бы сама „Сибирь“. Раскрывая предъ читающимъ міромъ неутѣшительную картину хищничества, погони за личной наживой, попранной человѣческой личности, безправія, этотъ органъ ратовалъ за лучшее будущее, утѣшалъ общество, что оно наканунѣ этого лучшаго, и указывалъ, въ чемъ будетъ состоять оно. „И всѣ мы, отъ мала до велика,—говоритъ онъ,—обращаемъ взоры на Западъ и ждемъ оттуда великаго дѣла возрожденія, за одно съ остальной семьей человѣчества, подъ кровомъ однихъ законовъ и учрежденій съ остальными областями русской земли“ *). „Тамъ, на западѣ

*) № 1-й, 1876 года.

Россіи и Европы, мерцаетъ свѣтъ, обѣщающій людямъ тепло и жизнь. Здѣсь мы не видимъ даже слабаго мерцанія"! И почтенный органъ ежечасно взываетъ: „свѣте тихій, свѣтъ науки и просвѣщенія, свѣтъ правды и человѣчества, свѣтъ свободы и самосознанія, приди и вселися въ насъ» *).

Положивъ главною задачею разобраться въ экономическихъ вопросахъ, „Сибирь" выдвигаетъ ихъ, разработываетъ и выясняетъ. Выводы ея основаны не на мимолетномъ какомъ либо обзорѣ, а на точномъ изученіи условій мѣстной жизни. Время первыхъ лѣтъ изданія почтенной газеты было временемъ экономическихъ иллюзій. Извѣстно, сколько странныхъ заблужденій существуетъ объ этомъ краѣ, въ томъ числѣ и о его производительности. Здѣсь важно было установить точку зрѣнія на экономическіе вопросы края, въ интересахъ самого населенія. И газета сразу поставила эти вопросы на вѣрную почву. Она указываетъ на всестороннее развитіе экономическихъ силъ страны, на ея промышленность. Она сопоставляетъ и подчиняетъ экономическіе вопросы главной цѣли—благосостоянію мѣстнаго населенія, а не эксплоатаціи и раззоренію его. Отдаленный край ранѣе разсматривался и разсматривается часто доселѣ какъ кладовая, изъ которой можно только безконечно черпать; до этого времени постоянно твердятъ о вывозѣ богатствъ отсюда, объ облегченіи этого вывоза и объ устройствѣ для него путей. Расширеніе морскихъ и международныхъ путей, какъ, напримѣръ, открытіе сѣвера для мореплаванія, сводилось къ этой же цѣли. Мѣстный органъ, какъ представитель мыслящей интеллигенціи въ краѣ, не могъ смотрѣть только съ одной этой точки зрѣнія, хотя недальновидные сибиряки сами стали увлекаться этими путями, какъ путями обновленія Сибири. Многіе, не отнесясь критически къ разрѣшенію вопроса объ общемъ экономическомъ положеніи Сибири по отношенію къ своей метрополіи и другимъ странамъ, увлеклись созданіемъ этихъ новыхъ путей. „Сибирь" здраво взглянула на это дѣло, указавъ въ одной изъ своихъ статей **) обществу, что „внутренніе пути торговли и облегченіе ихъ должны всегда предпочитаться внѣшнимъ, какъ содѣйствующіе развитію мѣстной промышленности, точно также, какъ усиленіе производства и потребленія въ краѣ должно предпочесться вывозу, и особенно вывозу сырья. Сибирь нынѣ должна заботиться о поднятіи собственной промышленности, а не объ

*) № 1-й, 1878 года.

**) «Какіе пути нужны для Сибири», № 13, 1876 г.

одномъ сбытѣ. Если,—говоритъ одинъ экономистъ,—вы хотите оставить страну пустынной, бѣдной и закабаленной, вывозите и вывозите изъ нея сырье. Но если вы хотите получить въ тысячу разъ больше богатствъ, если вы хотите видѣть ее населенной, цвѣтущей, если вы хотите, чтобы пути ея окупались, то поощряйте ея мѣстную заводскую промышленность, развивайте промыслы, земледѣлiе и облегчайте внутреннiе пути". Въ другой статьѣ, подъ заглавiемъ „*Мысли по поводу нашихъ международныхъ сношенiй*" (№ 47, 1877 г.), газета говоритъ: „Мы далеки отъ мысли, чтобы слѣдовало замыкаться и не вести внѣшнихъ сношенiй и торговли. Мы не желаемъ, чтобы сибиряки были поклонниками китаизма, замкнутости. Мы готовы привѣтствовать открытiе путей и сношенiе съ мiромъ, гдѣ царитъ цивилизацiя, но мы должны вмѣстѣ съ этимъ позаботиться и о своемъ всестороннемъ развитiи и твердо помнить, въ чемъ искать настоящихъ средствъ этого развитiя. Чтобы выступить на международный торгъ и соперничество, нужно быть самимъ сильными и увѣренными, дабы, вмѣсто эмансипацiи, не создать торговаго рабства". Такимъ образомъ, признавъ первенство и важность за внутренними экономическими вопросами, „Сибирь" впродолженiе всего десятилѣтiя посвящала себя разработкѣ ихъ и многихъ другихъ сторонъ мѣстной жизни.

Крестьянскiй вопросъ составлялъ одну изъ существенныхъ задачъ газеты, чуть не самую важную, ея постоянную заботу и облюбленный предметъ. Говоря о сибирскомъ землевладѣнiи и землепользованiи, говоря о томъ, въ какихъ формахъ они выразились и что влiяло на созданiе этихъ формъ, газета въ одной изъ цѣнныхъ своихъ статей: „*Общинное землевладѣнiе въ Сибири*" (№№ 20 и 21, 1877 г.), указываетъ, что владѣнiе землей вылилось въ Сибири въ прекрасную форму—общинную. „Итакъ,—говоритъ авторъ этой статьи,—общинное землевладѣнiе въ Сибири есть явленiе повсемѣстное и живое, а не какъ отжившая форма, обязательная только по преданiю или закону; оно есть начало, развивающееся и способное принимать разнообразные оттѣнки. Къ нему сибирскiй крестьянинъ или мiръ относится не какъ къ формальности или къ чему нибудь обязательному, навязанному извнѣ, а напротивъ вполнѣ сознательно". Указывая на отсутствiе вообще регламентацiи этого права землепользованiя, „Сибирь" говоритъ: „и благо что никто не вмѣшивался доселѣ въ это дѣло и не мѣшалъ общинѣ развиваться своеобразно и разумно, какъ того требовали

обстоятельства и какъ понимало это дѣло здравый смыслъ народа."

Не смотря на то, что въ области сформировалось цѣлое народное хозяйство и, когда въ краѣ никто не сомнѣвается, что общинная поземельная форма наиболѣе всего выгодна для населенія, въ Сибирь начали проникать, однако, взгляды другаго рода, взгляды, занесенные извнѣ, совершенно исключительные, которые угрожали создать борьбу за землевладѣніе и даже хищничество земель. Когда до редакціи „Сибири" доносятся слухи, а затѣмъ и получается точное извѣстіе, что нѣкоторые изъ администраторовъ края нашли полезнымъ и необходимымъ развить частную подворную собственность и крупную земельную собственность для развитія заводскихъ и промышленныхъ заведеній и вошли уже объ этомъ съ ходатайствомъ, газета заявляетъ: „мы всегда думали, что отсутствіе частной поземельной собственности въ Сибири, особенно собственности крупной, есть одинъ изъ залоговъ ея великаго будущаго, какъ страны по возможности равномѣрнаго распредѣленія благосостоянія и развитія главнаго промысла—земледѣльческаго. Вліяніе крупнаго землевладѣнія испытали на себѣ многія страны; испытываетъ и Россія; оно служитъ прецедентомъ многихъ соціальныхъ болѣзней и разстройствъ и ставитъ тяжелыя, трудно разрѣшимыя задачи въ будущемъ. Было бы большою ошибкою искусственно создавать такія задачи въ странѣ, счастливо избѣгнувшей подобныхъ учрежденій".

Въ связи съ землевладѣніемъ газета, знакомя съ положеніемъ сельскаго хозяйства, указываетъ на низкую степень его, выясняетъ причины этого и для блага крестьянства рекомендуетъ тѣ средства, въ которыхъ оно должно найдти свое улучшеніе. Какъ на одну изъ капитальныхъ работъ по этому вопросу, мы можемъ указать на статью „Сибирскіе крестьяне", помѣщавшуюся въ №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 за 1881 г. Авторъ этой статьи, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ края, а въ особенности крестьянства, наглядно представляя незавидное экономическое состояніе этого населенія, говоритъ, „что въ ряду причинъ, тормозящихъ развитіе крестьянскаго, какъ и общаго благосостоянія, конечно, первое мѣсто занимаетъ народное невѣжество." Констатируя изъ приводимыхъ имъ въ этой статьѣ цифръ фактъ ничтожнаго числа школъ и притомъ отсутствія даже въ существующихъ школахъ на половину учителей, онъ продолжаетъ, что „такое страшное невѣжество, конечно, гибельно отражается на всемъ бытѣ крестьянскомъ. Не говоря о

повальномъ суевѣріи и отсутствіи самыхъ элементарныхъ знаній, научныхъ, историческихъ и религіозныхъ, крестьянинъ дорого оплачиваетъ свое невѣжество. Онъ платитъ знахарямъ и знахаркамъ, платитъ писарямъ и сочинителямъ прошеній, просчитываетъ въ куплѣ и продажѣ и т. д., и т. д. Никакое самое полезное нововведеніе немыслимо при настоящей темнотѣ"... Настоящія школы, находящіяся въ рукахъ плохихъ учителей, не приносятъ существенной пользы: „тутъ нужна преданность дѣлу, знаніе условій жизни и умѣнье понимать крестьянина и столковаться съ нимъ." Въ другихъ статьяхъ газета вездѣ проситъ для сельской массы знанія, съ утилитарной цѣлью сдѣлать понятными ей нововведенія и улучшенія, служащія къ поднятію благосостоянія хозяйства. Газета обращаетъ вниманіе на одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ развитія сельско-хозяйственныхъ знаній въ сельскихъ школахъ, вопросъ, который въ столичной печати доселѣ игнорировался. Говоря о налогахъ и повинностяхъ крестьянства и ставя въ зависимость отъ нихъ благосостояніе массы, „Сибирь" знакомитъ читателей съ тяготой ихъ и повсемѣстной неравномѣрностью... Говоря объ общественной, административной жизни, газета указываетъ много слабыхъ сторонъ ея и вездѣ отмѣчаетъ фактъ, крайне ненормальный, — это полное безконтрольное хозяйничанье въ ней земско-полицейской власти, порождающей неудобства, лишенія, темные поборы и поэтому вредно отзывающейся на самостоятельности жизни сельскаго общества.

Разбирая статьи „Голоса" (№№ 250 и 251 1880 г.), посвященныя сибирскимъ дѣламъ, авторъ статьи „Сибирскіе крестьяне" говоритъ: „одно, что изъ этихъ разсужденій въ вящшей степени примѣнимо, это желаніе, чтобы власти предержащія не дѣйствовали произвольно, чтобы сельскіе начальники (да и всѣ крестьяне) были изъяты изъ-подъ произвольнаго распоряженія исправника"... Заботясь о сибирскомъ крестьянствѣ, возбуждая въ немъ стремленія къ лучшему будущему, „Сибирь" будила мѣстное общество встрѣчать радостно и заботиться о новыхъ пришельцахъ въ крестьянскую среду, т. е. о той массѣ переселенцевъ, которыхъ за послѣднее время все больше и больше идетъ въ Сибирь. Колонизаціонный вопросъ впервые разработывался въ „Сибири" съ полнымъ вниманіемъ, причемъ указывалась вся его важность *).

*) Масса статей была посвящена сибирскими писателями колонизаціи также въ столичныхъ журналахъ и изданіяхъ: «Вѣстникъ Европы», «Отечественныя Записки», «Русскій Курьеръ», соч. «Сибирь какъ колонія» Н. Ядринцева.

„Кто не знаетъ,—говорила газета,—какимъ бѣдствіямъ и лишеніямъ подвергается крестьянство во время переселенія въ Сибирь, кто не видалъ этихъ обозовъ съ больными дѣтьми, стариками, съ женщинами и съ обезсиленными длинною дорогою крестьянами-переселенцами? Эти караваны, двигающіеся въ Сибирь, составляютъ контингентъ будущихъ колонистовъ, пахарей и воздѣлывателей сибирской земли, которые уже три столѣтія населяютъ новую землю, которые создаютъ культуру и приносятъ огромныя выгоды Сибири. Судьба ихъ все больше привлекаетъ вниманія, но сколько мы ни говоримъ, сколько мы ни пишемъ, эти люди попрежнему безпомощны и подвергаются многимъ страданіямъ". Подавши затѣмъ мысль объ устройствѣ по главному пути пріютовъ для нихъ, „Сибирь", въ своей передовой статьѣ № 7, за 1880 годъ, изъ которой мы сдѣлали вышеприведенную выписку, говоритъ: „Мы позволяемъ себѣ указать эти задачи мѣстной общественной филантропіи и обществу. Никто болѣе не заинтересованъ въ судьбѣ переселенцевъ и устройствѣ ихъ, какъ сибирское общество. Это золотыя руки страны, это ея будущая экономическая сила, богатство, могущество. Помните это, сибиряки!"

Второй элементъ населенія, интересамъ котораго немало страницъ посвятила почтенная газета,—это городскіе жители. Поставивъ задачей своей выяснять слабыя стороны экономической жизни и помогать совѣтомъ устраненію ихъ, „Сибирь" исполняла съ успѣхомъ свою нелегкую задачу. Размѣры настоящаго очерка не позволяютъ достаточно подробно охарактеризовать дѣятельность газеты по этому отдѣлу. Мы позволяемъ себѣ указать, что масса статей, а еще болѣе корреспонденцій, попреимуществу о городскихъ дѣлахъ, представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія городской жизни въ Сибири. „Сибирь" не забыла ни народнаго образованія въ городѣ, ни занятій, ни промысловъ, ни ремеслъ, ни торговли, особенное же свое вниманіе она обращала на общественную жизнь, на городское самоуправленіе. Кстати случилось, что время начала изданія газеты совпало съ введеніемъ въ Сибири городскаго самоуправленія. Голосъ мѣстнаго органа по этому вопросу имѣлъ особо воспитательное значеніе для городскихъ обществъ,—тѣмъ болѣе, что редакторы газеты, высокоуважаемыя личности, В. И. Вагинъ и М. В. Загоскинъ, съ начала городскаго самоуправленія въ Иркутскѣ были гласными думы этого города. Ратуя за лучшее экономическое положеніе страны, „Сибирь" не обходила, понятное дѣло, и торговли. Въ

ней она желала видѣть уничтоженіе кабалы и выясненіе правильныхъ условій кредита. „Печатныя свѣдѣнія о движеніи торговли, о цѣнахъ провоза и размѣрахъ потребности на тѣ или другіе товары могли бы много содѣйствовать уравновѣшенію спроса и предложенія и предохранить самихъ торговцевъ отъ увлеченія дешевымъ кредитомъ и воображаемыми потребностями" („Мѣстные крахи, № 14, 1877 г.).

Втеченіе десятилѣтія помѣщено также было немало статей и корреспонденцій, выясняющихъ экономическое положеніе казачьяго населенія. Но особенное вниманіе „Сибирь" обращала на вопросъ инородческій, вопросъ для Сибири важный и давно уже очередной. Положеніе инородцевъ на окраинѣ и отношеніе къ нимъ русскаго нынѣ господствующаго населенія составляетъ весьма видный и важный вопросъ не только мѣстной жизни, но и государственной. Инородческій элементъ занимаетъ слишкомъ видное мѣсто на этнографической картѣ Россіи. Прежняя исторія дала весьма мало, чтобы оріентироваться въ немъ. Въ Сибири, на окраинѣ, инородческія племена, какъ завоеванныя и слабыя, долго терпѣли отъ несправедливостей и своекорыстной жажды русскаго промышленнаго люда. Уже Сперанскій, однако, пробовалъ въ своемъ законодательствѣ дать нѣкоторыя права гражданства инородческому элементу. Судьба и участь инородцевъ вызвали вниманіе такихъ ученыхъ, какъ Кастренъ, Миддендорфъ и др. Печать и образованные люди края не могли не отнестись къ инородческому элементу гуманно и человѣчно. Это гуманное отношеніе, эта защита слабыхъ составляетъ весьма характерную черту новыхъ отношеній на Востокѣ. Газета „Сибирь" посвящаетъ много статей инородческому вопросу и существующему управленію инородцевъ; она указываетъ недостатки въ существующемъ волостномъ управленіи (статья № 9, 1878 г., и друг.). Точно также она пишетъ объ образованіи инородцевъ, о поднятіи ихъ умственнаго уровня.

Такой взглядъ нашей интеллигенціи на окраинѣ, намъ кажется, былъ въ высшей степени характеренъ для уразумѣнія тѣхъ отношеній и того этнографическаго сліянія, которое здѣсь совершилось уже исторически. Сознаніе этихъ отношеній, выразившееся въ мѣстной печати, есть, такъ сказать, закваска и залогъ развитія лучшихъ и гуманныхъ заботъ объ этомъ населеніи въ будущемъ. Оно является противоположнымъ той невѣжественной нетерпимости, тому презрѣнію, которыя существовали ранѣе, и той враждебности, которая скорѣе гибельна для цивилизаціи на окраинѣ, чѣмъ полезна.

Поставивъ условіемъ лучшаго будущаго страны развитіе мѣстной промышленности, „Сибирь“ давала свѣдѣнія и о ней. Между прочимъ, она должна была обратить особое вниманіе на положеніе земледѣлія и другихъ промысловъ. Золотопромышленность представляетъ въ сибирской жизни такое явленіе, о которомъ невозможно было не говорить. Но ранѣе самое значеніе золотопромышленности для населенія преувеличивалось и не обращалось вниманія на многія ея темныя стороны. Этими сторонами особенно занялся мѣстный органъ.

Онъ посвятилъ немало статей не только значенію этого промысла для края въ связи съ другими отраслями хозяйства, но также и положенію пріисковыхъ рабочихъ. „Сибирь“, видимо признавая важность этого вопроса, давала иногда мѣсто обширнымъ статьямъ, превышавшимъ размѣры самой газеты. Такъ, например, статья, представляющая цѣльный очеркъ золотаго дѣла, подъ заглавіемъ „Бесѣды о золотопромышленности“, могла быть напечатана только въ 8 номерахъ (№№ 18—26. 1882 года).

Давъ сравнительно слабый очеркъ того, что говорила газета о положеніи населенія, его матеріальныхъ нуждахъ, его экономическомъ положеніи, мы должны указать, что рядомъ съ этимъ она обращаетъ особенное вниманіе на умственное развитіе и просвѣщеніе окраины. Основаніе газеты „Сибирь“ совпало съ годомъ, когда разрѣшено было учрежденіе университета въ Сибири. Газета встрѣтила это разрѣшеніе радостнымъ привѣтствіемъ и въ первый годъ начала посвящать статьи будущему высшему образовательному учрежденію, предвидя въ немъ могучій рычагъ обновленія окраины, лучшаго ея существованія, зарю грядущей умственной жизни.

Получивъ извѣстіе объ утвержденіи университета, „Сибирь“ въ статьѣ „Первые камни для университета“ (№ 22, 1878 года) говорила своимъ читателямъ, что „такое учрежденіе, какъ университъ, должно быть связующимъ звеномъ общества; оно должно составить красу, честь и гордость края, проливая свѣтъ науки и истины въ нашъ темный, забытый край, освѣщая ниву жизни и полагая начало интеллектуальной дѣятельности. Нечего говорить о громадномъ значеніи подобныхъ учрежденій для народовъ; объ этомъ много говорилось, и, надѣемся, истина эта впиталась въ сознаніе общества. Теперь время полагать первые камни и стремиться къ тому, чтобы это желанное учрежденіе оказалось достойнымъ своей задачи“. Все время она продолжала слѣдить за созиданіемъ этого учрежденія, касалась его научныхъ задачъ и еще

болѣе его общественнаго значенія. Въ вопросѣ при опредѣленіи мѣста его существованія газета, въ лицѣ иркутской интеллигенціи, обнаружила замѣчательный общественный тактъ и замѣчательное великодушіе. Когда-то предполагался университетъ въ Иркутскѣ, этотъ интеллигентный городъ болѣе другихъ имѣлъ право на него, но иркутскій органъ, будучи органомъ всего края, взвѣсилъ всѣ условія его существованія и не только уступилъ его Томску, какъ центральному пункту, но даже во время явившагося спора и недоразумѣнія отстаивалъ все время Томскъ отъ притязаній Омска, имѣвшаго гораздо меньше значенія и преимуществъ. Впродолженіе своего десятилѣтняго существованія, редакція дождалась, какъ и вся Сибирь, наконецъ, осуществленія этого учрежденія, имѣющаго праздновать открытіе въ будущемъ году. Газета выясняла, что доселѣ просвѣщеніе въ Сибири и самое возникновеніе школъ и училищъ не могло не быть медленнымъ безъ указаннаго центра просвѣщенія. Она отстаивала идею созданія университета въ краѣ отъ многихъ возраженій. Признавъ важность вопроса о народномъ образованіи въ первой своей статьѣ, иркутская газета всегда продолжала давать ему первенствующее значеніе. Имѣющійся за десять лѣтъ въ газетѣ матеріалъ по этому предмету служитъ доказательствомъ той особой преданности и любви, съ которыми относились сотрудники „Сибири“ къ этому важному вопросу. Газета говорила о начальномъ образованіи, о среднемъ и высшемъ. Сельская школа болѣе всего страдаетъ въ Сибири недостатками, а потому ей именно болѣе всего посвящено статей. Въ статьѣ „Къ школьному дѣлу“ (№ 13, 1882 г.) „Сибирь“, указывая на тяжелыя условія для крестьянъ, по устройству и содержанію школъ, говоритъ: „А между тѣмъ безъ фундамента изъ сельскихъ и первоначальныхъ городскихъ школъ—высшія и среднія также не могутъ процвѣтать, какъ дерево безъ корней, и вдобавокъ будетъ увеличиваться бездна, раздѣляющая и теперь высшія образованныя сословія отъ безграмотнаго народа“.

„Сибирь“ не обошла молчаніемъ и инородческія школы, посвятивъ имъ нѣсколько статей. Замѣчателенъ былъ высказанный въ этой газетѣ взглядъ на то, что самый университетъ въ Сибири не долженъ игнорировать большинство въ краѣ и упускать изъ виду составъ мѣстнаго населенія, съ крестьянствомъ попреимуществу. Университетъ не долженъ закрывать двери этому сословію, а, такъ сказать, весь составъ школъ и училищъ долженъ подвигать и содѣйствовать подготовленію его и облегчить ему доступъ высшаго

образованія. Идея эта должна составить особую заботу въ судьбахъ просвѣщенія на восточной окраинѣ.

1875—1877 года замѣчательны тѣмъ, что сибирское населеніе жило большими ожиданіями, слова „наканунѣ реформъ" не сходили съ устъ интересующихся судьбою родины. Реформамъ вообще и въ частности ссылкѣ было посвящено много статей. Уголовная ссылка съ ея деморализующими и вредными сторонами составляла для края огромный вредъ. Когда явилась газета. въ Иркутскѣ вопросъ этотъ разсматривался въ различныхъ коммиссіяхъ, и ему немало было посвящено статей отъ имени сибиряковъ въ столичной печати. Мѣстная газета собрала множество вѣскихъ свѣдѣній о ссылкѣ и старалась исчерпать всѣ аргументы. Указавъ весь вредъ, всѣ дурныя стороны уголовнаго элемента, газета доказала и его тормозящее вліяніе въ гражданскомъ развитіи края. („Послѣднее слово о ссылкѣ" № 37, 1877 г.). Указывая на значеніе ссылки, „Сибирь", въ статьѣ „Наканунѣ реформъ" (№ 23, 1875 г.), говоритъ, что, „какъ страна ссылки, Сибирь никогда не могла быть равноправною; она не могла быть страною прочной культуры и гражданственности, потому что здѣсь не было безопасности. она не могла содѣйствовать развитію торговли и промышленности; колонизація ея задерживалась, ибо штрафная колонизація задерживала вопросъ о развитіи свободной; наконецъ, ей недоступны были реформы, потому что населеніе раздѣлялось на два класса, свободныхъ и ссыльныхъ, т. е. своего рода неполноправныхъ, крѣпостныхъ"... Отмѣну ссылки для Сибири приравнивали къ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Цѣлый рядъ статей о ссылкѣ, доказательства pro и contra, энергичныя усилія и настоянія о ея отмѣнѣ для края, рядъ жалобъ, корреспонденцій по этому поводу, составляютъ цѣлую литературу, характерную для своего времени, и первая сибирская газета лучше всего отразила ее. Только благодаря усиліямъ и послѣдовательности иркутской газеты, элементъ ссыльныхъ мошенниковъ не получилъ такого значенія и не завладѣлъ общественною жизнью въ Иркутскѣ, какъ это случилось въ Томскѣ. Рядомъ съ отмѣной ссылки газета ждала новаго суда, дарованія земскаго управленія... Въ основу необходимости реформы суда „Сибирь" полагала окружающее безправіе и совершенную негодность старыхъ судебныхъ учрежденій.

Вопросъ о земствѣ и о способности къ нему Сибири не могъ остаться чуждъ газетѣ. Возможно ли земство въ Сибири, каковы будутъ его элементы при отсутствіи землевладѣльцевъ, является

вопросомъ, который считался неразрѣшимымъ. По поводу этого мы встрѣчаемъ весьма солидныя статьи, между прочимъ, замѣчательно дѣльную статью В. И. Вагина, дающую отвѣты на эти вопросы. Статьи эти не только доказываютъ возможность земства, но и открываютъ въ однородномъ составѣ русскаго населенія на Востокѣ нѣкоторыя преимущества. Почтенная газета сочла нужнымъ указать на элементы земства, въ виду сомнѣнія многихъ, что этихъ элементовъ не найдется и что земство немыслимо въ Сибири. „Здѣсь нѣтъ крупнаго землевладѣнія,—говорила газета,—но оттого составъ земскихъ гласныхъ будетъ ровнѣе. Всѣ живущіе землею и отъ земли—хлѣбопашцы, работники. Ихъ интересы не противоположны, а совершенно однородны... Интересы земледѣлія, обезпеченія продовольствія, пути сообщенія и т. д.—все это равно близко каждому представителю земли, это для каждаго свое родное, кровное дѣло“... („Элементы земства въ Сибири“, №№ 40 и 41, 1881 г.). Какъ вопросъ весьма важный для населенія, не забытъ былъ вопросъ и санитарный и народнаго здравія, разработывавшійся мѣстными спеціалистами. Помимо разработки этихъ важныхъ вопросовъ, газета „Сибирь“ представляетъ много интереснаго матеріала по сибирской этнографіи и исторіи.

Мы видимъ, что въ родномъ органѣ съ замѣчательною точностью отразились всѣ нужды населенія, всѣ пожеланія будущему, затронуты всѣ коренные вопросы, здѣсь же находится ретроспективный взглядъ и нѣкоторое прорицаніе будущему историческому развитію.

Много горькихъ словъ сказано было по поводу прошлаго и настоящаго, много вѣскихъ данныхъ было приведено, и, увы! тяжело поднимающейся къ жизни окраинѣ, вѣроятно, еще долго придется произносить ту же молитву къ будущему.

Съ самаго начала газета „Сибирь“ сформировала и сконцентрировала массу мѣстныхъ извѣстій и корреспонденцій. Въ краѣ съ разными захолустьями, откуда до образованнаго міра не достигалъ человѣческій голосъ, куда не заглядывала ни одна ревизія, это было въ высшей степени важно и благотворно, такъ какъ въ корреспонденціяхъ часто гораздо точнѣе и безпристрастнѣе рисуется общая картина мѣстной жизни. Редакція особенно дорожила этимъ матеріаломъ. Разные углы отдаленнаго края, въ свою очередь, дорожили сношеніями съ газетой и вотъ здѣсь завелась та внутренняя общественная солидарность между газетой и обывателемъ, которая служитъ залогомъ единенія печати съ обществомъ и которая дѣ-

лаетъ изъ стаднаго существованія существованіе гражданское, осмысленное. Словомъ, эта мѣстная газета первая внесла духъ и идею въ сибирское общество, научивъ уважать печать и искать въ ней заявленія общественнаго мнѣнія.

Какъ первый частный органъ, коснувшійся общественной жизни края, его золъ, его ранъ, его неустройствъ, накопленныхъ вѣками, понятно, такой органъ началъ подвергаться нападкамъ, упрекамъ и вызывалъ негодованіе среди тѣхъ элементовъ, которые заинтересованы были скрывать недостатки на окраинѣ. Недружелюбно относилась къ газетѣ и часть невѣжественнаго общества. Замѣчательно, что негодованіе противъ газеты и печатнаго слова въ мѣстной средѣ вызывалось иногда ничтожнѣйшими замѣтками и обличеніями частностей изъ текущей жизни, безъ чего газета также не могла обойдтись, будучи живымъ органомъ *). Люди, желавшіе уронить репутацію газеты, старались ей повредить, говорили, что она занимается мелочами, что ее нельзя взять въ руки безъ перчатокъ...

Такія нападки совершались на газету и обвиненія сыпались на редакцію иногда со стороны людей, которые должны были бы дорожить существованіемъ печати въ краѣ. Надо замѣтить, что эта редакція состояла, между тѣмъ, изъ самыхъ образованныхъ представителей иркутскаго общества. Вышеуказанныя выписки и вопросы, которые иркутская газета разработывала, показываютъ, какъ несправедливы были обвиненія, что она занимается мелочами. Изслѣдованія и мнѣнія по серьезнымъ вопросамъ брались изъ газеты нерѣдко для оффиціальныхъ отчетовъ, и, тѣмъ не менѣе, много горькихъ и тяжкихъ минутъ пережила эта редакція, честно служившая своему краю. Нѣсколько разъ она подвергалась опасности прекратить существованіе. При такихъ условіяхъ пробивать дорогу печатному слову и удерживать позицію являлось чуть не героизмомъ.

Такое мѣсто иркутской газетѣ въ нашемъ очеркѣ мы отводимъ потому, что въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года минетъ десятилѣтіе существованія этой газеты, и еще потому, что существованіе этого органа совпадаетъ съ наибольшимъ пробужденіемъ умственной жизни сибирскаго общества. Въ послѣднее десятилѣтіе въ сибирской жизни происходятъ нѣкоторыя перемѣны, и само общество

*) Газетѣ, напримѣръ, угрожала серьёзная опасность послѣ замѣтки по поводу голода, относительно того, что иркутскіе капиталисты и купечество должны были бы прійдти на помощь бѣдствію.

начинаетъ жить иначе. Появленіе частной печати совпало, какъ мы видимъ, съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса объ университетѣ. Съ этого времени сталъ замѣтенъ нѣкоторый подъемъ духа сибирскаго общества. Въ обществѣ слышатся чаще надежды на лучшее. Этотъ затаенный, тихій вздохъ дрожитъ повсюду на страницахъ этой мѣстной печати.

Кромѣ текущихъ вопросовъ и извѣстій въ мѣстной періодической печати, была потребность бытовыхъ очерковъ, литературы беллетристической и фельетонной. Безъ сомнѣнія, молодая печать не могла дать сразу художественныхъ произведеній, но она не могла игнорировать этого рода литературу, особенно открывъ столбцы для мѣстныхъ авторовъ. Не смотря на то, что у начинающихъ писателей и при зарождающейся литературѣ является большая наклонность къ обличеніямъ, къ фельетонамъ, такъ какъ здѣсь обольщаетъ самый родъ произведеній, легкость писать и производимое впечатлѣніе,—не смотря на то, иркутская редакція и ставшіе во главѣ ея пользовались, къ чести ихъ, этимъ матеріаломъ съ величайшею умѣренностью. Здѣсь важно было то, что областная редакція помѣщала эти произведенія съ критикой, не увлеклась, не дала измельчать мѣстной печати до уличныхъ листковъ, а соблюла достоинство и литературное чутье. Редакція давала мѣсто бытовымъ очеркамъ и картинкамъ, безъ особыхъ претензій на повѣсти и романы, подобные тѣмъ, какіе появлялись часто о Сибири и били на эффектъ и спекуляцію. Такіе романы изъ сибирской жизни, какъ романы Качки, за „Ураломъ" Романова и спекуляція Блюммера, явились на столичномъ рынкѣ, а не на страницахъ мѣстной газеты, умѣвшей всегда отдѣлить правдивый бытовой очеркъ отъ фальши. Когда-то романы Калашникова были первыми сибирскими беллетристическими произведеніями. Слабою попыткою дать мѣстныя беллетристическія произведенія было изданіе въ 60-хъ годахъ въ Иркутскѣ сборника Н. С. Щукина, съ повѣстью Омулевскаго, Ордынскаго и самого Щукина. Впослѣдствіи газета „Сибирь" издала сборникъ при газетѣ, гдѣ было напечатано начало большаго сибирскаго романа „Магистръ". Это была скорѣе мѣстная хроника, отразившая жизнь мѣстнаго духовенства. Здѣсь, между прочимъ, было выведено дѣтство Щапова. Въ сборникѣ, кромѣ того, заключался этнографическій и историческій матеріалъ. Впослѣдствіи при газетѣ „Сибирь" изданы монографія по исторіи завоеванія Сибири, Шестунова, даровитый очеркъ „Арестантскія дѣти", наконецъ, изслѣдованіе о бытѣ бурятъ и воспитаніи ихъ дѣтей, миссіонера Дуброва.

Извѣстная выдержанность и литературная критика перваго органа на окраинѣ придали достоинство этой журналистикѣ, которая не уронила себя передъ обществомъ, не запятнала своего имени ничѣмъ безчестнымъ и не обращала никогда своего почтеннаго дѣла въ спекуляцію. Скромный и бѣдный кругъ писателей, въ союзѣ съ деревенскими корреспондентами, группировался здѣсь, и эта начинающая печать несомнѣнно можетъ съ чистою совѣстью передать будущему свое честное имя.

Конечно, преждевременно и мы не въ правѣ гордиться этою мѣстною печатью, но мы не можемъ игнорировать ея вліянія на общественное пробужденіе. Сибирское общество, которое ранѣе не съумѣло разобраться съ своими вопросами, съ появленіемъ ея начинаетъ пріучаться къ обобщеніямъ и выводамъ. Оно сознаетъ зло ссылки, и корреспонденціи наполнены жалобами на наводненіе городовъ преступными элементами. Въ городскихъ обществахъ и думахъ поднимаются вопросы о настоятельныхъ нуждахъ края, и сибирскія думы и городскія общества выставляли даже програму необходимыхъ реформъ.

Закладка Сибирскаго университета въ Томскѣ была общественнымъ торжествомъ. Въ городахъ образовываются общества для покровительства начальному образованію, какъ, напримѣръ, въ Томскѣ, Барнаулѣ; въ Тюмени, Кяхтѣ основываются реальныя училища на частныя средства, проявляются примѣры замѣчательной частной инціативы, какъ, напримѣръ, созданіе общественнаго музея въ маленькомъ Минусинскѣ, собравшаго значительныя коллекціи этнографическія и археологическія (археологическая коллекція достигла 2,000 предметовъ). Подобный же музей основанъ частными лицами въ Енисейскѣ и затѣмъ въ Томскѣ, въ ожиданіи университета. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть проснувшейся любознательности. Восточно-сибирскій и основанный въ 1875 году западно-сибирскій Отдѣлы Императорскаго географическаго Общества посылаютъ экспедиціи, устраиваютъ чтенія и издаютъ ежегодно труды по изученію края. Въ эти годы совершаются при содѣйствіи Отдѣловъ экспедиціи Потанина, Полякова, Пѣвцова, Словцова, Ядринцева, Адріанова, Клеменса, Витковскаго, Дубровы и Агапитова для изслѣдованія Восточной и Западной Сибири. Производятся археологическія изысканія каменнаго вѣка въ Иркутской губерніи Витковскимъ, въ Западной Сибири Поляковымъ, близь Тюмени Словцовымъ, въ Минусинскомъ округѣ совершаетъ раскопки Адріановъ. Въ Алтаѣ, кромѣ того, независимо отъ Отдѣловъ,

совершены богатыя лингвистическія, этнографическія и археологическія изысканія В. В. Радловымъ. Западно-сибирскій Отдѣлъ издаетъ программы по изслѣдованію крестьянской общины, переселеній, инородческаго быта. Такимъ образомъ, наука начинаетъ работать на Востокѣ, причемъ принимаютъ участіе въ работахъ мѣстныя силы, чего прежде не замѣчалось. Въ мѣстной печати также отводится значительное мѣсто этнографическому элементу. Ясно, что просыпается страсть къ изученію своего края.

300-лѣтіе Сибири застаетъ уже сибирское общество на грани новой сознательной жизни, оно становится болѣе внимательнымъ къ общественнымъ вопросамъ, къ городскимъ думскимъ дѣламъ, которыя находятся подъ контролемъ мѣстной печати. Какъ ни слаба была мѣстная печатная гласность подъ губернской цензурой, однако, и въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ приносила свою пользу *). Словомъ, печать стала довольно виднымъ элементомъ въ жизни и развитіи общества. Мѣстная газета становится потребностью образованнаго сибиряка, онъ ищетъ въ ней новостей своей жизни, отвѣтовъ на многіе вопросы, обыватель и гражданинъ нерѣдко обращается къ этой печати съ жалобой, ищетъ у ней помощи, словомъ, онъ чувствуетъ съ ней солидарность, видитъ въ ней представителя общественной жизни. Все это съ умѣлъ сдѣлать первый органъ, начавшій руководить общественной жизнью.

Надо замѣтить, что гражданскіе элементы края, чуткость къ общественнымъ дѣламъ и умственное развитіе рѣзче опредѣлились въ Восточной Сибири, чѣмъ въ Западной, хотя собственно за послѣднее десятилѣтіе въ Западной Сибири было болѣе нововведеній и перемѣнъ въ административномъ строѣ, было, такъ сказать, болѣе благопріятныхъ условій для развитія. Здѣсь совершился переходъ двухъ губерній на общее положеніе, здѣсь практиковались нѣкоторые новые институты, какихъ не было въ Восточной Сибири, мировые судьи въ областяхъ, чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, по переселенческой части. Въ Томскѣ строился университетъ. При генералъ-губернаторѣ Казнаковѣ приняты были мѣры къ увеличенію числа учебныхъ заведеній. При всемъ этомъ Западная Сибирь въ проявленіяхъ умственной жизни отстаетъ отъ Восточной, въ городахъ Западной Сибири нѣтъ сплотившагося

*) Благодаря бдительному глазу этой печати, уже немыслимы стали многія изъ грубыхъ злоупотребленій, которыя скрывались прежде подъ покровомъ безгласности.

интеллигентнаго общества, нѣтъ твердаго общественнаго мнѣнія, городскими дѣлами здѣсь заправляетъ часто невѣжественный кулакъ и заѣзжій елабужецъ. Въ особенности печальный примѣръ неразвитости и отсутствія солидной интеллигентной силы представляетъ Томскъ, будущій университетскій городъ.

Указанными преимуществами Восточная Сибирь обязана тѣмъ, что въ Иркутскѣ ранѣе сформировалось образованное общество, зародилась мѣстная интеллигенція, которая обладала и лучшими силами, и большей подготовкою. Уже въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, какъ видно изъ воспоминаній объ Иркутскѣ, здѣсь были образованные элементы, въ 60-хъ годахъ умственная жизнь въ Иркутскѣ давала уже свои проявленія, а чрезъ 30 лѣтъ она должна была проявиться еще болѣе. Поэтому сила печати и ея вліяніе болѣе замѣтны здѣсь.

По почину частнаго иркутскаго органа лѣтъ чрезъ пять явились и подражанія. Такъ возникла въ Томскѣ „Сибирская Газета", которая старается развивать тѣ же вопросы, какъ и иркутская, и въ томъ же направленіи, хотя выступила она съ меньшими литературными силами. Она также пробуетъ привлечь къ себѣ интеллигентныя силы, создать кругъ читателей, руководить общественнымъ мнѣніемъ; намѣренія ея также патріотичны и честны, хотя она уступаетъ, конечно, по таланту восточному органу. Потребность создавать органы печати въ разныхъ частяхъ Сибири не ослабѣваетъ, хотя литературныя силы Сибири въ общемъ еще довольно слабы. Въ нынѣшнемъ году является попытка создать родъ періодическаго органа въ Красноярскѣ. На Амурѣ издается два года уже „Владивостокъ", посвященный амурскимъ дѣламъ, оффиціальный органъ мѣстной администраціи, относящійся къ мѣстнымъ дѣламъ, однако, добросовѣстно и иногда берущій тонъ частной печати. Кромѣ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, утратившихъ литературное значеніе, и трехъ епархіальныхъ вѣдомостей, не занимающихся свѣтскими дѣлами, въ Сибири всего два частныхъ мѣстныхъ органа и одинъ посвященный области и Востоку въ столицѣ (разумѣя нашъ органъ); всѣ эти три органа сосредоточиваютъ не болѣе 2,000 подписчиковъ и едва могутъ окупить свои изданія,—слишкомъ небогатое пока пріобрѣтеніе. Оно будетъ еще болѣе скромнымъ, если припомнимъ, какъ недавно появилась общественная независимая печать на Востокѣ. Первая попытка въ 1859 году, вторая—всего десять лѣтъ назадъ. Промежутки сибирскихъ изданій чудовищно громадны. Припомнимъ тобольскія періодическія изданія конца

прошлаго столѣтія и 50 лѣтъ безмолвія. Припомнимъ, сколько времени прошло съ того времени, какъ духъ жизни коснулся Сибири при Сперанскомъ, когда появился первый патріотъ Словцовъ и когда появился первый частный органъ, между 1822 г. и 1859 г.—былъ значительный промежутокъ. Можно ли считать эту печать окрѣпнувшей? Можно ли считать ея кратковременное существованіе окончательной побѣдой? Можно ли предъявлять къ этой печати строгія требованія? Какъ весенній цвѣтокъ, робкій и трепещущій, она прозябаетъ на сибирской почвѣ подъ зимнею вьюгой. Тѣмъ болѣе мы должны дорожить ею, тѣмъ болѣе долженъ цѣнить эти всходы духовной жизни.

Въ общемъ мы должны сказать, что первыя попытки частной общественной періодической печати въ Сибири, въ лицѣ ея иниціаторовъ и основателей, обнаруживали самыя чистыя намѣренія въ отношеніи своей родины: желаніе развитія мѣстнаго общества и пробужденія въ немъ нравственныхъ инстинктовъ и гражданскаго сознанія. Служители этой печати работали безкорыстно для края, такъ какъ мѣстные органы, при слабой подпискѣ, едва нынѣ окупаютъ изданія. Эта печать находится доселѣ въ рукахъ, которыя чужды спекуляціи. Нельзя не видѣть въ первыхъ сибирскихъ органахъ извѣстной солидарности и взаимнаго уваженія. Нѣтъ сомнѣнія, сибирская печать не убережется отъ вторженія элементовъ, которые на почвѣ края будутъ злоупотреблять ею. Безъ сомнѣнія, явятся лица, которыя захотятъ писать о Сибири и сибирскихъ дѣлахъ и спекулировать въ издательскомъ дѣлѣ, не имѣя ничего общаго со страною. Такія попытки вторгнуться въ мѣстную печать Сибири уже дѣлаются въ лицѣ того элемента, который является на окраину по волѣ, а еще болѣе по неволѣ, и желаетъ здѣсь составить себѣ не только положеніе, но и представлять изъ себя интеллигентный элементъ. Есть изъ разряда заброшеннаго люда въ Сибирь лица съ образованіемъ, но безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, люди, не имѣющіе никакого права на руководство обществомъ, хотя и имѣющіе дерзость претендовать на это. Нѣтъ сомнѣнія, что если этимъ явившимся спекулировать элементамъ и людямъ, выброшеннымъ по своимъ порочнымъ качествамъ изъ прежней среды, будетъ дана въ Сибири возможность проникнуть въ печать, создать, наконецъ, свои шантажистскіе органы,—много бѣдъ и деморализаціи они внесутъ въ невѣжественное общество, но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ не будетъ ника-

кой нравственной силы и мощи стать авторитетными, ибо общество день-ото-дня будетъ умнѣть и развиваться.

Литература, даже мѣстная, есть продуктъ честной, нравственной и духовной силы, а эта сила уже зрѣетъ въ обществѣ. Мѣстные органы печати могутъ подвергаться разнымъ случайностямъ, энергія ихъ можетъ ослабѣвать, можетъ быть, эта періодическая печать временемъ замолкнетъ въ краѣ, но зародышъ ея и уже привычка къ ней показываетъ на потребность ея существованія. Она явится неизбѣжностью и необходимостью въ обществѣ, она явится какъ необходимость гражданской жизни и совершенствованія, и въ ней сосредоточатся современемъ лучшія образованныя силы страны. А что дѣло идетъ не къ худшему—свидѣтельствомъ являются залоги просвѣщенія и духовной жизни.

Будемъ вѣрить въ будущія силы нашей родины!

—ъ.

СУДЬБА СИБИРСКОЙ ПОЭЗІИ

и

СТАРИННЫЕ ПОЭТЫ СИБИРИ.

Ты часто снишься мнѣ,
Страна Дауріи далекой;
Нерѣдко также вздохъ глубокой
Тебѣ дарю я въ тишинѣ!

Изъ старинныхъ поэтовъ.

Среди дѣвственной и суровой природы, среди темныхъ лѣсовъ, подъ кущею звѣроловческаго балагана, человѣку не до пѣсенъ. Задумчивыя дріады не киваютъ ему зелеными руками и веселыя нимфы не несутся въ хороводѣ съ лѣсными пѣснями, ручей не поетъ ему сладкозвучныхъ мотивовъ, не наступила еще пора идилліи среди очищенной зеленой поляны. Не рвутся, не просятся еще изъ груди человѣка „сладкіе мотивы", süsse Weisen, по выраженію Уланда, мольба, стоны флейты, звоны лютенъ. Бѣдный звѣровщикъ ничего еще не понимаетъ въ этихъ звукахъ. Грозно шумитъ лѣсъ вокругъ него. Рѣзкіе, дикіе звуки звѣрковъ несутся къ нему изъ таинственнаго нѣдра природы, и онъ научился подражать въ сибирскомъ лѣсу только звукамъ маральей самки, соболя, рябчика. У него нѣтъ досуга, какъ у скотовода, беззаботно смотрящаго въ голубое небо, или играющаго на свирѣли, смотря на роскошныя преріи; у него нѣтъ воображенія, онъ не одухотворилъ природы, не очеловѣчилъ ея, не олицетворилъ въ тысячѣ любящихъ фантастическихъ существъ, которыя поютъ ему пѣсню о любви. Страшные призраки съ мохнатыми лапами окружаютъ его въ лѣсу. Некогда ему мечтать, онъ пролагаетъ дорогу среди темной трущобы, и суевѣрный страхъ охватываетъ его; вечеромъ онъ дѣлаетъ себѣ балаганъ. Когда косые лучи солнца пронижутъ лѣсъ передъ

закатомъ и среди черныхъ стволовъ польется золотистый лучъ, а алое и пылающее небо вспыхнетъ между вѣтвей, бѣдный звѣроловъ станетъ на колѣни предъ балаганомъ съ сложенными руками и будетъ безмолвно молиться, можетъ быть, односложный звукъ вылетитъ изъ груди его.

Русскій народъ въ Сибири не музыкаленъ, онъ утратилъ эту музыкальность, вѣроятно, вслѣдствіе своего звѣроловческаго быта. Звѣроловъ угрюмъ, потому что одинокъ и ведетъ суровую жизнь. Онъ недовѣрчивъ, скрытенъ, похожъ на мрачнаго бандита, такъ характеризуетъ Чуди альпійскаго охотника за сернами. Это своя лѣсная культура. 200 лѣтъ такой жизни лишили сибиряка музыкальнаго чутья. Развитіе музыки и поэзіи требуетъ досуга, соціальной жизни, хороводовъ, общественныхъ праздниковъ, состязаній народныхъ бардовъ, и все это есть у кочеваго киргиза, но нѣтъ у охотника. „Богиня пѣсни пролетѣла близко надъ степью,—говоритъ киргизъ въ своей легендѣ,—но высоко пронеслась надъ лѣсомъ". Пастухъ изобрѣлъ свирѣль и оглашаетъ степь своею пѣсней, звѣроловъ не смѣетъ нарушить тишину лѣса, чтобы не спугнуть звѣря. У охотника нѣтъ соціальной жизни, душевныя наслажденія и сильныя ощущенія онъ привыкъ хранить въ себѣ, потому что въ лѣсу не съ кѣмъ обмѣняться. Онъ боится соперника-охотника и чѣмъ дальше онъ уединится, тѣмъ ему выгоднѣе. Впослѣдствіи то же положеніе онъ испытываетъ во время жизни на „заимкѣ". Жизнь скваттера также полна угрюмаго одиночества. Вотъ почему народъ въ Сибири забылъ пѣсни и, когда возвратился къ нимъ, потерялъ мелодію. Сибиряки „ревутъ пѣсни",—говоритъ одинъ путешественникъ по Сибири. Можетъ быть, бурный шумъ тайги и ревъ звѣря грубо воспитали ихъ ухо. Пѣсни ихъ отличаются бѣдностью мотивовъ, нѣтъ знаменитыхъ пѣвцовъ, нѣтъ соперничества въ пѣснѣ. Это вліяніе тайги, дикой и молчаливой дубравы, кажется, отражается и на птицахъ. Сибирскій соловей не умѣетъ пѣть, какъ курскій. Онъ также, можетъ быть, въ лѣсахъ сибирскихъ страдаетъ одиночествомъ, нѣтъ у него сосѣдей, чтобы усовершенствовать голосъ, онъ далекъ отъ восторговъ и страсти южнаго соловья, который въ страстной любви находитъ смерть, разрывая свои легкія. Народъ въ Сибири не имѣетъ и историческихъ пѣсенъ. Замѣчательно, что героическая эпоха Ермака, Хабарова и др. не оставила въ Сибири поэтическихъ памятниковъ. Есть въ сборникѣ Калайдовича двѣ большія пѣсни: одна о Ермакѣ, другая объ осадѣ города Албазина, но и ихъ народъ

забылъ. Въ XII книжкѣ „Русской Старины“ за 1872 г. приведена былина „Ермакъ“; это старый варіантъ, но и онъ неизвѣстенъ въ народѣ. Собственно память Ермака въ Сибири забыта, и только развѣ когда нибудь мѣстный Комоэнсъ воскреситъ ее. Все это произошло оттого, что начало сибирской исторіи въ сущности принадлежитъ Европейской Россіи. Эпосъ Ермака живѣе сохранился въ казачьихъ пѣсняхъ Урала и Дона. Русскіе въ Сибири потеряли въ воспоминаніяхъ начало своей исторіи.

Эпоха промышленнаго авантюризма была одушевляема прибылью и торговыми цѣлями. А извѣстно, что торговля не воспѣвалась, кажется, со времени новгородскаго Садко. Промышленники-завоеватели въ Сибири не находили досужихъ скальдовъ воспѣвать свои подвиги. Въ ихъ собственной средѣ, какъ и въ средѣ Ермака, не нашлось человѣка, который былъ бы въ одно время и витязь и скальдъ, у котораго были бы „арфа въ рукѣ, мечъ у бедра“. Даже русская народная пѣсня, переваливая черезъ Уралъ, разбилась и составила самый хаотическій конгломератъ въ устахъ народа, также разбилась здѣсь вся старая Русь съ ея преданіями. Итакъ, русскіе переселенцы не перенесли въ Сибирь свѣтильника искусства, огонь его потухъ отъ бушующаго таежнаго вѣтра. Стало быть, въ этой странѣ придется зажигать его вновь.

Такъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, мы характеризовали отсутствіе поэтичности у насъ на Востокѣ. Объясненіе это имѣетъ долю истины и теперь, когда мы хотимъ найдти поэтическое творчество въ литературныхъ памятникахъ. Не одно низшее сословіе, а все сибирское общество жило будничною, прозаическою жизнью, и при этомъ матеріальная сторона жизни первенствовала; общество это долго было лишено образованнаго сословія, обладало грубыми нравами, отсутствіемъ эстетическихъ потребностей, оно, наконецъ, не было тронуто какой бы то ни было религіозной, философской, гражданской идеей, въ немъ не было ничего возвышающаго духъ, вдохновеннаго. Тѣмъ дороже должны быть всякіе признаки поэзіи, всякій проблескъ вдохновенія, навѣянный страною. Струя поэзіи, такъ или иначе, однако, не могла не пробивать пути и въ этомъ обществѣ. Въ виду этого не мѣшаетъ припомнить старыхъ поэтовъ и тѣ слабыя попытки, которыя дѣлались для описанія сибирской природы и жизни. Мы не будемъ припоминать ту искусственную и напыщенную поэзію, которая отражалась въ разныхъ одахъ и псевдо-классическихъ трагедіяхъ, воспѣвавшихъ Ермака и его историческіе подвиги. Это былъ скорѣе пред-

логъ и тема для высокопарныхъ стиховъ и восхваленій возростающаго національнаго могущества и завоеваній. Художественный образъ Ермака былъ слабо выясненъ самой исторіей, народные подвиги и народная жизнь исчезали за оффиціальной исторіей, самая страна рисовалась фантастически въ разныхъ напыщенныхъ аллегорическихъ фигурахъ. Она похожа была на намалеванный транспарантъ, который въ видѣ этихъ произведеній надо было выносить, какъ декорумъ въ торжественныхъ случаяхъ, и выставлять вмѣстѣ съ депутатами самоѣдами и другими племенами покореннаго „Сибирскаго царства".

Поэты, какъ Озеровъ, Дмитріевъ и самъ Державинъ, были чужды Сибири, не знали края и не могли собственно имъ вдохновляться. Это было вдохновеніе книжное. Русскіе поэты начали воспѣвать Сибирь въ видѣ хлѣбосольной особы, которая, наклонившись надъ столами, предлагала всевозможныя яства и рыбы на серебрѣ и золотѣ. Такое аллегорическое изображеніе было весьма кстати къ гастрономическому меню для тѣхъ, кто смотрѣлъ на Сибирь съ этой точки зрѣнія—пріять отъ ея яствъ, но оно весьма мало соотвѣтствовало дѣйствительности и тому печальному положенію, въ которомъ находился этотъ забытый край. Иногда въ инородческой Сибири, когда ее рисовали съ рыбами и яствами, происходили инородческіе голода, а жизнь населенія была крайне скудна.

„Дщерь Азіи, богато надѣленна", иногда простирала жалобы совсѣмъ другаго рода и доселѣ еще проситъ о „надѣленіи" ея простыми правами гражданства.

Между тѣмъ на Сибирь надѣвали и порфиру, и вѣнецъ:

По статнымъ и добрымъ раменамъ
Бобровою порфирой облеченна,
Съ собольими хвостами по грудямъ,
Царевна, сребрянный вѣнецъ носяща!

Однако, славянъ наперсница, ордъ грозныхъ мать, которую славянамъ было „любо вспоминать", оказывалась вовсе не такъ люба, подтвержденіемъ чего служитъ то, что „наперсницу и ордъ грозныхъ мать" сдѣлали страною ссылки. Тогда уже возсталъ совсѣмъ другой художественный образъ, вспоминать который стало не всегда пріятно *).

*) «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену» въ Тобольскѣ дѣлалъ попытки печатать стихотворенія, но эта была голая реторика и напыщенныя оды мѣстныхъ семинаристовъ, никакого отношенія къ мѣстной жизни не имѣвшія.

Но, повторяемъ, при всѣхъ этихъ представленіяхъ, Сибирь и ея жители были не при чемъ, такъ же какъ и поэзія.

Первый сибирякъ, у кого прорывалось первое теплое чувство къ краю, кому стала понятна ея судьба и рядомъ съ этимъ у кого блеснула художественная струя, былъ Петръ Андреевичъ Словцовъ. Словцовъ не былъ сухимъ лѣтописцемъ и историкомъ Сибири. По его способу изложенія видно, что это былъ человѣкъ съ душой, патріотъ своей родины и до извѣстной степени поэтъ, художникъ.

Не смотря на свою несчастную судьбу (онъ былъ высланъ на родину изъ Петербурга за произнесеніе какой-то проповѣди), онъ любилъ свою родину и задумалъ цѣнный трудъ по ея исторіи. Маститымъ старцемъ онъ оканчиваетъ его. Страницы этой исторіи переполнены лирическихъ обращеній, грустныхъ думъ, затаенныхъ надеждъ. Не смотря на тяжелый языкъ, на свойственную тому времени книжную реторичность и вычурность выраженій, трудно не замѣтить въ историкѣ художественнаго чутья и дѣйствительнаго вдохновенія.

„Въ молодости Петръ Андреевичъ, — говоритъ его біографъ Абрамовъ,—не чуждъ былъ и поэзіи“. Одно изъ его стихотвореній „Китаецъ въ Петербургѣ“ было напечатано въ „Пантеонѣ русской словесности“; въ рукописяхъ остались посланіе къ „Сперанскому“, посланіе къ нему же въ Пермь и стихотвореніе „Къ Сибири“. Въ стихахъ этихъ, конечно, не было много поэзіи, это были просто „стихи“, нынѣ устарѣвшіе по формѣ, но они показываютъ на потребность этого человѣка говорить языкомъ поэзіи. Собственно художественныхъ мыслей, образовъ читатель гораздо болѣе найдетъ въ его исторіи и въ его исторической прозѣ.

Вторымъ поэтомъ за Словцовымъ можетъ быть поставленъ Ершовъ, уже настоящій поэтъ, уроженецъ Тобольска, давшій „Конька Горбунка“. Поэтическій талантъ его развернулся въ университетѣ, какъ видно изъ біографіи, написанной А. М. Ярославцевымъ. Здѣсь разсказывается, какъ Ершовъ въ университетѣ, будучи пылкимъ юношей, задумываетъ планъ путешествія въ Сибирь и изученія ея. Излагая планъ свой, онъ говорилъ о красотахъ сибирской природы, присовокупивъ, что „въ Европѣ онѣ болѣе искусственны или закрыты промышленностью“, говорилъ о благѣ, которое можно доставить нѣкоторымъ бѣдствующимъ сибирскимъ племенамъ, извѣдавъ ихъ подробно и сообщивъ правительству свѣдѣнія и планъ, какъ помочь имъ. „Примутъ, не примутъ,—

мы свое дѣло сдѣлаемъ, — прибавлялъ онъ" (стр. 24, Петр. Пав. Ершовъ. С.-Петербургъ, изд. 1872 г.). Эта мечта для него являлась чѣмъ-то даже великимъ, мистическимъ, къ чему обрекало его Провидѣніе. Съ юношескимъ увлеченіемъ онъ торопится дать клятву и вырѣзать на кольцѣ своемъ „M. et V." (Mors et Vita). Онъ предполагаетъ цѣлую географическую экспедицію съ товарищами и пишетъ въ жару увлеченія стихи:

Ударивъ дружно руки въ руки,
Мы усладимъ прощальный часъ
И горечь долгія разлуки,
Судьбой положенной для насъ.
Къ чему роптать? Законъ небесный
Насъ къ славной цѣли предъизбралъ
И онъ же намъ въ странѣ безвѣстной
Ту цѣль въ разсвѣтѣ указалъ.

Цѣль эта:

Пустыни, степи
Лучомъ гражданства озарить,
Разрушить умственныя цѣпи
И человѣка сотворить.
Раскрыть покровъ небесъ полночныхъ,
Богатства выспросить у горъ,
И чрезъ кристаллы водъ восточныхъ
На дно морское кинуть взоръ.
Подслушать тайныя сказанья
Лѣсовъ дремучихъ, скалъ сѣдыхъ,
И вырвать древнія преданья
Изъ устъ кургановъ гробовыхъ,
Воздвигнуть падшіе народы,
Гранитну лѣтопись прочесть
И въ славу витязей свободы
Колоссъ подоблочный вознесть.

Въ концѣ этого дѣтскаго стихотворенія поэтъ клянется

«Не охлаждать святаго рвенья»

даже и тогда, если...

И если... пусть! Но шумъ паденья
Милліоны робкихъ потрясетъ.

(Ершовъ, стр. 26 и 27).

Здѣсь выразилась только юношеская страстность и мечтательность. На самомъ дѣлѣ, поэтъ предназначенъ былъ не къ изслѣдованію Сибири, къ чему не былъ и подготовленъ, а къ скромной педагогической дѣятельности; онъ застрялъ въ Тобольскѣ и, проживъ здѣсь многіе годы, совершенно облѣнился, опустился,

„паденья“ и „милліоновъ робкихъ потрясенья“ не произошло, да и не могло произойдти, да для изслѣдованія и не требовалось. Это была обыкновенная юношеская горячка, „юношескій тифъ“, за которымъ наступила прозаическая дѣйствительность, поглотившая поэта. Онъ писалъ, какъ видно, стихи о завоеваніи Сибири и о Ермакѣ, но это была тоже дѣланная поэзія, хотя этотъ поэтъ уже владѣлъ „новымъ стихомъ“, пушкинскимъ. Представленіе о Сибири въ стихахъ у него являлось также неудачно. Онъ представлялъ ее страною холода и льда, хотя жилъ въ умѣренномъ климатѣ и родился близь Тобольска въ земледѣльческой полосѣ, а не среди булановъ и мятелей Березова. Ясно, что онъ усвоилъ манеры другихъ поэтовъ, которые рисовали Сибирь заочно, и хотя самъ поэтъ жилъ въ ней и смотрѣлъ на нее, но представить ее не могъ.

Всѣ гражданскіе восторги оказались юношеской грезой, вспышкой искры, потухшей съ трескомъ. И это было понятно: среда, въ которой жилъ поэтъ, не могла вдохновить его, да и самъ онъ больно крѣпко уже усѣлся въ тобольскомъ болотѣ. Въ поэтическомъ творчествѣ „гражданскія идеи“ не могутъ проявиться естественно и искренно, пока сама среда не заживетъ гражданской жизнью, пока въ ней не созрѣетъ гражданскій идеалъ. Поэтому до сихъ поръ историческія темы и гражданская поэзія являются дѣланными, искусственными и напыщенными, хотя всѣ начинающіе поэты любятъ попрактиковаться на нихъ. Точно также выходитъ дѣланнымъ и патріотизмъ въ произведеніяхъ незрѣлыхъ поэтовъ. Въ мѣстной печати 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ весьма трудно услѣдить настоящее крупное поэтическое дарованіе. Сибирская среда его не рождаетъ, но и попытки рисовать природу и окружающую среду, однако, являются. Въ изданіяхъ попадаются стихотворенія съ мѣстнымъ колоритомъ. Въ запискахъ объ Енисейской губерніи и Восточной Сибири 1831 г., составленныхъ И. Пестовымъ, мы находимъ приложенными стихотворенія какого-то красноярскаго поэта подъ литерою К... Въ одномъ изъ нихъ, посвященномъ Енисею, поэтъ говоритъ:

Я видѣлъ мощный Енисей,
Какъ сей бѣглецъ, оставя страны
Родной Монголіи своей,
Раздвинулъ тяжкіе Саяны.

Далѣе есть подобное же стихотвореніе, посвященное Абакану, красоты котораго обольщаютъ поэта:

Въ тѣни акацій молодыхъ,
Въ прохладѣ тополей вѣтвистыхъ,
Онъ льетъ струи въ лугахъ душистыхъ,
Среди ирисовъ голубыхъ.

Затѣмъ въ 3-мъ стихотвореніи описываются юрты дикарей, разбросанныя по долинамъ, какъ сопки посреди степей, описывается цѣлая картина оригинальной инородческой жизни, гдѣ старикъ куритъ и пьетъ „айранъ", жена присѣла къ огоньку и стружитъ опилки для куренья. Дальше внучата:

Всѣ черные и нагишемъ
Стоятъ передъ большимъ котломъ,
Имъ ложки—собственныя руки.

Въ углу сынъ младой и смѣлый гнетъ упругій лукъ и готовится идти въ тайгу. А вотъ и дочь инородка.

...... прелестная Ульчи
Въ сорочкѣ алой изъ камчи,
На шеѣ блещетъ ожерелье...

Поэтъ любуется этой дикой красотою, онъ описываетъ ее съ черными, какъ смоль, волосами, съ жгучими глазами.

Какъ увидимъ, инородческая красота даетъ тему не одному послѣдующему сибирскому поэту. Еще стихотвореніе посвящено древнимъ могиламъ, причемъ поэтъ видитъ сѣдаго старика инородца, воскрешающаго старину. Это также достаточный мотивъ для вдохновенія. Наконецъ, въ особой пѣснѣ передано извѣстное преданіе о гибели чуди или о томъ, какъ предъ завоеваніемъ выросла бѣлая береза, и предъ этимъ страннымъ предзнаменованіемъ чудь рѣшила зарыть себя въ землю.

Эти намѣченные мотивы сибирской обстановки повторяются и въ опытахъ другихъ поэтовъ: у одного неизвѣстнаго поэта 40-хъ годовъ, у сибирскаго поэта Баульдауфа, у Таскина и у Александрова.

Предъ нами лежитъ малоизвѣстная книжка „Сибирскія мелодіи", изданная въ Петербургѣ въ 1846 году. Авторъ неизвѣстенъ; видно, что онъ былъ ссыльный; по крайней мѣрѣ, во многихъ стихотвореніяхъ онъ выражаетъ свои изгнанническія чувства и свою тоску. Не смотря на нѣкоторое предубѣжденіе къ Сибири, этотъ далеко не особенно даровитый поэтъ пробуетъ выразить окружающую обстановку. Онъ описываетъ величественную, быструю, не замерзающую Ангару, „царицу дикихъ горъ", онъ не можетъ не восторгаться Байкаломъ, этимъ величественнымъ моремъ, съ его

пучинами, окружающими горами, которыя золотитъ солнце. Грозный Хамаръ-Дабанъ, гора у западной оконечности Байкала, которую онъ олицетворяетъ съ гигантомъ-богатыремъ, вызываетъ вдохновеніе поэта, какъ степной гранитный холмъ („Степной Бутонъ“) и Омбонъ Чингисъ-хана. Образъ Чингизъ-хана часто возстаетъ предъ людьми, наклонными къ поэтическимъ грезамъ.

Понынѣ тамъ въ урочный день
Монголовъ жертвенникъ дымится
И хана царственная тѣнь
На тихой тризнѣ веселится.

Такъ оканчиваетъ поэтъ свою думу. Дума, посвященная монголу, весьма поэтична. Поэтъ видитъ этотъ пастушескій народъ раздавленнымъ, утерявшимъ воинственность: „Потомокъ жалкій Чингизъ-хана“,—обращается онъ къ нему:

Ты позабылъ твои набѣги
Въ тѣни ночной на станъ врага,
Ты утонулъ въ ничтожной нѣгѣ
И честь тебѣ недорога;
.
И мышцы крѣпкія ослабли,
Труслива стала голова,
Рука забыла взмахи сабли
И съ лука спала тетива;
Ты не отходишь отъ порога
Убогой юрты,—умъ твой спитъ;
И думъ воинственныхъ тревога
Въ груди твоей не закипитъ!

Не менѣе удачно и полно чувства стихотвореніе на ту же тему другаго поэта А. Таскина. Также недурно „Воспоминаніе“.

Ты часто снишься мнѣ,
Страна Монголіи далекой;
Нерѣдко также вздохъ глубокій
Тебѣ дарю я въ тишинѣ!

Серія сибирскихъ мелодій оканчивается воспоминаніями о Селенгинскѣ и юмористическимъ привѣтствіемъ Кяхтѣ, „песчаной столицѣ“, съ чайными цибиками, „пирующими ликами“ кяхтинцевъ и ничтожною рѣченкой, о которой поэтъ замѣчаетъ:

.... дѣтская рученка
Едва воды въ ней почерпнетъ.

Стихотворенія этого поэта 40-хъ годовъ исполнены часто недостатковъ, и трудно приводить ихъ цѣликомъ; они напоминаютъ слабое подражаніе Баратынскому. Поэтъ не имѣетъ большаго таланта, но, какъ видно, природа Дауріи оставила въ немъ сильное впечатлѣніе.

Около того же времени появляются въ Сибири кое-какія другія дарованія, хотя и небольшія, печатавшія свои произведенія. Къ нимъ относятся, напримѣръ, два поэта инженера Баульдауфъ и Таскинъ. Искру живой и натуральной поэзіи мы находимъ особенно у молодаго инженера Федора Ивановича Баульдауфа. Это былъ забайкалецъ, привезенный въ Петербургъ и воспитывавшійся въ горномъ корпусѣ (онъ поступилъ сюда въ 1813 году и выпущенъ въ 1823 году), затѣмъ онъ провелъ службу въ нерчинскихъ заводахъ. Поэтическій талантъ его обнаружился уже въ корпусѣ. Въ бытность его въ корпусѣ имъ было напечатано въ „Благонамѣренномъ" Измайлова стихотвореніе, посвященное Сибири, показывающее, что воспоминанія жили въ немъ. Такова была элегія „Вечеръ на берегу Байкала". Изъ него приведены слѣдующіе стихи біографомъ:

...Я не забылъ мечты,
Которыя душа моя питала
Средь грозныхъ ужасовъ и дикой красоты
На берегу угрюмаго Байкала.
Я живо помню ихъ; онѣ
Унылаго пѣвца вездѣ сопровождаютъ
И въ отдаленной сторонѣ
Минуты скорби окрыляютъ.

Тоска по родинѣ здѣсь явно чувствуется. Жребій поэта, однако, былъ печаленъ. Воротившись на родину, за Байкалъ, гдѣ окружило его уединеніе и довольно низменная среда, онъ затосковалъ и началъ рваться въ Петербургъ, но ему это долго не удавалось. Его грусть и разочарованіе въ родной Дауріи вылились въ слѣдующемъ задушевномъ грустно-пророческомъ посланіи, посвященномъ Е. П. Ковалевскому:

Какъ пріятно славой жить,
Славой чистой, славой громкой!
Но въ Дауріи съ котомкой
Трудно славу уловить!
Что пѣвцу нагія горы,
Что ущелья дикихъ скалъ?
Онъ Даурію узналъ,
И слеза туманитъ взоры!
О мой добрый генералъ!
Въ славѣ, къ счастію въ стремленьѣ,
Славой, счастьемъ дорожа,
Я молю о снисхожденьѣ,
О моемъ перемѣщеньѣ
Въ департаментъ, въ сторожа!

Мечтанія поэта не сбылись, онъ оканчиваетъ жизнь печальнымъ образомъ и умираетъ на дорогѣ въ Петербургъ.

Не даромъ еще въ 1805 году въ горномъ корпусѣ введено было преподаваніе инженерамъ музыки,—какъ говорятъ воспоминанія объ этомъ корпусѣ,—которая, полагалось, „въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, куда они (инженеры) службою предназначаются, можетъ занимать пріятнымъ образомъ свободное отъ занятій время и отвлечь отъ вредныхъ занятій, кои, при праздности своей, бываютъ гибельны". Но не помогла, къ сожалѣнію, ни музыка, ни поэзія молодымъ инженерамъ, закинутымъ на окраину. Баульдауфъ умеръ отъ пристрастія къ дарамъ Вакха. У него осталось, однако, нѣсколько поэтическихъ стихотвореній, свидѣтельствующихъ въ немъ о признакахъ таланта.

Поэма его „Кузнецъ" приведена въ воспоминаніяхъ питомцевъ горнаго корпуса, изданныхъ къ столѣтнему юбилею. Здѣсь же мы находимъ нѣсколько отрывковъ и стихотвореній, написанныхъ за Байкаломъ и подъ впечатлѣніемъ мѣстной жизни. Однимъ изъ лучшихъ служитъ стихотвореніе „Къ Буряткѣ".

Люблю я странный твой нарядъ,
Твои неловкія движенья,
Люблю я твой нескромный взглядъ
И чуждой рѣчи выраженье.

.

Я помню вечеръ: вкругъ огня
Твои родные всѣ сидѣли,
И ты смотрѣла на меня,
Какъ я больной, склонясь къ постели,
Въ припадкѣ тягостномъ страдалъ.

.

Я помню утро: закипалъ
Душистый чай въ котлѣ широкомъ,
А ты въ молчаніи глубокомъ,
Склонясь къ узорчатымъ коврамъ,
Своимъ молилася богамъ—
Не обо мнѣ ли одинокомъ?

Это стихотвореніе, написанное съ теплотою, вызвано у поэта встрѣчею участія къ нему въ юртахъ дикарей. Грустное прощанье дѣвушки слышится въ концѣ этого стихотворенія уѣзжающему страннику, а его чувство признательности дышитъ искренностью.

По поводу встрѣчъ и столкновеній русскаго элемента съ сосѣдними племенами и зарождающихся нерѣдко чувствъ къ инородческимъ красавицамъ, нерѣдкаго въ Сибири явленія, поэтъ посвя-

щаетъ цѣлую поэму „Аваннъ и Гайро“, гдѣ разсказано истинное происшествіе, увлеченіе страстью русскаго къ инородкѣ, причемъ рисуется рядъ бытовыхъ картинъ. Окружающая природа также вызываетъ вдохновеніе молодаго поэта. Въ одномъ изъ писемъ онъ описываетъ пустыню и восходъ солнца, видѣнный съ высотъ хребтовъ. Здѣсь поэтъ говоритъ, какъ художника должна воспитывать природа.

Въ этомъ же путешествіи въ степяхъ онъ подслушиваетъ поэтическое инородческое преданіе о загробномъ селеніи Хада-Булакъ, гдѣ прекрасныя, кроткія, милыя дѣвушки поютъ чарующія пѣсни, и онъ набрасываетъ цѣлое стихотвореніе. Тамъ же Добасу-Норъ вызываетъ у него слѣдующее лирическое стихотвореніе:

Я здѣсь одинъ! Кругомъ меня покой,
Добасу-Норъ смирилъ на время волны.
Я здѣсь одинъ, тяжелой думы полный,
Лечу къ тебѣ, мой милый другъ, душой!

и т. д.

Такимъ образомъ, сибирская природа, окружающая жизнь и бытъ не остаются чужды сердцу мѣстнаго дарованія. Въ его стихахъ мы видимъ уже болѣе искренности и менѣе поддѣлки. Нѣкоторыя изъ стихотвореній его товарища Алексѣя Таксина также носятъ этотъ мѣстный колоритъ. Однимъ изъ лучшихъ служитъ „Ночь на берегу Ононъ-Борзи“. Другія стихотворенія Таскина болѣе частнаго и домашняго характера. Видно, что мѣстные поэты, за неимѣніемъ общественныхъ темъ въ своей средѣ, мѣнялись на мелочи. Извѣстный поэтъ П. В. Шумахеръ, обладавшій когда-то легкимъ стихомъ и прекраснымъ образованіемъ, пробывъ много лѣтъ въ Сибири, могъ только писать стихотворенія и сатиры, касающіяся весьма тѣснаго кружка знакомыхъ и золотопромышленниковъ.

Въ числѣ дарованій этого времени мы хотимъ упомянуть также о другомъ поэтѣ и писателѣ Александровѣ, судьба котораго замѣчательна тѣмъ, что, заѣхавъ въ Сибирь и написавъ здѣсь массу произведеній, онъ остался, однако, со всѣми своими произведеніями неизвѣстнымъ. Бумаги этого Александрова случайно дошли до насъ и составляютъ цѣлый архивъ. Александровъ, какъ видно, былъ сначала морскимъ офицеромъ и явился въ Сибирь въ 1824 году, былъ въ Камчаткѣ, затѣмъ служилъ въ Восточной Сибири въ гражданской службѣ много лѣтъ. Воспоминанія его объ Иркутскѣ напечатаны были въ „Историческомъ Сборникѣ“ Б. А. Милютина. Они случайно были куплены въ Казани въ числѣ старыхъ бумагъ и доставлены

Н. Я. Агаѳоновымъ Г. Н. Потанину. Намъ досталось множество его стихотвореній, поэмъ и повѣстей изъ сибирской жизни чрезъ Канонникова изъ Тюмени. Видно, что этотъ человѣкъ странствовалъ и жилъ, начиная отъ Камчатки до енисейской тайги. Онъ былъ очень плодовитымъ писателемъ и поэтомъ: сряду лѣтъ 20, по крайней мѣрѣ, онъ писалъ. Къ сожалѣнію, всѣ его произведенія потеряли всякое современное значеніе, и мы не рѣшаемся приводить ихъ. Видно, что этотъ человѣкъ легко владѣлъ прозой и стихами, былъ не безъ дарованія, обладалъ начитанностью и хорошимъ образованіемъ, но онъ имѣлъ несчастіе быть послѣдователемъ школы Марлинскаго и, познакомившись съ Бестужевымъ въ Якутскѣ, окончательно отдался его вліянію. Поэтому всѣ его произведенія страдаютъ вычурностью языка. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ стихотвореніяхъ видно, что вдохновляло его: здѣсь также играетъ роль грандіозная природа Сибири съ ея горами и рѣками, камчатскія пирамиды, Байкалъ, Енисей, Ангара. Величественная тайга, лѣса Сибири также служатъ предметомъ лирическихъ стихотвореній поэта. Сибирскія преданія и легенды служатъ темою для поэмъ. Исторія Сибири также вызываетъ у него размышленія, и на эту тему у него есть удачное стихотвореніе „Ночь на Иркутскомъ кладбищѣ". Но что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что Александровъ въ своихъ темахъ переходитъ уже къ общественной жизни. Въ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ и сатиру. Предметомъ ея служатъ пріобрѣтательные мотивы, исключительно матеріальныя стремленія, погоня за грошемъ и необыкновенная грубость самодовольнаго нажившагося лавочника и золотопромышленника, словомъ, то же, что давало поводъ къ филиппикамъ Щапова, что служитъ предметомъ обличенія и до сихъ поръ. Въ одномъ изъ произведеній Александрова: „Таёжный карнавалъ", сцены въ стихахъ, воспроизведена жизнь золотопромышленниковъ въ 40-хъ годахъ — съ милліонерами, грубыми мужиками, горными ревизорами на послугахъ золотопромышленниковъ, съ забавами и развлеченіями тайги. Въ этомъ „Таёжномъ карнавалѣ" мѣтко представлены нравы. Передъ богатымъ золотопромышленникомъ Сохатымъ разряженный пріисковый торбанистъ поетъ пѣсни, ему бросаютъ золото. У этого торбаниста, видимо, хитраго и ловкаго поселенца, въ пѣсняхъ рядомъ съ лестью сквозитъ сатира на этихъ господъ, которые

Молодецки промываютъ
Въ грязныхъ лужахъ золотцо
И геройски распиваютъ

*

Заграничное винцо,
А за тяжкую работу,
Будь хоть братецъ имъ родной,
Не прибавятъ гроша къ счету,
Обочтетъ еще иной!

Не менѣе злою сатирою является разговоръ художника съ золотопромышленникомъ:

—Напрасно-жъ, братъ,заѣхалъ ты въ Сибирь.
Здѣсь золото, кредиты, да цифирь,
А эдакихъ картинъ и лицъ съ натуры
Не надо намъ...
Раскрой глаза и на любаго взглянь:
Не полотно, а золотая ткань!
Пиши себѣ картины безъ разсчета.
Ужъ лучше-бъ ты мнѣ срисовалъ болото,
Въ которомъ я нашелъ чортъ знаетъ что!..

Разговоръ долго длится. Художникъ остается при своемъ призваніи, а золотопромышленникъ подкупаетъ бросить искусство и ѣхать наживаться.

„Художникъ.—Смертельный грѣхъ! таланта не унижу!

Золотопромышленникъ. Эй поѣзжай въ тайгу. Ей-Богу, не обижу!"

Эти отрывки напоминаютъ, что въ Сибири уже зрѣла общественная литература *).

Всѣ произведенія Александрова пережили свое время въ рукописяхъ и такъ и погибли за неимѣніемъ тогда журналистики въ Сибири. Несомнѣнно, что для талантовъ и поэтовъ нужна была болѣе благопріятная среда. До сихъ поръ мы не можемъ похвастаться поэтическими талантами и художниками. Эта струнка молчитъ еще въ сибирскомъ сердцѣ. Только въ послѣднее время, въ ряду беллетристическихъ произведенiй появляются очерки мѣстнаго быта, но не явилось ни одного романиста, кромѣ устарѣвшаго Калашникова. Что касается поэтовъ, то здѣсь только видимъ нѣсколько замѣтнымъ въ литературѣ покойнаго Ѳедорова-Омулевскаго, но и онъ большую часть жизни посвящалъ инымъ общимъ темамъ. Онъ не жилъ въ Сибири, и она не могла вѣять на него своей жизнью и природой. Нѣкоторая искусственность и принужденность до сихъ поръ сохраняется у людей, пробующихъ воспѣвать Сибирь. Съ этимъ не-

*) Слѣдуетъ упомянутъ еще о поэтѣ не безъ таланта, смотрителѣ Верхнеудинскаго уѣзднаго училища, Д. Давыдовѣ, писавшемъ немало мѣстныхъ произведеній... Мы видѣли книжку: «Волшебная скамеечка», изд. въ Верхнеудинскѣ, 1859.

достаткомъ не могутъ справиться наши молодые писатели. Въ чистой лирикѣ, въ области чувства не поможетъ одна счастливая тема, не поможетъ сантиментальность, красивая фраза и реторика. Искусственно тутъ ничего не сдѣлаешь. Эта реторика, высокопарность и искусственность загубила старыхъ поэтовъ, отняла у нихъ всякое значеніе; ея надо страшиться пуще огня и новымъ.

Мы не касаемся въ нашемъ очеркѣ ссыльной и изгнаннической поэзіи, потому что она не мѣстнаго происхожденія, навѣяна совсѣмъ иными чувствами, носитъ пачать субъективнаго ощущенія, передаетъ картины страны подъ вліяніемъ исключительныхъ впечатлѣній; страна для изгнанника рисуется совершенно иною, онъ вѣчно плачетъ, ноетъ, въ немъ кипитъ желчь, ненависть къ странѣ ссылки. Его симпатіи въ другой странѣ, онъ вѣчно носится съ своей оставленной гдѣ-то „милой". При такихъ условіяхъ страна не можетъ вдохновить пѣвца, а поэтъ останется ей чуждъ навсегда. Мы не приводимъ здѣсь также многихъ стихотвореній, ходившихъ въ Сибири въ рукописяхъ, напр., „по поводу паденія Красноярскаго собора". Во время графа Муравьева-Амурскаго была цѣлая литература рукописныхъ стихотвореній и сатиръ. До сихъ поръ въ Иркутскѣ появляются стихотворенія по различнымъ случаямъ. Конечно, они слишкомъ домашняго свойства и часто не удовлетворяютъ литературнымъ требованіямъ, чтобы появиться когда либо въ печати. Все что они указываютъ это потребность сатиры. Жизнь и ея темы нетерпѣливы—они опережаютъ таланты.

Истинная поэзія—одинъ изъ самыхъ позднѣйшихъ цвѣтковъ литературы, поэтому нечего удивляться, что на нашемъ Востокѣ не зародилось еще ни изящной художественной литературы, ни поэзіи, и это немудрено, когда сама печать только что нарождается и дѣлаетъ первые шаги. Для этого нуженъ болѣе продолжительный періодъ литературнаго воспитанія, большее количество лицъ, участвующихъ въ литературной работѣ, обусловленной количествомъ вообще интеллигентныхъ и образованныхъ людей. Мы не сдѣлаемъ упрека Сибири, если припомнимъ, что таланты и дарованія даже и въ средѣ русскаго общества, болѣе интеллигентнаго, большая рѣдкость: они не растутъ какъ грибы, крупные изъ нихъ являются поколѣніями.

Нечего сравнивать Сибирь съ ея ничтожнымъ кругомъ образованныхъ людей. Нуженъ большой рекрутскій наборъ, чтобы въ немъ проявился даровитый военачальникъ, нуженъ большой контингентъ получающихъ образованіе, чтобы среди дюжинъ посредственностей

попалъ талантъ. Сибирская интеллигенція притомъ всегда отрывалась отъ своей почвы, и потому здѣсь не могло родиться глубокихъ привязанностей, не могло развиться ничего мѣстнаго, оригинальнаго.

Художественно-эстетическое творчество есть продуктъ интеллектуальной и духовной жизни, которой сибирское общество также не жило. Для этого нужно было особое воспитаніе. Художественная литература есть попреимуществу продуктъ развитія чувства и воображенія, а имъ было весьма мало питанія въ Сибири. Щаповъ, рисуя и намѣчая соціальныя условія сибирской жизни и интеллектуальный складъ сибиряка, обрисовалъ грубый практическій складъ жизни, полный матеріальныхъ интересовъ, пріобрѣтательныхъ инстинктовъ и индивидуально-эгоистическихъ наклонностей. Здѣсь не было, по его мнѣнію, мѣста инстинктамъ соціальнымъ, филантропическимъ и эстетическимъ. Сибирякъ болѣе спиритуалистъ, чѣмъ сенсуалистъ, въ сибирской жизни нѣтъ сантиментальности, она груба и утилитарна.

Съ дѣтства люди формируются въ извѣстной средѣ и питаются окружающими впечатлѣніями. Нетрудно наблюдать, что сибиряки носятъ на себѣ печать сухости, сдержанности, скрытности чувствъ, они какъ бы стыдятся показаться чувствительными. То, что другіе не стѣсняются выражать открыто, они таятъ; таково ихъ чувство даже къ родинѣ, обнаруживать которое они считаютъ предосудительнымъ. Сибирякъ предпочтетъ казаться сухимъ, практичнымъ, насмѣшливымъ, но не простодушнымъ, увлекающимся и открытымъ. Сибирскій умъ склоннѣе всего къ критикѣ, сатирѣ, чѣмъ къ лирикѣ и поэзіи. Чувство его запрятано, покрыто какою-то корой, которую надо пробить и растопить.

Словомъ, натура сибиряка совершенно иное. Ее нельзя сравнивать съ пылкой, одаренной воображеніемъ, страстью другихъ племенъ и народностей. Великорусскія свойства подъ вліяніемъ историческихъ и соціальныхъ условій выражались здѣсь своеобразно. Особая впечатлительность, особая нервная система, привычка сдерживать душевныя настроенія, обусловливаетъ и степень воспріимчивости и увлеченія. Эта психологія сибиряка должна была отчасти выразиться въ художественности.

Отсутствіе извѣстныхъ инстинктовъ и чувствъ находится весьма часто въ связи съ неразвитостью духовной стороны человѣка. Окружающая природа и внѣшняя сторона жизни тутъ не причемъ. Нельзя сказать, чтобы природа Сибири не внушала ничего для ума и чувства, нельзя сказать, чтобы она не возбуждала

воображенія, что въ ней нѣтъ своихъ красотъ; нельзя сказать, чтобы въ окружающей жизни и обстановкѣ не было матеріала для художественнаго творчества и чтобы подъ вліяніемъ его не тронулась чуткая душа художника-поэта. Не можетъ быть, чтобы здѣсь подъ сѣнію величественныхъ лѣсовъ, среди дѣвственной природы, въ этомъ царствѣ, гдѣ такъ широко и привольно воображенію и мечтѣ, не зазвучали „вѣщія струны".

Страны, несравненно болѣе бѣдныя, съ болѣе убогою природой, рождали поэтовъ и художниковъ, такова Литва и Бѣлоруссія. Среда не менѣе жалкая и бѣдная вырывала у поэтовъ симпатію, и чѣмъ бѣднѣе, чѣмъ несчастнѣе бывала эта среда, тѣмъ иногда искреннее и теплѣе выражалось ей сочувствіе. Посмотрите поэзію Шевченко и Кондратовича.

Для истиннаго художественнаго инстинкта, для того, чтобы удѣлить слезу родинѣ, не требуется богатства, пышности и блеска. Даже въ окружающей дикой природѣ геній человѣка находитъ себѣ пищу, онъ беретъ свою лепту и съ первобытной природы, и съ первобытнаго человѣка. Дѣвственные лѣса и жизнь въ нихъ въ Америкѣ создали Купера, а жизнь дикарей инородцевъ навѣяла пѣсни Лонгфелло.

Ничего подобнаго въ Сибири не было. Природа жила сама по себѣ, человѣкъ самъ по себѣ. Мы не будемъ говорить уже о творчествѣ высшаго порядка, художественно-историческомъ и бытовомъ, когда художникъ и поэтъ изображаетъ предъ собою не только проходящую предъ его взорами жизнь, но воскрешаетъ прошлое, его исторію, или проникаетъ предвѣдѣніемъ въ область будущей жизни, грезитъ образами грядущаго и пророчествуетъ. Сибирская исторія, конечно, также могла дать матеріалъ для художника.

Въ этой исторіи мы видимъ эпоху своего рода Кортесовъ и Пизарро, которые народили въ Испаніи циклъ поэмъ; здѣсь также мы видимъ кровавую героическую борьбу завоевателя, идущаго въ невѣдомую даль искать славы, богатства и падающаго подъ ударами его слабаго аборигена. Эта борьба друхъ расъ полна драматизма. У того и другаго своя потребность жизни, но у обоихъ льется кровь, оба умираютъ, а человѣческій идеалъ, всетаки, далекъ. Надъ ихъ могилами встаетъ только таинственнѣе и грознѣе природа и чащи лѣсовъ скрываютъ тайну будущаго. Тогда начинается новая борьба человѣка въ пустынѣ; мы видимъ жизнь въ лѣсахъ колонизатора и промышленника, жизнь, полную приключеній, отваги и удали. Здѣсь рисуется типъ бѣглаго человѣка,

скитающагося по лѣсамъ, на половину скватерра, на половину разбойника, и рядомъ величественный образъ раскольника, спасающагося въ уединеніи, полнаго задумчивости и религіозно-торжественнаго настроенія. Затѣмъ слѣдующая эпоха сибирской жизни выдвигаетъ кипучую жажду наживы, погоню за золотомъ, исполненную алчности и звѣрскихъ инстинктовъ, запятнанную преступленіями, убійствами, массою загубленныхъ одинокихъ жизней въ отвалахъ и разрѣзахъ. Сибирскій золотой самородокъ появился на свѣтъ забрызганный кровью. Началась гражданская жизнь, но въ то время, когда падало зерно хлѣбопашца въ дѣвственную почву, какъ залогъ грядущаго, когда слышались благословенія этой землѣ, въ это же самое время, однако, на ту же почву лились горькія слёзы изгнанія.

Здѣсь все мѣшалось, повидимому, въ хаосѣ несложившейся жизни: благословенія, молитва, проклятіе и стонъ. Но нельзя сказать, чтобы и здѣсь не пробивали дорогу мирныя чувства и спокойныя радости. Достаточно взглянуть въ сибирскіе романы Калашникова, чтобы открыть, что въ эпоху, когда рядомъ съ воеводскими гоненіями и пытками, съ разбойниками въ лѣсахъ, незамѣтно ютилась романическая нѣжная страсть, какъ скромная незабудка. За грознымъ взоромъ побѣдителя смотрятъ покорные и полные страданія глаза умирающаго инородца. Вслѣдъ за враждою начинается человѣческое сближеніе, гдѣ дѣлаетъ первый шагъ сердце: инородка и русскій здѣсь дѣлятъ первую чашу сладкаго и ядовитаго напитка любви; нерѣдко борьба чувства и драматизмъ положенія двухъ расъ здѣсь выступаютъ съ тою же болью, какъ въ исторіи африканскаго Мавра.

Наконецъ, въ той же исторіи мы не можемъ не видѣть уже проблесковъ иныхъ чувствъ и стремленій: вслѣдъ за историческими бурями и грозою проглядываетъ тихая мирная жизнь, какъ спокойное, безоблачное небо; за чувствами ненависти и вражды изгнанниковъ, за воплями, проклятіями, посылаемыми этой бездольной странѣ, мы чувствуемъ тихое, робкое біеніе сердца, начинающаго новую жизнь, сердца, преданнаго любви къ родной землѣ, мы замѣчаемъ взглядъ, полный вѣры, упованія чуть не мольбы къ грядущему...

Эта канва, гдѣ жизнь вышивала свои узоры, можетъ дать современемъ пищу художнику и поэту. Когда появится этотъ поэтъ— Богъ вѣсть!

Сибирякъ.

СНОШЕНІЯ НОВГОРОДА ВЕЛИКАГО

СЪ ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕЙ.

(Историко-географическій очеркъ по древнѣйшей исторіи Сибири).

I.

Мнѣнія старыхъ и новыхъ ученыхъ о географическомъ положеніи Югорской земли.—Показанія источниковъ по этому вопросу.—Югра, или остяки,—населеніе Югорской земли: предѣлы его разселенія, количество его и общественно-политическій бытъ его въ древнее время.—Самоѣды: область ихъ, извѣстная новгородцамъ въ древнее время; предположеніе о характерѣ общественнаго быта древнихъ самоѣдовъ; извѣстія объ исторической жизни самоѣдовъ.

Имѣя въ виду обнаруживающееся въ послѣднее время стремленіе молодаго поколѣнія къ изученію исторіи Сибири и вообще ознакомленію съ нею въ различныхъ отношеніяхъ, мы осмѣливаемся надѣяться, что и наше посильное изслѣдованіе одной изъ мало разработанныхъ частей сибирской исторіи, можетъ быть, представитъ для интересующихся прошлыми судьбами нашей родины и для учащагося сибирскаго юношества нѣкоторыя историческія данныя, которыя, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія, какъ способствующія къ разрѣшенію далеко невыясненнаго вопроса о сношеніяхъ русскихъ съ Зауральскимъ краемъ до эпохи Ермака.

Сношенія русскихъ людей, и въ частности новгороцевъ, съ обитателями сѣверо-западной Азіи, или нынѣшней Западной Сибири, возникли за нѣсколько столѣтій до эпохи Ермака, положившаго прочное начало русскимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ на сѣверѣ Азіи. Эти сношенія, попреимуществу военныя, шли постепенно и имѣли своихъ отважныхъ дѣятелей, о которыхъ, однако, мы знаемъ очень мало, имѣя подъ руками скудныя, отрывочныя извѣстія древнихъ русскихъ лѣтописей. Прежде, чѣмъ русскимъ казакамъ проникнуть въ Сибирь въ сравнительно позднѣйшую эпоху, еще дѣятельнымъ новгородцамъ, этимъ „предтечамъ“ сибирскихъ завоевателей, пришлось немало положить труда и энергіи на развѣдываніе и даже на завоеваніе, къ сожалѣнію, не удавшееся, земли Югорской, которую можно было считать въ извѣстной степени ключомъ къ обладанію Сибирью.

Русскіе историки до сихъ поръ еще не пришли къ единогласному и точному опредѣленію географическаго положенія Югорской земли: это произошло главнымъ образомъ отъ недостатка и сбивчивости извѣстій въ источникахъ по этому предмету. Прежними историками много высказывалось разныхъ мнѣній о предѣлахъ земли Югорской, но—большею частію, въ видѣ короткаго замѣчанія и безъ надлежащихъ доказательствъ [1]). Изъ ученыхъ прошлаго времени только одинъ Лербергъ посвятилъ этому вопросу одну изъ своихъ замѣчательныхъ монографій, а въ наше время о географическомъ положеніи Югорской земли высказали свои соображенія два почтенные изслѣдователи по русской исторіи, проф. Замысловскій и Барсовъ.

Академикъ Лербергъ, въ своемъ изслѣдованіи о древней Югрѣ, приходитъ къ такому заключенію о границахъ Югорской земли: „Древняя Югра,—говоритъ онъ,—простиралась между 56° и 67° сѣверной широты, отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ чрезъ нижнюю Обь до р. Надыма, впадающей въ Обскую губу, и до Агана, который выше Сургута впадаетъ въ Обь. Къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южной стороны граничила она съ татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею самоѣдовъ. Такимъ образомъ, Югра занимала немалую часть сѣверо-западной Азіи [2]).“

Нынѣшніе ученые, занимавшіеся географіей древней Россіи, различаютъ, такъ сказать, двѣ Югорскихъ земли — одну Югру древнѣйшую, находившуюся въ предѣлахъ Европейской Россіи, по западнымъ склонамъ Уральскаго хребта, и другую Югру позднѣйшую, простиравшуюся за Уралъ, на востокъ, по нижнему теченію р. Оби и ея притокамъ. „Въ источникахъ, относящихся къ исторіи Новгорода Великаго, въ лѣтописяхъ съ XII, а въ договорныхъ грамотахъ съ XIII вѣка,—говоритъ г. Замысловскій,—мы находимъ рядъ извѣстій о Югрѣ, какъ о землѣ, подвластной этому знаменитому городу и лежавшей на крайнемъ сѣверо-востокѣ его владѣній. По всей вѣроятности, Югорская земля, платившая ему дань, лежала въ предѣлахъ великой Европейской равнины и не переходила за ея естественный рубежъ на сѣверо-востокѣ [3]).“

[1]) Фишеръ, напр., полагаетъ, что земля по р. Печорѣ, простирающаяся къ сѣверу до Ледовитаго океана, къ востоку до горъ Югорскихъ, называлась въ старину Югорскою (Сиб. ист., Спб., 1774 г., стр. 108). Миллеръ говоритъ, что подъ именемъ земли Югорской извѣстны были мѣста около р. Печоры, на которыхъ, по его мнѣнію, прежде жили одни только самоѣды (Опис. сиб. царства, Спб., 1750 г., стр. 61). Рычковъ и Татищевъ производили имя Югры отъ р. Юга и предполагали, что Югдоріею, или Югоріею, называлась вся страна около этой рѣки.

[2]) Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи,— Лерберга. Изданы Кругомъ, перев. съ нѣм. Языковъ. Спб., 1819, статья объ Югріи, стр. 4.

[3]) Записки ист.-фил. фак. Имп. С.-Петер. унив., т. XIII. Спб., 1884 г. Герберштейнъ и его историко-географ. извѣстія о Россіи, соч. Е. Замысловскаго, стр. 138.

Походъ новгородцевъ на рѣку Обь въ 1364 году „должно считать, по словамъ проф. Замысловскаго, не болѣе, какъ смѣлою попыткою проникнуть за Уральскія горы. Какими путями достигли новгородцы р. Оби въ этомъ году,—неизвѣстно, и только на основаніи позднѣйшихъ данныхъ можно предполагать, что они совершили этотъ походъ по рѣкамъ, и слѣдовательно перешли Уральскій хребетъ" [1]. „Извѣстія, до насъ дошедшія отъ XV вѣка (напр., извѣстіе о походѣ въ Югру московской рати въ 1483 г.), — говоритъ тотъ же изслѣдователь,—далеко превосходятъ все то, что было извѣстно о Югорской землѣ до этого времени; но все же они весьма недостаточны для того, чтобы съ увѣренностію возстановить то представленіе о ней, какое существовало въ это время. Можетъ быть, этимъ именемъ и продолжали означать область, прилегающую къ сѣверо-западнымъ склонамъ Урала, но въ то же время Югорскою землею несомнѣнно называли область на восточныхъ склонахъ Урала, по системѣ р. Оби" [2]. Проф. Замысловскій, соглашаясь съ г. Барсовымъ, допускаетъ, „что названіе Югра въ нашихъ письменныхъ памятникахъ XII—XIV вѣковъ относится къ землѣ, лежавшей къ западу отъ Урала. Но въ XV вѣкѣ Югорскою землею,—замѣчаетъ онъ,—называли также и область, прилегавшую къ восточнымъ склонамъ Урала" [3].

Другой изслѣдователь древней русской исторической географіи, г. Барсовъ, излагаетъ свои соображенія о географическомъ положеніи Югорской земли, въ трудѣ „Очерки русской исторической географіи" (Варшава, 1873). Въ перечнѣ народовъ въ нашей первоначальной лѣтописи, Югра,—говоритъ г. Барсовъ,—„по-оказана крайнимъ сѣверо-восточнымъ населеніемъ въ Заволочьѣ". Затѣмъ онъ высказываетъ, между прочимъ, такія соображенія: „По прямому смыслу извѣстія, заключающагося въ разсказѣ новгородца Гюряты о путешествіи его отрока въ Печору и Югру (Лавр., 107, подъ 1096 г.), Югорская земля представляется лежащею за новгородскими владѣніями въ Печорѣ, къ сѣверу отъ этого племени; но, если вѣрно, что это послѣднее занимало область между Камою и Вычегдою, то въ такомъ случаѣ югорско-самоѣдскія поселенія или кочевья слѣдовало бы полагать далѣе на сѣверъ, за Вычегдой, до тундръ поморья, по восточнымъ притокамъ Двины, по Мезени и Печорѣ". „На югѣ и юго-западѣ Югорскія земли, по мнѣнію г. Барсова, прилегали къ поселеніямъ Печоры на Вычегдѣ и Еми на Сухонѣ. Тамъ, гдѣ соприкасались эти племена, до сей поры за нѣкоторыми мѣстностями удержались названія Югорскихъ" [4]. „Къ такому заключенію о географическомъ положеніи Югры до XI вѣка,—гово-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid, стр. 139.
[4]) Таковы, по словамъ г. Барсова, рѣка Угроньга, притокъ Ваги, въ Вельскомъ уѣздѣ, Угорма, притокъ Кубины, въ Кадниковскомъ уѣздѣ и т. д., Очерки русск. истор. геогр., соч. Барсова, стр. 54.

ритъ г. Барсовъ,—приводитъ также разборъ извѣстій о ней, сообщаемыхъ древнѣйшими сводами начальной лѣтописи. Оно подтверждается рядомъ извѣстій о сношеніяхъ и столкновеніяхъ Руси съ Югрою въ XI—XIV вѣкахъ. Самое раннее изъ нихъ восходитъ къ 1032 году. Подъ этимъ годомъ Никоновскій лѣтописный сводъ говоритъ о неудачномъ походѣ новгородца Улѣба на Желѣзныя Ворота" (I, стр. 132) [1]).

Г. Барсовъ утверждаетъ, что подъ Желѣзными Воротами тутъ слѣдуетъ разумѣть урочище Желѣзныя Ворота (Городокъ, Кариль), на правомъ берегу Сысолы, въ 80 верстахъ отъ Усть-Сысольска, близь селенія Водчи, т. е. „тамъ, гдѣ должна была, по мнѣнію Барсова, начинаться Югра нашей лѣтописи". „Въ связи съ этимъ,— продолжаетъ тотъ же изслѣдователь,—стоитъ рядъ извѣстій объ отношеніяхъ Новгорода къ Югрѣ въ XII—XIV вѣкахъ. Всѣ они указываютъ на близкое знакомство Югры, съ одной стороны, съ Печорой, съ другой — съ Устюгомъ и Двинскою областью. Такъ, первыхъ упоминаемыхъ въ лѣтописи югорскихъ даньщиковъ въ концѣ XII вѣка мы видимъ въ Печорѣ и за Волокомъ. Въ грамотахъ XIII вѣка (1264) Югра называется одною изъ новгородскихъ волостей вмѣстѣ съ Пермью и Печорою. Извѣстія 1323 и 1324 годовъ открываютъ, что путь въ Югру изъ Новгорода шелъ мимо Устюга и Двинской земли, т. е. по Сухонѣ и Двинѣ, изъ которой прямой путь на востокъ идетъ вверхъ по Вычегдѣ" [2]). Происхожденіе позднѣйшей Югры, за Ураломъ, по нижнему теченію Оби, г. Барсовымъ объясняется тѣмъ, что обитатели Югры, втеченіе нѣсколькихъ столѣтій тѣснимые новгородцами, „постепенно передвинулись за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаетъ ихъ XV вѣкъ, и гдѣ они были покорены уже московскими войсками. По всей вѣроятности, — заключаетъ изслѣдователь, — двигались вслѣдъ за ними и новгородскія дружины, привлекаемыя богатствомъ соболей, серебра и всякаго узорочья; но прямыхъ извѣстій о знакомствѣ Руси съ Сибирью въ XII—XIV вѣкѣ мы не имѣемъ, за исключеніемъ одного темнаго и довольно сомнительнаго извѣстія о походѣ новгородцевъ на Обь въ 1364 году" [3]).

Къ какому выводу мы пришли относительно географическаго положенія Югорской земли, это будетъ видно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія. Но въ отношеніи соображеній по этому вопросу гг. Замысловскаго и Барсова мы должны сказать, что полагать Югорскую землю только по западнымъ склонамъ Урала, съ конца XI и до половины XIV вѣка, на основаніи тѣхъ лѣтописныхъ данныхъ, какія имѣются у насъ по этому вопросу, намъ представляется не совсѣмъ согласнымъ съ источниками. Ни въ одномъ древнемъ (до половины XIV в.) лѣтописномъ извѣстіи о Югрѣ

[1]) Ibid., стр. 54.
[2]) Ibid., стр. 55.
[3]) Ibid., стр. 56.

прямо не сказано, что эта земля находилась на западъ отъ Урала, въ предѣлахъ Европейской равнины: объ этомъ приходится догадываться на основанiи неопредѣленныхъ выраженiй лѣтописи. Затѣмъ, извѣстiе о походѣ новгородцевъ подъ начальствомъ Улѣба къ Желѣзнымъ Воротамъ въ 1032 г., на которомъ г. Барсовъ основываетъ свои соображенiя о географическомъ положенiи Югорской земли, само еще нуждается въ подтвержденiи и провѣркѣ, такъ какъ въ лѣтописи собственно не сказано, что походъ этотъ былъ направленъ въ Югорскую землю, и только въ Татищевскомъ лѣтописномъ сводѣ говорится, что въ 1032 году новгородцы ходили противъ Югры. Можетъ быть, Татищевъ, полагающiй Югорскую землю по р. Югу, это извѣстiе о походѣ новгородцевъ въ 1032 г. къ Желѣзнымъ Воротамъ прiурочилъ къ своему мнѣнiю о географiи Югры, пояснивъ, что въ этомъ году новгородцы сражались съ Югрой. Кромѣ того, географическое указанiе лѣтописи терминомъ „Желѣзныя Ворота“ слишкомъ неопредѣленно и допускаетъ много предположенiй; напримѣръ, подъ Желѣзными Воротами также разумѣлись,—какъ утверждаетъ С. М. Соловьевъ и другiе,—Уральскiя горы. Такимъ образомъ, съ одной стороны, въ лѣтописныхъ извѣстiяхъ о Югрѣ до XIV вѣка мы не имѣемъ ясныхъ указанiй на положенiе Югорской земли на западъ отъ Урала и вообще какихъ либо опредѣленныхъ извѣстiй о географiи этой страны; за то, съ другой стороны, цѣлый рядъ извѣстiй о Югорской землѣ (со второй половины XIV в. до самаго начала XVIII в.) положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Югорская земля находилась за Ураломъ, по нижнему теченiю Оби. Поэтому, допуская, что, можетъ быть, Югорская земля до половины XIV в. полагалась русскими людьми отчасти на западѣ отъ Урала, мы въ то же время рѣшаемся утверждать, на основанiи многихъ извѣстiй о Югрѣ съ половины XIV в. до начала XVIII в., что подъ Югрой и въ древнее время до XIV в. разумѣлась страна за Ураломъ, въ бассейнѣ Оби.

Географическiй и этнографическiй терминъ „Югра“ встрѣчается уже на первыхъ страницахъ древней русской лѣтописи. Такъ, наша первоначальная лѣтопись подъ 1096 годомъ передаетъ разсказъ новгородца Гюряты о томъ, какъ его „отрокъ“ путешествовалъ въ Югру. Изъ этого извѣстiя только узнаемъ, что въ прежнее время для того, чтобы проникнуть въ Югру, сначала нужно было пройдти страну, лежащую по р. Печорѣ. Но, такъ какъ границы Печорской земли точно неизвѣстны, то поэтому изъ означеннаго извѣстiя нельзя опредѣлить, гдѣ начинались предѣлы Югорской земли, т. е. находилась ли Югра по западнымъ склонамъ Уральскаго горнаго хребта, или по восточнымъ.

Древнее свѣдѣнiе объ Югрѣ, изъ котораго можно вывести болѣе или менѣе опредѣленное заключенiе о положенiи Югорской земли, относится къ 1364 году. Подъ этимъ годомъ въ IV-ой Новгородской лѣтописи находимъ такое указанiе: „6872 году съ Югры новгородци прiѣхаша, дѣти боярьскiи и молодыи люди,

и воеводы Александръ Абакуновичь, Степанъ Ляпа, воевавше по Обѣ рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воевашаˮ [1]). Новгородская вольница („ушкуйникиˮ), съ воеводами Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпой, предпринимала походъ въ Югру. Тѣ мѣста, куда ходила эта вольница, слыли подъ именемъ Югры, земли Югорской. Изъ приведеннаго извѣстія можно заключить, что подъ Югрою разумѣлась вообще страна по рѣкѣ Оби и ея притокамъ; но какъ далеко простиралась Югорская земля на западъ и востокъ отъ р. Оби и вверхъ и внизъ по теченію этой рѣки, этого не видно.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ лѣтописнымъ даннымъ объ Югрѣ, мы находимъ въ одномъ лѣтописцѣ подъ 6991 (1483) годомъ извѣстіе о походѣ московской рати въ Югру и въ немъ такія данныя: „Въ лѣто 6991 князь великій... посла рать... въ Югру на Обь великую рѣку... Воеводы великаго князя... пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю..., а отъ Сибири шли по Ирьтишу рѣцѣ внизъ... да на Обь рѣку великую въ Югорскую землюˮ... [2]). Итакъ въ концѣ XV столѣтія русскіе различали въ мѣстахъ по р. Оби и ея притокамъ Югорскую землю и Сибирскую. Земля Сибирская заключала въ своихъ предѣлахъ область при впаденіи Тобола въ Иртышъ, такъ что Тоболъ и нижнее теченіе Иртыша съ прилегающими къ этимъ рѣкамъ мѣстами составляли южный предѣлъ земли Югорской. Но какъ далеко простиралась эта послѣдняя отъ устья Иртыша вверхъ или внизъ по р. Оби, вышеприведенное извѣстіе лѣтописца намъ ничего не поясняетъ.

Въ источникахъ, относящихся къ позднѣйшему времени, находятся болѣе точныя географическія свѣдѣнія о землѣ Югорской и о странахъ съ нею сопредѣльныхъ. Такъ, Герберштейнъ, заимствуя нѣкоторыя географическія извѣстія изъ одного русскаго дорожника, между прочимъ, въ своихъ запискахъ о Московіи говоритъ, что по р. Оби, кромѣ нѣкоторыхъ иныхъ народовъ, живутъ также югричи [3]). Слѣдовательно, по Герберштейну, земля Югорская простиралась вообще по Оби. Если слѣдовать Герберштейну, то выходитъ, что страна Югра заключала въ своихъ предѣлахъ древнюю область Тюмень, такъ какъ, по словамъ этого писателя, въ началѣ XVI столѣтія Тюменью и Еромомъ (по объясненію Лерберга, городомъ, находившимся на мѣстѣ Верхотурья) управляли князья югорскіе [4]). Однако, замѣтимъ, что въ другихъ источникахъ нѣтъ свидѣтельствъ о принадлежности древней Тюмени къ Югрѣ.

Въ описаніи Большаго Чертежа находимъ единственное точное указаніе относительно географическаго положенія Югорской земли.

[1]) П. С. Р. Л., томъ IV-й, Новгородская IV-ая лѣтопись, извѣстіе подъ 6872 годомъ.

[2]) Архангелогородскій лѣтописецъ. Москва, 1819, стр. 189.

[3]) Записки о Московіи Герберштейна, переводъ Анонимова. Спб., 1866 г., стр. 124.

[4]) Ibid, стр. 125.

Этотъ памятникъ относится по времени своего составленія, по крайней мѣрѣ, ко второй половинѣ XVI столѣтія [1]). Въ описаніи Большаго Чертежа говорится: „Отъ устья рѣки Оби вверхъ Обдорскіе грады, а выше Обдорскихъ градовъ Югорскіе, а выше Югорскихъ градовъ Сибирскіе“ [2]), т. е. на сѣверѣ Югорская земля граничила съ областью Обдорскою, а на югѣ соприкасалась съ землей Сибирской. Затѣмъ, то же описаніе Большаго Чертежа еще точнѣе опредѣляетъ границы Югры. „Города по Сыгвѣ и по Сосвѣ — Югра“ [3]). Однако, это свидѣтельство не можетъ служить для окончательнаго рѣшенія вопроса о географическомъ положеніи Югорской земли, такъ какъ изъ вышеприведенныхъ лѣтописныхъ данныхъ мы уже видѣли, что область Югра простиралась вообще по рѣкѣ Оби, а не исключительно по лѣвому ея притоку Сосвѣ.

Въ одномъ документѣ, относящемся къ началу XVII вѣка, объ Югрѣ говорится какъ объ одной изъ сибирскихъ областей. А именно въ „Запискѣ о царскомъ дворѣ, церковномъ чиноначаліи, придворныхъ чинахъ, приказахъ, войскѣ, городахъ и проч.“ находятся такого рода свѣдѣнія: „Сибирская земля, а въ ней городовъ: Тюмень, Тоболской, Верхотурье, Пелымь, да на Оби четыре городы: за Обью въ Мангазѣи городъ, въ *Югрѣ*, въ Колмакахъ, въ Чатѣ“ [4]).

Въ позднѣйшемъ географическомъ памятникѣ, относящемся къ началу XVIII вѣка, а именно въ „Чертежной книгѣ Сибири“ Семена Ремезова заключаются нѣкоторыя данныя объ Югорской землѣ, отчасти согласныя съ показаніями описанія „Большаго Чертежа“. Въ „Книгѣ“ Ремезова, на „чертежѣ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель“ означены „жители“, или, проще сказать, народъ „Югриковы“, мѣсто которыхъ указывается на чертежѣ при впаденіи р. Сыгвы въ Сосву, на границѣ земель Вогульской и Остяцкой. Въ томъ же источникѣ встрѣчается имя Юрацкихъ (Югорскихъ) самоѣдовъ; ихъ земля полагается въ приморской странѣ, между устьями Оби и Енисея. „На чертежѣ земли Туруханскаго города“ та же „самоѣдь“ означена обитающей въ приморской полосѣ земли, между устьями Оби и Пура. Наконецъ, на томъ же чертежѣ „Юрацкая земля“, т. е. Югорская, полагается въ приморской странѣ между устьемъ Енисея и Тазовской губой, ближе къ послѣдней [5]).

[1]) Если основываться на исторіи Россіи Татищева, гдѣ сказано (томъ I-й, стр. 506), что «царь Іоаннъ IV Васильевичъ въ 1552 году велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государства сдѣлать», то можно, кажется, начало «Большаго Чертежа» отнести ко времени этого царя московскаго.

[2]) Книга, глаголемая «Большой Чертежъ», изданная Г. И. Спасскимъ. Москва, 1846, стр. 203.

[3]) Ibid., стр. 207.

[4]) Акты историческіе, т. II. Спб., 1841, стр. 425.

[5]) Чертежная книга Сибири, составленная тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 году. Спб., 1882.

Такимъ образомъ, всѣ географическія данныя о Югрѣ, заимствованныя нами изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, положительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что Югорская земля, отъ половины XIV в. до начала XVIII столѣтія, полагалась по нижнему теченію Оби и ея притокамъ. При этомъ одни источники (лѣтописи) говорятъ объ Югорской землѣ вообще по Оби, другіе (описаніе „Большаго Чертежа" и „Чертежная книга Сибири" Ремезова) отводятъ ей тѣсные предѣлы по притоку Оби, р. Сосвѣ, съ Сыгвой. Намъ болѣе правдоподобнымъ кажется, что Югра занимала обширную область вообще по нижнему теченію Оби, и это мы надѣемся подтвердить соображеніями о этнографическомъ составѣ Югорскаго народа.

Въ лѣтописахъ, какъ извѣстно, подъ Югрою разумѣется не только область, земля, но и народъ. Теперь попытаемся выяснить, что за народъ была югра? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы, принимая во вниманіе разселеніе Югорскаго народа, можемъ опредѣленнѣе судить и о географическомъ положеніи земли Югорской.

Въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ, при упоминаніи о народахъ, жившихъ по обоимъ склонамъ сѣвернаго Урала, нигдѣ не встрѣчается названія остяковъ, между тѣмъ какъ уже въ концѣ XI столѣтія наша первоначальная лѣтопись говоритъ о самоѣдахъ и югрѣ. Имя же вогуловъ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ годомъ смерти (1396) св. Стефана, перваго епископа пермскаго, а именно: при перечисленіи разноплеменныхъ народовъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Пермской землей, упоминаются, между прочимъ, и гогуличи, т. е. вогуличи, вогулы [1]). Но по западному и восточному склонамъ сѣвернаго Урала съиздавна обитаютъ самоѣды, вогулы и остяки. Если же остяки жили и живутъ вообще на тѣхъ мѣстахъ, которыя въ древнее время извѣстны были подъ названіемъ земли Югорской (по лѣтописямъ и другимъ источникамъ—югра), то едва ли можно сомнѣваться въ тожественности остяковъ и югорскаго народа, который въ древнее время назывался просто югра. Подтвержденіемъ такого мнѣнія служатъ также слѣдующіе факты. А именно, остяки Березовскаго округа, Тобольской губерніи, по свидѣтельству Абрамова, называли сами себя „югричами" въ одномъ прошеніи на имя царя Василія Шуйскаго [2]). Затѣмъ, названіе „югра" (jögra) сохранилось до сихъ поръ между зырянами: они называютъ jögrajass (jas въ ихъ языкѣ окончаніе множественнаго числа) своихъ сосѣдей, уральскихъ остяковъ [3]).

Замѣтимъ, что нѣкоторые ученые допускаютъ, что югрой въ древнее время назывались также вогулы. Однако, противъ такого мнѣнія говоритъ тотъ фактъ, что въ лѣтописяхъ и другихъ источ-

[1]) П. С. Р. Л., т. V-й, стр. 250.

[2]) «Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества», кн. XII-я, Спб., 1857, «Описаніе Березовскаго края (въ Тобольской губерніи)», Абрамова, стр. 329.

[3]) Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи, П. Савельева. Спб., 1847 г., стр. CV, примѣч. 191.

никахъ о вогулахъ и югрѣ всегда упоминается, какъ о двухъ отдѣльныхъ народахъ. Такъ, при перечисленіи разныхъ племенъ, обитавшихъ въ сосѣдствѣ съ Пермской землей, лѣтописцемъ отмѣчаются „вогулицы" и „югра" [1]. Въ лѣтописномъ извѣстіи о походѣ московскаго войска въ 1483 году въ Югорскую землю также проводится точное различіе между жителями земли Вогульской и Югорской [2]. Такимъ образомъ, населеніе древней Югорской земли составляли остяки, которые въ извѣстіяхъ лѣтописей называются югрой, и слѣдовательно русскіе, при первоначальномъ своемъ знакомствѣ съ сѣверо-западной Азіей, разумѣли подъ именемъ Югорской земли мѣста, населенныя остяками. Послѣдніе уже въ древнее время жили, вѣроятно, на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ находимъ ихъ въ настоящее время. Правда, по окраинамъ Югорской земли остяки впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій могли утратить свои племенныя особенности, могли слиться отчасти съ сосѣдними племенами (напр., съ самоѣдами, зырянами, вогулами и др.), но, во всякомъ случаѣ, ядро этого племени уцѣлѣло и осталось на своемъ стародавнемъ мѣстѣ. Нынѣ остяки живутъ преимущественно въ сѣверныхъ частяхъ губерній Тобольской и Томской. Въ первой губерніи они занимаютъ Березовскій край, затѣмъ небольшую часть Тобольскаго и Тарскаго округовъ той же губерніи. Въ предѣлахъ Томской губерніи остяки живутъ только въ Нарымскомъ краѣ [3]. Принимая во вниманіе крайніе предѣлы нынѣшняго разселенія остяковъ, видимъ, что они занимаютъ обширную область, границы которой на сѣверѣ доходятъ до береговъ Ледовитаго океана, на югѣ обозначаются приблизительно линіей, проведенной отъ устья р. Васъ-Югана, лѣваго притока р. Оби, черезъ р. Иртышъ, при впаденіи въ эту рѣку р. Туртаса, къ верховьямъ р. Конды, вплоть до восточныхъ склоновъ Уральскихъ горъ. На западѣ, область, занимаемая остяками, ограничивается сѣвернымъ Ураломъ, а на востокѣ за предѣлы распространенія остяцкаго племени можно принять рѣку Надымъ и верхнее теченіе р. Оби. Безъ сомнѣнія, границы области, нынѣ занимаемой остяками, не могутъ вполнѣ считаться границами древней Югорской земли, но, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ Лербергъ, включать мѣста по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой въ предѣлы древней Югорской земли. Въ этихъ мѣстахъ теперь нѣтъ остяковъ, и также не встрѣчается историческихъ свидѣтельствъ о пребываніи ихъ въ этихъ краяхъ. По рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой жили въ древнее время татары и вогулы, родственные остякамъ. Зато по нижнему теченію р. Оби и по берегамъ ея притоковъ существовали многочисленныя остяцкія селенія, или, какъ они называются въ древнихъ извѣстіяхъ, городки.

[1]) Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европ. Россіи, П. Кеппена, стр. 65, или «Путешествіе» академика Ивана Лепехина, ч. IV-я, Спб., 1805, стр. 399.
[2]) Архангелогородскій лѣтописецъ, Москва, 1819, стр. 189.
[3]) Географическій словарь Россійской имперіи, Семенова, т. II, стр. 734.

Есть, правда, нѣкоторыя указанія, свидѣтельствующія о древнѣйшемъ обитаніи остяковъ по западнымъ склонамъ Уральскихъ горъ, въ Пермской землѣ. Такъ нѣсколько рѣчекъ на сѣверномъ Уралѣ до сихъ поръ называются древнимъ именемъ остяковъ „югрой" [1]). Затѣмъ, изъ свѣдѣній о миссіонерской дѣятельности св. Трифона Вятскаго (во второй половинѣ XVI вѣка), между прочимъ, извѣстно, что онъ обращалъ въ христіанство остяковъ, жившихъ въ мѣстахъ около нынѣшняго города Перми. Эти остяки въ то время управлялись княземъ Амбаломъ [2]). Однако, кромѣ этихъ скудныхъ указаній, не находимъ иныхъ свидѣтельствъ о пребываніи остяковъ по западнымъ склонамъ Урала, такъ что, по всей вѣроятности, они жили тутъ въ незначительномъ числѣ и постепенно исчезли, слившись съ пермяками и родственными имъ вогулами.

Теперь скажемъ о количествѣ населенія древней Югорской земли и о формахъ его политическаго быта. Та или другая степень населенности земли Югорской и тотъ или другой общественный бытъ этого населенія имѣли важное значеніе для новгородцевъ въ ихъ сношеніяхъ съ Югрой, — тѣмъ болѣе, что они, съ древнѣйшихъ временъ, стремились къ господству надъ обитателями сѣверо-западной Азіи.

Сами остяки говорятъ, что въ древности они назывались, по ихъ нарѣчію, арьяхи, т. е. многочисленнымъ народомъ: арь—много и хо—человѣкъ [3]). Что дѣйствительно въ прежнее время они были довольно большимъ народомъ, это также подтверждается извѣстіями о существованіи значительнаго количества такъ называемыхъ городковъ въ ихъ землѣ. Основываясь на описаніи „Большаго Чертежа" и на указаніяхъ другихъ источниковъ, мы можемъ сказать, что такихъ остяцкихъ городковъ, расположенныхъ по нижнему теченію рѣки Оби и по берегамъ ея притоковъ, въ древней Югорской землѣ было болѣе пятидесяти [4]). Значительность населенія Югорской земли также отчасти подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что военные отряды русскихъ, проникавшіе въ Югру для завоеваній, доходили числомъ, какъ, напримѣръ, это было въ 1499 году, до 5.000 человѣкъ [5]). Нужно согласиться, что пятитысячный отрядъ войска того времени имѣлъ въ виду не малочисленнаго противника. И въ настоящее время остяцкое племя, обитающее въ рѣчной области, образуемой Обью и Иртышемъ, не

[1]) Карта сѣвернаго Урала, изданная Императорскимъ русскимъ географическимъ Обществомъ, и карта сѣвернаго Урала, составленная Регули; по ссылкѣ фонъ-Бушена, автора изслѣдованія о древней Югрѣ, въ «Вѣстникѣ» Импер. русск. геогр. Общества, 1855, ч. XIV, стр. 173.

[2]) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1868, іюль. «Просвѣтители лопарей Ѳеодоритъ и Трифонъ», статья П. Д. Шестакова, стр. 292.

[3]) «Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества», кн. XII, Спб., 1857; «Описаніе Березовскаго края», Абрамова, стр. 329.

[4]) Ibid, стр. 388 и слѣд.

[5]) «Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества», 1852, кн. VI, статья Бѣляева: «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи».

безъ причины является также многочисленнѣйшимъ изъ всѣхъ туземныхъ племенъ сѣверной Сибири [1]).

Въ общественномъ быту древніе остяки (югра, югричи) представляли раздѣльность на роды подъ управленіемъ старшинъ—родоначальниковъ; затѣмъ нѣсколько родовъ соединялось подъ властію одного общаго начальника, который пользовался значеніемъ князя. Однако, крѣпкой связи между этими союзами у нихъ не было. По крайней мѣрѣ, пришельцамъ какого нибудь инаго племени не предстояло большаго труда подчинить ихъ своей власти [2]). По словамъ ученаго путешественника Кастрена, преданія ясно говорятъ, что дикіе народы сѣверо-западной Азіи были уже по-своему опытны въ кровавыхъ дѣлахъ войны еще задолго до времени, когда пришли къ нимъ русскіе завоеватели и принудили ихъ бороться pro aris et focis. Войны велись остяками (югричами, югрой) и вогулами то между собой, то съ сосѣдними самоѣдами и татарами. Но, помимо этой борьбы разныхъ народовъ, кровь часто лилась также вслѣдствіе междоусобій различныхъ родовъ одного и того же племени [3]). Непріязненныя отношенія между племенами служили, вѣроятно, главнымъ мотивомъ, заставлявшимъ остяковъ соединяться въ бо̀льшія группы и избирать себѣ князей для установленія порядка въ общественномъ быту. Въ извѣстіяхъ о древнѣйшихъ сношеніяхъ русскихъ съ остяками (югрой) довольно часто упоминаются югорскіе князья. И въ одномъ случаѣ есть даже любопытное упоминаніе о „большомъ князѣ югорскомъ Молданѣ" [4]). Изъ послѣдняго факта не безъ основанія можно заключать, что въ Югорской землѣ отдѣльныя незначительныя группы, имѣвшія своими правителями младшихъ князей, сплачивались въ одну бо̀льшую группу и признавали одного общаго главу, какъ бы князя князей. И вотъ такимъ старшимъ княземъ, между прочимъ, былъ Молданъ.

Другимъ этнографическимъ элементомъ, съ которымъ новгородцы въ древнее время имѣли столкновенія на сѣверо-западѣ Азіи, были самоѣды. Самоѣды прежде всѣхъ другихъ обитателей сѣверо-западной Азіи сдѣлались извѣстны русскимъ.

Въ концѣ XI столѣтія русскіе знали самоѣдовъ, жившихъ на сѣверѣ отъ земли Югорской, около Обской губы. По словамъ уже упоминавшагося нами новгородца Гюряты, разсказъ котораго о путешествіи его „отрока" въ Югорскую землю находится въ первоначальной лѣтописи, самоѣды, сдѣлавшіеся извѣстными русскимъ, уже

[1]) По оффиціальнымъ отчетамъ, число остяковъ теперь простирается до 25,000 душъ об. п., вогуловъ — до 6,500 и самоѣдовъ до 22,000 душъ. См. «Географическій словарь Россійской имперіи», сост. Семеновымъ, т. I-й, стр. 498, т. II, стр. 734, т. IV, стр. 420.

[2]) Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, Н. Ѳирсова, Казань, 1866, стр. 38.

[3]) Собраніе старыхъ и новыхъ путешествій, ч. II. Путешествіе Александра Кастрена по Лапландіи, сѣверной Россіи и Сибири, М., 1860, стр. 252.

[4]) Архангелорогодскій лѣтописецъ, Москва, 1819, стр. 191.

въ концѣ XI столѣтія, жили въ мѣстахъ на сѣверѣ отъ Югорской области [1]). Но, такъ какъ сѣверные предѣлы Югры простирались по нижнему теченію рѣки Оби, то поэтому область самоѣдовъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ Гюряты, находилась при Обской губѣ.

Древнѣйшихъ извѣстій о томъ, каковъ былъ общественно-политическій бытъ самоѣдовъ, не сохранилось. Поэтому въ данномъ случаѣ приходится пользоваться указаніями позднѣйшихъ свидѣтельствъ. Изъ послѣднихъ узнаемъ, что общественный бытъ самоѣдовъ основывается на родовыхъ порядкахъ. Они раздѣляются на роды, во главѣ которыхъ стоятъ старшины-родоначальники. Однако, нужно замѣтить, что, по наблюденію одного ученаго путешественника, у нихъ встрѣчаются роды изъ нѣсколькихъ сотенъ и даже тысячъ душъ, причемъ многіе не помнятъ своего родственнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе, всѣ считаются родственниками и не вступаютъ между собою въ родственные союзы. Нѣсколько родовъ, живущихъ другъ подлѣ друга, изстари признаютъ общаго главу, князя. Послѣднему подчинены всѣ старшины родовъ. Достоинство князя и родоваго старшины переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыну. За неимѣніемъ прямаго наслѣдника—сына, въ преемники князю или старшинѣ избирается ближайшій родственникъ. Ни князю, ни другимъ начальникамъ не назначается опредѣленнаго содержанія: они содержатся добровольными приношеніями своихъ подданныхъ [2]).

Очень вѣроятно, что этотъ общественный бытъ самоѣдовъ, наблюдаемый въ позднѣйшее время, былъ такимъ же задолго до подчиненія ихъ русскимъ.

Объ исторической жизни самоѣдовъ, обитавшихъ въ древнее время при Обской губѣ, сохранилось очень мало извѣстій. Въ сношеніяхъ новгородцевъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи они играли самую незначительную роль. Новгородцы главнымъ образомъ имѣли дѣло съ остяками (югричами, югрой). Мы однако, приведемъ тѣ немногія извѣстія, въ которыхъ встрѣчаются коекакія упоминанія о самоѣдахъ, обитавшихъ въ древнее время на крайнемъ сѣверо-западѣ Азіи. И вотъ что мы узнаемъ объ исторической жизни самоѣдовъ.

Въ двухъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, относящихся одно къ концу XI-го и другое къ началу XII-го столѣтій, о самоѣдахъ говорится какъ о народѣ, съ которымъ купцы новгородскіе имѣли торговыя сношенія [3]).

Немногія свѣдѣнія о жизни самоѣдовъ въ XIII-мъ столѣтіи сообщаетъ одинъ изъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ. Именно

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе археограф. коммиссіи, 1872 г., стр. 227, извѣстіе подъ 6604 г.

[2]) Этнографическій сборникъ, 1858, кн. IV, изд. Импер. русск. геогр. Общ., стр. 304—305. Этнограф. замѣч. и наблюденія Кастрена.

[3]) Лѣтопись по Ипатскому списку. Изданіе археогр. коммиссіи, Спб., 1871, изв. подъ 6622 г. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе археогр. ком., 1872, стр. 226--227, изв. подъ 6604 г.

Плано-Карпини, путешествовавшій къ татарамъ въ 1245 году, въ описаніи своего путешествія говоритъ о народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ земли Русской. При этомъ онъ, между прочимъ, называетъ самоѣдовъ, которые у него являются народомъ, живущимъ на крайнемъ сѣверѣ, хотя онъ и прибавляетъ, что еще за ними живутъ на пустынныхъ берегахъ океана тѣ, у которыхъ, какъ говорятъ, лице собачье [1]). Отъ Плано-Карпини также узнаемъ, что самоѣды въ первой половинѣ XIII столѣтія подвергались нападеніямъ со стороны татаръ. Однако, свѣдѣнія, сообщаемыя Плано-Карпини о народахъ крайняго сѣвера, недостаточно ясны. Рядомъ съ такими вѣроятными извѣстіями, какъ то, что самоѣды XIII-го вѣка жили только звѣроловствомъ, а шатры свои и одежду дѣлали изъ звѣриныхъ кожъ [2]), у него даются слишкомъ общія указанія на мѣста жительства разныхъ сѣверныхъ народовъ, въ томъ числѣ и самоѣдовъ, и въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ объ этихъ народахъ преобладаетъ элементъ баснословности.

За XIV вѣкъ мы не находимъ никакихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ извѣстій о самоѣдахъ. Только въ житіи св. Стефана, просвѣтителя Перми, относящемся по времени написанія къ послѣднимъ годамъ XIV-го столѣтія, при перечисленіи разныхъ народовъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Пермской землей, упоминаются и самоѣды [3]).

Наконецъ, есть извѣстіе конца XV-го столѣтія, сообщающее неважныя подробности о самоѣдахъ. Въ 1499 году, во время похода русскихъ въ Югорскую землю, при великомъ князѣ московскомъ Іоаннѣ III Васильевичѣ войска русскія при переходѣ черезъ Уральскія горы встрѣтили самоѣдовъ, убили изъ нихъ 50 человѣкъ и захватили 200 штукъ оленей, принадлежавшихъ самоѣдамъ. „Извоевавъ“ землю Югорскую, воеводы обязали вогуловъ, остяковъ (югричей) и также, вѣроятно, самоѣдовъ клятвой вѣрности великому князю московскому.

Принимая во вниманіе скудость извѣстій о самоѣдахъ крайняго сѣверо-запада Азіи, можно полагать, что самоѣды, жившіе на востокъ отъ сѣвернаго Урала при Обской губѣ, извѣстны были русскимъ въ древнее время, также какъ и остяки, болѣе подъ именемъ югричей, югры. По крайней мѣрѣ, въ разныхъ источникахъ извѣстія о нихъ, какъ объ отдѣльномъ народѣ, попадаются очень рѣдко и въ крайне неопредѣленной формѣ. Между тѣмъ, о самоѣдахъ, занимавшихъ мѣста на западъ отъ Уральскаго хребта, въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи, есть извѣстія въ историческихъ актахъ, хотя довольно поздняго времени (XVI в.). Такъ, въ 1545 году отъ царя Іоанна ка-

[1]) Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣт. I. Плано-Карпини. Спб., 1825, кн. I-ая, гл. V, стр. 25.

[2]) Ibid., кн. II, гл. V, стр. 157.

[3]) Памятники старинной русской литературы, изд. графа Кушелева-Безбородко, вып. IV, Спб., 1862, повѣсть о Стефанѣ, стр. 123.

нинскимъ и тіунскимъ самоѣдамъ была дана грамота на звѣриные промыслы и рыбныя ловли [1]). Затѣмъ югорскіе самоѣды, жившіе при Югорскомъ проливѣ, и самоѣды другихъ земель съ 240 луковъ платили государю московскому въ 1574 году ясакъ соболями по соболю съ человѣка [2]).

II.

Военныя попытки новгородцевъ проникнуть въ Югорскую землю и завоевать ее (1032—1193).—Югорская земля—волость Великаго Новгорода.—Дальнѣйшіе походы новгородцевъ въ Югорскую землю (1323—1446).—Югра платитъ дань новгородцамъ. — Стремленіе новгородцевъ водворить свою гражданственность въ Югорской землѣ.—Значеніе Югорской земли, какъ волости Великаго Новгорода; непрочность власти новгородцевъ въ Югорской землѣ и причины этого явленія.

Предпріимчивые новгородцы довольно рано начали распространять свое владычество надъ финскими племенами, занимавшими весь сѣверъ древней Россіи. Часть этихъ племенъ совершенно покорилась оружію новгородскому, даже въ древнее время отчасти обратилась въ христіанство и вошла въ составъ подданныхъ Великаго Новгорода. Но нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, напримѣръ, югричи, обитавшіе главнымъ образомъ въ предѣлахъ сѣверо-западной Азіи, только номинально признавали верховную власть Великаго Новгорода. Хотя уже въ XII столѣтіи это племя платило дань Великому Новгороду, но изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что новгородцамъ приходилось собирать эту дань вооруженной рукой. Самая отдаленность югричей отъ Великаго Новгорода поддерживала въ нихъ духъ независимости, такъ что новгородцы принуждены были предпринимать цѣлый рядъ походовъ въ землю этого народа, чтобы сколько нибудь упрочить свое господство надъ нимъ. Прочное, гражданское господство Великаго Новгорода въ сѣверо-западной Азіи въ то отдаленное время не могло установиться.

Мы сдѣлаемъ краткій обзоръ новгородскихъ походовъ въ землю Югорскую, а затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о результатахъ этихъ походовъ и вообще о характерѣ власти Великаго Новгорода въ этихъ краяхъ.

Въ 1032 году новгородцы, подъ начальствомъ Улѣба, предприняли походъ къ Желѣзнымъ Воротамъ, т. е., по объясненію нѣкоторыхъ ученыхъ, къ западнымъ склонамъ Уральскихъ горъ [3]). Въ 1079 году новгородскій князь Глѣбъ Святославичъ погибъ за Волокомъ, по всей вѣроятности, также во время похода къ

[1]) Акты археограф. экспедиціи, т. I, № 204.

[2]) «Вѣстникъ Импер. русск. геогр. Общ.», 1855, ч. XIV, статья арх. Веніамина: «Мезенскіе самоѣды», стр. 108.

[3]) Лѣтопись по Никоновскому списку, изданная Импер. академіей наукъ, ч. I, Спб., 1767, извѣстіе подъ 1032 годомъ. — «Книга глаголемая большой чертежъ», изданная Г. И. Спасскимъ, М., 1846, стр. 270.

предѣламъ сѣвернаго Урала [1]). Эти первыя военныя предпріятія новгородцевъ на далекомъ сѣверѣ, направленныя къ западнымъ склонамъ Урала, очень важны въ томъ отношеніи, что новгородцы такимъ образомъ постепенно обезпечивали себѣ доступъ въ сѣверо-западную Азію для дальнѣйшихъ завоеваній въ этой странѣ и для сношеній съ ея обитателями. Когда именно и какимъ путемъ въ первый разъ новгородцы проникли въ сѣверо-западную Азію, какъ завоеватели, въ лѣтописяхъ нѣтъ указанія. Но во второй половинѣ XII столѣтія, какъ увидимъ ниже, новгородцы уже ходили за данью въ Югорскую землю.

Въ 1169 году Даньславъ Лазутиничъ съ дружиною отправился за Волокъ для сбора дани [2]). Въ 1187 году пермскіе, печорскіе и югорскіе сборщики дани были перебиты возмутившимися жителями Печорской области и Заволочья. При этомъ погибло около ста человѣкъ дружинниковъ, принадлежавшихъ къ богатому и вліятельному сословію новгородскихъ гражданъ [3]). Какъ видно изъ извѣстій новгородскихъ лѣтописей, это возстаніе населенія, подвластнаго Великому Новгороду, было въ разныхъ мѣстахъ въ одно время. Возстаніе, кажется, было вызвано не совсѣмъ умѣренными требованіями новгородскихъ сборщиковъ дани, такъ какъ едва ли въ то время существовалъ установленный размѣръ дани. Новгородцы, при непрочности своей власти въ далекихъ областяхъ крайняго сѣверо-востока Европы и сѣверо-запада Азіи, въ особенности въ Югорской землѣ, брали съ обитателей этихъ странъ столько дани, сколько могли только захватить вооруженной рукой, такъ что „сборъ дани" въ то время обозначалъ не то, что мы теперь разумѣемъ подъ этимъ выраженіемъ.

Въ 1193 году новгородцы, подъ начальствомъ воеводы Ядрея (Андрея), совершили походъ въ Югорскую землю. Этотъ походъ для новгородцевъ имѣлъ печальный исходъ: около ста человѣкъ изъ новгородскаго отряда погибло въ борьбѣ съ югрой. Остальные восемьдесятъ новгородцевъ успѣли спастись отъ преслѣдованій югры. Однако, имъ пришлось на возвратномъ пути перенести много лишеній отъ жестокой сѣверной зимы, отъ недостатка въ хлѣбѣ, отъ неудобства и путаницы въ дорогахъ и, вѣроятно, также отъ враждебнаго настроенія разныхъ племенъ на сѣверѣ, пользовавшихся случаемъ нанести вредъ этому небольшому отряду новгородцевъ. Въ Великомъ Новгородѣ всѣ были крайне озабочены судьбою отряда новгородцевъ, отправившихся въ Югорскую землю. Почти цѣлый годъ въ Великомъ Новгородѣ не получалось никакихъ извѣстій объ этомъ походѣ. „Печаловахуся, по выраженію лѣтописи, въ Новгородѣ князь (Ярославъ Владиміровичъ), и владыка, и весь Новгородъ." Остатокъ новгородскаго отряда возвращался изъ Югор-

[1]) П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 6587-мъ годомъ.

[2]) П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ годомъ 6677-мъ.

[3]) П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ годомъ 6695-мъ.

ской земли въ Великій Новгородъ впродолженіе болѣе чѣмъ 8 мѣсяцевъ (со дня всѣхъ святыхъ до госпожина дня) [1]. Наконецъ, въ половинѣ августа 1194 года жалкіе остатки новгородскаго отряда, ходившаго для завоеванія Югорской земли, прибыли въ Великій Новгородъ. Когда прибывшихъ стали спрашивать о причинѣ неудачи въ походѣ, они стали сваливать вину во всемъ одинъ на другаго. Когда же дѣло выяснилось, что походъ не удался вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ новгородцевъ своимъ товарищамъ, въ Великомъ Новгородѣ по этому случаю произошли волненія, причемъ, обвиняемые въ измѣнѣ убили, среди волненій, троихъ новгородскихъ гражданъ. Послѣдніе, по всей вѣроятности, особенно настаивали на обвиненіи въ измѣнѣ прибывшихъ изъ Югорской земли новгородцевъ. Нѣкоторые изъ заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ, повидимому, признали свою вину и принуждены были заплатить пеню кунами. Лѣтописецъ, въ концѣ разсказа объ этомъ неудачномъ походѣ въ Югорскую землю, говоритъ, что, „судя по разсказамъ, неудача въ походѣ произошла отъ измѣны, а, впрочемъ, одному Богу извѣстно, кто тутъ правъ, кто виноватъ“ [2].

Съ конца XII столѣтія до первой четверти XIV в. въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о походахъ новгородцевъ въ Югорскую землю. Это не значитъ, что новгородцы прервали всякія сношенія съ югрой. Вѣроятно, походы въ Югорскую землю съ цѣлью собиранія дани попрежнему продолжались и вообще оканчивались для новгородцевъ счастливо, такъ что лѣтописцы не считали нужнымъ заносить въ лѣтописи извѣстія объ этихъ походахъ, какъ о явленіяхъ обыкновенныхъ; въ лѣтописяхъ же мы встрѣчаемъ всего болѣе извѣстія только о такихъ походахъ въ Югорскую землю, которые сопровождались какимъ нибудь несчастіемъ, неудачей для новгородцевъ. Что походы въ Югорскую землю попрежнему продолжались и остались небезплодными, въ этомъ убѣждаетъ то важное обстоятельство, что во второй половинѣ XIII столѣтія Югорская земля считалась уже новгородскою волостью. Именно въ договорной грамотѣ Великаго Новгорода съ великимъ княземъ тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, при перечисленіи волостей новгородскихъ, упоминается, между прочимъ, Югра. Эта договорная грамота относится къ 1265 году [3]. Въ это время Югорская земля считалась новгородскою волостью, но когда именно новгородцы стали смотрѣть на Югорскую землю, какъ на волость, т. е. какъ на болѣе или менѣе опредѣленное свое владѣніе, объ этомъ нѣтъ положительныхъ извѣстій. Только знаемъ, что, кромѣ вышеупомянутой договорной грамоты, еще въ другихъ

[1] П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 1193-мъ годомъ. Въ Никонов. лѣт., ч. II, Спб., 1768 г., стр. 259, подъ 1193-мъ годомъ находится то же извѣстіе только съ небольшимъ различіемъ въ именахъ.

[2] П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 1194-мъ годомъ.

[3] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, М., 1813, ч. I, № 1.

такихъ же грамотахъ Великаго Новгорода, написанныхъ одна 1270 года, другая между 1305 и 1308 годами, третья между 1307 и 1308 годами, четвертая 1327 года [1]), пятая 1456 года и шестая 1471 года,—во всѣхъ этихъ грамотахъ Югра, т. е. Югорская земля, упоминается въ числѣ волостей новгородскихъ [2]).

О дальнѣйшихъ попыткахъ новгородцевъ, въ XIV столѣтіи, завоевать Югру—въ лѣтописяхъ сохранились немногія свѣдѣнія. Такъ въ 1323 году, устюжане перехватили на пути новгородцевъ, ходившихъ въ Югорскую землю, и ограбили ихъ [3]). Безъ сомнѣнія, тутъ дѣло идетъ о новгородскихъ сборщикахъ дани, которые возвращались изъ Югорской земли. Затѣмъ въ 1329 году устюжскими князьями были перебиты новгородцы, отправившіеся въ Югорскую землю для сбора дани [4]). Эта сильная вражда устюжанъ съ новгородцами интересна въ томъ отношеніи, что тутъ обнаруживается соперничество изъ-за пользованія выгодами господства въ Югорской землѣ, которая, судя по этому обстоятельству, была страной богатой.

Въ 1357 году въ Югорской землѣ погибъ вмѣстѣ со своей дружиной какой-то Самсонъ Колывановъ [5]). Этотъ Колывановъ былъ, какъ можно предполагать, однимъ съ тѣхъ отважныхъ людей, которые, набравъ толпу подобныхъ себѣ удальцевъ, проникали въ сѣверо-западную Азію, надѣясь обогатиться посредствомъ безпощадныхъ грабежей въ землѣ Югорской. Однимъ изъ такихъ предпріимчивыхъ людей это удавалось, для другихъ такое отважное предпріятіе обходилось цѣною жизни.

Въ 1364 году изъ Югорской земли въ Великій Новгородъ возвратились новгородскіе дѣти боярскіе и разные „молодые люди" съ воеводами Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпою. Ходили они въ Югорскую землю для завоеваній и для сбора дани. Эти новгородцы дѣйствовали въ Югорской землѣ двумя отрядами. Одинъ изъ отрядовъ воевалъ по нижнему теченію рѣки Оби вплоть до Ледовитаго океана, а другой ходилъ вверхъ по р. Оби. При обратномъ пути изъ Югорской земли новгородцы встрѣтили было препятствіе со стороны двинянъ, которые, подобно устюжанамъ, замышляли отнять у новгородцевъ богатства, награбленныя послѣдними въ землѣ Югорской; но новгородцы окончательно разбили двинянъ [6]). Походъ этотъ прошелъ для новгородцевъ вообще удачно. Изъ свѣдѣній же о другихъ походахъ въ Югорскую землю

[1]) Ibid., №№ 3, 6, 10 и 15.

[2]) Акты, собранные археографической экспедиціей. Спб., 1836, т. I, №№ 57 и 91.

[3]) П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 6831 годомъ.

[4]) П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 6837 годомъ.

[5]) П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская IV лѣтопись, извѣстіе подъ 6865 годомъ.

[6]) П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская IV лѣтопись, извѣстіе подъ 6872 годомъ.

мы знаемъ, что новгородцамъ довольно часто приходилось испытывать большой уронъ въ сраженіяхъ съ „югрой поганой".

Изъ времени XV столѣтія лѣтописи сообщаютъ намъ только объ одномъ походѣ новгородцевъ въ Югорскую землю. А именно: въ 1446 году Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ, воеводы новгородскіе, ходили для завоеваній въ Югорскую землю съ заволоцкою ратью, состоявшею изъ трехъ тысячъ человѣкъ [1].

Такъ какъ со второй половины XV-го столѣтія дѣятельная роль новгородцевъ въ походахъ въ Югорскую землю пала, и попытки проникнуть въ сѣверо-западную Азію принадлежатъ или жителямъ областей, входившихъ въ составъ Московскаго государства, или даже самому московскому правительству, то мы теперь должны прервать нашъ краткій обзоръ походовъ русскихъ въ Югорскую землю и сказать нѣсколько словъ о характерѣ отношеній Великаго Новгорода къ обитателямъ земли Югорской.

Прежде всего, изъ извѣстій о походахъ новгородцевъ въ Югорскую землю видно, что въ эту страну ходили отряды такъ называемыхъ „даньщиковъ" (сборщиковъ дани) собирать съ жителей земли Югорской дань. Собиралась эта дань въ видѣ серебра, разныхъ дорогихъ мѣховъ, въ особенности собольихъ, и въ видѣ другихъ цѣнныхъ предметовъ [2]. Размѣръ дани, если судить по извѣстіямъ лѣтописей, не былъ опредѣленъ. Новгородцы брали съ обитателей земли Югорской столько дани, сколько можно было взять при помощи всевозможнаго насилія, такъ что сборъ югорской дани былъ не чѣмъ инымъ, какъ разбоемъ и грабежемъ. Такой характеръ отношеній новгородцевъ къ югрѣ объясняется тѣмъ, что новгородцамъ не удавалось прочно водворить свое господство въ землѣ Югорской и обезпечить за собой хотя бы и небольшую, но постоянную дань съ жителей этой земли. Поэтому-то новгородцы спѣшили обогатить себя путемъ грабежа всего цѣннаго, что только можно было найдти у тамошнихъ туземцевъ. Что походы въ Югорскую землю доставляли новгородцамъ немалую выгоду, это видно уже изъ самаго факта существованія этихъ походовъ, которые, всетаки, предпринимались новгородцами, хотя участникамъ этихъ походовъ часто приходилось расплачиваться даже жизнью за свою отвагу.

Судя по извѣстію о походѣ воеводы Ядрея (Андрея) въ Югорскую землю въ 1193 году, можно заключить, что новгородцы не только стремились къ военному господству въ этой странѣ, но также старались, по возможности, развить свою гражданственность въ этомъ дикомъ краю. Это видно отчасти изъ стремленія новгородцевъ распространить между грубыми жителями Югорской земли христіанство. Такъ, въ извѣстіи о походѣ въ Югру въ 1193

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская IV лѣтопись, извѣстіе подъ 6954 годомъ.

[2]) П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 1193 годомъ.

году сообщается, что при отрядѣ новгородскаго воеводы Ядрея былъ священникъ Иванъ (Иванко) Легенъ [1]). Вѣроятно, священникъ состоялъ при отрядѣ не для отправленія только церковныхъ требъ, но и для распространенія христіанской вѣры между покоренными туземцами, такъ какъ при вступленіи въ югорскій городокъ воевода Ядрей прежде всего взялъ съ собою упомянутаго священника, можетъ быть, съ тою цѣлью, чтобы избрать и освятить мѣсто для построенія церкви въ этомъ городкѣ, какъ это, большею частію, дѣлалось русскими въ знакъ своего господства надъ завоеванною страною. Далѣе, стремленіе новгородцевъ водворить свою гражданственность въ Югорской землѣ, установить мирныя отношенія къ покореннымъ туземцамъ видно изъ извѣстія объ югорскомъ походѣ Василія Шенкурскаго и Михаила Яковлева въ 1446 году. Такъ, Василій Шенкурскій построилъ въ Югорской землѣ острогъ, т. е. небольшую крѣпость [2]), которая могла бы послужить основаніемъ для постояннаго поселенія, если бы жители Югорской земли не возстали единодушно и не прогнали новгородцевъ.

Теперь посмотримъ, какого же рода властью пользовались новгородцы въ землѣ Югорской, послѣ всѣхъ своихъ походовъ въ эту страну, другими словами, какое положеніе занимала земля Югорская въ ряду вообще владѣній новгородскихъ. Новгородцы, какъ выше было замѣчено, въ своихъ договорныхъ грамотахъ съ русскими князьями [3]) и даже съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV [4]), опредѣленно говорятъ объ Югорской землѣ, какъ о своей волости. „Волость" предполагаетъ болѣе или менѣе прочное владѣніе извѣстною землею, опредѣленное управленіе этою землею чрезъ правительственныхъ лицъ, какъ исполнителей приказаній государственной власти. Но извѣстія о новгородскихъ походахъ въ Югорскую землю убѣждаютъ совсѣмъ въ противоположномъ. Если новгородцы и говорятъ объ Югорской землѣ, какъ о своей волости, то совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они говорятъ въ тѣхъ же договорныхъ грамотахъ о другихъ своихъ волостяхъ, какъ, напримѣръ, о Перми, Печорѣ, Заволочьѣ и др. Считая Югорскую землю своею волостью, новгородцы подъ «волостью», очевидно, разумѣли только свое право похода въ эту землю для сбора такъ называемой дани. Это еще яснѣе будетъ, если посмотримъ на отношенія новгородцевъ къ другимъ ихъ волостямъ, какъ правителей и господъ. Общій характеръ отношеній Великаго Новгорода къ его волостямъ достаточно уясняется договорными грамотами Великаго Новгорода съ разными русскими князьями. Договариваясь съ какимъ нибудь княземъ, новгородцы

[1]) Ibid., подъ 1193 годомъ.

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская IV лѣтопись, извѣстіе подъ 6954 годомъ.

[3]) Собр. госуд. гр. и догов., т. I, М., 1813, №№ 1, 3, 6, 10 и 15. Акты, собранные археогр. экспед., т. I, Спб., 1836, №№ 57 и 91.

[4]) Акты, собр. археогр. экспед., т. I, № 87.

постоянно ставятъ ему на видъ условія, чтобы волости управлялись не княжескими людьми, а лицами, выбранными изъ среды новгородцевъ [1]). Изъ этого условія видно, что Великій Новгородъ посылалъ въ свои волости особыхъ управителей, которые въ договорныхъ грамотахъ называются „мужами". Поэтому нужно бы предполагать, что и Югорская земля, какъ волость новгородская, уже въ 1265 году (время написанія первой изъ дошедшихъ до насъ новгородскихъ договорныхъ грамотъ) управлялась какимъ нибудь „мужемъ". Но объ этомъ нѣтъ ни одного положительнаго извѣстія, и самая исторія новгородскихъ походовъ въ Югорскую землю съ древнѣйшихъ временъ до второй половины XV столѣтія приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ Югорской землѣ не было никакихъ „мужей", правителей отъ Великаго Новгорода. Не таковы были отношенія новгородцевъ къ другимъ ихъ волостямъ. Такъ Печорская сторона, находившаяся въ числѣ новгородскихъ волостей и самая близкая къ Югорской землѣ, дѣйствительно управлялась собственно для этой цѣли назначенными людьми. Великій князь Иванъ Даниловичъ, новгородскій посадникъ Данило и тысяцкій Абрамъ во второй четверти XIV столѣтія (между 1328 и 1340 годами) грамотою на Двину передавали Печорскую сторону въ вѣдѣніе какого-то Михаила [2]). Затѣмъ, во второй половинѣ XIV столѣтія (между 1363 и 1389 годами) великій князь Димитрій Іоанновичъ пожаловалъ Печорою Андрея Фрязина, давъ ему по этому случаю особую грамоту. Изъ этой же грамоты узнаемъ, что Печорская сторона раньше состояла подъ управленіемъ Матвѣя Фрязина, дяди Андрея [3]). Въ Перми, какъ волости Великаго Новгорода, встрѣчаемъ также новгородскихъ „володѣтелей", управлявшихъ Пермью. Въ числѣ этихъ „володѣтелей" упоминается Ярецъ, Ѳедоръ Борисовичъ Брюхо, Юрій Захаровичъ и Иванъ Гавриловъ [4]). Такимъ образомъ, въ Печорской землѣ и Перми, какъ волостяхъ Великаго Новгорода, находились „мужи" или „володѣтели", управлявшіе этими землями отъ имени Великаго Новгорода, но нѣтъ ни одного положительнаго извѣстія, которое говорило бы о такихъ новгородскихъ управителяхъ въ Югорской землѣ.

Причина непрочности власти Великаго Новгорода въ Югорской землѣ заключалась, безъ сомнѣнія, во-первыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что эта земля находилась очень далеко отъ центральной власти и вслѣдствіе своей отдаленности представляла невыгодныя для новгородцевъ условія для частыхъ сношеній съ нею, посредствомъ которыхъ власть Великаго Новгорода только и могла тамъ упрочиться. Кромѣ того, новгородцы, по совершенно справедливому замѣчанію Барсова, „были стѣснены въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ постояннымъ противодѣйствіемъ со

[1]) Собр. гос. гр. и догов., т. I, № 1.
[2]) Акты археографической экспедиціи, т. I. Спб., 1836 г., № 2.
[3]) Ibid., № 6.
[4]) Пермская лѣтопись. Составилъ Шишонко. Пермь, 1881, стр. 27, подъ 1471 годомъ.

стороны поволжскихъ князей, которые очень рано овладѣли важнымъ пунктомъ на водномъ заволоцкомъ пути, Устюгомъ, и перерывали сношенія ихъ съ Югорской землей. Новгородъ отправлялъ въ Югру своихъ даньщиковъ, подкрѣпляя ихъ значительными военными силами какъ для отпора обычнымъ нападеніямъ устюжскихъ князей и двинянъ, такъ и для борьбы съ югорцами, отъ которыхъ они должны были постоянно ожидать сопротивленія. При такихъ условіяхъ Новгородъ, конечно, не могъ, хотя и называлъ Югру своею волостью, завести въ ней славянскія поселенія, ни дать ей своего управленія. Югра управлялась своими князьями, вела съ даньщиками упорную борьбу, изъ которой новгородцы выходили не всегда съ успѣхомъ" [1]). Такимъ образомъ теперь ясно, что за властью пользовались новгородцы въ землѣ Югорской, примыкавшей къ отдаленнымъ окраинамъ ихъ дѣйствительныхъ владѣній. Новгородцы, называя землю Югорскую своею волостью, указывали этимъ только на свое право (если вообще возможно такое право) предпринимать туда походы для сбора дани, размѣръ которой зависѣлъ отъ безграничнаго произвола „даньщиковъ" [2]).

А. Оксеновъ.

[1]) Барсовъ, «Очеркъ древн. русск. ист. геогр.», стр. 55 и 56.

[2]) Эта статья представляетъ извлеченіе изъ кандидатской диссертаціи автора, заключающей въ себѣ еще слѣдующія главы: 1) походы русскихъ въ Югорскую землю и на вогуловъ въ періодъ московскій; 2) Сибирская земля: князья и ханы сибирскихъ татаръ; этнографическій составъ и политическій строй позднѣйшаго Сибирскаго ханства; 3) посольскія сношенія московскаго правительства съ князьями и ханами Сибирской земли; 4) торговыя сношенія русскихъ людей съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака; 5) старые пути изъ предѣловъ Московскаго государства въ сѣверо-западную Азію; 6) характеръ свѣдѣній о сѣверо-западной Азіи, имѣвшихся на Руси съ древнѣйшихъ временъ до эпохи Ермака; 7) извѣстія западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ о сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака.

СВѢДѢНІЯ О НЕИЗДАННЫХЪ СИБИРСКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

(Съ библіографическимъ указателемъ напечатанныхъ сибирскихъ лѣтописей и нѣкоторыхъ иныхъ источниковъ).

Печатая для занимающихся исторической литературой о Сибири перечень неизданныхъ сибирскихъ лѣтописей, съ приведеніемъ указаній притомъ и лѣтописей, уже напечатанныхъ, мы полагаемъ, что такія свѣдѣнія могутъ служить подспорьемъ для будущихъ работниковъ по изслѣдованію исторіи Сибири.

Нѣсколько лѣтописей, еще не напечатанныхъ, хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Вотъ краткія свѣдѣнія о нихъ. 1) Сибирская лѣтопись безъ заглавія, состоящая изъ 35 главъ. Лѣтопись эта начинается разсказомъ о походѣ Ермака въ Сибирь, съ 1577 года [1]. 2) Лѣтопись губернскаго города Иркутска, съ 1652 по 1781 годъ [2]. 3) Исторія Сибири, состоящая изъ 35 главъ и доведенная до года смерти царя Кучума [3]. 4) Въ сборникѣ скорописи половины XVII вѣка находится „повѣсть сказаема о пришествіи и ратобойствѣ русскихъ воинъ по реклу атамана Ермака Тимоѳеева сына, како побиша царя Кучума и Сибирь взяша“ [4]. 5) „Исторія о Сибирской землѣ и о царствіи къ нему принадлежащихъ странъ и о взятіи ея атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевымъ сыномъ Повольскимъ и съ его дружиною, съ донскими казаками, собранными полкомъ въ лѣто 7089“ (1581). Исторія эта состоитъ изъ 34 главъ и доведена до 1619 года [5].

[1]) Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, сост. М. П. Пуцилло, М., 1879 г., стр. 2.

[2]) Ibid., стр. 32.

[3]) Ibid., стр. 97.

[4]) Ibid., стр. 97.

[5]) Ibid., стр. 98.

6) Скоропись половины XVIII вѣка „о взятіи царства Сибирскаго съ 7092 года (1584) и до днесь“ [1]).

Затѣмъ въ Московскомъ Румянцовскомъ музеумѣ въ числѣ памятниковъ, описанныхъ Востоковымъ, значится описаніе Сибири, составленное послѣ 1683 года. Начинается оно разсказомъ о взятіи Сибири Ермакомъ и носитъ заглавіе: „Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирскаго царства“ и проч. Покореніе Сибири, по словамъ Востокова, описано тутъ коротко и несогласно съ лѣтописями Строгоновскою и Саввы Есипова. Разсказъ о походѣ Ермака отчасти согласенъ съ извѣстіями лѣтописи Ремезова, отчасти является оригинальнымъ. За извѣстіемъ о смерти Ермака, который, по словамъ этого описанія, утонулъ въ р. Иртышѣ, непосредственно слѣдуетъ географическое описаніе Сибири, или, лучше сказать, дорожникъ, показывающій разстоянія отъ одного мѣста до другаго [2]).

Словцовъ и Спасскій, занимавшіеся исторіей Сибири, говорятъ о нѣсколькихъ сибирскихъ лѣтописяхъ, о которыхъ, однако, теперь нѣтъ точныхъ извѣстій. Такъ Словцовъ въ своемъ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ (Москва, 1838 г., ч. I, стр. XII) ссылается въ числѣ источниковъ на рукописную Иркутскую лѣтопись, доставленную ему г. Щукинымъ. Начинается эта лѣтопись, по словамъ Словцова, „собственно съ 1695 года“ и продолжается до начала XIX столѣтія. По отзыву автора „Историческаго обозрѣнія Сибири“, это—краткая записка XVIII вѣка, сообщающая мало извѣстій. „Иркутская лѣтопись,—говоритъ онъ,—походитъ на станціонную записку о пріѣздѣ и выѣздѣ чиновниковъ, да о приходѣ и отходѣ казенныхъ каравановъ. Хронологія этой лѣтописи небезукоризненна.“ Было бы въ высшей степени интересно знать, гдѣ теперь находится эта рукопись. Словцовъ также упоминаетъ о какой-то Енисейской лѣтописи [3]). Изъ этой лѣтописи кѣмъ-то въ 1785 году была сдѣлана выписка, содержаніе которой было извѣстно Словцову. Судя по выпискѣ [4]), Енисейская лѣтопись главнымъ образомъ заключаетъ въ себѣ извѣстія о городѣ Енисейскѣ—объ основаніи этого города въ 1618 году, причемъ первоначальными жителями, по свидѣтельству лѣтописи, были устюжане и зыряне, о воеводахъ, бывшихъ въ этомъ городѣ, о пожарахъ и проч. Словцовъ высказываетъ мнѣніе, что если

[1]) Ibid., стр. 104.

[2]) Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума, составленное Александромъ Востоковымъ. Спб., 1842 г., № 294. Изъ описанія Сибири 1683 года Ю. В. Арсеньевымъ сдѣланы небольшія выписки, напечатанныя имъ въ примѣчаніяхъ къ «Описанію путешествія Спаѳарія» (Спб., 1882): 1) объ инородцахъ, живущихъ по рѣкамъ Западной Сибири; 2) о соляномъ промыслѣ на Ямышевомъ озерѣ и о тамошней ярмаркѣ; 3) о плодородіи мѣстъ по рѣкамъ Біи и Катуни и 4) описаніе духовныхъ церемоній и обрядовъ монгольскихъ буддистовъ (стр. 180, 182, 185 и 194 Опис. путеш. Спаѳарія.

[3]) Историческое обозрѣніе Сибири, соч. Словцова, ч. I, стр. XII и ч. II, стр. 473.

[4]) По словамъ Словцова (Историческое обозрѣніе Сибири, т. II, стр. 473), выписка изъ этой лѣтописи была сдѣлана для одного ученаго Общества, въ 1785 году.

лицо, дѣлавшее выписки изъ Енисейской лѣтописи, не пропустило другихъ болѣе любопытныхъ историческихъ извѣстій и преданій, то не для чего много горевать объ утратѣ Енисейской лѣтописи. Но не будемъ въ этомъ соглашаться съ авторомъ „Историческаго обозрѣнія Сибири", а будемъ надѣяться, что какой нибудь житель Сибири или другой кто скажетъ намъ, гдѣ находится теперь эта лѣтопись, и сообщитъ содержаніе ея съ большею подробностію.

Спасскій, напечатавшій въ нѣкоторыхъ ученыхъ журналахъ „Списокъ съ чертежа Сибирской земли" и „Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ", говоритъ, что эти географическіе памятники были извлечены имъ изъ одного рукописнаго сборника второй половины XVII вѣка. Въ этомъ сборникѣ, по словамъ Спасскаго, есть еще другіе источники, довольно важные для исторіи Сибири. Въ числѣ такихъ источниковъ онъ указываетъ на выписку изъ степенной книги о Сибирской странѣ и о первоначальномъ ея покореніи Ермакомъ, затѣмъ на сибирскую лѣтопись Саввы Есипова, занесенную въ сборникъ въ двухъ различныхъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ замѣчателенъ по полнотѣ извѣстій. Кромѣ этихъ матеріаловъ, въ сборникѣ находится описаніе сибирскихъ городовъ, остроговъ и волостей крестьянскихъ и ясачныхъ, составленное въ сибирскомъ приказѣ въ концѣ XVII столѣтія. Въ этомъ описаніи заключаются нѣкоторыя интересныя статистическія свѣдѣнія о каждомъ городѣ, какъ-то: цифровыя данныя о служилыхъ людяхъ и о ихъ содержаніи, объ оружейномъ нарядѣ, о городскихъ доходахъ и расходахъ, о посадскихъ и о людяхъ другихъ званій. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о волостяхъ крестьянскихъ приводится число дворовъ, количество казенныхъ и оброчныхъ пашенъ; въ свѣдѣніяхъ о ясачныхъ волостяхъ указывается число инородцевъ и количество поступающей съ нихъ въ казну мягкой рухляди или вмѣсто нея денегъ. Въ томъ же сборникѣ находится извѣстіе „о Ермакѣ, откуда онъ родомъ", встрѣчающееся только въ Черепановской лѣтописи, авторъ которой Илья Черепановъ, тобольскій ямщикъ, приводя это извѣстіе о происхожденіи Ермака, ссылается на „нѣкоторую сибирскую исторію", но на какую именно—до сихъ поръ неизвѣстно. Тутъ же, при извѣстіи о родѣ Ермака, въ сборникѣ находится 11 главъ (7, 8 и 22—31), заимствованныхъ изъ какой-то сибирской лѣтописи, не расходящейся, однако, съ извѣстными лѣтописями. Въ сборникѣ приводится еще „описаніе о новой Камчадальской землѣ, какъ ее русскіе люди объискали и о тамошнихъ мѣстахъ и о народѣхъ провѣдали". Описаніе это, въ сущности, есть разсказъ въ сибирскомъ приказѣ промышленника Владиміра Атласова. Наконецъ, въ сборникѣ при „Спискѣ съ чертежа Сибирской земли" и при „Сказаніи о великой рѣкѣ Амурѣ" приводятся краткія извѣстія о Китайскомъ царствѣ [1]). Изъ перечня историческихъ

[1]) Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ университетѣ, Москва, 1849 г., кн. III, предисловіе Спасскаго къ «Списку съ чертежа Сибирскія земли», стр. III и слѣдующія».

статей о Сибири, заключающихся въ сборникѣ, можно видѣть, что послѣднiй дѣйствительно представляетъ очень важные матерiалы для сибирской исторiи, которые стòятъ того, чтобы быть изданными. Мы не можемъ указать, гдѣ именно хранится теперь этотъ историческiй памятникъ, но можно положиться на авторитетъ почтеннаго ученаго Спасскаго, что этотъ памятникъ не утраченъ для сибирской исторической науки и находится между рукописями какого нибудь книгохранилища.

Между рукописными сибирскими лѣтописями заслуживаетъ особеннаго вниманiя лѣтописный сборникъ, составленный въ XVIII вѣкѣ тобольскимъ ямщикомъ Ильей Черепановымъ. Первое извѣстiе о трудѣ Черепанова сообщено было профессоромъ Фалькомъ, путешествовавшимъ по Сибири въ 1769 году. Разные списки сборника были у Карамзина, Спасскаго и Словцова [1]). Въ 1877 году, по порученiю археографической коммиссiи, обзоромъ Черепановской лѣтописи занимался Л. Н. Майковъ, которому и принадлежитъ лучшее извѣстiе объ этомъ сборникѣ. По изслѣдованiю Л. Н. Майкова, составъ Черепановской лѣтописи оказывается довольно разнообразнымъ. Въ началѣ лѣтописи находится разсказъ о родословiи Ермака. Этотъ разсказъ, по словамъ автора сборника, заимствованъ имъ изъ неизвѣстной намъ „нѣкоторой сибирской исторiи“. Слѣдующая значительная часть сборника Черепанова

[1]) Списки Черепановской лѣтописи: 1. Карамзинскiй, переданный сыновьями Карамзина въ 1867 году въ Императорскую публичную библiотеку. Этотъ списокъ былъ доставленъ Карамзину графомъ Н. П. Румянцовымъ, въ свою очередь, получившимъ его отъ тобольскаго архiепископа Антонiя. 2. Списокъ, доставленный Г. И. Спасскому изъ Сибири П. К. Фроловымъ и неизвѣстно гдѣ теперь находящiйся. 3. Списокъ, принадлежащiй библiотекѣ тобольской духовной семинарiи. 4. Списокъ, означенный П. М. Строевымъ подъ № 232 въ каталогѣ рукописей библiотеки московскаго Общества исторiи и древностей россiйскихъ. 5. Списокъ, находящiйся у почтмейстера города Аулiэ-ата, Николая Аѳанасьевича Сапѣги. 6. Списокъ, хранящiйся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Извлеченiя изъ Черепановской лѣтописи напечатаны Спасскимъ, въ «Сибирск. Вѣстн.», 1821, кн. VII: «Любопытное вооруженiе города Тобольска противъ нашествiя калмыковъ въ 1646 году», и ibid., 1823, кн. XXII-я: «О небесныхъ и воздушныхъ явленiяхъ, замѣченныхъ въ Тобольскѣ съ 1656 по 1753 годъ». Затѣмъ, выписки изъ этой лѣтописи, по рукописи тобольской духовной семинарiи, сдѣланныя Л. Н. Майковымъ, напечатаны въ VII-мъ выпускѣ, отд. IV, стр. 52—68 «Лѣтописи занятiй археографической коммиссiи» (Спб., 1884): 1) О состоянiи звѣриныхъ промысловъ въ Сибири (1619); 2) о судовомъ ходѣ по Ледовитому морю (1645—1648); 3) самосожженiе раскольниковъ въ Тобольскомъ уѣздѣ (1679); 4) неудовольствiе тобольскихъ раскольниковъ на митрополита Павла (1679); 5) измѣренiе разстоянiй между нѣкоторыми городами сибирскими (1687); 6) составленiе чертежа Сибири въ Тобольскѣ 1698); 7) о провѣдыванiи старцемъ Игнатiемъ Козыревскимъ Японскаго государства (1724); 8) казнь двухъ женщинъ въ Тобольскѣ (1737); 9) объ учителяхъ тобольской семинарiи (1746); 10) о тобольскомъ и сибирскомъ митрополитѣ Антонiи Нарожницкомъ (1748); 11) самосожженiе раскольниковъ въ Тюменскомъ уѣздѣ (1749) и 12) самосожженiе раскольниковъ въ Томскомъ уѣздѣ (1757).

есть въ сущности не что иное, какъ подробное и частію дословное извлеченіе изъ описанія Сибирскаго царства Миллера (т. I, Спб., 1750). Черепановъ дѣлаетъ извлеченія изъ исторіи Миллера съ того мѣста, гдѣ этотъ историкъ начинаетъ изложеніе, основываясь на сибирскихъ лѣтописяхъ. Выписки Черепанова изъ труда Миллера, большею частію, дословныя. Имъ опущены или приведены въ сокращеннохъ видѣ преимущественно критическія замѣтки Миллера объ источникахъ и о степени достовѣрности нѣкоторыхъ извѣстій; однако, Черепановъ занесъ въ свою лѣтопись результаты критическихъ соображеній Миллера. Кромѣ того, онъ, довольствуясь выписками собственно историческаго содержанія, нерѣдко опускаетъ этнографическія и географическія замѣчанія Миллера. Не смотря на полное подчиненіе труду Миллера, Черепановъ заимствовалъ нѣкоторыя свѣдѣнія также и изъ другихъ источниковъ сибирской исторіи. Такъ, у него есть довольно частыя ссылки на „историка Ремезова“ и изрѣдка на „Осипову исторію“. При этомъ Черепановъ, слѣдуя Ремезову, приводитъ въ своей лѣтописи разныя извѣстія легендарнаго свойства. Встрѣчаются у него ссылки и еще на иные кое-какіе источники — на „нѣкоторую сибирскую исторію“ по поводу родословія Ермака, на степенную книгу, на хронографъ, на прологъ, приводится извѣстіе о пожалованіи Ермака сибирскимъ княземъ, которое встрѣчается только въ „Новомъ Лѣтописцѣ“. Наиболѣе старая изъ сибирскихъ лѣтописей (Строгоновская) осталась Черепанову, какъ кажется, вовсе неизвѣстною. До 1618 года, которымъ заканчивается первый томъ описанія Сибирскаго царства, лѣтопись Черепанова все также основывается на исторіи Миллера. Впрочемъ, съ 1584 года извлеченія изъ этой исторіи приводятся Черепановымъ въ видѣ болѣе сокращенномъ; тутъ также встрѣчаются ссылки на Ремезова, на „лѣтопись о мятежахъ“ и на сочиненіе Григорія Новицкаго „Краткое извѣстіе о народѣ Остяцкомъ“; приводятся цѣлыя росписи воеводъ по городамъ и цѣлыя статьи этнографическаго содержанія, какъ, напримѣръ, о самоѣдахъ. Съ 1619 года Черепановъ уже не руководится описаніемъ Сибирскаго царства, такъ какъ онъ не зналъ о продолженіи Миллеровой исторіи, напечатанномъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ академіи наукъ, но не выходившемъ отдѣльно. Тутъ изложеніе Черепанова подчиняется только одному хронологическому порядку. Въ числѣ источниковъ у него есть опредѣленныя указанія на Ремезова, извѣстія котораго доходятъ только до 1649 года, и на Григорія Новицкаго, разсказъ котораго о крещеніи остяковъ обнимаетъ событія лишь немногихъ лѣтъ. О другихъ источникахъ Черепанова, по словамъ Л. Н. Майкова, можно только догадываться: такъ, въ лѣтопись занесены, съ признаками отдѣльныхъ сказаній, пространныя извѣстія о явленіи иконы въ Абалакѣ, о началѣ судоваго хода по Ледовитому морю, о развѣдкѣ и занятіи Амура, о чудесномъ явленіи, бывшемъ въ 1661 году тобольскому дьячку Іоанникію, житіе митрополитовъ Іоанна Максимовича и Филоѳея Лещинскаго. Въ концѣ-концевъ Л. Н. Майковъ, въ

своемъ обозрѣніи Черепановскаго сборника, приходитъ къ такимъ выводамъ: „Вообще о содержаніи и составѣ Черепановской лѣтописи съ того времени, какъ авторъ перестаетъ руководствоваться сперва Миллеромъ, а потомъ и Ремезовымъ, до ея конца (1759 г.), должно замѣтить слѣдующее. Извѣстія эти очевиднымъ образомъ сосредоточиваются около Тобольска, и притомъ одни изъ нихъ, какъ, напр., о дождяхъ, о пожарахъ, о постройкахъ, имѣютъ чисто мѣстный интересъ, а другія относятся къ Тобольску, какъ къ главному административному центру Сибири: таковы свѣдѣнія о разныхъ распоряженіяхъ, присланныхъ отъ царскаго двора, сравнительныя данныя за многіе годы о звѣриномъ и другихъ промыслахъ, списки воеводъ въ сибирскихъ городахъ, полученныя въ Тобольскѣ свѣдѣнія о развѣдкѣ новыхъ земель, объ основаніи новыхъ остроговъ, о разныхъ происшествіяхъ въ пограничныхъ независимыхъ владѣніяхъ. Весьма много также свѣдѣній, относящихся до церковнаго быта: о построеніи церквей и монастырей и ихъ украшеніи, о чудотворныхъ иконахъ, о прибытіи и кончинѣ архіереевъ, о появленіи раскольниковъ, о ихъ самосожигательствѣ, объ учрежденіи и состояніи тобольской семинаріи и проч. Всѣ эти свѣдѣнія, очевидно, изложены на основаніи современныхъ записей, а за послѣдніе годы, обнимаемые лѣтописью, быть можетъ, записаны и самимъ Ильей Черепановымъ, какъ очевидцемъ. Во всякомъ случаѣ должно признать, что вторая половина Черепановской лѣтописи имѣетъ, по своему содержанію, самостоятельное значеніе и представляетъ большой историческій интересъ“ [1]).

Къ свѣдѣнію лицъ, интересующихся лѣтописными и другими источниками для исторіи Сибири, мы предлагаемъ небольшой библіографическій списокъ лѣтописей и нѣкоторыхъ другихъ историческихъ памятниковъ, относящихся къ сибирской исторіи и изданныхъ въ разное время.

1) Строгоновская лѣтопись. Эта лѣтопись была издана два раза—П. И. Небольсинымъ, въ приложеніи къ его сочиненію „Покореніе Сибири“ (Спб., 1849), и Г. Н. Спасскимъ, въ видѣ отдѣльной книжки, подъ заглавіемъ „Сибирская лѣтопись“ (Спб., 1821 года).

2) Сибирская лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ Есиповской, по имени ея составителя Саввы Есипова, напечатана Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ (1824, Спб., ч. I) и Небольсинымъ („Покореніе Сибири“, Спб., 1849. Приложенія).

3) „Краткая сибирская лѣтопись“, извѣстная также подъ названіями Кунгурской, или Ремезовской, издана въ 1880 году, въ С.-Петербургѣ, археографической коммиссіей (фотолитографически, съ рисунками). Составленіе этой лѣтописи принадлежитъ тобольскому сыну боярскому Семену Ремезову.

[1]) О сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова, статья Л. Н. Майкова. Спб., 1877 г., VII-й выпускъ «Лѣтописи занятій археографической коммиссіи», стр. 3—10.

4) „Сибирскій лѣтописецъ“, составленный въ царствованіе Петра Великаго какимъ-то жителемъ города Тобольска. Этотъ лѣтописецъ заключаетъ въ себѣ разсказъ о событіяхъ въ Сибири съ 1590 по 1715 годъ; напечатанъ въ журналѣ „Сѣверный Архивъ“ (ч. XIX. 1826).

5) Въ приложеніяхъ къ сочиненію П. И. Небольсина „Покореніе Сибири“ (Спб., 1849) напечатано „Сказаніе о завоеваніи Сибири“, взятое изъ историческаго сборника скорописи XVII вѣка.

6) Въ приложеніяхъ къ тому же сочиненію Небольсина находится такъ называемая „Неизвѣстная рукопись“ XIX-го столѣтія, передающая исторію завоеванія Сибири Ермакомъ.

7) Въ „Новомъ Лѣтописцѣ“, составленномъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича и изданномъ по списку князя Оболенскаго (М., 1853), есть интересная статья о покореніи Сибири (стр. 22 и слѣд.).

8) А. Поповымъ, въ его „Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи“ (М., 1869, стр. 398 и слѣд.), напечатана довольно большая лѣтописная статья о Сибири, заимствованная изъ одного хронографа, принадлежащаго Императорской публичной библіотекѣ. Статья эта состоитъ изъ трехъ частей: во-первыхъ, „о Сибирскомъ царствѣ и о царяхъ того великаго царства“; затѣмъ, „о побѣдѣ на бесерменскаго сибирскаго царя Кучума Муртозелеева и о взятіи Сибирскаго царства и... о поставленіи града Тобольска и о людехъ ратныхъ, и о разныхъ звѣрехъ и зміяхъ великихъ и о птицахъ дивныхъ, иже обрѣтаются въ томъ Сибирскомъ царствѣ“, и, наконецъ, въ-третьихъ, „о градѣхъ и рѣкахъ того Сибирьскаго царства“.

9) Въ томъ же „Изборникѣ“ А. Попова есть двѣ древнія космографіи, въ которыхъ находятся, между прочимъ, двѣ небольшія статьи, трактующія о Сибири (стр. 528 и 466). Въ космографіи, имѣющей заглавіе: „избранія вкратцѣ отъ книги глаголемыя космографія, еже глаголется описаніе всего свѣта, изыскана и написана отъ древнихъ философовъ и переведена съ Римскаго языка на Словянскій“, заключается статья подъ названіемъ „Царство Сибирское“. Въ другой космографіи, называющейся: „книга глаголемая козмографія, сложена отъ древнихъ философовъ, преведена съ Римскаго языка“, находится маленькая замѣтка о Сибири подъ заглавіемъ: „земля царство Сибирское нарицаемое звѣрообразныхъ людей“ [1]).

10) „Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ“, конца XVII вѣка, напечатано Г. И. Спасскимъ въ „Вѣстникѣ Императорскаго русскаго географическаго Общества“ (1853, № 2).

11) „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли“, 1672 года, напеча-

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о поименованныхъ лѣтописяхъ и лѣтописныхъ статьяхъ о Сибири заключаются въ критико-библіографическомъ обозрѣніи «Сибирскихъ лѣтописей», напечатанномъ въ «Восточномъ Обозрѣніи» за 1883 годъ, №№ 38, 40, 44 и 51.

танъ также Спасскимъ въ „Временникѣ Общества исторіи и древностей россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“ (1849, № 3).

12) Чертежная книга Сибири, составленная тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 году. Изданъ этотъ атласъ археографической коммиссіей (Спб., 1882). Всѣхъ чертежныхъ листовъ въ атласѣ Ремезова 23. Первый листъ содержитъ въ себѣ планъ Тобольска; затѣмъ восемнадцать листовъ (отъ 2-го по 19-й) изображаютъ карты земель, подвѣдомственныхъ сибирскимъ городамъ или острогамъ; тутъ представлены чертежи земель, подчиненныхъ городамъ Тобольску, Тарѣ, Тюмени, острогу Туринскому, городамъ: Верхотурью, Пелыму, Березову, Сургуту, Нарыму, Томску, Кузнецку, Туруханску, Енисейску, Красноярску, Илимску, Якутску и Нерчинску; 20-й листъ содержитъ въ себѣ карту прилегающихъ къ Сибири на юго-западѣ степей и названъ „Чертежъ земли безводной и малопроходной каменной степи“; 21-й листъ есть сводная карта всей Сибири, подъ названіемъ „Чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель“; 22-й листъ—карта Великопермскаго и Печорскаго поморья, и 23-й—карта распредѣленія инородческихъ племенъ. По отзыву Г. Н. Потанина, атласъ Ремезова важенъ для исторіи Сибири въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ содержитъ данныя для исторіи расширенія знаній русскихъ людей о географіи сѣверной и средней Азіи, а во-вторыхъ, представляетъ богатый матеріалъ, относящійся къ исторіи русской колонизаціи и распредѣленія инородческихъ племенъ въ Сибири въ минувшее время.

13) Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаѳарія въ 1675 году. Этотъ дорожный дневникъ Спаѳарія изданъ Императорскимъ русскимъ географическимъ Обществомъ („Записки“ по отдѣленію этнографіи, томъ X, выпускъ I, Спб., 1882) и снабженъ введеніемъ и примѣчаніями, составленными Ю. В. Арсеньевымъ. Въ дневникѣ Спаѳарія подробно описанъ путь этого посланника чрезъ Сибирь отъ Тобольска до самой китайской границы (по горному хребту Хиньгану). Въ этомъ описаніи упомянуты всѣ видѣнныя имъ горы, рѣки, протоки, озера и населенныя мѣста, съ точнымъ обозначеніемъ разстояній между ними. Къ описанію пріобщены отдѣльныя статьи, касающіяся главныхъ сибирскихъ рѣкъ, озеръ Байкала и Далая, а также народа Остяцкаго. О значеніи труда Спаѳарія г. Арсеньевъ говоритъ слѣдующее: „Чтобы оцѣнить значеніе, которое должно было имѣть въ свое время это описаніе Сибири, достаточно вспомнить, что до Спаѳаріева труда не существовало ни одного точнаго описанія русскихъ владѣній за Ураломъ“. Тексты сибирскихъ чертежей, составленныхъ до Спаѳарія, отличались сжатостью и заключали въ себѣ только краткое описаніе дорогъ. „Кромѣ того, существовали весьма краткія описательныя статьи о Сибири, которыя встрѣчаются въ степенныхъ книгахъ и космографіяхъ. Таково, напримѣръ, „Описаніе Сибирскаго государства“, которымъ начинается сибир-

ская лѣтопись Саввы Есипова; другое оригинальное описаніе Сибири составляетъ 17-ю степень въ Степенной книгѣ (см. Изборникъ А. Попова, стр. 320). Въ космографіяхъ встрѣчаемъ двѣ редакціи статьи о Сибири, а именно: 1) „Земля церство Сибирское нарицаемое звѣрообразныхъ людей" и 2) „Царство Сибирское"; вторая полнѣе". Вотъ все, что было написано по географіи Сибири до Спаѳарія.

14) Описаніе путешествія казаковъ Ивана Петрова и Бурнашъ-Ялычева издано Сахаровымъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа" (т. II, кн. 8, стр. 183 — 186), но, по словамъ г. Арсеньева [1]), по списку, въ которомъ оказалось много неисправностей, зависѣвшихъ отчасти и отъ невѣрнаго чтенія; гораздо болѣе исправный списокъ, взятый изъ хронографа первой половины XVII в., изданъ А. Поповымъ, въ его „Изборникѣ" статей изъ хронографовъ русской редакціи.

Казакамъ Петрову и Ялычеву поручено было провѣдать находящіяся за Сибирью страны: Китайское государство и Мунгальскую страну, а также великую рѣку Обь, вершины которой думали найдти въ предѣлахъ самаго Китая. Это путешествіе было совершено по указу царя Ивана Васильевича, въ 1567 году. Списки съ доѣзда казаковъ Петрова и Ялычева встрѣчаются во многихъ хронографахъ и рукописныхъ сборникахъ XVII в., изъ чего можно заключить, говоритъ г. Арсеньевъ [2]), что это описаніе, служа единственнымъ извѣстіемъ о странахъ за Сибирью, пріобрѣло въ то время нѣкоторую распространенность. Оно, впрочемъ, не могло имѣть практическаго значенія маршрута въ Китай по скудости топографическихъ данныхъ, а со времени завоеваній Ермака становилось уже устарѣлымъ.

15) Путешествіе казака Петлина. Описаніе этого путешествія напечатано было Г. И. Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" 1818 года. Списокъ путешествія Петлина находится также въ русскомъ сборникѣ XVII вѣка, хранящемся въ Копенгагенскомъ музеѣ и описанномъ И. И. Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ" (№ 4, Спб., 1874). Казаки Иванъ Петлинъ и Андрей Мундовъ съ товарищами были посланы въ 1618 году тобольскимъ воеводой, княземъ Куракинымъ, чрезъ Монгольскую землю въ Китай. Существуютъ различныя мнѣнія о томъ, доѣзжали ли эти казаки до Китая, или же были только у Алтынъ-хана монгольскаго. Причина сомнѣній заключается въ томъ, что статейный списокъ посольства Петлина представляетъ большое сходство съ доѣздомъ атамановъ Петрова и Ялычева, о которомъ упомянуто выше. Основываясь на этомъ, Карамзинъ заключаетъ, что Петлинъ только списалъ донесеніе своихъ предшественниковъ, не бывъ самъ въ Китаѣ. Но такое предположеніе опровергается тѣмъ, что въ отпискѣ воеводы князя Куракина къ царю Михаилу Ѳеодоровичу 1620

[1]) Введеніе къ «Путешествію Спаѳарія» Ю. В. Арсеньева, стр. 7.
[2]) Ibidem.

года, сохранившейся въ архивномъ дѣлѣ [1]), совершенно опредѣленно сказано о посѣщенiи Петлинымъ Китая. Притомъ топографическiя данныя, замѣчаетъ г. Арсеньевъ [2]), сообщенныя Петлинымъ о Монголiи, значительно полнѣе, нежели доѣздъ Петрова и Ялычева. Извѣстiя же Петлина о самомъ Китаѣ представляютъ лишь дословное повторенiе доѣзда 1567 года, и весьма вѣроятно, что здѣсь показанiя Петлина дѣйствительно пополнены были прежними свѣдѣнiями.

16) Путешествiе Байкова въ Китай. Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1654 году послалъ въ китайскую столицу Камбалыкъ (Пекинъ) подъ именемъ гонца тобольскаго сына боярскаго Өедора Исакова Байкова, которому велѣно было развѣдать, какiе товары въ Китайскомъ государствѣ покупать и какiе туда посылать, какъ далекъ путь до Китайскаго государства водяной или сухой, каковы люди и города, какой у нихъ бой и торгъ и т. д. Описанiе этого путешествiя заключается въ статейномъ спискѣ Байкова, изданномъ Сахаровымъ въ „Сказанiяхъ русскаго народа" (т. II-й) и Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" 1820 года. Миссiя Байкова окончилась неудачей, и онъ вернулся назадъ, не достигнувъ никакого соглашенiя съ китайскимъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе, путешествiе его изъ Тобольска до Пекина не осталось безъ важныхъ послѣдствiй для русской торговли съ Китаемъ: оно открыло, наконецъ, удобный караванный путь изъ Сибири въ Китай, а также значительно обогатило свѣдѣнiя, имѣвшiяся на Руси объ этомъ государствѣ [3]).

17) Въ 1691 году воевода тобольскiй Степанъ Ивановичъ Салтыковъ отправилъ къ Галдану Бушухту-хану Дзюнгарскому сына боярскаго Матвѣя Юдина, въ качествѣ „посланника для царскаго пресвѣтлаго величества дѣлъ". Довольно подробный наказъ Юдину и отчетъ „о его путеслѣдованiи и приключенiяхъ отъ отъѣзда изъ Тобольска до прибытiя къ Бушухту-хану" изданы Спасскимъ и находятся въ „Древностяхъ и достопамятностяхъ Сибири", въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1821—1822 годовъ (Спб., 1822 г.).

18) „Краткое описанiе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное Гр. Новицкимъ въ 1715 году", издано Л. Н. Майковымъ въ Петербургѣ, въ 1884 году; этотъ историко-этнографическiй источникъ представляетъ интересныя данныя объ остякахъ и вогулахъ (см. ниже, въ отдѣлѣ Библiографiи).

А. Оксеновъ.

[1]) Въ мунгальскихъ дѣлахъ моск. главнаго архива мин. иностр. дѣлъ, 1618—1620, статейный списокъ и посольство сибирскаго казака Ивана Петлина,—указанiе г. Арсеньева, въ его введенiи къ «Путешествiю Спаөарiя», стр. 15.

[2]) Ibid., стр. 16.

[3]) Ibid., стр. 18—20.

ДРЕВНІЕ ПАМЯТНИКИ

и

ПИСЬМЕНА ВЪ СИБИРИ.

Изъ сибирскихъ древностей и памятниковъ, оставшихся отъ прежнихъ вѣковъ, болѣе всего заслуживаютъ вниманія надписи на камняхъ. Извѣстно, что часть изъ нихъ состоятъ изъ начертаній фигуръ людей и звѣрей. Онѣ находились по Бухтармѣ, на Томи, въ Енисейской губерніи, на Байкалѣ и въ другихъ мѣстахъ. Г. Потанинъ указываетъ на такія же начертанія въ Монголіи. Это обыкновенныя изображенія сценъ изъ охотничьей жизни. Они даютъ понятіе объ образѣ жизни дикарей и первыхъ попыткахъ увѣковѣчивать изображеніями событія. Но еще любопытнѣе знаки и изображенія, когда начинается письменность. Такія письмена встрѣчаются въ Сибири то начертанныя красками, то высѣченныя на скалахъ и камняхъ. Писанныя краскою письмена, большею частію, позднѣйшія, они часто монгольскія и китайскія, поэтому доступны для чтенія оріенталистовъ. Не таковы нѣкоторыя другія надписи, выраженныя на языкѣ, который утерянъ и которому трудно найдти разгадку. Къ такимъ относятся надписи, открытыя въ Минусинскомъ округѣ, весьма опредѣленнаго типа.

Въ виду отысканныхъ нынѣ новыхъ надписей экспедиціей г. Адріанова на р. Кемчикѣ въ вершинахъ Енисея и видѣнныхъ Боголюбскимъ, а также коллекціи писаницъ, собранныхъ въ Минусинскомъ музеѣ, мы представляемъ описаніе ихъ изъ отчета г. Адріанова и прилагаемъ снимокъ съ нихъ, а затѣмъ укажемъ на всѣ отысканныя ранѣе. Такимъ образомъ постараемся сдѣлать сводъ всему извѣстному по этой части до нашихъ дней.

Вотъ описаніе надписи, снятой г. Адріановымъ. На утесѣ *Кàябàжи*, на правомъ берегу Кемчика, въ нѣсколькихъ шагахъ вверхъ отъ скалы, съ начертанными оленями, стоитъ отвѣсно высокая скала, сложенная изъ слюдистыхъ сланцевъ, образуя въ этомъ мѣстѣ входящій двугранный уголъ. Въ нижней части одной грани

(лѣвой), подъ самымъ уступомъ изъ той же породы, который въ видѣ клина вдвинутъ въ двугранный уголъ и служитъ подошвой, вырѣзаны въ двѣ горизонтальныхъ строки руны, представленныя на рис. № 1.

Строки правильныя горизонтальныя, всѣ знаки одинаковой величины, около двухъ сантиметровъ, и вырѣзаны на глубину около 2 милиметровъ въ видѣ бороздокъ, входящихъ двугранным угломъ. Всѣ знаки сохранились превосходно и вполнѣ отчетливо передаются. Надпись эта, по мнѣнію г. Адріанова, констатируетъ съ положительною ясностью горизонтальность письма; если бы принять эти строки за вертикальныя, то пришлось бы читать, а стало быть и писать, растянувшись бокомъ по камнямъ и щекой лежа на землѣ. Кромѣ того, по этой же надписи легко прійдти къ заключенію, что руны писались отъ лѣвой руки къ правой [1]). Верхняя строка короткая и состоитъ изъ 12 знаковъ; вторая же, нижняя, очень длинная, состоитъ изъ 104 знаковъ, а можетъ быть и болѣе; вслѣдствіе разрушенія породы въ одномъ мѣстѣ второй половины этой строки, недостаетъ одного знака, но не болѣе, судя по оставшемуся промежутку. Внизу подъ 2-й строкой высѣчено еще 5 знаковъ, но, повидимому, не имѣющихъ никакой связи съ предъидущимъ. Пять знаковъ сдѣланы толстыми бороздами и не такъ тщательно и отчетливо, какъ предъидущіе. Въ древности этихъ письменъ, а также и въ цѣлости ихъ нѣтъ основанія сомнѣваться, хотя и нельзя поручиться за то, что они долго просуществовали въ такомъ видѣ; уже и теперь между древними знаками можно замѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ царапины и бороздки позднѣйшаго происхожденія, но онѣ легко отличимы, потому что современный художникъ, стараясь копировать древнюю лѣтопись, не имѣлъ ни того искусства и терпѣнія, чтобъ углубить достаточно борозды и сдѣлать ихъ столь же тщательно. Дополненіе (б) къ рисунку № 1 составляетъ продолженіе надписи, снятой послѣ г. Адріанова инженеромъ Боголюбскимъ. Недалеко отъ описанныхъ надписей, но и не находясь съ ними ни въ какой видимой непосредственной связи, *вырѣзанъ кругъ* (табл. № 2), въ незамкнутую нижнюю часть котораго входитъ прямой уголъ, отверстіемъ обращенный внизъ. Въ углу вырѣзано подобіе трехугольной шляпы, на дно которой поставленъ крестъ, а внутри круга, слѣдуя по его окружности, вырѣзано 13 знаковъ наподобіе цифръ на часовомъ циферблатѣ. На другой грани, образующей входящій уголъ скалы, также совершенно отвѣсной и гладкой, на высотѣ нѣсколькихъ аршинъ надъ головой, находилось до 10 вырѣзанныхъ знаковъ, расположенныхъ, повидимому, въ безпорядкѣ.

Кромѣ того, особенно обильный матеріалъ, состоящій изъ руническихъ надписей, находится нынѣ въ Минусинскѣ, куда ста-

[1]) Нѣкоторые ученые находятъ, что онѣ, наоборотъ, писались отъ правой руки къ лѣвой.

раніями учредителя мѣстнаго музея, г. Мартьянова, были доставлены *курганныя плиты* съ надписями и поступили въ распоряженіе музея. Всѣхъ камней было 5. Всѣ они вытесаны изъ краснаго известковаго песчаника и всѣ съ надписями изъ однихъ и тѣхъ же знаковъ, совершенно тождественныхъ съ знаками, расположенными въ двѣ строки на утесѣ Ка̀я-ба̀жи; различіе заключается только въ томъ, что знаки на этихъ камняхъ вдвое или даже втрое длиннѣе ка̀я-ба̀жинскихъ знаковъ и сохранились гораздо хуже, какъ потому, что такая горная порода, какъ песчаникъ, способна къ болѣе быстрому разрушенію и вывѣтриванію, чѣмъ слюдистый сланецъ, такъ и потому, что камни эти, всѣ найденные въ Минусинскомъ округѣ, попали въ слишкомъ неблагопріятныя условія для сохраненія ихъ въ цѣлости. Письмена на минусинскихъ камняхъ сильно пострадали; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ знаки уничтожены или частью, или совсѣмъ, — въ другихъ пропали сплошь ряды знаковъ, цѣлыя строки, по которымъ можно только заключить, что тутъ было что-то высѣчено, но что именно, разобрать невозможно. Тождественность знаковъ на минусинскихъ камняхъ съ письменами на Ка̀я-ба̀жи указываетъ на принадлежность ихъ одному и тому же народу и на обитаніе послѣдняго въ двухъ областяхъ, раздѣленныхъ между собою на сотни верстъ малоприступными и необитаемыми хребтами Саянской горной системы.

Вотъ описаніе хранящихся нынѣ минусинскихъ камней. Одинъ изъ нихъ представляетъ четырехгранную плиту въ 115 сантиметровъ длины, 43 сант. ширины и 37 сант. толщины. Верхняя часть камня отбита; со всѣхъ сторонъ плита обтесана, но съ особенной тщательностью обтесаны 2 противоположныя грани ея, на которыхъ и находятся письмена (таблица №№ 3 и 4). На одной изъ граней (рис. № 3) письмена составляютъ 5 строкъ, а на другой (рис. № 4) 4 строки, причемъ съ правой стороны отъ послѣднихъ сбоку стоитъ отдѣльно одинъ, большій, чѣмъ всѣ другіе, знакъ, служащій какъ бы украшеніемъ, заключающимъ начертанное лѣтописцемъ. Этотъ камень находился въ степи, раскинувшейся на лѣвой сторонѣ Енисея, на площадкѣ, въ 20-ти верстахъ отъ деревни Ачуры и въ 30-ти верстахъ отъ Абакана.

Другой камень представляетъ четырехугольный столбъ длиною въ 200 сант.; сѣченіе его есть площадь квадрата, каждая изъ сторонъ котораго равна 32 сант. На всѣхъ 4-хъ граняхъ столба, довольно правильно и чисто обтесанныхъ, находятся надписи (таб. № 5, 6 и 7), расположенныя каждая въ 4 продольныхъ ряда, отдѣленныхъ другъ отъ друга прямыми бороздами. Къ сожалѣнію, надписи сильно пострадали; на одной изъ граней онѣ уничтожены совсѣмъ и только едва замѣтны; на другой (рис. № 5) грани недостаетъ послѣдней части верхней строки, уничтожена почти вся вторая, а въ третьей и четвертой строкахъ недостаетъ по нѣскольку знаковъ; на третьей грани (рис. № 6) пострадала вся 4-я строка, такъ что стерлись не только знаки, но и глубокія параллельныя борозды, отдѣляющія 3-ю строку отъ 4-й, находящуюся

подъ послѣдней; 4-я грань сохранилась лучше всѣхъ другихъ, но и въ ней недостаетъ нѣсколькихъ знаковъ въ концѣ 2-й и особенно въ 3-й строкѣ (рис. № 7, въ таблицѣ онъ не отмѣченъ цифрою). Описанный камень найденъ былъ стоящимъ въ наклонномъ положеніи на одномъ курганѣ, на лѣвой сторонѣ Енисея, въ 25 вер. ниже впаденія въ него рѣчки Уй. Третій камень представляетъ плиту длиною въ 3 метр. 12 сант., шириной 52 сант., при толщинѣ всего въ 20 сант. Камень обтесанъ весьма грубо и разбитъ на 2 почти равныя половины; порода сильно вывѣтрѣла и на всей поверхности представляетъ множество неровностей и ямчатыхъ углубленій, какъ будто оставшихся слѣдовъ отъ падавшихъ дождевыхъ капель. Въ статьѣ г. Спасскаго „О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей", напечатанной въ 12-й книжкѣ Записокъ И. Р. Географ. Общ. (издана въ 1857 г. подъ редакціею П. Небольсина), помѣщено краткое описаніе этого камня и приложенъ рисунокъ съ надписей. Сличивъ свой рисунокъ съ рисункомъ Спасскаго, г. Адріановъ нашелъ, что послѣдній срисованъ несомнѣнно съ того же самаго камня, о которомъ идетъ рѣчь и который нынѣ находится въ Минусинскомъ музеѣ, но во многомъ, однако, разнится отъ нынѣшняго рисунка; разница эта происходитъ не отъ того только, что снимки дѣлались черезъ большой промежутокъ времени (лѣтъ 25). Описаніе этихъ надписей далъ г. Адріановъ въ своемъ отчетѣ и тутъ же указалъ, въ чемъ оно не согласуется съ описаніемъ Спасскаго. На одной изъ широкихъ сторонъ плиты (см. рис. № 8) знаки идутъ въ 3 ряда и заканчиваются одной большой фигурой, служащей какъ бы украшеніемъ, или знакомъ, обозначающимъ окончаніе повѣствованія; въ началѣ нижней 3-й строки знаки высѣчены въ необыкновенномъ безпорядкѣ, вкривь и вкось, и выскакиваютъ изъ строки, вообще идущей неправильно,— одни внизъ, другіе вверхъ. На другой, широкой, сторонѣ камня (рис. № 9, правая сторона) также различаются 3 ряда знаковъ, но въ началѣ они какъ-то спутаны, а именно ясно видно, что сначала идетъ 2 ряда знаковъ, потомъ подъ 5-мъ знакомъ верхней строки появляется другой точно такой же, только меньшей величины, и отсюда прибавилась уже 3-я верхняя строка; нижняя строка короткая, всего изъ 9 знаковъ. На третьей сторонѣ плиты, на одной изъ узкихъ ея граней, высѣченъ только одинъ рядъ знаковъ, не болѣе 12-ти (рис. № 9, правая сторона).

Изъ описанія и рисунка Спасскаго видно, что начертанія находятся на одной широкой и 2-хъ узкихъ граняхъ, и притомъ на обѣихъ послѣднихъ въ двѣ строки по два ряда буквъ, что совсѣмъ невѣрно. Въ изображеніи нѣкоторыхъ знаковъ во многихъ мѣстахъ рисунокъ г. Адріанова расходится съ рисункомъ Спасскаго, но это можно объяснить позднѣйшими измѣненіями на поверхности такой рыхлой породы, какъ песчаникъ [1]). Описанная плита найдена

[1]) По свѣркѣ оказалось, что рисунокъ Спасскаго, какъ снятый при прежнемъ состояніи камня, яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ позднѣйшій.

была въ 1847 году на одномъ курганѣ, на лѣвомъ берегу Енисея, въ полуверстѣ (или верстѣ, какъ передаютъ другіе) отъ дер. Означенной. Всѣ г. Адріановымъ описанные 3 камня съ надписями были оставлены на храненіе въ Шушинскомъ волостномъ правленіи, по распоряженію Ал. Кастрена, путешествовавшаго въ 1847 году по Минусинскому краю. Здѣсь эти камни валялись по землѣ, частію заваленные разнымъ мусоромъ, а одинъ изъ нихъ служилъ точиломъ для сторожа волости. Ему и подобнымъ консерваторамъ наука обязана тѣмъ, что избавилась отъ труда разбирать письмена на одной изъ сторонъ камня, да частію и на остальныхъ трехъ граняхъ. Въ 1881 году, лѣтомъ, г. Мартьянову, этому неусыпному собирателю и хранителю предметовъ научной важности, удалось добиться того, что какъ эти три камня перевезли изъ Шушинской волости въ Минусинскій музей, такъ и другіе два подобные же. Эти камни слѣдующаго вида. Одинъ изъ нихъ представляетъ плиту длиною въ 1 метръ 83 сант., при толщинѣ въ 20 сант. Камню придана удлиненно-овальная форма, такъ что въ верхней закругленной части ширина плиты равняется 44 сант., а въ нижней части, у основанія, только 30 сант. Плита обтесана гладко и старательно. Надписи находятся на одной изъ широкихъ ея граней и на двухъ ребрахъ. Надписи широкой грани (табл. № 11) расположены въ два ряда по краямъ плиты, въ видѣ рамки, причемъ ряды знаковъ отдѣлены между собой правильной бороздой, слѣдующей параллельно краю плиты [1]). На ребрахъ камня надписи идутъ въ два ряда (табл. № 12, верхнія двѣ строки) и также отдѣлены одна отъ другой бороздой; онѣ такъ написаны, что идутъ какъ бы непрерывно съ лѣваго ребра (нижній рис. № 12) черезъ вершину камня на правое ребро (верхній рис. № 12). Нижняя сторона на одномъ изъ реберъ плиты (рис. № 12, 2-я строка) сильно пострадала, такъ что на немъ только кое-гдѣ видны знаки, да и то наполовину стертые. Описанный камень съ письменами найденъ лежащимъ на курганѣ, на правой сторонѣ Абакана, въ 10 верстахъ отъ деревни Іудиной и въ одной верстѣ отъ озера Алтынь-куль. На томъ же курганѣ почти рядомъ лежалъ другой камень съ письменами, подобный предъидущему. Онъ также представлялъ собою плиту въ 1 метръ 95 сант. длиною, при толщинѣ 20 сант., закругленную сверху, съ тою только разницею, что вышеописанная плита расширялась снизу вверхъ, а эта послѣдняя сверху внизъ (рис. № 13), такъ что ширина плиты у верхняго закругленнаго конца равнялась 37 сант., а у основанія 57 сант. И на этомъ камнѣ, гладко и вообще тщательно обтесанномъ, надписи находились на одной изъ широкихъ граней и на двухъ боковыхъ. На первой онѣ расположены въ два ряда, раздѣленные между собою бороздой совершенно такъ, какъ у предъидущаго камня, и идутъ параллельно краю плиты, въ видѣ

[1]) На рисункѣ наружная рамка соотвѣтствуетъ краю плиты для показанія ея формы

каймы, но знаки сохранились весьма плохо; такъ на правой сторонѣ совсѣмъ стерлась внутренняя строка на той же сторонѣ плиты, лѣвая сторона камня сохранилась лучше, но и въ ней, въ разныхъ мѣстахъ, то совсѣмъ недостаетъ знаковъ, то стерлись нѣкоторыя части ихъ. На ребрахъ (см. рис. № 14 и 15) надписи идутъ въ три строки, въ три ряда, отдѣленныхъ другъ отъ друга двумя параллельными бороздами. Относительно этихъ боковыхъ надписей приходится сдѣлать такое же замѣчаніе, какое было сдѣлано при описаніи предъидущаго памятника,—письмена, начиная отъ основанія, положимъ, лѣваго ребра (рис. № 15), слѣдуютъ по немъ до верху и, продолжаясь непрерывно черезъ закругленную верхушку, означенную наверху линіями, спускаются по правой узкой грани (рис. № 14) до основанія камня. На рисункѣ они такъ и представлены на одной лентѣ, середина которой, отмѣчена двумя черточками наверху, надъ надписью. На боковыхъ граняхъ письмена сохранились лучше, чѣмъ на широкой сторонѣ, но во многихъ мѣстахъ, всетаки, стерты; пострадала особенно третья сторона лѣваго бока, гдѣ многіе знаки уцѣлѣли только наполовину; во второй и третьей строкѣ правой боковой грани, повидимому, стерты начальные знаки, а въ третьей строкѣ всѣ знаки начертаны въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ всѣ другіе, и очень тѣсно другъ къ другу. Послѣдніе два камня взяты съ кургановъ и перевезены въ деревню Іудину крестьяниномъ послѣдней Е. Ф. Корчаковымъ и минусинскимъ мѣщаниномъ Г. П. Марковымъ, и отсюда уже доставлены въ Минусинскій музей, по ходатайству г. Мартьянова. Вся окрестная мѣстность, гдѣ найдены были эти камни, усѣяна курганами. Г. Адріановъ упоминаетъ еще о двухъ камняхъ съ руническими письменами, которые ему не пришлось видѣть самому, но о которыхъ онъ получилъ довольно опредѣленныя свѣдѣнія. Одинъ такой камень находится между Усть-Таштыломъ и Монопскимъ перевозомъ на Абаканѣ, въ пяти верстахъ отъ перваго и въ трехъ отъ послѣдняго. Камень стоитъ на возвышеніи и довольно примѣтенъ, но можетъ быть указанъ крестьяниномъ деревни Іудиной Ефимомъ Ѳедотовымъ Корчаковымъ, который доставилъ Минусинскому музею свѣдѣнія о немъ. Рисунокъ № 16-й представляетъ небольшую надпись на отдѣльномъ камнѣ, находящемся по срединѣ сланцовой могилы; камень въ стоячемъ положеніи, съ конусообразнымъ верхомъ; надпись идетъ вертикально; начало и верхъ ея на рис. № 16 съ правой стороны.

Приведя это описаніе, на основаніи отчета г. Адріанова, могущее служить нѣкоторымъ руководствомъ и объясненіемъ при разборѣ письменъ, въ дополненіе къ этому мы считаемъ нелишнимъ привести подробное перечисленіе всѣхъ когда либо видѣнныхъ надписей изъ монографіи сибирскаго ученаго Н. И. Попова „О руническихъ письменахъ въ Минусинскомъ округѣ".

1) Къ подобнымъ надписямъ на утесахъ относятся, по словамъ Попова: а) надпись неизвѣстнаго письма, уже почти сгладившаяся, едва замѣтная между изображеніями на писаницѣ Трифоновской

(на лѣвомъ берегу Енисея, въ 5 верстахъ отъ деревни Трифоновой, по дорогѣ въ с. Новоселово, на утесѣ, влѣво отъ дороги) [1]. б) Три надписи на лѣвомъ же берегу Енисея, на скалѣ противъ с. Абаканска; о нихъ сообщаетъ свѣдѣнія Спасскій [2]).

Всѣ остальныя надписи этого письма на отдѣльныхъ камняхъ. Сюда принадлежатъ:

2) Извѣстный камень-баба [3]), съ руническими письменами, найденный Страленбергомъ [4]) на холмѣ, между рр. Тесью и Ербой, притоками Енисея съ лѣвой стороны. Въ своихъ замѣткахъ, Титовъ объ этомъ, какъ онъ называетъ, *богатырь-камнѣ* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. Этотъ истуканъ, высѣченный изъ пестраго песчаника, находится влѣво отъ дороги изъ села Усть-Ербы въ деревню Тесь, въ 2 верстахъ отъ заимки Роспаревой. Стоитъ на западномъ склонѣ холма лицомъ на востокъ. Кругомъ истукана разбросано нѣсколько могилъ недревнихъ (киргизскихъ), а на сѣверъ отъ него 2 древнихъ кургана (такъ называемые „чудскіе"), уже разрытые, но съ уцѣлѣвшими камнями, ихъ окружающими: одинъ обставленъ 16-ю, а другой 18-ю камнями, врытыми широкими сторонами на югъ и сѣверъ, ребрами на востокъ и западъ. Но истуканъ стоитъ не на курганѣ, а на ровной площадкѣ, выложенной небольшими плитками краснаго песчаника, т. е. на одной изъ могилъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ „сланцевъ". Вышина истукана 2 аршина 10 вершковъ, ширина до $^3/_4$ аршина, толщина до $^1/_4$ аршина. На головѣ истукана круглая шапочка съ откинутымъ назадъ, закругленнымъ удлинненіемъ (хвостомъ); носъ отломленъ пастухами, но видно, что онъ былъ пропорціоналенъ лицу, круглому и плоскому; большіе глаза, большой открытый ротъ; подбородокъ и уши, очевидно, были отдѣланы тщательно, но въ настоящее время едва замѣтны; руки правильно согнуты, и въ нихъ истуканъ держалъ какую-то вещь, но какую—нельзя разобрать (вѣроятно, чашечку): время и люди ее сгладили. На спинѣ истукана, въ два ряда, вдоль камня, сверху донизу, были высѣчены буквы, похожія на тѣ, какія и на камнѣ, взятомъ отъ деревни Означенной въ Шушинское волостное правленіе; но истуканъ вывѣтрился отъ непогодъ, оббитъ, и многія буквы такъ стерлись, что едва замѣтны только нѣкоторыя черты ихъ; потому и на рисункахъ Страленберга и Клапрота многія изъ нихъ были обозначены одними намеками, въ видѣ легкихъ чертъ. Ежегодно въ Николинъ день, 9-го мая, крещеные и некрещеные татары пріѣз-

[1]) Изв. Сиб. Отд., т. III, № 5, стр. 276.

[2]) *Спасскаго*, Сиб. Вѣст., 1818, ч. 1. «Начертанія», стр. 10—11, таб. II, № 1, 2, 3.

[3]) Изв. Сиб. Отд., т. 11., № 4. «Каменныя бабы», стр. 59, баба № 5-й.

[4]) *Страленбергъ*, Das Nord-und östliche Theil von Europa und Asien, § 397, tab. XII. cf. *Клапрота*, Mémoires relatifs à l'Asie, t. 1, pag. 157—171, tab. III. Или: въ Journal Asiatique, 1823, t. II, p. 4, pl. 1, fig. 2.—Есть изображеніе въ замѣткахъ *Титова*.

жаютъ изъ разныхъ мѣстъ къ истукану, садятся кругомъ его, пьютъ айранъ и угощаютъ имъ истукана.

3) Намогильный камень съ такими же письменами, найденный Палласомъ противъ устья рѣки Тубы, на лѣвой сторонѣ Енисея [1]).

4) Камень съ письменами, который видѣлъ Страленбергъ на небольшомъ курганѣ, между рѣками Беей и Ниней, притоками Уйбата съ правой стороны, впадающаго въ Абаканъ съ лѣвой [2]).

5) Камень-баба съ изображеніемъ человѣка на одной сторонѣ и съ руническою надписью на другой. По свидѣтельству Клапрота, онъ находился на небольшомъ возвышеніи недалеко отъ Уйбата [3]).

6) Камень съ однѣми надписями тамъ же, около Уйбата, въ 15 верст. отъ устья.

7) Другой подобный не въ далекомъ отъ него разстояніи.

8) Камень съ надписями на правомъ берегу рѣки Камышты (притокъ Абакана съ лѣвой стороны).

9) Подобный камень на лѣвой сторонѣ Енисея, въ 8 верстахъ выше Саянскаго острога, очень недалеко (въ полуверстѣ) отъ деревни Означенной.

Всѣ послѣдніе четыре камня (№№ 6, 7, 8, 9) съ руническими письменами видѣлъ Палласъ [4]).

10) Надпись на камнѣ, поставленномъ на большомъ курганѣ. Спасскій, не означая ясно, гдѣ именно камень находился, говоритъ, однакожъ, о немъ слѣдующее: „Сей камень находится на юго-восточной сторонѣ кургана и состоитъ изъ простой песчаниковой плиты безъ всякой обработки; высоты имѣетъ до 5 арш., ширины 2 и толщины ½ арш. Знаки высѣчены на наружномъ гладкомъ боку камня, въ два ряда по длинѣ его. Они покрылись уже отчасти мохомъ и для глаза мало видимы; но можно хорошо отличить ихъ осязаніемъ руки“ [5]).

Описаніе Титовымъ *богатыря-камня* и это описаніе—почти единственныя нѣсколько подробныя описанія камней съ надписями. Такія мы рѣдко встрѣчаемъ у путешественниковъ, обыкновенно скупыхъ на подробности.

11) Уцѣлѣли ли всѣ эти памятники руническаго письма до настоящаго времени—не знаемъ. Но извѣстно, что Кастренъ, лѣтомъ 1847 года путешествовавшій въ степяхъ Качинской (между Уйбатомъ, лѣвой стороной Абакана и Енисеемъ), Сагайской (между рѣками Уйбатомъ и Аскызомъ) и Койбальской (между правой стороной Абакана и Енисеемъ), пробовалъ было, по указаніямъ Пал-

[1]) *Палласъ*, Neue nordische Beiträge, Bd. V. Также у *Спасскаго*, с. 1, таб. III, № 4; у *Титова*, таб. 2, № 4.

[2]) *Страленберга*, с. 1, § 318; tab. V, cf. *Клапротъ*, въ Journal Asiatique, c. 1, p. 4.

[3]) *Клапротъ*, ib., pl. 1. fig. 1, cf. Mémoires его, tab. 11. Извѣстія Сиб. Отд., т. II, № 4, стр. 59, баба № 6.

[4]) *Палласъ*, Neue nordische Beiträge, Bd. V. Ср. у *Спасскаго*, с. 1, стр. 12, таб. III, № 1, 2, 3, 5. У *Титова*, таб. 2 № 1, 2, 3, 5.

[5]) *Спасскій*, с. 1, стр. II, таб. II, № 5.

ласа и Спасскаго, отыскать руническія надписи на камняхъ въ 15 верстахъ отъ *устья* рѣки Уйбата [1]), ѣздилъ изъ улуса въ улусъ, разспрашивалъ стараго и малаго, но никто ничего не могъ сказать ему объ этихъ надписяхъ. „Онѣ,—говоритъ онъ,—едва ли и отыщутся; потому что, по всей вѣроятности, курганы разрывали уже и при этомъ засыпали камни землею. Отрывать же ихъ нужно потратить и времени и денегъ больше, чѣмъ могу" [2]). На другой день своихъ поисковъ онъ, правда, нашелъ на одномъ намогильномъ камнѣ нѣсколько вырѣзанныхъ фигуръ (einige eingeritzte Figuren), но рѣшительно отличныхъ отъ приведенныхъ Спасскимъ [3]). Впрочемъ, изъ писемъ его къ Шёгрену узнаемъ, что онъ нашелъ и списалъ здѣсь нѣсколько другихъ, настоящихъ надписей: двѣ изъ нихъ, по собственнымъ его словамъ, онъ препроводилъ къ оріенталисту Френу, интересовавшемуся минусинскими надписями, именно, одну монгольскую, снятую съ знаменитой скалы близь села Абаканска, а другую *руническую*, съ намогильнаго камня въ Качинской степи, около Уйбата [4]).

12) Въ другомъ письмѣ къ Шёгрену, изъ Шуши, отъ 15-го (27-го) іюня 1847 г., онъ писалъ о занятіяхъ своихъ въ Койбальской степи: „въ настоящее время я занятъ разборомъ *камня, покрытаго фигурами, весьма похожими на буквы*. Къ сожалѣнію, фигуры эти во многихъ мѣстахъ такъ вывѣтрились, что трудно и различить ихъ. Ссыльный инженерный офицеръ помогаетъ мнѣ срисовывать. Досадно только, что предложенный академіей методъ (посредствомъ пропускной бумаги) тутъ неприложимъ. По моему мнѣнію, надпись эта такъ замѣчательна, что ее стоило бы выписать для этнографическаго музея и въ оригиналѣ. P. S. Проработавъ цѣлую недѣлю, я срисовалъ вышеупомянутую надпись какъ нельзя вѣрнѣе. Способъ, при этомъ мною употребленный, кажется, лучшій для здѣшнихъ надписей: я обвожу каждую фигуру черною краскою, а остальныя части камня покрываю бѣлою краскою, и снимаю надпись на прозрачную бумагу (durch transparantes Papier)" [5]). Изъ письма не видно, гдѣ именно въ Койбальской степи былъ найденъ этотъ камень; но князь Костровъ, по порученію начальства производившій разслѣдованіе его, думаетъ, что это тотъ самый, который видѣлъ Палласъ у деревни Означенной и списалъ, но невѣрно [6]); изъ письма же Кастрена можно догадываться, что онъ занимался копированіемъ

[1]) *Кастрена*, Reiseberichte, S. 312: «Ungefähr 15 Werst oberhalb der *Mündung* des Uibat»—въ рус. переводѣ (Магаз. землевѣд. Фролова, т. VI, ч. 2, стр. 385) неточно передано: «верстахъ въ 15 выше *истоковъ* Уйбата».

[2]) Ib., S. 313—314.

[3]) Ib., S. 313.

[4]) *Кастрена*, ib. S. 363, cf. 375. Академикъ Шифнеръ, при изданіи писемъ Кастрена въ 1856 г., замѣчаетъ при этомъ: обѣ копіи посланы Ковалевскому въ Казань, для объясненія, по крайней мѣрѣ, одной, очевидно, монгольской (ib.).

[5]) Ib., S. 352—353.

[6]) Извѣстія Археол. Общ., 1859 г., т. I, вып 3, стр. 169.

уже въ Шушѣ, а Костровъ, вѣроятно, на основаніи показаній очевидцевъ, прямо утверждаетъ, что именно Кастренъ распорядился перевезть его въ село Шушинское [1]). Поэтому у нашихъ археологовъ онъ и слыветъ подъ именемъ *шушинскаго*, или *кастреновскаго*, и находится донынѣ при Шушинскомъ волостномъ правленіи, на крайнемъ юго-западѣ Минусинскаго края, въ мѣстѣ глухомъ, отдаленномъ, посѣщаемомъ развѣ чиновниками да купцами. Камень этотъ, твердый сѣрый гранитъ, имѣетъ видъ грубо обтесаннаго параллелепипеда, длиною въ 3 арш., шириною въ $10^1/_2$ верш., толщиною въ 5 верш. На трехъ сторонахъ (4-я безъ надписи) его вырѣзаны какія-то буквы глубиною въ 2—3 линіи: на верхней сторонѣ 3 строки буквъ, на бокахъ по двѣ; на одномъ боку недостаетъ болѣе половины строки, отъ поврежденія самаго камня въ этой части. Всѣ эти строки, повидимому, идутъ горизонтально, но, судя по нѣкоторымъ повторennымъ въ нихъ вверху и на бокахъ буквамъ, не вездѣ направлены въ одну сторону [2]). Въ 50-хъ годахъ, по порученію сибирскаго Отдѣла русскаго географическаго Общества, какъ извѣстно изъ дѣлъ его архива, иркутскіе топографы приготовляли для академіи наукъ нѣсколько самыхъ точныхъ снимковъ съ этого камня въ натуральную величину.

13 и 14) Шушинскій камень возбудилъ въ ученомъ мірѣ общее любопытство и привелъ къ открытію тамъ же, въ Койбальской степи, *двухъ* другихъ камней съ подобными руническими надписями. Это, во-первыхъ, камень, найденный на лѣвой сторонѣ Енисея, верстахъ въ 25 отъ впаденія въ него рѣки Уи (или Ои). Онъ стоялъ на небольшомъ курганѣ въ нѣсколько наклонномъ положеніи. Форма его—неправильный четыреугольникъ; длина 2 арш. 11 верш., ширина 11 верш., толщина 8 верш. Письмена вырѣзаны глубиною до 2-хъ линій, на двухъ противоположныхъ сторонахъ камня [3]). Другой изъ нихъ найденъ былъ тамъ же, въ Койбальской степи, на лѣвой сторонѣ Енисея, въ 20 верстахъ отъ деревни Очуры, въ 25 верстахъ отъ деревни Калы и въ 30 верстахъ отъ рѣки Абакана, посреди ровной могильной площадки, составляющей почти квадратъ, по $4^1/_2$ саж. въ каждую сторону, обставленный, по обыкновенію, плитнякомъ, выходящимъ на поверхность земли на $1^1/_2$ арш. Камень имѣетъ форму продолговатаго ромбоида; длина $1^3/_4$ арш. Буквы находятся на трехъ сторонахъ

[1]) Тамъ же. Отъ деревни Означенной до деревни Шуши (обѣ на Енисеѣ) верстъ до 50-ти.

[2]) Тамъ же, стр. 169. Ср. у Спасскаго, въ ст. *Достоприм. памятники сиб. древн.*, въ Зап. Археол. Общ., 1857 г., кн. XII, стр. 158. Впрочемъ, размѣры камня у него нѣсколько отличны: шир. 12 вер. (вм. $10^1/_2$), толщ. $3^1/_2$ верш. (вм. 5). И у Титова онъ описанъ нѣсколько иначе: состоитъ изъ продолговатой глыбы *краснаго песчанника*, длиною *до* 4 арш., шириною отъ 8 до 12 верш., толщиною до 4 верш.—Рисунокъ см. у Спасскаго (с. 1.), таб. VI; также у Фролова въ Магаз. Землевѣд., 1854, III, стр. 635, черт. 8 (въ ст. Корнилова).

[3]) Извѣстія Археол. Общ., 1859 г., т. I, вып. 3, стр. 197.

камня; отъ времени многія стерлись, остальныя несовершенно ясны [1]). Впослѣдствіи этотъ камень тоже былъ перевезенъ въ Шушу [2]). Со всѣхъ этихъ трехъ надписей (шушинской, уйской и очурской), снятыхъ въ натуральную величину, археологическое Общество сдѣлало фотографическіе снимки и разослало оріенталистамъ, занимающимся средне-азіатскими письменами, для изслѣдованій и поясненій [3]); но были ли издаваемы въ свѣтъ результаты ихъ изслѣдованія и самыя надписи уйская и очурская—намъ не извѣстно.

Наконецъ, 15) памятникъ руническаго письма—это найденный въ могилѣ здѣшняго края обломокъ бронзовой дощечки, или плитки, изображеніе котораго можно видѣть въ сочиненіяхъ Страленберга и Клапрота [4]). По краямъ дощечки—непонятныя письмена, а въ срединѣ китайскій іероглифъ, который Клапротъ читаетъ „Thay“ и переводитъ grand (большой). Клапротъ, не знаю почему, считаетъ этотъ обломокъ частью зеркала (partie d'un miroir) [5]). По мнѣнію Попова, это одна изъ тѣхъ дощечекъ, которыя у китайцевъ, а по примѣру ихъ, какъ увидимъ ниже, и у другихъ средне азіатскихъ народовъ (киданей, монголовъ), служили знакомъ полномочія, даннаго верховною властью какому либо сановнику, при отправленіи его куда нибудь съ важными порученіями, или давались ханомъ на пиру, въ день своего рожденія, приглашеннымъ престарѣлымъ чиновникамъ—за преклонность лѣтъ и служили такимъ образомъ какъ бы медалями [6]). Сдѣланный здѣсь перечень представляетъ сводъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ надписей этого рода.

Теперь перейдемъ къ попыткамъ объясненія ихъ. Наилучшіе знатоки всемірныхъ языковъ и лучшіе оріенталисты Европы не могли причислить ихъ ни къ одному изъ извѣстныхъ языковъ и ограничились только догадками. Абель-Ремюза выражается осторожно, что онѣ представляютъ обманчивое сходство съ *рунами* и что во всѣхъ основныхъ чертахъ, повидимому, расположены горизонтально отъ правой руки къ лѣвой. Клапротъ, разсматривая

[1]) Тамъ же, стр. 224, 246.

[2]) Тамъ же, стр. 224.

[3]) Тамъ же, стр. 246.

[4]) *Страленберга*, Das Nord. u. s. w., tab. V. *Клапрота*, Mémoires etc., t 1, fig. 157—171, tab. III, cf. Journal Asiatique, 1823, t. II, ql. fig. III.

[5]) *Клапротъ*, въ Journal Asiaque, c. l., pag. 14.

[6]) См. «Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ», *Банзарова*, въ Зап. Археол. Общ., т. II, стр. 72—97. Пер. на нѣм. въ Mèmoires de la societè Jmpèr. d'archeologie, t. V, p. 328—339 и t. VI, p. 441—448, подъ заглавіемъ. «Paise, oder Metallplatten mit den Befehlen der mongolischen Chane, als Jnschrift». Также: «О монгольскомъ и китайскомъ пайзе», *Савельева* и *Леонтьевскаго*, въ Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., 1856 г., ч. II, стр. 161—167, и въ Извѣст. Археол. Общ., 1859, т. I, вып. 3, стр. 217—223, статья *Васильева*: «Китайскія медали за преклонность лѣтъ и пиршества старцевъ». Къ этой же литературѣ относится «Объясненіе древней монгольской надписи на чугунной дощечкѣ, доставленной въ Императорскую академію наукъ г. Винокуровымъ», сдѣланное А. М. Поздѣевымъ въ 1881 году. *Авт.*

характеръ этихъ надписей, говоритъ, что нельзя не признать, что онѣ имѣютъ скорѣе видъ европейскій, чѣмъ азіатскій (ils ont plutôt un air européen qu'asiatique). Здѣсь легко можно узнать нѣкоторыя буквы греческія и славянскія (Journal Asiatique, 1823, t. II, p. 5). Байеръ и Тихзенъ видѣли въ нихъ сходство съ древними кельтскими и готѳскими письменами. Тихзенъ даже согласно этой догадкѣ пробуетъ изъ знаковъ, находящихся на одной Палласовой надписи составить слоги: alchytyroko-tuk, а 4 послѣдніе знака считаетъ сходными съ индійскимъ числомъ 2112 или готѳскимъ слогомъ gigi (Тихзенъ, Schreiben an Pallas u. s. w.; „Сибирскій Вѣстникъ", 1818. Начертанія, стр. 12—13).

Мы не будемъ приводить догадокъ и мнѣній Спасскаго, какъ неспеціалиста. Но Поповъ, обладавшій филологическими познаніями, также при подробномъ изученіи находитъ, что письмена эти весьма близки къ сѣвернымъ рунамъ. Взаключеніе приведемъ еще мнѣніе Абель Ремюза о типахъ древняго письма, свойственнаго нѣкоторымъ восточнымъ племенамъ Сибири.

„Многіе, даже ученые люди,—говорилъ онъ,—привыкнувъ судить о прежнемъ состояніи этихъ странъ по нынѣшнему состоянію, можетъ быть, удивятся, что отыскиваютъ надписи въ землѣ остяковъ, бурятъ и тунгузовъ. Но надобно напомнить имъ, что на этихъ мѣстахъ нѣкогда обитали многіе разноплеменные народы, и что знаніе письменъ, которыя употребляли они, можетъ разлить величайшій свѣтъ на важные историческіе и филологическіе вопросы. Впрочемъ, ни одно историческое положительное свѣдѣніе не представляетъ намъ доказательствъ, чтобы у народовъ татарскаго происхожденія существовала правильная система собственно такъ называемаго письма за вѣкъ до нашего лѣтосчисленія. Но можно, однакожъ, предполагать и то, что индійцы гораздо еще прежде должны были проникнуть въ сѣверныя страны. Вѣроятно, что съ народами Сѣверной Татаріи (подъ Татаріей Абель Ремюза разумѣетъ полосу земли отъ Каспія до Восточнаго океана, т. е. Среднюю Азію) имѣли сношеніе сперва персы, потомъ греки бактрійскіе; безъ сомнѣнія, и торговля желѣзомъ, шелкомъ и другими произведеніями восходитъ до отдаленнѣйшихъ эпохъ, а отысканіе слѣдовъ ея было бы чрезвычайно любопытно. Съ другой стороны, татарамъ приписываютъ употребленіе письма, которое по начертанію должно было имѣть сходство съ сѣверными рунами, и это письмо, безъ сомнѣнія, было въ употребленіи у того поколѣнія индо-готѳовъ, которое у китайцевъ извѣстно подъ именемъ у-сунь и которое за сто лѣтъ до Р. Х. обитало въ земляхъ, лежащихъ къ западу отъ Иртыша и озера Зайсана". Этимъ племеннымъ сродствомъ у-суней съ индо-германцами, впослѣдствіи отатарившихся. онъ объясняетъ введеніе въ тюркскій языкъ вспомогательныхъ глаголовъ и сложныхъ временъ. „Весьма важно было бы знать,—присовокупляетъ онъ,—дѣйствительно ли до восточныхъ странъ дошелъ особенный и извѣстный народамъ скандинавскимъ образъ письма европейскаго. Памятникъ, который бы подтвердилъ это,

былъ бы любопытнѣйшимъ открытіемъ“ [1]). Памятники „руническаго“ письма, найденные въ Минусинскомъ краѣ, можетъ быть, одни изъ тѣхъ, открытія которыхъ такъ сильно желалъ Абель Ремюза,—говоритъ Поповъ.

Итакъ всѣ оріентилисты, у кого были въ рукахъ образцы этого письма, приходятъ къ заключенію, что письмо это по типу находится въ прямомъ сродствѣ съ рунами и письмомъ готѳскимъ, скандинавскимъ скорѣе, чѣмъ съ китайскимъ, монгольскимъ и позднѣйшимъ уйгурскимъ XII вѣка [2]).

Затѣмъ обратимъ вниманіе, къ какимъ народамъ и племенамъ въ Азіи оно пріурочивается. Мѣстонахожденіе надписей именно того типа, образцы котораго мы выставили, находится на скалахъ Минусинскаго округа, на Усѣ, Эрбѣ и т. д. и южнѣе Саянъ на Кемчикѣ. Надписи эти находятся не только на скалахъ, но и ими исписана каменная баба, описанная Страленбергомъ; онѣ находятся и на надгробныхъ кàмняхъ, затѣмъ надпись такая же найдена на серебряной дощечкѣ вмѣстѣ съ китайской буквой. Клапротъ старался объяснить китайскій знакъ словомъ Танъ и подобно ему же разгадывать руническую надпись. Дощечка эта объяснена, также какъ пайзе, или знакъ уполномочія посланнику. Подъ названіемъ Танъ должно разумѣть китайскую династію Тханъ (618—907 г. по Р. Х.), господствовавшую въ то время, когда хакасы вели сношенія съ китайцами. Для насъ дощечка съ рунами и китайскимъ знакомъ пока имѣетъ одно вѣрное свидѣтельство, что народъ, которому принадлежала таинственная письменность, имѣлъ сношеніе съ китайцами, и что одновременно онъ ставилъ каменные монументы [3]). Мѣста, гдѣ находятся эти надписи, какъ извѣстно, были обиталищемъ народа хакасъ или хакясъ. Хакасы, кіень-куенъ или киликидзе (киргизы?) извѣстны были китайцамъ съ 97 г. до Р. Х. Народъ этотъ не монгольскій, но, какъ думаютъ, индогерманскій, ибо онъ описывается китайцами, какъ народъ бѣлокурый, голубоглазый, онъ имѣлъ извѣстную культуру, земледѣліе и обширныя торговыя сношенія. Женщины носили платья изъ шелковыхъ матерій, получаемыхъ изъ Ань-Си (Кучи къ востоку отъ Аксу по Риттеру), Вай-тхинъ (Біей-динъ за Урумчи, по Іакинѳу) и Дахя (Кабулистанъ и часть Бухары). Государство это было въ дружественныхъ связяхъ съ Даши, Турфанью и Гэлолу. Хакасы имѣли, какъ сообщаютъ китайцы, и свою письменность, общую съ

[1]) *Ремюза*, Journal des Savants, 1822, octob. Перев. въ дополненіяхъ у Спасскаго, с. !. 172—173. Cf. Recherches sur les langues tartares, cap. VI, turk. orient, p. 306.

[2]) Есть предположеніе, что это письмо древне-уйгурское, возникшее ранѣе XII вѣка, но мы коснемся этого предположенія ниже.

[3]) Намъ кажется преждевременнымъ присваивать эту дощечку съ рунами непремѣнно хакасамъ. Съ китайцами имѣли сношенія и другіе народы. Половина предполагаемаго китайскаго знака не сохранилась на пайзе. Настоящія пайзе, открытыя въ Минусинскомъ округѣ (нынѣ всѣхъ пайзе найдено 5), отличаются отъ указаннаго.

хой-ху (уйгурами). Поэтому Риттеръ, Висдэлу и самъ Клапротъ склонились къ тому мнѣнію, что надписи на скалахъ есть хакаское письмо (см. „Supplement à la bibliothèque orientale de d'Herbelot“, édition de la Haye, in 4°, page 174 et suiv.) и въ то же время древне-уйгурское (такъ какъ древнее письмо уйгуръ до XII в. неизвѣстно).

Но такое убѣжденіе нимало не подвинуло чтенія надписей. Сами хакасы были племя загадочное, смѣшавшееся съ тюркскимъ (Клапротъ). Изъ китайскаго описанія, по нѣкоторымъ словамъ ихъ, можно догадываться, что они говорили тюркскимъ языкомъ, но ни тюркскій языкъ, ни уйгурскій пока не далъ ключа къ разгадкѣ надписей [1]).

Клапротъ не могъ не предвидѣть, однако, нѣкоторыхъ возраженій на свою гипотезу. „Жаль,—говоритъ онъ,—что китайскіе писатели не даютъ намъ никакихъ подробностей относительно буквъ хакасовъ или киргизовъ; но я думаю, что мы ихъ *открыли* въ надписяхъ южной Сибири, между Обью и Енисеемъ, гдѣ жили восточные киргизы (хакасы) съ Р. Х. до начала XVIII вѣка (хакасовъ китайцы звали киликидзе), ибо какому народу можно усвоять (присвоивать) эти надписи, какъ не тому, въ отечествѣ котораго онѣ находятся?“ (Мы не понимаемъ, почему рѣшено, что здѣсь жили только хакасы, а почему до нихъ не были эти мѣста отечествомъ другаго народа. Хакасы, какъ говорятъ, отуречились, но, значитъ, они имѣли ранѣе какой-то особый языкъ. Затѣмъ, какъ объяснить сходство уйгурской азбуки съ европейскими и скандинавскими рунами? Все это еще вопросы). „*Единственное препятствіе* и препятствіе *правдоподобное* (specieuse),—продолжаетъ Клапротъ,—которое можно противопоставить этой догадкѣ,—это *форма буквъ, не имѣющая ничего азіатскаго*. (Возраженіе дѣйствительно вѣское „specieuse“). „Однако я не вижу причины,—говоритъ знаменитый ученый,—почему бы письмена хакасовъ не могли произойдти отъ алфавитной системы европейской, такъ какъ письмена монголовъ и маньчжуровъ, царящихъ и царившихъ на берегахъ Восточнаго океана, имѣютъ же вѣдь начало въ Сиріи и съ береговъ Средиземнаго моря“ [2]) (Клапротъ, Journal Asiatique, 1823, t. II, p. 10—11).

На основаніи сношеній хакасовъ съ отдаленными странами

[1]) О языкѣ хакасовъ остались свѣдѣнія у китайцевъ, которые приводятъ нѣсколько названій: бій, ай, яланъ, доказывающихъ, что они говорили татарскимъ языкомъ. «Письмо ихъ и языкъ совершенно сходны съ ойхорскимъ»,—говоритъ китайскій лѣтописецъ. Уйгуры притомъ покоряли хакасовъ. О. Іакинѳъ дѣлаетъ догадку, что хакасы въ сношеніяхъ съ китайцами употребляли ойхорскій языкъ, какъ имъ наиболѣе понятный. Кромѣ татарскихъ словъ, однако, встрѣчаются въ названіяхъ хакасовъ и слова финскія и самоѣдскія, которыя приводитъ Шотъ.

[2]) Теряясь въ догадкахъ, А. Ремюза также дѣлалъ предположенія, что въ Татаріи могли оставить слѣды сиріяне съ азбукой, которой буквы сходствуютъ съ такъ называемымъ письмомъ «страмгело», или съ буквами, бывшими у несторіанъ и якобитовъ, т. е. съ сиро-халдейскими.

Азіи и Европы Клапротъ, а за нимъ и изслѣдователь сибирскихъ рунъ послѣ Спасскаго Н. И. Поповъ строятъ предположеніе, что древняя европейская и даже славянская азбука перешла на Востокъ къ татарамъ чрезъ хазаръ (Клапротъ, Journal Asiatique, 1823, t. II, p. 12). Что касается хазаръ, то тотъ же Клапротъ предполагаетъ, что *славянская азбука* перешла къ нимъ во время путешествія къ нимъ миссіонеровъ Кирилла и Меѳодія. „*Вѣроятно*, Кириллъ,—говоритъ Клапротъ,—прежде изобрѣтенія азбуки для болгаръ и моравовъ, сослужилъ подобную же службу и хазарамъ, давъ имъ письменность, а можетъ быть, одинъ изъ этихъ алфавитовъ (славянскій) есть только видоизмѣненіе хазарскаго".

Поэтому говорятъ ничего нѣтъ удивительнаго, что у минусинскихъ хакасовъ замѣчается сходство съ славянскими буквами. Точно также объясняется сходство минусинскихъ рунъ съ готѳскими письменами чрезъ перенесеніе ихъ съ *запада на востокъ*. Готѳская азбука, изобрѣтенная епископомъ Ульфиломъ, взята изъ буквъ греческихъ, а отчасти германскихъ руническихъ письменъ. Въ VII столѣтіи сосѣдями готѳовъ являются хазары, овладѣвшіе Тавридою Но у готѳовъ долго сохранялся свой языкъ, чему служатъ свидѣтельства Вильфрида Страбона въ IX вѣкѣ.

Въ Малой Скиѳіи у томитянъ пребывалъ епископъ Ульфилъ. Готѳская азбука сходилась съ славянской. И вотъ новое объясненіе сходства съ письмомъ хакаскимъ, такъ какъ во времена могущества своего хакасы могли сноситься съ южными предѣлами Россіи. Таковъ послѣдній выводъ и сводъ всѣхъ изысканій, сдѣланный о минусинскихъ рунахъ и родствѣ ихъ съ европейскими. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ оцѣнку этихъ предположеній, подлежащихъ весьма строгой критикѣ. На сношеніяхъ хакасовъ съ отдаленными племенами можетъ быть построено одинаково сходство письма съ сирійскимъ, какъ съ персидскимъ, арабскимъ, такъ и славянскимъ. Замѣтимъ, однако, что азбука и письмо не такъ легко переносятся въ страны, какъ товаръ; затѣмъ мы должны указать на разстоянія, отдѣлявшія хакасовъ, жившихъ на берегахъ Енисея и въ вершинахъ его, отъ южной Россіи, крымскихъ готѳовъ и хазаръ. Между ними находился еще цѣлый рядъ народовъ и племенъ. Второе возраженіе можетъ быть сдѣлано то, что письмо уйгуровъ, какъ и древнія готѳскія и славянскія руны, имъ предшествовавшія, позднѣе изобрѣтенной азбуки, остаются неизвѣстны, чтобы утверждать ихъ тождество съ хакасскимъ. Минусинскія письмена часто пріурочиваются и къ другимъ азбукамъ и письменамъ. Нѣкоторые предполагали здѣсь просто *тамги* татарскія (хотя это не тамги, а цѣлыя слова). Въ этихъ знакахъ пробовали находить сходство со знаками, которые встрѣчаются у вотяковъ и вогуловъ, значитъ съ финскими. Извѣстный этнографъ Тейлоръ сходство нѣкоторыхъ знаковъ объяснялъ сассанидскими. Словомъ, эти знаки относятъ, по произволу, куда угодно.

Есть ли это тюркскій или уйгурскій языкъ, легче всего могутъ раскрыть знатоки древнихъ татарскихъ языковъ, хотя бы даже буквы

и знаки были заимствованы у другаго народа. Угадать языкъ, на которомъ говорили писавшіе, представляется весьма важнымъ, поэтому здѣсь нелишни и историческія соображенія о племенахъ, которымъ могъ этотъ языкъ принадлежать.

По типу письма уже констатировано, что это образъ письма близкій къ руническому, т. е. къ первобытнымъ письменамъ, оставшимся у скандинавовъ (образцы рунъ сѣверныхъ, брахтеатовъ, золотаго рога и англо-саксонскія приложены къ изслѣдованію Попова), они же напоминаютъ и готѳскія или первообразъ готѳскихъ [1]).

Прежде чѣмъ переносить европейскія азбуки съ Запада къ хакасамъ на Востокъ, не мѣшаетъ, однако, обратить вниманіе на народы. которые жили въ сосѣдствѣ хакасовъ, и не можетъ ли это сосѣдство пролить нѣкоторый свѣтъ на письмена въ земляхъ хакасовъ. Мы видимъ, что къ югу отъ хакасовъ жили уйгуры, на западѣ, въ Алтаѣ, дулгасцы. О дулгасскомъ письмѣ китайскій историкъ говоритъ, что письмо дулгасское походитъ на тюркское. „Буквы письма ихъ походятъ на буквы народа ху.“ Это мѣсто,—говоритъ Іакинѳъ въ примѣчаніи,—намекаетъ на происхожденіе ойхорскаго, т. е. древняго монгольскаго письма. Тюрки названы китайскимъ словомъ ху, которое косвенно относится къ афганистанцамъ и аравитянамъ [2]).

На земляхъ дулгасцевъ въ Алтаѣ мы, однако, не встрѣчаемъ письменъ подобно хакасскимъ, но на бухтарминскихъ камняхъ есть надписи другаго рода и писанныя краской, а не вырѣзанныя (онѣ помѣщены у Спасскаго). Знаки эти напоминаютъ скорѣе *бирки*, счетъ чего-то, и около нихъ стрѣлы. Въ китайскомъ описаніи говорится, что дулгасцы количество требуемыхъ людей, лошадей, податей и скота считаютъ по зарубкамъ на деревѣ (которыя могли сохраниться и на камнѣ). Вмѣсто предписанія употребляютъ стрѣлу съ золотымъ копытцемъ. Именно такіе знаки и сохранились на Иртышѣ, близь Бухтарминска (табл. VII, рис. Спасскаго). Этотъ родъ письма доказываетъ, что въ этотъ періодъ письмо „ху“, или тюрковъ, стояло на весьма низкой степени, что подтверждаетъ и описаніе быта дулга. Настоящее уйгурское письмо также изобрѣтено впослѣдствіи. Уйгуры и дулга, кромѣ того, имѣли родство и находились подъ сильнымъ монгольскимъ вліяніемъ. Тюрки и татары составляли также иную вѣтвь отъ индо-европейцевъ, поэтому приписывать имъ эту азбуку едва ли возможно.

Затѣмъ обратимъ вниманіе на другіе сосѣдніе народы. Сами

[1]) По имѣющимся образцамъ видно, что въ минусинскія руны входитъ *вся азбука* скандинавскихъ рунъ (онѣ тождественны); кромѣ того, встрѣчаются буквы славянскія и буквы готѳскія и греческія, и также много другихъ знаковъ, какъ будто это былъ алфавитъ и первообразъ индо-европейской азбуки.

[2]) Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Сочиненіе монаха Іакинѳа. Ч. І-я, отд. III. Сяньби, стр. 269 и примѣч.

хакасы не были чистымъ племенемъ, какъ пишутъ китайскіе историки, и жили смѣшанно съ динь-линями, и носили названіе ки-ку, кинь-ву. Динь-лини было древнѣйшее племя, извѣстное за 100 лѣтъ до Рожд. Хр.; по китайскимъ показаніямъ, оно распространялось до восточныхъ береговъ Байкала и жило къ сѣверу отъ усуней въ странахъ, орошаемыхъ Обью и Иртышемъ, къ сѣверо-западу и сѣверу отъ Согдіаны. На языкѣ усуней они назывались „старѣйшіе“. Близь Байкала они были покорены въ концѣ III-го вѣка до Р. Х. народомъ гіунгъ-ну (тюркскимъ). Въ 65 г. до Р. Х. они освобождаются отъ нихъ и ведутъ съ ними войну. Динь-лини восточные также до 507 г. послѣ Р. Х. составляютъ могущественный народъ, но вторженіе гіунгъ-ну и народа жун-жуй оттѣснило ихъ и они слились съ хакасами. Динь-лини, по описанію, былъ народъ бѣлокурый или рыжеватый, имѣвшій голубые глаза (nation blonde ou rousse,—говоритъ Клапротъ). Брюнеты у хакасовъ происходили отъ китайцевъ, блондины отъ динь-линей. Несомнѣнно, что динь-лини имѣли сильное вліяніе на хакасовъ и были частью народа. Что же это были за племена, населявшія среднюю и часть южной Сибири? Одно изъ двухъ: или индо-европейцы, или финны.

О томъ, что къ сѣверу отъ хакасовъ и смежно съ ними жили племена финскія, можетъ быть нѣсколько догадокъ и подкрѣпленій. Есть разсказъ у китайцевъ, что къ сѣверу отъ хакасовъ когда-то жилъ народъ бѣлокурой же расы. Это племя было гораздо сѣвернѣе мѣстожительства индо-европейцевъ, а потому Кастренъ имѣлъ основаніе предполагать въ сосѣдствѣ хакасовъ финновъ. Тотъ же Кастренъ услѣдилъ остатки финновъ и самоѣдовъ по Енисею. До сихъ поръ у соенцовъ видна смѣсь племенъ, и однихъ называютъ черными, а другихъ желтыми. У сибирскихъ татаръ сохранилось преданіе о какомъ-то народѣ „урсассахъ“, которыхъ называли бѣлоглазыми „акъ-корокъ“ (чуть бѣлоглазая). Татары говорятъ, что они были аборигенами до пришествія киргизовъ. Самоѣдское племя несомнѣнно принадлежитъ къ племенамъ алтайскимъ. Въ словахъ хакасовъ, по изысканіямъ Шота, встрѣчаются также и финскія слова, напримѣръ, Кемъ (Енисей), ми-ти-си-та (названіе жилища у хакасскаго хана; оно же самоѣдское названіе юрты) и желѣза *кіяса*. Названія рѣкъ и доселѣ въ Алтаѣ попадаются финскія, и слѣдъ этого народа видѣнъ еще въ живущихъ нынѣ племенахъ. Все это подтверждаетъ, что финны жили южнѣе нынѣшняго ихъ мѣстопребыванія и были древнѣйшими аборигенами края.

Перейдемъ теперь къ другимъ племенамъ, сосѣднимъ хакасамъ.

Къ востоку отъ хакасовъ, на берегахъ Или и близь озера Иссыкъ-Куля, жило также бѣлокурое племя усуни, съ которымъ китайцы завели сношенія, какъ и съ хакасами. Оно описывается также подробно, какъ и хакасы. Оріенталисты предполагаютъ, что и это племя было индо-европейское. Въ составъ его входило племя юэчжи, а ранѣе на этихъ земляхъ жилъ народъ сэ (саки, которымъ знаменитый Григорьевъ посвятилъ особенное изслѣдованіе).

Народъ юэчжи особенно выдается своей древностью и исторіей; онъ несравненно важнѣе и стоялъ выше по цивилизаціи, чѣмъ усуни, народъ полукочевой, какъ и хакасы. Свѣдѣнія о народѣ юэчжи (юэчжи по одному правописанію, юети по другому, китайскому) появляются за 141 г. до Р. Х. Предки юэчжи когда-то владѣли частью Китая и Тангутомъ. Разбитые въ 201 г. и покоренные въ 177 г. до Р. Х., они удалились къ западу за Нань-Шань, гдѣ образовали владѣнія Малой Юэчжи. Большіе Юэчжи поселились на берегахъ Или, выгнавъ народъ сэ (саковъ), которые ушли въ Трансаксіану. Усуни, вытѣсненные изъ тѣхъ же предѣловъ, вернулись и оттѣснили юэчжи на востокъ, за Яксатеръ; послѣдніе вторглись въ Трансаксіану и Бактріану, гдѣ они создали могущественную имперію, которая продолжалась много вѣковъ. Впослѣдствіи юэчжи завоевываютъ Кабулъ, Кандагаръ и всѣ земли по обѣ стороны Инда. Древніе присвоиваютъ имъ названіе индо-скиѳовъ. Ихъ столицей была Кіанъ-чи-тчингъ, и ихъ король жилъ къ сѣверу отъ Оксуса, называемый китайцами Кое или Гей (Гей или Вей; Veh—слово зендское, по объясненію Клапрота). Китайскій императоръ Гань ищетъ союза съ юэчжи, но юэчжи не нападаютъ на враговъ китайцевъ, а предпочитаютъ завоеваніе плодоносныхъ долинъ Персіи и Синда. За 25 лѣтъ до Р. Х. Кіу-тсіу-хи, начальникъ орды Куей-Шуангъ, подчиняетъ остальныя 4 орды называетъ себя королемъ всей націи и присвоиваетъ ей имя своей орды Куей или Гей. Онъ нападаетъ на парѳянъ чрезъ Кабулъ. Въ это время могущества владѣнія Юэчжи и Юети или Гей достигаютъ извѣстной высоты цивилизаціи. Ремесленники и купцы являются къ китайцамъ и учатъ ихъ дѣлать цвѣтное стекло, изъ котораго сооружаютъ цѣлый дворецъ (424 г. послѣ Р. Х., Клапротъ, Tableaux histor. de l'Asie, p. 134). Сила и вліяніе этого народа падаетъ въ Средней Азіи въ V вѣкѣ, когда увеличивается монархія сассанидовъ и вторженіе жунъ-жунцевъ турокъ довершаетъ паденіе. Этотъ видный народъ имѣлъ распространеніе до Алтая и до Хатана и получилъ названіе іе-та, онъ простирался до Оксуса, и столица его была Баміанъ, окруженная стѣной и башнями. Іе-ты подчиняли народы до Трансаксіаны и Каспійскаго моря. Между V и VII вѣками они посылаютъ посольства въ Китай. Ихъ языкъ,— пишетъ Клапротъ по китайскимъ показаніямъ,—отличается отъ жунъ-жунцевъ, отъ као-тче (тюрковъ) и всѣхъ другихъ варваровъ. (Tableaux hist. de l'Asie, p. 135—137).

Этотъ народъ вмѣстѣ съ другими индо-европейскими племенами, какъ видимъ, до VII вѣка имѣлъ весьма широкое распространеніе и вліяніе. Указанные народы, какъ-то: юети, саки, усуни и хакасы, были связаны родствомъ. Юети, какъ объяснили новѣйшіе оріенталисты вмѣстѣ съ Абель Ремюза, были готѳы. Названіе „большіе юэчжчи" у Іакинѳа, да-юети китайцевъ, есть великіе— готѳы или *массагеты* поперсидски [1]). Самъ Клапротъ, на стр. 167,

[1]) Nouveau Mélange Asiatique, I, 220. Абель Ремюза. О скиѳскомъ народѣ сакахъ, Григорьева, 1871, стр. 137.

Tabl. hist., упоминая о народѣ ху-те или ку-те, жившемъ къ сѣверо-западу отъ усуней, причисляетъ его къ отрасли готѳскаго племени.

Вліяніе этихъ племенъ въ Азіи, въ нынѣшнемъ Семирѣчьѣ, Алтаѣ и въ вершинахъ Енисея могло предшествовать тюркскому могуществу и отуреченію алтае-саянскихъ племенъ; несомнѣнно, что сама цивилизація юети была выше монголъ-кочевниковъ и даже кочевниковъ тюрковъ. Уйгуры, какъ сами хакасы и усуни, собственно были кочевники, заимствовавшіе лишь начатки культуры у другихъ. Разгадку многаго, можетъ быть, придется поэтому искать въ этой ранней цивилизаціи, а также здѣсь же и начала письменности. Этимъ же можетъ быть объяснено въ самыхъ тюркскихъ языкахъ вліяніе индо-европейское, наконецъ, самое сходство минусинскихъ рунъ съ готѳскими и европейскими. Едва ли нужно поэтому переносить руны отъ европейскихъ готѳовъ и финновъ къ азіатскимъ народамъ, когда мы видимъ происхожденіе этихъ народовъ изъ Азіи.

Укажемъ еще на связь таинственной письменности съ другими памятниками древности Монголіи, Саяновъ, Енисея, Алтая, Киргизской степи, долинъ Или и озера Иссыкъ-Куля. Мы видимъ, что одна изъ каменныхъ бабъ и монументовъ исписана рунами, какія встрѣчены и на скалахъ; слѣды на другомъ камнѣ съ изображеніемъ также засвидѣтельствованы. Значитъ, письменность эта одновременна каменнымъ бабамъ, остающимся такимъ же загадочнымъ явленіемъ для археологовъ. Въ своихъ изысканіяхъ о распространеніи каменныхъ бабъ на сѣверѣ Азіи мы пришли къ такимъ заключеніямъ. Каменныя бабы встрѣчаются въ сѣверной Монголіи (см. Путешествіе Потанина), далѣе тянутся по Кемчику, встрѣчаются въ Минусинскомъ округѣ, въ Алтаѣ и къ югу отъ него, находятся около Кульджи, около Вѣрнаго, на берегахъ Иссыкъ-Куля, въ Киргизской степи около Балхаша и переходятъ въ южную Россію. Екатеринославская, Таврическая и др. губерніи особенно обильны ими. Каменныя бабы находятся слѣдовательно преимущественно на мѣстахъ, гдѣ жили хакасы, усуни и дулгасцы, гдѣ были ранѣе іеты (геты) и саки [1]).

Разсматривая китайскія показанія о погребальныхъ обычаяхъ разныхъ племенъ, мы не видимъ, однако, никакихъ указаній объ обычаѣ ставить каменныя бабы у хакасовъ, хотя упоминается объ этомъ обычаѣ у дулгасцевъ и нѣчто похожее у уйгуръ. У уйгуръ ставили покойника съ лукомъ въ могилу. Обычай этотъ былъ, какъ видно, весьма древнимъ, и относится къ первобытнымъ вѣрованіямъ шаманизма. Среди современныхъ тюркскихъ племенъ Алтая и Минусинскаго округа, мы его совсѣмъ нынѣ не находимъ. Происхожденіе каменныхъ бабъ относится къ древнѣйшему культу и доисторическому времени на сѣверѣ Азіи, какъ можно предположить, существовавшему ранѣе Рожд. Хр.; иначе китайцы, имѣвшіе древ-

[1]) Каменныя бабы стоятъ на берегу озера Иссыкъ-Куля, гдѣ находятся предполагаемыя развалины усуньскаго города *Чигу*.

нѣйшія сношенія въ это время съ хакасами и усунями, намекнули бы на него, а у хакасовъ подробно описаны всѣ обычаи, исключая этого. Отсюда можно видѣть, что каменные монументы принадлежали народу, предшествовавшему хакасамъ или жившему въ сосѣдствѣ съ ними. О постановкѣ камней мы находимъ только указанія, какъ сказали, у дулгасцевъ, гдѣ камни эти означаютъ число убитыхъ воиновъ. О постановкѣ монументовъ въ честь знаменитыхъ лицъ, однако, есть указанія въ древней исторіи другихъ народовъ; такіе монументы ставили сэ или саки (см. описаніе Григорьева), монументъ былъ поставленъ въ честь царицы Зарины, и Григорьевъ связываетъ это съ постановкой каменныхъ бабъ.

Такой же обычай могъ быть у сосѣдей саковъ и юети. Онъ былъ древнимъ и у китайцевъ у которыхъ существуетъ культъ поклоненія предкамъ. Въ вѣрованіяхъ шаманизма обожаніе и олицетвореніе мертвыхъ и въ тѣсномъ смыслѣ дѣланіе куколъ и изображеній ихъ сохранилось у финскихъ племенъ, какъ у остяковъ и самоѣдовъ (Кастренъ, „Путешествіе" по Сѣверной Россіи). Дѣланіе куклы въ память покойника было у древнихъ киргизъ-кайсаковъ (Киргизъ-кайсаки, „Сиб. Вѣстникъ", 1820 г., ч. X, стр. 162—164). Изъ этого можно заключить, что онъ былъ извѣстенъ древнимъ финскимъ племенамъ, и въ томъ числѣ, можетъ быть, динь-линямъ, слившимся съ хакасами, затѣмъ отъ какого-то народа перешолъ къ киргизамъ.

Обычай этотъ могъ быть свойственъ и индо-скиѳамъ, и отъ нихъ перейдти къ дулгасцамъ, хакасамъ и усунямъ. Направленіе и слѣды бабъ въ Монголіи и Тангутѣ указываютъ на то, что онъ былъ извѣстенъ народамъ, шедшимъ изъ Тангута, гдѣ имѣли пребываніе юети. Возможно допустить, что постановка каменныхъ изваяній и камней на могилахъ (хотя обычай дулгасцевъ могъ быть совершенно другаго характера) существовала совмѣстно у многихъ племенъ, начиная отъ Монголіи и кончая южной Россіей. Марцелинъ видѣлъ каменныхъ бабъ на югѣ Россіи уже въ IV вѣкѣ. Рубруквисъ въ XII вѣкѣ встрѣчаетъ обычай постановки пирамидъ и изваяній на могилахъ у командовъ (половцевъ) въ южной Россіи [1]). Такимъ образомъ каменныя бабы передвигаются по мѣрѣ переселенія народовъ отъ Монголіи по вершинамъ Енисея, къ югу Енисейской губерніи, зайсанской котловинѣ, къ Иссыкъ-Кулю и Или; затѣмъ раскиданы въ южной части Киргизской степи, смежной съ Семирѣчьемъ, и наконецъ появляются на югѣ Россіи. Замѣтимъ при этомъ, что типъ этихъ каменныхъ бабъ въ Монголіи, въ Саянахъ, въ Алтаѣ и на озерѣ Иссыкъ-Кулѣ весьма сходственъ. Каменныя бабы, найденныя и срисованныя Адріановымъ на Кемчикѣ, поразительно сходны съ нѣкоторыми найденными

[1]) Замѣчательно, что, по описанію Рубруквиса, на этихъ могилахъ находились развѣшенные черепа и шкуры скота, принесеннаго въ жертву; послѣднее и доселѣ остается у шаманистовъ финновъ и тюрковъ (Алтайская тайга). Такой же обычай существовалъ у скиѳовъ

около Вѣрнаго. Та же круглая шапочка съ откинутыми назадъ въ видѣ шлема полями, лицо съ усами, открытые, а не узкіе глаза, сумка и украшеніе на поясѣ, въ рукахъ чаша. Лица, нарисованныя на плитахъ, съ усами тѣ же въ Алтаѣ, въ долинѣ Улгана, какъ и на Иссыкъ-Кулѣ. Сосудъ, поддерживаемый обѣими руками на животѣ, принадлежность всѣхъ бабъ отъ Монголіи до южной Россіи. Въ Алтаѣ и на Кемчикѣ встрѣчаются статуи, держащія въ правой рукѣ чашу, а лѣвой держащіяся за мечъ, привѣшенный съ боку. Это доказываетъ, что народъ этотъ имѣлъ усовершенствованное оружіе. Грубоватыя изваянія отъ востока къ западу смѣняются болѣе изящными и наиболѣе совершенными; чаша въ рукахъ доказываетъ ихъ родство съ азіатскими бабами, но костюмъ на югѣ Россіи измѣнился нѣсколько. Сличенія всѣхъ типовъ бабъ еще не сдѣлано доселѣ, но оно можетъ доказать извѣстное тождество. Стало быть, это слѣдъ почти одного или родственнаго племени. Доказано, что эти памятники не принадлежали гуннамъ или монголамъ [1]); далѣе они—слѣдъ довольно продолжительнаго пребыванія племенъ на одномъ мѣстѣ, а не нашествія ордъ. У тюркскихъ племенъ Сибири не сохранилось этого обычая, и въ древнее время онъ принадлежалъ немногимъ тюркамъ, дулгасцамъ, команамъ. Народъ, ставившій каменныя бабы, былъ своеобразенъ и имѣлъ письменность; мѣста, гдѣ остались и уцѣлѣли каменныя бабы, на западѣ Азіи и на югѣ Россіи, это мѣста, гдѣ жили индо-скиѳскія племена и характерная, называемая Клапротомъ „race blonde", она же отмѣчена китайцами. Что же это за племена въ частности—оставляемъ догадываться на основаніи приведенныхъ историческихъ данныхъ. Надо замѣтить, что связь и родство Скиѳіи на югѣ Россіи съ азіатской Скиѳіей, съ Алтаемъ и Енисеемъ подтверждается и сходствомъ открываемыхъ древностей, что доказываютъ, между прочимъ, скиѳскіе мѣдные котлы.

Не рѣшая вопроса о письменахъ и каменныхъ бабахъ въ Сибири, мы можемъ сказать, что происхожденіе ихъ коренится въ глубочайшей древности, приблизительно до Рождества Христова. Диво, что эти памятники сохранились около 2,000 лѣтъ. Далѣе есть нѣкоторыя основанія предполагать, что они принадлежали настолько же древнимъ финскимъ племенамъ и передвинувшимся готѳамъ и индо-скиѳамъ, какъ и древнимъ тюркамъ, жившимъ въ сосѣдствѣ съ ними.

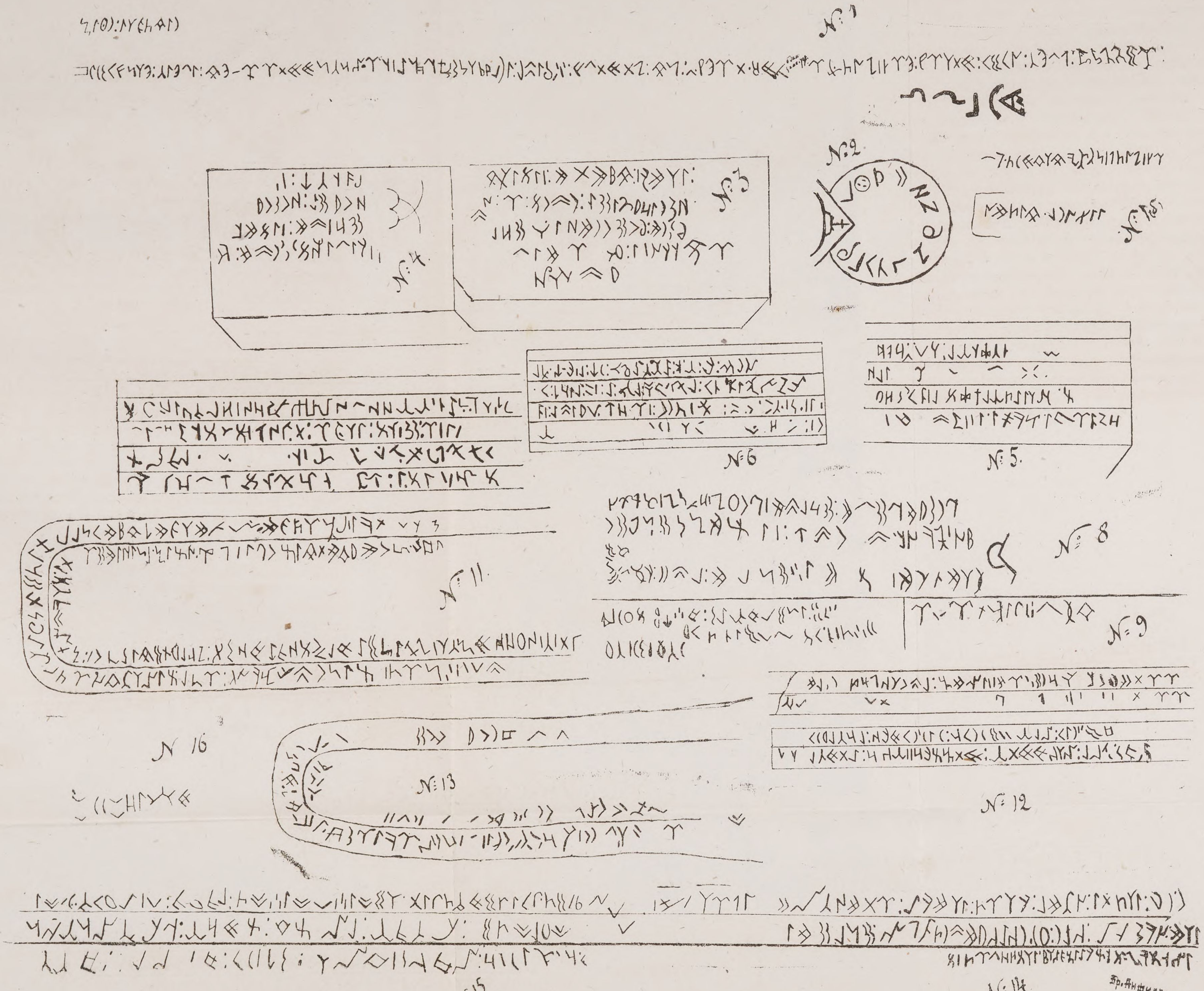
Какъ каменныя бабы, такъ и руническія письмена есть слѣдъ и вѣхи великаго переселенія племенъ изъ Азіи въ древнѣйшія времена въ Европу, въ нихъ же находится ключъ, можетъ быть, родства европейскихъ и азіатскихъ народовъ, который мы доселѣ предполагали и едва могли догадываться. Можно себѣ представить, какой интересъ въ будущемъ составитъ разгадка этихъ сфинксовъ для исторіи человѣчества.

Н. Ядринцевъ.

[1]) Точно также не подтверждается мнѣніе Палласа, Спасскаго и Корещенко, что бабы имѣли буддійское происхожденіе. Похороны буддистовъ опровергаютъ это.

ДРЕВНІЯ НАДПИСИ НА СКАЛАХЪ СИБИРИ.

Приложеніе къ статьѣ „Древніе памятники и письмена въ Сибири", Н. Ядринцева.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1032 — 1882). Составилъ *И. В. Щегловъ.* Изданіе восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества, подъ редакціей члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ. 1883.

Историкъ-изслѣдователь, приступающій къ разработкѣ исторіи какой либо русской области, находится совсѣмъ въ особыхъ условіяхъ для своихъ ученыхъ занятій,—условіяхъ, неизвѣстныхъ для лица, пишущаго свой трудъ по какому нибудь общему историческому вопросу Россіи. Дѣло въ томъ, что степень научной разработки и количество изданныхъ, доступныхъ для изслѣдователя, источниковъ далеко не одинаковы въ исторіи обще-русской, трактующей о вопросахъ, общихъ для русскаго государства и русскаго народа, и въ исторіи областей, повѣствующей о прошлыхъ судьбахъ такихъ областныхъ единицъ, какъ, напримѣръ, Сибирь, земля войска Донскаго, Пермскій край, Вятка и т. д. Происходитъ это, какъ намъ кажется, оттого, во-первыхъ, что сама русская историческая наука еще можетъ считаться одной изъ самыхъ младшихъ дочерей музы Кліо, а затѣмъ и оттого, что почти всѣ прежніе и новые историки земли Русской, занимаясь преимущественно изученіемъ русской государственности и событій, тѣсно съ нею связанныхъ, оставляли въ сторонѣ или слишкомъ мало обращали вниманія на исторію областей, этихъ живыхъ единицъ, составляющихъ вмѣстѣ то цѣлое, которое мы называемъ русскимъ народомъ.

Только въ послѣднія тридцать лѣтъ, въ числѣ ученыхъ трудовъ по русской исторіи, стали появляться изслѣдованія по областной исторіи. Что изученіе этой исторіи очень важно, это едва ли нужно доказывать. Многіе вопросы по общей русской исторіи могутъ остаться для насъ нерѣшенными, если мы ближайшимъ образомъ не ознакомимся съ фактами мѣстной исторіи, археологіи, географіи и этнографіи. Положимъ, что мы захотѣли бы прослѣдить ходъ и развитіе русской гражданственности, отмѣтить ея

слабыя и сильныя стороны,—это сдѣлать было бы трудно, не ознакомившись предварительно съ фактами областной исторіи. Съ этой стороны, мѣстная, областная исторія имѣетъ, если можно такъ выразиться, служебное значеніе для русской исторической науки, имѣющей своимъ предметомъ вообще русское государство и народъ. Но мы осмѣливаемся признавать за русской областной исторической наукой не только это служебное значеніе. Исторія областей, отдѣльныхъ этнографическихъ группъ и территоріальныхъ отдѣловъ земли русской должна быть сама себѣ цѣлью. Областной историкъ можетъ сказать, подобно С. М. Соловьеву, что областная „исторія есть народное самосознаніе“. Кто не согласится съ тѣмъ желаннымъ фактомъ, чтобы каждая область земли Русской знала свое прошлое въ различныхъ отношеніяхъ, чтобы она сознательно исполняла свою историческую миссію въ предѣлахъ, отведенныхъ ей судьбой! Но это и значитъ содѣйствовать развитію народно-областнаго самосознанія, которое, напримѣръ, въ Сибири обнаруживается еще въ слабой степени.

Русскія области не могутъ похвалиться обиліемъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ ихъ прошлой жизни. Сибирь сравнительно съ другими областями Россіи, пожалуй, еще занимаетъ болѣе выгодное мѣсто въ этомъ отношеніи. Сибирская исторія стала служить предметомъ научной разработки почти въ самомъ первомъ періодѣ возникновенія и развитія русской исторической науки, и затѣмъ въ послѣдующее время, всетаки, появлялись болѣе или менѣе замѣчательныя статьи и сочиненія по исторіи Сибири. Изъ предлагаемаго нами краткаго очерка историческихъ сочиненій о Сибири можно видѣть, что исторія Сибири не совсѣмъ обижена вниманіемъ ученыхъ и писателей.

Незабвенный „отецъ“ русской исторіи Г. Ф. Миллеръ (1705—1783) есть въ то же время „отецъ“ и сибирской исторіи. „Исторія Сибирскаго царства“ Миллера составляетъ краеугольный камень въ зданіи сибирской исторической науки. Это сочиненіе отличается подробностію въ изложеніи событій исторіи Сибири и заключаетъ въ себѣ много цѣликомъ напечатанныхъ грамотъ и другихъ документовъ. Неутомимый собиратель, строгій и точный въ своихъ ученыхъ работахъ, Миллеръ, по характеристикѣ его, сдѣланной К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, былъ настоящимъ отцомъ русской исторической науки, которая до сихъ поръ еще не исчерпала всего богатства собраннаго имъ матеріала; акты, собранные имъ въ его сибирскую экспедицію (1733—1743), все еще печатаются въ изданіяхъ археографической коммиссіи. Онъ первый началъ изданіе, знакомящее иностранцевъ съ Русскою землей и ея исторіей (Sammlung russischer Geschichte); онъ же началъ и русскій журналъ, имѣющій подобную же цѣль для самихъ русскихъ („Ежемѣс. Сочин.“ и „Нов. Ежемѣс. Сочин.“); издалъ много памятниковъ и сочиненій русскихъ ученыхъ; помогалъ своими трудами и знаніями другимъ; приводилъ въ порядокъ архивъ ино-

странныхъ дѣлъ коллегіи въ Москвѣ; наконецъ, показалъ опытъ обработки многихъ вопросовъ русской исторіи. Какую обильную жатву для сибирской исторической науки собралъ Миллеръ во время такъ называемой большой сибирской экспедиціи, объ этомъ свидѣтельствуютъ присылавшіеся тогда отъ него въ сенатъ и академію наукъ рапорты, а также масса рукописнаго матеріала, вывезеннаго имъ изъ Сибири, незначительную часть коего онъ успѣлъ при жизни обработать и издать въ свѣтъ, а значительнѣйшая часть его до сихъ поръ составляетъ достояніе Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ велъ обстоятельнѣйшія записки своего путешествія, собирая въ то же время свѣдѣнія по исторіи, географіи и статистикѣ посѣщаемыхъ имъ мѣстностей; пересмотрѣлъ и привелъ въ порядокъ архивы почти во всѣхъ значительныхъ сибирскихъ городахъ, и особенно въ Чердыни, вездѣ все важное списывая при этомъ, отчего однѣхъ этихъ выписокъ составилось у него болѣе 40 толстыхъ книгъ въ листъ; дѣлалъ снимки съ различныхъ остатковъ древностей, а также собиралъ и этнографическія данныя о сибирскихъ инородцахъ; составилъ отчасти самъ географическія карты разныхъ мѣстностей Сибири, и за всѣмъ тѣмъ онъ еще завѣдывалъ канцелярскою и секретарскою частію путешествующаго академическаго общества и находилъ время помогать Гмелину въ собираніи естественно-историческихъ предметовъ. Изъ указателя сибирскимъ рукописямъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, составленнаго Пуцилло, видно, что самые обильные матеріалы находятся въ бумагахъ Миллера, пріобрѣтенныхъ у него Екатериной Великой и подаренныхъ архиву. Затѣмъ коллега Миллера по академіи, хотя и недружно съ нимъ жившій, академикъ Фишеръ (1697—1771) написалъ „Сибирскую Исторію", которая составлена имъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Миллеромъ. „Сибирская Исторія" Фишера издана уже по смерти автора и на нѣмецкомъ языкѣ въ 1768 г. (на русскомъ языкѣ въ 1774 г.). Іоаннъ Эбергардъ Фишеръ въ 1738 году заключилъ съ академіею наукъ условіе для ученаго путешествія по Сибири вмѣстѣ съ другими академиками, участвовавшими въ большой сибирской экспедиціи, и, отправившись въ 1739 г., пробылъ здѣсь до 1747 года. Свою сибирскую исторію онъ писалъ въ соперничество Миллеру, почему и встрѣчаются у этихъ ученыхъ противорѣчія, а также замѣтно у Фишера подробное изложеніе того, что у Миллера кратко изложено, и наоборотъ— сокращенная передача Миллеровыхъ подробностей; такимъ образомъ исторіи Миллера и Фишера взаимно дополняются. Нельзя не упомянуть о заслугахъ для науки сибирской исторіи академика Лерберга (1770—1813), обнаружившаго въ немногихъ своихъ статьяхъ выдающійся критическій талантъ. Изъ его трудовъ для исторіи Сибири важна монографія о древней землѣ Югорской. Г. И. Спасскій изданіемъ своихъ журналовъ значительно содѣйствовалъ разработкѣ исторіи и археологіи Сибири. Спасскій издавалъ ученые журналы: „Сибирскій Вѣстникъ" (1818—1825) и „Азіатскій

Вѣстникъ" (1825—1828). Іоганнъ Георгъ Гмелинъ († 1755 г.), участникъ большой сибирской экспедиціи 1733 года и слѣдующихъ годовъ, потомъ профессоръ Тюбингенскаго университета, составилъ, между прочимъ, „Записки путешествія по Сибири", изданныя на нѣмецкомъ языкѣ въ Геттингенѣ въ 1751 году. Въ этихъ „Запискахъ" попадается много интересныхъ замѣчаній о состояніи современной Гмелину Сибири, а также встрѣчаются свѣдѣнія о Сибири этнографическаго, археологическаго и историческаго характера. С. П. Крашенинниковъ († 1755 г.) былъ отправленъ въ 1733 году вмѣстѣ съ другими участниками академической экспедиціи въ Сибирь. Онъ сначала занимался изученіемъ ботаники подъ руководствомъ Гмелина и былъ посылаемъ имъ въ разныя стороны, для естественно-историческихъ и географическихъ описаній, куда самъ Гмелинъ не успѣвалъ заѣзжать. Въ 1736 году, онъ былъ напередъ отправленъ въ Камчатку, для нѣкоторыхъ приготовленій, а такъ какъ послѣ сами академики не пожелали ѣхать туда, то ему было поручено всестороннее описаніе этого полуострова вмѣстѣ съ Штеллеромъ, присланнымъ въ 1738 году. Порученіе это было выполнено блистательно. Имъ составлено описаніе Камчатки, въ двухъ частяхъ, которое, впрочемъ, онъ не успѣлъ издать при жизни своей, а издалъ его Миллеръ въ 1755 году. Академикъ Фалькъ († 1774 г., въ Казани), печально закончившій свое существованіе (застрѣлился), былъ отправленъ въ 1768 году съ академикомъ Георги и со студентами Быковымъ, Кашкаровымъ и Лебедевымъ для описанія восточныхъ губерній и совмѣстно съ Георги занимался этнографическими изслѣдованіями и особенно изучалъ бытъ и нравы киргизовъ. Но вскорѣ, вслѣдствіе душевной болѣзни, принужденъ былъ прекратить свое путешествіе и остановиться въ Казани, гдѣ онъ и покончилъ съ собою, въ припадкѣ умопомѣшательства. Путевыя его записки обработаны Георги и Лаксманомъ и изданы академіею наукъ въ 1785—1786 гг. А. Н. Радищевъ (1749—1802), находясь въ Сибири, въ ссылкѣ, и живя въ Илимскомъ острогѣ, началъ между другими своими сочиненіями также „Исторію покоренія Сибири" и историческую повѣсть „Ермакъ", которыя были потомъ окончены, по возвращеніи въ Россію, и напечатаны. Петръ Симонъ Палласъ († 1811 г.) значительную часть своего путешествія по восточнымъ провинціямъ Россіи посвятилъ изслѣдованію Сибири и издалъ извѣстное, богатое многими научными данными, „Описаніе Путешествій" въ 3-хъ томахъ (5 ч.). Палласу же было поручено изданіе путешествій Гмелина и Гильденштедта, которые, за смертію своею, не успѣли этого сдѣлать. Упомянемъ о трудахъ бывшихъ сибирскихъ губернаторовъ — Корнилова „Замѣчанія о Сибири" (Спб., 1828), Степанова—„Описаніе Енисейской губерніи" (2 т.), Пестова—„Записки объ Енисейской губерніи" и Семивскаго— „Описаніе Восточной Сибири".

П. А. Словцовъ посвятилъ разработкѣ сибирской исторіи послѣдніе годы своей жизни (13 лѣтъ) и написалъ „Историческое

Обозрѣніе Сибири" (2 тома). Сочиненіе Словцова по исторіи Сибири составляетъ эпоху въ сибирской исторической наукѣ. Въ „Историческомъ Обозрѣніи Сибири" въ первый разъ въ художественной формѣ и согласно съ научными требованіями была передана повѣсть о прошлыхъ судьбахъ Сибирской окраины. Словцовъ принадлежитъ къ типу историковъ—художниковъ, труды которыхъ составляютъ desideratum развитія всякой исторической науки. Словцова, съ этой точки зрѣнія, можно назвать сибирскимъ Карамзинымъ, хотя послѣднему онъ значительно уступаетъ въ эрудиціи; это, однако, много зависѣло отъ условій, среди которыхъ Словцову приходилось писать свой трудъ. Словцовъ занимался своимъ сочиненіемъ, живя въ Сибири; поэтому онъ не могъ пользоваться всѣми нужными ему пособіями. „Получая книги изъ столицъ, для мелочныхъ иногда справокъ, чрезъ полгода и болѣе, я нерѣдко винилъ себя за предпріятіе историческое", — такъ заявлялъ самъ Словцовъ („Историческое Обозрѣніе Сибири", т. I, стр. XIII).

Замѣтимъ, что въ 1854 году издано „Статистическое Обозрѣніе Сибири", составленное Гагемейстеромъ — первое систематическое описаніе Сибири (Спб., въ 3 тт.). П. Небольсинъ, какъ извѣстно, написалъ сочиненіе „Покореніе Сибири", обратившее на себя вниманіе нѣкоторыми оригинальными воззрѣніями. Талантливый А. П. Щаповъ, въ позднѣйшую пору своей ученой и публицистической дѣятельности, также посвятилъ Сибири нѣсколько интересныхъ и, безъ сомнѣнія, достойныхъ вниманія статей историческаго и антропо-этнологическаго характера, печатавшихся преимущественно въ изданіяхъ восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества. По исторіи колонизаціи Восточной Россіи, въ частности Сибири, написанъ прекрасный трудъ профессоромъ Н. А. Ѳирсовымъ — „Инородческое населеніе Россіи и ея колонизація до 1762 года (2 кн., 1866 и 1870 гг.). Слѣдуетъ помнить также о трудахъ по этнографіи и исторіи Сибири князя Н. Кострова (напр., „Юридическіе обычаи крестьянъ Томской губерніи", изд. въ 1876 г. въ Томскѣ, и другіе его труды), о изслѣдованіяхъ въ томъ же родѣ Абрамова („Березовскій край", „Гора Алафейская" и проч.) и, наконецъ, о статьяхъ по церковной исторіи Сибири протоіерея Сулоцкаго. Трудъ В. И. Вагина о дѣятельности Сперанскаго въ Сибири составляетъ капитальное пріобрѣтеніе не только для сибирской исторической науки, но и вообще для русской, по своей точной и строго научной разработкѣ не только печатнаго, но и архивнаго матеріала. Г. Н. Потанинъ далъ сибирской исторической наукѣ прекрасно классифицированное собраніе историческихъ актовъ, напечатанныхъ въ изданіяхъ московскаго Общества исторіи и древностей; онъ же, совмѣстно съ почтеннымъ географомъ П. П. Семеновымъ, составилъ извѣстное географическое описаніе сибирскаго Алтая, какъ дополненіе къ сочиненію К. Риттера „Землевѣдѣніе Азіи". Очерки по исторіи Сибири — Шашкова, изданные въ собраніи его сочиненій, занима-

ютъ видное мѣсто въ исторической литературѣ Сибири, и отличаются живымъ изложеніемъ. Взаключеніе изъ позднѣйшихъ историческихъ и статистическихъ трудовъ о Сибири, мы должны указать на трудъ Н. М. Ядринцева, „Сибирь какъ колонія“, затѣмъ на „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“. Послѣднее сочиненіе написано Л. Н. Майковымъ и Раевскимъ, а издано хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, отмѣтимъ томъ XI „Живописной Россіи“ со статьями о Сибири Семенова, Потанина, Ядринцева, Полякова, Адріанова, Радлова, Мушкетова и др.

Теперь намъ остается сказать о трудѣ Щеглова, по поводу котораго мы сдѣлали небольшую экскурсію въ область библіографіи сибирской исторической науки.

Авторъ „Хронологическаго перечня событій Сибири“, теперь покойный И. В. Щегловъ, въ послѣсловіи къ своему труду говоритъ, что онъ главнѣйшею цѣлью имѣлъ составить такой сводъ историческихъ данныхъ о Сибири, который могъ бы служить справочною книгою о прошломъ этой страны, начиная съ перваго занесеннаго въ наши лѣтописи извѣстія о столкновеніи новгородцевъ съ Югрою, предками нынѣшнихъ остяковъ, и кончая временемъ празднованія сибирскаго 300-лѣтняго юбилея. Raison d'être такой работы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Сибирская историческая наука, какъ мы уже замѣтили, не достигла еще той степени научной разработки, чтобы всякій изслѣдователь, желающій работать въ этой области и написать отдѣльную монографію по какому либо вопросу, смѣло могъ взяться за свое дѣло. Нѣтъ, сибирскому историку предстоитъ напередъ еще разобраться съ историческимъ матеріаломъ и совершить рядъ работъ подготовительныхъ, въ родѣ „Хронологическаго перечня“ Щеглова. Авторъ „Перечня“ основательно замѣтилъ въ своемъ послѣсловіи, что, благодаря отсутствію монографій по различнымъ вопросамъ сибирской исторіи, чрезвычайно трудно оріентироваться, напримѣръ, даже въ такой основной части сибирской исторической науки, какъ хронологическія показанія по отношенію къ древнему періоду ея, и даже относительно временъ болѣе близкихъ къ намъ. Такъ существуютъ разнорѣчивыя даты о началѣ похода Ермака (въ 1581 г. 1-го сентября по Строган. лѣт. и въ 1578 г. 26-го сентября по Ремез. лѣт.). Еще болѣе встрѣчается противорѣчивыхъ показаній въ хронологическихъ датахъ объ основаніи сибирскихъ городовъ и учебныхъ заведеній. Конечно, разобраться въ такой путаницѣ,—говоритъ Щегловъ,—было бы легче, если бы мы имѣли обстоятельныя монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ сибирской исторіи, въ которыхъ хронологическія показанія были бы надлежащимъ образомъ критически провѣрены (такъ, напр., хронологическія данныя объ основаніи городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ; желательны отдѣльныя монографіи по исторіи церкви, гражданскаго управленія, развитія просвѣщенія и т. д.). Но такихъ систематизированныхъ, сводныхъ по отдѣльнымъ вопро-

самъ монографій мы еще не имѣемъ, и вотъ тѣмъ скромнымъ труженикамъ, которые извѣстны подъ названіемъ мѣстныхъ изслѣдователей, приходится испытывать неодолимыя препятствія, когда имъ нужно навести даже ничтожныя справки. Авторъ также высказываетъ сожалѣніе, что при работѣ въ провинціи ему приходилось испытывать неудобство въ справкахъ по источникамъ, которые не всегда могли оказаться къ услугамъ этого изслѣдователя, жившаго въ Сибири. Поэтому ему приходилось даже отказываться отъ занесенія въ „Перечень" нѣкоторыхъ фактовъ, за невозможностію провѣрить ихъ хронологическія даты.

Въ „Перечнѣ" наиболѣе подробно изложены факты о Сибири XIX столѣтія, такъ что для первыхъ двухъ слишкомъ столѣтій въ книгѣ отведено мѣста немного менѣе половины всего числа страницъ сочиненія (344 стр. изъ 755), а неполному еще XIX столѣтію посвящена другая большая половина книги (400 стр.). Однако, въ концѣ концовъ выходитъ, что хронологическія показанія объ исторіи Сибири XIX вѣка не отличаются полнотой. Напрасно также авторъ думалъ, что излишне приводить съ подробностями факты о древней Сибири, въ виду того, что по этому періоду сибирской исторіи есть труды Миллера, Фишера и Словцова. Не говоря уже о томъ, что свѣдѣнія этихъ историковъ требуютъ критической провѣрки, такъ какъ труды ихъ писались давно и не при томъ богатствѣ источниковъ, какое имѣется теперь,—нужно еще принять во вниманіе то, что подобныя книги или очень рѣдки въ продажѣ, или же не имѣютъ полнаго отдѣльнаго изданія, какъ сочиненія Миллера.

Нѣкоторые, правда, немногіе факты оставлены авторомъ безъ ссылокъ на источники, откуда онъ сдѣлалъ заимствованія, въ большинствѣ же случаевъ есть ссылки. И это произошло по слѣдующей причинѣ. Сначала „Перечень" составлялся безъ указаній на источники, но затѣмъ авторомъ, по совѣту извѣстнаго профессора Е. Е. Замысловскаго, этотъ пробѣлъ былъ восполненъ, хотя не совсѣмъ, такъ какъ; при вставкѣ ссылокъ, автору пришлось провѣрять всю работу снова, но при этомъ онъ не могъ, по обстоятельствамъ, вторично пользоваться нѣкоторыми малодоступными сочиненіями. Въ концѣ книги приложенъ списокъ источниковъ и пособій, которыми пользовался составитель книги.

Заканчивая нашу рѣчь о трудѣ И. В. Щеглова, мы вообще должны, замѣтить что этотъ трудъ составляетъ необходимое пособіе для всякаго занимающагося сибирской исторіей, въ особенности же для начинающаго, такъ какъ книга Щеглова вводитъ въ кругъ источниковъ и помогаетъ оріентироваться среди массы повсюду разбросаннаго и почти нисколько не систематизированнаго матеріала для исторія Сибири. Отъ души желаемъ, чтобы интересъ къ изученію сибирской исторіи, послѣ долгаго перерыва, по иниціативѣ покойнаго Щеглова, не замеръ среди сибиряковъ. Исторія эта требуетъ обновленія и новой энергической работы, къ которой время призываетъ образованныхъ сибиряковъ филологовъ-

*

историковъ. Трудъ И. В. Щеглова явится важнымъ подспорьемъ въ этой работѣ.

Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. Спб. 1884.

Сибирская историко-географическая литература день отъ дня обогащается вкладами, въ видѣ изданія различныхъ памятниковъ старины, къ каковымъ принадлежитъ и сочиненіе, заглавіе котораго выписано нами въ началѣ этой статьи. „Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ“,—какъ говоритъ г. издатель, Л. Н. Майковъ, въ своемъ предисловіи къ изданному памятнику, — напечатано по старѣйшей рукописи этого сочиненія, которая принадлежитъ тобольскому каѳедральному собору и была доставлена въ С.-Петербургъ по ходатайству Императорскаго русскаго географическаго Общества.

Свѣдѣній объ авторѣ „Краткаго описанія“, Григоріи Новицкомъ, по словамъ г. Майкова, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ самаго его сочиненія. Языкъ „Описанія“, манера изложенія, а равно и фамилія автора, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ малороссіяниңъ, по всей вѣроятности—питомецъ кіевско-могилеанской коллегіи. Изъ предисловія къ „Описанію“ видно, что онъ попалъ въ Сибирь неволею: „Узришь, яко странникъ бѣдствующій и пришлецъ, его же не желаніе любопытства, ниже о всякихъ вещехъ искателство виденія въведе сѣмо, но брани смущенія междоусобныя и временъ злоключеніе предаша неволи“. По дѣламъ тобольскаго консисторскаго архива Н. А. Абрамовъ доискался, что ссылка Новицкаго, вмѣстѣ съ другими 15-ю лицами, относится къ 1712 году. Въ бытность свою въ Сибири, Григорій Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора князя Михаила Петровича Гагарина и митрополита Филоѳея; послѣдняго онъ сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ; эти-то поѣздки и подали Новицкому поводъ къ сочиненію „Описанія“ въ 1715 году. Изъ разсмотрѣнныхъ Абрамовымъ дѣлъ консисторскаго архива обнаруживается, что при преемникѣ Филоѳея, митрополитѣ Антоніи (Стаховскомъ), Новицкій назначенъ былъ въ Кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещеными остяками христіанскихъ обязанностей и тамъ впослѣдствіи убитъ вмѣстѣ съ священникомъ Сентяшевымъ *). Случилось это уже послѣ 1720 года, когда скончался Филоѳей.

Изъ сочиненія Новицкаго, которое, къ сожалѣнію, осталось неоконченнымъ, обнаруживается, что авторъ его обладалъ замѣ-

*) Временникъ Общ. ист. и древн. при Моск. унив., кн. XX, статья Абрамова о сибирскомъ митрополитѣ Филоѳеѣ Лещинскомъ, стр. 3, примѣч. (указаніе Л. Н. Майкова).

чательнымъ по своему времени образованіемъ. Ссылки Новицкаго на Овидія свидѣтельствуютъ, что онъ зналъ полатыни и читалъ римскихъ поэтовъ; свѣдѣнія же по исторіи Сибири, приводимыя имъ въ §§ 6—9 главы 1-й „Описанія", показываютъ, что онъ ознакомился съ прошлыми судьбами Сибирскаго края изъ сибирской лѣтописи Саввы Есипова.

Новицкій посвятилъ свой трудъ сибирскому губернатору князю Михаилу Петровичу Гагарину. Посвященіе это, предпосланное авторомъ своему труду, загромождено, по обычаю того времени, цвѣтами реторики, но, всетаки, и тутъ встрѣчаются нѣкоторыя характерныя черты для самого писателя и его отношеній къ своему патрону, кн. Гагарину. Говоря о просвѣщеніи христіанствомъ остяцкаго и вогульскаго народа, авторъ пишетъ, что „дивій сей народъ трепетенъ, звѣроподобенъ, страха нетерпѣливъ; бѣгство—обычное спасеніе его есть...". „Но,—продолжаетъ писатель, обращаясь къ своему патрону,—милосердіемъ и милостынею сиятелства вашего толь побѣжденъ, яко свое паче житія возлюбивше остави злочестіе, наставленію же и повелѣнію сиятелства вашего тако повинуся, яко всего себе Божественному предалъ званію" (стр. 5).

Послѣ посвященія въ трудѣ Новицкаго слѣдуетъ „предословіе ко читателю". Тутъ писатель говоритъ, что въ его сочиненіи будутъ разсказаны удивительныя вещи: о народѣ, живущемъ на сѣверѣ, въ климатѣ самомъ суровомъ,—народѣ, ведущемъ „острое и скудное жытіе"; но затѣмъ, какъ бы въ утѣшеніе читателю, авторъ заявляетъ, что не вся Сибирь такъ сурова и негостепріимна, какъ сѣверъ, гдѣ живутъ остяки,—что эта страна изобилуетъ всевозможными естественными богатствами, о чемъ авторъ и скажетъ въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Но за особенное для себя удовольствіе Новицкій считаетъ разсказать читателю пріятную исторію обращенія „тмою идолобѣсія здревле слѣпотствующаго остяцкаго народа" въ христіанство. Однако, писатель дѣлаетъ оговорку: „единое ми толико предстоитъ сумнѣніе, да не буду осужденъ, яко не сладкословникъ, ниже высокимъ хитросплетенныхъ словесъ украшеніемъ изобразихъ сія и всемірному дерзнухъ предать позорищу". Авторъ замѣчаетъ, что читатель не можетъ многаго требовать отъ него, такъ какъ онъ, писатель, пріѣхалъ въ Сибирь не по своей доброй охотѣ, что онъ—человѣкъ, подвергшійся „неволѣ"; кромѣ того, нищета и другія условія мѣшали ему выполнить свою задачу во всемъ ея объемѣ.

„Описаніе" заключаетъ въ себѣ 8 главъ, изъ которыхъ первыя три посвящены Новицкимъ всестороннему этнографическому описанію остяковъ. Мы преимущественно остановимся на содержаніи этихъ главъ, представляющихъ любопытныя данныя для этнографа. Въ 1-й главѣ авторъ сначала опредѣляетъ границы Сибири. Далѣе, говоря о богатствѣ Сибири мѣхами и мамонтовою костью, относительно послѣдней Новицкій, между прочимъ, замѣчаетъ: „...отъ животнаго ли сія суть или отъ внутрности своихъ земля самороднѣ произноситъ, или звѣрей нѣкіихъ морскихъ, зане всегда при бре-

гахъ мора окіяна обрѣтаются,—для различныхъ и прекословныхъ вѣдѣній, своимъ вниманіемъ ничесоже не утверждаемъ...“ (17 стр.). Затѣмъ авторъ упоминаетъ о добываніи желѣза, каменнаго (горнаго) масла, о травѣ звѣробоѣ и о мускусѣ.

При сообщеніи историческихъ свѣдѣній о древней Сибири, Новицкимъ приводится свидѣтельство „древнѣйшаго нѣкоего о семъ государствѣ (т. е. Сибири) списателя“—о народахъ, издавна обитавшихъ въ Сибири (стр. 18—19). О древнихъ правителяхъ въ Сибири онъ сообщаетъ на основаніи „литописцевъ татарскихъ“, извѣстія которыхъ находятся въ сибирскихъ лѣтописяхъ (стр. 19—20). Говоритъ объ основаніи города Сибири и о происхожденіи названія Сибири, о началѣ власти Кучума и, наконецъ, о завоеваніи Сибири Ермакомъ (стр. 22). Эти историческія извѣстія о древней Сибири заимствованы Новицкимъ изъ лѣтописи Саввы Есипова.

Предпославъ въ своемъ трудѣ общія извѣстія о Сибири, Новицкій приступаетъ къ описанію собственно „Остяцкой страны“; при этомъ авторъ заявляетъ: „хотящему же вящше извѣститися (о Сибири) въ особнѣйшыхъ гисторіографахъ да обрящеть, мнѣ же толико повелѣніемъ вышшей власти преодѣленно Остяцкую сію страну извѣстну явити міру“ (стр. 22). Изъ этихъ словъ, какъ кажется, можно заключать, что Новицкій, составляя свое сочиненіе объ остякахъ, выполнялъ повелѣніе, кѣмъ-то данное ему.

Описывая страну остяковъ, авторъ опредѣляетъ ея границы, описываетъ Тазовскую губу, льды, плавающіе въ океанѣ; говоритъ о Новой Землѣ, о промыслахъ тамъ самоѣдовъ и остяковъ, сообщаетъ разнорѣчивые слухи о пребываніи людей на Новой Землѣ. По мнѣнію Новицкаго, остяковъ нельзя считать аборигенами страны, лежащей по нижнему теченію Оби: „здревле бо,—говоритъ онъ,—здѣ внизъ по Оби и всей странѣ жителствоваше народъ Чютцкій“ (стр. 26) Чудь, по словамъ Новицкаго, сама себя истребила, въ силу своихъ нелѣпыхъ религіозныхъ убѣжденій, и частію погибла въ сраженіяхъ съ татарскими князьями, такъ что этотъ народъ совершенно исчезъ, оставивъ только какъ воспоминаніе о себѣ „ровища и курганы“, въ которыхъ современники Новицкаго, мѣстные жители, находили „премного златыхъ сосудовъ и сребра множество и прочая“. Обскіе остяки, по мнѣнію Новицкаго, вышли изъ Пермской земли, уклоняясь отъ христіанской проповѣди св. Стефана. Это мнѣніе авторъ основываетъ на сходствѣ языка нижне—обскихъ остяковъ съ языкомъ пермяковъ. Относительно остяковъ (иртышскихъ и живушихъ вверхъ по Оби), говорящихъ языкомъ, различнымъ отъ пермскаго, Новицкій держится того мнѣнія, что эти остяки измѣнили свой языкъ вслѣдствіе вліянія татаръ, калмыковъ и пѣгой орды, въ сосѣдствѣ съ которыми они жили долгое время. Интересны лингвистическія наблюденія Новицкаго надъ остяками. Онъ нашелъ сходство многихъ остяцкихъ словъ съ латинскими и для примѣра приводитъ „юва“, что, по заявленію Новицкаго, одинаково означаетъ и полатини, и поостяцки „помоги“. О названіи *остяковъ* писатель замѣчаетъ, что этотъ народъ на

своемъ языкѣ называется хондія, или кондія, а страна его—Хондымыхъ. *Остяки* же—названіе русское, означающее или то, что этотъ народъ ушелъ въ Сибирь, какъ остатокъ, „останки" языческаго пермскаго народа (отсюда остяки, „аки бы останки"), или то, что этотъ народъ, питаясь рыбой, выбрасываетъ при этомъ въ большомъ количествѣ „ости рибныя" (кости), каковое обстоятельство русскіе и приняли за характерную черту этого народа, назвавъ его остяками (костяками).

Глава вторая содержитъ свѣдѣнія „о житіи, обыкновеніи гражданства и прочыихъ". Говоря о физической природѣ остяковъ, авторъ даетъ такого рода опредѣленіе: остяки подобны „лицезрѣніемъ красотѣ народомъ европейскимъ... Возрастомъ знаменитыхъ немнози обрѣтаются, но среднѣ возрастомъ; очесъ малыхъ, легкостію знамениты, въ крѣпости славими немнози" (29 стр.). Объ обычаяхъ и нравахъ остяковъ Новицкій замѣчаетъ: „зѣло же простъ и гражданства всякого чуждъ, во всѣхъ своихъ обычаяхъ, наченше отъ первыхъ предѣлъ жытія ихъ". Напримѣръ, надъ родившимся ребенкомъ остякъ никакихъ религіозныхъ обрядовъ не совершаетъ. Даже, чтобы дать имя ребенку, остякъ обращается для этого къ первому встрѣчному русскому; если же никого изъ русскихъ вблизи не находитъ, называетъ свое дитя именемъ перваго попавшагося на глаза изъ окружающихъ предметовъ, какъ-то: птицы, звѣря и т. п. Иногда же остяки называютъ своихъ дѣтей, по времени рожденія, первымъ, вторымъ, третьимъ и т. д. Женщинамъ именъ не даютъ. Женщина, разрѣшающаяся отъ бремени, удаляется въ особое помѣщеніе, гдѣ остается до трехъ недѣль, послѣ чего очищается чрезъ огонь (перескакиваетъ черезъ костеръ) и входитъ въ общее жилище. Остячка послѣ родовъ не страдаетъ: случается, она родитъ даже на пути, во время сильнаго холода; въ такомъ случаѣ ребенка обмываетъ снѣгомъ и кладетъ себѣ „къ грудямъ за одежду" и далѣе продолжаетъ свой путь.

Живутъ остяки разбросанно: одной, двумя юртами, и только вблизи русскихъ городовъ образуютъ селенія. Письменности и какихъ либо учрежденій они не знаютъ. Однако, въ силу „естественнаго закона", живутъ между собою дружно, и преступленія между ними случаются рѣдко. Остякъ, задолжавъ кулаку-богачу, никогда не уклоняется отъ уплаты долга, но, если нужно, даже „жену и чадъ своихъ въ вѣчную заимодавцу передаетъ работу" (стр. 32). Не обладая письменностію, остяки, въ обезпеченіе своихъ обязательствъ въ отношеніи русскихъ заимодавцевъ, вырѣзаютъ у себя разные знаки на рукахъ, ногахъ и щекахъ. Женщины для украшенія на рукахъ дѣлаютъ также разныя изображенія птицъ, звѣрей.

Главное занятіе остяковъ — охота на разныхъ звѣрей, птицъ и ловъ рыбы. Въ этихъ промыслахъ они очень искусны. Наиболѣе же остяки занимаются рыболовствомъ и питаются преимущественно рыбой, которую на зиму запасаютъ въ большомъ количествѣ. Рыбу ѣдятъ они сушеную, „поземы", пьютъ рыбій жиръ, ѣдятъ „варку", т. е. внутренности рыбъ, сваренныя съ большимъ коли-

чествомъ рыбьяго жира. О послѣднемъ кушаньѣ (варкѣ) Новицкій замѣчаетъ: „аще самой смрадъ ястія сего далече отъ себе всякаго обращаеть, обаче имъ обыкшымъ сладко, прыятно есть". Остяки также любятъ есть только что пойманную живую рыбу. Сказавъ нѣсколько словъ о птицеловствѣ и звѣроловствѣ остяковъ, авторъ сообщаетъ, что остяки употребляютъ китайскій табакъ (шаръ); остякъ, глотая въ себя черезъ воду дымъ, „весь трепеща трасеться, бледнѣеть; иногда падаеть аки нейстовствомъ и черною пораженъ немощію, донелиже прійде въ себе" (стр. 36). Далѣе говорится объ устройствѣ и обстановкѣ жилищъ остяковъ. Остяки имѣютъ оленей и собакъ, тѣхъ и другихъ употребляютъ для ѣзды; авторъ описываетъ устройство нартъ.

Изъ крапивы остяки выдѣлываютъ пологи и холстъ. Одежду остяки приготовляютъ изъ рыбьей кожи (преимущественно налима, отчасти осетра, стерляди), шьютъ себѣ шубы изъ оленьихъ шкуръ, но другимъ иногда „въ налимьемъ кажанѣ" приходится отправляться на звѣриный промыслъ (соболь, черная лисица, горностай, бѣлка), даже среди невыносимаго холода. Остяки также дѣлаютъ одежду изъ шкурокъ птицъ. Остяки же и особенно остячки шьютъ себѣ суконную одежду („червленую"), съ разными причудливыми узорами.

Владѣтельныхъ князей среди остяковъ, во время Новицкаго, уже не было. Князьки назначались русскимъ правительствомъ (напримѣръ, сосвинскій, ляпинскій). Обязанности князьковъ были: „дани отъ себе надлежащыя и отъ поручныхъ своихъ собрать, принесть въ городъ комендантомъ и отдать въ казну Царскаго Величества. Судовъ же главныхъ никакихъ промежду собою не судять, но властію комендантовъ, до какого присуду какова волость приналежыть, судъ и разправу окончеваютъ; и дани отъ нихъ, яже они своимъ языкомъ ясакъ нарыцаютъ, аще ли замедлятъ, наказаніемъ и жестокостію исправляютъ" (40 и 41 стран.). Новицкій отмѣчаетъ громадную цѣнность остяцкаго ясака для Русскаго государства. О размѣрѣ ясака, наложеннаго на остяковъ, авторъ говоритъ: „яже внизъ по Оби, сіи обложены вся, кто лукомъ промышляеть, въ единъ соболь знаменитый въ именіи: по тры соболя въ годъ, соболь же поставленъ цѣною по семи гривенъ. Се же сего ради, аще не получитъ соболя, или не похощеть соболемъ дати, то въ колико соболяхъ обложенъ, толико по семи грывенъ въ казну Царскаго Величества долженъ отдать; бываетъ же иногда благополучна цѣлая волость, что единою черною лисицею, яже нѣцыи марморкою нарыцаютъ, всю свою должность выплатити можеть: суть бо сіи яко безмѣрной красоты, тако и дражайшей цѣны, во сто рублевъ, трехъ сотъ и вящше..." (стр. 41). Затѣмъ объ остякахъ осѣдлыхъ Новицкій говоритъ: „Суть же нѣцыи на хлѣбородной земли, наипаче около Тоболска, сіи вящъше обложени: всякъ, кто своимъ домомъ, по два и по тры рубля обложенъ въ годъ, зане оныи и отъ плодовъ земли собираютъ имѣніе, и скотомъ полны, на звѣрь и на рыбу доволны" (стр. 42).

Новицкій передаетъ общеизвѣстныя свѣдѣнія о заключеніи браковъ у остяковъ. Далѣе говоритъ о проказѣ, отъ которой остяки страшно страдаютъ и для излеченія которой никакихъ мѣръ не принимаютъ. По словамъ Новицкаго, остяки теперь отъ нужды и болѣзней сдѣлались физически слабыми, неспособными къ воинскому дѣлу, но въ старину, судя по остаткамъ у нихъ древняго оружія, они были воинственны. Послѣднее онъ доказываетъ также ссылкою на сибирскую лѣтопись, гдѣ разсказывается о сраженіяхъ остяковъ съ воеводою Иваномъ Мансуровымъ.

Въ третьей главѣ своего труда Новицкій разсказываетъ „О злочестіи идолопоклоненія". Остяки боготворятъ птицъ (лебедя, гуся), звѣрей (особенно медвѣдя), иногда же—„нѣкія лежащія въ зыбкахъ древища, повитыя кожею, сукномъ и холстомъ, посреди же часть стекла зерцалнаго уложено..." (стр. 47). Авторъ замѣчаетъ, что жрецы остяковъ, „по ихъ нарѣчію, шаманчыки", изъ желанія поживиться на счетъ этого дикаго народа, изобрѣтаютъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, новыхъ боговъ, которымъ остяки щедро несутъ дары; изъ послѣднихъ же львиная доля достается жрецамъ. Никакой жреческой іерархіи у остяковъ нѣтъ, но всякій желающій и способный къ отправленію несложныхъ шаманскихъ обязанностей самъ собою дѣлается жрецомъ. Только при главныхъ идолахъ (кумирахъ) бываютъ опредѣленныя, почетныя должности жрецовъ. Затѣмъ Новицкій описываетъ способъ, какъ шаманы даютъ остякамъ предсказанія, напримѣръ, о рыбномъ и звѣриномъ промыслѣ. Остяки приносятъ своимъ идоламъ въ жертву, кромѣ оленей, холсты, сукна, кожи звѣрей, рыбъ. Всѣмъ этимъ истуканы обвиваются, и отсюда происходитъ то, что идолы „толико сими странными рубищы утолстѣваютъ, яко въ пятидесяти аршинъ толщиною бываютъ; древа же самаго изсѣченнаго не вящше поларшына; весь же разшыренъ искони приношеніемъ тѣхъ утварей, ими же повиваютъ" (стр. 50). Иногда изъ особой благодарности за успѣхъ въ какомъ либо дѣлѣ остяки „снабдѣваютъ идола одеждою червленою" (стр. 50). Если же просимыхъ благъ отъ идола не получатъ, то „его низрынуть въ безчестное мѣстце со всякимъ ругателствомъ; послѣди же паки вводять въ первое чести достояніе" (стр. 50). Новицкій довольно подробно сообщаетъ о жертвоприношеніяхъ скота у остяковъ. Остяки, по словамъ писателя, любятъ приносить жертвы, что для нихъ представляетъ своего рода пиршество. Новицкій замѣчаетъ, что „симъ частымъ жертвъ приношеніемъ въ премногую внійдоша нищету и крайное разореніе, яко чадъ и женъ своихъ продаютъ заимодавцемъ своимъ въ работу" (стр. 52). Далѣе авторъ описываетъ почитаніе остяками медвѣдя и принесеніе клятвы надъ шкурою этого звѣря. Пенатовъ, т. е. домашнихъ божковъ, остяки не особенно почитаютъ; главнымъ же образомъ чтутъ трехъ издревле прославленныхъ идоловъ: Старика Обскаго, Гуся и идола Кондійскаго. Первый богъ есть богъ рыбъ. Изображеніе его было таково: „дска нѣкая, носъ аки труба жестяны, очеса стекляны, роги на главѣ малые,

покритъ различными рубищы, сверхъ одѣянъ червленною одеждою зъ золотою грудью. Оружіе—лукъ, стрѣлы, копіе, панцеры и иная — около его бяху положенна" (стр. 56). Кумирни этого бога находились одна при устьѣ Иртыша, недалеко отъ Самарова городка, и другая, по неопредѣленному указанію Новицкаго, гдѣ-то „при великой рыки Оби". Въ этихъ двухъ мѣстахъ изображеніе Обскаго Старика находилось попеременно по три года. Гусь, богъ птицъ водяныхъ, представлялся въ видѣ мѣднаго изваянія гуся; пребываніе имѣлъ въ Бѣлогорскихъ юртахъ, при рѣкѣ Оби. Въ кумирнѣ для этого бога-птицы находилось гнѣздо, сплетенное изъ сукна, холста, кожи. Наконецъ, Кондійскій идолъ имѣлъ сначала пребываніе вмѣстѣ съ Гусемъ въ кумирнѣ также въ Бѣлогорскихъ юртахъ. Но потомъ, когда среди остяковъ на Оби появились православные миссіонеры, этотъ идолъ остяками былъ переданъ вогуламъ на Конду, отчего и получилъ названіе Кондійскаго. „Сего ради, говоритъ Новицкій, и не получыхомъ видѣти и извѣстно описать о безстудномъ изображеніи его" (стр. 59), другіе же идолы Новицкій, какъ надо думать, видѣлъ и описалъ, какъ очевидецъ.

Въ послѣднихъ пяти главахъ (IV-VIII) своего сочиненія Новицкій разсказываетъ о христіанско-просвѣтительной дѣятельности Филоѳея Лещинскаго среди остяковъ и вогуловъ.

О значеніи сочиненія Григорія Новицкаго, какъ источника для этнографа и историка, можемъ замѣтить слѣдующее. Хотя географическія описанія Сибири и области остяковъ не отличаются у Новицкаго такою полнотою, какую мы можемъ найдти, напримѣръ, въ „Чертежной книгѣ Сибири" Ремезова или въ „Путешествіи чрезъ Сибирь въ Китай" русскаго посланника Николая Спаѳарія, тѣмъ не менѣе, онъ даетъ, всетаки, интересныя указанія относительно тогдашняго сѣвера Сибири. Затѣмъ, историческія свѣдѣнія о древней Сибири, приводимыя Новицкимъ, суть извлеченія, заимствованныя имъ изъ одной сибирской лѣтописи; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ „Описаніе о народѣ Остяцкомъ" не служитъ для ученаго первоисточникомъ. Болѣе всего фактическихъ данныхъ представляетъ Новицкій для изслѣдователя въ этнографическомъ описаніи собственно остяковъ и вогуловъ и въ разсказѣ о миссіонерской дѣятельности Филоѳея. Однако, Новицкій, будучи участникомъ въ просвѣщеніи христіанствомъ остяковъ, относится къ послѣднимъ оригинально: описывая религію и разные обычаи вогуловъ и остяковъ, Новицкій на тѣхъ и другихъ смотритъ со своей миссіонерской точки зрѣнія. Новицкій, описывая „зловѣріе" сѣверныхъ инородцевъ, не скупится на рѣзкія выраженія и опредѣленія, которыми старается какъ можно въ болѣе печальномъ свѣтѣ представить вѣрованія и весь строй жизни остяковъ. Такого рода отношеніе писателя къ язычникамъ заставляетъ насъ небезусловно довѣрять его описанію религіозныхъ и другихъ обычаевъ остяковъ: онъ могъ кое-что и преувеличивать. Къ сожалѣнію, Новицкій, повѣствуя о распространеніи христіанства среди остяковъ, также не упоми-

наетъ о внѣшнихъ мѣрахъ, предпринимавшихся правительствомъ для привлеченія остяковъ къ принятію христіанства, каковы, напримѣръ, были царское повелѣніе разрушать кумирни остяковъ, награжденіе остяковъ кафтанами, прощеніе имъ недоимокъ (объ этомъ говорится въ одной царской грамотѣ бывшему митрополиту сибирскому и тобольскому Филоѳею). Формальное обращеніе остяковъ въ христіанство совершалось главнымъ образомъ вслѣдствіе внѣшнихъ распоряженій и мѣропріятій правительства.

При всемъ этомъ, сочиненіе Григорія Новицкаго—любопытный этнографическій памятникъ. Издатель, по справедливости, сравниваетъ его трудъ съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ, какъ Лафито (Lafiteau) и Шарлевуа (Charlevoix). Въ области этнографіи, это—первый опытъ изученія сибирскихъ племенъ. Не даромъ трудомъ Гр. Новицкаго пользовались многіе изъ позднѣйшихъ бытописателей и историковъ, какъ, напр., Словцовъ, Спасскій, Абрамовъ, Сулоцкій, лѣтописецъ Черепановъ и даже шведъ Мюллеръ, почти цѣликомъ передавшій для иностранцевъ „Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ".

Нельзя не выразить признательности Л. Н. Майкову за изданіе этого новаго этнографическаго памятника.

Записки западно-сибирскаго и восточно-сибирскаго Отдѣловъ Императорскаго русскаго географическаго Общества.

Объемъ сборника вышелъ изъ предѣловъ положенной нами нормы (30 лист.), и мы, въ силу этого, лишены возможности помѣстить обзоръ дѣятельности сибирскихъ Отдѣловъ Императорскаго русскаго географическаго Общества; къ тому же въ данное время пришлось бы остановить этотъ обзоръ на 1883 годѣ, такъ какъ оба отдѣла до сихъ поръ не издали своихъ отчетовъ за минувшій 1884 г. Мы рѣшили дать обзоръ въ осеннихъ №№ „Восточнаго Обозрѣнія", а нынѣ для лицъ, интересующихся научной литературой о Сибири, помѣщаемъ только перечень главнѣйшихъ статей, которыя были напечатаны въ издаваемыхъ западно-сибирскимъ Отдѣломъ „Запискахъ", со дня основанія этого отдѣла, и въ „Извѣстіяхъ восточно-сибирскаго Отдѣла", съ 1881 года.

Записки западно-сибирскаго Отдѣла.

Книжка I. Колдовство и порча у крестьянъ Томской губерніи. Кн. Н. Н. Кострова. — Крестьяне-старожилы Нарымскаго края. Н. П. Григоровскаго. — Путевые очерки Джунгаріи. М. В. Пѣвцова.

Книжка II. Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ. Н. М. Ядринцева. — Зимнее изслѣдованіе нагорнаго берега Иртыша отъ Тобольска до Самарова и сѣверныхъ тундръ между Обскою губою и Сургутомъ. Н. К. Хондажевскаго. — О

пароходствѣ въ Обской губѣ и морской торговлѣ Западной Сибири съ Европой въ 1878—1879 годахъ. Н. Н. Балкашина.

Книжка III. Путевыя записки, веденныя во время поѣздки въ Кокчетавскій уѣздъ Акмолинской области въ 1878 году. И. Я. Словцова. — Изслѣдованіе путей въ Алтайскомъ краѣ. М. А. Брещинскаго. — Торговое движеніе между Западною Сибирью, Средней Азіей и китайскими владѣніями. Н. Н. Балкашина.

Книжка IV. Отчетъ о поѣздкѣ въ 1880 году Н. М. Ядринцева въ горный Алтай, къ Телецкому озеру и вершины Катуни.—Сельскія общины Салаирской волости. Поникаровскаго. — Очерки Нарымскаго края. Григоровскаго. — Промыслы Нарымскаго края. Шостаковича. — Статистическій очеркъ современнаго состоянія горнозаводской промышленности въ Западной Сибири. Маляревскаго.

Книжка V. Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая. М. В. Пѣвцова.

Книжка VI. Озеро Балхашъ и теченіе рѣкъ Или отъ выселка Илійскаго до ея устьевъ. В. Фишера. — Описаніе Васъюганской тундры. Григоровскаго. — Ботаническій очеркъ Тюкалинскаго окр. Тобольской губерніи. В. Лебединскаго.—Флора города Омска и его окрестностей. Килломана и Колоколова.—Астрономическія наблюденія Лазарева для опредѣленія географ. полож. мѣстъ на Алтаѣ, на верхней Бухтармѣ, и барометрическія опредѣленія высотъ въ юго-восточной части Семипалатинской области, обр. Пѣвцовымъ.—

Извѣстія восточно-сибирскаго Отдѣла за 1881 годъ, 3 выпуска.

Замѣтки объ общинномъ бытѣ забайкальскихъ казаковъ III пѣшаго отдѣла. В. И. Вагина. — Предварительный отчетъ о геологическомъ изслѣдованіи береговой полосы озера Байкала за 1880 годъ. И. Д. Черскаго. — Островъ Аскольдъ. М. Янковскаго. — Прибайкальскія древности и слѣды каменнаго вѣка. Н. Н. Агапитова. — Къ вопросу о слѣдахъ древнихъ ледниковъ въ Восточной Сибири. И. Д. Черскаго.

1882 годъ, 2 выпуска.

Отчетъ о раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губерніи на лѣвомъ берегу Ангары. Н. И. Витковскаго.—Геологическая экскурсія на высокое плоскогоріе и берегъ Байкала между устьями рѣки Селенги и Кики. Черскаго. — О народахъ Амурскаго края въ историческо-географическомъ и антропо-этнологическомъ отношеніяхъ (по Шренку). М. Я. Писарева.

1883 годъ, 3 выпуска.

Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири, Иркутской губерніи. Агапитова и Хангалова.—Манжуры, дауры, китайцы

Амурской области. А. И. Назарова.—Путевыя замѣтки изъ поѣздки въ сѣверо-восточную часть Минусинскаго округа. Н. Мартьянова.—Изслѣдованіе древностей Минусинскаго округа и верховьевъ Енисея. Боголюбскаго. — Замѣтки о такъ называемой болѣзни скиѳовъ. Н. А. Гребницкаго. — Дневникъ пути отъ Верхоянска до верховьевъ рѣки Дулгалаха и обратно. Н. С. Горохова. — Старый трактъ отъ Верхоянска на Якутскъ. Его же.—Икоральская сельская община. К. П. Михайлова.

1884 годъ, 2 выпуска (№№ 1, 2, 3 и 4).

Поѣздка въ Монголію. Я. И. Дуброва.—Новый кратчайшій путь отъ городовъ Селенгинска, Троицкосавска и Читы до станціи Боярской на озерѣ Байкалѣ. Е. Путилова.—Шаманство у якутовъ Якутскаго округа. Н. П. Принузова. Разныя извѣстія.

Въ заграничной печати недавно вышли слѣдующія сочиненія. *Aus Sibirien.* Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten; von D-r Wilhelm Radloff. 2 Bd. Leipzig. 1884. Это сводъ дневниковъ, веденныхъ въ Сибири, а также этнографическихъ и археологическихъ изысканій почтеннаго ученаго о тюркскихъ племенахъ Сибири. Это сочиненіе принадлежитъ къ капитальнымъ трудамъ по этнографіи Сибири, такъ какъ В. В. Радловъ первый оріентировался въ языкѣ алтайскихъ племенъ, подраздѣливъ всѣхъ сибирскихъ татаръ на группы. Кромѣ подробнаго географическаго дневника по Алтаю, Саянамъ и другимъ мало изслѣдованнымъ мѣстностямъ, онъ посвящаетъ нѣсколько главъ описанію быта и жизни алтайцевъ, черневыхъ татаръ, соенцевъ, киргизовъ и т. д. Какъ знатокъ языка, онъ знакомитъ съ ихъ народнымъ творчествомъ, поэзіей, религіознымъ культомъ шаманизма. Множество свѣдѣній раскидано у него о занятіяхъ и промыслахъ этихъ племенъ. Затѣмъ во II ч. отведена обширная глава археологическимъ изысканіемъ, могиламъ, памятникамъ и предметамъ, найденнымъ г. Радловымъ при раскопкахъ въ Алтаѣ и другихъ мѣстахъ Сибири. Наконецъ, онъ переходитъ къ исторіи народовъ, обитавшихъ въ Сибири, причемъ извлекаетъ свѣдѣнія изъ драгоцѣнныхъ китайскихъ источниковъ и повѣствованій почти за 200 лѣтъ до Р. Х. Заканчивая свой трудъ описаніемъ Илійскаго края и отчасти Туркестана, почтенный авторъ какъ бы завершаетъ описаніе тюрко-азіатскихъ племенъ. Сочиненіе это, какъ богатый вкладъ для сибирской этнографіи, вполнѣ заслуживаетъ быть переведеннымъ на русскій языкъ. Нѣмецкое изданіе снабжено весьма недурными рисунками видовъ Алтая, рисунками этнографическими и археологическими.

Другою новою книгою является сочиненіе итальянца Стефана Соммье, недавно посѣтившаго Сибирь: *Un estate in Sibiria fra*

Ostiacchi, Samoiedie, Tatari, Kirguisi et Baskiri. Roma. 1885. Объ этой книгѣ Соммье уже появились похвальные отзывы нѣмецкихъ ученыхъ (замѣтки д-ра Эгли въ Цюрихѣ въ Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik. April, 1885). Къ книгѣ Соммье приложены прекрасные рисунки видовъ и типовъ Сибири, а также составлено описаніе племенъ. Въ этой книгѣ находится описаніе Искера и сдѣланныхъ раскопокъ на немъ М. С. Знаменскимъ. Книга Соммье есть талантливое сочиненіе, знакомящее его соотечественниковъ съ неизвѣстнымъ краемъ.

Генрихъ Ланcделль, авторъ англійскаго сочиненія „*Through Siberia*", издалъ новый трудъ, касающійся Средней Азіи; *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv with appendices on the fauna und flora of Russian Turkistan.* Англійскій пасторъ является какъ въ первомъ, такъ и во второмъ сочиненіи просто туристомъ и наполняетъ книги легкими путевыми замѣтками. Онъ вовсе не ученый, никакихъ научныхъ изысканій онъ не дѣлаетъ. Его fauna and flora of Russian Turkistan названіе, поэтому, весьма обманчивое и звучитъ излишней претензіей.

Въ числѣ также недавнихъ сочиненій, мы должны упомянуть о книгѣ Сибома (Henry Seebohm), орнитолога, ѣздившаго на сѣверъ Сибири навстрѣчу Виггенсу и также издавшаго въ Лондонѣ сочиненіе „Siberia in Asia". Книга написана живо, увлекательно, съ прекрасными виньетками; авторъ, рисуя жизнь пернатыхъ, не упустилъ изъ виду всего, что поражало его вниманіе. Кромѣ свѣдѣній о сѣверныхъ племенахъ, авторъ въ видѣ виньетокъ раскидалъ видѣнныя имъ различныя древности и находки въ Енисейской губерніи.

Появленіе европейскихъ путешественниковъ и туристовъ на нашей окраинѣ дѣлается все чаще и чаще. Въ этомъ году выѣхалъ въ Западную и Восточную Сибирь путешественникъ Кенанъ. Все это показываетъ, что жизнь Востока и Сибири становится предметомъ живой любознательности среди цивилизованнаго міра Европы и Америки.

Намъ остается пожелать, чтобы также наши собственныя изслѣдованія и усилія помогли образованному міру узнать нашъ край и послужили на пользу нашего собственнаго просвѣщенія.

КОНЕЦЪ.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОРУДІЯ ПЕРВОБЫТНАГО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Приложеніе къ статьѣ „Начало Осѣдлости“, Н. Ядринцева, стр. II.

Рисунки №№ 1, 2, 3 изображаютъ лопатки для копанія корней дикихъ растеній „*озупъ*“, употребляемыя инородцами въ Алтаѣ и Саянахъ.

Рисунки №№ 4 и 5—древніе озупы, или лопатки, найденныя въ Кайбальской степи (хранятся въ Минусинскомъ музеѣ).

Рисунокъ № 6 a, b и c—древнія бронзовыя копалки, или лопатки, находимыя въ Сибири и Киргизской степи (Атласъ Аспелина, Antiquités Finno-Ougriend. Livr. I, p. 50).

Рисунки №№ 7, 8, 9, 11 и 12—„*обылы*“, или ручныя мотыги алтайскихъ инородцевъ для земледѣлія. № 10—типъ древняго обыла (Атласъ Аспелина, Livr. II, p. 149).

Рисунокъ № 13—„*кетмень*“, или мотыга, употребляемая при земледѣліи въ Туркестанѣ (по Миддендорфу: Очерки Ферганской долины).

Рисунокъ № 14—первобытный плугъ (соха), употребляемый алтайцами. № 15—плугъ сойотскій въ верховьяхъ Енисея. № 16—сошники этого плуга желѣзные. № 17—древній татарскій сошникъ, найденный близь Тобольска.

Рисунокъ № 18—ферганскій „*омачъ*“—плугъ или соха съ желѣзнымъ лемехомъ (по рис. Миддендорфа).

Рисунки №№ 19 и 20—древній чугунный лемехъ, найденный въ Минусинскомъ округѣ, близь сел. Бейскаго (Минусинскій музей).

Рисунокъ № 21—плугъ деревянный племени гальча (рис. Уйфальви).

Рисунокъ № 22—чугунный сошникъ съ чугуннымъ отваломъ, найденный въ Минусинскомъ округѣ, древній.

Рисунки №№ 23 и 24—чугунные отвалы съ китайскими клеймами, найденные здѣсь же (вѣсъ сошника съ отваломъ 17 фунт.) (Минусинскій музей).

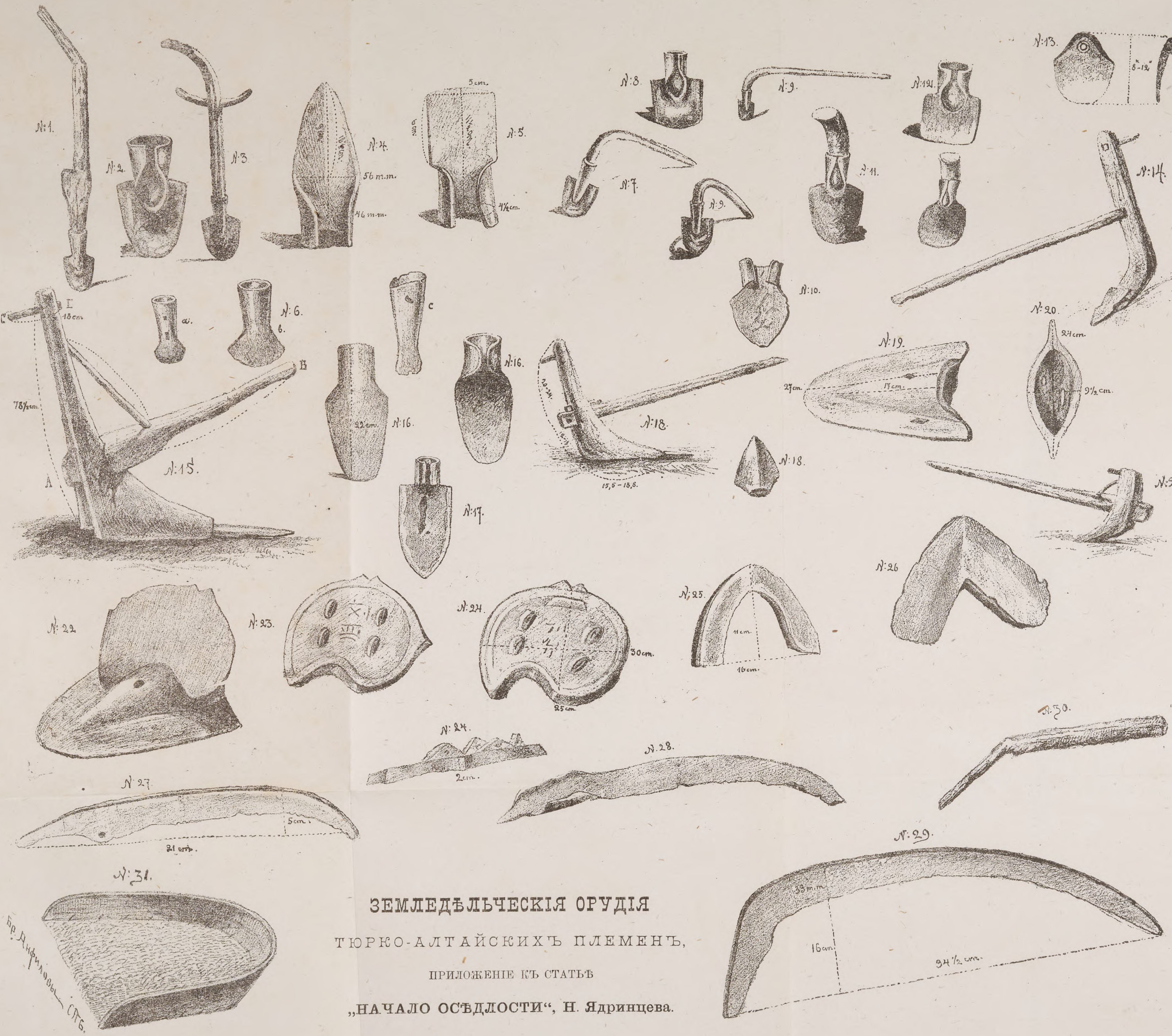
Рисунки №№ 25 и 26—сошники желѣзные, найденные въ Минусинскомъ округѣ (Минусинскій музей).

Рисунки №№ 27, 28 и 29—древніе серпы и горбуши желѣзные, найденные въ Минусинскомъ округѣ.

Рисунокъ № 30 изображаетъ цѣпъ „*токбокъ*“ инородцевъ для молотьбы и № 31 сѣялку.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
156	6 сверху	lilium mathragen	lilium martagon
—	1 снизу	Pyligonum vuiparum	Polygonum viviparum
157	14 »	fogopirum	fagopyrum
166	2 »	Султана Бабура	Султана Бабера
176	5 »	Клипроту	Клапроту
177	15 »	Распредѣленіе Алтая и алтайскихъ племенъ	Распредѣленіе алтайскихъ племенъ
—	12 »	съ историческими	съ топографическими
250	14 сверху	мѵжская	мужская
—	16 »	удовлетверительны	удовлетворительны
262	8 »	и пѣснями.	и пѣснями,
291	16 »	приземистяя	приземистая
380	10 »	Хошаръ	Хамаръ
403	21 »	съ умѣлъ	съумѣлъ
405	10 »	долженъ	должны
419	23 »	мотивы	инстинкты
422	13 снизу	иное	иная
423	8 »	друхъ	двухъ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ ОРУДІЯ

ТЮРКО-АЛТАЙСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ,

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ

„НАЧАЛО ОСѢДЛОСТИ", Н. Ядринцева.

33 Pag

BUCHBINDEREI
HANS HÜTTL
Ottobrunn/Mchn.
Telefon 60 48 88

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Literaturnyj Sbornik

S.-Peterburg 1885

Russ. 269 a

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11888068-5